UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008930 0

Хпа
1858

СОЧИНЕНІЯ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

IX.

IX.

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗДАНІЕ
КНИЖНАГО МАГАЗИНА
Ѳ. И. САЛАЕВА.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Яузской ч., д. Медынцевой.
1878.

№ 187.

PG
3337
O8
1885
t. 9-10

LIBRARY
NOV 5 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

1020084

ТРУДОВОЙ ХЛѢБЪ.

ТРУДОВОЙ ХЛЕБЪ.

ТРУДОВОЙ ХЛѢБЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАХОЛУСТЬЯ, ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Л и ц а:

Іоасафъ Наумычъ Корпѣловъ, лысый, преждевременно состарѣвшійся и сгорбившійся, но всегда улыбающійся человѣкъ. Одѣтъ въ черное длинное сакъ-пальто, застегнутое съ верху до низу. Тонъ, движенія, манеры педантскіе съ примѣсью шутовства.

Наталья Петровна Сизакова, сирота, красивая дѣвушка, лѣтъ 25-ти, племянница Корпѣлова по матери.

Евгенія Львовна, бѣдная дѣвушка, дальняя родня Наташи, однихъ съ ней лѣтъ.

Павелъ Сергѣичъ Грунцовъ, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ университетѣ, ищущій мѣста; не дуренъ собой, съ бородкой; одѣтъ прилично; короткій пиджакъ, красивые хорошо вычищенные сапоги по колѣна; фуражка всегда немного на затылкѣ, въ рукахъ толстая палка. Шагаетъ широко, въ жестахъ развязенъ.

Иванъ Ѳидулычъ Чепуринъ, лавочникъ, хозяинъ дома, въ которомъ живетъ Корпѣловъ. Молодой человѣкъ, косоватъ, рябой; рыжеватая неподстриженная борода клиномъ.—Одѣтъ щеголевато въ сѣренькую одноцвѣтную пару. Держитъ себя скромно и сосредоточенно. Взглядъ, рѣчь и движенія энергичны.

Маланья,—кухарка, лѣтъ за 50, одѣта по русски: (Корпѣловъ зоветъ ее Аглаей).

Бѣдная комната, сосѣдняя съ кухней. Съ правой стороны (отъ зрителей): окно, подъ окномъ небольшой письменный столъ, на немъ разбросаны книги; передъ столомъ стулъ; далѣе, въ углу горка съ книгами. Съ лѣвой стороны, шкафчикъ съ посудой, за нимъ въ углу дверь въ

комнату Наташи. Въ глубинѣ: узкая дверь въ кухню; на право отъ двери тонкая перегородка, у которой, между дверью и горкой, мягкій ситцевый диванъ, служащій постелью Корпѣлову; надъ диваномъ на стѣнѣ виситъ гитара; на лѣво отъ двери до угла бокъ выбѣленной русской печи; у печи деревянная скамейка; на ней: желѣзное ведро, самоваръ и мѣдный подсвѣчникъ. По срединѣ комнаты обѣденный столъ и нѣсколько стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Корпѣловъ (*входитъ усталый, снимаетъ измятую широкополую шляпу и садится у письменнаго стола*).

Корпѣловъ (*со вздохомъ*).

Вотще! (*помолчавъ*) напрасно, такъ сказать, всуе! и безъ денегъ и тощь вспять возвратися. Но мудрый унывать не долженъ,—мудрый всегда найдетъ себѣ усладу въ горести. Обращусь къ живительной влагѣ!.... (*Подходитъ къ шкафу и отворяетъ его*). Сей источникъ радостей..... (*осматривая графинъ*)... изсякъ. (*Громко*) Аглая, Аглая! (*входитъ Маланья*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Корпѣловъ, Маланья.

Корпѣловъ (*показывая графинъ*).

Воззри!

Маланья.

Чего тутъ зрить-то!

Корпѣловъ.

Пусто.

Маланья.

Да чему-жъ и быть-то, коли выпито.

Корпѣловъ.

Самъ Сократъ глаголетъ твоими устами. Выпито! Вижу, что выпито; но кѣмъ?

Маланья.

Да кому-жъ, окромя что самъ. Умереть на мѣстѣ! Пошлешь на пятачекъ, да хочешь чтобы недѣлю велось, что-ли? Кабы ты могъ разсудить правильно, такъ тутъ и на одинъ-то разъ чего! Да мое бабье дѣло, да я.....

Корпѣловъ.

Довольно!

Маланья.

Стало быть, отъ тебя только одна обида, больше ничего не будетъ?

Корпѣловъ.

Аглая, довольно!

Маланья.

Что-жъ напрасно-то! Вотъ лопни утроба.....

Корпѣловъ.

Аглая, Аглая!

Маланья.

Боже мой!

Корпѣловъ. (*громко и затыкая уши*).

Satis!

Маланья.

Только что безпокойство. Тоже хозяева! Чтобъ васъ.... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Корпѣловъ (*одинъ, ставитъ графинъ въ шкафъ*).

Сего утѣшенія лишенъ. Развѣ возбряцать на сей бандурѣ! (*Указывая на гитару*). Но персты мои и сладкій гласъ мой исполнены дрожанія отъ многаго хожденья. Остается усладительница душъ, поэзія. Приди и утоли скорбный духъ мой! (*Беретъ со стола книгу и читаетъ про себя нѣсколько времени*). „Бѣгутъ быстротечные годы“! говоритъ Горацій. Да, дѣйствительно, бѣгутъ проворно; но еще про-

ворнѣй бѣгутъ мѣсяцы, особенно если не чѣмъ платить за квартиру. Горацій этой заботы не зналъ, отъ того и духъ эго парилъ такъ высоко. А если-бъ онъ и зналъ, если-бъ и задолжалъ мѣсяца за два, то не безъ основанія можно полагать, что Меценатъ заплатилъ-бы за него. А я вотъ нонѣшній день, будучи обязанъ имѣть семь съ полтиной, обѣжалъ всѣхъ учениковъ своихъ, пѣшествуя по стогнамъ столицы сѣмо и овамо, отъ сего конца и до онаго и даже до послѣднихъ предѣловъ, спрѣчь до вала камеркалежскаго.... Семи съ полтиной не обрѣлъ, ибо ученики мои бѣднѣе учителя, и се жду со смиреннымъ сердцемъ отъ хозяина поношенія и поруганія. (*Ложится на диванъ и складываетъ руки на груди. Входитъ Грунцовъ, запыхавшись, садится у стола, бросаетъ фуражку и отираетъ со лба потъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Корпѣловъ, Грунцовъ.

Грунцовъ (*едва переводя духъ*).

Здравствуй, domine!

Корпѣловъ.

Здравствуй, юноша! Шагалъ?

Грунцовъ.

Шагалъ.

Корпѣловъ.

Много стадій?

Грунцовъ.

Шесть верстъ за заставу, на дачу. Барченокъ одинъ за лекціи двадцать рублей долженъ.....

Корпѣловъ.

Результатъ?

Грунцовъ.

Nihil. Пристяжную новую покупаетъ, самому нужны. Показывалъ, въ кольцо вьется. Велѣлъ послѣ приходить.

Корпѣловъ.

Male, спрѣчь, не хорошо. Динаріи, юноша, имѣешь?

Грунцовъ.

Нѣтъ, отче!

Корпѣловъ.

Зѣло потребны.

Грунцовъ.

Ты бы, domine, прежде сказалъ. Утру глубоку я забѣгалъ къ ростовщику, къ Мурину, понавѣдаться, что онъ за мой хронометръ дастъ.

Корпѣловъ.

И тебѣ, юноша, сребренники понадобились?

Грунцовъ.

Барышнѣ конфеты проспорилъ, остальныя тебѣ, domine, отдалъ-бы, вотъ и квитъ.

Корпѣловъ.

Ты видно какъ я-же: завелись деньги, такъ маешься, маешься съ ними, тоска возьметъ, точно кандалы тяготятъ,—ходишь, ходишь, по трактирамъ-то газеты читаешь, пока выдутъ всѣ. Ну, тогда полегче станетъ, опять повеселѣешь. А вотъ нужны динаріи, такъ ихъ и нѣтъ.

Грунцовъ.

Какая у насъ нужда, domine! Вотъ я нынче видѣлъ нужду-то! Прихожу я къ Мурину, отъ него выходитъ молоденькій франтикъ, въ коляску хочетъ садиться..... пара рысаковъ тысячи полторы стоятъ..... вышелъ отъ Мурина-то, шатается: прислонился у двери, едва духъ переводитъ,— блѣдный, какъ полотно, губы трясутся, а самъ шепчетъ: „душитъ онъ меня, душитъ, кровь пьетъ; зарѣжу я его“.— Вотъ она нужда-то! въ колескѣ на рысакахъ ѣздитъ, а мы что! (*Входитъ Евгенія*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Корпѣловъ, Грунцовъ, Евгенія, потомъ Маланья.

Евгенія (*Грунцову*).

Вы опять пришли?

Грунцовъ.

Да вамъ-то что за дѣло? Я не къ вамъ, я къ отцу.

Евгенія.

Конечно, мнѣ все равно, есть ли вы на свѣтѣ, нѣтъ-ли васъ; только пожалуйста, не разговаривайте со мной.

Грунцовъ.

Извольте.

Евгенія.

А когда-жъ конфекты? (*Грунцовъ молчитъ*). Что-жъ вы молчите? Какъ это учтиво съ вашей стороны!

Грунцовъ.

Да вѣдь вы сами не велѣли съ вами говорить.

Евгенія.

У васъ на все отговорки есть. Только надо вамъ знать, что благородные люди всегда свое слово держатъ. Да и я то глупа,—жду отъ васъ. Вамъ либо жаль рубля, либо у васъ нѣтъ его.

Грунцовъ.

Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Евгенія.

Когда это?

Грунцовъ.

А вотъ поѣду въ Уфу, такъ вамъ пять фунтовъ куплю.

Евгенія.

Вы давно собираетесь, а все ни съ мѣста.

Грунцовъ.

Не заплачте, барышня.

Евгенія.

Я-то? Ахъ, какъ вы много о себѣ думаете. Маланья, ставь самоваръ! Скоро Наташа придетъ. (*Выходитъ изъ кухни Маланья и беретъ со скамейки самоваръ*).

Маланья.

А вы прежде спросили бы вода-то есть-ли у насъ, а то самоваръ!

Корпѣловъ.

Аглая, не груби! (*Грунцовъ вынимаетъ изъ кармана двѣ копѣйки, показываетъ Маланьѣ, надѣваетъ фуражку, беретъ со скамейки ведро и уходитъ. Маланья съ самоваромъ за нимъ*).

Евгенія.

Грунцовъ такой спорщикъ, такой спорщикъ! Просто силъ никакихъ нѣтъ.

Корпѣловъ.

Вотъ онъ не заспорилъ, а взялъ ведро, да за водой пошелъ.

Евгенія.

Ну, что-жъ изъ этого?

Корпѣловъ.

Я у него денегъ попросилъ, онъ тоже не заспорилъ; а хотѣлъ часы заложить да заплатить за насъ хозяину за квартиру. Erdo, онъ не спорщикъ.

Евгенія.

Можетъ быть, онъ хорошій и добрый человѣкъ, только я его не люблю и видѣть не могу. (*Взглянувъ въ окно*). Хозяинъ идетъ. Какъ чай, такъ и онъ тутъ, и всегда за себя намъ гривенникъ заплатитъ. Онъ въ кого нибудь влюбленъ, либо въ меня, либо въ Наташу. (*Входитъ Грунцовъ*).

Грунцовъ.

Domine, къ тебѣ хозяинъ. (*Евгеніи*). Позвольте къ вамъ въ комнату войти, барышня, поспорить о чемъ нибудь.

Евгенія.

Войдите, пожалуй; только спорить съ вами я ни за что не буду; говорите, что хотите, а я буду молчать.

Грунцовъ.

Предметъ спора: есть у женщинъ умъ, или нѣтъ?

Евгенія.

Ну, ужъ извините! Разумѣется, есть.

Грунцовъ.

А я утверждаю, что нѣтъ. У нихъ только капризъ, и его то онѣ за умъ и считаютъ. (*Евгенія и Грунцовъ уходятъ. Входитъ Чепуринъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОРПѢЛОВЪ, ЧЕПУРИНЪ.

Чепуринъ (*кланяясь*).

Асафу Наумычу.... почтеніе-съ (*подастъ руку*).

Корпѣловъ.

За деньгами, о! тиранъ души моей?

Чепуринъ.

Больше по знакомству-съ, а ужъ кстати и за деньгами, потому срокъ-съ.

Корпѣловъ (*нагибаясь*).

Ты зри главу мою лишенную волосъ.

Чепуринъ.

Вижу-съ. Отъ ума, говорятъ, это приключается, у кого ежели лишняго много.

Корпѣловъ.

Не трогаетъ тебя?

Чепуринъ.

Не рѣдкость какая! Бываютъ и еще пространнѣе.

Корпѣловъ.

Ну, хочешь, я тебѣ, вмѣсто денегъ, пѣсенку спою и на гитарѣ сыграю?

Чепуринъ.

Ужь очень дорого мнѣ ваша музыка обойдется-съ, не по капиталу.

Корпѣловъ.

Ну, хочешь, латинскую или французскую книжку тебѣ почитаю?

Чепуринъ.

Интересно-бы послушать, да только у меня къ этимъ языкамъ какъ-то понятливости нѣтъ-съ.

Корпѣловъ.

Ну, нечего съ тобой дѣлать, надо отдать.

Чепуринъ.

Пожалуйте-съ.

Корпѣловъ.

Постой! Я говорю, что надо отдать, а не говорю, что отдамъ сей-часъ. Денегъ ни одного абаза нѣтъ. Приходи завтра.

Чепуринъ.

Я только удивляюсь на васъ: какъ это вы, при всей вашей учености, всякіе вы языки знаете, и никакого себѣ профиту не имѣете.

Корпѣловъ.

А отъ того я профиту не имѣю, что отъ самой юности паче всего возлюбилъ шатаніе. Какъ кончилъ курсъ, такъ и пошелъ бродить по лицу земному: гдѣ у товарищей погостишь, гдѣ на дешевенькомъ учительскомъ мѣстѣ поживешь. Юношей въ гимназіи да въ университеты готовилъ рубликовъ за шестьдесятъ въ годъ, да изъ нихъ еще бѣдной сестренкѣ удѣлялъ. Въ Тамбовѣ годъ, въ Ростовѣ полгода, въ Кашинѣ три мѣсяца, а въ Ветлугу на недѣльку погостить хаживалъ; и прожилъ я такъ лѣтъ семнадцать, какъ единъ день. Товарищи мои до генеральства дослужились, а я выучился только на гитарѣ играть. Съ какой котомкой вышелъ изъ Москвы, съ такой же и вернулся.

Чепуринъ.

Да, тоже, видно, жизнь-то никому нелегка, горя-то про всякаго довольно.

Корпѣловъ.

Ты какое видѣлъ?

Чепуринъ.

Лыкомъ подпоясано-съ. Я недавно и человѣкомъ-то сталъ, а жить-то началъ въ лошадиной запряжкѣ. Прежде на этомъ самомъ мѣстѣ пустырь былъ, заборомъ обнесенный, и калитка на тычкѣ: нанялъ я подлѣ калитки сажень земли за шесть гривенъ въ годъ, разбилъ на тычкѣ лавочьку изъ стараго тесу; а тавару было у меня: три фунта баранокъ, десятокъ селедокъ двухкопеечныхъ, да привозилъ я на себѣ по двѣ бочки воды въ день, по копейкѣ ведро продавалъ-съ. Вотъ какой я негоціантъ былъ-съ. Потомъ, мало-помалу, купилъ всю эту землю, домикъ выстроилъ,—имѣю въ немъ овощный магазинъ, съ квартиръ доходъ получаю: бель-этажъ двѣсти рублей въ годъ ходитъ-съ.

Корпѣловъ.

Что жъ ты самъ въ бель-этажѣ не живешь?

Чепуринъ.

Кабы у меня супруга была-съ, такъ съумѣла-бы и я жить въ бель-этажѣ; а какъ я холостой, такъ съ меня и темнаго чулана довольно достаточно-съ.

Корпѣловъ.

Друже, заведи супругу, сдѣлай милость, заведи!

Чепуринъ.

За этимъ дѣло не станетъ, да надо, чтобъ у нея капиталъ былъ, хоть небольшой-съ; — вотъ какъ у Натальи Петровны.

Корпѣловъ.

А ты почемъ знаешь, какой у Натальи Петровны капиталъ?

Чепуринъ.

Слухомъ земля полнится. У нихъ отъ маменьки.

Корпѣловъ.

Да, да. Вотъ была женщина-то!

Чепуринъ.

Коли умѣла деньги оставить, значитъ умъ въ себѣ имѣла-съ.

Корпѣловъ.

Оставить! Мало-ль кто оставляетъ.. Дѣло въ томъ, какъ оставить. Вотъ слушай! Да нѣтъ; уйди лучше,—я плакать буду.

Чепуринъ.

Да, можетъ, и я заплачу-съ; это ничего-съ.

Корпѣловъ.

Ужъ не помню, гдѣ я скитался, кажется въ Харьковѣ; только помню, что дѣло было на святкахъ; загуляли мы у градскаго головы, — разный народъ былъ: учителя, чиновники изъ семинаристовъ, пѣвчіе,—ужь третій день мы пѣли душеполезные канты, хозяинъ сидѣлъ на креслѣ посреди залы, а мы всѣ на стульяхъ у стѣнъ, — мы пѣли, а онъ дирижировалъ и плакалъ. Только что мы затянули: „Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ“... тенора залились въ верху, хозяинъ чуть не навзрыдъ; вдругъ приносятъ мнѣ отъ сестры письмо. Читаю: „милый братецъ, пріѣзжай скорѣй, умираю“. Хмѣль съ меня соскочилъ, поплелся я въ Москву пѣшкомъ. Одежонка плохая, денегъ всего три рубля; попадется обозъ, подсяду: замерзъ, было. Дотащился кой-какъ, сестра при послѣднемъ издыханіи. „Вотъ тебѣ, говоритъ, дочь! Береги ее, смотри, чтобъ она трудилась, работала; честнѣе труда ничего на свѣтѣ нѣтъ; коли найдешь хорошаго человѣка, выдай ее замужъ. Вотъ тебѣ деньги, не тратьте ихъ, это мои трудовыя; живите трудомъ, работайте, а денегъ не трогать ни подъ какимъ видомъ,— это я сберегла ей на приданое. Выйдетъ замужъ, тогда отдай мужу; а не выйдетъ, пусть бережетъ подъ старость, на черный день“. Да такой это строгій былъ приказъ, такъ строго она на меня посмотрѣла своими умирающими глазами, что у меня и теперь мурашки по спинѣ ползаютъ и слеза меня прошибаетъ.

Чепуринъ.

Надо вамъ исполнить-съ! Ужь это святое дѣло-съ! Только я наслышанъ, что, окромѣ этихъ, еще должны быть деньги.

Корпѣловъ.

Развѣ гдѣ нибудь пятакъ завалился; а больше нѣтъ.

Чепуринъ.

Потому какъ ваша сестрица жили у богатаго барина въ экономкахъ....

Корпѣловъ.

Ну, бросайся въ окно!

Чепуринъ.

Зачѣмъ-же-съ?

Корпѣловъ.

У меня силы нѣтъ тебя выкинуть, а ты стòишь.

Чепуринъ.

Да я не въ осужденіе-съ.

Корпѣловъ.

Вотъ какъ это было, stultissime! Сестра моя была красавица, выдали ее замужъ за горькаго, безсчастнаго чиновника Сизакова. Маялась съ нимъ, маялась она; года черезъ два и овдовѣла; осталась съ дочерью безъ копѣйки, хоть по міру идти. Тутъ одинъ баринъ, старый знакомый, и пригласилъ ее къ себѣ въ экономки. Ну, и жила она, точно, покойно; только не нравилась ей эта жизнь. „Скучно, говоритъ, дѣла мало, — да безъ заботы и безъ горя жить не хорошо, Бога забудешь. Жила я съ мужемъ, говоритъ, выработала себѣ денегъ на шерстяной салопчикъ и сама его сшила, такъ, вѣришь-ли, какъ онъ мнѣ былъ милъ; а потомъ, говоритъ, какъ жила у барина, и очень хорошо одѣвалась, да все нèмило, только людей стыдно“. Потомъ сталъ этотъ баринъ въ старость приходить, оступила его родня, начали на сестру косо посматривать; не могла она этого перенести, ушла, даже и своего много оставила. Послѣ баринъ не разъ звалъ ее опять къ себѣ — не пошла; денегъ посылалъ — не брала.

Чепуринъ.

Теперь вамъ, значитъ, только человѣка найти.

Корпѣловъ.

Въ томъ вся и задача.

Чепуринъ.

А я полагаю: если вы и найдете, такъ ничего толку не будетъ. Получитъ вашъ женихъ эти деньги, нашьетъ себѣ брючекъ, да жилетовъ, а Наталья Петровна должны изъ его рукъ каждую копѣйку смотрѣть. Охотниковъ-то на деньги много, да притомъ-же Наталья Петровна въ себѣ красоту имѣютъ.

Корпѣловъ.

Какъ-же быть-то? Научи!

Чепуринъ.

Прикажете?

Корпѣловъ.

Прикажу.

Чепуринъ.

Отдайте Наталью Петровну за меня, тогда и деньгамъ мѣсто найдется.

Корпѣловъ.

Ты.... asinus.

Чепуринъ.

Мы-бы въ бель-этажъ перешли и завели тамъ мастерскую, и во весь домъ надъ окнами вывѣску: „Моды и уборы. Мадамъ Чепурина“. А въ низу надъ окнами тоже во весь домъ вывѣску: „Индо-европейскій магазинъ китайскихъ чаевъ и прочихъ колоніальныхъ товаровъ купца Чепурина“.

Корпѣловъ.

Ты когда нибудь на себя глядѣлъ въ зеркало-то?

Чепуринъ.

Глядѣлъ-съ,—ничего такого чрезвычайнаго....

Корпѣловъ.

Какъ ничего чрезвычайнаго? Да вѣдь ты Рожеръ, ужаснѣйшій Рожеръ; вѣдь ты мнѣ грубости говоришь,— тебя за это къ мировому. Ну, кланяйся въ ноги!

Чепуринъ.

За что-же-съ?

Корпѣловъ.

А чтобъ я Наташѣ не сказывалъ.

Чепуринъ.

Онѣ знаютъ-съ, я имъ даже на письмѣ выражалъ.

Корпѣловъ.

Что-жь, она тебя больно?...

Чепуринъ.

Чего-съ?

Корпѣловъ.

По физіономіи-то больно?

Чепуринъ.

Совсѣмъ напротивъ-съ. Очень даже деликатно....

Корпѣловъ.

Что деликатно?

Чепуринъ.

Дали понять-съ.

Корпѣловъ.

Да что?

Чепуринъ.

Что, будто я глупъ-съ. (*Входитъ Грунцовъ и Евгенія*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Корпѣловъ, Чепуринъ, Грунцовъ и Евгенія.

Евгенія (*въ кухню*).

Маланья, что-жь ты самоваръ? Скоро-ль тамъ у тебя?...

Маланья (*изъ кухни*).

А какъ поспѣетъ, такъ и готово. Всѣ вы тамъ что-ли? Много-ли посуды-то сбирать?

Евгенія.

Собирай больше! (*Грунцову*). Вы будете чай пить?

Грунцовъ.

Непремѣнно и прошу васъ налить мнѣ какъ можно послаще,—да еще краюху чернаго хлѣба у Маланьи выпрошу.

Евгенія.

За что же вамъ такія особенныя милости?

Грунцовъ.

За конфекты.

Евгенія.

Которыхъ нѣтъ.

Грунцовъ.

Которыя будутъ.

Чепуринъ.

Плесните чашечку и мнѣ-съ. (*Вынимаетъ изъ портмоне гривенникъ*). Извольте получить-съ!

Евгенія.

Не надо вашего гривенника, не разбогатѣешь отъ него.

Чепуринъ.

Вы не разбогатѣете, да и я не обѣднѣю; а что чего стоитъ, я заплатить обязанъ. Кабы счеты, я бы вамъ какъ по пальцамъ разложилъ. Чай у васъ хорошій, на мое рыло ползолотника мало-съ, кладите на кости полторы копѣйки, два куска сахару, — два золотника, — рафинадъ нынче въ цѣнѣ, голову купить—двадцать одна съ денежкой за фунтъ, а по фунтамъ дороже; извольте класть воду, теперича уголья, услуга, посуда, вы отъ дѣла отрываетесь; въ разсчетѣ,—лишняго ничего нѣтъ-съ. Окромя всего-съ, умный разговоръ отъ ученыхъ людей и пріятная компанія. (*Садится у письменнаго стола. Корпѣловъ лежитъ на диванѣ съ книгой въ рукахъ*).

Грунцовъ (*садясь у средняго стола*).

Пока до чаю, объ чемъ-же мы спорить будемъ, съ вами, барышня?

Евгенія (*садясь къ столу съ другой стороны*).

Ни объ чемъ и никогда. Я рта не разину.

Грунцовъ.

Я утверждаю, что вы меня завтра поцѣлуете.

Евгенія.

Что вы, съ ума сошли? Съ чего вы выдумали?

Грунцовъ.

На фунтъ конфектъ!

Евгенія.

Вы проигранныя-то отдайте прежде!

Грунцовъ.

На фунтъ конфектъ!

Евгенія.

Утѣшайте, утѣшайте себя! Такъ въ вашемъ воображеніи и останется.

Грунцовъ.

На фунтъ конфектъ.

Чепуринъ.

Паре интересное.

Евгенія.

Ты-то что́? Ты не хочешь-ли пари подержать?

Чепуринъ.

Нѣтъ-съ, я проиграю, потому что отъ васъ не смѣю надѣяться.

Евгенія.

Да, я знаю, отъ кого ты надѣешься; ты вѣдь въ Наташу влюбленъ. (*Наташа входитъ и останавливается у двери*).

Чепуринъ.

А отъ нихъ тѣмъ болѣе не ожидаю.

Евгенія.

Почему-же тѣмъ болѣе.

Чепуринъ.

Сказать-съ?

Евгенія.

Скажи.

Чепуринъ.

Потому что у нихъ есть любовникъ.

Корпѣловъ.

Чепуринъ, быть тебѣ нынче битому.

Евгенія.

Молчи, безобразный! Что ты говоришь! (*Наташа входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Корпѣловъ, Чепуринъ, Грунцовъ, Евгенія и Наташа.

Наташа.

Онъ правду говоритъ. Здравствуйте, господа! (*Садится у стола между Грунцовымъ и Евгеніей*).

Евгенія.

Да какъ-же онъ смѣетъ любовникомъ называть?

Наташа.

А какъ-же назвать-то? Конечно, любовникъ. Чайку-бы поскорѣй, устала; а денегъ не принесла, дяденька, подождать велѣли.

Корпѣловъ.

Не печалься, денегъ добудемъ; у меня есть въ запасѣ старый товарищъ, Матвѣй Потроховъ. Богатъ, какъ Крезъ, а, главное, самъ навязался: „приходи, говоритъ, когда нужно будетъ, мой бумажникъ всегда открытъ для тебя“. Надо ему сдѣлать честь, занять у него! А вотъ ты насъ словечкомъ-то ушибла немножко.

Наташа.

Какимъ словечкомъ? Любовникъ? Что-жь, дѣло очень обыкновенное. Кабы мы были барышни, какъ слѣдуетъ, такъ объ насъ и честнѣй-бы говорили. Барышни-то какъ замужъ выходятъ? Придетъ въ домъ сваха, запрется съ маменькой и шепчутся, потомъ маменька съ папенькой запрутся и шепчутся, потомъ по всему кварталу шепотъ пойдетъ. Всѣ шепчутся, а барышня ничего не знаетъ, сидитъ въ залѣ и на фортепіано играетъ.

Чепуринъ.

Все это такъ точно-съ.

Наташа.

Потомъ снарядятъ старухъ разузнавать, каковъ человѣкъ; тѣ всю подноготную вывѣдаютъ. Потомъ женихъ станетъ ѣздить въ домъ, благословять образомъ; а барышнѣ оста-

нется только ходить обнявшись съ женихомъ, да поминутно цѣловаться. И чѣмъ больше народу смотритъ на нихъ съ улицы, тѣмъ лучше.

Чепуринъ.

Все это вѣрно-съ. Еще у оконъ-то сосѣди подмостки сдѣлаютъ, скамеекъ изъ своихъ домовъ натаскаютъ, да считаютъ, сколько разъ поцѣловались: „нынче, говорятъ, только, а вчерась столько-то“; да споръ изъ этого подымутъ.

Наташа.

А мы съ тобой, Женичка, должны сами жениховъ выбирать; а вѣдь для этого нужно познакомиться, видаться почаще, говорить по душѣ. Ну вотъ и пошелъ разговоръ, что любовникъ. А все дяденька виноватъ.

Корпѣловъ.

Коли не кто другой, такъ, должно быть, я; надобно-же кому-нибудь быть виноватымъ.

Наташа.

Плохо за нами смотрите, никогда не побраните насъ, коли мы лѣнимся работать,—позволяете изъ дому уходить, куда намъ угодно.

Чепуринъ.

Это, дѣйствительно, съ вашей стороны упущеніе, и никакъ нельзя вамъ за это чести приписать, потому какъ вы въ домѣ живете за мѣсто старшаго.

Корпѣловъ.

То-то и есть, что не старшій, и за мѣсто старшаго; я и на свѣтѣ-то живу не человѣкомъ, а за мѣсто человѣка. Я и на службѣ-то былъ за мѣсто кого-то, потому что служилъ исправляющимъ должность помощника младшаго сверхштатнаго учителя приходскаго училища. Прослужилъ я цѣлыхъ три мѣсяца, вышелъ въ отставку и аттестатъ два раза терялъ, и живу теперь по копіи съ явочнаго прошенія о пропавшемъ документѣ. Признаться вамъ сказать, друзья мои и сродники, ужь начинаю я сомнѣваться, самъ-то я не копія-ли съ какого-нибудь пропавшаго человѣка.

Наташа.

Вотъ отъ вашей оплошности, дяденька, могла-бы бѣда случиться; да на мое счастье, человѣкъ-то вышелъ хорошій. Увидала я его у знакомыхъ у своихъ и полюбила. Ужь, видно, безъ этого не обойдешься. Такъ-ли, Женичка, милая? (*цѣлуетъ ее*). Ну, да важность-то бы не большая: вздыхала-бъ я издали, а дома когда и поплакала... А вышло то, чего я и не ожидала, вижу, что и онъ меня любитъ. Я, по простотѣ, съ разу: „любишь, такъ женись“, говорю. А онъ говоритъ: изволь. Да такъ, вдругъ, не задумавшись. Какъ хотите, господа, а вѣдь это очень пріятно. Онъ красивый молодой человѣкъ, очень богатъ, щеголь, а я что? Бѣдная дѣвочка, больше ничего.

Евгенія.

Да это можно умереть отъ счастья.

Наташа.

Ну, я не умерла. Зачѣмъ умирать, коли впереди жизнь такая хорошая! Я какъ въ раю теперь живу. Видѣлась я съ нимъ почти каждый день, потомъ онъ въ Саратовъ по своимъ дѣламъ уѣхалъ; а вотъ пріѣдетъ, ну, и милости прошу на свадьбу (*кланяется всѣмъ*). Вотъ онъ какой хорошій у меня! (*Вынимаетъ изъ портмоне карточку и показываетъ Грунцову, потомъ Корпѣлову и Чепурину*).

Чепуринъ (*чутъ взглянувъ на карточку*).

Что-жь такое за важность! Копровъ, Егоръ Николаевъ. Вы говорите, что онъ въ Саратовъ уѣхалъ, а онъ и сейчасъ здѣсь-съ.

Наташа (*съ радостью*).

Какъ? Развѣ вернулся?

Чепуринъ.

И не ѣздилъ никуда-съ.

Наташа.

Шутки въ сторону, Иванъ Ѳедулычъ! Я дѣвушка серьёзная, и дѣло мое серьёзное.

Чепуринъ.

Какъ я смѣю шутить-съ! Вотъ накажи меня Богъ!

Наташа.

Да какъ-же! онъ простился со мной, и знакомые его говорятъ, что онъ уѣхалъ!

Чепуринъ.

Многіе думаютъ, что его нѣтъ въ Москвѣ, потому какъ онъ скрывается; а все-таки его встрѣтить можно, онъ каждый день въ Таганку къ купцу къ одному богатому ѣздитъ. Да вотъ извольте посмотрѣть, не онъ-ли въ колескѣ мимо ѣдетъ (*Показываетъ въ окно*). Остановился, съ какимъ-то бариномъ разговариваетъ.

Наташа (*у окна*).

Егоръ Николаевичъ! Егоръ Николаевичъ! подождите!

Грунцовъ (*взглянувъ въ окно*).

Domine, да вѣдь это онъ!

Карпѣловъ.

Кто онъ-то?

Грунцовъ.

Тотъ франтъ, котораго я у Мурина видѣлъ. (*Наташа надѣваетъ платокъ на голову и хочетъ идти*).

Чепуринъ.

Не бѣгите-съ. Это вамъ довольно даже стыдно. Ничего изъ этого хорошаго не будетъ.

Евгенія.

Не твое дѣло, безобразный!

Наташа.

Что за стыдъ! Я и въ огонь и въ воду (*хочетъ идти*).

Чепуринъ.

Да онъ-то васъ не желаетъ видѣть, закрылся воротникомъ и укатилъ.

Наташа.

Какъ? Неужели? (*взглянувъ въ окно*). Бѣдная я, несчастная дѣвушка!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Матвѣй Петровичъ Потроховъ, разбогатѣвшій чиновникъ, 50 лѣтъ, высокій, очень полный мужчина, съ круглымъ лицомъ, которому онъ старается придавать, смотря по обстоятельствамъ, различныя выраженія, но которое ничего не выражаетъ.

Поликсена Григорьевна, его жена, высокая, худощавая женщина, 40 лѣтъ съ небольшимъ. Часто вздыхаетъ и поднимаетъ глаза къ небу, стараясь изобразить страданіе и покорность судьбѣ. Выраженіе лица злое.

Егоръ Николаевичъ Копровъ, молодой человѣкъ; очень приличенъ и красивъ, одѣтъ безукоризненно, манеры изящны.

Корпѣловъ.

Сакердонъ — лакей Потрохова — важенъ.

Ариша - горничная, молодая дѣвица, ни хороша, ни дурна.

Старая ключница.

Комната въ домѣ Потрохова.—Много изящной и удобной мебели, три двери: одна въ глубинѣ—въ пріемную и двѣ по сторонамъ.—Съ правой стороны, ближе къ авансценѣ окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Потроховъ (*спитъ, сидя въ креслѣ; передъ нимъ маленькій столикъ*). Полпксена (*стоитъ посреди комнаты и смотритъ на мужа съ презрительнымъ сожалѣніемъ*) Копровъ (*входитъ изъ пріемной*).

Поликсена.

Жоржъ! Какой блѣдный! Что случилось?

Копровъ (*указывая на Потрохова*).

Спитъ?

Поликсена.

Сномъ праведника, какъ всегда. Хоть въ трубы труби, не проснется.

Копровъ.

Деньги—вотъ!... (*Показывая на горло*).

Поликсена.

Ахъ, бѣдненькій!

Копровъ.

Хочу у этого моржа попросить. Скоро онъ проснется?

Поликсена.

Не знаю. А вотъ эго фаворитка идетъ съ зельтерской водой.

Копровъ.

Я пойду въ садъ, подожду, пока онъ разгуляется, а то онъ съ просонковъ золъ бываетъ. (*Уходя*). Какъ спитъ-то, тюлень этакій! (*Уходитъ въ дверь направо. Поликсена идетъ за нимъ и останавливается въ дверяхъ. Входитъ Ариша съ большой кружкой*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Потроховъ, Ариша, Поликсена (*въ дверяхъ*).

Ариша (*трогая за рукавъ Потрохова*).

Баринъ, баринъ!... Матвѣй Петровичъ, вставайте! (*Улыбаясь*). Что это, стыдъ какой!

Потроховъ (*бормочетъ въ просонкахъ*).

Который часъ, который часъ, который часъ?

Ариша.

Девятый.... девять часовъ скоро.... добрые люди поужинали, что, въ самомъ дѣлѣ! Барыня сердится, чай кушать пора.

Потроховъ (*въ просонкахъ*).

Зельтерской, зельтерской, зельтерской!

Ариша (*насильно даетъ ему въ руку кружку*).

Да извольте! Не уроните! Ужь вторую подаю.

Потроховъ. (*пьетъ воду*)

Фу, славно! (*Опять приваливается къ креслу и засыпаетъ*).

Ариша.

Да вѣдь ужъ нечего дѣлать, ужь какъ угодно, а вставать надо.

Потроховъ (*въ просонкахъ*).

Ты думаешь?

Ариша.

Да непремѣнно. Что, право, словно маленькіе!

Потроховъ (*открывъ глаза*).

Ахъ ты жизненочекъ! жизненочекъ ты мой! (*Беретъ Аришу за подбородокъ*). Такъ, маленькій жизненочекъ!.... Вотъ сейчасъ я тебя за это поцѣлую.

Поликсена.

Превосходно! Чудо! Браво! Продолжайте! Вы при мнѣ-то хоть бы посовѣстились! (*Потроховъ притворяется спящимъ и громко храпитъ*). До чего вы дошли, до чего вы дошли, Боже мой! Ариша, поди сейчасъ отсюда!

Ариша.

Сударыня, я не только что.... а даже всегда стараюсь быть какъ можно дальше отъ всего этого.

Поликсена.

Подите, моя милая, говорятъ вамъ! За то жалованье, которое вы получаете, отъ васъ требуется только исполнительность; а ласки барину—это ужь лишнее, это роскошь съ вашей стороны.

Ариша. (*Потрохову съ укоромъ*).

Какъ вамъ не стыдно, сударь! Изъ за васъ дѣвушка должна такія слова переносить. (*Уходитъ*).

Поликсена.

Ужь довольно притворяться. Кого вы обманываете? жалкій! какъ вы струсили!

Потроховъ (*открывая глаза*).

Что такое? Что вамъ нужно отъ меня?

Поликсена.

Что мнѣ нужно? Очень мало: мнѣ нужно, чтобъ вы были хоть немного поблагороднѣе и почестнѣе. Цѣловать горничныхъ при женѣ—это такъ низко....

Потроховъ.

У васъ изъ всякой малости выходитъ важное дѣло. Это скучно. Что такое особенное произошло? Невольный жестъ съ просонковъ и жестъ весьма естественный.

Полисена.

Естественный? Скажите пожалуйста! хороша естественность!

Потроховъ.

Ну да, конечно. Вы не можете утверждать, что я хотѣлъ приласкать непремѣнно Аришу; можетъ быть, мнѣ съ просонковъ показалось, что вы подлѣ меня.

Поликсена.

Ахъ, ахъ! Вы меня до обморока доведете. Оскорбленіе, насмѣшки.....

Потроховъ.

Я не понимаю, чѣмъ оскорбляться. Простой жестъ, естественный....

Поликсена.

Не говорите вздору! Я не глупѣй васъ и не хуже знаю, что естественно, что неестественно. Впрочемъ, можетъ быть, вы занимаетесь естественными науками, выбрали для изученія особый отдѣлъ — горничныхъ, вамъ нужно войти во всѣ подробности; въ такомъ случаѣ я съ вами спорить не стану. Прекрасно, прекрасно. Теперь я знаю вашу спеціальность и гнушаюсь вами (*язвительно*). Ес-тество-испытатель. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Потроховъ, (*потомъ*) Копровъ.

Потроховъ.

Фу ты, какая бѣшеная баба! (*Смотритъ на часы*). Экъ я.... до которыхъ поръ.... вотъ угораздило! А впрочемъ что и дѣлать-то больше! Тоска.... хоть бы зашелъ кто.... Какой нынче день? Да, пятница.... Я сегодня Корпѣлова звалъ, кажется. Вотъ еще нужно очень! И зачѣмъ это я? Что дѣлаю, что говорю,—себя не помню (*махнувъ рукой*), нить въ жизни потерялъ.... Придетъ Корпѣловъ, съ нимъ еще скучнѣй будетъ. Нѣтъ ничего тоскливѣе этихъ бѣдныхъ добродѣтельныхъ людей, этихъ Діогеновъ.... а еще пожалуй денегъ запроситъ.... Хоть бы въ пикетъ съ кѣмъ поиграть. Съ удовольствіемъ-бы проигралъ пятьдесятъ рублей, только-бы время провесть. (*Подходитъ къ окну*). Кто это въ саду? Егоръ Копровъ? (*Машетъ рукой и отходитъ*). Эка тяжесть, эка тяжесть! (*Входитъ Копровъ*).

Копровъ.

Здравствуй!

Потроховъ.

Здравствуй, Жоржъ!

Копровъ (*вглядываясь въ Потрохова*).

Ты бы зельтерской.

Потроховъ.

Двѣ выпилъ; да что братецъ.... (*Останавливаясь передъ Копровымъ*). Тоска! Вѣришь-ли, какая тоска!

Копровъ.

Дурное пищевареніе, спишь много.

Потроховъ.

Знаю.

Копровъ.

Особенно послѣ обѣда тебѣ не годится.

Потроховъ.

Знаю, что негодится. Толкуй еще! Все это я знаю; но главная причина тоски моей не въ томъ. (*Копровъ смотритъ вопросительно*). Что ты смотришь?

Копровъ.

Да странно мнѣ....

Потроховъ.

Ничего нѣтъ страннаго. Тутъ, Жоржъ, не пищевареніе, тутъ другое: въ характерѣ у меня кой-что....

Копровъ.

Нѣтъ, что-жь, у тебя характеръ ничего....

Потроховъ.

Вообще-то говоря, характеръ у меня хорошій, даже очень хорошій; но есть, братецъ, и важные недостатки: иногда дѣлаю, чортъ знаетъ что; говорю чего не слѣдуетъ; вру много лишняго.

Копровъ.

Нельзя сказать, чтобъ очень....

Потроховъ.

Чтобъ очень вралъ-то! Нѣтъ, очень, очень.... лгу безъ конца. Не возражай, пожалуйста; видишь, какъ я разстроенъ.

Копровъ.

Ну, какъ хочешь, я спорить не буду.

Потроховъ.

И не надо мнѣ, и никто меня не заставляетъ, а болтаю, особенно вотъ если выпью я рюмочку вина,—одну только рюмочку. Кажется, что за важность, а никакого удержу на меня нѣтъ.... И пошелъ, и пошелъ, и вру, какъ сивый меринъ. (*Копровъ улыбается*). Что ты смѣешься? Что тутъ веселаго? Ты долженъ войти въ мое положеніе, вѣдь я, братецъ, страдаю. Эка тоска!

Копровъ.

Что твоя тоска! Вотъ у меня тоска-то!

Потроховъ. (*Чуть не плача*).

Раскаяніе, Жоржъ.

Копровъ.

Ну, я этого грѣха не знаю. Да и у тебя, что за раскаяніе, понять не могу. Скажешь ты, напримѣръ, что у тебя овесъ родится самъ пятнадцать, а онъ всего самъ другъ...

Потроховъ.

Ну, не самъ другъ; ты ужь тоже...

Копровъ.

Ну, извини! Самъ другъ съ половиной. Такъ что-жь это за преступленіе? Въ чемъ тутъ раскаяваться?

Потроховъ.

Хорошо, кабы только, а то хуже гораздо. Вотъ третьяго дня былъ я у одного стараго товарища, выпили шампанскаго вдоволь, ужь чего я тамъ ни городилъ! Ахъ, вспомнить гадко.

Копровъ.

Всѣ были выпивши; что говорено, забудется, — такъ и пройдетъ.

Потроховъ.

Былъ тамъ одинъ, тоже старый товарищъ, лѣтъ двадцать мы съ нимъ не видались, учителишко жалкій, Корпѣловъ, — въ какомъ-то засаленномъ пальто.

Копровъ.

Ну, такъ что-же?

Потроховъ.

Физіономія въ родѣ тѣхъ, что въ погребкахъ на гитарѣ играютъ. Встрѣться онъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, я бы отворотился отъ него, а ужь руки ни за что бы не подалъ; а тутъ что я ему говорилъ, что я ему говорилъ!

Копровъ.

Стоитъ сокрушаться.

Потроховъ.

Да ужь очень досадно на себя: съ чего было мнѣ такъ унижаться передъ нимъ, зачѣмъ было мнѣ себя ругать! Вѣдь я что говорилъ-то! Что онъ честнѣй насъ всѣхъ,

что намъ совѣстно смотрѣть ему въ глаза, что мы разбогатѣли не безъ ущерба для совѣсти. Предлагалъ за него тосты: „господа, выпьемъ за честнаго человѣка!“ Говорилъ ему, чтобъ онъ обращался ко мнѣ за деньгами, какъ въ свой карманъ; звалъ его въ гости, кланялся; просилъ его даже жить у меня. Скотина я — больше ничего.

Копровъ.

Не бойся, не пойдетъ, посовѣстится; я его знаю.

Потроховъ.

Да онъ и то отказывался, говорилъ, что боится моей жены, что онъ человѣкъ дикій; такъ я къ нему пристадъ, какъ съ ножомъ къ горлу, честное слово взялъ.

Копровъ.

А придетъ такъ можно и выпроводить поучтивѣе.

Потроховъ.

Да, разумѣется, можно; только все какъ-то скверно на душѣ. А вотъ сей-часъ, съ просонковъ, съ чего то пришло мнѣ въ голову Аришу поцѣловать, а тутъ жена...

Копровъ.

А, такъ вотъ что! Вотъ отчего тоска-то!

Потроховъ.

Не одно это, а все вмѣстѣ. Конечно, все вздоръ; а накопится, знаешь, этихъ мелочей въ душѣ, ну и вздыхаешь, точно преступникъ какой, право, точно душу загубилъ. А вотъ поговорилъ я съ тобой, Жоржъ, по пріятельски, излилъ тебѣ свою душу, ну и легче мнѣ (*запъваетъ*). „Не уѣзжай... Разумѣется, я не со всякимъ такъ откровененъ. И отъ чего-бы мнѣ сокрушаться, кажется?... Положеніе мое блестящее... Это ты правъ, желудокъ тутъ во всемъ виноватъ. Вѣдь я еще наслѣдство получаю, умеръ дядя.

Копровъ.

Слышалъ.

Потроховъ.

Я единственный наслѣдникъ, завѣщанія не осталось... Всѣ бумаги его я самъ перебиралъ и запечатывалъ; да

вотъ ужъ цѣлыхъ два года при немъ никого и не было, кромѣ меня да старой старухи ключницы. Она теперь у насъ живетъ.

Копровъ.

А дѣвушка, Наташа?

Потроховъ.

Дочь экономки? Какія же она права имѣетъ? Ее жалѣть нечего! Мать-то, живя у старика, наэкономничала деньженокъ, да и послѣ старикъ посылалъ, я знаю. У этой дѣвушки тысченокъ пять—шесть навѣрное есть.

Копровъ.

Ты думаешь?

Потроховъ

Какъ-же иначе! Всегда такъ бываетъ.

Копровъ.

Она живетъ бѣдно.

Потроховъ.

Вѣрь ты имъ! Припрятаны, чтобъ разговору не было.

Копровъ.

А я не зналъ, что у ней есть деньги.

Потроховъ.

Ну, такъ знай.

Копровъ.

Привлекательная дѣвушка, она мнѣ очень нравится.

Потроховъ.

Это до меня не касается; твое счатье... Да... кушъ возьму хорошій,—однихъ денегъ 45 тысячъ.

Корповъ (*жметъ ему руку*).

Очень радъ, любезный другъ.

Потроховъ.

Чему-жь ты радъ?

Копровъ.

Ты и со мной подѣлишься... мнѣ, братъ, крайность... до зарѣзу.

Потроховъ.

Нѣтъ ужь, кончено.

Копровъ.

Не говори такъ рѣшительно! Меня въ холодный потъ бросаетъ.

Потроховъ.

Не дамъ (*запѣваетъ*). „Не уѣзжай“...

Копровъ.

Смотри, жалѣть будешь... У меня дѣло вѣрное, два рубля за рубль отдамъ.

Потроховъ.

Нельзя тебѣ давать. Ты и кирпичи машиной дѣлалъ, тоже говорилъ, дѣло вѣрное; и селедокъ ловилъ на Волгѣ, и въ провинціяхъ театры содержалъ, и крахмаломъ картофельнымъ торговалъ, и гальванопластику какую-то отливалъ,—все у тебя дѣло вѣрное; а что вышло? Гдѣ наши деньги?

Копровъ.

Помоги теперь, всѣ долги выплачу, тебѣ первому.

Потроховъ.

Ни одного гульдена.

Копровъ.

Ты меня топишь; мнѣ хоть въ петлю лѣзть... Эта афера даетъ мнѣ 300 тысячъ; мнѣ онѣ нужны...

Потроховъ.

Кому не нужны!

Копровъ.

Ты человѣкъ развитой, современный, ты понимаешь, я думаю, что людямъ съ нашими потребностями меньше 300 тысячъ имѣть нельзя. Это, что называется, въ обрѣзъ; разочти самъ. Иначе жить порядочно нельзя,—жить какъ нибудь я не соглашусь ни за что... Ты пожалѣй меня, мнѣ жить хочется.

Потроховъ.

Дать тебѣ денегъ, такъ вѣдь ты, прежде всего, новую коляску и новую пару лошадей заведешь.

Копровъ.

Заведу: во первыхъ, у меня изящный вкусъ, я воспитанъ хорошо, а во вторыхъ, такъ нужно для моего дѣла.

Потроховъ.

Для какого?

Копровъ.

Покуда не скажу.

Потроховъ.

Ну, я подумаю.

Копровъ.

Благодарю тебя. (*Входитъ Поликсена съ книгой и садится въ кресло*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Потроховъ, Копровъ и Поликсена.

Потроховъ.

Мнѣ самому теперь чистыя деньги пришлись очень кстати. Я хочу переѣхать на житье въ Рязанское имѣніе.

Поликсена.

Я ужь сказала, что не поѣду съ вами.

Потроховъ.

Какъ вамъ угодно. Заведу машины, все хозяйство въ широкихъ размѣрахъ, стану самъ заниматься агрономіей. У меня вѣдь съ дѣтства страсть къ агрономіи. Отъ того я и скучаю, что мнѣ здѣсь не къ чему приложить моихъ рукъ и способностей.

Поликсена.

А какъ вы думаете? Вѣдь порядочной женщинѣ съ вами жить никакъ невозможно.

Потроховъ.

Слышалъ ужь я это.

Поликсена.

Мало этаго, что слышали.

Потроховъ.

Что-жь мнѣ, руки что-ль на себя наложить прикажете? Я прочелъ всѣ сочиненія, русскія и иностранныя, объ сельскомъ хозяйствѣ, о химіи, былъ въ перепискѣ....

Поликсена.

Не слушайте его, Жоржъ! Ничего онъ, кромѣ „Руководства къ куроводству“ не читаетъ, да и то на половину не разрѣзано; ему только хочется меня разстроить. Подите сюда! (*Копровъ подходитъ*). Посмотрите! (*Указываетъ на одно мѣсто въ книгѣ*).

Копровъ (*читаетъ*).

„Вся жизнь ея была непрерывная цѣпь страданій“....

Поликсена.

Это про меня сказано, Жоржъ, про меня; и моя жизнь есть непрерывная цѣпь страданій.

Потроховъ.

А моя жизнь непрерывная цѣпь скуки. Пойдемъ, Жоржъ, въ пикетъ играть!

Поликсена (*Копрову*).

Я сяду подлѣ васъ и принесу вамъ счастье. (*Уходятъ въ боковую дверь на лѣво. Сакердонъ и Корпѣловъ показываются изъ пріемной и останавливаются у двери*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сакердонъ, Корпѣловъ.

Сакердонъ.

Какъ объ васъ сказать-то? Повидимости, я такъ полагаю, вы блаженный.

Корпѣловъ.

Ошибся ты, друже, я только ищу блаженства.

Сакердонъ.

Ну, само собой. Только вы здѣсь не найдете.

Корпѣловъ.

А гдѣ-жь искать блаженства? Будь другъ, скажи!

Сакердонъ.

И скажу; отъ чего-жь не сказать! У купцовъ ищите! Вотъ ужь тамъ для вашего сословія дѣйствительно рай земной.

Корпѣловъ.

Вотъ спасибо, что сказалъ; такъ и знать будемъ. А теперь доложи, поди!

Сакердонъ.

Ужь я такъ и доложу.

Корпѣловъ.

Какъ тебѣ угодно. Только не забудь, Корпѣловъ.

Сакердонъ.

Ужь коли принимать такихъ, такъ все одно примутъ, какъ васъ ни звать (*Корпѣловъ хочетъ сѣсть*). Что-же это вы?

Корпѣловъ.

Усталъ, братецъ, изъ Сокольниковъ пѣшкомъ шелъ.

Сакердонъ.

Но однако позвольте! На это есть пріемная. Здѣсь господскій домъ, такъ нельзя; здѣсь недозволено по всѣмъ комнатамъ славить. Пожалуйте! (*Провожаетъ Корпѣлова въ пріемную, потомъ подходитъ къ боковой двери и берется за ручку. Изъ двери выходитъ Поликсена*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Поликсена, Сакердонъ, *потомъ* Корпѣловъ.

Поликсена.

Что тебѣ нужно?

Сакердонъ.

Сударыня, блаженъ мужъ пришелъ.

Коликсена.

Какой „блаженъ мужъ“?

Сакердонъ.

Которые скитающіе.

Поликсена.

Не понимаю. Позови!

Сакердонъ (*у двери*).

Пожалуйте! (*Уходитъ. Входитъ Корпѣловъ*).

Поликсена.

Кто вы такой?

Корпѣловъ.

Homo sum.

Поликсена.

Я вашего жаргона не понимаю.

Корпѣловъ.

Азъ есмь человѣкъ: человѣкъ Божій, на прочихъ смертныхъ не похожій.

Поликсена.

Да, вижу, что непохожій. Но что-же вамъ угодно?

Корпѣловъ.

Въ гости пришелъ.

Поликсена.

Не ожидала.

Корпѣловъ.

Не удивляюсь; потому что не вы меня звали, а stultus.

Поликсена.

Какой стультусъ?

Корпѣловъ.

Бывшій мой collega, Матвѣй Потроховъ.

Поликсена.

Это мой мужъ.

Порпѣловъ.

Охотно вамъ вѣрю, сударыня.

Поликсена.

Еще бы вы не повѣрили! Что-же значитъ стультусъ?

Корпѣловъ.

Дуракъ; такъ мы его величали въ гимназіи.

Поликсена.

Но вѣдь онъ теперь ужь не въ гимназіи; онъ статскій совѣтникъ; вы не забывайте этого!

Корпѣловъ.

А, можетъ быть, онъ, не взирая на чины, остался вѣренъ самъ себѣ.

Полинсена.

Ну ужь, извините! Разговаривайте съ мужемъ, а я такъ разговаривать не умѣю. Матвѣй Петровичъ! Къ вамъ пріятель пришелъ.... (*Входитъ Потроховъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Корпѣловъ, Поликсена, Потроховъ, *потомъ* Сакерданъ.

Потроховъ.

А, любезнѣйшій другъ мой, здравствуй! (*Въ двери*): хересу намъ, мадеры! (*Корпѣлову*). Рому не хочешь-ли?

Корпѣловъ.

Мнѣ все равно. Что къ цѣли ближе,-то и давай.

Потроховъ (*громко*).

Хересу намъ, хересу! Да скорѣй! Стаканчики подайте.

Поликсена (*Потрохову*).

Не дѣлайте таверны изъ нашего дома! Да вамъ и нездорово, поберегитесь!

Потроховъ.

Не расточайте нравоученій, не расточайте напрасно! Вотъ рекомендую вамъ: бѣдный, но благородный другъ мой!

Поликсена.

Благородный! Вы благородный?

Корпѣловъ.

Непремѣнно. Только ужь, я думаю, у меня четверть благородія вымерзло.

Поликсена.

Вотъ новости! Какимъ это образомъ?

Корпѣловъ.

Во время моихъ зимнихъ, но пѣшихъ путешествій между Бѣжецкомъ, Кашиномъ, Весьегонскомъ и другими городами Россійской имперіи. (*Сакердонъ вноситъ бутылку и два стаканчика и уходитъ*).

Потроховъ (*наливая стаканы себѣ и Корпѣлову*).

Выпей-ко, любезный другъ! (*Корпѣловъ пьетъ*). Дайко, я тебѣ еще ухну. Вѣдь любишь, что грѣха таить! (*Наливаетъ Корпѣлову*).

Поликсена.

А гдѣ Жоржъ!

Потроховъ.

Онъ уѣхалъ.

Поликсена.

А денегъ вы дали?

Потроховъ.

Далъ, чортъ его возьми! Ему бы только попрочуять, гдѣ деньги; а то ужь выпроситъ. Онъ даже у просвиренъ ухитряется занимать.

Поликсена.

Такимъ людямъ нельзя ни въ чемъ отказать, поймите вы!

Потроховъ.

Ужь будто? (*Корпѣлову*). Пей, бѣднѣйшій другъ мой! Вспомнимъ студенческіе годы.

Корпѣловъ.

А самъ-то что отстаешь?

Потроховъ.

Я догоню. Ахъ, какъ онъ бѣденъ! Боже мой, какъ онъ бѣденъ?

Корпѣловъ.

Всякому свое, милый stultus: намъ умъ, а тебѣ деньги; къ намъ люди ходятъ ума занять, а къ тебѣ денегъ. Вотъ и я пришелъ тоже за деньгами.

Поликсена.

Я такъ и ожидала.

Корпѣловъ.

Нѣтъ, кромѣ шутокъ; видишь-ли: квартирку я нанимаю за семь съ полтиной въ мѣсяцъ: такъ по первымъ числамъ затрудняюсь и скорблю.

Потроховъ.

Ну послѣ, послѣ потолкуемъ.

Корпѣловъ.

Я, братъ stultus, долги всегда плачу; я, бывало, въ трактирѣ половому рубликъ задолжаю, такъ при деньгахъ рубль-то ему заплачу, да рубль на водку дамъ. Мнѣ вѣрить можно, ты, пожалуйста, не подумай.....

Потроховъ.

Что за разговоръ, collega! Великиль деньги! Ты меня обижаешь. (*Поликсенѣ*). А какъ онъ поетъ русскія пѣсни, простонародныя! Вотъ гдѣ натура! Удивленіе!

Поликсена.

Вы поете? Любопытно.

Корпѣловъ.

А вы любите русскія пѣсни, барыня!

Поликсена.

Я люблю все хорошее.

Потроховъ.

Ну-ко, дружище! Да ты встань, пройдись!

Корпѣловъ (*поетъ съ проходкой*).

„Пойду-ли я по городу гулять“.

Поликсена.

Что это? Что за балаганъ! Ахъ, нѣтъ, увольте! (*Уходитъ*).

Корпѣловъ (*продолжаетъ*).

„Пойду-ли я по Бѣжецкому“.

Потроховъ.

Погоди немного! Вотъ что, другъ любезный: у тебя время-то свободно, такъ тебѣ можно плясать, а у меня есть дѣло: такъ ужь ты меня извини, я займусь не множко. Пляши, пожалуй, вино я тебѣ оставлю. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Корпѣловъ, *потомъ* ключница.

Корпѣловъ.

Что-жь это значитъ? Ушли. Вотъ такъ любезные хозяева! Ну, я подожду; вѣдь, можетъ быть, и въ правду, дѣло есть. (*Наливаетъ себѣ вина и пьетъ. Входитъ ключница*).

Ключница (*у двери*).

Охъ, охъ! Блаженненькій, можно съ тобой поговорить-то?

Корпѣловъ.

Со мной-то? Можно, разговаривай, сколько тебѣ угодно!

Ключница.

Грѣшница я, великая грѣшница!

Корпѣловъ.

А мнѣ-то что за дѣло!

Ключница.

Какъ, что за дѣло! Я къ тебѣ каяться пришла, а ты говоришь: что за дѣло!

Корпѣловъ.

Каяться? Много тебѣ лѣтъ?

Ключница.

Полсема десятка.

Корпѣловъ.

А грѣховъ много?

Ключница.

Да такъ тебѣ сказать, что больше песку морскаго.

Корпѣловъ.

И все это ты будешь мнѣ разсказывать?

Ключница.

Все, все, ничего не потаю.

Корпѣловъ.

Вѣдь этакъ тебя до завтра не переслушаешь, особенно, коли ты молодость свою вспомнишь.

Ключница.

Охъ, вспомню, вспомню.

Корпѣловъ.

Нѣтъ ужь, кайся ты, поди, кому нибудь другому!

Ключница.

Да благо ты здѣсь, чего-жь мнѣ, малоумный ты человѣкъ! Все-жь таки мнѣ легче будетъ, блаженный ты человѣкъ, малоразумный ты человѣкъ!

Корпѣловъ.

Фу! Дай духъ перевести! Ну, говори!

Ключница.

Вотъ тото-же, благоразумный ты человѣкъ. Алчная я, жадная, до всего завистная, до всякой малости завистная.

Корпѣловъ.

Потомъ?

Ключница.

Глаза-то мои никогда сыты не бываютъ, никогда.

Корпѣловъ.

А далѣе?

Ключница.

Всю жизнь собирала—собирала,—ничего не собрала; копила—копила,—ничего не накопила.

Корпѣловъ.

Очень жаль.

Ключница.

Да чего и нажить-то, все дрянь подбирала: огарочки, да гвоздики, да кусочки сахару. А тутъ вдругъ разбогатѣть захотѣла, грѣхъ попуталъ, — покорыстовалась. (*плачетъ*). Какъ сталъ онъ умирать-то....

Корпѣловъ.

Кто, онъ-то?

Ключница.

Да извѣстно, кто, старый баринъ.

Корпѣловъ.

Жалость какая!

Ключница.

Жалость-то жалостью; а позвалъ онъ меня и приказываетъ: „отдай ты эту коробочку дѣвушкѣ!“

Корпѣловъ.

Какой дѣвушкѣ?

Ключница.

Извѣстно, какой. Да что ты, развѣ я тебѣ не сказывала?

Корпѣловъ.

Ну, все равно, разговаривай дальше!

Ключница.

Вотъ я и согрѣшила, грѣшная, задумала ее утаить. Алчная я, до всего на свѣтѣ завистная; а Богъ-то и покаралъ. Думала вещи тамъ, золото; разломала я, на мѣсто того, бумаги. Можетъ есть тутъ и денежныя бумаги, да коли именныя, такъ за это, говорятъ, великъ судъ бываетъ; значитъ, все мнѣ не на пользу. (*Показываетъ пакетъ и коробочку*). Вотъ они: и бумаги, и коробочка!

Корпѣловъ.

Вижу.

Ключница.

Такъ сними ты съ меня этотъ грѣхъ, сними!

Корпѣловъ.

Многаго ты захотѣла. Какъ я сниму? Этого я не умѣю.

Ключница.

А ты на свою душу возьми! Вамъ, малоумнымъ, всякій грѣхъ прощается. Вотъ, на-ко тебѣ бумаги-то, на! А то умру вѣдь я скоро. Возьми!

Корпѣловъ.

Да на что мнѣ ихъ?

Ключница.

Возьми, возьми! Коли увидишь дѣвушку, такъ отдай ей.

Корпѣловъ.

Какую дѣвушку?

Ключница.

Да все ту-же. А коли не увидишь, куда хочешь дѣнь! Ты только возьми, а тамъ ужь твое дѣло, хоть брось. На, на!

Корпѣловъ (*беретъ бумаги и кладетъ въ карманъ*).

Ну, давай! Отвяжись только!

Ключница.

Вотъ мнѣ теперь и легче; ровно камень ты съ моей души снялъ. А коробочку не отнимай у меня! Хороша коробочка-то! Сдѣлай милость, не отнимай!

Корпѣловъ.

Провались ты и съ коробочкой! Надоѣла ты мнѣ.

Ключница.

Ну, вотъ спасибо! Надо-бъ тебѣ гривенничекъ дать, да не взыщи ужь! (*Кланяется и уходитъ. Входитъ Сакердонъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Корпѣловъ, Сакердонъ, *потомъ* Потроховъ.

Сакердонъ.

Держи руку! (*Беретъ за руку Корпѣлова и сверху опускаетъ въ нее трехрублевую бумажку*).

Корпѣловъ.

Quid agis, amicissime? Что дѣлаешь, друже?

Сакердонъ.

Лепта.... и чтобъ за родителей и за всѣхъ сродниковъ....

Корпѣловъ.

За какихъ сродниковъ?

Сакердонъ.

Разумѣется, господа этого не сказали; а ужь такой порядокъ. Выслали деньги, значитъ маршъ! Сами не могутъ, заняты.

Корпѣловъ.

Зачѣмъ мнѣ три рубля выслали? И чѣмъ занятъ онъ?

Сакердонъ.

Извѣстно, не дрова же ему колоть, умственное занятіе: транпасье раскладываетъ.

Корпѣловъ.

Что? Самъ карты раскладываетъ, а товарищу милостынку высылаетъ! Да я двери выломаю, всѣ окна перебью.

Сакердонъ.

Не шуми! Ты, коли юродствовать, такъ пойдемъ въ людскую!

Корпѣловъ.

Брось ему эти деньги! Я не нищій. (*Бросаетъ деньги*). Покажись онъ мнѣ только.... (*Потроховъ отворяетъ дверь*).

Потроховъ.

Что за шумъ?

Корпѣловъ.

А! тебя то мнѣ и нужно.

Потроховъ.

Ты здѣсь еще, мой милый? шелъ-бы ты домой спать.

Корпѣловъ.

Пойду, пойду.... Что это ты выдумалъ, stultissime! Мнѣ милостинку высылать, гнать меня! Али ты не знаешь, кто я? Вѣдь я Корпѣловъ: честный, благородный труженникъ, а не нищій, не шутъ. Ты бы за честь долженъ считать, что старый товарищъ, трудящійся человѣкъ, не погнушался тобой, глупымъ лежебокомъ. Ты за честь долженъ считать, что я обращался съ тобой какъ съ равнымъ по образованію, что я попросилъ у тебя одолженія.

Потроховъ.

Что такое, что такое?

Корпѣловъ.

Да, конечно, за честь.... потому что я человѣкъ, homo sapiens, а ты, опоекъ, полувалъ, юфть.

Потроховъ.

Ты захмѣлѣлъ, любезный!

Корпѣловъ.

Нѣтъ, ты захмѣлѣлъ отъ глупости и отъ денегъ, которыя тебѣ даромъ достались. Ты думаешь, что, кто бѣденъ, тотъ и попрошайка, что всякому можно подавать милостыню. Ошибся, милый.... Да я....я.... я нехочу быть богатымъ, мнѣ такъ лучше. Ты вотъ и съ деньгами, да не умѣлъ сберечь благородства; а я мерзъ, зябъ, голодалъ, а все таки джентльменъ передъ тобой. Приди ко мнѣ, я и приму тебя учтивѣе, и угощу честнѣй своимъ трудовымъ хлѣбомъ! А если тебѣ нужда будетъ, такъ послѣднимъ подѣлюсь. Прощай.—(*Уходитъ*).

Зановѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Корпѣловъ.
Наташа.
Евгенія.
Копровъ.
Грунцовъ.
Чепуринъ.
Маланья.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Наташа (*стоитъ у окна, закрывъ глаза платкомъ*), Евгенія (*подлѣ нея*), Корпѣловъ (*спитъ на диванѣ*).

Евгенія.

Какъ ты страдаешь, бѣдная! Наташа, Наташа, голубушка, не плачь!

Наташа.

Не утѣшай меня, Женичка, мое горе очень велико. Оставь, пусть я плачу; хуже, какъ слезъ не будетъ.

Евгенія.

Сядемъ работать.

Наташа.

Да, я стану работать, я много,... дни и ночи буду работать; за работой скорѣй.... позабудешь.... Мнѣ-бы только дня два перемаяться, потомъ мнѣ легче будетъ.... я себя знаю. Вотъ нынче мнѣ очень ужь трудно.

Евгенія.

Да ты не думай, Наташа, не думай!

Наташа.

Ты оставь меня!... Милая, я ничего, я одна лучше. (*Взглянувъ въ окно*). Что это такое? Не кажется-ли мнѣ! Посмотри!

Евгенія.

Это онъ.

Наташа.

Остановился.... кланяется. (*Кланяется въ окно*). Съ Маланьей разговариваетъ.... опять кланяется.... уѣхалъ. Ужь не сонъ-ли я вижу! Что она тамъ? Что она не идетъ? (*Маланья входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Корнѣловъ, Наташа, Евгенія, Маланья.

Наташа (*Маланьѣ*).

Ну что, что?

Маланья (*таинственно*).

Проѣхалъ.

Наташа.

Видѣли, видѣли. Что говорилъ?

Маланья.

Ты, говоритъ, здѣшняя? Здѣшняя, говорю. — Знаешь Наталью Петровну? — Какъ-же молъ, — въ услуженіи у нихъ. — Скажи, говоритъ.... (*Оглядывается по сторонамъ*).

Наташа.

Да ну, ну!

Маланья.

Скажи, говоритъ, — чрезъ полчаса мѣста заѣду.

Наташа.

Еще что?

Маланья.

Онъ-бы и еще, можетъ, поговорилъ, да этотъ косоглазый хозяинъ подошелъ, — такъ и уѣхалъ.

Наташа.

Что это значитъ? Какъ понять? Пойдемъ, пойдемъ, надо мнѣ хорошенько подумать.

Евгенія.

Теперь объ чемъ думать?

Наташа.

Нѣтъ, Женичка, надо обдумать хорошенько каждое слово; когда любишь, такъ долго-ли ошибиться, увлечься. (*Уходитъ*).

Маланья.

Вонъ онъ, хозяинъ-то, ужь здѣсь, должно, опять за деньгами. (*Входитъ Чепуринъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Корпѣловъ, Маланья, Чепуринъ, *потомъ* Грунцовъ.

Маланья.

Асафъ Наумычъ, Асафъ Наумычъ, проснись! Хозяинъ пришелъ.

Чепуринъ.

Нетрожь! Я подожду.

Маланья.

Что-жь ему валаться-то! Онъ ужь это второй разъ ложится. Асафъ Наумычъ, вставай! Онъ вчера на пирушкѣ былъ въ хорошемъ домѣ. Ты не смотри, что онъ такой забвенный; а съ нимъ хорошіе люди знакомы. Должно быть, переложилъ лишнее, вотъ теперь сномъ и отходитъ. Нѣтъ-то ничего милѣе на свѣтѣ, какъ этотъ сонъ. Асафъ Наумычъ!

Корпѣловъ.

А! Что? Аглая, пощади!

Маланья.

Хозяинъ....

Корпѣловъ.

Хозяинъ? Ну такъ я сплю, крѣпко сплю, — такъ и скажи ему.

Чепуринъ.

Извольте почивать, я подожду. (*Входитъ Грунцовъ*).

Корпѣловъ.

А, онъ здѣсь! Ну, такъ скажи ему, что денегъ нѣтъ и я умеръ. (*Закрываетъ глаза*). Видишь? (*Маланья уходитъ*).

Чепуринъ.

Сохрани Богъ-съ. Плакать заставите!

Грунцовъ.

Деньги есть.

Корпѣловъ.

Деньги есть, такъ я ожилъ; не плачь, Чепуринъ.

Грунцовъ (*вынувъ деньги*).

Лишнее украшеніе и съ цѣпочкой у Мурина гостить оставилъ, цѣлѣй будутъ. Принялъ часы въ десяти рубляхъ, а выдалъ только восемь съ полтиной, полтора рубля за сбереженье вычелъ. Вотъ тебѣ, domine, семь съ полтиной!

Корпѣловъ.

Получай, дому сему владыка!

Чепуринъ.

Въ разсчетѣ-съ.

Грунцовъ.

Рубль остался и шевелится, не даетъ мнѣ покоя. Была у меня мечта, угостить тебя, domine, селянкой; а и конфекты еще за мной. (*Входитъ Евгенія*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Корпѣловъ, Чепуринъ, Грунцовъ, Евгенія.

Евгенія.

Принесли конфекты?

Грунцовъ.

Конфекты будутъ. (*Показывая рублевую бумажку*). Вотъ онъ, видите? Трепещетъ въ моей рукѣ, ждетъ своей участи.

Евгенія.

Насплу-то. Гдѣ это вамъ Богъ послалъ?

Грунцовъ.

Часы еврейскому языку учиться отдалъ.

Корпѣловъ.

Юноша, а ты мечталъ о селянкѣ. Мнѣ-бы теперь сія снѣдь была зѣло полезна: я вчера хересомъ ошибся. Ужъ этотъ хересъ! Врагъ онъ мнѣ: я еще въ университетѣ два раза за него въ карцерѣ спдѣлъ, да и память отшибаетъ совсѣмъ.

Грунцовъ (*трагически*).

Драма въ душѣ моей!

Корпѣловъ.

Юноша! изобрази себѣ въ мечтахъ блестящій чертогъ Гурина, музыки громъ, бѣжитъ половой, несетъ графинчикъ листовочки, паръ отъ селянки.

Грунцовъ.

Два чувства борются во мнѣ.

Евгенія.

Какія это?

Грунцовъ.

Любовь и дружба.

Евгенія.

Какъ вы смѣете говорить: любовь? Кто вамъ позволилъ любить меня?

Грунцовъ.

Я самъ себѣ позволилъ. Но когда человѣкъ обуреваемъ страстями, онъ долженъ призвать на помощь разсудокъ. Разсудокъ вотъ что говоритъ: у насъ съ вами есть еще пари на другой фунтъ конфектъ, что вы меня сегодня поцѣлуете; а такъ какъ я это пари непремѣнно выиграю, то мы съ вами поквитаемся.

Евгенія.

Какъ вы смѣете! Ахъ, сплъ монхъ нѣтъ! Какая увѣренность!

Грунцовъ.

Съ вами мы поквитаемся.

Евгенія.

Никогда, никогда!

Грунцовъ.

А пока (*беретъ ведро*) не сбѣгать-ли за водой для чаю?

Чепуринъ.

И съ меня гривенничекъ получите! (*Вынимаетъ портмоне*).

Евгенія.

Нѣтъ, господа, извините, мы теперь чай пить не будемъ, мы ждемъ гостя (*Корпѣлову*). Дядинька, Наташа проситъ васъ, чтобъ вы ушли куда-нибудь на полчасика. Она-бы и сама вамъ сказала, да очень разстроена и конфузится.

Корпѣловъ.

Хорошо, хорошо, мы сейчасъ, мы мигомъ. Пойдемъ, юноша селянку ѣсть! (*Евгенія уходитъ*).

Чепуринъ (*Корпѣлову*).

Теперича я васъ понялъ-съ.

Корпѣловъ.

Ну, что-жь я по твоему?

Чепуринъ.

Самый ничтожный человѣкъ-съ!

Корпѣловъ.

Что же ты, благодѣтель мой, ругаешься?

Чепуринъ.

Я васъ принималъ за ученаго человѣка и всякое уваженіе и снисхожденіе вамъ дѣлалъ; а теперь вижу, что ни ума, ни образованія въ васъ нѣтъ, одно балагурство и даже ко вреду себѣ и людямъ.

Корпѣловъ.

Ахъ ты, циклопъ одноглазый!

Чепуринъ.

Васъ гонятъ изъ дому, а вы и рады. Да вы кто же? Хозяинъ въ семействѣ, или нахлѣбникъ? Коли васъ изъ-за хлѣба, ради шутовства, держатъ, такъ вамъ и цѣна такая отъ людей!

Корпѣловъ.

Засыпалъ онъ меня!

Чепуринъ.

Какой такой гость пріѣдетъ? Извѣстны вы о немъ, или нѣтъ? Не складнѣй-ли будетъ его гнать, чѣмъ самому бѣжать?

Корпѣловъ.

Милый ты мой чухонецъ, какъ-же я въ чужое дѣло полѣзу?

Чепуринъ.

Да нѣшто она вамъ чужая? Да если и чужой у меня передъ глазами тонетъ, я все-таки за нимъ въ воду полѣзу.

Корпѣловъ.

А коли онъ лучше насъ съ тобой?

Чепуринъ.

Такъ узнайте про него все доподлинно! Я-то его хорошо знаю. Всю Москву обѣгайте! Да прохлажаться-то нечего, сейчасъ надо за это приняться. Если онъ точно хорошій человѣкъ, такъ пущай ѣздитъ, только чтобъ не украдкой, а при васъ—это гораздо пристойнѣе, А если онъ не стоющій вниманія, такъ возьмите орясину....

Корпѣловъ.

Я-то орясину? Да ты погляди на меня!

Чепуринъ.

На своемъ гнѣздѣ всякій силенъ. А если вы чувствуете себя, что такъ малодушны, такъ на то есть хозяинъ въ домѣ; позовите меня, я изъ него отбивныхъ котлетъ изготовлю.

Корпѣловъ.

Юноша! обижаютъ меня!

Грунцовъ.

Нѣтъ, онъ правъ; онъ скупъ, но правъ.

Чепуринъ.

Чѣмъ по трактирамъ-то бражничать, пойдемте лучше со мной, я вамъ всѣ пути укажу

Грунцовъ.

Domine, иди! А я въ Сокольники сбѣгаю, мнѣ богатое мѣсто обѣщали въ отъѣздъ. (*Уходятъ. Входятъ: Наташа и Евгенія*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Наташа, Евгенія, *потомъ* Маланья.

Наташа.

Ушли?

Евгенія.

Ушли.

Наташа.

Кажется, здѣсь все въ порядкѣ, все чисто. Бѣдненько немного, ну, да что-же дѣлать, пусть въ чемъ застанетъ, въ томъ и судитъ.

Евгенія.

Ведро, самоваръ... канфузно какъ-то.

Наташа.

Нѣтъ, зачѣмъ конфузиться! это глупо. Чисто, опрятно, чего-жь еще! Мы живемъ по средствамъ, трудами; намъ и жить лучше нельзя. Онъ пойметъ, если у него умъ есть. Ну, на какія деньги, на какіе доходы мы съ тобой можемъ

имѣть квартиру хорошую и разодѣться по модѣ? Странно отъ насъ и требовать этого. Бѣдно, дѣйствительно, да откуда-жь, Женичка, богатства-то намъ взять! Кто посмѣетъ отъ насъ требовать, чтобъ у насъ богато было! Чисто, опрятно — и довольно. Ты не конфузься, не теряй своего достоинства! Наша бѣдность—гордость наша! Мы ею гордиться должны. Милая Женичка, мы съ тобой хорошія, добрыя дѣвушки; что мы бѣдны,—мы не виноваты; забудь эти стѣны и представь себѣ, что мы королевны во дворцѣ.

Маланья (*таинственно*).

Ѣдетъ, ѣдетъ!

Евгенія.

Ахъ, милушка! Наташа!

Наташа.

Ну, ты уйди, сначала я съ нимъ одна поговорю. *Евгенія уходитъ. Входитъ Копровъ.*

ЯВЛЕНІЕ VI.

НАТАША, КОПРОВЪ.

Наташа.

Здравствуйте!

Копровъ (*оглянувъ комнату*).

Здравствуйте!

Наташа.

Садитесь, пожалуйста. (*Копровъ садится*). Давно возвратились?

Копровъ.

Нѣтъ, не очень, а, впрочемъ, когда я... (*стараясь вспомнить*).

Наташа.

Забыли? Да вы ѣздили-ль куда?

Копровъ.

Нѣтъ не ѣздилъ.

Наташа.

Разумѣется, признаться лучше. Такъ вы меня обманули?

Копровъ.

Обманулъ. Много я народу въ это время обманулъ.

Наташа.

Вы меня обманули... Что-жь васъ привело теперь ко мнѣ, я не понимаю.

Копровъ.

Да будетъ комедію-то играть, Наташа.

Наташа (*привставъ*).

Извините меня, я вамъ прежняго обращенія позволить не могу. Вы меня разъ обманули, такъ ужь прежнее все кончено. Что-же вамъ угодно?

Копровъ.

Ничего не угодно. Захотѣлъ посмотрѣть на васъ, вотъ и все.

Наташа.

Захотѣли посмотрѣть? Это не понятно. Не знаю, какъ вамъ, а всѣмъ вообще порядочнымъ людямъ обыкновенно бываетъ совѣстно смотрѣть на тѣхъ, кого они обманываютъ.

Копровъ.

Вы-бы лучше меня не принимали; а ужь отъ упрековъ и наставленій увольте.

Наташа.

Да это странно.

Копровъ.

Ничего страннаго нѣтъ. Цѣлый мѣсяцъ я прятался отъ людей, отъ ближнихъ, отъ васъ, ну, даже отъ свѣта Божьяго, былъ какъ въ тюрьмѣ; вотъ вырвался на волю, и радъ радехонекъ, что могу опять всѣхъ видѣть. Все такъ естественно и просто.

Наташа.

Зачѣмъ-же вы прятались?

Копровъ.

Долженъ былъ много.

Наташа.

А отъ меня зачѣмъ?

Копровъ.

Чтобъ вы не узнали правды. Объяснять вамъ, какъ я ошибся въ разсчетахъ, какъ запутались дѣла мои, какъ я

влѣзъ по уши въ долги,—это было-бы и скучно и едва-ли понятно для васъ. Вы бы увидали только, что человѣкъ, который говорилъ вамъ о своемъ богатствѣ и обѣщалъ пріятную жизнь, вдругъ попался въ чемъ-то, что нынче, завтра, у него все опишутъ, и самого посадятъ въ долговое отдѣленіе: ну, значитъ, онъ виноватъ, онъ обманщикъ. Такъ обыкновенно судятъ у насъ. Не лучше-ль было рѣшиться на разлуку съ вами, а тѣмъ временемъ устраивать свои дѣла, платить долги. Такъ я и поступилъ; а ужь вы судите меня, какъ хотите.

Наташа.

Вы всѣ долги заплатили?

Копровъ.

Нѣтъ, еще не всѣ; но ужь остались пустяки, которые меня не тяготятъ. Кромѣ того, у меня въ виду выгодное дѣло. Ну, что-жь, вы сердитесь на меня, или нѣтъ?

Наташа.

Сержусь. Сами согласитесь, нельзя не сердиться, когда обманываютъ. Я не ангелъ.

Копровъ.

Да сердиться-то, пожалуй, сердитесь, только не переставайте любить!

Наташа.

Любить? Любить можно и не уважая человѣка и не вѣря ему... да вѣдь такая любовь — обида.

Копровъ.

Ну, такъ жалѣйте меня!

Наташа.

Я все еще не могу убѣдиться, дѣйствительно-ли вы стоите сожалѣнія.

Копровъ.

Конечно, стою. Что я перенесъ въ этотъ мѣсяцъ, я не могу вспомнить безъ ужаса. Доставать деньги, когда онѣ нужны до зарѣзу, это значитъ прямо обречь себя на всевозможныя адскія мученія. Не говорю ужь, что я платилъ

процентовъ два рубля за рубль, я долженъ былъ дрожать, трепетать, унижаться, плакать, чуть не въ ноги кланяться передъ самыми гнусными личностями.

Наташа.

Да, это ужасно.

Копровъ.

Я изломался, изуродовалъ себя нравственно, я готовъ былъ на всякія средства, чтобъ только достать денегъ.

Наташа.

Вы прежде имѣли состояніе, имѣли деньги?

Копровъ.

Имѣлъ очень много.

Наташа.

Отъ чего-жь вы запутались?

Копровъ.

Отъ того, что захотѣлъ имѣть больше?

Наташа.

Зачѣмъ же вамъ больше?

Копровъ.

Затѣмъ, что больше — лучше.

Наташа.

А потомъ опять больше, и такъ далѣе, гдѣ-же конецъ?

Копровъ.

Конца нѣтъ. Вѣдь совершенства тоже нѣтъ на землѣ, а все-таки всякій стремится къ нему; умный желаетъ быть умнѣе, ученый—ученѣе, добродѣтельный—добродѣтельнѣе; ну, а богатый желаетъ быть еще богаче.

Наташа.

Зачѣмъ же такъ ужь очень много денегъ?

Копровъ.

Чтобъ имѣть возможность удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Потребности неудовлетворенныя причиняютъ страданіе, а кто страдаетъ, того нельзя назвать счастливымъ. Напримѣръ: у меня синяя коляска и сѣрыя лошади, вдругъ мнѣ понравится зеленая коляска и воро-

ныя лошади... Конечно, я не умру, если не куплю ихъ сейчасъ-же, но все-таки это причинитъ мнѣ нѣкоторое страданіе. И я тогда только сочту себя покойнымъ и счастливымъ, когда получу возможность имѣть во всякое время всякую коляску, какая только мнѣ понравится.

Наташа.

Значитъ, по вашему, счастливъ только очень богатый? Я съ вами несогласна; можно быть счастливымъ и на небольшія, трудовыя деньги.

Копровъ.

Ну, я, признаюсь, въ трудовомъ хлѣбѣ особенной прелести не вижу. Либо я во вкусъ не вошелъ, либо вовсе не рожденъ быть ремесленникомъ. Конечно, человѣкъ можетъ до крайности умолить, свои потребности, можетъ пріучить себя ко всякимъ лишеніямъ, — довольствоваться только одной коркой хлѣба; но для кого-жь тогда будутъ расти ананасы! Потребности животныхъ однообразны: вода, сѣно, овесъ и никакого платья; а у людей разнообразны, и чѣмъ человѣкъ развитѣе, тѣмъ разнообразнѣе.

Наташа.

Такія разсужденія безнравственны.

Копровъ.

Постойте! Когда я вамъ обѣщалъ обезпеченное состояніе, удовольствія и даже роскошь, вы не отказывались, неназывали такую жизнь безнравственной; такъ не судите и другихъ. Трудиться хорошо, но вѣдь тяжело?

Наташа.

Да, не легко.

Копровъ.

Обезпеченная жизнь пріятнѣе?

Наташа.

Да, но потому только, что въ насъ мало...

Копровъ.

Почему бы то не было, а вѣдь пріятнѣе?

Наташа.

Конечно, пріятнѣе.

Копровъ.

Ну, и довольно. Ваши мнѣнія о трудовомъ хлѣбѣ я уважаю, ихъ нельзя и не уважать, и, пожалуйста, не судите обо мнѣ по моимъ словамъ; я очень скроменъ въ моихъ желаніяхъ. Дня черезъ два—три всѣ мои волненія и хлопоты кончатся, я буду имѣть ровно столько, сколько мнѣ нужно и ограничусь этимъ. Теперь, чтобъ мое предпріятіе удалось вполнѣ, мнѣ нужна очень небольшая сумма.

Наташа.

Опять занимать?

Копровъ.

А какъ-же иначе. На улицѣ не найдешь.

Наташа.

И платить огромные проценты?

Копровъ.

Да ужь не помилуютъ; ростовщики мягкостью сердца не отличаются.

Наташа.

Зачѣмъ же у ростовщиковъ занимать?

Копровъ.

Да у кого-же больше? Кто даетъ деньги, тотъ и ростовщикъ. Съ удовольствіемъ бы я занялъ у васъ, напримѣръ, да вѣдь у васъ денегъ нѣтъ.

Наташа.

Нѣтъ, у меня есть деньги.

Копровъ.

Ну, какія деньги! Рублей сто—полтораста.

Наташа.

Гораздо больше.

Копровъ.

Ужь и гораздо. А если и есть, такъ онѣ вамъ самимъ нужны.

Наташа.

Да, эти деньги завѣтныя.

Копровъ.

Всякія деньги бываютъ, а завѣтныхъ я не видалъ. Покажите, пожалуйста, что за диковина такая.

Наташа.

Пожалуй, извольте! (*подходя къ двери*). Женичка, поди сюда! (*выходитъ Евгенія*). Вотъ сестра моя Евгенія Львовна (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Копровъ, Евгенія.

Копровъ.

Вы любите вашу сестру?

Евгенія.

Ахъ, очень, очень, больше всѣхъ.

Копровъ.

Не можетъ быть.

Евгенія.

Какъ, не можетъ быть? Я васъ увѣряю.

Копровъ.

Да что значитъ: больше всѣхъ? То есть вы ее любите больше, чѣмъ всѣ другіе?

Евгенія.

Да.

Копровъ.

Или то, что вы ее любите больше, чѣмъ кого нибудь другаго?

Евгенія.

Тоже да.

Копровъ.

А я думаю, что ни то, ни другое.

Евгенія.

Почему-же такъ?

Копровъ.

Во первыхъ, потому, что я люблю ее больше, чѣмъ вы.

Евгенія.

Ну, ужь сомнѣваюсь.

Копровъ.

А, во вторыхъ, потому, что вы любите кого нибудь больше, чѣмъ ее.

Евгенія.

Это невозможно.

Копровъ.

Многоль вамъ лѣтъ?

Евгенія.

Двадцать.

Копровъ.

Ну, нечего и толковать. Какой онъ: брюнетъ или блондинъ?

Евгенія.

Ахъ, что вы, что вы!

Копровъ.

Баринъ, чиновникъ, студентъ?

Евгенія.

Да какъ вы можете?...

Копровъ.

Ну, студентъ, непремѣнно студентъ. Какъ зовутъ? Аркадій, Валеріанъ, Викторъ?

Евгенія.

Какой Викторъ? Никакого Виктора нѣтъ.

Копровъ.

А, такъ проще: Карпъ, Сидоръ?

Евгенія.

Ужь будто непремѣнно каждая дѣвушка....

Копровъ.

Да, непремѣнно.

Евгенія.

Съ вами говорить нѣтъ никакой возможности.

Копровъ.

Очень можно говорить со мной, надо только быть откровеннѣй (*Входитъ Наташа*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Копровъ, Евгенія, Наташа.

Наташа (*подавая деньги*).

Вотъ какія деньги у меня!

Копровъ.

Хорошія деньги, отличныя, но почему же онѣ завѣтныя?

Наташа.

Ихъ нельзя тратить.

Копровъ.

Какъ нельзя? вы ошибаетесь. Кто вамъ сказалъ! Очень можно.

Наташа.

Я не имѣю права.

Копровъ.

Да вѣдь это жалость, это неблагоразумно: держать деньги безъ всякой пользы. Хотите, я вамъ дамъ за нихъ двадцать процентовъ въ годъ?

Наташа.

Нельзя, я не могу отдавать ихъ за проценты.

Евгенія.

Она можетъ отдать ихъ даромъ.

Наташа.

Ахъ, Женичка, молчи, пожалуйста!

Копровъ.

Что за секреты у васъ?

Евгенія.

Да никакихъ секретовъ. Вы сейчасъ сказали, что любите Наташу.

Наташа.

Женичка!

Копровъ.

Да, люблю.

Евгенія.

Такъ она можетъ отдать вамъ эти деньги.

Копровъ.

Объясните, пожалуйста, эту тайну?

Евгенія.

Да скажи, Наташа, чего ты конфузишься! А то я скажу.

Наташа.

Нѣтъ, ужь, оставь. Вотъ видите-ли, это деньги моей маменьки.

Копровъ.

Значитъ, теперь ваши.

Наташа.

Только съ условіемъ: я ихъ не могу тратить, а должна отдать....

Евгенія.

Жениху. Вотъ вамъ и все.

Наташа.

Да.... Вмѣстѣ съ рукой моей.

Копровъ.

Только-то? (*кладетъ деньги въ карманъ*). Ну, такъ получите съ меня росписку.

Наташа (*съ изумленіемъ*).

Какъ.... росписку?...

Копровъ.

Да, росписку, потому что и жениху глупо отдавать безъ росписки деньги: мало-ль что можетъ случиться.

Наташа.

Но, Егоръ Николаичъ, говорите яснѣй!... вѣдь жизнь моя.... вся жизнь отъ этого зависитъ.... Мнѣ нужно подумать.

Копровъ.

Думать не нужно, я денегъ назадъ не отдамъ.

Наташа.

Я бы желала говорить о такомъ дѣлѣ серьезно, мнѣ больно отъ вашихъ шутокъ.

Копровъ (*взглянувъ на часы*).

Послѣ успѣемъ поговорить и серьезно, время отъ насъ не уйдетъ.

Наташа.

Но прежде, нежели рѣшиться, я бы желала знать все....

Копровъ.

Что все-то? Ну, вотъ вамъ все: я опять богатъ по прежнему, жизнь васъ ожидаетъ пріятная, безъ трудовъ, съ человѣкомъ, который васъ любитъ. Ну что еще? Наташа, не приводи меня въ отчаяніе!

Евгенія.

Душечка, Наташа, не думай!

Наташа.

И ужь этихъ.... обмановъ не будетъ больше?...

Копровъ.

Ты меня обижаешь! На, возьми, пожалуй (*хочетъ вынуть изъ кармана деньги*).

Наташа (*беретъ Копрова за руку*).

Не надо (*подумавъ*). Оставь у себя.

Копровъ (*цѣлуя ея руку*).

Благодарю, моя милая. Росписку я пришлю, а завтра заѣду, — мы поговоримъ хорошенько. Ахъ, да, забылъ. Вотъ тебѣ впередъ проценты (*вынимаетъ изъ бумажника и даетъ сторублевую бумажку*). Деньги тебѣ я думаю, нужны. Ну, прощай, до завтра! (*цѣлуетъ руку*). Прощайте, барышня, поклонитесь отъ меня своему студенту!

Евгенія.

Какой студентъ! Никакого нѣтъ студента. (*Копровъ уходитъ, Наташа его провожаетъ и возвращается*).

Наташа (*садясь*).

Не могу перевести духъ.

Евгенія.

Ахъ, Наташа, какъ это неожиданно!

Наташа.

Погоди, у меня кружится голова. Мнѣ кажется, мы сдѣлали что-то не то....

Евгенія.

Ахъ, Наташа, да развѣ это не счастье! Вѣдь ужь кончено.

Наташа.

Кончено-ли?...

Евгенія.

Да вѣдь ужь деньги отданы, онъ взялъ.

Наташа.

Да, взялъ.... Что-жь я думаю!... Неужели-же....

Евгенія.

Вотъ объ чемъ думать-то: надо сшить поскорѣй платье, или два, хорошенькихъ.

Наташа.

Да, да.... надо, непремѣнно надо. Я сейчасъ иду въ городъ, такъ ужь куплю себѣ и тебѣ. Дай-ко шляпу и бурнусъ!

Евгенія.

Благодарю, милая. (*Приноситъ шляпу и бурнусъ. Наташа уходитъ. Входитъ Маланья*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Евгенія, Маланья.

Маланья.

Вотъ барина-то сейчасъ видно, по всему знать. Я и ручку у него поцѣловала.

Евгенія.

Объ чемъ ты говоришь?

Маланья.

Да какъ-же, помилуй скажи, три рубля.... Что я! Я и жалованья-то полтора рубля.... Ну-ко! Вотъ вамъ давно-бы такъ.

Евгенія.

Ничего у тебя понять нельзя.

Маланья.

Какъ не понять? Пріучили студента; что въ немъ? А это.... одна коляска чего стоитъ!

Евгенія.

Онъ женится на сестрѣ.

Маланья.

Ужь я знаю, какъ сосѣдямъ-то сказать! что̀ меня учить!

Евгенія.

Не сосѣдямъ только, а въ самомъ дѣлѣ женится.

Маланья.

Разводи бобы-то!

Евгенія.

Ну, будетъ; — поговорила и будетъ.

Маланья.

Ужь вы кому другому очки-то вставляйте, а мы и такъ, слава Богу, хорошо видимъ.

Евгенія.

Да довольно, довольно. (*Входятъ Корпѣловъ и Чепуринъ. Маланья уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Евгенія, Корпѣловъ, Чепуринъ.

Корпѣловъ.

Проводили гостя?

Евгенія.

Проводили дяденька; вы немножко не застали его.

Корпѣловъ.

Жалко. (*Громко*) Наташа! Гдѣ Наташа?

Евгенія.

Она ушла платья покупать себѣ (*съ радостью*) и мнѣ.

Чепуринъ.

Защеголяли? На какой радости?

Евгенія.

Деньги есть, вотъ и защеголяли. И радость есть.

Корпѣловъ.

Ты легковѣрна; ибо ты женскаго рода, foeminini generis.

Евгенія.

Да вѣдь Егоръ Николаичъ женится.

Корпѣловъ.

А, Чепуринъ! Онъ женится, а имъ радость! Какая вамъ радость, virgines, дѣвицы?

Евгенія.

Дяденька, что съ вами? Поймите хорошенько: вѣдь Наташа выходитъ за него замужъ. Ужь это рѣшено, кончено.

Корпѣловъ.

Чепуринъ, понимай ты за меня! Я теменъ, obscurus sum.

Чепуринъ (*Евгеніи*).

Однако ловко онъ петли-то мечетъ.

Евгенія.

Да что вы не вѣрите! Ну такъ я вамъ докажу сейчасъ.

Чепуринъ.

Докажете-съ? Очень пріятно, мы будемъ слушать.

Евгенія.

Ахъ, это смѣшно. Да Наташа сама долго отказывалась, я даже удивлялась на нее. Потомъ ужь, когда онъ объяснилъ всѣ свои дѣла, она и согласилась; онъ и руку у нея цѣловалъ, благодарилъ; ну и все покончили. Онъ ужь теперь женихъ, какъ слѣдуетъ, совсѣмъ, совсѣмъ ужь женихъ; вы кого увидите, всѣмъ такъ и говорите. Ужь свадьба скоро, онъ и деньги взялъ.

Корпѣловъ.

Какія деньги?

Евгенія.

Ея деньги, которыя ей оставлены, которыя жениху....

Чепуринъ (*Корпѣлову*).

Дождались! Сберегли приданое! Ужь лучше-бъ вамъ пропить его; по вашей слабости, оно простительнѣе было-бы.

Корпѣловъ.

А!! Вотъ онъ какъ! Ну такъ я съ нимъ, съ дружкомъ.... Я его! Я его!

Чепуринъ.

Поздно хватились.

Корпѣловъ.

Нѣтъ, вырву, вырву: какъ орелъ, налечу....

Чепуринъ.

И ничего этого не будетъ отъ васъ.

Корпѣловъ.

Молчи, мужикъ! Ты думаешь, что взять можно только медвѣжьей силой; я его силой слова, убѣжденіемъ, я плакать его заставлю.

Чепуринъ.

Не выдетъ-съ.

Корпѣловъ.

Я самъ заплачу. Я ему нарисую эту картину-то, какъ умирающая сестра поручала мнѣ дочь свою.... Я Бога призову во свидѣтели.... Что? Мало ему этого? мало?... Ну, такъ я.... я.... я самъ буду умирать передъ нимъ.... Я умру.... умру.... и пусть онъ смотритъ на меня, на мое мертвое лицо, на мои мертвыя губы, на которыхъ такъ и застынетъ проклятіе (*шатается*).

Чепуринъ (*поддерживая Корпѣлова*).

Ахъ, братъ, Асафъ Наумычъ!

Корпѣловъ (*отталкивая Чепурина*).

Поди, оставь! Или ты думаешь, что у меня силъ нѣтъ? (*Выпрямляясь*). Такъ знай-же, что страсть, что отчаяніе

дают̀ силу. Я лев̀ теперь.... лев̀.... Я его!... (*идет̀ к̀ двери*).

Евгенія (*подавая шляпу*).

Возьмите дяденька!

Корпѣловъ (*вырвав̀ шляпу*).

Прочь! Прочь! Сторонитесь! Всѣ сторонитесь! Я его!... Я его!... (*Убѣгаетъ*).

З а н а в ѣ с ъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица:

Корпѣловъ.
Наташа.
Евгенія.
Грунцовъ.
Чепуринъ.
Маланья.

Комната Наташи. Двѣ двери: слѣва отъ зрителей въ ея спальню; съ права въ комнату Корпѣлова. Швейная машина, пяльцы, круглый столъ и нѣсколько стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Евгенія (*одна*).

Евгенія (*взглянувъ въ дверь направо*).

Противный хозяинъ! усѣлся тутъ и сидитъ. Это онъ дяденьку разстроилъ. Дяденька слабый человѣкъ, всякому вѣритъ. Я боюсь, придетъ Наташа, онъ и ей наговоритъ всякаго вздору. (*Прислушиваясь*). Кто-то пришелъ, должно быть, она (*отворивъ дверь*). Она, она, Наташа. Наташа, иди сюда скорѣй! (*Входитъ Наташа*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Евгенія, Наташа.

Наташа (*снимая шляпку*).

Ну, что тебѣ нужно такъ скоро? (*Весело*). Я ужь отдала шить, самимъ некогда.

Евгенія.

Ахъ, Наташа, у насъ что-то не ладно.

Наташа.

Что еще?

Евгенія.

Дяденька точно съ ума сошелъ, онъ побѣжалъ къ Егору Николаичу деньги отнимать. Его хозяинъ разстроилъ.

Наташа.

Быть не можетъ. Что нибудь не такъ. Дядя не имѣетъ права, да и не посмѣетъ распоряжаться моей судьбой. Позови сюда Ивана Ѳедулыча!

Евгенія.

Я боюсь.

Наташа.

Чего?

Евгенія.

Онъ скажетъ тебѣ что нибудь непріятное.

Наташа.

Ну, ну, не бойся, я не маленькая. Позови!

Евгенія (*у двери*).

Иванъ Ѳедулычъ, подите сюда! (*Уходитъ въ спальню, входитъ Чепуринъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Наташа, Чепуринъ.

Наташа.

Что у васъ тутъ случилось? Что дядя выдумалъ? Мало горя что-ль у меня было, такъ онъ прибавить хочетъ? Куда дядя пошелъ? Ну, говорите! Что-жь вы молчите!

Чепуринъ.

По вашему собственно дѣлу-съ.

Наташа.

Я его не просила. Прежде, прежде, Иванъ Ѳедулычъ, надо было учить меня разбирать, понимать людей, — остерегать меня отъ дурныхъ; да только раньше, раньше, а

теперь я выбрала, полюбила человѣка и не промѣняю его ни на кого.

Чепуринъ.

Да помилуйте, разбой-съ.

Наташа.

Иванъ Ѳедулычъ, постойте! Выражайтесь осторожнѣе, имѣйте побольше деликатности: не говорите при мнѣ дурно о человѣкѣ, котораго я люблю. Иначе я васъ слушать не стану.

Чепуринъ.

Что-жь мнѣ хвалить прикажете его!

Наташа.

Ни хвалить, ни бранить; а говорить съ уваженіемъ.

Чепуринъ.

Извольте!

Наташа.

Ну, говорите. Дядя узналъ про него что-нибудь? Ну, онъ мотъ, долженъ много, игрокъ, что-ли? (*съ сердцемъ*). Да ну, говорите скорѣй!

Чепуринъ.

Всего довольно-съ.

Наташа.

Ну, такъ поймите, что дѣло кончено; хорошъ-ли онъ, дуренъ-ли, разлучить насъ нельзя. Хорошо буду жить, — слава Богу; дурно, — жаловаться не стану, сама выбрала. Мнѣ съ нимъ жить — моя и забота. И горе мое и радости мои, все мое, все вотъ здѣсь, у сердца будетъ; ни съ горемъ, ни съ радостью я къ людямъ не пойду. Слышите! никому дѣла нѣтъ, мнѣ съ нимъ жить.

Чепуринъ.

Да не вамъ-съ!

Наташа.

Ну, довольно. Иванъ Ѳедулычъ! вы думаете, что если вы будете бранить, чернить человѣка, такъ я его разлюблю, и полюблю васъ. Ха, ха, ха! Это дурная политика. Онъ дурной человѣкъ, всѣ бранятъ его: ну, браните его и вы, браните! а я еще больше буду любить его. Надо жь, чтобъ

и его кто-нибудь любилъ. Вы вотъ и хорошій человѣкъ; вы стоите любви, вы хотите моей любви, да не умѣли ее заслужить, и я васъ.... презираю.

Чепуринъ.

Стою-ль я вашей любви, нѣтъ-ли-съ; только мнѣ ее не надо-съ. И все-жъ я человѣкъ съ душой-съ, и чужія слезы мнѣ не на радость.

Наташа.

Вы ихъ не увидите.

Чепуринъ.

Минуты не пройдетъ, какъ увижу, да еще какія слезы-то увижу. Вотъ вамъ Богъ-съ!

Наташа (*съ испугомъ*).

Вотъ какъ! (*послѣ нѣкоторой борьбы, съ притворнымъ спокойствіемъ*). Ну, что тамъ еще?

Чепуринъ.

Лучше-бъ кто другой, а не я говорилъ вамъ; кажется-бы, Богъ знаетъ, что далъ....

Наташа.

Пожалуйста, поскорѣй!

Чепуринъ.

Что́ я за каторжный такой, что не могъ вамъ никогда сказать ничего пріятнаго, и теперь долженъ убивать васъ, все одно, что ножемъ рѣзать.

Наташа.

Говорите, Иванъ Ѳедулычъ!

Чепуринъ.

Теперича Копровъ какую штуку гнетъ! онъ все одно, какъ бѣшеный мечется....

Наташа.

Ну!

Чепуринъ.

Чтобъ только денегъ нахватать больше. А деньги бросаетъ зря. Одинъ кабинетъ, сказываютъ, безъ малаго десять тысячъ ему стоитъ. Въ спальнѣ зеркало поставилъ сажень слишкомъ, въ серебряной рамкѣ, все кружевами увѣшано.

Наташа.

Только?

Чепуринъ.

Какъ только-съ? Арапъ теперича на крыльцѣ торчитъ, бѣлками ворочаетъ, точно у него глаза-то выскочить хотятъ. Къ чему пристало?

Наташа.

Вамъ завидно?

Чепуринъ.

Завидуютъ-то чему основательному, а тутъ нечему завидовать: вѣтеръ такъ вѣтромъ и останется. Утромъ выѣдетъ въ эгоисткѣ, — жеребецъ сѣрый, — кучеръ страсть посмотрѣть; потомъ пару вороныхъ въ какую-то корзинку заложатъ, самъ править сядетъ и арапа съ собой посадитъ. А вечеромъ въ коляскѣ, либо въ каретѣ развалится, а лошади опять другія. Да вѣдь какое баловство задумалъ! Подлѣ кабинета контору отдѣлалъ дубовую рѣзную, книги велѣлъ желтыя замшевыя разложить; на стѣнахъ какіе-то счеты въ рамкахъ, точно въ банкѣ въ какомъ.

Наташа.

Пожалѣйте меня! Я жду отъ васъ дѣла, а вы мнѣ какія-то глупости разсказываете.

Чепуринъ.

Да, помилуйте! Балансы подводятъ, милліоны на счетахъ выводятъ, а дѣла на грошъ нѣтъ. Помилуйте скажите, дутыхъ документовъ цѣлый ворохъ навалили, да на конторкѣ на шпилькахъ натыкали; а и людей-то такихъ нѣтъ, на кого они писаны. Иностранецъ какой-то съ нѣмецкой конторы сбѣжалъ, такъ всѣ книги ему на обумъ писалъ на англицкомъ языкѣ, чтобъ больше туману было, и все это фальшъ, все на показъ.

Наташа.

Кому на показъ?

Чепуринъ.

А купцу этому изъ Таганки. Его нынѣче Копровъ къ себѣ на обѣдъ зазвалъ, папонтъ его шампанскимъ и бу-

детъ ему все это показывать. Выгоритъ дѣло, Копровъ съ долгами разочтется; а не выгоритъ,—ну, вѣшай петлю, да полѣзай въ нее, больше некуда дѣться.

Наташа.

Я не понимаю васъ. На что ему купецъ? Чего ждетъ онъ отъ купца?

Чепуринъ.

А вотъ видите-ли, тутъ политика какая! Онъ ужь къ этому купцу давно ѣздитъ, потому у этого купца есть племянница, сиротка, вида суроваго, брови пальца въ три ширины, ужасно даже, если нечаянно вдругъ увидишь, и совсѣмъ круглая, какъ тунба.

Наташа.

Ну, ну!

Чепуринъ.

Тутъ разсчетъ видимый съ его стороны: кабы дочь, — такъ зря-бы не отдали, разузнали, что за человѣкъ; а то племянница, видѣть ее всѣ ужасаются, значитъ, только бы съ рукъ сбыть, да капиталъ сдать. А у этой сиротки, у бѣдной, окромя имѣніевъ, чистыми деньгами триста тысячъ оставлено на избранника, кто изберется взять за себя такую красоту. Нынче-жъ и по рукамъ ударятъ, коли удастся старика опоить, да обмануть.

Наташа (*слабымъ голосомъ и опуская голову*).

Да?... Такъ?... Правда это?

Чепуринъ (*ударяя себя въ грудь и поднимая руку къ небу*).

Вотъ-съ! Передъ истиннымъ!

Наташа.

Подите! Оставьте меня! (*Чепуринъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Наташа (*одна*).

Наташа (*вынимаетъ портретъ Копрова*).

На что онъ мнѣ теперь? (*задумывается*). Пожалуй, можно носить его, всю жизнь носить да смотрѣть на него; да ужь очень обидно будетъ. (*Ставитъ портретъ на столъ*). Прощай, Егоръ Николаичъ! Прощай голубчикъ! Не мой ты, а жаль мнѣ тебя; вдругъ тебѣ неудастся, что съ тобой будетъ? Да нѣтъ.... удастся.... отъ чего-же! А надо будетъ посмотрѣть свадьбу-то. Въ церковь не нужно ходить — не хорошо, можно у церкви подождать ихъ.... что въ церковь!... Тамъ извѣстно, что.... Пѣвчіе поютъ.... Сводятъ ихъ, онъ ей подастъ руку въ бѣлой перчаткѣ.... вотъ вѣнцы на головахъ.... вотъ все кончено. Всѣ цѣлуются, всѣ родные стали, чужихъ нѣтъ.... Чужая только я.... только здѣсь я одна ... Экипажи.... экипажи задвигались, блонды все, блонды.... разъѣздъ. Уѣдутъ, уѣдутъ! Не бѣжать-ли мнѣ, не броситься-ль подъ колеса кареты? (*Взглянувъ на портретъ*). Прощай Егоръ Николаичъ, прощай! Живи съ молодой женой! Совѣтъ вамъ да любовь!... Жива я, или нѣтъ, тебѣ все равно. Чай, какъ не жива-то буду, тебѣ легче будетъ (*глядя на портретъ*), буйная ты головушка, хорошій ты мой, не встрѣтимся тогда съ тобой, не кольнетъ тебя въ сердце-то. Аль ничего тебѣ? Встрѣтишь меня, такъ не поклонишься, къ женѣ отворотишься, будто поговорить съ ней нужно? „Что, молъ, милая, не проѣхать-ли намъ куда подальше?“ да кучеру мигнешь, чтобъ умчали тебя кони вороные отъ моихъ глазъ.... Ой, смерть моя! (*Разрываетъ портретъ*). Не разлучишь васъ.... да не родилась я на свѣтъ разлучницей. Легче самой умереть.... Носить горе, носить горе, пока износится! Какъ темно, какъ скучно въ этой лачужкѣ. Куда дѣться? Куда мнѣ дѣться съ тоской! (*Уходитъ въ спальню. Входитъ Корпѣловъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Корпѣловъ (*одинъ*).

Корпѣловъ.

Я ворочу, я ворочу эти деньги..... Вотъ побѣгу завтра на толкучку, да продамъ пальтишко, вотъ и положу Наташѣ въ комодъ на убылое мѣсто рублика полтора. Я по гривенничку наношу, по утрамъ у церквей буду съ нищими становиться. Развѣ я не похожъ на нищаго? Мнѣ подадутъ.... Чѣмъ я не нищій?

Дрожанье рукъ, поблеклыя ланиты,
И тусклыхъ глазъ распухшія орбиты....
(*Входитъ Маланья*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Корпѣловъ, Маланья.

Маланья.

Асафъ Наумычъ, нужны тебѣ бумаги-то что-ли, такъ говори!

Карпѣловъ.

Ничего мнѣ не нужно. Какія бумаги?

Маланья.

А вчера ты хмѣльненекъ пришелъ, такъ изъ пальта выронилъ.

Корпѣловъ.

Лжесвидѣтельствуешь.

Маланья.

Толкуй съ тобой! Бросилъ пальто, онѣ и выскочили, я давеча печку растопить хотѣла, да думаю: можетъ, молъ, нужны.

Корпѣловъ.

Постой, женщина! Вспоминаю.... Старуха каялась мнѣ во грѣхахъ.....

Маланья.

Ну, загородилъ.

Корпѣловъ.

Да, да.... и бумаги отдала.... Подай сюда!

Маланья.

Не трожь, лучше у меня останутся. Право, другой разъ ищешь, ищешь растопки-то....

Корпѣловъ.

О, Аглая, не возражай!

Маланья.

Не бось, жалко стало? Да на! Не велико сокровище-то. (*Отдаетъ пакетъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Корпѣловъ, потомъ Евгенія и Маланья.

Корпѣловъ (*развертываетъ верхнюю обертку и вынимаетъ незапечатанный пакетъ. Читаетъ надпись*):

„Сей пакетъ и все, что въ немъ находится, принадлежитъ дочери Губернскаго Секретаря, Натальѣ Петровой Сизаковой“. Находка, въ первый разъ въ жизни находка! (*Вынимаетъ изъ пакета одно письмо, читаетъ его, руки трясутся, утираетъ слезы. Кладетъ письмо и пакетъ на пяльцы*). Вотъ оно, вотъ приданое-то! Наташа! Наташа! (*Выходитъ Евгенія*).

Евгенія.

Тсс.... тише! Что вы, что вы! Уморить ее хотите!

Корпѣловъ.

Какъ? развѣ?... Наташа моя, Наташа!...

Евгенія.

Да тише, говорю вамъ! Дайте ей успокоиться. Она совсѣмъ убита, она умираетъ.

Корпѣловъ.

Развѣ ей сказали?

Евгенія.

Хозяинъ все разсказалъ.

Корпѣловъ.

Нѣтъ, не все еще.

Евгенія.

Ну, будетъ съ нея и этого.

Корпѣловъ.

Что-жь она? плачетъ?

Евгенія.

Нѣтъ, лежитъ въ бѣломъ платьѣ безъ движенія, какъ мертвая, и въ бреду, все какая-то ей свадьба представляется.

Корпѣловъ.

Въ бѣломъ платьѣ?

Евгенія.

Да, надѣла.

Корпѣловъ.

Словно она тебя кличетъ.... Поди, поди къ ней! (*Евгенія уходитъ въ спальню, Корпѣловъ подходитъ къ двери и прислушивается. Евгенія выходитъ*).

Корпѣловъ.

Ну, что, что?

Евгенія.

Велѣла послать къ ней Ивана Ѳедулыча и Маланью

Корпѣловъ.

Зачѣмъ?

Евгенія.

Не знаю.

Корпѣловъ.

Такъ позови ихъ скорѣе!

Евгенія (*у двери*).

Иванъ Ѳедулычъ! васъ Наташа зоветъ. Маланья, иди и ты! (*Чепуринъ и Маланья проходятъ въ комнату Наташи. Маланья сей-часъ-же возвращается*).

Маланья (*въ дверяхъ*).

Хорошо! Я мигомъ, далеко ль тутъ, лавочка-то внизу.

Корпѣловъ.

Куда-ты?

Маланья.

Не твое дѣло. Не до тебя намъ. (*Уходитъ*).

Евгенія.

Должно быть, чайку захотѣла.

Корпѣловъ.

Видно, ей полегче.

Евгенія.

Не знаю. Встала, сидитъ. Вотъ только бѣлое платье меня очень пугаетъ. Зачѣмъ это оно?

Корпѣловъ.

А что-жь бѣлое платье?

Евгенія.

Есть у нея бѣлое кисейное платье. Никогда она его не надѣвала; а вотъ, если болѣзнь какая ходитъ по Москвѣ, такъ она его вынетъ и гладитъ. Коли, говоритъ, умру, такъ положите меня въ немъ. Мы хоть бѣдныя дѣвушки, а все-жь нужно, чтобы было прилично; чтобъ, если кто войдетъ въ церковь, видѣлъ-бы, что дѣвушку хоронятъ. А сама гладитъ, да всѣ бантики, всѣ оборочки раздуваетъ, чтобъ пышнѣй было. Складки расправитъ, да и говоритъ: „ты вотъ тогда на мнѣ такъ-же складочки расправь“.

Корпѣловъ.

У меня есть радость для нея; но я боюсь: эта радость можетъ оживить и убить ее. (*Входитъ Маланья и накрываетъ столъ салфеткой*).

Евгенія.

Что ты дѣлаешь?

Маланья.

Приказали, такъ и дѣлаю. (*Выноситъ сначала на подносѣ хлѣбъ и закуску, потомъ вино и рюмки. Корпѣлову*). Вотъ попотчуютъ тебя, такъ ты пить будешь, небось, не откажешься. (*Въ дверяхъ спальни*). Готово; а за батюшкой сей часъ схожу. (*Уходитъ. Входитъ Грунцовъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Корпѣловъ, Евгенія, Грунцовъ, потомъ Наташа и Чепуринъ.

Грунцовъ.

Что у васъ тутъ такое?

Корпѣловъ.

Не знаю, юноша; что-то на похороны похоже. (*Выходитъ Наташа, она едва держится на ногахъ, ее поддерживаетъ за руку Чепуринъ*).

Наташа (*становясь на колѣни*).

Дядинька, благословите насъ на трудовую жизнь!

Корпѣловъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не мнѣ, не этимъ рукамъ благословлять тебя, дитя мое (*поднимаетъ Наташу*)! Вотъ, вотъ тебѣ вмѣсто благословенія; находка, золотая находка. (*Беретъ съ пялецъ письмо и отдаетъ Наташѣ*). Прочти, что писала твоя мать одному богатому барину!

Наташа (*читаетъ*).

„Благодарю васъ за участіе, но вы меня оскорбляете, присылая мнѣ деньги. Посылаю вамъ ихъ обратно. Пока я жива, я не приму отъ васъ денегъ. Дочери моей останется немного, но ей и не надо многаго; она привыкла жить трудомъ и должна жить трудомъ, если захочетъ исполнить завѣтъ умирающей матери. Я умираю, вы меня переживете, прошу васъ уважить мою волю, не помогайте Наташѣ, пусть она даровыхъ денегъ не знаетъ. Развѣ ужь

(простите меня, матери *слабы*) вы узнаете, что она въ своей честной, трудовой жизни мало знаетъ радостей, не видитъ свѣтлыхъ дней, такъ пошлите ей какую-нибудь бездѣлицу на обновку, на сладкій кусочекъ, на дешевенькія удовольствія. Пошлите потихоньку и напишите, что это мать посылаетъ ей вмѣстѣ съ благословеніемъ изъ-за гроба". (*Обнимая Корпѣлова*). Благодарю васъ, благодарю васъ. Я думала, что мнѣ и не пережить горя; а вотъ слышу слова матери, и у меня въ душѣ радость и счастье. Вотъ я и богата.

Корпѣловъ.

Вотъ и деньжонки есть, только немного, какъ завѣщано,— сторублевый билетецъ. (*Отдавая пакетъ Наташѣ*).

Наташа.

Отдайте Ивану Ѳедулычу. (*Читаетъ про себя письмо и плачетъ*).

Чепуринъ.

Что ни есть, все наше будетъ-съ.

Корпѣловъ.

Получай братъ! (*Отдаетъ пакетъ*).

Чепуринъ.

Покорнѣйше благодарю-съ. Невелики деньги, а все на черный день годятся. Такъ мы ихъ и беречь будемъ. (*Замѣтивъ плачущую Наташу, беретъ у нея письмо*). Не читайте, не утруждайте себя! На все время будетъ. Извольте сѣсть, успокоиться.

Грунцовъ.

Поздравляю, Иванъ Ѳедулычъ?

Чепуринъ.

Еще погодите поздравлять, вотъ батюшка благословитъ, тогда честь честью-съ.

Грунцовъ.

Да я тебя съ деньгами поздравляю, ты ужь ихъ въ карманъ положилъ. Я самъ разбогатѣлъ. (*Вынимая деньги и показывая*). Съ роду столько денегъ не видывалъ.

Корпѣловъ.

Запродался?

Грунцовъ.

Закабалился.

Корпѣловъ

Далеко-ли?

Грунцовъ.

Въ Уфу. Задатокъ взялъ, завтра ѣхать.

Евгенія. (*подбѣгая*).

Что вы говорите? Завтра ѣхать?

Грунцовъ.

Да, барышня, въ Уфу. Прощаться пришелъ съ милыми друзьями.

Евгенія (*съ испугомъ*).

Да какъ-же это можно? Что вы дѣлаете!

Грунцовъ.

А чтожь, барышня, не съ кѣмъ вамъ спорить будетъ?

Евгенія.

Да нѣтъ, нѣтъ, что за споры! Развѣ я серьезно!

Грунцовъ.

Долженъ-то я вамъ, такъ заплачу.

Евгенія.

Какой долгъ, что вы!

Грунцовъ.

А два фунта конфектъ.... Первое пари проигралъ и второе....

Евгенія.

А второе выиграли.

Грунцовъ.

Какъ выигралъ?

Евгенія.

А вотъ какъ (*цѣлуетъ его*). Ну, и квиты.

Корпѣловъ.

Ого, барышня! Optime!

Евгенія.

Только это не хорошо.... Такъ не дѣлаютъ. Богъ съ вами. (*Плачетъ*). Ну, на что похоже, скажите, пожалуйста.... завтра.... вдругъ завтра.... (*Беретъ Грунцова за руку*). Я васъ не пущу.—

Грунцовъ.

Ну, такъ вотъ что, барышня! Я поѣду въ Уфу, тамъ мнѣ обѣщали мѣсто въ гимназіи; если прочно устроюсь, такъ пріѣду въ Москву на святки, а изъ Москвы-то назадъ, пожалуй, ужь вмѣстѣ поѣдемъ. По рукамъ?

Евгенія.

Ужь теперь не заспорю.

Корпѣловъ.

Юноша! ты Крезъ теперь,—значитъ кутимъ.

Грунцовъ.

Всенепремѣнно. Мнѣ чтобъ только на дорогу въ обрѣзъ осталось. Я фунтовъ пять конфетъ принесъ, да три бутылки шампанскаго, все это у Маланьи находится.

Чепуринъ.

Это оченно къ статн-съ. Мы сейчасъ вытребуемъ. (*Корпѣлову*). Только позвольте спросить.... конечно, само собой, я отчета требовать не смѣю; а все-таки интересно, какъ на счетъ тѣхъ денегъ-съ.—

Корпѣловъ (*указывая на Наташу*).

Молчи, молчи, что ты!

Наташа.

Не бойтесь, говорите, я ужь теперь покойна.

Корпѣловъ.

Вѣдь какой глупый человѣкъ-то! Плутовалъ, плутовалъ, да концовъ-то схоронить и не умѣлъ. Зазвалъ купца обѣдать, а тутъ и незваные гости явились. Документики какіе-то фальшивые состряпалъ, его и накрыли. Ну ужь попался такъ и терпи. А онъ, глупый, что-же выдумалъ: побѣжалъ въ кабинетъ, дверь на ключь, да хлопъ изъ револьвера. Хвать похвать, денегъ никакихъ, одна только

записка на конторкѣ: „Безъ денегъ, молъ, мнѣ жить на свѣтѣ не зачѣмъ.“ Какой глупый-то! Да развѣ жизнь-то мила только деньгами, развѣ только и радости, что въ деньгахъ? А птичка-то поетъ, чему она рада, деньгамъ что-ли? Нѣтъ, тому она рада, что на свѣтѣ живетъ. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь и бѣдная, и горькая,—все радость. Озябъ, да согрѣлся, — вотъ и радость! Голоденъ, да накормили,—вотъ и радость. Вотъ я теперь бѣдную племянницу замужъ отдаю, на бѣдной свадьбѣ пировать буду, — развѣ это не радость! Потомъ пойду по бѣлу свѣту бродить, отъ города до города, по морозцу, по курнымъ избамъ ночевать.... (*Поетъ и пляшетъ*).

Пойду-ли я по городу гулять,
Пойду-ли я по Бѣжецкому.
Куплю-ли я покупку себѣ.

Чепуринъ (*наливъ въ рюмки вина*).

Пожалуйте-съ.

Корпѣловъ.

Давай выпьемъ. Юноша, иди! (*Грунцовъ подходитъ*). Погодите! Чепуринъ! становись съ нами въ рядъ! (*Чепуринъ подходитъ*). Вотъ такъ! (*Запѣваетъ*).

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!

БОГАТЫЯ НЕВѢСТЫ.

БОГАТЫЯ НЕВѢСТЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Анна Аѳанасьевна Цыплунова, пожилая дама.

Юрій Михаиловичъ Цыплуновъ, ея сынъ лѣтъ 30-ти.

Всеволодъ Вячеславичъ Гнѣвышевъ, важный баринъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ въ отставкѣ, лѣтъ подъ 60-тъ.

Валентина Васильевна Бѣлесова, дѣвица лѣтъ 23-хъ.

Антонина Власьевна Бѣдонѣгова, богатая вдова, купчиха, лѣтъ подъ 40-къ.

Виталій Петровичъ Пирамидаловъ мелкій чиновникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковной мѣстности, занятой дачами.

Съ правой стороны (отъ зрителей) садовая рѣшетка и калитка, за рѣшеткой садъ; съ лѣвой стороны дача Бѣдонѣговой, на сцену выходитъ деревянная терраса, покрытая парусиной; въ глубинѣ роща.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бѣдонѣгова (*сидитъ на террасѣ*) Пирамидаловъ (*выходитъ изъ садовой калитки*).

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Честь имѣю кланяться, Антонина Власьевна. Что вамъ угодно?

Бѣдонѣгова.

Да подойдите поближе, не укушу я васъ.

Пирамидаловъ.

Ахъ, Антонина Власьевна, я съ ногъ сбился. Ихъ превосходительство... на дачѣ ихъ нѣтъ... Вы не видали Всеволода Вячеславича?

Бѣдонѣгова.

Да я и не знаю совсѣмъ, какой онъ такой вашъ Всеволодъ Вячеславичъ.

Пирамидаловъ.

Какъ? Вы не знаете генерала Гнѣвышова, Всеволода Вячеславича?

Бѣдонѣгова.

Да онъ холостой?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, женатый.

Бѣдонѣгова.

Такъ зачѣмъ мнѣ и знать-то его! Идите ко мнѣ чай пить.

Пирамидаловъ.

Да помилуйте, какой чай! Мнѣ Всеволода Вячеславича нужно видѣть; приказали встрѣтить ихъ здѣсь въ 6-ть часовъ. Боюсь не опоздалъ-ли (*смотритъ по сторонамъ*).

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Что вамъ угодно?

Бѣдонѣгова.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, я себѣ никакого удовольствія не вижу.

Пирамидаловъ.

Ахъ, очень жалѣю, очень жалѣю.

Бѣдонѣгова.

Переѣхала на дачу, думала себѣ удовольствіе имѣть; а никакого не вижу.

Пирамидаловъ.

Да ужъ я-то не виноватъ, Антонина Власьевна.

Бѣдонѣгова.

Прошлое лѣто здѣсь жила, много удовольствія себѣ видѣла... (*нѣжно*) И вы здѣсь жили. (*печально*) Гдѣ вы теперь живете?

Пирамидаловъ.

Въ Москвѣ, Антонина Власьевна.

Бѣдонѣгова.

А вотъ нынче живу, такъ никакого... (*съ сердцемъ*) Куда вы это все смотрите?

Пирамидаловъ.

Я ужъ сказалъ вамъ, что Всеволода Вячеславича дожидаюсь.

Бѣдонѣгова.

Вы фальшивите,—въ какую нибудь дѣвушку посматриваете.

Пирамидаловъ.

Ну, вотъ еще нужно очень. До того-ли мнѣ?

Бѣдонѣгова.

Да право такъ. Какіе эти мужчины! Увидятъ молоденькую дѣвушку,—такъ ужъ какъ глаза-то таращатъ. А развѣ не все равно вообще весь женскій полъ?

Пирамидаловъ (*посмотрѣвъ на часы*).

Какъ мнѣ приказано, такъ я и явился, теперь ровно 6-ть часовъ.

Бѣдонѣгова.

Вы не сосѣдку-ли высматриваете?

Пирамидаловъ.

Я вамъ сказалъ, что генерала жду. Какую еще сосѣдку?

Бѣдонѣгова.

А вотъ что дачу то напротивъ наняла, она вчера переѣхала.

Пирамидаловъ.

Такъ это моя знакомая, что мнѣ ее смотрѣть-то. Я и такъ каждый день ее вижу, да и всегда, когда мнѣ угодно.

Бѣдонѣгова.

Какого она роду?

Пирамидаловъ.

Роду-то? Роду хорошаго.

Бѣдонѣгова.

Дѣвица?

Пирамидаловъ.

Дѣвица.

Бѣдонѣгова.

А знакомство какое у ней?

Пирамидаловъ.

И знакомство хорошее.

Бѣдонѣгова.

Чтожъ она замужъ нейдетъ?

Пирамидаловъ.

Да почемъ же я знаю, помилуйте!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, вы знаете, да только сказать не хотите. Да вѣдь я все вызнаю, все доподлинно: я ея прислугу выспрошу, вы отъ меня своихъ подлостевъ не скроете. Я вотъ позову къ себѣ ея горничную дѣвушку чай пить, вотъ все и узнаю. Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ! (*Пирамидаловъ оглядывается*) Приданое есть за ней?

Пирамидаловъ.

Будетъ приданое богатое.

Бѣдонѣгова.

А будетъ приданое, будутъ и женихи,—гдѣ медъ, тамъ и мухи. Виталій Петровичъ, я говорю, что женихи у ней будутъ.

Пирамидаловъ.

А будутъ, такъ будутъ,—до меня это не касается.

Бѣдонѣгова.

Ну, какъ чай не касаться? Деньги всегда до людей касаются.

Пирамидаловъ (*просебя*).

Не бѣжать-ли въ рощу? (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, и потомъ останавливается*) Пожалуй, еще разойдемся;—ужь лучше здѣсь подожду.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Что прикажете?

Бѣдонѣгова.

Я сама замужъ хочу идти.

Пирамидаловъ.

Сдѣлайте одолженіе! На здоровье!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, что-же вы такъ? Вы не подумайте...

Пирамидаловъ.

Я ничего и не думаю.

Бѣдонѣгова (*печально*).

Я отъ скуки.

Пирамидаловъ.

Да отъ скуки-ли, отъ веселья-ли, мнѣ рѣшительно все равно.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Извольте говорить, я слушаю.

Бѣдонѣгова.

У меня вѣдь деньги есть и даже очень много.

Пирамидаловъ.

Ну, и слава Богу.

Бѣдонѣгова.

И вотчина есть.

Пирамидаловъ.

Какая вотчина?

Бѣдонѣгова.

Домъ каменный съ лавками.

Пирамидаловъ.

Все это прекрасно, Антонина Власьевна. А вотъ, кажется, Всеволодъ Вячеславичъ идутъ.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, какъ отпуститъ васъ генералъ, заходите ко мнѣ закусить, мадерцы выпьемъ.

Пирамидаловъ.

Пожалуй поздно будетъ.

Бѣдонѣгова.

Да ничего, хоть и запоздаете.

Пирамидаловъ.

Извощика не найдешь, мнѣ въ Москву надо.

Бѣдонѣгова.

Я вамъ лошадь дамъ; такъ-же у меня стоятъ. (*Уходитъ*). (*Гнѣвышовъ и Бѣлесова входятъ, разговаривая. Пирамидаловъ почтительно кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Пирамидаловъ. Гнѣвышовъ, Бѣлесова.

Гнѣвышовъ (*Пирамидалову*).

А! Вы?

Пирамидаловъ.

Я-съ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Подождите, мой милый! (*Бѣлесовой*) Н... да съ, что-же далѣе?

Бѣлесова.

Это меня начинаетъ безпокоить.

Гнѣвышовъ.

Ахъ, мой другъ, ну, стоитъ-ли безпокоиться!.. Пусть его смотритъ. Не обращать вниманія, только и всего.

Бѣлесова.

Я стараюсь не обращать на него вниманія, но не могу. Онъ не преслѣдуетъ меня; онъ смотритъ всегда издали, изъ за угла, изъ за куста: гдѣ-бъ я ни была, я впередъ знаю, что эти неподвижные глаза откуда нибудь смотрятъ на меня,— и я сама невольно оглядываюсь и ищу ихъ.

Гнѣвышовъ.

Странно, очень странно. Кто онъ такой, вы незнаете?

Бѣлесова.

Не знаю. Въ лицѣ есть что-то знакомое, но никакъ не могу припомнить.

Гнѣвышовъ.

И порядочный человѣкъ?

Бѣлесова.

Что за вопросъ! Развѣ другіе люди существуютъ для меня? Очень порядочный, иначе я не стала бы и говорить.

Гнѣвышовъ.

А давно это?

Бѣлесова.

Не болѣе шести, или семи дней.

Гнѣвышовъ.

Гдѣ-же вы его видѣли?

Бѣлесова.

Вездѣ. Я его встрѣчала и въ Москвѣ..., а вчера и сегодня здѣсь. Этотъ инквизиторскій взглядъ мнѣ становится страшенъ; мнѣ кажется, что онъ устремленъ не на лицо мое, а прямо ко мнѣ въ душу и требуетъ отъ меня какого-то отвѣта, какого-то отчета.

Гнѣвышовъ.

Вы даете значеніе самой пустой, обыкновенной вещи. Вы преувеличиваете, мой другъ.

Бѣлесова.

Я ничего не преувеличиваю. Конечно, я не знаю, съ какими мыслями онъ смотритъ на меня; я вамъ говорю только о томъ, какое дѣйствіе производитъ на меня его

взглядъ. Есть положенія, въ которыхъ долгій и серьезный взглядъ непереносимъ: въ немъ укоръ, въ немъ обида, онъ будитъ совѣсть (*съ упрекомъ*). А вы сами знаете, что мнѣ, для моего спокойствія, надо усыплять совѣсть: а не будить её.

Гнѣвышовъ.

Вы стали очень нервны. Успокойтесь; все это объясняется оченьпросто: этотъ молодой человѣкъ влюбленъ въ васъ.

Бѣлесова.

Странная любовь! Зачѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ бѣгаетъ отъ меня? Сегодня утромъ мы встрѣтились въ рощѣ довольно близко, онъ бросился въ кусты и убѣжалъ. Мнѣ иногда приходитъ въ голову, не сумасшедшій-ли онъ.

Гнѣвышовъ.

Очень можетъ быть. Вотъ вамъ новое доказательство того, какое могущество, какую силу имѣетъ ваша красота: отъ васъ ужь буквально люди сходятъ съума.

Бѣлесова.

Ну, довольно. Пора чай пить, пойдемте!

Гнѣвышовъ.

Идите, идите, я себя ждать не заставлю. Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ Пирамидалову.

(*Бѣлесова уходитъ въ калитку*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Гнѣвышовъ, Пирамидаловъ.

Гнѣвышовъ.

Я надѣюсь, мой милый, что вы аккуратно исполнили то, что я вамъ говорилъ?

Пирамидаловъ.

Все исполнилъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Вы должны помнить, что для знакомства съ Валентиной Васильевной, я желаю людей солидныхъ, семейныхъ, то что называется людьми вполнѣ почтенными. Нужды нѣтъ, если они будутъ немного стараго покроя, это даже лучше: такіе люди учтивѣе въ обращеніи и почтительнѣе. Гдѣ-же и взять другихъ? Въ этой мѣстности люди свѣтскіе не живутъ; а хорошія семейства средней руки иногда попадаются.

Пирамидаловъ.

Совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Валентина Васильевна желала имѣть дачу въ мѣстности здоровой, и подальше отъ города, ни сколько не заботясь о томъ, каковы будутъ ея сосѣди; но это совсѣмъ не значитъ, чтобъ она обрекла себя на одиночество и скуку. Хорошо бы познакомить съ ней какую нибудь пожилую даму, съ которой она бы могла и гулять и быть постоянно вмѣстѣ. Ну, говорите, что вы узнали о здѣшнихъ дачникахъ.

Пирамидаловъ.

Вотъ напротивъ, ваше превосходительство, живетъ одна дама, богатая вдова, купчиха Бѣдонѣгова.

Гнѣвышовъ.

Вы съ ней знакомы?

Пирамидаловъ.

Прошлое лѣто познакомился.

Гнѣвышовъ.

Ну чтожъ, какъ она?

Пирамидаловъ.

Я полагаю, ваше превосходительство, что для Валентины Васильевны...

Гнѣвышовъ.

Прошу не полагать и заключеній не выводить. Вы только докладывайте по порядку,—а это ужь мое дѣло знать, что нужно и чего не нужно для Валентины Васильевны. Ну, что же, эта вдова, эта дама, какъ вы её называете... она бѣлится, румянится, пьетъ мадеру?

Пирамидаловъ.

Такъ точно, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Далѣе?

Пирамидаловъ.

Госпожа Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Я, кажется, что-то слышалъ о Цып... Цып .. Какъ?

Пирамидаловъ.

Цыплунова-съ.

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, то молодой человѣкъ. Онъ былъ мнѣ представленъ, его мнѣ очень хвалили, какъ отлично образованнаго и примѣрно способнаго чиновника. Онъ вашихъ лѣтъ и ужь, кажется, Надворный Совѣтникъ.

Пирамидаловъ.

Коллежскій, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ (*строго*).

Ну, вотъ видите.

Пирамидаловъ.

Это вы про ея сына изволили слышать. Госпожа Цыплунова дама очень почтенная-съ.

Гнѣвышовъ.

Да... дама... ну, чтожъ эта дама... какое у ней знакомство?

Пирамидаловъ.

Никакого-съ. Она ведетъ уединенную жизнь, не знаетъ ни удовольствій, ни развлеченій, живетъ только для сына; а онъ человѣкъ дикій.

Гнѣвышовъ.

Какъ дикій? Обдумывайте выраженія! Вы всегда прежде подумайте, а потомъ и говорите. Почему онъ дикій?

Пирамидаловъ.

Сидитъ все дома за бумагами да за книгами, не бываетъ нигдѣ въ обществѣ, даже и у товарищей; бѣгаетъ отъ женщинъ. А если съ нимъ женщина заговоритъ, онъ краснѣетъ и конфузится. Онъ все молчитъ-съ.

Гнѣвышовъ.

Неправда, онъ говоритъ прекрасно и даже краснорѣчиво.

Пирамидаловъ.

Да, если о дѣлахъ-съ; а съ женщинами ужь не можетъ.

Гнѣвышовъ.

Такъ это скромный, а не дикій. Ко всѣмъ его прекраснымъ качествамъ это еще новое и очень... очень дорогое, и еще болѣе располагаетъ въ его пользу. Вы не знаете названія вещей. Я вамъ говорю, дикій это... это sauvage... это разрисованный, tatoué... это совсѣмъ другое.

Пирамидаловъ.

Виноватъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Ваша развязность можетъ нравиться только такимъ дамамъ, какъ ваша вдова Бѣдонѣгова; а его скромность пріобрѣтаетъ ему расположеніе начальства и вообще лицъ высокопоставленныхъ. Ну, довольно, другихъ сосѣдей я знать не желаю. Вотъ вамъ, мой милый, еще порученіе, постарайтесь исполнить его хорошенько!

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Познакомьте меня съ мадамъ Цып... Цып... Какъ?

Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Да, Цыплунова. Вы её сначала предупредите, скажите, что я, генералъ Гнѣвышовъ, желаю съ ней познакомиться и познакомить съ ней тоже мою родственницу, которая переѣхала сюда на дачу и будетъ жить все лѣто. Слышите, родственницу...

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Вы сдѣлайте это сегодня-же, сейчасъ-же! Постарайтесь, чтобъ я встрѣтилъ васъ съ ней во время прогулки!

Пирамидаловъ.

Вы, ваше превосходительство, вѣроятно пойдете въ рощу.

Гнѣвышовъ.

Совсѣмъ не вѣроятно. Вы слушайте и дѣлайте, что вамъ приказываютъ. Чтобы соображать вѣроятности, надо имѣть гораздо больше ума, чѣмъ вы имѣете. Гуляйте здѣсь, мимо дачъ! Въ рощу я вечеромъ не пойду, потому что тамъ будетъ сыро.

Пирамидаловъ.

Я сейчасъ же и отправлюсь прямо къ нимъ на дачу.

Гнѣвышовъ.

Ступайте! (*Уходитъ въ калитку.* Пирамидаловъ *уходитъ въ лѣсъ. На террасѣ показывается* Бѣдонѣгова).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бѣдонѣгова (*потомъ*) Цыплуновъ и Цыплунова.

Бѣдонѣгова (*громко*).

Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ! Куда-же вы? Подождите немножко! Ушелъ. Зачѣмъ онъ бѣгаетъ по дачамъ, чего онъ тамъ еще ищетъ? У меня ему ужъ чего бы лучше, кажется. Какъ трудно понимать мужчинъ! А, вотъ Анна Аѳанасьевна съ сыномъ! Ахъ, какъ онъ милъ! Ахъ, какой интересный молодой человѣкъ! (*Входятъ: Цыплунова и Цыплуновъ*) Здравствуйте, Анна Аѳанасьевна; здравствуйте, Юрій Михайловичъ! (*Цыплуновы молча раскланиваются*) Сдѣлайте одолженіе, зайдите хоть на минуточку чайку напиться!

Цыплунова.

Благодарю васъ, мы ужъ пили.

Бѣдонѣгова.

Юрій Михайловичъ, когда же, когда-же? Долго-ли мнѣ ждать-то? Ахъ, обманщикъ! Сколько разъ вы обѣщали? Ну, хоть на одну минуту;... ну, рюмочку мадеры.

Цыплуновъ.

Извините? Я занятъ дѣломъ весь день, и только вечеромъ имѣю немного свободнаго времени, чтобы отдохнуть, чтобы воспользоваться прогулкой и подышать чистымъ воздухомъ. Я зайду къ вамъ завтра.

Бѣдонѣгова.

Это я каждый день слышу отъ васъ. И вамъ не жалко обманывать женщину, которая... съ такимъ чувствительнымъ сердцемъ?..

Цыплуновъ.

Что дѣлать! Къ сожаленію я долженъ признаться, что немогу своей особой доставить много практики для вашего чувствительнаго сердца.

Бѣдонѣгова.

Ахъ, какая скука! Нынѣшнее лѣто я такъ мало вижу удовольствія для себя. Такъ не забудьте-же, завтра я буду ждать васъ (*Цыплуновъ кланяется, Бѣдонѣгова уходитъ съ террасы*).

Цыплунова.

Это грубо, мой другъ. Такъ не говорятъ съ женщинами.

Цыплуновъ.

Какъ-же можно съ ней говорить иначе, коли она чуть небросается на шею каждому мужчинѣ.

Цыплунова.

Она богатая вдова,—ужъ въ лѣтахъ; нельзя-же требовать отъ нея, чтобы она вела себя, какъ институтка. Ей скучно жить одной, она хочетъ выдти замужъ, и употребляетъ для этого средства, какія знаетъ. Впрочемъ я никогда не слыхала, чтобы про нея говорили что нибудь дурное; напротивъ, всѣ ее считаютъ доброй и хорошей женщиной. Да и просто, какъ женщина, она имѣетъ право требовать, если не уваженія, такъ, по крайней мѣрѣ, учтивости съ твоей стороны.

Цыплуновъ.

Ахъ, Боже мой, я готовъ уважать женщинъ, готовъ благоговѣть передъ ними; но зачѣмъ-же онѣ мелочны, зачѣмъ смѣшны! Вотъ чего имъ простить нельзя, не говоря ужъ о проступкахъ.

Цыплунова.

А за проступки ты бы казнилъ ихъ смертной казнью? Ахъ, предоставь ты женщинамъ жить, какъ онѣ хотятъ. Ты слишкомъ тяжелую опеку берешь на себя: вѣдь ихъ такъ много, мой другъ.

Цыплуновъ.

Чего я не вижу, до того мнѣ и дѣла нѣтъ. Но когда въ моихъ глазахъ унижается тотъ высокій идеалъ, который я себѣ создалъ, когда женщины съ какой-то навязчивой откровенностью обнаруживаютъ свои самыя непривлекательныя стороны; не могу-же я не замѣчать этого. Вотъ отчего я и избѣгаю общества и предпочитаю уединеніе.

Цыплунова.

Но развѣ ты не замѣчаешь что уединеніе губительно дѣйствуетъ на твое здоровье? Ты человѣкъ дѣловой; постоянно занятъ умственной работой,—тебѣ непремѣнно нужно хоть какое нибудь развлеченіе. Юша, твое здоровье начинаетъ меня безпокоить.

Цыплуновъ.

Развѣ я перемѣнился?

Цыплунова.

Да, очень, особенно въ послѣдніе два три дня. Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь такого, о чемъ бы нужно было поговорить со мной?

Цыплуновъ.

Нѣтъ, рѣшительно ничего.

Цыплунова.

Ну, не хочешь-ли ты послушать, что я тебѣ скажу?

Цыплуновъ.

Я готовъ, извольте.

Цыплунова.

Ты скучаешь, Юша?

Цыплуновъ.

Да, я не скрою отъ васъ, я скучаю.

Цыплунова.

Въ твои года любятъ.

Цыплуновъ *(со вздохомъ)*.

Да, любятъ, это правда, любятъ.

Цыплунова.

Въ твои года женятся.

Цыплуновъ.

Да, и женятся.

Цыплунова.

И женатые не скучаютъ, имъ некогда скучать: у нихъ заботы, хлопоты, семейныя радости, дѣти. Кто любитъ свою жену и дѣтей, тотъ ужъ не можетъ скучать.

Цыплуновъ.

Все это правда, совершенная правда.

Цыплунова.

Такъ женись!

Цыплуновъ.

Что вы, что вы? На комъ? развѣ это возможно?

Цыплунова.

Отъ чегожъ невозможно? Значитъ, пары тебѣ нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, достойныхъ тебя нѣтъ? Бѣдныя женщины!

Цыплуновъ.

Можетъ быть, и есть, но гдѣ искать ихъ? Я любилъ не одинъ разъ въ моей жизни; но вы сами знаете, почему я не женился. Всякій разъ моя любовь оканчивалась или горькимъ разочарованіемъ, или еще хуже, меня просто обманывали.

Цыплунова.

И всегда виноватъ ты самъ, потому что ты никогда недаешь себѣ труда разглядѣть хорошенько женщинъ, которыхъ,—ты удостоиваешь своей любви,—предполагаешь въ нихъ какія-то небывалыя добродѣтели и требуешь отъ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ.

Цыплуновъ.

Можетъ быть,.... но есть еще и другія причины.

Цыплунова.

Какія?

Цыплуновъ.

Изъ уваженія къ вамъ, къ вашему полу, я бы не желалъ говорить о нихъ.

Цыплунова.

Ахъ, говори, сдѣлай милость!

Цыплуновъ.

То, что я скажу, очень не хорошо.

Цыплунова.

Да говори, говори!

Цыплуновъ.

Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ всегда казалось, что женщины отдаютъ явное и очень обидное предпочтеніе людямъ не строгой нравственности, и даже иногда порочнымъ передъ людьми чистыми. Мало того, къ людямъ совершенно чистымъ онѣ показываютъ какую-то ненависть. Извините, мнѣ такъ кажется.

Цыплунова.

И ты думаешь, что сказалъ что нибудь очень ужасное про женщинъ, что нибудь очень обидное для насъ? Такъ знай-же, что женщины совершенно правы въ этомъ случаѣ; потому что нѣтъ болѣе несносныхъ деспотовъ, какъ вы, люди чистые. Вы создаете въ своемъ воображеніи какихъ-то небывалыхъ богинь, да потомъ и сердитесь, что ненаходите ихъ въ дѣйствительности. Вы, чистыя натуры не только не прощаете, но даже готовы оскорбить любимую женщину, если она не похожа на тѣ блѣдные, безжизненные, шаблоны, которые созданы вашимъ досужнымъ воображеніемъ.

Цыплуновъ.

Какъ трудно жить на свѣтѣ.

Цыплунова.

Да, для тѣхъ, кому досадно, что свѣтъ идетъ такъ, какъ надо, а не такъ, какъ имъ хочется, должно быть, дѣйствительно трудно. Но чтожъ дѣлать, этого поправить нельзя. Ну, а теперь ты въ кого влюбленъ?

Цыплуновъ.

Вы думаете, что я влюбленъ.

Цыплунова.

Очень похоже на то.

Цыплуновъ.

Да, похоже.

Цыплунова.

Ну, въ кого-же?

Цыплуновъ.

Помните вы, лѣтъ десять тому назадъ у насъ часто бывала одна дѣвочка.

Цыплунова.

Мало-ли дѣвочекъ я видала на своемъ вѣку?

Цыплуновъ.

Эту забыть нельзя. Ей было лѣтъ тринадцать или четырнадцать, но она была совершенный ребенокъ, вся прозрачная, тоненькіе пальчики... сколько въ ней было дѣтскаго кокетства, какъ она граціозно встряхивала и закидывала за уши свои пепельные волосы.

Цыплунова.

А, помню, это Бѣлесова Валентиночка, сирота.

Цыплуновъ (*задумчиво*).

Да, Валентиночка.

Цыплунова.

Какъ это ты объ ней вспомнилъ и зачѣмъ? Неужели въ мечтахъ-то у тебя она все еще дѣвочка?

Цыплуновъ.

Да, ангелъ-дѣвочка.

Цыплунова.

И ты неподумалъ, что она ужь теперь большая, перемѣнилась, вѣроятно, подурнѣла, какъ это часто бываетъ, пожалуй, и замужемъ. Да кто знаетъ, жива ли она.

Цыплуновъ.

Я её встрѣтилъ недавно, я её вчера и сегодня видѣлъ.

Цыплунова.

Узнала она тебя? говорилъ ты съ нею?

Цыплуновъ.

Ахъ, нѣтъ, я испуганъ, ошеломленъ.

Цыплунова.

Чѣмъ?

Цыплуновъ.

Красотой ея.

Цыплунова.

Вотъ какъ.

Цыплуновъ.

Она, вѣроятно, замужемъ за богатымъ человѣкомъ; какой экипажъ, какой костюмъ, какой гордый взглядъ!

Цыплунова.

Если ты её видѣлъ здѣсь, значитъ, она живетъ не далеку на дачѣ. Надо справиться о ней.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, зачѣмъ! Мнѣ хотѣлось только вглядѣться хорошенько въ нее; а то теперь въ моемъ воображеніи ея дѣтскій образъ и женскій сливаются въ какомъ-то странномъ сочетаніи: дѣтская чистота какъ-то сквозится изъ подъ роскошной женской красоты (*опускаетъ голову въ задумчивости*).

Цыплунова.

Нѣтъ, Юша, ты, или возобнови знакомство съ ней и узнай ее хорошенько, или выкинь вздоръ изъ головы и ужъ не мечтай о ея дѣтской чистотѣ, а то эта мечта мѣшаетъ тебѣ видѣть другихъ женщинъ, которыя, можетъ быть, гораздо лучше ея и болѣе достойны твоей любви.

Цыплуновъ.

Да, да, можетъ быть... это все можетъ быть. Но, я пойду,... мнѣ нужно разсѣяться,... я пойду поброжу... я одинъ... (*уходитъ*).

Цыплунова.

Какъ это не кстати! Зимой Юша былъ боленъ и много работалъ; я думала, что онъ отдохнетъ и поправиться на дачѣ; а теперь эта встрѣча, эта страсть! Что она можетъ доставить ему, кромѣ страданія! У кого бы узнать про Бѣлесову? А вотъ, кажется, бѣжитъ Пирамидаловъ, онъ кругомъ Москвы всѣ дачи и всѣхъ дачниковъ знаетъ, да и въ Москвѣ-то отъ него ничто нескроется (*входитъ Пирамидаловъ; Бѣдонѣгова показывается на террасѣ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Цыплунова, Пирамидаловъ, Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ (*отирая потъ*).

Вотъ усталъ, такъ ужь усталъ.

Бѣдонѣгова.

Зашли бы закусить чего нибудь, мадерцы....

Пирамидаловъ.

Некогда, Антонина Власьевна, некогда. Здравствуйте, Анна Аѳанасьевна! А я васъ искалъ, къ вамъ на дачу бѣгалъ.

Бѣдонѣгова.

Ну, что, право, не зайдете! Зовешь, зовешь, не дозовешься.

Пирамидаловъ.

Какъ всѣ дѣла кончу, такъ непремѣнно зайду.

Бѣдонѣгова.

Ну, хорошо, Смотрите же, я ждать буду. Я вѣдь со всѣмъ расположеніемъ... (*уходитъ*).

Пирамидаловъ (*Цыплуновой*).

Анна Аѳанасьевна, я къ вамъ по порученію отъ генерала Гнѣвышова, отъ Всеволода Вячеславича.

Цыплунова.

Я, Виталій Петровичъ, не имѣю счастія знать никакого генерала Гнѣвышова.

Пирамидаловъ.

Это все равно. Онъ слышалъ объ васъ и знаетъ вашего сына.

Цыплунова.

Ну, такъ что же?

Пирамидаловъ.

Онъ просилъ меня предупредить васъ, что желаетъ съ вами познакомиться.

Цыплунова.

Да что за церемоніи! И зачѣмъ я ему? Мы съ сыномъ люди скромные и знакомствъ не только не ищемъ, а даже бѣгаемъ отъ нихъ. Такъ вы и скажите вашему генералу.

Пирамидаловъ.

Да позвольте! Вы, Анна Аѳанасьевна, выслушайте сначала! Родственница Всеволода Вячеславича, дѣвушка хорошей фамиліи переѣхала сюда на дачу, такъ ихъ превосходительство желаютъ...

Цыплунова.

Что мнѣ за дѣло до того, чего они желаютъ.

Пирамидаловъ.

Желаютъ имѣть общество для своей родственницы, компанію.

Цыплунова.

Что вы, что вы, Виталій Петровичъ! Вы, кажется, меня въ компаньонки приглашаете?

Пирамидаловъ.

Вы не такъ меня поняли. Помилуйте! Вѣдь нельзя-же дѣвушкѣ одной на дачѣ... и погулять не съ кѣмъ...

Цыплунова.

Я и въ провожатые то же не пойду. Нѣтъ, вы загово рились. Вы лучше оставьте.

Пирамидаловъ.

Такъ неужели вы отказываетесь?

Цыплунова.

Конечно. Чтожъ тутъ удивительнаго?

Пирамидаловъ.

Въ какое же вы меня положеніе ставите? Я хотѣлъ услужить ихъ превосходительству; я ужь обѣщалъ за васъ.

Цыплунова.

Напрасно. Вы услуживайте чѣмъ нибудь другимъ, а меня ужь оставьте въ покоѣ. Мнѣ не до чужихъ, я на сына глядя, измучилась.

Пирамидаловъ.

Анна Аѳанасьевна, вѣдь вы меня губите, голову съ меня снимаете. Вѣдь мнѣ провалиться сквозь землю только и осталось.

Цыплунова.

Ужь какъ вамъ угодно.

Пирамидаловъ.

Вы хоть поговорите съ генераломъ.

Цыплунова.

Да не стану я. Объ чемъ мнѣ съ нимъ говорить!

Пирамидаловъ.

Такъ я убѣгу, право убѣгу. И нужно было мнѣ услуги предлагать! Такъ вотъ... слабость. Прощайте! Убѣгу и ужь сюда ни ногой, встрѣчаться съ нимъ не стану.

Цыплунова.

Погодите бѣжать-то! Не знали-ли вы Бѣлесову Валентину?

Пирамидаловъ.

Бѣлесову? Да это она самая и есть.

Цыплунова.

Какъ? Что вы? Такъ она...

Пирамидаловъ.

Родственница Всеволода Вячеславича, о которой я вамъ говорилъ.

Цыплунова.

Ахъ, такъ погодите. Я очень рада. Вы бы давно сказали.

Пирамидаловъ.

Ну, ожилъ. Какъ гора съ плечъ. А вотъ и ихъ превосходительство (*Гнѣвышовъ выходитъ изъ калитки. Пирамидаловъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Цыплунова, Пирамидаловъ, Гнѣвышовъ.

Ваше превосходительство, Анна Аѳанасьевна Цыплунова очень-съ....

Гнѣвышовъ (*тихо*).

Это она?

Пирамидаловъ.

Она-съ. Она очень счастлива, что можетъ сдѣлать угодное вашему превосходительству (*Гнѣвышовъ, не слушая, снимаетъ шляпу и кланяется Цыплуновой. Дѣлаетъ знакъ рукою, чтобы Пирамидаловъ отошелъ назадъ. Пирамидаловъ взглянувъ на Цыплунову, пожимаетъ плечами и отходитъ*).

Гнѣвышовъ (*подходя къ Цыплуновой*).

Рекомендуюсь, Всеволодъ Вячеславичъ Гнѣвышовъ.

Цыплунова.

Очень пріятно.

Гнѣвышовъ.

Мы ужь нѣсколько знакомы: я знаю вашего сына. Для васъ, вѣроятно, не рѣдкость слышать похвалы ему; но я, съ своей стороны, долженъ сказать вамъ, что его начальство имѣетъ о немъ самое лестное мнѣніе.

Цыплунова.

Благодарю васъ.

Гнѣвышовъ.

Вы живете на дачѣ?

Цыплунова.

Да, здѣсь на дачѣ. Я для сына больше, онъ не совсѣмъ здоровъ.

Гнѣвышовъ.

Да, здѣшняя мѣстность въ санитарномъ отношеніи лучшая изъ подмосковныхъ. Вотъ то же родственница моя, она дальняя, Валентина Васильевна Бѣлесова...

Цыплунова.

Я знала ее, когда она была еще ребенкомъ.

Гнѣвышовъ.

Да? Ну, вотъ и прекрасно. Ей будетъ очень пріятно да и вы, вѣроятно, нисколько не прочь отъ того, чтобы возобновить знакомство.

Цыплунова.

Съ удовольствіемъ.

Гнѣвышовъ.

И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, разумѣется?

Цыплунова.

Конечно.

Гнѣвышовъ.

Валентина Васильевна взяла вотъ эту дачу. Дача такъ себѣ, не изъ важныхъ.

Цыплунова.

Здѣсь особенно роскошныхъ дачъ нѣтъ.

Гнѣвышовъ.

Роскоши и не нужно, это лишнее. Для людей порядочныхъ если что необходимо, такъ этого комфортъ, удобства, безъ это ужь обойтись нельзя (*Бѣлесова показывается у воротъ своей дачи*) А вотъ и хозяйка этой дачи!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Цыплунова, Гнѣвышовъ, Бѣлесова и Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Какъ она похорошѣла!

Гнѣвышовъ.

Да, она красавица положительно. Красота дѣло хорошее; но нравственныя качества въ человѣкѣ должны стоять выше; и вы увидите...

Цыплунова.

Я пойду къ ней прямо. (*Подходя къ Бѣлесовой*). Здравствуйте, Валентина Васильевна!

Бѣлесова.

Извините, пожалуйста....

Гнѣвышовъ.

Не узнаете старыхъ знакомыхъ,—это не хорошо.

Бѣлесова.

Право, я не помню.

Цыплунова.

Не мудрено и забыть; и я бы васъ не узнала, вы тогда были ребенкомъ. Помните, на Арбатѣ мы жили съ вами въ одномъ домѣ; Цыплунова.

Бѣлесова.

Теперь припоминаю. У васъ былъ сынъ, молодой человѣкъ, Юрій... Юрій.

Цыплунова.

Юрій Михайловичъ. Ну, ужь теперь онъ не очень молодой... (*входитъ Цыплуновъ и издали смотритъ на мать и Бѣлесову*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гнѣвышовъ. Цыплунова, Бѣлесова, Пирамидаловъ и Цыплуновъ: потомъ Бѣдонѣгова.

Цыплунова (*увидавъ сына.*)

Да вотъ, посмотрите сами, онъ очень перемѣнился съ тѣхъ поръ.

Бѣлесова (*взглянувъ на Цыплунова, Гнѣвышову*):

Это онъ, это тѣ самые глаза.

Гнѣвышовъ.

Очень радъ; тѣмъ лучше, мой другъ. (*Цыплунова знакомъ подзываетъ сына*).

Бѣлесова (*Гнѣвышову*).

Почему-же?

Гнѣвышовъ.

Я вамъ послѣ объясню. Занимайтесь съ ними!

Цыплунова (*сыну*).

Юша, я встрѣтила старую знакомую. (*Цыплуновъ молча кланяется Гнѣвышову и Бѣлесовой*).

Гнѣвышовъ (*подавая руку Цыплунову*).

Здравствуйте, молодой человѣкъ. Очень радъ васъ видѣть.

Бѣлесова (*Цыплунову*).

Вы меня узнаете?

Цыплуновъ.

Узналъ съ перваго взгляда.

Бѣлесова.

Вотъ мы будемъ сосѣдями, можемъ. если вамъ угодно, возобновить старую дружбу.

Цыплуновъ.

О! Что касается меня... (*взглянувъ на мать со вздохомъ*). Ахъ, маменька!

Гнѣвышевъ (*Бѣлесовой*).

Пригласите ихъ къ себѣ.

Бѣлесова (*Цыплунову*).

Вы помните какъ вы меня звали?

Цыплуновъ.

Вы мнѣ казались Ангеломъ.

Бѣлесова.

Вы звали меня „Ангельской душкой"; а текерь какъ я кажусь вамъ?

Цыплуновъ.

Вы и теперь мнѣ кажетесь тѣмъ же.

Бѣлесова.

Пойдемте ко мнѣ на новоселье! Намъ есть о чемъ поговорить, вспомнимъ старое... (*Цыплуновой*) милости прошу. (*Подаетъ руку Цыплунову. Цыплунова, Цыплуновъ и Бѣлесова входятъ въ калитку*).

Гнѣвышовъ (*Пирамидалову*).

Идите за мной! Вы мнѣ будете нужны. (*идетъ въ калитку, Пирамидаловъ за нимъ. На терассѣ показывается Бѣдонѣгова*).

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ! (*Пирамидаловъ махнувъ рукой уходитъ*) Вотъ опять его увели отъ меня (*громко*) Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Л и ц а:

Гнѣвышовъ.
Бѣлесова.
Цыплунова.
Пирамидаловъ.
Цыплуновъ.

Комната на дачѣ Бѣлесовой изящно убранная и миблированная. Двѣ двери: одна справой стороны (отъ актеровъ), другая въ глубинѣ на террасу, растворена; съ правой стороны трюмо.

Я В Л Е Н І Е I.

Гнѣвышовъ и Цыплунова (*входятъ*).

Гнѣвышовъ.

Хорошо молодымъ людямъ; они могутъ, безъ вреда для своего здоровья, быть на воздухѣ, наслаждаться красотой майскаго вечера, а для насъ съ вами въ комнатѣ безопаснѣе. Почти всѣ пожилые люди въ нашемъ климатѣ не свободны отъ ревматизма; вотъ и я тоже, иногда чувствую припадки этой болѣзни, хотя весьма легкіе, но тѣмъ не менѣе, очень непріятные...

Цыплунова.

Всякая болѣзнь непріятна...

Гнѣвышовъ.

Я лѣчусь гомеопатіей; совѣтую и вамъ, помогаетъ удивительно...

Цыплунова.

Да, говорятъ.. У Валентины Васильевны, кромѣ васъ, никого родственниковъ нѣтъ...

Гнѣвышовъ.

Ея мать умерла давно, и она осталась круглой сиротой. Моя жена приняла въ ней участіе; полюбила ее, какъ родную дочь; но потомъ стала хварать, и уѣхала за границу...

Цыплунова.

Она и теперь тамъ?..

Гнѣвышовъ.

Она надняхъ пріѣдетъ. Безъ нея, Валентина Васильевна оставалась на моемъ попеченіи и, признаюсь вамъ, эта опека для меня нѣсколько тяжела...

Цыплунова.

Въ какомъ отношеніи?...

Гнѣвышовъ.

Хлопотно, лишнія заботы; не мужское дѣло...

Цыплунова.

А вотъ, пріѣдетъ ваша супруга...

Гнѣвышовъ.

Ну, гдѣ ужь ей! Она совсѣмъ больная женщина... и при томъ вырастить дѣвушку до извѣстныхъ лѣтъ, вѣдь, это еще не все, главное то дѣло, главная забота впереди...

Цыплунова.

Конечно...

Гнѣвышовъ.

Въ концѣ концовъ, надо ей найти приличную партію; а развѣ, легко..?

Цыплунова.

Я съ вами согласна...

Гнѣвышовъ.

Надо изыскать, выбрать человѣка, проникнуть, такъ сказать, въ его душу, и совершенно убѣдиться въ его хорошихъ качествахъ; чтобы потомъ не принять на себя тяжелой отвѣтственности. Потому почтеннѣйшая Анна Аѳа-

насьевна, какъ я ни люблю Валентину Васильевну, а еслибъ мнѣ удалось поскорѣе сдать её съ рукъ на руки человѣку вполнѣ ея достойному, я бы перекрестился обѣими руками...

Цыплунова.

Я васъ понимаю...

Гнѣвышовъ.

Разумѣется, все, что отъ насъ зависитъ, и что намъ повелѣваетъ долгъ, мы исполнимъ, т. е. дадимъ богатое приданое. У насъ дѣтей нѣтъ.

Цыплунова.

Такъ объ чемъ же вамъ безпокоиться? Для невѣсты съ богатымъ приданымъ всегда женихи найдутся....

Гнѣвышовъ.

Какъ не найтись!... Да какіе?... Вотъ, въ чемъ вопросъ... Вонъ, и Пирамидаловъ, пожалуй, женихъ....

Цыплунова.

Подождите, найдутся и лучше Пирамидалова....

Гнѣвышовъ.

Въ томъ-то и дѣло, что ждать неудобно. Какъ только пріѣдетъ жена, мы уѣдемъ въ деревню; надо будетъ, или оставить Валентину Васильевну здѣсь безъ надзора и попеченій, на произволъ судьбы, или взять съ собой, и засадить въ глуши.

Цыплунова.

Да, я вижу, что вамъ дѣйствительно много заботы съ Валентиной Васильевной....

Гнѣвышовъ.

Много, почтеннѣйшая Анна Аѳанасьевна, много. Хотя уже приданое ея опредѣлено; но еслибъ нашелся человѣкъ очень хорошій, т. е. добрый, не глупый и съ карьерой, я бы увеличилъ и даже удвоилъ... Вотъ что, почтенная Анна Аѳанасьевна... вы не удивляйтесь, пожалуйста, тому что я вамъ скажу.

Цыплунова.

Сдѣлайте одолженіе, говорите!

Гнѣвышовъ.

Оно, конечно, странно... что, видя васъ въ первый разъ, я начинаю съ вами очень важный рѣшительный разговоръ... Положимъ, что я васъ-то не знаю; но я давно знаю вашего сына, давно собираю о немъ справки, и ужь намѣтилъ его. Я знаю даже, что вашъ сынъ любитъ Валентину Васильевну...

Цыплунова.

Да, кажется...

Гнѣвышовъ.

Ну, вотъ, видите...

Цыплунова.

Но, вѣдь, этого мало, Всеволодъ Вячеславовичъ...

Гнѣвышовъ.

Какъ мало? Чегожь еще ему нужно?..

Цыплунова.

Можетъ быть съ него этаго и довольно, но мнѣ мало. Онъ самъ стоитъ любви, и я бы хотѣла, чтобы и его любили такъ-же...

Гнѣвышовъ.

Да, вы правы.

Цыплунова.

Онъ любитъ Валентину Васильевну, безумно любитъ; но, если онъ женится и не найдетъ взаимности, онъ умретъ отъ горя, отъ отчаянія. Я его знаю, и берегу... онъ нѣженъ, какъ ребенокъ; равнодушіе жены убьетъ его.

Гнѣвышовъ.

У насъ, вѣдь, не Италія... страстной любви негдѣ взять, да и искать ее даже не разумно...

Цыплунова.

Страстной любви и не нужно; я бы хотѣла только, чтобы жена цѣнила его, уважала, и также, какъ мать, считала его лучшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Только мнѣ и нужно, и онъ стоитъ этого...

Гнѣвышовъ.

Нельзя сказать, чтобъ ваши требованія были очень умѣренны, и я поручиться не могу... Но, скажу вамъ, по секрету, что Валентина Васильевна не равнодушна къ вашему сыну...

Цыплунова.

Неужели?...

Гнѣвышовъ.

Сколько я могъ замѣтить, разумѣется. Дѣвушка порядочнаго воспитанія своихъ чувствъ не выкажетъ; но я знаю, что она встрѣтилась съ нимъ сегодня не въ первый разъ; что она видѣла его и вчера и раньше, и не безъ удовольствія, и что она его отличаетъ. Дайте руку, почтенная Анна Аѳанасьевна! Вы поговорите съ сыномъ, а я поговорю съ Валентиной Васильевной. Я васъ уполномочиваю даже объявить ему, что онъ намъ нравится, мнѣ и Валентинѣ Васильевнѣ. А тамъ ужь какъ ему угодно

Цыплунова.

Какъ я ни рада за сына, но, извините меня, я вамъ пока рѣшительнаго ничего сказать не могу.

Гнѣвышовъ.

Если вамъ угодно знать подробности о приданомъ, пойдемте въ эту комнату, мы тамъ можемъ говорить безъ помѣхи. Васъ, какъ женщину, долженъ интересовать этотъ предметъ; а я, какъ мужчина дѣловой, люблю дѣлать дѣло аккуратно. У слышу движеніе на террасѣ, вѣроятно, наши молодые люди хотятъ войти въ домъ.... Пойдемте! .. (*Уходятъ: Цыплуновъ и Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Бѣлесова, Цыплуновъ, (*потомъ*) Пирамидаловъ.

Бѣлесова *съ улыбкой мало скрытаго неудовольствія*).

Очень вамъ благодарна. Я выслушала цѣлую лекцію о нравственности и обязанностяхъ человѣка. Я узнала, что

такое серьезные люди, что значитъ серьезный взглядъ на жизнь. Все, что вы говорили, вѣроятно, очень умно,—все это очень полезно знать; и если я, къ сожалѣнію, мало поняла и мало воспользуюсь,—это ужъ моя вина.

Цыплуновъ.

Ахъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ виноватъ я; кто хочетъ, чтобъ его понимали, тотъ долженъ прежде выучиться ясно говорить.

Бѣлесова.

Да, я согласна; но и себя не оправдываю. Надо умѣть говорить обо всемъ и со всѣми. Это не очень мудрено. Изъ безчисленнаго множества красивыхъ моральныхъ фразъ надо выучить нѣсколько, чтобы умѣть кстати вставить въ разговоръ и свое слово. Хоть и очень рѣдко, но можетъ представиться такой случай, какъ теперь напримѣръ.

Цыплуновъ.

Ахъ, извините меня, сдѣлайте одолженіе! Будемъ говорить, о чемъ вамъ угодно, о чемъ вы привыкли. Говорить съ вами для меня большое удовольствіе; но я рѣдко бываю въ обществѣ, я незнаю, какіе вопросы въ ходу и объ чемъ говорятъ теперь.

Бѣлесова (*съ раздраженіемъ*).

И теперь, какъ и всегда, говорятъ о томъ, что интересно и занимательно и избѣгаютъ того, что скучно, напримѣръ: всякихъ проповедей и поученій. И притомъ предполагается, что каждый это самъ знаетъ, что каждый учился всему этому,.... если онъ совершеннолѣтній. У всѣхъ были наемные учителя и строгіе наставники, которые такъ успѣли надоѣсть, что потомъ слушать даровыхъ учителей непредставляетъ ужъ особеннаго удовольствія.—Въ разговорѣ вообще стараются не показывать слишкомъ явно своего умственнаго или нравственнаго превосходства надъ прочими. Надо щадить людей. Когда кто-нибудь, съ увѣренностью полнаго мастера, говоритъ объ обязанностяхъ чѣловѣка; простые, смертные, люди легкомысленные, такіе, какъ я,

должны думать, что этотъ урокъ относится къ нимъ, что эта филиппика есть косвенное порицаніе ихъ легкомысленнаго поведенія. Ну, и конфузишься..., торжествовать надъ нами легко. Но, мнѣ кажется, и мы имѣемъ право сказать учителю: да, мы легкомысленны; но мы не мѣшаемъ вамъ быть святымъ, не мѣшайте и намъ быть грѣшными! Научить вы насъ ненаучите, а оскорбить можете.

Цыплуновъ.

О, сохрани меня Богъ оскорбить кого-нибудь.

Бѣлесова.

Ну, теперь позвольте васъ послушать, я много говорила.

Цыплуновъ.

И говорили очень хорошо. Прекрасныя правила у васъ.

Бѣлесова.

Я живу не по правиламъ, безъ программы, для меня, кромѣ моей воли, нѣтъ правилъ.

Цыплуновъ.

О, конечно, для такой богато-одаренной натуры къ чему правила.

Бѣлесова.

Вы, мнѣ кажется, немножко экзальтированы, вы любите преувелачивать. Я самая обыкновенная дѣвушка, ничѣмъ не лучше другихъ. Что особенно хорошаго и такъ скоро вы могли замѣтить во мнѣ?

Цыплуновъ.

Я васъ давно знаю, вы ничего не измѣнились,— вы такъже искренни, какъ и прежде, когда были ребенкомъ. А искренность такое рѣдкое и дорогое качество.

Бѣлесова.

Быть искренной, если я не ошибаюсь, значить—не лгать; а это еще не очень высокая добродѣтель.

Цыплуновъ.

А между тѣмъ женщины лгутъ постоянно. Что онѣ подкрашиваютъ себя, чтобы казаться лучше и моложе, это-бы

еще не бѣда; онѣ притворяются наивными, довѣрчивыми и простосердечными, тогда какъ, въ сущности, очень ловки, разсчетливы и сухи сердцемъ.

Бѣлесова.

Ахъ, не вините бѣдныхъ женщинъ! Все ихъ притворство, по большей части, не злой умыселъ; это простое, врожденное желаніе нравиться, это скорѣй малодушіе, чѣмъ порокъ. Да и кого-же они могутъ обмануть теперь, когда мужчины стали такъ умны? Только людей глупыхъ, или аскетовъ. А вы искренны?

Цыплуновъ.

Можетъ быть, больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Бѣлесова.

Если такъ, то скажите мнѣ, зачѣмъ вы такъ странно глядѣли на меня, когда встрѣчались со мной?

Цыплуновъ.

Вы приказываете мнѣ отвѣчать?

Бѣлесова.

Да. Вы любите искренность, слѣдовательно даете право требовать ее и отъ васъ. Говорите, что было въ вашемъ взглядѣ!

Цыплуновъ.

Робкое обожаніе.

Бѣлесова.

Только?

Цыплуновъ.

Я несмѣлъ мечтать о счастіи возобновить знакомство съ вами, я думалъ, что опять потеряю васъ изъ виду, и хотѣлъ наглядѣться на васъ, чтобы яснѣй и дольше удерживать вашъ очаровательный образъ въ своей памяти.

Бѣлесова.

Я не мечтала о счастіи получить такой отвѣтъ отъ васъ. Лучше бы мнѣ не спрашивать.

Цыплуновъ.

Почему же?

Бѣлесова.

Я не умѣю слушать ни похвалы въ глаза, ни лести. При этомъ, обыкновенно, какъ-то глупо и самодовольно улыбаются; а я предпочитаю спокойное выраженіе лица и не люблю гримасъ.

Цыплуновъ.

Я не хвалю васъ, не льщу вамъ; меньше того, что я сказалъ, сказать было нельзя: вы требовали искренности. Если я виноватъ, то развѣ въ томъ только, что сказалъ вамъ мало, не все.

Бѣлесова.

Это ужъ похоже на признаніе.... Надо вамъ замѣтить, что это тоже не совсѣмъ обыкновенный разговоръ; намъ не каждый день приходится отвѣчать на признанія; а потому слушать ихъ во всякомъ случаѣ неловко, а въ иныхъ непріятно.

Цыплуновъ.

Это признаніе вырвалось невольно. Прошу васъ, не обращайте на него вниманія, оно васъ ни къ чему не обязываетъ. Я только объ одномъ прошу васъ ..

Бѣлесова.

Объ чемъ-же!...

Цыплуновъ.

Позвольте мнѣ иногда, хоть изрѣдка, глядѣть на васъ такъ близко, какъ я теперь гляжу...

Бѣлесова.

То-есть, по просту сказать, бывать у меня. Сдѣлайте одолженіе, я ни отъ кого не прячусь.

Цыплуновъ.

Благодарю васъ!... (*Молчаніе*).

Бѣлесова.

Позвольте сдѣлать вамъ еще вопросъ! Гдѣ эти серьезные, высоконравственные люди находятъ по себѣ женщинъ...., ну, женъ, что-ли?

Цыплуновъ.

Тамъ же, гдѣ и всѣ. Почти всякая женщина имѣетъ что нибудь хорошее, за что можно ее полюбить.

Бѣлесова.

Но вѣдь имъ нужно добродѣтельныхъ, серьезныхъ, то-есть безстрастныхъ...., такихъ, по крайней мѣрѣ, которыя бы не скучали съ ними.

Цыплуновъ.

Можетъ быть, имъ нужно такихъ; но мы видимъ, что они увлекаются всякими.

Бѣлесова.

То-есть могутъ увлечься красотой, напримѣръ?

Цыплуновъ.

Какъ же не увлечься, какъ не полюбить красавицу?

Бѣлесова.

Да всякую-ли красавицу?...

Цыплуновъ.

Я васъ не понимаю...

Бѣлесова.

Напримѣръ, красавицу порочную, падшую?...

Цыплуновъ.

Если она высоко держитъ голову, не стыдится своего порока, а гордится имъ, такая женщина, въ глазахъ каждаго порядочнаго человѣка, заслуживаетъ презрѣнія; но если она сокрушается, раскаивается, (*Бѣлесова садится въ кресло*) то она болѣе всякой имѣетъ право на любовь и состраданіе: потому что, только любовь можетъ уврачевать ея сердце, растерзанное угрызеніями; одна любовь можетъ спасти ее отъ отчаянія, одна только всепрощающая любовь можетъ помирить ее съ жизнію... Что съ вами?... Вы плачете? О, ангелъ! И мнѣ не благоговѣть передъ вами! Вы, съ высоты своей непорочности, своей дѣтской чистоты, роняете свои алмазныя слезы на этихъ несчастныхъ. Вамъ мало того, что васъ обожаютъ, вы хотите знать, имѣютъ

ли и эти бѣдныя надежду быть любимыми, не отнято ли у нихъ это благо, безъ котораго жизнь безотрадна, какъ мертвая пустыня...

Бѣлесова (*утирая глаза*).

Да, да, правда... но, довольно, довольно... прошу васъ. (*Погружается въ глубокую задумчивость*).

Цыплуновъ.

О, еслибъ я смѣлъ, я-бъ упалъ въ прахъ передъ вами, чтобъ цѣловать ваши ноги...

Бѣлесова (*разсѣянно*).

Что вы?... Цѣловать... что цѣловать? (*подаетъ руку, Цыплуновъ съ нѣмымъ восторгомъ цѣлуетъ руку Бѣлесовой. Входитъ Пирамидаловъ, и останавливается у двери*).

Пирамидаловъ (*про себя*).

А, вотъ что!...

Бѣлесова (*задумчиво и подъ вліяніемъ невольной искренности*).

Вы удостоиваете? (*Быстро оправившись*). Ахъ, я незнаю, что я говорю. (*Встаетъ*). Вы не обращайте вниманія на мои слезы! У меня очень слабы нервы, я за тѣмъ и переѣхала на дачу, чтобы полѣчиться...

Пирамидаловъ (*про себя*).

Перемѣняютъ разговоръ!... (*Входятъ Гнѣвышовъ и Цыплунова*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Цыплунова, Гнѣвышовъ, Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Я сбираюсь домой, Юша!...

Бѣлесова (*Цыплуновой*).

Я провожу васъ до вашей дачи, мнѣ пришла охота погулять... (*Цыплунову*). А вы меня обратно проводите...

Цыплуновъ (*Гнѣвышову*).

Честь имѣю кланяться...

Гнѣвышовъ.

Прощайте! Навѣщайте почаще Валентину Васильевну!... Постарайтесь, молодой человѣкъ, чтобъ она не скучала на дачѣ!... (*Бѣлесова, Цыплуновъ и Цыплунова уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IIII.

Гнѣвышовъ и Пирамидаловъ.

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, Цыплуновъ...

Гнѣвышовъ.

Что Цыплуновъ?...

Пирамидаловъ.

Очень ужь явно ухаживаетъ за Валентиной Васильевной....

Гнѣвышовъ.

Ну такъ что же? Вамъ что за дѣло?...

Пирамидаловъ.

Я считалъ своею обязанностію доложить объ этомъ вашему превосходительству...

Гнѣвышовъ.

Благодарю васъ за извѣстіе! Я очень доволенъ, что Валентина Васильевна нравится Цыплунову...

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна нравится не одному Цыплунову...

Гнѣвышовъ.

Ну да, конечно; но что-жь изъ этого?...

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна нравится и мнѣ, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ Цыплунову; но я увѣряю ваше превосходительство, я даже самому себѣ не смѣлъ признаться въ этомъ...

Гнѣвышовъ.

И прекрасно сдѣлали...

Пирамидаловъ.

Какъ же бы я смѣлъ, зная ваши отношенія къ Валентинѣ Васильевнѣ...

Гнѣвышовъ.

А вотъ Цыплуновъ смѣлѣе васъ....

Пирамидаловъ.

Но чего же онъ можетъ надѣяться?

Гнѣвышовъ.

Онъ можетъ надѣяться быть мужемъ Валентины, что не только не противно моимъ намѣреніямъ, но даже очень желательно...

Пирамидаловъ.

Я всегда зналъ, что рано-ли, поздно-ли, вы захотите, чтобъ Валентина Васильевна имѣла прочное и солидное положеніе...

Гнѣвышовъ.

Да, именно, прочное и солидное.

Пирамидаловъ.

Я зналъ, что это должно случиться; но я думалъ и надѣялся...

Гнѣвышовъ.

Что вы думали, мой любезный, и на что надѣялись?...

Пирамидаловъ.

Что Валентина Васильевна будетъ мнѣ наградою за мою преданность къ вашему превосходительству...

Гнѣвышовъ.

Вы ошибались...

Пирамидаловъ.

Такое усердіе, такое неусыпное, можно сказать, стараніе.... я могъ надѣяться, что ваше превосходительство оцѣните.

Гнѣвышовъ.

Я васъ цѣню. Вы имѣете мою протекцію, ваши услуги не пропадутъ даромъ. Я готовъ вамъ заплатить, но не та-

кой цѣной. Счастіе милаго существа для меня дорого.— (*строго*). Ея судьбу, милостивый государь, я не могу вручить всякому...

Пирамидаловъ.

Я умоляю, ваше превосходительство! Ваше превосходительство, не заставьте плакать, и просить на колѣняхъ!...

Гнѣвышовъ.

Не трудитесь, мой милый, не трудитесь напрасно...

Пирамидаловъ.

Цѣль моей жизни, ваше превосходительство, цѣль моей жизни...

Гнѣвышовъ.

Цѣль вашей жизни: взять большое приданое, и получить протекцію черезъ жену?... Да, нынче многіе молодые люди имѣютъ эту цѣль...

Пирамидаловъ.

Но вѣдь я служилъ, не жалѣя себя...

Гнѣвышовъ.

Я вамъ повторяю, что вы не годитесь въ мужья Валентинѣ Васильевнѣ. Намъ нуженъ человѣкъ, такъ сказать, избранный...

Пирамидаловъ.

Но чѣмъ-же Цыплуновъ лучше меня?...

Гнѣвышовъ.

Тутъ и сравненія быть не можетъ: у Цыплунова блестящая будущность, онъ скоро займетъ очень выгодное мѣсто въ московскомъ обществѣ, а съ нимъ и жена, разумѣется; а вы хоть и хорошій, исполнительный чиновникъ, но вы далеко не пойдете...

Пипамидаловъ.

Съ вашей протекціей...

Гнѣвышовъ.

Даже и съ моей протекціей! Ужь самая наружность ваша...

Пирамидаловъ.

Помилуйте, ваше превосходительство, Цыплуновъ и одѣться порядочно не умѣетъ; а я на портныхъ, да на куаферовъ трачу даже болѣе, чѣмъ мои средства позволяютъ...

Гнѣвышовъ.

Я про лицо говорю, про выраженіе!...

Пирамидаловъ.

Очень почтительное, ваше превосходительство, всегда очень почтительное!...

Гнѣвышовъ.

Да, ужь слишкомъ даже. Вы не обижайтесь, въ васъ есть что-то такое, немножко лакейское. Ну, а ужь тутъ никакія куаферы непомогутъ...

Пирамидаловъ.

Очень жалѣю, ваше превосходительство, что не могъ, или не умѣлъ....

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, вы оставьте этотъ разговоръ. Я сдѣлаю для васъ все, что могу... я въ долгу не останусь...

Пирамидаловъ.

Я сегодня болѣе не нуженъ вашему превосходительству?...

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, прощайте!—Да, постойте! Не будете-ли вы здѣсь завтра?

Пирамидаловъ.

Если прикажете.

Гнѣвышовъ.

Побывайте! Мнѣ самому едва ли удастся, такъ вы понавѣдайтесь о здоровьи Валентины Васильевны, и вообще какъ идутъ дѣла съ Цыплуновыми, и сообщите мнѣ.

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство! Честь имѣю кланяться.

Гнѣвышовъ.

Прощайте!... (*Пирамидаловъ уходитъ*). Золотой человѣкъ; а нельзя... лакей! Говорятъ, что я важенъ очень,

повелителенъ... но поневолѣ будешь важенъ, когда окружаютъ такіе люди, съ которыми нельзя и говорить иначе, какъ начальническимъ тономъ. Заговори съ ними по человѣчески, такъ они удивятся, растеряются... (*Входитъ Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Гнѣвышовъ, Бѣлесова.

Бѣлесова (*садясь въ кресло*).

Ну, вы довольны мной? Я, кажется, въ точности исполняю все, что вамъ угодно.

Гнѣвышовъ.

Очень доволенъ, Валентина, очень доволенъ.

Бѣлесова.

Теперь позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы завезли меня въ эту глушь, зачѣмъ вы навязываете мнѣ какихъ то чудаковъ, которыхъ мнѣ видѣть странно. Я нехочу ихъ обижать, а то бы я сказала другое слово ..

Гнѣвышовъ.

Все это дѣлается для вашей пользы, мой другъ.

Бѣлесова.

Для моей пользы? Это любопытно.

Гнѣвышовъ.

Наши прежнія отношенія продолжаться не могутъ.

Бѣлесова (*встаетъ*).

Какъ?... Что такое?... Почему?

Гнѣвышевъ.

Сядьте, и выслушайте меня спокойно и внимательно...

Бѣлесова (*садясь*).

Ну-съ, я слушаю. Только, пожалуйста, не мучьте меня, говорите короче! Я устала ..

Гнѣвышовъ.

Для того, чтобъ я рѣшился оставить васъ, причины должны быть очень важныя, иначе, конечно...

Бѣлесова.

Знаю! говорите, что за причины!

Гнѣвышовъ.

Моя жена ѣдетъ въ Москву!..

Бѣлесова.

Ну!

Гнѣвышовъ.

Она пріѣдетъ завтра... она знаетъ все!..

Бѣлесова.

Ну, и пусть ее знаетъ...

Гнѣвышовъ.

Она ставитъ непремѣнное условіе, чтобъ наша связь была разорвана; въ противномъ случаѣ она не сойдется со мной.

Бѣлесова.

Да зачѣмъ вамъ сходиться?..

Гнѣвышовъ.

Теперь это необходимо; она получила большое, громадное наслѣдство...

Бѣлесова.

А!.. Вотъ что!..

Гнѣвышовъ.

Мои финансовыя дѣла въ большомъ разстройствѣ.

Бѣлесова.

Да, я понимаю: если васъ заставили выбирать что нибудь одно: меня, или деньги; такъ дѣло кончено, вы мной пожертвуете, — вы и не задумаетесь даже.

Гнѣвышовъ.

Но, вѣдь, она жена...

Бѣлесова.

Ахъ, молчи, пожалуйста! Очень много ты безпокоился о женѣ, когда у ней денегъ не было. Ну, да что-же дѣ-

лать! Рано, или поздно, это должно было случиться... Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!.. (*утирая слезы*) Страстной любви нѣтъ, и слезъ будетъ немного... (*съ разстановкой*) Любить тебя было бы глупо, но я все таки тебя считаю человѣкомъ порядочнымъ, и не могу предположить, чтобъ ты меня бросилъ, совершенно, обрекъ меня на погибель... Ты, вѣроятно, позаботился о моей будущности...

Гнѣвышовъ.

Да, конечно, можешь-ли ты сомнѣваться!

Бѣлесова (*задумчиво*).

Чего я могу ждать отъ тебя?.. Чего?.. Ты, вѣроятно, предложилъ меня какому нибудь своему старому другу, богатому человѣку... и, конечно, разнѣжился при этомъ случаѣ, и, сквозь слезы, просилъ его любить меня и лелѣять... (*утираетъ слезы*).

Гнѣвышовъ.

Ошибаешься, Валентина, ошибаешься...

Бѣлесова.

Развѣ хуже что нибудь?

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, лучше! Я хочу, чтобъ ты вышла за мужъ

Бѣлесова (*съ испугомъ*).

Замужъ?!

Гнѣвышовъ.

Да, замужъ. Я хочу, чтобъ ты занимала положеніе въ обществѣ, какое слѣдуетъ тебѣ по твоему рожденію, по твоей красотѣ, по твоимъ способностямъ . Я считаю своей обязанностью возвратить тебя на ту дорогу, съ которой ты, по моей винѣ, уклонилась.

Бѣлесова.

Замужъ! Но что же у меня есть для того, чтобъ идти замужъ?

Гнѣвышовъ.

Все есть! Хотя я въ настоящее время стѣсненъ въ деньгахъ; но я не забылъ своей обязанности и у меня 15 тысячъ

готовы для васъ. Моя жена... она такъ великодушна, что предлагаетъ столько-же, чтобъ...

Бѣлесова.

Чтобъ избавиться отъ меня?

Гнѣвышовъ (*строго*).

Чтобъ устроить вашу судьбу, другъ мой.

Бѣлесова.

Денегъ вы дадите, я знаю,—я въ этомъ не сомнѣваюсь: но гдѣ-жъ у меня тѣ качества, которыя нужны, чтобъ быть хорошей женой? Какъ я буду исполнять обязанности, о которыхъ я понятія не имѣю? Вы какъ меня воспитали? Вы взяли въ свой домъ и баловали, и окружали роскошью бѣднаго ребенка, сироту. Все, что нужно для внѣшности, для умѣнья держать себя я узнала въ подробности, а что честно и безчестно для женщины, вы отъ меня скрыли. Замужъ!... Замужъ!... А что такое: мужъ, домъ, семья развѣ я знаю, развѣ вы мнѣ сказали? Ваша глупая жена всѣми силами старалась развивать во мнѣ гордость, мотовство, суетность; и какъ она радовалась своимъ успѣхамъ, нисколько не подозрѣвая, что она старается для васъ, что она дѣйствуетъ въ пользу вашихъ сластолюбивыхъ замысловъ. Послѣ такого воспитанія вамъ не трудно было обольстить меня; вамъ стоило только сказать: „хочешь ты жить въ бѣдности, или въ богатствѣ“, и кончено... и я ваша!

Гнѣвышовъ.

Къ чему эти слова, эти упреки, мой другъ!...

Бѣлесова.

Ахъ, какъ я только подумаю, что у меня будетъ мужъ!...

Гнѣвышовъ.

Не бойся! Для такой красавицы, какъ ты, мужъ ни что иное, какъ покорный слуга.

Бѣлесова.

Ну, кого-жь вы нашли, кто этотъ покорный слуга? Ужь не тотъ-ли жалкій, полусумасшедшій господинъ, котораго я видѣла сегодня?

Гнѣвышовъ.

Да, Цыплуновъ. Это лучшій человѣкъ, какого только можно желать для васъ. Вы ошибаетесь, мой другъ!

Бѣлесова.

Нѣтъ, не ошибаюсь! Именно лучшій-то мнѣ и не годится. Вы не дали мнѣ никакого понятія о нравственности, когда я была ребенкомъ, а что было во мнѣ хорошаго отъ природы, вы погубили, лишь только я успѣла выдти изъ дѣтства, и теперь торжественно вручаете меня мужу, серьезному человѣку, пропитанному какими-то строгими правилами, какими-то мѣщанскими добродѣтелями.

Гнѣвышовъ.

Зачѣмъ придавать такое большое значеніе....

Бѣлесова.

Хорошо вамъ говорить, вы уѣдете съ спокойной совѣстью, вы исполнили свою обязанность, а я останусь лицомъ къ лицу съ нимъ, съ этимъ мужемъ. Вѣдь, это ужасъ, ужасъ!

Гнѣвышовъ.

Но, если вамъ непріятенъ Цыплуновъ, есть другой: Пирамидаловъ готовъ предложить вамъ свою руку.

Бѣлесова.

Фи!... Что вы! Не оскорбляйте меня, по крайней мѣрѣ! (*задумывается*).

Гнѣвышовъ.

Нечего думать! Нечего колебаться! Года черезъ три-четыре Цыплуновъ займетъ видное мѣсто, и, вспомните мои слова, очень многія дамы будутъ завидовать вашему положенію.

Бѣлесова.

Но, вѣдь, надо будетъ съ нимъ объясниться, надо открыть ему все. Ахъ, мученіе!

Гнѣвышовъ.

Зачѣмъ, зачѣмъ? Ни-ни!

Бѣлесова.

Какъ-же можно обманывать! Это не честно!

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, послѣ, послѣ. Ваше признаніе можетъ затянуть дѣло... Что еще скажетъ его мать.

Бѣлесова.

Тебѣ хочется только сбыть меня; а какъ я буду развѣдываться съ мужемъ, тебѣ и дѣла нѣтъ.

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ-съ! Я даю вамъ такой совѣтъ, потому что глубоко знаю натуру человѣческую. Такіе люди, какъ Цыплуновъ, только на то и созданы, чтобы прощать. Развѣ вы не видите, его привязанность къ вамъ собачья, вы его можете гнать отъ себя, обижать, какъ вамъ угодно, онъ все больше и больше будетъ любить васъ.

Бѣлесова.

Ну... я подумаю. Прощайте!

Гнѣвышовъ.

Думать некогда. Завтра пріѣзжаетъ моя жена, и мы скоро отправляемся въ деревню; а я хочу, чтобы все это кончилось при мнѣ, иначе, я не буду покоенъ. Прощайте! Завтра я не буду у васъ... черезъ день или два я привезу вамъ деньги. Не думайте, мой другъ, не думайте!

Бѣлесова.

Не думать! да развѣ это въ моей власти! Какую ночь я проведу! Мнѣ кажется, я посѣдѣю къ утру.—Уѣзжайте! (*Подходитъ къ трюмо*).

Гнѣвышовъ.

До свиданія, мой другъ!

Бѣлесова (*глядя въ зеркало и поправляя волосы*).

Вы разбили меня всю, я въ эти полчаса постарѣла на 5 лѣтъ! Прощайте! (*подаетъ руку назадъ, не оборачиваясь. Гнѣвышовъ сначала жметъ ей руку, потомъ цалуетъ, и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Бѣлесова (*одна*).

Не покончить-ли съ жизнію! (*подумавъ*). Нѣтъ, что за малодушіе! Это средство всегда въ моихъ рукахъ, и я всегда имъ могу воспользоваться... да, еще успѣю... успѣю, когда нужно будетъ. Я вѣдь женщина, я любопытна; и страшно мнѣ, и женское любопытство тянетъ меня заглянуть въ этотъ невѣдомый для меня міръ супружества. Какъ ничтоженъ казался мнѣ этотъ человѣкъ, какъ малъ передо мною; и вотъ теперь, когда я думаю о немъ, мнѣ кажется, что умаляюсь я; а этотъ пигмей ростетъ, принимаетъ грозный видъ... и вотъ, въ моемъ воображеніи рисуется холодное и строгое лицо мужа передъ недостойной женой. Ахъ, страшно, страшно!... (*садится*). Но, что это со мной? (*хватается за грудь*). Мнѣ тѣснитъ грудь, я умираю... А! Нѣтъ... это... я знаю, это изъ глубины души идутъ благодатныя слезы. Что это за слезы? Слезы обиды, стыда, отчаянія? Но какія бы слезы не были, только бы слезы... слезы.—Рыдай, рыдай, несчастная.—И если эти слезы не облегчатъ тебя, лучше не живи! (*рыдаетъ*)

Занавѣсъ.

ДЕЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Цыплуновъ.
Цыплунова.
Бѣлесова.
Бѣдонѣгова.
Пирамидаловъ.

Садикъ при дачѣ Цыплуновыхъ: на лѣво крыльцо дома; направо нѣсколько деревьевъ и кустовъ, круглый столъ и садовая мебель; въ глубинѣ досчатый заборъ и въ немъ калитка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Цыплуновъ и Цыплунова, (*сходятъ съ крыльца*); потомъ Пирамидаловъ.

Цыплуновъ.

Повторите мнѣ, маменька, все, что она вамъ сказала, только, прошу васъ, слово въ слово, не измѣняйте и не прибавляйте ничего.

Цыплунова.

Она сказала мнѣ: „любовь вашего сына меня трогаетъ, еслибъ я была увѣрена, что достойна его и могу составить его счастіе, я бъ ни минуты не задумалась".

Цыплуновъ.

Вы не клялись ей, что она была мечтой всей моей жизни, что даже видѣть ее для меня блаженство невыразимое.

Цыплунова.

Ужь это твое дѣло.

Цыплуновъ.

Что же вы ей сказали?

Цыплунова.

Я поблагодарила ее за расположеніе къ намъ и сказала, что очень рада назвать ее своей дочерью и что пришлю тебя къ ней?

Цыплуновъ.

Ну, я иду, иду.

Цыплунова.

Только ты будь посмѣлѣе. Она говоритъ: „скажите ему, чтобъ не дичился меня, чтобъ онъ шелъ ко мнѣ, какъ къ невѣстѣ".

Цыплуновъ.

Я иду къ невѣстѣ маменька! (*обнимаетъ мать и прилегаетъ къ ней на плечо*) я иду къ невѣстѣ. Дождались вы?

Цыплунова.

Дождалась, мой другъ, дождалась радости. Ты повеселѣешь и я повеселѣю, а то ты ходишь, тоскуешь, неизвѣстно о чемъ, и я тоскую, на тебя глядя.

Цыплуновъ.

Ну, прощайте!

Цыплунова.

Приходите вмѣстѣ, приводи и ее съ собой. Она обѣщала къ намъ чай пить.

Цыплуновъ.

Да, вмѣстѣ придемъ, теперь ужь все вмѣстѣ. Зачѣмъ намъ разлучаться, и что можетъ разлучить насъ! (*идетъ, на встрѣчу ему изъ калитки выходитъ Пирамидаловъ*).

Пирамидаловъ.

А, Юрій Михайловичъ, здравствуйте!

Цыплуновъ.

Здравствуйте, здравствуйте! Вотъ маменька, а мнѣ некогда (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Цыплунова и Пирамидаловъ.

Цыплунова.

А это вы, Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Честь имѣю кланяться, Анна Афанасьевна! Куда это Юрій Михайловичъ такъ торопится?

Цыплунова.

Онъ пошелъ къ Валентинѣ Васильевнѣ.

Пирамидаловъ.

Чтожъ онъ не сказалъ? Чудакъ, право чудакъ. Такъ и я туда же. Прощайте!

Цыплунова.

Нѣтъ, ужь повремените немножко здѣсь!

Пирамидаловъ.

Какъ повременить, зачѣмъ?

Цыплунова.

Такъ ужь, я васъ прошу покорно.

Пирамидаловъ.

Да мнѣ нужно, Анна Афанасьевна, увѣряю васъ.

Цыплунова.

Ну ужь полчасика куда ни шло. Вы ее увидите, она сама придетъ сюда съ Юшей.

Пирамидаловъ.

Всеволодъ Вячеславичъ очень занятъ сегодня и не можетъ сюда пріѣхать, такъ вчера онъ просилъ меня, чтобъ я навѣстилъ Валентину Васильевну, ну и къ вамъ просилъ забѣжать, нѣтъ-ли чего новаго.

Цыплунова.

Какія-жъ у насъ могутъ быть новости, я не понимаю васъ.

Пирамидаловъ.

Сватовство не началось-ли?

Цыплунова.

Такъ вы знаете?

Пирамидаловъ.

Еще бы. Развѣ генералъ отъ меня скрываетъ что нибудь.

Цыплунова.

А вы когда увидите Всеволода Вячиславича?

Пирамидаловъ.

Завтра утромъ явлюсь къ нему.

Цыплунова.

Такъ скажите ему, что у насъ дѣло кончено.

Пирамидаловъ.

Вотъ какъ! Скоренько, Анна Афанасьевна, скоренько.

Цыплунова.

Да чего-жъ намъ ждать-то?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, все таки... Но я удивляюсь, какъ Юрій Михайловичъ со мной не посовѣтовался.

Цыплунова.

До совѣтовъ-ли ему? Онъ такъ счастливъ, что себя не помнитъ.

Пирамидаловъ.

А не мѣшало-бъ меня спросить, я Валентину Васильевну довольно хорошо знаю.

Цыплунова.

Что-жъ вы знаете?

Пирамидаловъ.

Прежде надо было спрашивать, Анна Афанасьевна, прежде. А теперь, хоть спрашивайте, ничего не скажу. Одно только скажу: не мое дѣло. Я, Анна Афанасьевна, умѣю молчать, когда нужно.

Цыплунова.

Ну, какъ вамъ угодно: хоть молчите, хоть говорите, намъ все равно.

Пирамидаловъ.

Генералу угодно, вы не прочь, а я что? Я мелко плаваю, слѣдовательно я долженъ молчать.

Цыплунова.

Ну такъ ужь и молчите, я васъ покорно прошу.

Пирамидаловъ.

Вы думаете, что такіе высокіе люди, какъ Всеволодъ Вячеславичъ, и ошибаться не могутъ. Нѣтъ, могутъ и очень могутъ.

Цыплунова.

Ничего я не думаю, и думать мнѣ не зачѣмъ.

Пирамидаловъ.

Былъ у него человѣкъ и человѣкъ достойный, дѣло-то безъ хлопотъ бы обошлось; такъ не захотѣлъ Всеволодъ Вячеславичъ, не захотѣлъ-съ. (*про себя*) Лакейское лицо, изволите-ли видѣть. (*громко*) Ну, а теперь мы еще посмотримъ.

Цыплунова.

Оставимте этотъ разговоръ.

Пирамидаловъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. Что ужь тутъ. Вѣдь и я тоже влюбленъ въ Валентину Васильевну и надѣялся...

Цыплунова.

А, понимаю теперь (*Бѣдонѣгова показывается въ калиткѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Цыплунова, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, вотъ вы гдѣ, а я васъ ищу. Какъ это идете мимо дачи, и нѣтъ чтобы...

Цыплунова.

Зайдите, Антонина Власьевна, отдохните!

Бѣдонѣгова.

Да, ужь позвольте посидѣть у васъ. Вотъ далеко-ли прошла, а устала. Я вѣдь на дачѣ живу, никогда не гуляю, а выйду за ворота, посижу на лавочкѣ и довольно. Я больше для воздуху; потому на воздухѣ мнѣ легче, а въ комнатѣ словно на меня тягость какая нападаетъ.

Цыплунова.

Такъ посидите въ садикѣ, а я пойду объ чаѣ похлопочу. Вотъ вамъ и кавалеръ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Пирамидаловъ и бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Что-жъ вы это къ прочимъ людямъ ходите, а ко мнѣ не заглянете?

Пирамидаловъ.

Къ вамъ я послѣ, вотъ всѣхъ обойду, тогда и къ вамъ мадеры выпить.

Бѣдонѣгова.

Да, на минуточку то; некогда ни разговориться, ни что, да все домой торопитесь. А вы-бы ко мнѣ на весь день когда, такъ съ утра-бы, чтобы ужь какъ слѣдуетъ, не торопясь.

Пирамидаловъ.

Какъ можно на весь день? Вы еще на недѣлю скажете! Вѣдь я человѣкъ служащій.

Бѣдонѣгова.

Да что ваша служба! Выгоды отъ нея, какъ я посмотрю, большой пѣтъ. Вы, коли захотите, такъ и безъ службы можете себѣ хорошую выгоду имѣть. А вы сами не хотите, бѣгаете по всѣмъ дачамъ, а зачѣмъ, неизвѣстно. Если бы вы могли имѣть любовь...

Пирамидаловъ.

Вотъ еще, любовь, какъ же нужно очень!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, вы не говорите! Любовь, коли кто можетъ чувствовать, такъ это даже очень хорошо.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, ужь, ну ее! До любви-ли бѣдному чиновнику!

Бѣдонѣгова.

Но васъ можетъ полюбить богатая женщина, и вы тогда можете имѣть себѣ удовольствіе въ жизни и во всемъ достатокъ.

Пирамидаловъ.

Да нѣтъ, я разочарованъ.

Бѣдонѣгова.

А вы бы попытались, можетъ и выйдетъ счастье.

Пирамидаловъ.

Я потому въ жизни разочарованъ, что ни что на свѣтѣ не вѣчно.

Бѣдонѣгова.

Ну, ужь это что-жь дѣлать!

Пирамидаловъ.

Жизнь наша скоротечна, а любовь еще скоротечнѣе, особенно у богатыхъ женщинъ. Полюбитъ, ну, и блаженъ, во всемъ довольствѣ; а вдругъ увидитъ офицера, и разлюбила, и опять въ бѣдность.

Бѣдонѣгова.

Да, это бываетъ. Но и мужчины много фальшивятъ и неглижируютъ, а для женщины дороже всего, чтобъ ужь это постоянно...

Пирамидаловъ.

Вотъ отчего я и не могу любить, и не вѣрю въ любовь, и разочарованъ. Кабы жениться, это другое дѣло.

Бѣдонѣгова.

А чтожъ? Коли вами будутъ довольны...

Пирамидаловъ.

Скажите, Антонина Власьевна, лакейское ли у меня лицо, или нѣтъ?

Бѣдонѣгова.

Ахъ, что вы, что вы! Самое милое и благородное.

Пирамидаловъ.

У васъ какая вотчина то?

Бѣдонѣгова.

Домъ съ лавками.

Пирамидаловъ.

А много-ль доходу съ нихъ?

Бѣдонѣгова.

Тысячъ 15 чай, да у меня и окромя... А вы вотъ все отъ меня бѣгаете, къ сосѣдкѣ моей, къ Бѣлесовой, ходите. Зачѣмъ вы къ ней ходите?

Пирамидаловъ.

Приказываютъ, такъ, по неволѣ, пойдешь.

Бѣдонѣгова.

А я про эту сосѣдку все доподлинно узнала.

Пирамидаловъ.

Что жъ вы узнали?

Бѣдонѣгова.

Генералъ этотъ ей не дяденька.

Пирамидаловъ.

А кто-же?

Бѣдонѣгова.

А такъ, въ родѣ какъ благодѣтель.

Пирамидаловъ.

Ну такъ чтожъ за важность! Кому какое дѣло!

Бѣдонѣгова.

Ну ужь не та честь, что генеральской племянницѣ. Нѣтъ ужь, далеко, цѣна другая. Генеральскую племянницу взять всякому лестно, а эту кому нужно!

Пирамидаловъ.

Не тотъ свѣтъ, не забракуютъ, было бы только приданое.

Бѣдонѣгова.

Само собой, генералъ для нее не пожалѣетъ, если человѣкъ состоятельный, только много не дастъ; не дочь вѣдь,

что за крайность изъяниться! А коли и дастъ, такъ приданое будетъ дворянское.

Пирамидаловъ.

Что такое за дворянское?

Бѣдонѣгова.

Дворянское извѣстно какое, однѣ только моды, а денегъ много не спрашивайте.

Пирамидаловъ.

А протекція, развѣ этого мало?

Бѣдонѣгова.

И съ протекціей тоже вѣдь служить надо, голову свою утруждать, изнурять себя, а настоящаго спокойствія и прохлажденія нѣтъ. А съ деньгами то самъ себѣ господинъ; зохотѣлъ, — ну и ходи цѣлую недѣлю дома въ халатѣ. Что можетъ быть пріятнѣе! И безъ нея есть невѣсты: и дѣвушки изъ хорошихъ семей, и вдовы; а на такой жениться и отъ людей совѣстно.

Пирамидаловъ.

Кому совѣстно, а кому нѣтъ.

Бѣдонѣгова.

Само собой, мало-ль оглашенныхъ-то!

Пирамидаловъ.

Не про оглашенныхъ рѣчь. Вотъ Юрій Михайловичъ Цыплуновъ и не оглашенный, а людей не совѣстится.

Бѣдонѣгова.

А что-жъ онъ?

Пирамидаловъ.

Женится на Бѣлесовой.

Бѣдонѣгова.

Да изъ чего же?

Пирамидаловъ.

Изъ приданаго, да изъ протекціи.

Бѣдонѣгова.

Такой гордый-то. Да онъ и на людей не смотрѣлъ. Батюшки, никакъ свѣтъ перевернуться хочетъ!

Пирамидаловъ.

Вотъ на кого у меня злоба то кипитъ. Ну, какъ не скажешь? а скажешь, такъ не нравится. Теперь и въ люди выдетъ и носъ подыметъ, вотъ что обидно-то. А ты пресмыкайся всю жизнь.

Бѣдонѣгова.

Да зачѣмъ, зачѣмъ? И вы можете себѣ линію найти.

Пирамидаловъ.

Какая ужь тутъ линія!

Бѣдонѣгова.

Черезъ женщину, черезъ богатую.

(*Въ калитку входятъ Цыплуновъ и Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Пирамидаловъ, Бѣдонѣгова, Цыплуновъ, Бѣлесова.

Пирамидаловъ (*Бѣдонѣговой*).

Вотъ извольте полюбоваться! Ужь и прогуливаются вмѣстѣ.

Бѣдонѣгова.

Да что вы, какъ будто, сердитесь? Аль завидки берутъ? Вотъ и вѣрь мужчинамъ. (*Цыплуновъ, проходя съ Бѣлесовой къ крыльцу, кланяется Бѣдонѣговой*).

Бѣлесова (*Цыплунову*).

Кто это дама, такая росписанная?

Цыплуновъ.

Сосѣдка наша.

Бѣлесова.

Купчиха, должно быть, лавочница какая нибудь. Что за знакомство!

Цыплуновъ.

Какъ отъ нихъ избавишься? Насильно врываются.

Бѣлесова.

Я къ вашей маменькѣ пойду, подождите меня здѣсь! (*Уходитъ на крыльцо. Цуплуновъ долго смотритъ ей въ слѣдъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Цыплуновъ, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Пирамидаловъ.

Какъ смотритъ-то, какъ смотритъ! Скажите пожалуста!

Бѣдонѣгова.

И то. Ахъ, это смѣху подобно! (*смѣется; Пирамидаловъ смѣется искуственно. Цыплуновъ садится на скамейку поодаль*).

Пирамидаловъ (*громко*)

И меня ловили, да нѣтъ; я мелко плаваю, а честь берегу.

Бѣдонѣгова.

Потому что она всякому нужная.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, говорю, ваше превосходительство, ищите другаго! Не безпокойтесь, говорю, найдутся избранники.

Бѣдонѣгова.

Да какъ не найтись! Вотъ и нашлись.

Пирамидаловъ.

Я, говоритъ, дамъ за ней хорошее приданое, буду оказывать вамъ покровительство по службѣ. Нѣтъ, говорю, ваше превосходительство, я вамъ очень благодаренъ, а, извините, рѣшиться не могу. Да почему же? Потому что я себѣ цѣну знаю. А вы обо мнѣ какъ бы думали, Антонина Власьевна? Нѣтъ, я за словомъ въ карманъ не полѣзу. Потому, говорю, ваше превосходительство, что у меня много знакомыхъ, товарищей, что они скажутъ! Какъ будутъ смотрѣть на меня! Другому это ни почемъ, а мнѣ дорого, я молодой человѣкъ, я только жить начинаю.

Бѣдонѣгова.

Да ему, чай, за обиду показалось, что вы такъ говорите?

Пирамидаловъ.

Я говорю: „Ваше превосходительство, я ее не обижаю“; ну, то есть эту женщину, понимаете? „Я къ ней со всѣмъ

уваженіемъ, а жениться, нѣтъ, не могу. Можетъ быть, чрезъ это, говорю, я ваше расположеніе теряю; а ужь нѣтъ, не могу".

Цыплуновъ.

Вы про какую это женщину говорите?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, мы такъ, свой разговоръ ведемъ.

Цыплуновъ.

Да, вы говорите между собой, но вы нарочно говорите громко, съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы ваши слова доходили до меня.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, право, мы такъ вообще.

Цыплуновъ.

Вы нарочно ударяли на тѣ слова, которыя должны меня затрогивать въ моемъ настоящемъ положеніи. Я эту манеру знаю. Эта манера мелкихъ завистливыхъ людишекъ. Извольте мнѣ сказать, про какую женщину, про какого генерала вы говорили!

Бѣдонѣгова.

Что это вы такъ пристаете?

Цыплуновъ.

Чтожъ вы молчите? Отвѣчайте! Вы говорили про Валентину Васильевну?

Бѣдонѣгова.

Да хоть бы и про нее, такъ вѣдь не принцеса.

Пирамидаловъ.

Развѣ я не могу говорить, про что мнѣ угодно?

Цыплунова.

Можете. Теперь или вы идите сейчасъ же извиняться передъ ней, или скажите мнѣ прямо, почему нельзя жениться на ней честному человѣку.

Бѣдонѣгова.

Да стоитъ-ли она еще того, чтобы изъ нея вамъ ссориться? Все таки вы товарищи, а она что!

Цыплуновъ.

Вы это слышите? Говорите сейчасъ, почему не честно жениться на Валентинѣ Васильевнѣ, иначе я...

Пирамидаловъ.

Ну чтожъ иначе? Что иначе?

Цыплуновъ.

Иначе я просто васъ убью!

Пирамидаловъ.

Я говорилъ только про себя, а другимъ какъ угодно. Я не могу жениться.

Цыплуновъ (*Горячо*).

Почему? Говори, почему!

Пирамидаловъ (*Сердясь*).

Почему да почему! Ну, потому что не желаю утѣшать покинутыхъ фаворитокъ, не желаю подбирать того, что другіе бросаютъ. Я могу найти лучше.

Бѣдонѣгова.

Еще бы не найти!

Цыплуновъ.

Она покинутая фаворитка? Правда это?

Пирамидаловъ.

Конечно правда. На дняхъ пріѣдетъ изъ заграницы жена Всеволода Вячеславича, вотъ ему и хочется поскорѣй пристроить Валентину Васильевну.

Бѣдонѣгова.

Да весь свѣтъ про это знаетъ.

Цыплуновъ.

Ну! (*тяжело вздохнувъ и хватаясь за голову*) Извините меня! (*идетъ къ крыльцу, съ крыльца сходятъ Цыплунова и Бѣлесова*):

ЯВЛЕНІЕ VII.

БѢЛЕСОВА, ЦЫПЛУНОВА, ЦЫПЛУНОВЪ, ПИРАМИДАЛОВЪ и БѢДОНѢГОВА.

Цыплуновъ (*Бѣлесовой*).

Вы не родственница Всеволоду Вячеславичу?

Бѣлесова.

Что за вопросъ? зачѣмъ вамъ?

Цыплуновъ.

Мнѣ нужно знать.

Бѣлесова.

Да развѣ для васъ не все равно? Развѣ вамъ нужно родство?

Цыплуновъ.

Нѣтъ, не все равно. Мнѣ родства не нужно, но знать правду необходимо.

Бѣлесова.

А если необходимо, я вамъ скажу. Нѣтъ, не родственница, я его воспитанница.

Цыплуновъ.

Да, я знаю, были воспитанницей, а теперь?

Бѣлесова.

Что за допросы?

Цыплунова.

Юша, Юша, что съ тобой?

Цыплуновъ (*Бѣлесовой*).

А теперь?

Бѣлесова (*съ волненіемъ*).

Если вы думаете, что я все тотъ-же невинный ребенокъ, котораго вы знали прежде...

Цыплуновъ (*хватаясь за голову*).

Да, я думалъ, что вы такъ-же чисты.

Бѣлесова.

Такъ вы ошибаетесь... я должна признаться, что я ужь не... дитя.

Цыплуновъ.

Зачѣмъ-же вы отъ меня скрыли, что вы утратили, погубили этотъ чистый дѣтскій образъ? Вѣдь я его только и любилъ въ васъ.

Бѣлесова.

Вы меня ни о чемъ не спрашивали, вы мнѣ говорили только, что любите меня. И вы должны быть мнѣ благодарны; я сдѣлала вамъ угодное, я позволила вамъ быть близко и любить меня.

Цыплуновъ.

Да вѣдь въ моихъ мечтахъ вы были чисты, кругомъ васъ были лучи, сіяніе непорочности.

Бѣлесова.

Вы должны были знать, на комъ вы женитесь.

Цыплуновъ.

Вы меня обманули.

Бѣлесова.

Скажите лучше, что вы сами обманулись.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, вы меня обманули.

Бѣлесова.

Чѣмъ?

Цыплуновъ.

Вашимъ ангельскимъ лицомъ, оно у васъ тоже, прежнее.

Бѣлесова.

Я очень рада, что оно не измѣнилось.

Цыплуновъ.

Но вѣдь оно лжетъ. Замажьте его бѣлилами, румянами, чтобъ оно не обманывало.

Бѣлесова.

Фи! Что вы, что вы! Опомнитесь!

Цыплуновъ.

Вамъ жалко его, неправда-ли? Да, жалко, жалко. Оно прекрасно, оно такое свѣтлое, чарующее. Такъ оставьте его... но вывѣску, вывѣску, какую нибудь вывѣску! Длинный хвостъ, особую прическу. Мало ли этихъ примѣтъ, по которымъ любители продажной красоты узнаютъ свой товаръ.

Бѣлесова.

Ахъ! какое оскорбленіе! Какъ вы злы, ничтожный человѣкъ! Пирамидаловъ, заступитесь хоть вы за меня!

Парамидаловъ (*подходя къ Бѣлесовой*).

Можно ли такъ оскорблять женщину. Что вы!

Цыплуновъ.

Юша, Юша, что ты дѣлаешь! Пожалѣй ты хоть самаго-то себя!

Цыплуновъ.

Вы уничтожили мечту всей моей жизни, опустошили мою душу.

Бѣлесова (*презрительно*).

Да довольно. Пощадите!

Цыплуновъ.

А вы меня щадили? Вы убили, вы утопили въ грязи самую чистую любовь. Я ее лелѣялъ въ груди десять лѣтъ, я ее считалъ своимъ благомъ, своимъ счастіемъ, даромъ небеснымъ. Я благодарилъ судьбу за этотъ даръ.

Бѣлесова. (*Пирамидалову*).

Пойдемте. Проводите меня! Убѣжимте изъ этого дома сумашедшихъ!

Цыплуновъ.

Нѣтъ, это не домъ сумасшедшихъ, но вы уходите! Это домъ честныхъ людей, и вамъ здѣсь не мѣсто (*обнимая мать*). Посмотрите, какъ все здѣсь свято, какой здѣсь рай, и признайтесь передъ собой и передъ нами, что вамъ нѣтъ мѣста между мной и моею матерью.

Бѣлесова.

Еслибы у меня былъ мужъ, или братъ, или хоть молодой преданный любовникъ, я бы не успокоилась до тѣхъ поръ, пока бы васъ не убили.

Цыплуновъ.

Зачѣмъ еще убивать меня? Я ужъ убитъ, убитъ вами... вашъ ударъ прямо въ сердце! Вы убили любовь мою; она была для меня дороже жизни, и ея нѣтъ... (*хватается за грудь*) ея здѣсь нѣтъ... нѣтъ и жизни! (*падаетъ безъ чувствъ въ кресло*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Л и ц а:

Бѣлесова.
Гнѣвышевъ.
Пирамидаловъ.
Цыплуновъ.
Цыплунова.

Комната 2-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пирамидаловъ, (*съ терассы входитъ*) Гнѣвышовъ.

Гнѣвышовъ.

Ну что?

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна меня видѣтъ не желаетъ, ваше превосходительство. (*Гнѣвышовъ тихо подходя къ двери направо, дѣлаетъ знакъ Пирамидалову, чтобы онъ отошелъ къ сторонѣ*). А я, по вашему приказанію...

Гнѣвышовъ.

Молчите! (*Стучится въ дверь*) Валентина, Валентина Васильевна, можно войти? (*голосъ Бѣлесовой*: „Подождите“ *отходитъ отъ двери*). Ну, она, кажется, ничего, а какъ вы меня испугали.

Пирамидаловъ.

Я счелъ своею обязанностію сегодня утромъ доложить

подробно вашему превосходительству, все, что вчера происходило, какъ вы сами изволили мнѣ приказать.

Гнѣвышовъ.

И поспѣшили сюда?

Пирамидаловъ.

Такъ точно, ваше превосходительство, и передалъ Валентинѣ Васильевнѣ, что вы изволите прибыть въ слѣдъ за мною.

Гнѣвышовъ.

Ну и что же?

Пирамидаловъ.

Я и понять не могу, ваше превосходительство...

Гнѣвышовъ.

Да гдѣ же вамъ?

Пирамидаловъ.

Слушать меня не стали, а приказали мнѣ сейчасъ же позвать къ нимъ Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Какъ, Цыплунова, этого самаго? Не понимаю, не понимаю.

Пирамидаловъ.

Я говорю: Валентина Васильевна, кого вы приглашаете? Гдѣ же у васъ самолюбіе! Я васъ не узнаю! Такъ вѣдь я говорилъ, ваше превосходительство?

Гнѣвышовъ.

Ну, ну, далѣе!

Пирамидаловъ.

Да онъ, говорю, не пойдетъ. „Не ваше, говоритъ, дѣло. Прикажите ему отъ меня, чтобъ онъ пришелъ, ну, просите его, ну умоляйте его“. И больше ничего разговаривать не стали, и ушли отъ меня.

Гнѣвышовъ.

Вы ходили?

Пирамидаловъ.

Ходилъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Чтожъ онъ?

Пирамидаловъ.

Ломается: „да зачѣмъ я пойду, да съ какой стати, да что мнѣ тамъ дѣлать?“

Гнѣвышовъ.

Да придетъ онъ, или нѣтъ, я васъ спрашиваю.

Пирамидаловъ.

Хотѣлъ придти.

Гнѣвышовъ.

Странно, очень странно.

Пирамидаловъ.

Я вамъ говорилъ, ваше превосходительство, что онъ дикій, вы мнѣ не изволили вѣрить.

Гнѣвышовъ.

О, мой милый, кто-жъ не ошибается! Человѣку свойственно ошибаться. Но я въ винѣ, я и въ отвѣтѣ, я постараюсь поправить эту ошибку.

Пирамидаловъ.

Если что нужно будетъ вашему превосходительству, я буду здѣсь въ саду.

Гнѣвышовъ.

Да, хорошо, ступайте, я слышу шелестъ платья.

(*Пирамидаловъ уходитъ въ садъ. Изъ боковой двери выходитъ Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Гнѣвышовъ и Бѣлесова.

Гнѣвышовъ.

Здравствуй, Валентина!

Бѣлесова.

Ну, что вы? Зачѣмъ вы?

Гнѣвышовъ.

Мой другъ, такой случай... не могъ же я...

Бѣлесова.

Вы знаете?

Гнѣвышовъ.

Пирамидаловъ мнѣ передалъ.

Бѣлесова.

Поймите же вы, въ какомъ я положеніи, если вы способны понимать что-нибудь.

Гнѣвышовъ.

О, мой другъ, всякій можетъ подвергнуться оскорбленію, никто отъ этого не застрахованъ. Ну, представьте себѣ: я пошелъ прогуляться и вдругъ на меня изъ подворотни лаетъ собака, неужели же мнѣ этотъ грубый лай принять за оскорбленіе и обидиться! А эти глупые упреки, эта мѣщанская брань чѣмъ же лучше собачьяго лая! И тебѣ, Валентина, не только обижаться, но даже и думать объ этомъ не стоитъ.

Бѣлесова.

Стоитъ думать, или не стоитъ, это ужь мое дѣло. Это для меня теперь самый важный жизненный вопросъ. (*Задумчиво*). Но это не лай... Какая энергія; какое благородство! Я ничего подобнаго въ жизни не видывала. И вмѣстѣ какая обида, какая обида!

Гнѣвышовъ.

Ну, оставь же! Отнесись къ этому факту съ презрѣніемъ, котораго онъ заслуживаетъ. Презрительность ко всему мелкому и вульгарному въ твоей натурѣ и она такъ мило выходитъ у тебя.

Бѣлесова.

Вы знаете все, все, знаете и человѣческую натуру. Я себѣ никогда не прощу, что имѣла глупость вамъ повѣрить.

Гнѣвышовъ.

Я дѣйствительно хорошо знаю сердце человѣческое, но могу иногда и ошибаться.

Бѣлесова.

Вотъ то-то же. Нѣтъ, въ дѣлахъ важныхъ никогда не нужно слушать мудрецовъ и знатоковъ сердца человѣческаго, а надо слѣдовать собственному внутреннему побуж-

денію. Въ молодомъ сердцѣ, какъ бы оно испорчено не было, все-таки говорятъ еще свѣжіе природные инстинкты. По вашимъ словамъ я думала, что Цыплуновъ вѣчно будетъ моимъ покорнымъ рабомъ и что я, разумѣется, ничего не обязана чувствовать къ нему, кромѣ презрѣнія. А вышло напротивъ, онъ меня презираетъ.

Гнѣвышовъ.

И это тебя безпокоитъ? Какое ты дитя!

Бѣлесова.

Безпокоитъ, мало сказать. Мучаетъ меня, я вся дрожу, я не спала всю ночь. Я хочу его видѣть.

Гнѣвышовъ.

Ну, зачѣмъ это, зачѣмъ? Ты должна выкинуть изъ головы всякое помышленіе о немъ. Онъ человѣкъ грубый, для твоей деликатной натуры не годится; ну, значитъ, съ нимъ и о немъ всякіе разговоры кончены. Я привезъ тебѣ деньги, сколько могъ собрать. На первое время съ тебя будетъ достаточно.

Бѣлесова.

Зачѣмъ ты привезъ именно нынче? Почему ты такъ поторопился?

Гнѣвышовъ.

Надо-жъ когда-нибудь, такъ не все-ли равно, нынче или завтра... Я обѣщалъ, я долженъ.

Бѣлесова (*съ горечью*).

Нѣтъ, не правда. Ты узналъ, что я оскорблена и хотѣлъ меня утѣшить. Признайся! Дѣтей утѣшаютъ игрушками, конфектами, а женщинъ деньгами. Ты думалъ, что всякую тоску, всякое горе, всякое душевное страданіе женщина забудетъ, какъ только увидитъ деньги. Ты думалъ, она огорчена, оскорблена, она плачетъ бѣдная, словами её теперь не утѣшишь, это трудно и долго, привезу ей побольше денегъ, вотъ она и запрыгаетъ отъ радости.

Гнѣвышовъ.

Ну, это не совсѣмъ такъ!

Бѣлесова (*настойчиво со слезами*).

Нѣтъ, такъ, такъ!

Гнѣвышовъ.

Ты ко мнѣ придираешься.

Бѣлесова.

Ахъ, мнѣ хочется плакать... Подите прочь!

Гнѣвышовъ.

Скажи же мнѣ наконецъ, что тебѣ нужно?

Бѣлесова.

Отъ васъ ничего. Мнѣ нужно видѣть Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Но зачѣмъ?

Бѣлесова.

Я не знаю. Мнѣ хочется и убить его и оправдываться передъ нимъ, просить у него прощенія.

Гнѣвышовъ.

Какія фантазіи! Ну видишь, ты сама не знаешь, что ты хочешь.

Бѣлесова.

Не знаю, не знаю. Но я знаю только одно, что если онъ не сниметъ съ меня этихъ упрековъ, этого позора, я могу дойти до отчаянія и сойти съ ума.

Гнѣвышовъ.

Вы въ ажитаціи, мой другъ, вамъ надо успокоиться. Очень жаль, что вы поторопились послать за Цыплуновымъ; какъ бы это не разстроило васъ еще болѣе. Возьмите же деньги, уберите ихъ. Съ этими деньгами ты можешь жить самостоятельно, не нуждаясь ни въ комъ (*Подаетъ Бѣлесовой большой конвертъ*).

Бѣлесова (*Съ болѣзненнымъ отвращеніемъ*).

Ахъ! (*Беретъ деньги и бросаетъ ихъ на столъ*) Еслибъ можно было не брать ихъ!

Гнѣвышовъ.

Вы не оскорбляйтесь! Дѣти берутъ же отъ отцевъ... Оскорбляться тутъ нечѣмъ. Деньги вещь необходимая. Я къ

вамъ какъ нибудь заѣду на этой недѣлѣ. Часто я у васъ бывать не могу; вчера пріѣхала жена. Впрочемъ, когда она узнала отъ меня, что вы выходите замужъ, гнѣвъ ея разсѣялся, и она шлетъ вамъ цѣлую дюжину поцѣлуевъ (*Прислушивается*) Онъ здѣсь, онъ здѣсь, я слышу его голосъ. Я подожду, чѣмъ кончится ваше объясненіе.

Бѣлесова.

Только не здѣсь. Подите въ садъ и пошлите его ко мнѣ, сами вы можете войти послѣ. (*Гнѣвышовъ уходитъ Бѣлесова взволнованная ходитъ по комнатѣ. Входитъ. Цыплуновъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бѣлесова, Цыплуновъ.

Цыплуновъ.

Что вамъ угодно?

Бѣлесова.

А, вы пришли, вы здѣсь, у меня; значитъ, вы признаете себя виноватымъ?

Цыплуновъ.

Нисколько не признаю. Вы меня звали, и я пришелъ.

Бѣлесова.

Вы вчера меня оскорбили, вы думаете, что это такъ пройдетъ вамъ? Вы думаете, что всѣ ваши упреки, всю вашу брань, я должна принять какъ должное, какъ заслуженное и склонить голову передъ вами? Нѣтъ, вы ошибаетесь. Вы не знаете моего прошедшаго, вы не выслушали моихъ оправданій, и вы осудили, осыпали публично оскорбленіями бѣдную, беззащитную женщину. За упреки вы услышите отъ меня упреки, за брань вы услышите брань.

Цыплуновъ.

Извольте, я выслушаю.

Бѣлесова.

Вы грубый, вы дурно воспитанный человѣкъ! У кого вы учились обращаться съ женщинами? Боже мой! И этотъ человѣкъ могъ быть моимъ мужемъ! Теперь я вѣрю вашей матери, что вы чуждались, бѣгали общества, это видно по всему. Нравы, пріемы, обращеніе съ женщинами порядочныхъ людей вамъ совершенно не знакомы. Въ васъ нѣтъ ни приличія, ни чувства деликатности. Какихъ вы женщинъ видѣли? Любопытно знать то общество, то знакомство, въ которомъ вы усвоили себѣ такія пзящныя манеры и такую отборную фразеологію.

Цыплуновъ.

Я съ младенчества знаю одну женщину, лучше и выше которой не представитъ никакое общество.

Бѣлесова.

Да, это ваша матушка, объ ней рѣчи нѣтъ. Ну, а кромѣ ея? Кромѣ ея вы видѣли женскій полъ только въ прислугѣ, то есть горничныхъ, нянекъ, кухарокъ; между ними вы выросли, между ними вы находитесь теперь и никакъ не можете подняться выше нравственнаго уровня этого общества. Къ вашей нянькѣ, которую вы, по своей нелѣпой, неуклюжей и смѣшной страстности, конечно обожаете, вѣроятно ходилъ пьяный мужъ; бранилъ, а можетъ, и билъ её. Отъ частаго повторенія вамъ это казалось естественнымъ и законнымъ и вы подумали, что со всякой женщиной можно также обращаться. Теперь вы видите, какимъ ничтожествомъ считаю я васъ и могу ли я обижаться вашими словами. Если я васъ позвала, то затѣмъ только, чтобы увѣрить васъ, что вчера ваша риторика не произвела того эфекта, на который вы разсчитывали, что брань ваша для меня совсѣмъ не оскорбительна, что она даже не задѣваетъ, не царапаетъ, а только свидѣтельствуетъ о вашей невоспитанности, о пошлости вашего ума и грубости сердца. Ступайте! (*Цыплуновъ кланяется*) Постойте! Вы хотите казаться неуязвимымъ, вы разыгрываете роль святаго. Какъ это смѣшно!

Цыплуновъ.

Смѣйтесь, если вамъ смѣшно! Ну, все теперь?

Бѣлесова.

Нѣтъ, для меня этого мало:

Цыплуновъ.

Да, я думаю.

Бѣлесова.

Позовите Всеволода Вячеславича и Пирамидалова и при нихъ просите у меня извиненія!

Цыплуновъ.

Пожалуй. Только это ни чему не поможетъ и ничего не исправитъ.

Бѣлесова.

Почему вы такъ думаете?

Цыплуновъ.

Потому, что въ словахъ моихъ была правда.

Бѣлесова (*горячо*).

Какъ! Оскорбленная вами женщина ждетъ отъ васъ извиненія, а вы опять съ своей школьной моралью.

Цыплуновъ.

Извольте, я буду просить у васъ извиненія, буду просить униженно, коли вы хотите, даже на колѣняхъ; но это не поможетъ вамъ, вы ошибаетесь. Извиненіе мое можетъ успокоить васъ только на нѣсколько минутъ; горькія слова мои, сказанныя вамъ вчера, всегда останутся съ вами. Никакимъ развлеченіемъ, никакими забавами вы ихъ не заглушите, онѣ будутъ васъ преслѣдовать вездѣ и вызывать краску стыда на лице ваше; вы будете съ ужасомъ просыпаться ночью и повторять ихъ.

Бѣлесова.

Уйдите, уйдите съ гласъ моихъ!

Цыплуновъ (*поклонясь*).

Прощайте! (*идетъ къ двери*).

Бѣлесова.

Ахъ, нѣтъ, постойте, постойте!

Цыплуновъ (*возвращаясь*).

Что вамъ угодно?

Бѣлесова.

Молчите, не говорите ни слова. Слушайте меня!

Цыплуновъ.

Извольте.

Бѣлесова.

Я была дурно воспитана, избалована, я ни чему не училась хорошему, ничего не знала, меня занимали только мелочами. Человѣкъ безъ сердца воспользовался моей вѣтренностію, моей пустотой... обманъ, обольщеніе...

Цыплуновъ.

Позвольте!

Бѣлесова.

Дайте мнѣ высказаться!

Цыплуновъ.

Не нужно, не нужно. Вы хотите оправдываться?

Бѣлесова.

Да, я хочу оправдаться передъ вами, я хочу, чтобъ вы знали, какъ мало было моей вины... Я скажу вамъ все, все и потомъ подамъ вамъ камень и посмотрю, подымется ли у васъ рука убить меня.

Цыплуновъ.

Да не трудитесь, не трудитесь! Скажите только два слова, что вы жертва обмана и обольщенія, и я вамъ повѣрю.

Бѣлесова.

И не будете судить меня?

Цыплуновъ.

Какое я имѣю право теперь судить васъ, когда вы для меня чужая. Живите, какъ знаете, и дѣлайте, что знаете!

Бѣлесова.

Однако я не совсѣмъ посторонняя для васъ.

Цыплуновъ.

Потому то я и прощаюсь съ вами не совершенно равнодушно, я чувствую, что долженъ пожалѣть васъ и пожелать вамъ возможнаго для васъ счастья.

Бѣлесова.

Вчера вы не жалѣли меня.

Цыплуновъ.

Да вѣдь жалѣютъ только тѣхъ, которые страдаютъ, плачутъ. Какъ можно догадаться, что женщина, которая высоко держитъ голову, у которой гордая и презрительная улыбка на лицѣ, заслуживаетъ сожалѣнія? Вотъ теперь я васъ жалѣю.

Бѣлесова.

И прощаете?

Цыплуновъ.

За что?

Бѣлесова.

За то, что я васъ оскорбила сейчасъ

Цыплуновъ.

О, вздоръ какой! Можно ли сердиться на женщину, когда она взволнована и не владѣетъ собой! Но если хотите считаться, такъ обида за обиду, мы квиты. Мнѣ кажется, вы должны быть довольны нашимъ объясненіемъ и можете теперь успокоиться. Прощайте!

Бѣлесова.

Прощайте! Ахъ, нѣтъ, погодите! Еще не все... не все.

Цыплуновъ.

Я слушаю.

Бѣлесова.

Останьтесь хоть на нѣсколько минутъ!

Цыплуновъ.

Зачѣмъ?

Бѣлесова.

Говорите что-нибудь... хоть браните меня, да только говорите... Ну, вотъ что скажите мнѣ! Отъ чего это, когда я подумаю, что вы уходите и уходите отъ меня навсегда, у меня, какъ будто, что отрывается отъ сердца, и остается въ душѣ какая-то пустота? Точно меня бросили, кинули одну между чужими... Скажите, отъ чего это?

Цыплуновъ (*подумавъ*).

Не знаю. Скажите яснѣе!

Бѣлесова.

Мнѣ кажется, что еслибы вы, или кто-нибудь изъ подобныхъ вамъ людей, навѣщали меня хоть изрѣдка, мнѣ было бы лучше, теплѣе на душѣ.

Цыплуновъ.

А, понимаю. Вы начинаете скучать, жизнь безъ всякаго содержанія вамъ надоѣла и вы почувствовали ея пустоту.

Бѣлесова.

Да, кажется, такъ.

Цыплуновъ.

Это хорошее дѣло.

Бѣлесова.

Какъ же помочь моему горю? Я прошу вашего совѣта, не откажите мнѣ!

Цыплуновъ.

Извольте! Это очень просто. Найдите себѣ занятія, поищите хорошихъ, дѣльныхъ людей для знакомства, больше думайте, читайте; а лучше всего, познакомтесь съ какой-нибудь доброй, умной женщиной, она васъ научитъ, что дѣлать, чтобы избѣжать скуки и тоски.

Бѣлесова.

Мнѣ этого мало.

Цыплуновъ.

Ужь извините, больше я ничего не имѣю предложить вамъ. Прощайте (*идетъ на терассу*).

Бѣлесова (*догоняя Цыплунова*).

Постойте! Подождите! Юрій Михайловичъ! Юрій Михайловичъ! Одну минуту!

Цыплуновъ (*возвращаясь*).

Что прикажете?

Бѣлесова (*садясь въ кресло и закрывая лицо руками*).

Я люблю васъ!

Цыплуновъ.

Что вы говорите? Такими словами не шутятъ. Посмотрите на меня, я такъ убитъ, такъ жалокъ, что шутить надо мной вамъ непростительно.

Бѣлесова (*плача*).

Да нѣтъ, нѣтъ,правда, правда, я не шучу нисколько.

Цыплуновъ.

Да какъ это могло случиться? Когда?

Бѣлесова.

Вчера, и сегодня особенно.

Цыплунова.

Если это правда, то ужь я не могу, не смѣю васъ такъ оставить; я долженъ позаботиться о васъ, долженъ что нибудь сдѣлать для васъ.

Бѣлесова (*печально*).

„Что нибудь“ — только что нибудь.

Цыпдуновъ.

Нѣтъ, все... (*Одумавшись*). Все, что могу, что я долженъ. (*Входитъ Гнѣвышовъ и Пирамидаловъ и останавливаются у двери*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Гнѣвышовъ, Пирамидаловъ.

Бѣлесова.

Конечно, я не въ правѣ не только требовать отъ васъ... но даже и надѣяться... Но ужь вы сдѣлали для меня много, вы заставили меня полюбить васъ... Я вижу, чувствую, что эта любовь для меня спасительна, умоляю васъ, не покидайте меня! Мнѣ нужна помощь, нужно участіе...

Цыплуновъ.

Что я могу, что я въ силахъ...

Бѣлесова.

Ахъ, я знаю, я буду много, много тосковать... о погибшей молодости, о своемъ безумствѣ... Мнѣ нужна будетъ поддержка, душевное участіе и утѣшеніе, которое шло бы отъ сердца... А то вѣдь насъ утѣшаютъ обыкновенно вотъ чѣмъ! (*указываетъ на конвертъ съ деньгами*).

Цыплуновъ.

Что это?

Бѣлесова.

Это деньги, мнѣ привезъ ихъ сегодня Всеволодъ Вячеславичъ.

Цыплуновъ.

Развѣ у васъ своего ничего нѣтъ? Вы живете на счетъ Всеволода Вячеславича?

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, у нея есть и свои, но не много; а она должна жить прилично.

Цыплуновъ.

Валентина Васпльевна, если васъ не оскорбляютъ эти деньги, тогда мнѣ говорить нечего.

Бѣлесова.

Нѣтъ, оскорбляютъ. Я иногда плачу; но чтожъ дѣлать, я признаюсь вамъ, не имѣю столько силы воли, чтобъ...

Цыплуновъ.

Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ помочь вамъ. Вѣдь вы меня просили?

Бѣлесова.

Да, просила и прошу.

Цыплуновъ.

Вотъ первое доброе дѣло, которое я могу сдѣлать для васъ. Дайте мнѣ эти деньги!

Бѣлесова.

Извольте!

Цыплуновъ.

Вамъ ихъ не жаль?

Бѣлесова.

Ахъ, нѣтъ, дѣлайте съ ними, что хотите; вы лучше меня знаете, что мнѣ нужно.

Цыплуновъ (*Гнѣвышову*).

Всеволодъ Вячеславичъ, Валентина Васпльевна отказывается отъ вашего подарка

Гнѣвышовъ.

Что я дарю, я того не беру назадъ.

Цыплуновъ.

Вы, ваше превосходительство, человѣкъ извѣстный своей благотворительностью; Валентина Васильевна проситъ васъ раздать эти деньги, отъ ея имени, бѣднымъ, которые дѣйствительно нуждаются.

Гнѣвышовъ. (*взявъ деньги*).

Да, если дѣло принимаетъ такой оборотъ... (*одобрительно шепчетъ Цыплукову*). Хорошо, молодой человѣкъ, хорошо.

Цыплуновъ.

Потомъ, потомъ .. что еще потомъ я обязанъ сдѣлать для васъ? (*входитъ Цыплунова*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Гнѣвышовъ, Пирамидаловъ, Цыплунова.

Цыплунова.

Юша, Юша! Онъ и такъ болѣнъ бѣдный; зачѣмъ привели его сюда? Извините меня, Валентина Васильевна! Юша, пойдемъ домой!

Цыплуновъ.

Маменька, вы такъ меня любите, въ васъ такъ много любви, такое обиліе чувства, что вы можете удѣлить другимъ часть его, не обижая меня. Маменька, есть женщина, которая нуждается въ сочувствіи, въ поддержкѣ...

Цыплунова.

Про кого ты говоришь, другъ мой?

Бѣлесова.

Это я, Анна Аѳонасьевна!...

Цыплунова.

Ахъ, Юша, пойдемъ лучше!

Цыплуновъ.

Маменька, погодите! Эта женщина очень несчастна. Ни одно высокое чувство въ ней не было затронуто. Ей никто никогда не говорилъ о состраданіи, о любви, она не знала даже, что порока нужно стыдиться, а не гордиться имъ.

Цыплунова.

Юша, ты можешь обидѣть её...

Цыплуновъ.

Нѣтъ, она теперь не обидится; она любитъ меня, и вы, я знаю, сами ее полюбите за это, и сдѣлаете для нея все, что можетъ сдѣлать умная, любящая женщина для молодой души.

Цыплунова (*подходя къ Бѣлесовой*).

Вы полюбили моего сына?... Это правда?

Бѣлесова.

Да, я полюбила его, я люблю его все больше и больше: моя любовь растетъ вмѣстѣ съ уваженіемъ, которое я начинаю чувствовать къ вамъ обоимъ. Да развѣ мнѣ трудно полюбить его,—васъ? Мнѣ стоитъ только вспомнить мое дѣтство и забыть все, что было потомъ. Юрій Михаиловичъ, помните, какъ мы съ вами оба вмѣстѣ, съ двухъ сторонъ, бросались обнимать и цѣловать вашу матушку? Вы и теперь ее часто обнимаете... Какъ я вамъ завидую. Нѣтъ, вы ей не все сказали про меня (*Беретъ за руку Цыплунову*). Вы забыли ей сказать, что я сирота, совершенно одинокая; но что еслибы я нашла руку, которую могла бы поцѣловать съ любовью... (*Хочетъ поцѣловать руку Цыплуновой*).

Цыплуновъ.

Что вы, что вы, Валентина Васильевна!

Бѣлесова.

Прошу васъ, пойдемте ко мнѣ въ комнату, на два слова только, на два слова! (*Уходятъ*).

Цыплуновъ (*про себя*).

Какъ мнѣ досадно на себя: мои слова всегда такъ жестки! Но маменька ее утѣшитъ, она умѣетъ, да, умѣетъ...

Какое положеніе! Но нѣтъ, не теперь, послѣ, послѣ.... Я долженъ покойно и серьезно разсудить, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Гнѣвышовъ (*Цыплукову*).

Молодой человѣкъ, прогоните меня, прогоните насъ! Я очень хорошо понимаю, что мы здѣсь непрошенные гости, что мы здѣсь лишніе...

Цыплуновъ.

Это какъ вамъ угодно. Я здѣсь не хозяинъ.

Гнѣвышовъ (*Крѣпко жметъ руку Цыплунова, и ударяя себя говоритъ торжевъ грудь, твенно*).

Но, молодой человѣкъ, позвольте мнѣ гордиться, что выбравъ васъ для нея, я не ошибся! Да-съ, не ошибся (*даетъ знакъ Пирамидалову, и отходитъ съ нимъ на лѣвуюсторону*).

Пирамидаловъ (*Гнѣвышову*).

Ваше превосходительство, вы всегда были моимъ отцемъ, не откажите мнѣ и теперь въ вашемъ расположеніи, въ вашей милости!

Гнѣвышовъ.

Просите, я сегодня въ хорошемъ расположеніи духа.

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, я женюсь на Антонинѣ Власьевнѣ Бѣдонѣговой, позвольте мнѣ просить васъ быть моимъ посаженнымъ отцомъ. И для меня это честь выше всякой мѣры, да и по купечеству, вы знаете, ваше превосходительство, какъ важно....

Гнѣвышовъ.

Когда генералъ на свадьбѣ... знаю, знаю! Ну, изволь, мой милый, я сдѣлаю для тебя это удовольствіе... (*Входятъ: Цыплунова и Бѣлесова, одѣтая просто*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Цыплуновъ, Гнѣвышовъ, Пирамидаловъ, Цыплунова, Бѣлесова.

Цыплуновъ (*пораженный простымъ нарядомъ Бѣлесовой*).

Маменька, я думалъ о томъ, что мы должны сдѣлать для Валентины Васильевны.

Цыплунова (*съ улыбкой*).

Погоди, мой другъ! Съ тобой мы поговорить успѣемъ. Хотя намъ всегда пріятно слушать тебя; но теперь у насъ важное дѣло, которое надо кончить поскорѣй. (*Гнѣвышеву*) Валентина оставляетъ эту дачу, вы можете сдать ее довольно выгодно, желающихъ много, лѣто еще только начинается.

Гнѣвышовъ.

Пирамидаловъ, устройте это дѣло! Но я не понимаю, за чѣмъ это.

Цыплунова.

Эта дача велика и дорога для Валентины... (*Бѣлесовой*) Впрочемъ говори ты сама!

Бѣлесова (*указываетъ на Цыплунову*).

Маменька обѣщала мнѣ найти, по сосѣдству съ ними, одну, или двѣ комнаты, больше мнѣ не нужно. Завтра же я велю продать мебель и всѣ свои лишнія вещи; я возьму только цвѣты. Мы теперь идемъ смотрѣть новую квартиру.

Цыплуновъ.

Маменька, какъ я вамъ благодаренъ! Мы весело будемъ жить на дачѣ. Мнѣ кажется, я могу сказать, что рай о которомъ я мечталъ открывается для меня. Такъ ли это? Вы согласны со мной?

Цыплунова.

Думай самъ о себѣ! Я знаю только одно, что я нашла то, чего мнѣ недоставало и чего я такъ желала,—я нашла дочь себѣ.

Цыплуновъ.

Объ чемъ же мнѣ думать! И я нашелъ то, чего искалъ. Въ этихъ прекрасныхъ чертахъ опять я вижу дѣтскую чистоту и ясность и тоже ангельское выраженіе... Это она наша прежняя Валентина.

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Меропія Давыдовна Мурзавецкая, дѣвица лѣтъ 65, помѣщица большаго, но разстроеннаго имѣнія, особа имѣющая большую силу въ губерніи.

Аполлонъ Викторовичъ Мурзавецкій, молодой человѣкъ, лѣтъ 24-хъ, Прапорщикъ въ отставкѣ, племянникъ Мурзавецкой.

Глафира Алексѣевна, бѣдная дѣвица, родственница Мурзавецкой.

Евлампія Николаевна Купавина, богатая молодая вдова.

Анеуса Тихоновна, ея тетка, старуха.

Вуколъ Наумовичъ Чугуновъ, бывшій членъ уѣзднаго суда, лѣтъ 60-ти.

Михаилъ Борисовичъ Лыняевъ, богатый, ожирѣвшій баринъ, лѣтъ подъ 50, почетный Мировой Судья.

Павлинъ Савельичъ—дворецкій
Власъ—буфетчикъ . . . . .
Корнилій—лакей . . . . . } Мурзавецкой.

Стропилинъ, подрядчикъ.

Маляръ.

Столяръ.

Крестьянинъ, бывшій староста Мурзавецкой.

Мастеровые, крестьяне и приживалки Мурзавецкой.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ, въ домѣ Мурзавецкой.

Зала, меблированная по старинному; съ правой стороны отъ зрителей три окна, въ простѣнкахъ узкія длинныя зеркала съ подзеркальниками. У перваго окна, ближе къ авансценѣ высокое кресло и столикъ, на немъ раскрытая, старинная книга и колокольчикъ; въ глубинѣ, въ правомъ

углу двустворчатая дверь въ большую переднюю, въ лѣвомъ дверь въ комнату Мурзавецкаго, между дверями печь; на лѣвой сторонѣ, въ углу, дверь въ корридоръ, ведущій во внутреннія комнаты, ближе къ авансценѣ двери въ гостинную; между дверями, придвинутъ къ стѣнѣ большой обѣденный столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Павлинъ, (*у дверей въ переднюю*) подрядчикъ, маляръ, столяръ, староста, крестьяне и мастеровые.

Павлинъ (*подавая руку подрядчику*).

Господину Стропилину! (*прочимъ*) Невозможно, господа, невозможно. Что за базаръ!

Столяръ.

Всякій тоже изъ за своего интересу.

Маляръ.

Другому деньги-то какъ нужны, — страсть!

Староста.

Праздничное дѣло, свободно, ну, значитъ, иди за получкой.

Подрядчикъ.

Праздничное-то дѣло такъ бываетъ, другъ сердечный, что и получишь, да домой недонесешъ.

Столяръ.

Донесли-бы, сумѣли, только-бъ было что.

Маляръ.

Только-бъ залучить деньги-то; а то вотъ какъ зажму, силой не отымешь.

Павлинъ.

Стало быть, вы барышню дожидаться хотите?

1-й крестьянинъ.

Да ужъ подождемъ. Наше дѣло такое, что дожидаться.

2-й крестьянинъ.

И подождешь, ничего неподѣлаешь... Мы еще позапрошлую осень лѣсъ возили на баньку (*Указывая на подрядчика*). Вонъ рыжій-то строилъ.

Маляръ.

А мы вотъ палисаду красили звенъ двѣнадцать, да бесѣдку умброй подводили.

Староста.

А мы такъ бычка-опоечка въ ту пору на солонину...

Столяръ.

Всякій за своимъ, вѣдь и мы вотъ тоже два столика подъ орѣхъ, да въ спальню къ барышнѣ...

Павлинъ.

А вы, господинъ Стропилинъ?

Подрядчикъ.

Со старымъ счетомъ. Вышелъ изъ дому съ утра по своимъ дѣламъ, такъ ужъ думаю, пойду, молъ, за мѣсто [моціону.

Павлинъ.

Ну, чтожъ мнѣ дѣлать прикажете? Допустить васъ я не смѣю. Домой идите, други милые, вотъ что я вамъ скажу. Послѣ понавѣдайтесь, да не всѣ вдругъ.

Подрядчикъ.

Нѣтъ, ужъ меня-то вы до барышни допустите, Павлинъ Савельичъ.

Голоса.

Допущай до самой! Всѣхъ допущай до самой!

Павлинъ.

Я, пожалуй, допущу; только съ уговоромъ, господа. Вотъ первое: которые почище (*указывая на подрядчика, маляра, столяра и старосту*) останьтесь здѣсь (*остальнымъ*) А вы къ крыльцу. Второе дѣло: какъ барышня изъ экипажа, сейчасъ всѣ къ ручкѣ; а кто, по усердію, можетъ и въ ножки. Объ деньгахъ и не заикаться, съ праздникомъ можно поздравить, а объ деньгахъ чтобъ ни слова.

Маляръ.

Да коли мы за ними собственно пришли, какъ-такъ ни слова?

Павлинъ.

А такъ-же ни слова, да и все тутъ. Прійдутъ барышня въ гостиную, чаю накушаются, я имъ докладъ сдѣлаю; тогда вамъ резолюція и выдетъ. Какъ-же вы хотите, чтобъ праздничное дѣло утромъ, да сейчасъ за суету? Барышня въ это время тишину любитъ, и чтобъ никто ихъ не безпокоилъ, особливо объ деньгахъ. Вы то подумайте: когда онѣ пріѣдутъ изъ собора, сядутъ въ размышленіи и подымутъ глазки къ верху, гдѣ душа ихъ въ это время бываетъ?

Подрядчикъ.

Высоко, Павлинъ Савельичъ, высоко.

Староста.

Ужъ такъ-то высоко, что ахъ.

Павлинъ.

Ну, вотъ то-то же! (*маляру*) А ты съ умброй! Эхъ, сырье! Когда вы отмякнете сколько нибудь? Деньги деньгами, а тоже и время надо знать. Мы суеты всѣми мѣрами избѣгать стараемся; а онъ за бычка-опоечка получать пришелъ. Ну, ступайте на свое мѣсто (*крестьяне и мастеровые уходятъ. Входитъ Чугуновъ съ портфелемъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Павлинъ, Чугуновъ (*у двери въ переднюю*) подрядчикъ, маляръ, столяръ, староста (*потомъ*) Корнилій.

Чугуновъ (*указывая глазами на толпу*).

Набралось гостей со всѣхъ волостей.

Павлинъ (*нюхая табакъ*).

Коммиссія, сударь.

Чугуновъ.

Дай ко березинскаго-то (*Павлинъ подаетъ табакерку. Чугуновъ понюхавъ*) Разборъ дѣлаешь: кому-подожди, кому-послѣ придп!

Павлинъ.

Перемежка въ деньгахъ, сударь.

Чугуновъ.

Это бываетъ. Передъ деньгами, говорятъ.

Павлинъ.

Дай-то Богъ! женское дѣло, сударь... Отъ женскаго ума порядокъ большихъ и требовать нельзя.

Чугуновъ.

Ну, не скажи! У Меропы Давыдовны ея женскаго ума на пятерыхъ мужчинъ хватитъ.

Павлинъ.

Какъ-же возможно противъ мужчинъ! Кабы столько ума было, такъ за вами бы не посылали; а то чуть кляузное дѣло, сейчасъ за вами и шлютъ.

Чугуновъ.

Да на кляузы развѣ умъ нуженъ? Будь ты хоть семи пядей во лбу, да коли законовъ не знаешь...

Павлинъ.

Понимаю я-съ. Да отъ большаго ума кляузъ-то заводитъ неслѣдуетъ. Конечно, осуждать господъ мы не можемъ, а и похвалить нельзя. У Меропы Давыдовны такой харектеръ: съ кѣмъ изъ знакомыхъ размолвка, сейчасъ тяжбу заводить. Помилуйте, знакомство большое, размолвки частыя, — только и знаемъ, что судимся.

Чугуновъ.

Да, другой разъ просто не изъ чего дѣло затѣваешь.

Павлинъ.

Только что отъ всѣхъ знакомыхъ господъ неудовольствія.

Чугуновъ.

Да вѣдь мы никого не обидѣли: намъ все отказываютъ, еще ни одного дѣла невыиграли.

Павлинъ.

Такъ вѣдь убытку много: проторы платимъ да подъячихъ кормимъ.

Чугуновъ.

Кто-жъ ихъ кормить-то будетъ? Вѣдь и они кушать хотятъ, люди-тоже.

Павлинъ.

Не считаю я ихъ за людей, сударь.

Чугуновъ.

Напрасно. Вѣдь и я подъячій, Павлинъ Савельичъ.

Павлинъ.

Знаю-съ.

Чугуновъ.

А знаете, такъ будьте поучтивѣе. У меня такихъ-то хамовъ, какъ вы, полтораста животовъ было.

Павлинъ.

Было, да прошло.

Чугуновъ.

Да, прошло; былъ бариномъ, а теперь вотъ сутягой сталъ; да холопскіе разговоры слушаю.

Павлинъ.

Нельзя и не говорить; по неволѣ скажешь, коли вы барышню только смущаете. Можно вамъ теперь, сударь, кляузы-то бросить и опять барином зажить; золотое дѣло имѣете.

Чугуновъ.

Имѣю.

Павлинъ.

По милости нашей барышни у госпожи Купавиной всѣмъ имѣніемъ управляете, — вѣдь это легко сказать. Да оно и видно: и домикъ обстроили, и лошадокъ завели, да и деньги, говорятъ...

Чугуновъ.

Заговорили ужь, позавидовали.

Павлинъ.

Нѣтъ, что-жъ, давай Богъ, наживайтесь!

Чугуновъ.

Да и наживусь, и наживусь. Разговаривай еще! Посмотрю что-ль я на кого! Я вдалъ нужду-то, въ чемъ она ходитъ.

Мундиръ-то мой помнишь, давно-ль я его снялъ? Такъ вытерся, что только однѣ нитки остались; сарафанъ-ли это, мундиръ-ли, не скоро разберешь.

Павлинъ.

Барыня молодая, добрая, понятія ни объ чемъ не имѣютъ, тутъ коли совѣсть не зазритъ....

Чугуновъ.

Зачѣмъ же ты совѣсть-то? Къ чему ты совѣсть-то приплелъ? Въ философію пускаться тебѣ не почину...

Павлинъ (*взглянувъ въ окно*).

Барышня идутъ. (*Уходитъ. Корнилій въ бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ перчаткахъ выходитъ изъ гостиной, отворяетъ обѣ половинки дверей и становится съ лѣва*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чугуновъ *встаетъ со стула и становится не вдалекѣ отъ двери въ гостиную, за нимъ, по линіи къ выходной двери становятся:* Подрядчикъ, *потомъ* Староста, *потомъ* Маляръ и Столяръ. Мурзавецкая *одѣта въ черную шелковую блузу, подпоясанную толстымъ шелковымъ шнуркомъ, на головѣ кружевная черная косынка, которая въ видѣ вуаля, до половины закрываетъ лицо, въ лѣвой рукѣ черная палка съ бѣлымъ, слоновой кости костылемъ. Проходитъ медленно, и не глядя ни на кого, отъ дверей передней въ гостиную. Всѣ, стоящіе въ залѣ, по очередно цѣлуютъ ея правую руку. За ней, въ двухъ шагахъ, проходитъ, опустя глаза въ землю,* Глафира, *одѣта въ грубое черное шерстяное платье. Потомъ двѣ приживалки, одѣтыя въ черное.* Павлинъ *идетъ съ лѣвой стороны* Мурзавецкой *и, почтительно согнувшись, несетъ на рукѣ что-то въ родѣ чернаго плаща.* Корнилій, *пропустивъ всѣхъ, входитъ въ гостиную и затворяетъ двери.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чугуновъ, Подрядчикъ, Староста, Маляръ, Столяръ потомъ Павлинъ.

Староста.

Ахъ, матушка! Дай ей, Господи. Создай ей, Господи!... и костылекъ-то все тотъ же.

Подрядчикъ.

Развѣ помнишъ?

Староста.

Да какъ не помнить? Тоже, какъ крѣпостными-то были...

Подрядчикъ.

Такъ хаживалъ по васъ?

Староста.

Еще какъ хаживалъ-то (*выходитъ Павлинъ*).

Павлинъ.

Не въ часъ, господа, пришли.

Чугуновъ.

Что такъ?

Павлинъ.

И докладывать-то не смѣю. (*Чугунову*). Наказанье нынче, сударь, Вукол Наумовичъ, съ прислугой. Сливокъ вскипятить не умѣютъ, либо не хотятъ, что-ли. Только и твердишь, чтобъ пѣнокъ, какъ можно, больше, потому барышня страсть ихъ любятъ. Въ такой малости не хотятъ барышнѣ удовольствія сдѣлать, ну, и гнѣваются.

Староста.

Что-же теперича намъ?

Павлинъ.

А какъ-нибудь, на недѣлѣ, что тамъ Богъ дастъ.

Маляръ.

Ходишь, ходишь, только маета одна.

Павлинъ.

Ну, ужь будетъ? Поговорилъ и довольно! Ласково я съ вами говорю, или нѣтъ? Такъ вы грубаго слова не дожидайтесь.

Столяръ.

Только и всего, съ тѣмъ, значитъ, и идти?

Павлинъ.

Чего-жъ тебѣ? Угощенья для васъ не припасено (*подрядчику*). До пріятнаго свиданія, господинъ Стромилинъ. (*прочимъ*) Ну, такъ прощайте, добрые люди! (*подрядчикъ, староста, маляръ и столяръ уходятъ*). Вамъ, сударь, въ столовой фриштыкать приготовятъ.

Чугуновъ.

Дай-ко табачку-то!

Павлинъ (*подавая табакерку*).

Пожалуйте. Ужъ придется вамъ повременить, потому барышня Аполлона Викторыча дожидаются.

Чугуновъ.

Гдѣ-же онъ?

Павлинъ.

Одно мѣсто у нихъ. Просто срамъ, сударь! Въ городѣ-то стыдятся; такъ возьмутъ ружье, будто за охотой, да, на Раззорихѣ, въ трактирѣ и проклажаются. И трактиришкото самый что ни есть, дрянной, ужъ можете судить, — въ деревнѣ, на большой дорогѣ заведеніе, на вывѣскѣ: „Вотъ онъ!“ написано. Ужъ такъ-то не хорошо, что и сказать нельзя. Дня по два тамъ кантуютъ, ссоры заводятъ, — и что имъ тамъ за компанія! Барышня ужъ послали буфетчика Власа, велѣли ихъ домой привести.

Чугуновъ.

А что ему дома-то дѣлать?

Павлинъ.

Барышня хотятъ ихъ установить и въ хорошій кругъ ввести; въ гости съ ними хотѣли сегодня ѣхать и даже все новое имъ платье приказали сшить.

Чугуновъ.

Ужъ не женить-ли хотятъ?

Павлинъ.

Похоже на это-съ.

Чугуновъ.

Женихъ завидный.

Павлинъ.

Вотъ теперь тоже Евлампія Николаевна вдовѣютъ, господинъ Лыняевъ тоже холостой.

Чугуновъ.

Обо всѣхъ-то у матушки Меропы Давыдовны забота.

Павлинъ.

Нельзя же-съ. И ахъ, какъ онѣ чудесно разсуждаютъ! Евлампія Николаевна богаты очень, значитъ, имъ можно и не богатаго жениха, только-бъ молодаго, вотъ какъ нашъ Аполлонъ Викторычъ; Михаилъ Борисычъ Лыняевъ тоже богаты и ужъ въ лѣтахъ, для нихъ теперь на примѣтѣ есть барышня, княжескаго рода, не молодая, это точно-съ, и въ головкѣ у нихъ словно какъ дрожаніе, а ужъ такъ образованы, такъ образованы, что сказать нельзя-съ. (*взглянувъ въ окно*) Да вотъ, должно быть барина привезли.

Чугуновъ.

Такъ я въ столовую (*уходитъ. Входятъ: Мурзавецкій, одѣтъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, панталоны въ сапоги, на головѣ фуражка съ краснымъ околышемъ и съ кокардой. Власъ съ ружьемъ, патранташемъ, ягдташемъ и арапникомъ.*

ЯВЛЕНІЕ V.

Мурзавецкій, Павлинъ, Власъ.

Мурзавецкій (*не снимая фуражки*).

Матантъ у себя?

Павлинъ.

У себя-съ.

Мурзавецкій.

Охъ ужъ эта охота мнѣ! Усталъ, братецъ. А что дѣлать-то! Страсть, жить безъ охоты не могу. Халатъ теперь, да спать завалиться (*хочетъ идти въ свою комнату*).

Павлинъ.

Нѣтъ ужъ, извольте здѣсь подождать, такъ приказано. (*Мурзавецкій садится у окна*).

Власъ.

Съ рукъ на руки, Павлинъ Савельичъ, и барина и всю сбрую, и амуницію.

Павлинъ (*заглянувъ въ ягдташъ*)

Въ ягдташѣ-то сударь, не то что дичи, а и перышковъ-то нѣтъ.

Мурзавецкій.

Незадача, братецъ, дьявольская незадача. Выходъ не хорошъ былъ, вернуться-бъ надо; заяцъ дорогу перебѣжалъ, какая ужъ тутъ охота! Что ни приложусь, пафъ, либо пудель, либо осѣчка.

Павлинъ (*Власу*).

Снеси къ барину въ комнату, положи осторожнѣе! (*Власъ уходитъ*).

Мурзавецкій (*растворяя окно*).

Фу, духота какая! (*высовывается въ окно и свищетъ*). Тамерланъ! Ахъ проклятый! Ну, погодижъ! Человѣкъ, приведи сюда Тамерлана, да подай мнѣ арапникъ!

Павлинъ.

Нѣтъ ужъ, этаго ни подъ какимъ видомъ нельзя: неприказано-съ. И какой же это Тамерланъ? Нешто такіе Тамерланы бываютъ? Ужъ много сказать про него, что Тлезоръ, и то честь больно велика; а настоящая-то ему кличка Шалай.

Мурзавецкій.

Много ты понимаешь.

Павлинъ.

Да я всю его родословную природу знаю. Окромя что по курятникамъ яицы таскать, онъ другой науки не знаетъ.

Его давно на осину пора, да что и на осину-то! вотъ, Богъ дастъ, осень придетъ, такъ его безпремѣнно, за его глупость, волки съѣдятъ. Не даромъ мы его волчьей котлеткой зовемъ. А вы-бы, сударь, фуражку-то сняли, неравно барышня войдутъ!

Мурзавецкій (*снимая фуражку*).

Не твое дѣло; ты знай свое мѣсто! Я разговаривать съ вашимъ братомъ не люблю.

Павлинъ.

Слушаю-съ.

Мурзавецкій.

Фу, чертъ возьми, что это мнѣ, какъ будто, не по себѣ, нездоровится что-то? Ноги, должно быть, промочилъ въ болотѣ. (*громко*) Человѣкъ, водки!

Павлинъ.

Здѣсь, сударь, не въ раззорихинскомъ трактирѣ.

Мурзавецкій.

Ну что-же, что не въ раззорихинскомъ трактирѣ, ну, что-же?

Павлинъ.

А то, что здѣсь неподадутъ-съ.

Мурзавецкій.

Ну, пожалуйста, Павлинъ Савельичъ, ну, будь другомъ, ну, я тебя прошу. Не въ службу, а въ дружбу, братецъ, понимаешь?

Павлинъ.

Вотъ то то-же сударь!

Мурзавецкій.

Право, такъ что-то, фантазія пришла. Павлинъ Савельичъ, я съ тобой буду откровененъ! адски хочется, братецъ.

Павлинъ.

Ужъ, видно, нечего съ вами дѣлать (*уходитъ. Изъ гостиной входитъ Глафира и идетъ къ корридору*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мурзавецкій, Глафира, потомъ Павлинъ и Власъ.

Мурзавецкій.

Кузина, удостойте взглядомъ! Глазки то, фу! Все отдашь.

Глафира.

Что вамъ угодно?

Мурзавецкій.

Что мнѣ угодно? Вотъ странно! мнѣ угодно разцѣловать васъ, но....

Глафира.

Вы глупы.

Мурзавецкій.

Пардонъ, мадемуазель!

Глафира.

Adieu, monsieur! (*хочетъ идти*).

Мурзавецкій.

Постойте! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, матантъ ирите?

Глафира.

Какъ вы дурно говорите по французски.

Мурзавецкій.

Ничего, по нашей губерній сойдетъ.

Глафира.

Да, я не думаю, чтобъ она была довольна вами (*хочетъ идти*).

Мурзавецкій.

Атанде! Поклонъ.

Глафира.

Отъ кого?

Мурзавецкій.

Отъ Лыняева.!

Глафира.

Благодарю васъ, что это ему вздумалось?

Мурзавецкій.

На охотѣ встрѣтились, денегъ у него занялъ, чертъ его возьми. Шуры муры завели? Ну что-жъ, признавайтесь! А еще важность на себя напускаете. (*Глафира покачавъ плечами уходитъ. Входятъ: Павлинъ и Власъ съ подносомъ, на которомъ рюмка водки и закуска*).

Павлинъ.

Извольте кушать поскорѣе, а то, чего добраго, барышня выдутъ.

Мурзавецкій (*вставъ и закусивъ*).

Фу! кабачная водка, сабачья закуска! (*Власу*) Пошелъ! (*Власъ уходитъ*).

Павлинъ.

Какая есть, и за ту спасибо, скажите, сударь!

Мурзавецкій.

Что ты важничаешь! Точно какое одолженіе мнѣ сдѣлалъ. Я тебѣ приказалъ, ты мнѣ подалъ, вотъ и все. Смѣлъ-бы ты не подать.

Павлинъ.

Хорошо-съ, такъ и будемъ знать.

Мурзавецкій.

Хамъ и важничаетъ, — это смѣшно даже (*входитъ Мурзавецкая*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мурзавецкій, Мурзавецкая, Павлинъ.

Мурзавецкая.

Что ты разсѣлся? Не видишь? (*поднимая костыль*) Встань!

Мурзавецкій.

Ахъ, пардонъ, матантъ! Я такъ, что-то, не въ духѣ сегодня, не въ расположеніи.

Мурзавецкая.

А очень мнѣ нужно! (*Павлину*) Поди, затвори двери, и непринимать никого, пока я неприкажу.

Павлинъ (*Подавая кресло*).

Слушаю-съ. (*уходитъ*).

Мурзавецкая (*указывая на стулъ*).

Вотъ теперь садись, когда приказываютъ.

Мурзавецкій.

О, матантъ, небезпокойтесь.

Мурзавецкая.

Да что не безпокоиться-то? Будешь вертѣться передо мной, какъ бѣсъ; терпѣть не могу. (*стучитъ палкой*) Садись! (*Мурзавецкій садиться*) Долго ты меня будешь мучить да срамить?

Мурзавецкій (*съ удивленіемъ*).

Что такое? Я, матантъ, вашихъ словъ непонимаю.

Мурзавецкая.

А то, что ты шляешься по трактирамъ, водишься съ мужиками, — ссоры у васъ тамъ... Мурзавецкому-то это прилично, а?

Мурзавецкій.

Вотъ превосходно, вотъ превосходно! Однакожъ меня ловко оклеветали передъ вами.

Мурзавецкая.

Гдѣ ужъ клеветать; про тебя правду-то мнѣ сказать, такъ люди стыдятся. Да чего и ждать отъ тебя? Изъ полка выгнали...

Мурзавецкій.

Позвольте, матантъ!

Мурзавецкая.

Молчи! Ужъ не болѣло-бъ у меня сердце, кабы за молодечество, за какое нибудь; ну растрать ты деньги казенныя, проиграй въ карты, — все бъ я тебя пожалѣла: а то выгнали свои-же товарищи за мелкія гадости, за то, что мундиръ ихъ мараешь.

Мурзавецкій.

Но позвольте-же!

Мурзавецкая.

Куда какъ хорошо, пріятно для всей нашей фамиліи!

Мурзавецкій.

Но позвольте же въ оправданіе... два слова.

Мурзавецкая.

Ничего ты не скажешь, — нечего тебѣ сказать.

Мурзавецкій.

Нѣтъ ужъ, позвольте!

Мурзавецкая.

Ну, говори, сдѣлай такую милость!

Мурзавецкій.

Судьба, матантъ, судьба, а судьба индѣйка.

Мурзавецкая.

Только?

Мурзавецкій.

Судьба индѣйка, я вамъ говорю, вотъ и все.

Мурзавецкая (*покачавъ головою*).

Ахъ, Аполлонъ, Аполлонъ! Если жалѣть тебя и любить, какъ слѣдуетъ, такъ вѣдь съ ума сойдешь, глядя на тебя. Вотъ что ты мнѣ скажи: совладать-то съ собой ты можешь, али нѣтъ,—ну хоть не на долго!

Мурзавецкій.

Я-то, я-то съ собой не совладаю, вотъ это мило! покорно васъ благодарю.

Мурзавецкая (*не слушая его*)

Вѣдь еслибъ ты былъ хоть немного поприличнѣе, я бы тебѣ и службу достала и невѣсту съ хорошимъ приданымъ.

Мурзавецкій.

Матантъ, ручку! (*цѣлуетъ руку у Мурзавецкой*) Мерси!

Мурзавецкая.

Только ужъ чтобъ ни-ни, чтобъ и духу этаго не было.

Мурзавецкій.

Что вы мнѣ говорите! Какъ будто я не понимаю, я очень хорошо понимаю. Дурачусь; а, коли вамъ угодно, такъ хоть сейчасъ,—ни капли, абсолюманъ.

Мурзавецкая.

Не вѣрю.

Мурзавецкій.

Пароль донёръ,—честное слово благороднаго человѣка.

Мурзавецкая.

Давно это слово-то я слышала.

Мурзавецкій (*встаетъ*).

Ну, хотите пари, пари, матантъ, какое вамъ угодно?

Мурзавецкая.

Нѣтъ, ужъ я лучше безъ пари, я вотъ не пущу тебя никуда изъ дому, да выдержу хорошенько.

Мурзавецкій (*глядя въ окно*).

Все, что вамъ угодно, матантъ.

Мурзавецкая.

Выѣзжать ты будешь только со мной и вотъ сегодня-же.

Мурзавецкій (*въ окно ударяя ладонью себя по груди*).

Тамерланъ, соте, соте!

Мурзавецкая.

Полоумный? Что ты, опомнись! Съ грязными-то лапами въ окно!

Мурзавецкій.

Пардонъ! (*въ окно*) Кушъ, кушъ, анаѳема.

Мурзавецкая.

Опомнись, опомнись! Сядь, сію минуту сядь!

Мурзавецкій.

Ахъ, матантъ, вы непонимаете: собакѣ строгость нужна, а то бросить ее, удавить придется.

Мурзавецкая (*стуча палкой*)

Шелопай! кому я говорю?

Мурзавецкій.

Сейчасъ, матантъ, къ вашимъ услугамъ. (*въ окно*) Кушъ, говорятъ тебѣ! Гдѣ арапникъ? (*громко*) Человѣкъ, подай арапникъ!

Мурзавецкая (*беретъ его за руку и сажаетъ*).

Арапникъ-то нуженъ для тебя. Объ чемъ я тебѣ говорила, ты слышалъ, слышалъ?

Мурзавецкій.

Ахъ, матантъ, какъ меня этотъ несъ разстроилъ!

Мурзавецкая.

Ну, вотъ тебѣ мой приказъ: поди выспись, а вечеромъ къ невѣстѣ поѣдемъ! Одѣнься хорошенько, къ Евлампіи Николаевнѣ поѣдемъ!

Мурзавецкій.

Боже мой, какъ я влюбленъ-то въ нее! Ужъ это... ужъ это... тутъ, матантъ, словъ нѣтъ. Мерси, мерси! Вотъ за это мерси! (*цѣлуетъ у нее руку*).

Мурзавецкая.

Поди спать!

Мурзавецкій (*идетъ къ двери, потомъ возвращается*).

Доне муа де ляржанъ!

Мурзавецкая.

Не считаю нужнымъ.

Мурзавецкій.

Такъ прикажите принести...

Мурзавецкая.

Чего еще?

Мурзавецкій.

Ennё, маленькій флакончикъ и закусить. Вообразите, вчера до ночи по болотамъ, страсть, матантъ, куска во рту не было.

Мурзавецкая.

А кто пари предлагалъ?

Мурзавецкій.

Ахъ, я оставлю, ужъ сказалъ, такъ и оставлю. Только не вдругъ, съ разу нельзя: знаете, бываютъ какіе случаи, матантъ? Трагическіе случаи бываютъ. Вотъ одинъ вдругъ оборвалъ и, какъ сидѣлъ, такъ... безъ всякихъ прелюдій, просто даже безъ покаянія, матантъ. Вотъ оно что!

Мурзавецкая.

Богъ не безъ милости, можетъ быть, и не умрешь.

Мурзавецкій (*громко вскрикиваетъ*).

Ахъ! (*хватается за грудь*) Ай, ай, ай! Вотъ оно!

Мурзавецкая.

Что случилось?

Мурзавецкій (*хватаясь за грудь*).

Насквозь, матантъ, отъ сердца да подъ лопатку.

Мурзавецкая.

Пройдетъ, ничего.

Мурзавецкій (*вскрикиваетъ громче*).

Ои!.. Охъ, охъ! точно кинжаломъ.

Мурзавецкая.

Ну, ступай! я прикажу, только ужъ въ послѣдній разъ, слышишь?

Мурзавецкій.

Ужъ не знаю, дойду-ли до комнаты. Долго-ль, въ самомъ дѣлѣ, умереть! Мнѣ жизнь копѣйка, да вѣдь безъ покаянія, матантъ... (*уходятъ, Мурзавецкая звонитъ, входитъ Павлинъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мурзавецкая, Павлинъ.

Мурзавецкая.

Смотрѣть за Аполлономъ Викторычемъ, чтобъ ни шагу изъ дому! Вели людямъ сидѣть въ передней безвыходно! Тебѣ я приказываю, съ тебя и спрошу.

Павлинъ.

Осмѣлюсь доложить, сударыня, они въ окно даже иногда...

Мурзавецкая.

Убери все платье! Вели взять, будто почистить, да и не давай! Въ халатѣ не уйдетъ.

Павлинъ.

Осмѣлюсь доложить, сударыня, они и въ халатѣ, ежели къ вечеру...

Мурзавецкая.

Гдѣ онъ деньги беретъ?

Павлинъ.

Заимствуются-съ.

Мурзавецкая.

У кого?

Павлинъ.

У разныхъ господъ-съ, которые знакомые, вотъ у г-на Линяева и у прочихъ. Осмѣливаюсь доложить, сударыня, ни одно гостя не пропущаютъ, чтобъ не попросить.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, ужъ терпѣнья моего не хватаетъ... Женю я его... Ужъ суди меня Богъ, а я его женю.

Павлинъ.

Чего-бы лучше-съ!

Мурзавецкая.

Что это за народъ былъ у крыльца здѣсь?

Павлинъ.

За полученіемъ-съ; давно ждутъ, сударыня-съ.

Мурзавецкая.

Ну, пусть еще подождутъ.

Павлинъ.

Одолѣютъ, сударыня, безпокойство для васъ.

Мурзавецкая.

А что мнѣ безпокоиться-то? У меня нужды не бываетъ,— мнѣ на нужду посылается, сколько нужно. Что ты смотришь? Да, сколько нужно, столько и пошлется: понадобиться мнѣ

тысяча, будетъ тысяча, понадобиться пятьдесятъ тысячъ, будетъ и пятьдесятъ. А сказывалъ-ли ты имъ, что кому я должна, я тѣхъ помню, я за тѣхъ молюсь; а кому заплатила, тѣхъ изъ головы вонъ?

Павлинъ.

Сказывалъ, да понимать не хотятъ,—деньги требуютъ-съ. Необразованіе, а при всемъ томъ и закоренѣлость.

Мурзавецкая.

А вѣдь бывали примѣры, Павлинъ, что за мои молитвы-то счастье посылается, барыши большіе... Ну, что-жъ, коли имъ деньги нужны, такъ заплатимъ.

Павлинъ.

Срокъ-бы имъ какой назначить-съ.

Мурзавецкая.

Зачѣмъ срокъ? Что мнѣ себя связывать! Отдамъ, вотъ и все тутъ. Я еще не знаю, сколько у меня денегъ, и есть-ли деньги, — да и копаться-то въ нихъ за грѣхъ считаю. Когда понадобятся, да не то что, когда понадобятся, а когда захочу отдать, такъ деньги найдутся, стоитъ только пошарить кругомъ себя. И найдется ровно столько, сколько нужно. Вотъ какія со мной чудеса бываютъ. Да ты вѣришь, аль нѣтъ?

Павлинъ.

Какъ же я смѣю не вѣрить-съ?

Мурзавецкая.

Такъ объ чемъ и разговаривать? Безпокоиться о долгахъ я не желаю. Куда торопиться-то? Почемъ мы знаемъ, можетъ быть, такъ и нужно, чтобъ они ждали, — можетъ быть имъ черезъ меня испытаніе посылается?

Павлинъ.

Это дѣйствительно-съ.

Мурзавецкая.

Позови ко мнѣ Чугунова.

Павлинъ (*у двери*).

Вуколъ Наумычъ, пожалуйте къ барышнѣ. (*Мурзавецкой*) Идутъ-съ. (*уходитъ въ переднюю. Входитъ Чугуновъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Мурзавецкая Чугуновъ.

Чугуновъ.

Съ праздникомъ, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая.

Здравствуй, Вуколъ Наумычъ! Садись!

Чугуновъ.

Ручку позвольте, благодѣтельница! (*цѣлуетъ руку и садится*) Присылать изволили?

Мурзавецкая.

Посылала. Дѣло у меня важное, Вуколъ, дѣло большое, третью ночь я объ немъ думаю; да не знаю, какъ расположиться-то на тебя, повѣрить-то тебѣ боюсь.

Чугуновъ.

Да развѣ у меня совѣсть подымется противъ благодѣтельницы...

Мурзавецкая.

У тебя совѣсти нѣтъ.

Чугуновъ.

Нельзя совсѣмъ не быть, матушка, благодѣтельница. Все ужъ сколько-нибудь да есть.

Мурзавецкая (*стучитъ костылемъ*).

У тебя совѣсти нѣтъ.

Чугуновъ.

Ну, какъ вамъ угодно, какъ вамъ угодно, спорить не смѣю. Я только одно скажу; вы у меня послѣ Бога...

Мурзавецкая.

Лжешь.

Чугуновъ.

И не знаю я за собой грѣха противъ васъ.

Мурзавецкая.

Потому что боишься меня, знаешь, что я могу тебя и

съ мѣста теплаго турнуть и изъ городу выгнать,—проказъто не мало за тобой; и придется тебѣ въ волостные писаря проситься. Да вѣдь у меня не долго, я какъ разъ.

Чугуновъ (*встаетъ и цѣлуетъ у ней руку*).

Нѣтъ ужъ, благодѣтельница, не лишайте вашихъ милостей.

Мурзавецкая.

Садись! (*Чугуновъ садится*) Дѣло вотъ какое, братъ мой, Викторъ Давыдычь, отецъ Аполлона, имѣлъ дѣла съ Купавинымъ, съ мужемъ Евлампіи.

Чугуновъ.

Деньги занимали у Кунавина, а больше никакихъ дѣлъ не имѣли-съ.

Мурзавецкая.

Да, занималъ, и Купавинъ ему давалъ. А вотъ передъ смертью братецъ сталъ бумажный заводъ строить, и не хватило у него денегъ; Купавинъ обѣщалъ дать, да и не далъ.

Чугуновъ.

Такъ точно-съ.

Мурзавецкая.

А еслибъ Купавинъ не отказалъ?

Чугуновъ.

Тогда вашъ братецъ выстроили бы заводъ. Отъ чего-жъ на чужія деньги не выстроить?

Мурзавецкая.

Да, выстроилъ бы, и, по его разсчету, за уплатой всѣхъ долговъ, нажилъ бы пятьдесятъ тысячъ. Значитъ виноватъ Купавинъ, что Аполлонъ нищій остался. Ну, надо правду сказать, Вуколъ, братецъ покойникъ прихвастнуть любилъ, я всегда ему только въ половину вѣрила; такъ вотъ я теперь, можетъ, и себя обижаю, а считаю за Купавиной только 25 тысячъ, а не пятьдесятъ.

Чугуновъ.

Считать можно-съ.

Мурзавецкая.

Да и говорю вездѣ, по всему городу славлю, что Купавины должны Аполлону, что они ограбили у меня племянника.

Чугуновъ.

И говорить можно-съ.

Мурзавецкая.

„Можно да можно!“ А чего нельзя-то по твоему?

Чугуновъ.

Нельзя этихъ денегъ получить-съ. Никто не обязанъ взаймы деньги давать-съ, на это есть добрая воля. Хоть Купавинъ и не далъ взаймы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать съ него за это ничего нельзя, потому что строятъ-то на свои...

Мурзавецкая.

Ахъ ты ворона! Да развѣ я глупѣй тебя? Развѣ я не понимаю, что по законамъ, по тѣмъ, что у васъ въ книгахъ-то написаны, тутъ долга нѣтъ. Такъ у васъ свои законы, а у меня свои; я вотъ знать ничего не хочу, кричу вездѣ, что ограбили племянника.

Чугуновъ.

Ваша воля, вамъ запретить никто не можетъ.

Мурзавецкая.

Такъ вѣдь не сдуру же я. Какъ ты думаешь, а, съ дуру я, или у меня есть въ головѣ что-нибудь?

Чугуновъ.

Стало быть, есть.

Мурзавецкая.

На совѣсть я на людскую надѣюсь, все еще въ совѣсти людской не извѣрилась... думаю: Евлампія женщина добрая, деликатная, не потерпитъ, чтобъ про нея такой разговоръ былъ.

Чугуновъ.

Полагаете, заплатитъ?

Мурзавецкая.

Нѣтъ, не полагаю. Велики деньги, гдѣ-жъ заплатить. А мы мировую сдѣлаемъ.

Чугуновъ.

Сколько-жъ вы по мировой получить надѣетесь?

Мурзавецкая.

Ничего не хочу я получать; а женимъ Аполлона на ней, вотъ и квитъ. Изъ того только я и бьюсь, изъ того и сыръборъ загорѣлся и разговоръ объ долгѣ пошелъ.

Чугуновъ (*съ испугомъ встаетъ*).

Матушка, матушка!

Мурзавецкая.

Чего ты испугался?

Чугуновъ.

Вѣдь ужъ тогда вы, благодѣтельница, все управленіе въ свои ручьки возьмете?

Мурзавецкая.

Разумѣется, возьму.

Чугуновъ.

А я то куда-же, благодѣтельница?

Мурзавецкая.

А куда хочешь. Вотъ, очень мнѣ нужно! Будетъ съ тебя, нагрѣлъ руки-то.

Чугуновъ.

Нѣтъ, матушка,—благодѣтельница, нѣтъ, развѣ малость самую. Мнѣ вотъ къ усадьбишкѣ пустошь прикупить хочется, рядомъ продается, три тысячи просятъ.

Мурзавецкая.

Не жирно-ли, Вуколъ?

Чугуновъ.

И ни зачѣмъ-бы я больше непогнался, но всю жизнь кусокъ хлѣба, и кляузы брошу.

Мурзавецкая.

Коли дѣло сдѣлается, я тебѣ тысячу рублей дамъ, а остальныя самъ промышляй покуда, сколачивай какъ нибудь, я тебѣ не судья. Только не больше, а двѣ тысячи

хоть и у Купавиной своруешь, такъ, не бойся, ее не раззоришь.

Чугуновъ.

Только вы-то, благодѣтельница, не осудите, вы-то не осудите; а то ни кого мнѣ не страшно, ужъ я себя не обижу.

Мурзавецкая.

Ну, объ тебѣ-то довольно толковать, ты меня-то послушай!

Чугуновъ.

Слушаю, благодѣтельница.

Мурзавецкая.

По моему, всякая баба дрянь, хоть ты золотомъ осыпь, все ей самой-то цѣна — грошъ. А Евлампія теперь съ деньгами-то, пожалуй, очень высоко думаетъ о себѣ: тотъ ей не пара, другой не женихъ.

Чугуновъ.

На счетъ этого я въ ихъ мысли проникнуть не могу-съ.

Мурзавецкая.

Я вѣдь дѣвица старая, я мужчинъ разбирать неумѣю, можетъ быть, Аполлонъ и въ самомъ дѣлѣ плохой женихъ; да, понимаешь ты, что я этого и знать нехочу; я своему родному добра желаю, а до нея мнѣ и горя мало... такъ вотъ, если она заупрямится, надо намъ съ тобой, Вуколъ, придумать, чѣмъ пугнуть ее.

Чугуновъ.

Будемъ придумывать, благодѣтельница?

Мурзавецкая.

Ну, и думай! Какъ по твоему, кому ты долженъ служить: мнѣ или ей?

Чугуновъ.

Никому, кромѣ васъ, благодѣтельница.

Мурзавецкая.

Вотъ и сослужи своей благодѣтельницѣ службу великую, избавь ее отъ заботы! Вѣдь измучилъ меня племянничекъ-то.

Чугуновъ.

Ничего-съ, можно-съ, неизвольте безпокоиться. Я имѣю полную довѣренность отъ Евлампіи Николаевны, могу всѣ дѣла вести и миромъ кончать.

Мурзавецкая.

Ну такъ что-же?

Чугуновъ.

Надо-бы какой нибудь счетецъ старый найти, или въ книгахъ конторскихъ нѣтъ-ли какихъ разсчетовъ, на чемъ вамъ претензію основать... да я поищу-съ. Потомъ мы съ Аполлономъ Викторычемъ дѣло и кончимъ миромъ у Мироваго. Я, какой вамъ угодно, долгъ признаю, хоть во сто тысячъ. Выдадутъ Аполлону Викторычу исполнительный листъ, вотъ ужь тогда дѣло будетъ крѣпко, такимъ документомъ пугнуть можно-съ! Выходи замужъ, а то, молъ, раззорю.

Мурзавецкая.

Да, да, да... вотъ, вотъ, мнѣ только того и нужно. Ну да еще это дѣло впереди, можетъ быть, и безъ того сладимъ. А за упрямится, такъ ужъ не взыщи... Что грѣха таить, я для своей родни криводушница.

Чугуновъ.

А кто-жъ безъ грѣха-то? Кто похвалится, благодѣтельница?

Мурзавецкая.

У Евлампіи наличныя деньги есть?

Чугуновъ.

Какъ не быть, есть.

Мурзавецкая.

Чтожъ она, забыла что-ли? Я ей не разъ напоминала. Мужъ ея обѣщалъ дать мнѣ тысячу рублей на бѣдныхъ... да ужъ не помню на словахъ онъ говорилъ, или письмо было отъ него. „Въ завѣщаніи, говоритъ, я этихъ денегъ непомѣщаю, все равно, когда умру, вамъ жена моя заплатитъ“. Кажется, было письмо. Ты смотрѣлъ въ моихъ бумагахъ?

Чугуновъ.

Разъ пять пересматривалъ, на домъ бралъ-съ.

Мурзавецкая.

Нѣтъ?

Чугуновъ.

Нѣтъ-съ.

Мурзавецкая.

Жаль. Не вѣрить мнѣ она не смѣетъ, а все таки, пожалуй, поморщиться.

Чугуновъ.

Такъ что-же съ, можно съ...

Мурзавецкая.

Что, „можно“?

Чугуновъ.

Да письмо найти, коли оно нужно-съ.

Мурзавецкая.

Вѣдь ужъ ты искалъ.

Чугуновъ.

Искалъ, да не тамъ, гдѣ надобно; съ дуру-то только время потерялъ даромъ. (*вынимаетъ изъ кармана письмо и подаетъ Мурзавецкой*) Вотъ извольте, матушка-благодѣтельница, нашлась.

Мурзавецкая (*прочитавъ про себя письмо*).

Его рука, его. Что такое? Ужъ не колдовство-ли?

Чугуновъ.

Какъ можно, благодѣтельница... грѣхъ этакій! возьму-ли я на свою душу...

Мурзавецкая.

А не колдовство, такъ не много лучше, — это подлогъ; за это Сибирь. (*отдаетъ письмо Чугунову*).

Чугуновъ.

Что это вы какія слова говорите! Зачѣмъ, благодѣтельница, такія слова говорить! Ну что за подлогъ? Умное дѣло, — вотъ какъ это называется. Такая воля была госпо-

дина Купавина; а не все-ли равно, что на словахъ, что на письмѣ онъ ее выразилъ. А если безъ письма-то Евлампія Николаевна не повѣритъ, да денегъ не дастъ; такъ не больше-ли тогда грѣха-то будетъ? И воля покойнаго не будетъ исполнена и бѣднымъ на поминъ его доброй души ничего недостанется.

Мурзавецкая.

А если я тебя обманула, если онъ не обѣщалъ мнѣ?

Чугуновъ (*хочетъ разорвать письмо*).

Такъ вѣдь вотъ... долго-ли?

Мурзавецкая.

Что ты, что ты! Постой! Подай сюда. (*беретъ письмо*).

Чугуновъ.

Жаль, что мало, Меропа Давыдовна, — вотъ что надо сказать.

Мурзавецкая.

Что мало?

Чугуновъ.

Да денегъ-то. Ужъ за одно-бы.

Мурзавецкая.

Да что ты, пропащій! Вѣдь только обѣщано.

Чугуновъ.

То-то я и говорю; жаль, что мало обѣщано, а ужъ писать-то бы все одно.

Мурзавецкая.

Разбойникъ ты начисто, Вуколъ, какъ погляжу я на тебя. Вотъ я бѣднымъ помогаю, такъ для нихъ можно, и душой покривить, грѣхъ небольшой; а ты, поди, и для своей корысти отъ такого баловства не прочь (*прячетъ письмо въ карманъ и грозитъ Чугунову*). Эй Вуколъ, совѣсть-то, совѣсть-то не забывай, пуще всего! Вѣдь это дѣло уголовное.

Чугуновъ.

Уголовное, благодѣтельница, уголовное.

Мурзавецкая.

Самъ что-ли?

Чугуновъ.

Гдѣ ужъ самому! Руки трясутся... племянникъ.

Мурзавецкая.

Горѣцкій?

Чугуновъ.

Онъ, благодѣтельница. Думали, ничего изъ парня не выдетъ, неучился нигдѣ, и грамотѣ едва знаетъ, отдали частному землемѣру въ помощники, такъ все одно, что бросили. И вдругъ какое дарованіе открылось! Что хотите, дайте, точка въ точку сдѣлаетъ.

Мурзавецкая.

Введетъ онъ тебя въ бѣду съ этимъ дарованьемъ-то.

Чугуновъ.

Побанваюсь, благодѣтельница... А прогнать жаль, неровенъ часъ и понадобится; не себѣ, такъ добрымъ людямъ услужить. (*взглянувъ въ окно*) Кто-то подъѣхалъ къ вамъ? Ужъ вы меня отпустите! (*цѣлуетъ руку Мурзавецкой*).

Мурзавецкая.

Прощай, Вуколъ, спасибо.

Чугуновъ.

Коли опять что понадобиться, только, благодѣтельница, мигните, я всей душой. (*уходитъ. Входитъ Павлинъ*).

Павлинъ.

Господинъ Лыняевъ съ Анѳусой Тихоновной подъѣхали.

Мурзавецкая.

Проси! (*Павлинъ уходитъ. Входятъ: Лыняевъ и Анѳуса*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Мурзавецкая, Лыняевъ, Анѳуса и Павлинъ (*у двери*).

Лыняевъ.

Ухъ! Здравствуйте!

Мурзавецкая (*поцѣловавшись съ Анѳусой*).

Здравствуй, телепень! Садитесь, гости будете. Гдѣ-ты эту красавицу то поддѣлъ?

Лыняевъ.

У гостинаго двора Евлампія Николаевна навязала, она къ вамъ заѣдетъ за ней.

Мурзавецкая (*Анѳусѣ*).

Тебѣ, сирота, чайку?

Анѳуса.

Да, ужъ-бы, чайку-бы ужъ...

Мурзавецкая (*Павлину*).

Подай чаю Анѳусѣ Тихоновнѣ. (*Павлинъ уходитъ. Лыняеву*) А кабы не порученіе, ты-бы и не заѣхахъ ко мнѣ, пожалуй?

Лыняевъ.

Не заѣхалъ-бы сегодня, дѣлъ вѣдь у насъ съ вами никакихъ нѣтъ.

Мурзавецкая.

Да не все по дѣлу; а такъ, навѣстить старуху, побѣсѣдовать?

Лыняевъ.

Вѣдь у насъ одна бесѣда: ближнихъ судить. А мнѣ некогда сегодня критикой заниматься, домой нужно.

Мурзавецкая.

Ну, да какъ-же! Дѣловой человѣкъ, важныя занятія! А пріѣдешь домой, на диванъ ляжешь, я вѣдь знаю. Всѣ диваны пролежалъ, помнутно пружины поправляютъ.

Лыняевъ.

Положеніе-то горизонтальное больно заманчиво. (*Павлинъ приноситъ на подносѣ чайникъ, чашку и сахарницу. Анѳуса наливаетъ и пьетъ въ прикуску*)

Мурзавецкая (*Анѳусѣ*).

Вотъ тебѣ и работа, и пей сиди! (*Лыняеву*) На что это похоже, какъ ты разбухъ!

Лыняевъ.

Сердце у меня доброе, и совѣсть чиста, вотъ и толстѣю. Да теперь похудѣю скоро, забота есть.

Мурзавецкая.

Вотъ рѣдкость-то! что за забота?

Лыняевъ.

Волка хочется поймать, травленнаго. На слѣдъ никакъ непопаду.

Мурзавецкая.

Ахъ ты, судья праведный! Ну, дай Богъ нашему теляти да волка поймати!

Лыняевъ.

Завелся въ нашемъ округѣ какой-то сутяга, что ни съѣздъ, то двѣ три кляузы, и самыя злостныя. Да и подлоги стали оказываться. Вотъ-бы поймать, да въ Окружной!

Мурзавецкая.

Ахъ, какой храбрый! А ты вотъ что скажи: отъ чего ты людямъ-то некажешься, ни у кого небываешь?

Лыняевъ.

Боюсь.

Мурзавецкая.

Что ты, маленькій что-ли?

Лыняевъ.

Кабы маленькій, такъ-бы небоялся, маленькому-то не страшно.

Мурзавецкая.

Да чего, скажи на милость?

Лыняевъ.

Женятъ.

Мурзавецкая.

Вотъ страсть какая! Бобылемъ-то развѣ лучше жить?

Лыняевъ.

Кому не страшно, а я боюсь до смерти, и ужъ гдѣ есть дѣвицы, я въ тотъ домъ ни ногой.

Мурзавецкая.

Какъ-же ты ко мнѣ-то ѣздишь? Мы обѣ дѣвицы, п я и Глафира.

Лыняевъ.

Вѣдь у васъ монастырь, смиреніе, тишина.

Мурзавецкая.

Ну, и намъ тоже пальца-то въ ротъ неклади! Такъ вотъ отчего ты людей-то боишься.

Лыняевъ.

Да развѣ кругомъ насъ люди живутъ?

Мурзавецкая.

Батюшки! да кто же по твоему?

Лыняевъ.

Волки да овцы. Волки кушаютъ овецъ, а овцы смиренно позволяютъ себя кушать.

Мурзавецкая.

И барышни тоже волки?

Лыняевъ.

Самые опасные. Смотритъ лисичкой, всѣ движенія такъ мягки, глазки томныя, а чуть зазѣвался немножко, такъ въ горло и влѣпится. (*встаетъ и беретъ шляпу*)

Мурзавецкая.

Тебѣ все волки мерещатся, пуганая ворона куста боится. А меня ты куда-жъ? да нѣтъ, ужъ лучше въ волки запишп; я хоть и женщина, а овцой съ тобой въ одномъ стадѣ быть не хочу.

Лыняевъ.

Честь имѣю кланяться! Досвиданья, Аѳуса Тихоновна. (*уходитъ*)

Мурзавецкая.

Ну, вотъ пріѣхалъ, а что умнаго сказалъ! Часто онъ у васъ бываетъ?

Аѳуса.

Не то чтобъ, а такъ ужъ... по сосѣдству... извѣстно ужъ...

Мурзавецкая.

Любезничаетъ съ Евлампіей-то?

Анѳуса.

Да ужъ... Гдѣ ужъ... куда ужъ...

Мурзавецкая.

Что-жъ онъ у васъ дѣлаетъ?

Анѳуса.

Да ужъ все... (*махнувъ рукой зѣваетъ*)... вотъ тоже.

Мурзавецкая.

Онъ зѣваетъ, а ты пожалуй, и вовсе спишь. Плохой ты сторожъ, надо тебѣ хорошаго помощника дать.

Павлинъ (*растворяя двери*).

Евлампія Николаевна (*входитъ Купавина*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Мурзавецкая, Анфуса, Купавина.

Мурзавецкая.

Здравствуйте, богатая барыня! Благодарю, что удостоили своимъ посѣщеніемъ!

Купавина.

Я не рѣдко бываю у васъ, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая (*сажаетъ Купавину на свое мѣсто*).

Сюда, сюда, на почетное мѣсто!

Купавина.

Благодарю васъ. (*садится*)

Мурзавецкая.

Какъ поживаете?

Купавина.

Скучаю, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая.

Замужъ хочется?

Купавина.

Куда мнѣ торопиться-то? Мнѣ ужъ надоѣло подъ чужой опекой жить, хочется попробовать, пожить на своей волѣ.

Мурзавецкая.

Да, да, да! Вотъ что? Только вѣдь трудно уберечься-то, коли женихи кавалеры постоянно кругомъ увиваются.

Купавина.

Какіе женихи? Какіе кавалеры? Я ни одного еще невидала.

Мурзавецкая.

Полно, матушка! Что ты мнѣ глаза-то отводишь? Я старый воробей, меня на мякинѣ необманешь.

Купавина.

Такъ вы, значитъ, больше моего знаете.

Мурзавецкая.

А Лыняевъ-то, Лыняевъ-то при чемъ у тебя?

Купавина.

Не угадали! Ошиблись, Меропа Давыдовна. Что мнѣ заневоля идти за Лыняева? Во первыхъ, онъ ужъ очень не молодъ, а во вторыхъ совсѣмъ не такой мужчина, чтобъ могъ нравиться.

Мурзавецкая.

Старъ, старъ для тебя. Хоть и выдешь за него, а что проку-то! Ни вдова, ни замужняя. Ужъ что Лыняевъ за мужъ? Распѣтушье какое-то.

Анѳуса.

А что-же... ужъ... какъ же это, ужъ?..

Мурзавецкая.

Ну вотъ, объяснять еще тебѣ? Я вѣдь дѣвица, барышня. Вотъ свяжись съ бабами разговаривать, не согрѣша, согрѣшишь.

Купавина.

Нѣтъ, я хочу подождать.

Мурзавецкая.

А я говорю: выходи!

Купавина.

Вы совѣтуете?

Мурзавецкая.

Выходи, выходи!

Купавина.

За кого?

Мурзавецкая.

А за кого, объ этомъ подумаемъ, на то Богъ умъ далъ.

Анѳуса.

Да, да... ужъ...

Мурзавецкая.

Что ты дакаешь-то? далъ Богъ умъ, да не всякому; тебя обидѣлъ, не далъ, — не взыщи.

Анѳуса (*махнувъ рукой*).

Ну, ну, ужъ вы... сами; а я... что ужъ!

Мурзавецкая.

Ты за старика Купавина-то шла, ужъ не скажешь, что по любви, а за богатство за его, за деньги.

Купавина.

Да вѣдь вы...

Мурзавецкая.

Да что: „вы“! Ужъ ау, матушка! Продала себя. А это не хорошо, грѣхъ.

Купавина.

Да вѣдь вы сами сосватали, а я развѣ понимала тогда?

Мурзавецкая.

Да ты не ершись, я тебѣ не въ укоръ говорю, я объ душѣ твоей забочусь. Тебѣ теперь что нужно для очистки совѣсти? Полюбить нужно не богатаго, выдти за него замужъ, да и наградить богатствомъ-то своимъ любимаго человѣка, — вотъ ты съ грѣхомъ и расквитаешься.

Купавина.

Легко сказать: полюбить.

Мурзавецкая.

Въ твои года долго-ли полюбить, только не будь разборчива. Ты молода, такъ ищи молодаго; тебѣ хочется на своей волѣ жить, самой большой быть, такъ найди бѣд-

наго, онъ по твоей дудочкѣ будетъ плясать; у тебя умато тоже не очень чтобъ черезъ край, такъ выбирай попроще, чтобъ онъ надъ тобой не возносился. Такъ что-ли я говорю?

Купавина.

Я съ вами согласна, да гдѣ-жъ найдешь такого?

Мурзавецкая.

Найдемъ, свѣтъ-то не клиномъ сошелся. Я найду, я найду. Только ужъ ты, коли добра себѣ желаешь, сама не мудри, а на меня расположись. Ты меня слушай, благо мнѣ забота объ тебѣ припала. Не обо всякой вѣдь я тоже хлопотать-то буду, а кого полюблю.

Купавина.

Благодарю васъ.

Мурзавецкая.

Охъ, милыя вы мои, пользуйтесь моей добротой, пока я жива; умри я, такъ вотъ что надо сказать, матери родной лишитесь.

Анѳуса (*утирая слезы*).

Ужъ что ужъ... ужъ...

Мурзавецкая. (*Анѳусѣ*).

Полно ты плакать-то, погоди, я еще жить хочу. (*Купавиной*). А вотъ что, красавица ты моя, о себѣ-то ты помнишь, а мужа-то поминаешь-ли, какъ слѣдуетъ?

Купавина.

Поминаю.

Мурзавецкая.

То-то, поминаешь! А надо, чтобъ и другіе поминали; бѣдныхъ-то не забывай, ихъ-то молитвы доходчивѣе.

Купавина.

Да я помню... вы говорили мнѣ... я привезла.

Мурзавецкая.

Что это ты, словно сквозь зубы, цѣдишь? Этакъ мнѣ, пожалуй, и не надобно. Развѣ такъ добро-то дѣлаютъ? Не свои я тебѣ слова-то говорила.

Купавина.

Да я вамъ вѣрю.

Мурзавецкая.

Видно, плохо вѣришь. Аль думаешь, что я у тебя выханжить хочу? Такъ на вотъ, посмотри! (*вынимаетъ изъ кармана письмо*).

Купавина.

Да ненужно, увѣряю васъ.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, матушка, чужая душа потемки (*подаетъ письмо*). Что боишься-то, возьми (*Купавина беретъ письмо*). Кто это писалъ?

Купавина.

Мужъ мой.

Мурзавецкая.

А что писано?

Купавина.

То самое, о чемъ вы говорили!

Мурзавецкая.

Ну, такъ вотъ ты и вѣрь мнѣ!

Купавина.

Да я никогда и не сомнѣвалась. (*Открываетъ сумку кладетъ туда письмо и вынимаетъ деньги*). Вотъ извольте!

Мурзавецкая.

Что это ты мнѣ даешь?

Купавина.

Деньги.

Мурзавецкая.

Да я и браться-то за нихъ не люблю, какъ-тогадко мнѣ въ рукахъ-то держать эту мерзость.

Капавина.

Сочтите, по крайней мѣрѣ.

Мурзавецкая.

Вотъ нужно очень! Не мнѣ эти деньги, нечего мнѣ объ нихъ и руки марать! Коли не хватитъ, такъ не меня ты

обманула, а сиротъ: лишніе найдутся, такъ лишній человѣкъ за твоего мужа помолиться. Ты еще, пожалуй, росписку попросишь,—такъ не дамъ, матушка, небойся, другихъ не потребую.

Купавина.

Куда-жъ мнѣ ихъ дѣть?

Мурзавецкая.

А положи на столикъ въ книгу.

Купавина (*положивъ въ книгу деньги*).

Тётя, непора-ли намъ?

Аѳуса.

Да я... что-жъ я... я вотъ.

Купавина (*Мурзавецкой*).

У вашего племянника есть какая-то претензія на моего мужа, я слышала.

Мурзавецкая.

А ты безпокоишься? Напрасно. Тебѣ какое дѣло, что твой мужъ его ограбилъ? Нищій, такъ нищій, ну и проси милостыню, да съ горя по кабакамъ шляйся! Вотъ какъ живи, такъ богата будешь. Аль ты не такая? Ну хорошо, я сама къ тебѣ заѣду, потолкуемъ объ этомъ, скоро, скоро заѣду.

Купавина.

Такъ до свиданія Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая.

Прощайте, дорогія гостьи! (*смотритъ на Купавину*). Добрая у тебя душа, Евлампеюшка! Дай тебѣ Богъ счатья, (*шепотомъ*) мужа хорошаго! Вѣдь вотъ я какъ тебя люблю, словно ты мнѣ дочь. (*Аѳусѣ*) Ишь ты кутаешься, точно въ Кіевъ.

Купавина (*въ дверяхъ*).

Прощайте!

Мурзавецкая (*въ дверяхъ*).

Велите кучеру поосторожнѣй ѣхать!

Анѳуса.

Ужъ мы ужъ... я ужъ... (*Купавина и Анѳуса уходятъ. Мурзавецкая вынимаетъ деньги изъ книги и считаетъ; часть кладетъ въ книгу, а остальные себѣ въ карманъ. Садится въ кресло и звонитъ. Входятъ Павлинъ и Глафира*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мурзавецкая, Глафира, Павлинъ.

Павлинъ.

Что прикажите, сударыня? (*Глафира стоитъ подлѣ Мурзавецкой, опустя глаза въ землю*).

Мурзавецкая (*Павлину*).

Слушай хорошенько! Я передумала, надо расплатиться со всѣми. Люди не ангелы, что ихъ искушать-то. Посмотри въ книгѣ, нѣтъ-ли денегъ.

Павлинъ (*раскрывъ книгу*).

Есть сударыня.

Мурзавецкая.

Возьми! (*Павлинъ беретъ деньги*). Много-ли мы должны?

Павлинъ.

Безъ малаго пятьсотъ рублей-съ.

Мурзавецкая.

А у тебя сколько?

Павлинъ (*сосчитавъ*).

Такъ точно-съ.

Мурзавецкая.

Раздай всѣмъ. Ступай.

Павлинъ.

Слушаю-съ. Въ газетахъ надо этакія-то оказіи печатать. (*уходитъ*).

Мурзавецкая.

Глафира, я хочу дать тебѣ послушаніе.

Глафира.

Приказывайте, матушка.

Мурзавецкая.

Я тебя свезу сегодня къ Купавиной; подружись съ ней, да въ душу-то къ ней влѣзь; она женщина не хитрая; а тебя учить нечего.

Глафира.

Слушаю, матушка.

Мурзавецкая.

Да коли увидишь, что Мишка Лыняевъ обходитъ ее; такъ недавай имъ любезничать-то, а постарайся, разбить, очерни его передъ ней, — а Аполлона хвали!

Глафира.

О, съ удовольствіемъ, матушка, съ удовольствіемъ.

Мурзавецкая.

Да и сама-то на Лыняева глазъ незакидывай! У меня для него готова невѣста.

Глафира.

Мои мечты другія, матушка, моя мечта: келья.

Мурзавецкая.

Этотъ кусъ не по тебѣ.

Глафира.

Я о земномъ не думаю.

Мурзавецкая (*поднявъ глаза къ небу*). Ахъ, окаянная я, окаянная! (*Глафирѣ*) Глафира, я окаянная. Что ты на меня смотришь? Да вотъ, я окаянная, а ты какъ думала? Кажется, и не замолить мнѣ, что нынче нагрѣшила. Бабу малоразумную обманула, — все равно, что малаго ребенка. И обѣдать не буду, буду поклоны класть. И ты не обѣдай, постись со мной! Сейчасъ, сейчасъ въ образную! И ты и ты... (*встаетъ. Глафира беретъ ее подъ правую руку*) Веди меня! (*идетъ, какъ бы совсѣмъ обезсилѣвъ*) Согрѣшила я, окаянная, согрѣшила.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Л и ц а:

Купавина.
Анѳуса.
Чугуновъ.
Лыняевъ.
Мурзавецкая.
Мурзавецкій.
Глафира.

Изящно меблированная комната въ усадьбѣ Купавиной. Дамскій письменный столъ со всѣмъ приборомъ, въ глубинѣ растворенная дверь въ залу; двѣ двери по сторонамъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Купавина (*выходитъ изъ боковой двери съ правой стороны, потомъ*) Чугуновъ.

Купавина (*садясь у стола*).

Кто тамъ въ залѣ?

Чугуновъ (*изъ залы*)

Мы, Евлампія Николаевна, мы съ Анѳусой Тихоновной, въ дурачки играемъ, старинковское наше дѣло.

Купавина.

Подите сюда, Вуколъ Наумычъ! (*Чугуновъ входитъ*) садитесь!

Чугуновъ.

Благодарю покорно. Сяду, сяду-съ (*садится*).

Купавина

Какія дѣла были у моего мужа съ племянниковъ Мурзавецкой?

Чугуновъ.

Съ отцемъ его были разсчеты какіе-то.

Купавина.

Меропа Давыдовна вездѣ кричитъ, что мы ея племянника ограбили.

Чугуновъ.

Строгая онѣ дама-съ Меропа Давыдовна-съ.

Купавина.

Что же имъ нужно отъ меня?

Чугуновъ.

Да вамъ зачѣмъ безпокопться, головку утруждать! Я-то при чемъ у васъ? Даромъ чтоль я жалованье-то получаю?

Купавина.

Для меня этотъ разговоръ очень непріятенъ. Кончите съ ними какъ нибудь поскорѣе!

Чугуновъ.

Миромъ прикажете?

Купавина.

Я вѣдь непонимаю; а, конечно, миромъ лучше всего.

Чугуновъ.

Слушаю-съ. А какъ на счетъ денегъ, если понадобятся?

Купавина.

У меня денегъ наличныхъ не много.

Чугуновъ.

Вотъ это жалко-съ. Такая вы знаменитая у насъ барыня, и какъ вы себя стѣсняете въ деньгахъ, даже удивительно.

Купавина.

Да гдѣжъ я ихъ возьму?

Чугуновъ.

Помилуйте! Да прикажите мнѣ, сколько вамъ угодно, столько у васъ и будетъ.

Купавина.

Такъ найдите мнѣ денегъ, Вуколъ Наумычъ!

Чугуновъ.

Да я и искать не стану, только одно ваше имячко золотое нужно. Имячко вамъ подписать, только и труда, вотъ и деньги.

Купавина.

Что подписать? Я васъ непонимаю.

Чугуновъ.

А вотъ я вамъ сейчасъ надѣлѣ объясню-съ. Извольте перышко взять. Вотъ и бумажка кстати нешлась. (*вынимаетъ изъ кармана вексельную бумагу*).

Купавина.

Какая странная бумага!

Чугуновъ.

Да-съ, чудныхъ такихъ понадѣлали. Извольте писать тутъ внизу: „Вдова полковника, Евлампія Николаевна. Купавина. (*Купавина пишетъ*) только всего-съ, вотъ и деньги. (*засыпаетъ пескомъ*). Случится кому платить, тогда напишемъ вотъ тутъ на бумажкѣ пятьсотъ рублей, или тысячу и готово.

Купавина.

Понимаю теперь (*Чугуновъ нѣсколько разъ робко берется за вексель; но, при взглядѣ Купавиной, отдергиваетъ руку*). Что вы дѣлаете?

Чугуновъ.

Да не затерялся-бы какъ.

Купавина.

Такъ уберите.

Чугуновъ.

Куда прикажете?

Купавина.

Да куда хотите. Возьмите къ себѣ въ портфель!

Чугуновъ.

Какъ вы изволили сказать-съ? Мнѣ къ себѣ взять?

Купавина.

Ну, да. Что-же вы сомнѣваетесь?

Чугуновъ.

Я то не сомнѣваюсь, да какъ-же вы-то-съ? А коли ваше такое расположеніе, такъ покорнѣйше васъ благодарю. (*беретъ векселъ*).

Купавина.

За что вы меня благодарите?

Чугуновъ.

Да какъ-же, такая награда-съ.

Купавина.

Какая награда?

Чугуновъ.

А довѣріе чего стоитъ-съ? Ктожъ это сдѣлаетъ у насъ въ губерніи? Да ни одинъ человѣкъ. Чугунову въ руки бланкъ! Конечно, всѣ мы люди, Евлампія Николаевна, всѣ человѣки, бѣдность, семья... а ужъ и ославили: „Вуколка плутъ, Вуколкѣ гроша повѣрить нельзя“. А вы вотъ что! На-ко!

Купавина.

Хорошо, хорошо! Только пожалуйста, разочтитесь поскорѣй съ Мурзавецкими.

Чугуновъ.

Что Мурзавецкіе! Мизинца вашего не стоятъ. А то плутъ! Ну, плутъ; а вѣдь тоже чувство. (*ударяетъ себя въ грудь*) вотъ они слезы-то. Онѣ даромъ непольются (*цѣлуетъ руку у Купавиной*) Ну какъ я теперь противъ васъ какую нибудь такую... большую подлость сдѣлаю! Это мнѣ будетъ очень трудно и очень даже совѣстно!

Купавина.

Постойте-ко! Кажется, кто-то есть въ залѣ.

Чугуновъ.

Гости, должно быть-съ. Я въ конторѣ буду-съ (*уходитъ на лѣво*).

Купавина (*подойдя къ двери въ залу*).
Тётя, съ кѣмъ вы тамъ разговариваете? (*входитъ Лыняевъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Купавина, Лыняевъ.

Кунавина.
А, это вы, Михайло Борисовичъ!

Лыняевъ.
Здравствуйте! Давно вы изъ городу?

Купавина.
Только пріѣхали.

Лыняевъ.
А я васъ на почтѣ прождалъ. Чтобы вамъ потрудиться заглянуть туда! А то заставляете двѣ версты крюку дѣлать, заѣзжать къ вамъ.

Купавина.
Извините! Я не ждала ни отъ кого писемъ.

Лыняевъ.
А немѣшало бы полюбопытствовать.

Купавина.
Развѣ есть?

Лыняевъ.
Отъ друга, отъ Василья Ивановича Беркутова, два письма: одно ко мнѣ, другое къ вамъ (*отдастъ Купавиной письмо*).

Кунавина (*положивъ письмо на столъ*).
Вы ужъ, вѣроятно, свое прочитали? Что-же онъ пишетъ?

Лыняевъ.
Да вы свое-то неоткладывайте, прочтите нецеремонытесь!

Купавина.
Успѣю, успѣю. Къ чему торопиться, Михайло Борисовичъ!

Лыняевъ.
Прочитайте, прочитайте! Пріятную новость узнаете.

Купавина.

Будто?

Лыняевъ.

Онъ сегодня или завтра пріѣдетъ въ усадьбу. Вотъ радость-то!

Купавина.

Для кого?

Лыняевъ.

Для меня, да для всѣхъ, я думаю. Развѣ вы-то?...

Купавина.

Да ужъ не такъ какъ вы. Вы меня простите, Михайло Борисычъ, если я не побѣгу встрѣчать его за пять верстъ.

Лыняевъ.

Бѣдный другъ мой! Чуетъ-ли его сердце, какое равнодушіе ожидаетъ его здѣсь?

Купавина.

Чтожъ дѣлать-то, гдѣжъ мнѣ взять много-то радости? Сколько есть.

Лыняевъ.

Зачѣмъ вы въ городъ ѣздили?

Купавина.

Тысячу рублей денегъ свезла.

Лыняевъ.

Кому?

Купавина.

Меропѣ Давыдовнѣ.

Лыняевъ.

Да, полно-те! Зачѣмъ, съ какой стати?

Купавина.

На бѣдныхъ, по приказанію покойнаго мужа.

Лыняевъ.

Да никакого приказанія не было, никогда онъ и не думалъ приказывать. Онъ терпѣть не могъ Мурзавецкую и называлъ ее ханжей. Какъ васъ обманываютъ-то, ай, ай!

Купавина.

Вотъ вы всегда такъ несправедливы къ Меропѣ Давыдовнѣ. Когда вы перестанете обижать ее, эту почтенную женщину? Вотъ посмотрите! (*подаетъ ему письмо, которое взяла у Марзавецкой*).

Лыняевъ (*разсматривая письмо*).

Ну, что хотите со мной дѣлайте, а это подлогъ.

Купавина.

Что, что вы, Михайло Борисычъ! Возможно-ли это дѣло?

Лыняевъ (*съ жаромъ*).

Кто у нея эти штуки работаетъ?

Купавина.

Да перестаньте! Мнѣ дико слушать.

Лыняевъ.

Позвольте мнѣ взять это письмо ненадолго.

Купавина.

Возьмите, только, пожалуйста, не дѣлайте скандала и не ссорьте меня съ Меропой Давыдовной; у меня съ ней есть серьезное дѣло.

Лыняевъ.

Никакого дѣла, увѣряю васъ. Я всѣ ваши дѣла знаю.

Купавина.

Не у меня, а у моего мужа были какіе-то счеты съ Мурзавецкимъ, съ братомъ ея.

Лыняевъ (*съ жаромъ*).

Да никакихъ счетовъ и небывало; это опять какая нибудь подъяческая кляуза.

Купавина.

Да успокойтесь, это до васъ не касается. Я поручила Вуколу Наумычу покончить это дѣло миромъ; я ужъ и подписала.

Лыняевъ.

Ахъ, Боже мой! Неподписывайте вы ничего, не посовѣтовавшись со мной! Что вы подписали?

Купавина.

Не бойтесь! Что я подписала, тамъ ничего не было.

Лыняевъ.

Да почемъ вы знаете, что ничего не было?

Купавина.

Вотъ мило? У меня глаза есть.

Лыняевъ.

Да что вы съ вашими глазами разберете! Тутъ надо быть юристомъ.

Купавина.

Ахъ, это смѣшно наконецъ. Зачѣмъ юристомъ, когда ничего нѣтъ.

Лыняевъ.

Какъ „ничего“?

Купавина.

Такъ, ничего, чистая бумага.

Лыняевъ.

Часъ отъ часу не легче! Да вы подписали бланкъ.

Купавина.

Какой бланкъ?

Лыняевъ.

Вексель. Тамъ, гдѣ ничего-то нѣтъ, могутъ написать, что угодно, и взыскать съ васъ пятьдесятъ, сто тысячъ.

Купавина.

Какія страсти! Какъ вы дурно думаете о людяхъ! Да Чугуновъ со слезами благодарилъ меня за довѣріе. Онъ плакалъ, говорю я вамъ.

Лыняевъ.

И крокодилы плачутъ, а все-таки по цѣлому теленку глотаютъ.

Купавина.

Такъ съ меня непремѣнно взыщутъ сто тысячъ?

Лыняевъ.

Хоть не сто тысячъ, а что нибудь взыщуть непремѣнно.

Купавина.

Да почемъ вы знаете?

Лыняевъ.

На это я вамъ отвѣчу русской скаской: „Влѣзъ цыганъ

на дерево и рубитъ сукъ, на которомъ сидитъ. Идетъ мимо русскій и говоритъ: Цыганъ, ты упадешь! А почемъ ты знаешь, спрашиваетъ цыганъ, развѣ ты пророкъ"?

Купавина.

Это глупо, глупо, Михайло Борисычъ. Кто станетъ рубить тотъ сучекъ, на которомъ сидитъ?

Лыняевъ.

Нѣтъ, очень умно. Я на каждомъ шагу вижу людей, которые точно тоже дѣлаютъ, что этотъ цыганъ. И ужъ сколько разъ мнѣ приходилось быть такимъ пророкомъ.

Купавина.

Я понимаю, куда клонится этотъ разговоръ, — вамъ хочется попасть на свою любимую тэму — что женщины ничего не знаютъ, ничего неумѣютъ, что онѣ безъ опеки жить не могутъ. Ну, такъ я вамъ докажу, что я съумѣю вести свои дѣла и безъ посторонней помощи.

Лыняевъ.

Дай вамъ Богъ! А еще лучше, еслибъ вы раскаялись въ своемъ заблужденіи, какъ можно, скорѣе, пока еще неуспѣли погубить своего состоянія.

Купавина.

Оставайтесь обѣдать!

Лыняевъ.

Пожалуй, я только отдохну немного въ бесѣдкѣ. Позволите?

Купавина.

Ступайте, еще обѣдъ не скоро.

Анѳуса (*изъ залы*).

Гости... ужъ тутъ... они.

Купавина.

Кто, Мурзавецкая?

Анѳуса (*изъ залы*).

Да, ужъ...

Лыняевъ.

Нѣтъ, извините! По два раза въ день ее видѣть для меня слишкомъ много. Я пойду въ садъ, она меня и незамѣтитъ. Можно тутъ пройти? (*указываетъ въ дверь на лѣво*).

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе! До свиданья! (*идетъ въ залу. Лыняевъ уходитъ въ дверь на лѣво. Изъ залы входятъ: Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкій, Глафира и Аѳуса*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкій, Глафира, Аѳуса.

Мурзавецкая.

Ну вотъ я къ тебѣ совсѣмъ дворомъ опричъ хоромъ.

Купавина.

Милости просимъ!

Мурзавецкая.

Да ужъ рада-ль ты, не рада-ли, дѣлать нечего, принимать надо. Вотъ (*указывая на племянника*) присталъ.

Мурзавецкій.

Ахъ матантъ, лесе!

Мурзавецкая.

Замолчи, пожалуйста! Развѣ я что дурное говорю! Ты всегда къ ней можешь пріѣхать, и принять тебя она должна съ честью, ты не баклуши бить, не лясы точить; ты за своимъ дѣломъ кровнымъ. Вотъ пусть-ко она послушаетъ.

Купавина.

Я съ удовльствіемъ.

Мурзавецкая.

Ну ужъ, какое удовольствіе! Это дѣло, матушка, къ Богу вопіетъ; вотъ что я тебѣ скажу.

Купавина.

Такъ объясните мнѣ, въ чемъ оно.

Мурзавецкая.

Не мое, такъ мнѣ и объяснять нечего. Онъ обиженъ, онъ тебѣ и разскажетъ. Поговорите, такъ, Богъ дастъ, и сладите. Коли умна, такъ догадаешься, не дашь себя раззорить; а заупрямишься, такъ не взыщи, своя рубашка къ тѣлу ближе.

Купавина.

Чѣмъ подчивать прикажете?

Мурзавецкая.

Что за подчиванье! Я вѣдь отъ тебя къ празднику въ гости ѣду. У васъ тутъ храмовой праздникъ не подалеку; а ты чай чай и не знаешь?

Купавина.

Какъ не знать! На моемъ лугу гулянье бываетъ. А отъ чаю все таки неоткажетесь?

Мурзавецкая.

Да пожалуй.

Купавина.

Тётя!

Анѳуса.

Ужъ я... ужъ давно... ужъ, гляди, готовъ...

Мурзавецкая.

А вотъ эту дѣвицу, извини, я къ тебѣ погостить привезла.

Купавина.

Очень вамъ благодарна.

Мурзавецкая.

Думала, скучно одной-то, съ Анѳусой-то немного разговоришься, вотъ молъ ей птицу—перепелицу, все таки зубки почесать есть съ кѣмъ.

Купавина.

Извините меня! Я на одну минуту, я только покажу Глафирѣ Алексѣевнѣ ея комнату (*Глафирѣ*). Пойдемте. (*Купавина и Глафира уходитъ въ дверь на право*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мурзавецкая, Мурзавецкій, Анѳуса *потомъ* Купавина.

Мурзавецкая.

Хороша усадьба-то?

Мурзавецкій.

Маньификъ.

Мурзавецкая.

Покоряй вдовье сердце, твоя будетъ. Только не ударь себя въ грязь лицемъ!

Мурзавецкій.

Что вы, матантъ? Я-то?

Мурзавецкая.

Да, ты-то. Разговариваешь ты смѣло; а вѣрится тебѣ что-то плохо.

Мурзавецкій.

Десять словъ.

Мурзавецкая.

Что: „десять словъ“?

Мурзавецкій.

Я больше съ женщинами никогда не говорю. Десять словъ, и довольно, готово, вотъ по сихъ поръ. (*показываетъ на уши*).

Мурзавецкая.

Ну хоть и не десять, только-бы...

Мурзавецкій.

Нѣтъ, больше десяти, матантъ, нельзя, опасно, чертъ возьми!

Мурзавецкая.

Ужъ опасно?

Мурзавецкій.

Пароль донёръ. Въ рѣки бросаются, что за пріятность!

Мурзавецкая.

А вотъ посмотримъ. (*входитъ Купавина*)

Купавина.

Тётя, разлейте чай!

Анѳуса.

Я вотъ... я... (*хочетъ идти*)

Мурзавецкая.

Пойдемъ, и я съ тобой, терпѣть не могу изъ лакейскихъ рукъ; то-ли дѣло усѣсться подлѣ самоварчика (*уходитъ съ Анѳусой въ дверь на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мурзавецкій, Купавина.

Купавина.

А вы чаю не хотите?

Мурзавецкій.

Муа? Чаю? Ни за какіе пряники! Жаме де ма ви! Бабье занятіе.

Купавина.

Ну, какъ угодно. Вы желали со мной о вашемъ дѣлѣ поговорить?

Мурзавецкій.

Желалъ-съ, страстно желалъ.

Купавина.

Такъ обратитесь къ Вуколу Наумычу, я ему поручила это дѣло.

Мурзавецкій.

Что такое Вуколъ Наумычъ? Компреневу, подъячій; а вы, а вы! Это... нѣтъ, какъ хотите, это разница.

Купавина.

Но я съ вами говорить не могу, я ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ.

Мурзавецкій.

Да что дѣло! Что такое дѣло! Счеты—разсчеты. Клюшки—коклюшки! Что значитъ это дѣло въ сравненіи съ вѣчностію и, чуть было не сказалъ, съ солёнымъ огурцомъ! Пардонъ! Я сказалъ глупость. Подлѣйшая привычка говорить остроты! Но это въ сторону.

Купавина.

Что-же вамъ угодно, я васъ не понимаю.

Мурзавецкій.

Души низкія ищутъ денегъ, души возвышенныя ищутъ блаженства, какъ сказалъ одинъ полковой писарь.

Купавина.

Но какого-же блаженства вы ищете?

Мурзавецкій.

Я? О! Словъ нѣтъ! Чтобъ описать это блаженство, такихъ словь нѣтъ.

Купавина.

Такъ, значитъ, я и не узнаю, жаль.

Мурзавецкій.

Небесныя очи, томныя улыбки, тамъ разныя фигли-мигли, нѣжности — бѣлоснѣжности и прочее, и прочее, — все это вздоръ! Позвольте-съ съ вами говорить откровенно!

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе!

Мурзавецкій.

Вы неувидите меня на колѣняхъ предъ собой. Нѣтъ, ужь это атанде. Я гордъ.

Купавина.

Ахъ, очень рада.

Мурзавецкій.

Но полюбить меня должны.

Купавина.

Скажите пожалуйста, я не знала.

Мурзавецкій.

Впрочемъ, это какъ вамъ угодно.

Купавина.

Да, я думаю.

Мурзавецкій.

Я гордъ, повторяю вамъ.

Купавина.

Я слышала.

Мурзавецкій.

Да... Но знаете, какое обстоятельство, чертъ возьми! По нѣкоторымъ причинамъ... я-бы вамъ сказалъ ихъ, да вы непоймете,—я не служу-съ, довольно! Старался, не оцѣнили, ну и довольно. Родоваго неимѣю, благопріобрѣтеннаго непріобрѣлъ...

Купавина.

Если мужъ мой дѣйствительно былъ вамъ долженъ, вы получите...

Мурзавецкій.

Ахъ, оставьте, лесе! Вы мнѣ надоѣли. Миль пардонъ, мадамъ! Я совсѣмъ о другомъ. Изволите видѣть,-я чистъ... Матантъ—старая дѣвка, она непонимаетъ и не можетъ понимать потребностей молодаго, холостаго офицера, и скупа, какъ...

Купавина.

Я вамъ говорю, что вы получите.

Мурзавецкій.

Вы опять за свое? Это скучно!.. Я иногда долженъ отказывать себѣ въ самыхъ необходимыхъ удовольствіяхъ. Ну, положимъ, табакъ... Мнѣ даже стыдно признаться. Имажине-ву, дворянинъ и безъ табаку!

Купавина.

Что-же вамъ угодно?

Мурзавецкій.

Апрезанъ келькъ шозъ.

Купавина.

Сколько же вамъ?

Мурзавецкій.

Конечно взаймы...

Купавина.

Ну да, разумѣется, но сколько?

Мурзавецкій.

А это какъ вамъ угодно. Еппё, весьма не много... Однако, все-жъ таки, недвугривенный.

Купавина (*вынимаетъ изъ портмоне ассигнацію*).

Пять рублей довольно?

Мурзавецкій.

Сетасе. Мерси, гранъ мерси! Черезъ два дня, пароль донёръ!

Купавина.

Ужъ извините! Я пойду къ дамамъ! (*уходитъ*).

Мурзавецкій.

Нѣтъ, ромъ... ну его! Вреденъ, мнѣ, съ моимъ характеромъ, нельзя. Попробую-ко ужо (*щелкаетъ себя пальцемъ по галстуху*) Крамбабулевой заняться. Какъ-бы только вырваться у матантъ! (*прячетъ деньги въ карманъ. Входитъ Мурзавецкая*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мурзавецкій, Мурзавецкая.

Мурзавецкая.

Ты что это прячешь?

Мурзавецкій.

Такъ, на память выпросилъ бездѣлушку, сувенирчикъ маленькій. Матантъ, знаете, что мнѣ нужно. Мнѣ нужна свобода.

Мурзавецкая.

Неправда.

Мурзавецкій.

Нужна, матантъ, нужна. Вотъ напримѣръ, сегодня вечеромъ, если вы меня неотпустите...

Мурзавецкая.

Куда это! На гулянье, съ пьяными мужиками путаться?

Мурзавецкій.

Кель иде! Чего я тамъ не видалъ?

Мурзавецкая.

Такъ куда-жъ?

Мурзавецкій (*потирая лобъ*).

Послѣ, матантъ, послѣ узнаете.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, говори сейчасъ!

Мурзавецкій (*таинственно*).

Сюда.

Мурзавецкая.

Зачѣмъ?

Мурзавецкій.

За рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Мурзавецкая.

Какъ „за рѣшительнымъ“? Развѣ ты сдѣлалъ предложеніе?

Мурзавецкій.

Десять словъ. Я вѣдь, матантъ, безъ экивоковъ: такъ и такъ, говорю, вулеву? Она почти согласна, велѣла вечеромъ пріѣзжать за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Нельзя-же не быть.

Мурзавецкая.

А не лжешь-ли ты?

Мурзавецкій.

Же ву засюръ. Только вы ей ни, ни! Она просила, чтобъ это дѣло пока осталось антръ ну дё.

Мурзавецкая.

А что если правда? Да понимаешь-ли ты, какъ это важно для насъ?

Мурзавецкій (*серьезно*).

Очень, матантъ, важно, очень.

Мурзавецкая.

Право, мнѣ что-то ужъ не вѣрится; ужъ больно хорошо. А впрочемъ лукавый-то чего не дѣлаетъ!

Мурзавецкій.

Вѣрно, матантъ, она моя.

Мурзавецкая.

Поѣзжай, поѣзжай! Только ты скорѣй возвращайся отъ нея, я тебя буду ждать. Не усну вѣдь ни за что, ты подумай! (*входятъ: Купавина, Глафира, Анфуса*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мурзавецкая, Мурзавецкій, Купавина, Глафира, Аѳуса.

Мурзавецкая.

Спасибо этому дому, поѣдемъ къ другому! Прощайте, жрали! Ужъ не знаю, скоро-ли попаду къ тебѣ.

Купавина.

Я сама къ вамъ заѣду.

Мурзавецкій.

Но я, матантъ, скоро буду у мадамъ Купавиной, я обязанъ быть.

Мурзавецкая.

Ну, и ладно. (*Купавиной*) А ты его принимай хорошенько! Вотъ я и узнаю твое расположеніе ко мнѣ: коли ласково его принимать будешь, значитъ меня любишь; коли ты его обидишь; значитъ меня хотѣла обидѣть. Прощайте! Всего непереговоришь (*уходятъ: Мурзавецкая, Мурзавецкій, Купавина, Аѳуса. Входитъ Глафира*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Глафира (*садится, вынимаетъ изъ кармана маленькую книжку и погружается въ чтеніе. Входитъ* Купавина.

Купавина.

Наконецъ-то я залучила васъ къ себѣ.

Глафира.

Ахъ, это вы? (*опускаетъ книгу*) я давно собиралась къ вамъ, сельская природа такъ располагаетъ къ благочестивымъ размышленіямъ.

Купавина.

Надѣюсь, что вы у меня погостите подольше.

Глафира.

Очень благодарна; но боюсь, что вы со мной соскучитесь, я плохая собесѣдница, я люблю уединеніе.

Купавина.

А я слышла, что вы въ Петербургѣ жили весело.

Глафира.

Ваша правда. Я тогда еще не понимала жизни, теперь я смотрю на вещи гораздо серьезнѣе, житейская суета неимѣетъ для меня никакой цѣны.

Купавина.

Когда-же вы успѣли такъ измѣнить свой образъ мыслей?

Глафира.

Я молода еще, конечно; но подъ руководствомъ такой женщины, которую почти можно назвать святой, я въ коротке время успѣла сдѣлать много для своей души.

Купавина.

А вы къ стати пріѣхали.

Глафира.

Почему-же?

Купавина.

Мнѣ нужно посовѣтоваться, а не съ кѣмъ было. Вы мнѣ не откажете?

Глафира.

Рада служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу. Откройте мнѣ свою душу! Впрочемъ, ненадо, я догадываюсь. Вы женщина свѣтская, значитъ, легкомысленная, — вы влюблены?

Купавина.

Вы почти угадали.

Глафира.

Мнѣ жаль васъ.

Купавина.

Отчего-же?

Глафира.

Оттого, что это грѣхъ.

Купавина.

Не большой, я думаю.

Глафира.

Ну, это судя почеловѣку, котораго вы любите. Богатъ онъ, или бѣденъ?

Купавина.

Богатъ.

Глафира.

Такъ большой грѣхъ.

Купавина.

Я его люблю не за богатство.

Глафира.

Да онъ-то будетъ очень радъ вашему богатству. А еслибъ вы не навязывались съ своей любовью къ богатому человѣку; можетъ быть, онъ женился-бы на бѣдной дѣвушкѣ и осчастливилъ ее. А то если и богатыя женщины хватаются за богатыхъ; такъ чтожъ намъ-то, бѣднымъ дѣвушкамъ, останется! Я ошиблась, сказавши: „намъ“, мнѣ ничего ненужно, я говорю вообще.

Купавина.

Что-же мнѣ дѣлать?

Глафира.

Возьмите власть надъ собой, — разлюбите его! И если ужъ вы безъ любви жить не можете, такъ полюбите бѣднаго человѣка, грѣха будетъ меньше. Его разлюбить легко, стоитъ только вглядѣться въ него хорошенько.

Купавина.

Въ кого? Развѣ вы его знаете?

Глафира.

Конечно знаю.

Купавина.

Сомнѣваюсь.

Глафира.

Вы плохо хитрите, вашъ секретъ извѣстенъ всѣмъ: вы любите Лыняева.

Купавина.

Вы ошибаетесь.

Глафира (*живо*).

Ошибаюсь? Вы говорите, что я ошибаюсь?

Купавина.

Да, увѣряю васъ.

Глафира.

Такъ вы любите не его?

Купавина.

Нѣтъ. Съ чего вамъ въ голову пришло?

Глафира.

Говорите правду! Я васъ умоляю, говорите правду?

Купавина.

Да подумайте хорошенько! Ну что мнѣ въ немъ?

Глафира.

Такъ извините меня, извините! Довольно играть комедію. Любите, кого угодно и сколько вамъ угодно. Какую я гнусную роль играла передъ вами! Вѣдь я приставлена къ вамъ шпіономъ, и я взяла эту роль съ удовольствіемъ.

Купавина.

Зачѣмъ-же?

Глафира.

Я думала, что вы моя соперница.

Купавина.

Такъ вы сами любите Лыняева?

Глафира.

Люблю? О, нѣтъ, зачѣмъ-же! Но я хочу выдти за него замужъ, — это моя единственная надежда, единственная мечта.

Купавина.

Но что-же значитъ вашъ костюмъ, ваше поведеніе, ваши проповѣди?

Глафира.

Мой костюмъ, поведеніе, проповѣди, — все это маска. Я буду съ вами откровенна, только помогите мнѣ

Купавина.

Съ удовольствіемъ.

Глафира.

Я дѣйствительно жила въ Петербургѣ очень весело: моя сестра замужемъ за молодымъ человѣкомъ, очень ловкимъ, онъ вдругъ составилъ себѣ большое состояніе. Насъ окру-

жили только люди богатые адвокаты, банкиры, акціонеры. Мы съ сестрой жили въ какомъ-то чаду: катанье по Невскому, въ бархатѣ, въ соболяхъ, — роскошные обѣды дома, или въ ресторанахъ; всегда въ обществѣ; опера, французскій театръ, а чаще всего Буффъ, — пикники, маскарады... Конечно такая жизнь не серьезна; но кто испыталъ ее, тому здѣшняя, копѣечная, невыносима. Ахъ, какъ невыносима если, бы вы знали!

Купавина.

Что заставило васъ уѣхать изъ Петербурга?

Глафира.

Я не знаю, что сдѣлалось. Что-то произошло вдругъ, для насъ съ сестрой неожиданное. Сестра о чемъ-то плакала, стали все распродавать, меня отправили къ Меропѣ Давыдовнѣ, а сами скрылись куда-то, исчезли, кажется, заграницу. Конечно, я сама виновата, очень виновата: мнѣ надо было тамъ ловить жениха, — это было очень легко; а я закружилась, завертѣлась, какъ глупая дѣвченка, я себѣ этого никогда не прощу.

Купавина.

Зачѣмъ вы ходите въ черномъ?

Глафира.

А въ чемъ-же мнѣ ходить? Въ старыхъ полинялыхъ обноскахъ, давно вышедшихъ изъ моды? Грубая черная одежда, по крайней мѣрѣ, оригинальна и обращаетъ на тебя вниманіе, при томъ-же и улыбнуться кому нибудь и смѣло окинуть глазами гораздо эфектнѣе изъ подъ чернаго платка, чѣмъ изъ подъ старомодной шляпки. Но носить это платье можно не долго и только съ извѣстной цѣлью; а если вообразить, что придется всю жизнь таскать эту ветошь... О! это можно съ ума сойти.

Купавина.

Я удивляюсь, какъ Меропа Давыдовна не найдетъ вамъ приличной партіи; она такая мастерица пристроивать своихъ родныхъ.

Глафира.

Нѣтъ, для меня она ничего не сдѣлаетъ. У ней во всемъ разсчетъ! Она ловкая женщина, она съумѣетъ выдать и за богатаго человѣка, но только съ тѣмъ, чтобъ взять потомъ въ свои руки и пользоваться всѣмъ, чѣмъ можно, и еще твердить постоянно, что она вотъ какъ благодѣтельствовала.

Купавина.

Да, эта правда.

Глафира.

Мы съ ней видимъ другъ друга на сквозь, и она хорошо знаетъ, что если я вырвусь отъ нея замужъ, такъ она только меня и видѣла. Впрочемъ я ей очень благодарна.

Купавина.

За что-же?

Глафира.

Я научилась отъ нея многому полезному, многому такому, что бѣдной женщинѣ необходимо въ жизни.

Купавина.

Именно?

Глафира.

Выучилась хитрить, не говорить даромъ ни одного слова, не имѣть стыда, когда чего нибудь добиваешься, выучилась безцеремонному обращенію, просто наглости, которая у ханжей идетъ за откровенность и простоту. Жертву я нашла, — Лыняевъ единственный человѣкъ, за которымъ я могу жить такъ, какъ мнѣ хочется, какъ я привыкла, всякая другая жизнь для меня тягость, бремя, несчастіе,— хуже смерти. А я сама себѣ не врагъ, Евлампія Николаевна, и потому постараюсь, во чтобы то ни стало, выдти за Лыняева; и для этого я готова употребить всѣ дозволенныя и даже недозволенныя средства. Мнѣ кажется, я ужъ очень откровенна съ вами. Извините меня!

Купавина.

Нѣтъ, нѣтъ, я очень хорошо понимаю ваше положеніе. (*долго смотритъ на Глафиру, потомъ обнимаетъ ее.*) Ахъ, если бы мнѣ ваша энергія!

Глафира.

А мнѣ ваши деньги! (*смотритъ прямо въ глаза Кунавиной*) Поможешь мнѣ? Ты меня видишь дѣвушкой, посмотри женщиной, что изъ меня выдетъ.

Купавина.

Все, что отъ меня зависитъ, я радостью... Я хоть погляжу на замужнюю женщину, которая имѣетъ свою волю. А я, бѣдная, и за тѣмъ мужемъ жила подъ строгой опекой, да и опять, должно быть, тоже будетъ.

Глафира.

Что за мрачныя мысли?

Купавина.

Такъ, видно, на роду написано. Я сужу по тому письму, которое мнѣ написалъ мой возлюбленный. Вотъ объ этомъ-то я и хотѣла посовѣтоваться съ тобой!

Глафира.

Такъ разскажи, что за дѣла у васъ!

Купавина.

Года три тому назадъ, когда еще мой мужъ былъ живъ, пріѣзжалъ сюда на лѣто нашъ сосѣдъ, Беркутовъ.

Глафира.

Ну, и...

Купавина.

Ну, и... не суди меня строго! Моему мужу было шестьдесятъ пять лѣтъ. Беркутовъ мнѣ понравился. Впрочемъ я вела себя очень осторожно и онъ ни въ чемъ не могъ замѣтить моего особеннаго расположенія.

Глафира.

А можетъ быть, и замѣтилъ.

Купавина.

Не знаю... можетъ быть. Онъ прожилъ здѣсь только одно лѣто и уѣхалъ въ Петербургъ; съ тѣхъ поръ я его и невидала; но онъ въ каждомъ письмѣ къ Лыняеву посылалъ мнѣ поклоны и разные комплименты.

Глафира.

Какъ всё это невинно!

Купавина.

Очень невинно; а все таки я попалась. Какъ-то, мѣсяца три тому назадъ, присталъ ко мнѣ Лыняевъ: напишите, да напишите Беркутову, чтобъ онъ пріѣхалъ лѣтомъ въ усадьбу, онъ вамъ не откажетъ.

Глафира.

Ты и послушалась, написала?

Купавина.

Написала вздоръ какой-то, ужъ и не помню, что; такая глупость непростительная.

Глафира.

И отвѣтъ получила?

Купавина.

Въ томъ-то и дѣло, что получила. Во первыхъ, все письмо написано дѣловымъ, канцелярскимъ слогомъ; а во вторыхъ, смыслъ его такой: мнѣ наслаждаться природой некогда, у меня важныя денежныя дѣла; но если вы хотите, я пріѣду. Прошу васъ не дѣлать никакихъ перемѣнъ въ мнѣніи, не довѣрять никому управленія, не продавать ничего, особенно лѣсу.

Глафира.

Серьезный человѣкъ и, должно быть, очень умный.

Купавина.

Согласна; но кто ему далъ право учить меня! Что я малолѣтняя, что-ли? Это окорбительно. Я отвѣчала, и, признаюсь, довольно таки охладѣла къ нему. Онъ пріѣдетъ сегодня, или завтра; вотъ я посмотрю на него, какъ онъ поведетъ себя, и, если замѣчу, что онъ имѣетъ виды на меня, я полюбезничаю съ нимъ, потомъ посмѣюсь и отпущу его въ Петербургъ ни съ чѣмъ.

Глафира.

Планъ хорошъ, надо только выполнить его.

Купавина.

Постараюсь, мнѣ страшно за мою свободу. Вотъ письмо отъ него, я еще его не читала, видишь, какъ я равнодушна. Мнѣ привезъ его Лыняевъ.

Глафира.

Лыняевъ ужъ былъ у тебя, значитъ я его увижу не скоро, а, можетъ быть, и совсѣмъ не увижу. Пригласи его!

Купавина.

Приглашать его не нужно, онъ въ саду, спрятался отъ Меропы Давыдовны и сейчасъ явится къ обѣду.

Глафира.

Вотъ и прекрасно! Вели подать шампанскаго, мнѣ давно хочется; ужасно надоѣло сухоядѣніе.

Купавина.

Изволь!

Глафира.

У меня еще просьба къ тебѣ. Дай мнѣ надѣть что нибудь по приличнѣй! Все это на мнѣ такъ гадко.

Купавина.

Вотъ тебѣ ключь отъ гардероба, выбирай, что хочешь. Тамъ много новаго, ненадѣваннаго; я нашила пропасть, да, послѣ траура, все еще не рѣшаюсь щеголять-то.

Глафира.

Мегсі! Я въ одну минуту (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Купавина (*одна распечатываетъ письмо*).

Посмотримъ, что за посланіе. (*читаетъ*) „Исполняю ваше приказаніе, сбираюсь въ усадьбу. Но съ той самой минуты, какъ я рѣшился ѣхать, я ужъ испытываю мучительное чувство нетерпѣнія. Мнѣ обидно, что меня повезетъ паравозъ, придуманный англичанами для перевозки тяжелыхъ грузовъ; мнѣ нужны крылья, рѣзвыя крѣлья амура“. Какая пошлость! (*читаетъ про себя*) Что дальше, то лучше. Что съ нимъ сдѣлалось? Неужели онъ думаетъ, что я повѣрю этимъ глупостямъ? Ну, да прекрасно, надо оставить

его въ этомъ заблужденіи; тѣмъ вѣрнѣе онъ попадется. (*изъ двери показывается Глафира въ одной юпкѣ и въ платкѣ, накинутомъ на шею*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Купавина, Глафира.

Глафира.

Я все, и шелковыя чулки нашла, и башмаки и какъ все мнѣ впору. Посмотри! (*подымаетъ и вытягиваетъ ногу, какъ танцовщица*) Вѣдь жалко такую ножку обувать въ такія-то лапти.

Купавина.

Чудо, какъ ты мила. Ужъ развѣ онъ каменный, а то какъ бы, кажется... (*въ двери*) Тетя, прикажите обѣдать подавать. Да вотъ и Михайло Борисычъ идетъ.

Глафира.

Подождите меня, я сейчасъ. Ну! Либо панъ, либо пропалъ (*уходитъ въ дверь на право. Купавина въ залу*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Л и ц а:

Купавина.
Глафира.
Анѳуса.
Лыняевъ.
Мурзавецкій.
Чугуновъ.
Клавдій Горецкій, племянникъ Чугунова, красивый молодой человѣкъ, кудрявый съ румянымъ лицемъ, одѣтъ въ легкомъ лѣтнемъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, рубашка русская цвѣтная безъ галстука, панталоны въ сапоги.

Черезъ всю сцену садовая рѣшетка съ калиткой по серединѣ, у калитки скамья. За рѣшеткой видѣнъ густой паркъ усадьбы Купавиной. Вечереетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Горецкій (*стоитъ у рѣшетки и посвистываетъ. Изъ калитки выходитъ*) Чугуновъ.

Чугуновъ.

Что-ты, зачѣмъ-ты? Пошелъ домой! Сейчасъ пошелъ домой!

Горецкій.

Нѣтъ, домой я не пойду. Я васъ дождался. Нужно очень.

Чугуновъ.

На что я тебѣ?

Горецкій.

Денегъ пожалуйте, государственныхъ кредитныхъ билетовъ!

Чугуновъ.

Денегъ? Нѣтъ, нѣтъ и не думай. Зачѣмъ тебѣ деньги?

Горецкій.

Я своему сердцу отвагу даю, на гулянье иду (*свищетъ*).

Чугуновъ.

На какое гулянье? Сиди дома! Да полно тебѣ свистать-то! Что я тебѣ приказывалъ? Ни шагу чтобы, ни ни...

Горецкій.

Нѣтъ, это вы напрасно безпокоитесь! Безъ судебнаго приговора не буду я сидѣть въ заключеніи; приговорятъ, тогда сяду.

Чугуновъ.

Зачѣмъ ты такія слова говоришь? Зачѣмъ?

Горецкій.

Ну вотъ еще, слова! Нужно очень слова разбирать. Вы денегъ пожалуйте!

Чугуновъ.

Гдѣ я тебѣ возьму?

Горецкій.

Это ваше дѣло, это до меня не касается. Я вотъ про себя знаю, что запью сегодня, должно быть, дней на двѣнадцать.

Чугуновъ.

Ужъ такъ и на двѣнадцать? Впередъ знаешь, что на двѣнадцать?

Горецкій.

Только бы, дяденька, не больше. Пожалуйте!

Чугуновъ.

Ты это изъ города пѣшкомъ?

Горецкій.

Пѣшкомъ.

Чугуновъ.

Нечего сказать, охота за какимъ нибудь двугривеннымъ десять верстъ пѣшкомъ лупить.

Горецкій.

Версты, это мнѣ ничего; я съ астролябіей по двѣ тысячи ходилъ. Я и за гривенникомъ, когда онъ мнѣ нуженъ, далеко пойду; только вотъ что: давайте по чести, двугривеннаго мало.

Чугуновъ.

Ишь ты, мало! Будетъ, за глаза будетъ.

Горецкій.

Говорю, что мало. Божиться, что-ли?

Чугуновъ.

Сколько-жъ тебѣ надо?

Горецкій.

Пятьдесятъ рублей.

Чугуновъ.

Въ своемъ ты разумѣ, Клашка, въ своемъ?

Горецкій.

Ничего. Вотъ, что послѣ гулянья будетъ, незнаю; а покуда въ своемъ.

Чугуновъ.

У кого ты просишь? У кого ты просишь, говорю?

Горецкій.

У васъ. У кого-жъ мнѣ просить? У кого деньги водятся, у того и прошу.

Чугуновъ.

Да что, банкъ что-ли у меня?

Горецкій.

Передъ кѣмъ вы убогимъ-то притворяетесь! Вы ужъ это передъ чужими; а я свой, родственникъ. У барыни имѣніемъ управляете... вонъ усадьба-то какая! Да чтобъ неграбить!

Чугуновъ.

„Грабить, грабить“! Невѣжа! Чурбанъ необразованный. Ну, такъ вотъ и есть деньги, да не дамъ.

Горецкій (*надѣвъ фуражку*).

Пожалѣете.

Чугуновъ.

Объ чемъ?

Горецкій.

Отомъ, что не дали. Можете большую непріятность получить.

Чугуновъ.

Отъ кого?

Горецкій.

Отъ меня.

Чугуновъ.

Что ты за птица такая, важная?

Горецкій.

Вотъ и не птица, а непріятность сдѣлаю.

Чугуновъ.

Какую?

Горецкій.

Домъ сожгу.

Чугуновъ.

Что ты! какой домъ? Что ты!

Горецкій.

Вашъ.

Чугуновъ.

Ахъ, ты!... Эхъ, братецъ!... Да какъ ты...

Горецкій.

Да вотъ такъ: пойду и зажгу.

Чугуновъ.

Въ кого ты такой каторжный уродился?

Горецкій.

Да ктожъ у насъ въ роднѣ святые-то? Вы что-ли? Въ кого путнымъ-то уродиться?

Чугуновъ.

Не груби, Клашка, не груби!

Горецкій.

Дайте денегъ, такъ и грубости не услышите.

Чугуновъ (*вынимаетъ бумажникъ*).

Отвяжись ты отъ меня! На! Провались ты куда нибудь! (*даетъ пять рублей*).

Горецкій.

Что это? Пять рублей. (*отдаетъ назадъ*) Нѣтъ, я дороже стою.

Чугуновъ.

Правда, правда, дороже стоишь; ты и пятьсотъ рублей стоишь, кабы тебя можно было въ солдаты продать.

Горецкій.

Не объ солдатахъ рѣчь! А за свое мастерство я дороже стою.

Чугуновъ.

Хорошее мастерство! Хвались, хвались! Есть чѣмъ похвастаться!

Горецкій.

Хорошее-ли, дурное-ли, а вамъ понадобилось, такъ платите. Ужъ вы покупайте меня, а то плохо.

Чугуновъ.

Ну, на еще! (*даетъ еще пять рублей*).

Горецкій.

Мало.

Чугуновъ.

Ишь ты, какъ разбойникъ въ лѣсу, на дорогѣ ловишь. Больше недамъ, кончено.

Горецкій.

Ну, а если мнѣ кто нибудь больше дастъ, такъ, стало быть продавать васъ съ Мурзавецкой-то?

Чугуновъ.

Тише ты! У Евлампіи Николаевны гости въ саду.

Горецкій.

А мнѣ что за дѣло?

Чугуновъ.

Ну тебя! Уйти отъ грѣха (*уходитъ*).

Горецкій (*вслѣдъ Чугунову*).

Дядя! Слушай! Коли больше дадутъ, я васъ продамъ, вы такъ и знайте. Говорю я тебѣ, что мнѣ гулять охота пришла. А коли мнѣ въ это время денегъ не дать, такъ я хуже звѣря (*уходитъ за Чугуновымъ. Изъ сада выходятъ: Купавина, Глафира, Аѳуса, Лыняевъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Купавина, Глафира, Аѳуса, Лыняевъ.

Лыняевъ (*Купавиной*).

Не понимаю, не понимаю, что за фантазія гулять по росѣ, когда можно очень покойно сидѣть въ комнатѣ, ну, пожалуй, на балконѣ, если хотите быть на воздухѣ.

Купавина.

Я хочу народное гулянье посмотрѣть.

Лыняевъ.

Не ходите! Что за удовольствіе идти за двѣ версты, да еще по горамъ, чтобъ смотрѣть на пьяныхъ!

Купавина.

Скажите лучше, что вамъ лѣнь! Оставайтесь!

Лыняевъ.

Я-бы пошелъ; но тамъ, вѣроятно, ваши люди гуляютъ, мы ихъ только стѣснимъ. Зачѣмъ разстроивать чужое веселье!

Купавина.

Мы издали посмотримъ, съ горы. Да ужъ оставайтесь, оставайтесь, я тетю возьму.

Лыняевъ.

Вотъ и прекрасно; а впрочемъ я, пожалуй.

Купавина.

Нѣтъ, нѣтъ! Будете вздыхать да охать всю дорогу, жертву изъ себя представлять, и безъ васъ обойдемся. Пойдемъ, Тетя!

Анѳуса.

Я чтожъ... я, пожалуй.

Купавина (*Глафирѣ*).

Ты останешься тоже? Оставайся, оставайся!

Глафира.

Да, у меня отъ шума голова кружится.

Купавина.

Подождете насъ здѣсь!

Лыняевъ.

Подождемъ, подождемъ (*Купавина и Анѳуса уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Лыняевъ, Глафира.

Лыняевъ.

Вы только платье перемѣнили, а скромность при себѣ оставили?

Глафира.

Вамъ излишняя скромность ненравится?

Лыняевъ.

Какъ ненравится! Что вы, помилуйте! Нѣтъ, это хорошо, это очень хорошо.

Глафира.

Можетъ быть, и хорошо, да за то скучно.

Лыняевъ.

Да развѣ вы обязаны развлекать меня? Это скорѣй моя обязанность, но и я... извините, и я могу предложить вамъ только поскучать со мной вмѣстѣ.

Глафира.

И прекрасно, очень вамъ благодарна.

Лыняевъ.

Не стоитъ благодарности.

Глафира.

Нѣтъ, очень стоитъ.

Лыняевъ.

Да за что-же?

Глафира.

За спокойствіе, развѣ этаго мало? Проведя вечеръ съ вами, можно уснуть безъ всякихъ волненій, сномъ праведника. Я еще никого не любила, Михайло Борисычъ; но вѣдь эта пора придетъ; я въ такихъ лѣтахъ, что каждую минуту должна ждать любовной горячки.

Лыняевъ.

Значитъ, вы такъ-же, какъ и всѣ. А я думалъ, что вы...

Глафира.

Что? Что я неспособна любить? Такихъ дѣвушекъ не бываетъ, Михайло Борисычъ.

Лыняевъ.

Такъ вы боитесь полюбить?

Глафира.

Какъ-же не бояться? Любовь мнѣ ничего непринесетъ, кромѣ страданій. Я дѣвушка со вкусомъ и могу полюбить только порядочнаго человѣка; а порядочные люди ищутъ богатыхъ. Вотъ отчего я прячусь и убѣгаю отъ общества,— я боюсь полюбить. Вы не смотрите, что я скромна, тихія воды глубоки, и я чувствую, что если полюблю...

Лыняевъ.

Ой, страшно! неговорите, пожалуйста, непродолжайте.

Глафира.

Но съ вами я ничего небоюсь.

Лыняевъ.

Небоитесь?

Глафира.

Нисколько: вы меня увлекать не станете, да и увлечься вами нѣтъ никакой возможности.

Лыняевъ (*обидѣвшись*)

Но почему-же вы такъ думаете?

Глафира.

Ну, полноте, какой вы любовникъ! Вы не обижайтесь, Михайло Борисычъ! Вы очень хорошій человѣкъ, васъ всѣ

уважаютъ; но любить васъ невозможно. Вы ужъ и въ лѣтахъ, и ожирѣли, и, вѣроятно, дома въ тепломъ халатѣ ходите и въ колпакѣ, ну, однимъ словомъ, вы стали похожи на милаго добраго папашу.

Лыняевъ.

Вы ужъ очень безжалостны ко мнѣ... нѣтъ, я еще...

Глафира.

Нѣтъ, нѣтъ, необманывайте себя, — откажитесь отъ побѣдъ, Михайло Борисычъ! Ха, ха, ха! (*хохочетъ*)

Лыняевъ.

Да чему-же вы смѣетесь, помилуйте!

Глафира.

Извините, пожалуйста! Мнѣ сейчасъ смѣшная мысль въ голову пришла. Ну, если вы въ меня влюбитесь и будете разсыпаться въ нѣжностяхъ передо мной, вѣдь, при всемъ уваженіи къ вамъ, невыдержишь, расхохочешься.

Лыняевъ.

Однако какія вамъ мысли-то въ голову приходятъ игривыя.

Глафира.

Такъ, дурачусь. Вамъ странно, что я развеселилась? Не долго мнѣ.

Лыняевъ.

Отчего-жъ недолго?

Глафира.

Въ монастырь собираюсь на дняхъ.

Лыняевъ.

Нѣтъ, вы шутите?

Глафира.

Не шучу. Прощайте! Не поминайте лихомъ! Въ самомъ дѣлѣ, не сердитесь на меня за мои шутки! мнѣ хочется оставить добрую память по себѣ.

Лыняевъ.

Оставить добрую память вы очень можете.

Глафира.

Какимъ образомъ?

Лыняевъ.

Окажите мнѣ маленькую услугу!

Глафира.

Съ особеннымъ удовольствіемъ.

Лыняевъ.

Почему-жъ съ особеннымъ?

Глафира.

Такъ, вы очень милый человѣкъ.

Лыняевъ.

Мнѣ нужно хорошаго писца на нѣкоторое время.

Глафира.

Не могу. Хоть и хорошо пишу, а въ писцы къ вамъ не пойду.

Лыняевъ.

Вы не поняли, или не хотите понимать.

Глафира.

Вотъ еслибъ я была мужчина; а то, помилуйте, что подумаетъ, милый, Михайло Борисычъ! А впрочемъ...

Лыняевъ.

Да нѣтъ-же! У Меропы Давыдовны занимается письмоводствомъ Чугуновъ, я его руку знаю, но иногда попадаются отъ нея бумаги, написанныя отличнымъ почеркомъ.

Глафира.

Такъ вамъ нужно точно такого писца?

Лыняевъ.

Мнѣ нужно знать, кто это пишетъ.

Глафира.

Спросите у Чугунова.

Лыняевъ.

Не скажетъ.

Глафира.

Тутъ у васъ что-то непросто!

Лыняевъ.

Да вы знаете?

Глафира.

Можетъ быть, знаю больше, чѣмъ вы думаете.

Лыняевъ.

Такъ скажите!

Глафира.

Нельзя.

Лыняевъ.

Почему?

Глафира.

Потому что онъ мой любовникъ.

Лыняевъ.

Часъ отъ часу не легче.

Глафира.

Я немного сильно выразилась. Онъ дѣйствительно влюбленъ въ меня и пишетъ мнѣ стихами письма чуть не каждый день. Такой милый,—отвѣта не требуетъ, а только изливаетъ свои чувства передо мной.

Лыняевъ.

Но кто-же онъ, скажите.

Глафира.

Онъ вамъ очень нуженъ?

Лыняевъ.

Очень.

Глафира.

Я не только могу его назвать вамъ; но черезъ десять мунутъ привести его сюда и отрекомендовать.

Лыняевъ. (*потирая руки отъ радости*).

Что вы? Неужели?

Глафира.

Только даромъ этого не сдѣлаю.

Лыняевъ.

Требуйте отъ меня, что вамъ угодно, чего только вамъ угодно.

Глафира.

Я попрошу небольшаго.

Лыняевъ.

Все, все, что хотите.

Глафира.

Притворитесь влюбленнымъ въ меня и цѣлый вечеръ сегодня ухаживайте за мной.

Лыняевъ.

А вы будете смѣяться?

Глафира.

Вѣроятно, если это будетъ смѣшно.

Лыняевъ.

Ну ужъ, одинъ вечеръ куда нишло! Хоть и тяжеленько, да, нечего дѣлать, самъ обѣщалъ. Такъ вы когда-же мнѣ его покажете?

Глафира.

Хоть сейчасъ. Я видѣла, какъ онъ прошелъ на гулянье, я пойду и приведу его сюда. Подождите меня здѣсь! Вотъ и Евлампія Николаевна. (*уходитъ. Входятъ Купавина и Анѳуса*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лыняевъ, Купавина, Анѳуса.

Лыняевъ.

Что-же вы такъ скоро?

Купавина.

И хотѣлось еще погулять, да скрываюсь отъ преслѣдованій.

Лыняевъ.

Вотъ я вамъ говорилъ, что тамъ пьяные; кто-же васъ преслѣдуетъ?

Купавина.

Нашъ общій знакомый, Мурзавецкій. Проводите меня до дому.

Лыняевъ.

Анѳуса Тихоновна, будьте такъ добры, подождите здѣсь Глафиру Алексѣевну и, когда она воротится, скажите ей, что я сейчасъ приду.

Купавина.

Да не пускайте Мурзавецкаго въ садъ, скажите, что меня дома нѣтъ, что я уѣхала.

Анѳуса.

Хорошо ужъ... я ужъ..,

Лыняевъ.

Да что съ нимъ церемониться, просто гнать этаго милаго мальчика прочь.

Купавина.

Ахъ нѣтъ, нельзя! Съ нимъ надо, какъ можно, осторожнѣе. Онъ скажетъ Меропѣ Давыдовнѣ, тогда мы большую бѣду наживемъ. Поделикатнѣе какъ нибудь, а то она меня съѣстъ. (*уходятъ: Купавина и Лыняевъ. Анѳуса садится на скамейку. Входитъ Мурзавецкій*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Анѳуса, Мурзавецкій.

Мурзавецкій (*свищетъ*).

Тамерланъ, Тамерланъ иси! Эко животное! Повѣшу, кончено, нѣтъ, братъ, повѣшу, — кончено. Пардонъ медамъ! Гдѣ-жъ онѣ? (*осматриваясь*). А вонъ! Кажется, обѣ тутъ. Такъ что-то, какъ будто, въ глазахъ застилаетъ, мелькаетъ что-то: то одна, то двѣ... нѣтъ, двѣ, двѣ, ну, кончено, двѣ. (*раскланиваясь издали*). Честь имѣю.

Анѳуса (*отворачиваясь*].

Ну ужъ... не надо ужъ...

Мурзавецкій.

Нѣтъ, позвольте, Евлампія Николаевна!

Анѳуса.

Да какая... гдѣ ужъ она..?

Мурзавецкій.

Нѣтъ, Евлампія Николаевна, нѣтъ, она здѣсь, въ груди моей; пароль донеръ (*вздыхаетъ*). Такихъ страданій, такихъ страданій...

Анѳуса.

Ну ужъ,.. довольно ужъ...

Мурзавецкій.

Я съ вами согласенъ, но если нѣтъ силъ, что же мнѣ дѣлать, я васъ спрашиваю! Влюбленъ, ну и... ну и кончено.

Анѳуса.

Ахъ, право ужъ... ну, что?

Мурзавецкій.

Не хотите, не хотите отвѣчать? А я вотъ тутъ... у васъ... у ногъ... могу умереть. Отвѣчайте, отвѣчайте, монъ анжъ! Ну, енъ мо!

Анѳуса.

Да что ужъ... ну тебя!

Мурзавецкій.

Анѳуса Тихоновна, оставьте, я васъ прошу, я не съ вами.

Анѳуса.

Не со мной ужъ... такъ, ну, съ кѣмъ?

Мурзавецкій.

„Съ кѣмъ!“ Это странно. Ха, ха, ха! Это странно! Вы думали, съ вами?

Анѳуса.

Да ужъ... ни кого тутъ больше-то... что еще?

Мурзавецкій.

Анѳуса Тихоновна, тезеву! Евлампія Николаевна, бываютъ въ жизни минуты... Что я! Одна минута, когда человѣкъ...

Анѳуса.

Ахъ ужъ... что мнѣ съ нимъ?

Мурзавецкій.

Вы молчите, за васъ отвѣчаютъ, — для благородной души моей это... это, я вамъ скажу... (*вздыхаетъ*) Тяжело.

Анѳуса.

Да откуда-жъ она... коли нѣтъ?

Мурзавецкій (*подходя*).

Чего нѣтъ? Какъ нѣтъ?

Анѳуса.

Да ужъ такъ вотъ...

Мурзавецкій (*осматривая Анѳусу и скамейку*).

Да гдѣ-жъ она?

Анѳуса.

Коли нѣтъ... гдѣ-жъ мнѣ!..

Мурзавецкій (*ударивъ себя по лбу*).

Боже мой! Боже мой!

Анѳуса.

Ну ужъ... чего еще?

Мурзавецкій.

Однако какой обманъ!

Анѳуса.

Кому ужъ... нужно.

Мурзавецкій.

Такъ что-же это, что-же? Обманъ чувствъ, игра воображенія? (*входитъ Лыняевъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мурзавецкій, Анѳуса, Лыняевъ.

Мурзавецкій.

Но нѣтъ, я шутить надъ собою не позволю, дудки!

Анѳуса (*увидавъ Лыняева*).

Ахъ, вы ужъ... ну вотъ... ужъ сами... (*идетъ въ садъ*).

Мурзавецкій.

Я ѣду, ѣду, не свищу, а наѣду — не спущу.

Анѳуса.

Ну, мели ужъ... на просторѣ! (*уходитъ*).

Мурзавецкій.

Но я, нѣтъ, я пойду.

Анѳуса.

Куда?

Мурзавецкій.

Къ ней.

Лыняевъ.

Увы!

Мурзавецкій.

Что „увы“? Что такое, милостивый государь, увы!

Лыняевъ.

Нельзя, не велѣно васъ принимать.

Мурзавецкій.

Меня не велѣно? О! Я вотъ посмотрю. (*хочетъ идти въ садъ*).

Лыняевъ (*загораживая калитку*).

Послушайте! Я вамъ вотъ что подружески посовѣтую; поѣзжайте домой, а то не хорошо.

Мурзавецкій.

Что такое „не хорошо“? Позвольте васъ... Позвольте васъ спросить.

Лыняевъ (*таинственно*).

Въ саду поставлены люди, и, какъ вы войдете, такъ (*показываетъ знакомъ*) понимаете?

Мурзавецкій.

Что, что?

Лыняевъ.

Я не виноватъ, Евлампіи Николаевнѣ было угодно такъ распорядиться.

Мурзавецкій.

Меня вѣдь не испугаешь; ну, да я, пожалуй и не пойду, не надо. Я, знаете-ли, хотѣлъ мое дѣло съ ней миромъ; а теперь нѣтъ, шалишь, моргенъ фри!

Лыняевъ.

Что вамъ за охота миромъ.

Мурзавецкій.

Да вѣдь жаль, чертъ возьми, пятьдесятъ тысячъ должна.

Лыняевъ.

Хорошія деньги.

Мурзавецкій.

Да я не хотѣлъ брать, зачѣмъ! Я просто, моншеръ, хотѣлъ, санъ-фасонъ, предложить руку, чтобы, компрененву, соединить капиталы. У меня ничего... то есть, нѣтъ, что я! У меня состояніе, у нея состояніе, какіе тутъ иски да взыски.

Лыняевъ.

Хрошо-бы, только она за васъ не пойдетъ.

Мурзавецкій.

Ну, такъ ужъ не взыщи, не помилую. Ахъ монъ шеръ, что я съ ней сдѣлаю! Ограблю, начисто ограблю.

Лыняевъ.

Пятьдесятъ тысячъ потребуете?

Мурзавецкій.

Нѣтъ, ужъ тутъ не пятидесятью пахнетъ. Полтораста! Усадьба эта моя будетъ, черезъ недѣлю моя.

Лыняевъ.

Вотъ и хорошо, сосѣди будемъ. (*жметъ руку Мурзавецкаго*) Прошу любить, да жаловать. А теперь вамъ пора домой! Вотъ это не вашъ-ли экипажъ? Вѣроятно, Меропа Давыдовна за вами прислала.

Мурзавецкій.

Да, она ждетъ; я обѣщалъ рѣшительный отвѣтъ привезти.

Лыняевъ.

Ужъ чего-же рѣшительнѣе!

Мурзавецкій.

А вѣдь жаль мадамъ Купавину, плакать будетъ. Оревуаръ. (*уходитъ, слышенъ свистъ и голосъ:* „Тамерланъ иси!“ *Съ противоположной стороны входятъ Глафира и Горецкій*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Лыняевъ, Глафира, Горецкій.

Глафира.

Вотъ рекомендую: Горѣцкій Клавдій. (*Горѣцкому*) А это Михайло Борисычъ Лыняевъ, нашъ сосѣдъ помѣщикъ.

Горѣцкій (*снимая фуражку*).

Я ихъ знаю-съ.

Лыняевъ.

Надѣньте, пожалуйста!

Горѣцкій.

Ничего-съ? Глафира Алексѣевна, позвольте для васъ какую нибудь подлость сдѣлать!

Лыняевъ.

Вотъ странная просьба.

Горецкій.

Ничего, нестранная-съ. Чѣмъ-же я могу доказать? Нѣтъ, ужъ вы не мѣшайте. Глафира Алексѣевна, хотите, весь этотъ заборъ изломаю.

Глафира.

Нѣтъ, зачѣмъ.

Горецкій.

Какъ-бы я для васъ прибилъ кого нибудь, вотъ-бы трепку задалъ веселую.

Лыняевъ.

Да вѣдь за это судить будутъ.

Горецкій.

А пущай ихъ судятъ.

Лыняевъ.

Да вѣдь посадятъ.

Горецкій.

А посадятъ, такъ сидѣть будемъ. Глафира Алексѣевна, прикажите какую нибудь подлость сдѣлать!

Глафира.

Я ужъ право не знаю, что вамъ приказать.

Лыняевъ.

Да зачѣмъ непремѣнно подлость? Попросите его правду сказать.

Глафира.

Ну, вотъ я прошу васъ мнѣ правду сказать, вы скажете?

Горецкій.

Какую правду-съ?

Глафира.

А вотъ какую мы спросимъ.

Горецкій.

Извольте-съ, все, что угодно-съ.

Лыняевъ.

А если секретъ?

Горецкій.

Да хотя-бы разсекретъ. У меня своихъ секретовъ нѣтъ, а если какой чужой, такъ что мнѣ за надобность беречь его. Я для Глафиры Алексѣевны всё на свѣтѣ...

Лыняевъ (*подавая Глафирѣ письмо*).

Спросите, кто это писалъ!

Глафира (*Горецкому*).

Кто это писалъ?

Горецкій.

Ахъ! Спросите что нибудь другое!

Лыняевъ.

А говорили, что все на свѣтѣ.

Горецкій.

Да мнѣ чтожъ, пожалуй: только за это деньги заплочены.

Лыняевъ.

Сколько?

Горецкій.

Десять рублей.

Лыняевъ.

А если я дамъ пятнадцать?

Горецкій.

А если дадите, скажу.

Лыняевъ.

Такъ вотъ, возьмите! (*даетъ деньги*).

Горецкій (*беретъ деньги*).

Покорно бдагодарю-съ (*кладетъ деньги въ разные карманы*). Десять назадъ отдамъ, скажу, мало дали. Это я писалъ-съ.

Лыняевъ.

Вы? Ну такъ вы мнѣ очень нужны будете. У васъ есть свободное время?

Горецкій.

Да у меня всегда свободное время-съ.

Лыняевъ.

Хотите ѣхать ко мнѣ сегодня-же? Я вамъ и заплачу хорошо, и столъ у меня хорошій, и вино, какое вамъ угодно.

Горецкій.

Съ удовольствіемъ-съ. Что-жъ, Глафира Алексѣевна, прикажите какую нибудь подлость сдѣлать!

Глафира.

Да вѣдь ужъ вы сдѣлали.

Горецкій.

Велика-ли это подлость! Да и за деньги.

Лыняевъ.

Извините за нескромный вопросъ. Вы знали когда нибудь разницу между хорошимъ дѣломъ и дурнымъ?

Горецкій.

Какъ вамъ сказать-съ. Нѣтъ, хорошенько-то не знаю.

Лыняевъ.

Такъ и не знаете?

Горецкій.

Вѣдь это философія; такъ намъ гдѣ-же знать.

Лыняевъ.

Отъ чего-же?

Горецкій.

Семейство очень велико было.

Лыняевъ.

Такъ что-же?

Горецкій.

Съ шести лѣтъ надо было въ домъ что нибудь тащить, голодныхъ ребятъ кормить.

Лыняевъ.

Васъ неучили?

Горецкій.

Какъ неучить! Вѣдь учить у насъ значитъ бить, такъ учили и дома и посторонніе, кому нелѣнь было. Особенно пьяные приказные по улицамъ, бывало, такъ и ловятъ мальчишекъ за вихри, это для нихъ первое удовольствіе.

Лыняевъ.

Вы говорили, что васъ большая семья была, куда-жъ всѣ дѣлись?

Горецкій.

Всѣ въ люди вышли: одинъ братъ ученый, въ фершела вышелъ, да далеко угнали, на Аландскіе острова, одинъ былъ въ аптекѣ въ мальчикахъ, да выучился по нѣмецки, такъ теперь въ кондукторахъ до нѣмецкой границы ѣздитъ, одинъ въ Москвѣ у живописца краски третъ, которые въ писаряхъ у становыхъ да у квартальныхъ, двое въ суфлерахъ ходятъ по городамъ; одинъ на телеграфѣ гдѣ-то за Саратовымъ; а то одинъ въ Ростовѣ на Дону подъ греческой фамиліей табакомъ торгуетъ; я вотъ въ землемѣры вышелъ. Да много насъ, всякаго званія есть.

Лыняевъ.

Васъ любопытно послушать. Вы ужъ прямо ко мнѣ отсюда. Я васъ съ собой возьму.

Горецкій.

Хорошо-съ. Я васъ въ конторѣ подожду. До свиданія, Глафира Алексѣевна! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Лыняевъ, Глафира.

Глафира.

Ну, довольны вы?

Лыняевъ.

Не могу выразить, какъ я вамъ благодаренъ. Я такъ радъ, что готовъ прыгать и плясать, какъ ребенокъ.

Глафира.

Ребенкомъ быть не хорошо, будьте лучше юношей.

Лыняевъ.

Какъ-же это?

Глафира.

Сдержите свое слово!

Лыняевъ.

Какое?

Глафира.

А любезничать со мной.

Лыняевъ.

Неловокъ я, Глафира Алексѣевна, что вамъ за радость, чтобъ я, въ мои лѣта, шута разыгрывалъ!

Глафира.

Ну хоть не много, слегка.

Лыняевъ.

Ну какъ-же любезничать? Прикажите хлалить ваши глазки?

Глафира.

Нѣтъ, это глупо.

Лыняевъ.

Или по русски, какъ парни съ дѣвками любезничаютъ, тѣ очень просто, безъ церемоніи.

Глафира.

А это ужъ слишкомъ. Впрочемъ все таки лучше, чѣмъ говорить пошлости. Эко горе ваше! Любезничать не умѣете, а любезничать надо. Ну, да не безпокойтесь, я вамъ помогу. Закутайтесь плэдомъ, заткните уши ватой, а то сыро стало! Вотъ такъ. (*одѣваетъ Лыняева плэдомъ*).

Лыняевъ.

Благодарю васъ.

Глафира.

Теперь скажите: неужели вы въ жизни не любили никого?

Лыняевъ.

Какъ не любить.

Глафира.

Вы говорили, что нибудь съ предметомъ вашей страсти?

Лыняевъ.

Много говорилъ, но я тогда былъ молодъ.

Глафира.

Ну, такъ вспомните теперь, что вы говорили.

Лыняевъ.

Это не трудно. Я говорилъ одной блондинкѣ, что наши души, еще до появленія на землѣ, были родныя, что онѣ носились вмѣстѣ по необъятой вселенной, порхали, какъ бабочки, въ лучахъ мѣсяца.

Глафира.

Ну, а другой, что вы говорили?

Лыняевъ.

А другой, брюнеткѣ я говорилъ, что найму ей великолѣпную дачу, куплю пару вороныхъ рысаковъ.

Глафира.

Это вотъ хорошо, мнѣ этотъ разговоръ больше нравится. Вотъ и продолжайте въ этомъ духѣ.

Лыняевъ.

Я обѣщалъ ей горы золотыя, говорилъ, что не могу жить безъ нея, хотѣлъ застрѣлиться, утопиться.

Глафира.

А она что-жъ?

Лыняевъ.

А она говорила, „Зачѣмъ вамъ стрѣляться, или топиться? Женитесь, вотъ и не объ чемъ вамъ больше безпокоиться“. Нѣтъ, говорю, мой ангелъ, это для меня хуже, чѣмъ утопиться. „Ну, такъ, говоритъ утопитесь; потому что я огорчать мамашу и родныхъ своихъ не хочу“.

Глафира.

Да она была бѣдная дѣвушка?

Лыняевъ.

Бѣдная.

Глафира.

Такъ глупа.

Лыняевъ.

А вы что-жъ бы сдѣлали на ея мѣстѣ?

Глафира.

Я-бы вамъ противорѣчить ни въ чемъ не стала, я-бы взяла, и дачу, и рысаковъ, и деньги, и все таки вы бы женились на мнѣ.

Лыняевъ.

Но это невозможно, я такъ твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Глафира.

Нѣтъ, очень просто.

Лыняевъ.

Но какимъ же образомъ, скажите, объясните мнѣ!

Глафира.

Сядемте! (*садятся на скамью*) Ну, представьте себѣ, что вы меня любите немножко, хоть также, какъ ту брюнетку! Иначе, конечно не возможно ничего (*садится съ ногами на лавку и прилегаетъ къ Лынясву*).

Лыняевъ.

Позвольте, что-же это вы?

Глафира (*отодвигаясь*).

Ахъ, извините!

Лыняевъ.

Нѣтъ, ничего. Я только хотѣлъ спросить васъ. Что это вы, въ роль входите, или потому, что меня за мужчину не считаете.

Глафира.

Я озябла не много.

Лыняевъ.

Такъ сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь, если это вамъ пріятно.

Глафира (*опять прилягая къ Лыняеву*).

И такъ вы меня любите, мы живемъ душа въ душу. Я олицетворенная кротость и покорность, я не токько исполняю, но предупреждаю ваши желанія, а между тѣмъ по немногу забираю въ руки васъ и все ваше хозяйство, узнаю малѣйшія ваши привычки и капризы и, наконецъ, въ короткое время дѣлаюсь для васъ совершенной необходимостью, такъ что вы безъ меня шагу ступить не можете.

Лыняевъ.

Да, я допускаю, это возможно.

Глафира.

Вотъ въ одно прекрасное утро я говорю вамъ: „папаша, я чувствую потребность помолиться, отпусти меня деньков на три на богомолье!“ Вы, разумѣется, сначала заупрямитесь, я покоряюсь вамъ безропотно. Потомъ изрѣдка робко повторяю свою просьбу и смотрю на васъ нѣсколько дней сряду умоляющимъ взоромъ, вы все, день за день, откладываете и наконецъ отпускаете. Безъ меня начинается въ домѣ ералашъ: то не такъ, — другое не по васъ; то кофей горекъ, — то обѣдъ опоздалъ; то у васъ въ кабинетѣ не убрано, — а если убрано, такъ на столѣ бумаги и книги не на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ нужно. Вы начинаете выходить изъ себя, часто вздыхать, то бѣгать по комнатѣ, то останавливаться, разводить руками, говорить съ собой, начинаете прислушиваться, не ѣдутъ ли, часто выбѣгать на крыльцо: а я нарочно промедлю дня два, три. Наконецъ ужъ вамъ не сидится, вы теряете терпѣніе, и начинаете ходить по дорогѣ версты за двѣ отъ дому. Вотъ я ѣду. Сколько радости! Опять тихая, спокойная жизнь для васъ; въ вашихъ глазахъ только счастіе и безконечная нѣжность.

Лыняевъ. (*со вздохомъ*).

Ну и чего жъ еще, и чего-жъ еще!

Глафира.

Но вотъ однажды, когда ваша нѣжность ужъ незнаетъ предѣловъ, я говоря вамъ сослезами „милый папаша, мнѣ стыдно своихъ родныхъ, своихъ знакомыхъ, мнѣ стыдно людямъ въ глаза глядѣть. Я должна прятаться отъ всѣхъ, заживо похоронить себя, а я еще молода, мнѣ жить хочется...

Лыняевъ.

Да... ахъ, въ самомъ дѣлѣ.

Глафира.

Прощай, милый папаша! Не нужно мнѣ никакихъ твоихъ сокровищъ.

Лыняевъ.

Ахъ чертъ возьми, какъ это скверно.

Глафира.

А выхожу замужъ.

Лыняевъ.

За кого?

Глафира.

Ну, хоть за Горецкаго.

Лыняевъ.

Отличная партія!

Глафира.

Да, онъ бѣденъ; но я все таки буду имѣть хоть какое нибудь положеніе въ обществѣ. Да ужъ конечно, я рѣшилась.

Лыняевъ.

Но нельзя-же такъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, бросить человѣка! Надо было прежде думать и за ранѣе предупредить.

Глафира.

Я боялась, милый папаша. Развѣ ты не видишь, я худѣю, сохну день отодня, я могу захворать серьезно, умереть.

Лыняевъ.

Это безсовѣстно! Все это притворство!

Глафира.

Если ты не вѣришь, какъ тебѣ угодно; я готова пожертвовать для тебя даже жизнію.

Лыняевъ.

Ну вотъ то-то-же!

Глафира.

Что дѣлать, у мужчинъ такіе твердые характеры.

Лыняевъ.

Все таки я поставилъ на своемъ.

Глафира.

Да, на своемъ. Гдѣжъ намъ спорить съ вами! Только въ тотъ-же день къ вечеру я незамѣтно изчезаю, и никто не знаетъ, то есть, ни кто не скажетъ вамъ, куда. Проходитъ день, другой, вы разсылаете по всѣмъ дорогамъ гонцовъ, сыщиковъ, сами мечетесь туда и сюда; теряете сонъ, аппетитъ, сходите съ ума. И вотъ за нѣсколько минутъ до того, когда вамъ ужъ дѣйствительно нужно помѣшаться, вамъ объявляютъ по секрету, гдѣ я скрываюсь. Вы бросаетесь ко мнѣ съ подарками, съ брильянтами, со слезами умоляете меня возвратиться,—я непреклонна. Вы плачете, я сама рыдаю! Я люблю васъ, мнѣ жаль съ вами растаться, но я неумолима. Наконецъ я говорю вамъ: милый папаша, ты любишь холостую жизнь, ты не можешь жить иначе,—сдѣлаемъ вотъ что! Обвѣнчаемся потихоньку, такъ что никто небудетъ знать, ты опять будешь вести холостую жизнь, все пойдетъ по прежнему ничего неизмѣнится,—только я буду покойна, не буду страдать". Вы, послѣ недолгаго колебанія, соглашаетесь.

Лыняевъ.

Да, очень можетъ быть, очень можетъ быть, дѣйствительно, это возможно. Но я все таки поставилъ по своему.

Глафира.

Да, по своему. Но на другой-же день откуда у меня эта свѣтскость возмется, эта лѣнь, эта медленность въ движеніяхъ! Откуда возмуться эти роскошные туалеты.

Лыняевъ.

Да, вотъ...

Глафира.

Оттопырится нижняя губка, явится повелительный тонъ, величественный жестъ. Какъ мила и нѣжна я буду съ постороннимп и какъ строга съ вами. Какъ счастливы вы будете, когда дождетесь отъ меня милостиваго слова. Ужъ не буду я суетиться и бѣгать для васъ, и не будете вы папашей; а просто Мишель. (*Говоритъ мягко*). „Мишель, сбѣгай, я забыла въ саду на скамейкѣ мой платокъ.“ И вы побѣжите. Это вотъ одинъ способъ заставить жениться; онъ, хотя старый, но вѣрный; а то есть еще и другіе.

Лыняевъ.

Да, но вѣдь такъ можно поймать человѣка только тогда, когда онъ любитъ.

Глафира.

Разумѣется. Вы въ совершенной безопасности, потому что никого не любите.

Лыняевъ.

Я въ безопасности и очень этому радъ. Но ужъ еслибы мнѣ пришлось полюбить кого нибудь, то я полюбилъ-бы васъ (*цѣлуетъ руку Глафиры*).

Глафира.

Это что такое? Это зачѣмъ?

Лыняевъ.

Такъ.

Глафира.

Если просто „такъ“, то обидно. На васъ нѣжность нашла, ну, а благо я тутъ близко, такъ и вы беретесь прямо за меня руками.

Лыняевъ.

Да нѣтъ. Вѣдь вы сами хотѣли, чтобъ я любезничалъ съ вами.

Глафира.

Ахъ, я и забыла. Ну, такъ, цѣлуйте, пожалуй.

Лыняевъ.

Да и поцѣлую (*цѣлуетъ другую руку*).

Глафира.

Вы, видно, тоже начинаете входить во вкусъ вашей роли.

Лыняевъ.

Я давеча боялся что-то; а теперь такъ нахожу, что это очень пріятная шутка.

Глафира (*со вздохомъ*).

Да, да, къ сожалѣнію только шутка (*уходитъ Анѳуса*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Лыняевъ, Глафира, Анѳуса.

Анѳуса.

Ужинать ужъ... ждутъ... что ночью-то!... сыро... прислали ужъ... меня.

Глафира (*Лыняеву*).

Пойдемте!

Лыняевъ.

Я сейчасъ за вами (*Глафира и Анфиса уходятъ*). А какая она хорошенькая, какая милая, умная! Вѣдь вотъ долголи! Посидишь этакъ вечера два съ ней, и начнешь подумывать; а тамъ только поощрошай, и запрягутъ. Хорошо еще, что она въ монастырь то идетъ; а то-бы и отъ нея надо было бѣгать. Нѣтъ, поскорѣй поужинать у нихъ да домой, отъ грѣха по дальше, только она меня и видѣла. А послѣ хоть и увижусь съ ней, такъ только: „здравствуйте“! да „прощайте“! Хороша ты Глафира Алексѣевна, а свобода и покой, и холостая жизнь моя лучше тебя.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Л и ц а:

Купавина.
Глафира.
Анеуса.
Лыняевъ.
Василій Ивановичъ Беркутовъ, помѣщикъ сосѣдъ, Купавиной; представительный мужчина, среднихъ лѣтъ, съ лысинкой, но очень живой и ловкій.
Горецкій.
Лакей Купавиной.

Комната въ азіатскомъ вкусѣ въ домѣ Купавиной съ однимъ выходомъ на террасу; стеклянная растворенная дверь съ портьерами, по сторонамъ двери два большихъ окна, закрытыя драпировками; по стѣнамъ и подъ окнами мягкіе диваны. За балюстрадой террасы видѣнъ садъ и за нимъ живописная сельская мѣстность.

ЯВЛЕНІЕ I.

Купавина, Глафира *потомъ* Лакей.

Купавина.

Кажется, у тебя съ Лыняевымъ дѣло подвигается?

Глафира.

Ахъ, это только кажется.

Купавина.

Онъ вчера былъ такъ любезенъ съ тобой.

Глафира.

По заказу,—это была шутка.

Купавина.

Ты теряешь надежду, бѣдная?

Глафира.

Ну, не совсѣмъ. Надо еще разъ увидать его, тогда я буду знать навѣрно, можно на него разсчитывать, или нѣтъ.

Купавина.

А вотъ сегодня увидишь. Мнѣ Горецкій принесъ письмо отъ него; онъ пріѣдетъ и угадай, съ кѣмъ?

Глафира.

Что угадывать-то, по глазамъ видно, что жениха дожидаешься.

Купавина.

Да, осчастливилъ насъ Василій Ивановичъ Беркутовъ, прибылъ изъ Петербурга.

Глафира.

Когда они пріѣдутъ?

Купавина.

Конечно, вечеромъ. Надо пріодѣться для такого дорогаго гостя.

Глафира.

Но до вечера Меропа Давыдовна можетъ прислать за мной лошадей.

Купавина.

Лошади и подождутъ.

Глафира.

Разсердится.

Купавина.

Посердится, да и помилуетъ.

Глафира.

Не скоро, на это она нетороплива (*входитъ лакей*).

Лакей (*подавая письмо Купавиной*).

Меропа Давыдовна тарантасъ прислали и письмо при-

казали вамъ отдать (*Купавина распечатываетъ и читаетъ письмо про себя*).

Глафира.

Ну, такъ я знала! Эко несчастіе! опять черное платье, опять притворство и постничанье.

Купавина (*лакею*).

Вуколъ Наумовичъ въ усадьбѣ?

Лакей.

Никакъ нѣтъ-съ, они въ городѣ.

Купавина (*съ безпокойствомъ*).

Чтожъ мнѣ дѣлать? Это такъ неожиданно... Я совершенно теряюсь.

Глафира.

Что съ тобой?

Купавина.

А вотъ послушай, что Мерона Давыдовна пишетъ! (*лакею*) Ступай, скажи, чтобъ кучеръ подождалъ! (*лакей уходитъ*).

Глафира.

Читай, читай!

Купавина (*читаетъ*).

„Милостивая Государыня, Евлампія Николаевна!“

Глафира.

Что-то строго начинается.

Купавина.

Нѣтъ, ты послушай, что дальше-то! (*читаетъ*) „Вамъ вчера неугодно было принять моего племянника. Еслибъ вы были дома однѣ, или вели очень скромную жизнь, я-бъ ничего не сказала, а то у васъ были люди, которые ни чѣмъ его не лучше. Онъ такой же дворянинъ, какъ и Лыняевъ и ужъ вѣрно не глупѣе его. Или вы сдѣлали это, не послушавши, или васъ научилъ какой нибудь умный человѣкъ. Если ужъ вы забыли всѣ мои одолженія и милости къ вамъ, такъ должны были помнить, что за обиду я никогда въ долгу не остаюсь. Вы такъ развлеклись, или

увлеклись, что забыли, что у васъ съ Аполономъ есть тяжба. Мы, по простотѣ и по добротѣ своей, думали пожалѣть васъ, подобно какъ малаго беззащитнаго ребенка, и хотѣли кончить все дѣло миромъ, истинно по христіански, въ любви и согласіи. Но коль скоро вы сами отворачиваетесь отъ насъ и презираете благодѣтелей, то ужъ не гнѣвайтесь на насъ. Взысканіе съ васъ очень большой суммы, чего и все ваше имѣніе не стоитъ, я произведу со всею строгостію и жалѣть васъ и плакать о васъ не буду. Бывшая ваша благодѣтельница, Меропа Мурзавецкая". Какъ тебѣ это покажется?

Глафира.

Не пугаетъ-ли она тебя?

Купавина.

Вотъ сюрпризъ! Я не знаю, что и отвѣчать. Надо подождать этихъ господъ, посовѣтуюсь съ ними. Вотъ тебѣ поневолѣ приходится остаться (*входитъ Анѳуса*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Купавина, Глафира, Анѳуса.

Анѳуса.

Ужъ пріѣхали вѣдь... что-жъ вы!..

Купавина.

Неужели они?

Анѳуса.

Да кому-жъ?...

Купавина.

Такъ я пойду, одѣнусь.

Анѳуса.

Само собой ужъ... нешто хорошо!.. Почитай, чужой...

Купавина.

Попросите ихъ подождать.

Анѳуса.

Да вотъ ужъ... сюда... изъ саду.

Купавина (*Глафирѣ*).

Пойдемъ. (*уходитъ Глафира и Купавина*).

Анфуса.

Чтобъ раньше-то!.. Говорила ужъ,.. (*входитъ Лыняевъ и Беркутовъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анѳуса, Лыняевъ, Беркутовъ.

Лыняевъ.

Вотъ, Анѳуса Тихоновна, рекомендую вамъ друга. Василій Иванычъ Беркутовъ.

Анфуса.

Ужъ знаю... давно вѣдь...

Беркутовъ.

Какъ ваше здоровье, почтенная Анѳуса Тихоновна?

Анфуса.

Ничего... такъ... голова иногда. Обождать ужъ... хоть здѣсь... просила... сейчасъ, молъ...

Лыняевъ.

Небезпокойтесь, Анѳуса Тихоновна, мы подождемъ.

Анфуса.

Ну, то-то!.. Недолго, чай... что ей тамъ. Невзыщите! (*уходитъ*).

Лыняевъ.

Вотъ она сама тебѣ разскажетъ, какъ выманили у нея тысячу рублей.

Беркутовъ.

Негорячись, пожалуйста, негорячись!

Лыняевъ.

Какъ, негорячись? Не могу, негорячиться; вѣдь это подлогъ, понимаешь ты, подлогъ.

Беркутовъ.

Успокойся! Никакого подлога нѣтъ.

Лыняевъ.

Чего-жъ тебѣ! Да Горецкій признался. Жаль, я проспалъ и не успѣлъ еще распросить его хорошенько сегодня утромъ; потомъ ты пріѣхалъ и утащилъ его у меня.

Беркутовъ.

Я долго говорилъ съ Горецкимъ, и въ городъ съ нимъ ѣздилъ, онъ тебя обманулъ. Онъ тебя обманулъ. Ему понадобились деньги, онъ и сказалъ напраслину на себя. Хорошъ и ты, повѣрилъ Горѣцкому.

Лыняевъ.

Что не говори, а это дѣло не чисто.

Беркутовъ.

По моему, въ вашемъ обществѣ Меропа Давыдовна должна стоять выше подозрѣній. Хорошо общество, гдѣ всѣ смотрятъ другъ на друга, какъ на разбойниковъ.

Лыняевъ.

Отъ Меропы всего ждать можно.

Беркутовъ.

Провинціалы любятъ уголовщину, ужъ это извѣстно. Вамъ скучно бе́зъ скандаловъ, подкапываетесь другъ подъ друга; больше вамъ дѣлать-то нечего.

Лыняевъ.

Да вѣдь грабятъ Евлампію Николаевну.

Беркутовъ.

Ну, какъ хочешь, а пока я здѣсь, ты въ ея дѣла не путайся, пожалуйста, я тебя прошу. Поищи себѣ другое занятіе!

Лыняевъ.

По твоему, и Чугуновъ хорошій человѣкъ.

Беркутовъ.

А чтожъ, Чугуновъ? Подъячій, какъ подъячій, — разумѣется, пальца въ ротъ не клади. Вѣдь вы, горячіе юристы, все больше на счетъ высшихъ взглядовъ, а, глядишь,

простаго прошенія написать неумѣете. А Чугуновъ стараго закала, Сводъ Законовъ на память знаетъ; вотъ они и нужны.

Лыняевъ.

Хорошо тебѣ, — ты пріѣдешь не на долго; а каково жить съ этимъ народомъ! Попробовалъ бы ты?

Беркутовъ.

Кто умѣетъ жить, тотъ вездѣ уживется. А кто ребячится, какъ-ты, тому вездѣ трудно. Я уживусь.

Лыняевъ.

Посмотримъ, значитъ, ты къ намъ на долго?

Беркутовъ.

Нѣтъ. Послѣ, можетъ быть, и совсѣмъ здѣсь поселюсь; а теперь мнѣ некогда, у меня большое дѣло въ Петербургѣ. Я пріѣхалъ только жениться.

Лыняевъ.

На комъ?

Беркутовъ.

На Евлампіи Николаевнѣ.

Лыняевъ.

У васъ развѣ ужъ кончено?

Беркутовъ.

Еще не начиналось.

Лыняевъ.

Еще не начиналось, а ты ужъ такъ увѣренно говоришь?

Беркутовъ.

Да никакихъ причинъ не вижу сомнѣваться. Охъ, братъ, ужъ я давно поглядываю.

Лыняевъ.

На Евлампію Николаевну?

Беркутовъ.

Нѣтъ, на это имѣніе, ну и на Евлампію Николаевну, разумѣется. Сколько удобствъ, сколько доходныхъ статей, какая красивая мѣстность. (*Указывая въ дверь*) Погляди, вѣдь это роскошь. А вонъ, на лѣво-то, у рѣчки, что за уголокъ прелестный! Какъ будто сама природа создала.

Лыняевъ.

Для швейцарской хижинки.

Беркутовъ.

Нѣтъ, для винокуреннаго завода. Признаюсь тебѣ, грѣшный человѣкъ, я ужъ давно подумывалъ. Купавинъ старикъ старый, не нынче — завтра умретъ, останется отличное имѣніе, хорошенькая вдова... Я ужъ поработалъ таки на своемъ вѣку, думаю объ отдыхѣ; а чего-жъ лучше для отдыха, какъ такая усадьба, красивая жена, какая нибудь почетная должность...

Лыняевъ.

Мы тебя въ предводители.

Беркутовъ.

Мы! А много-ль васъ? Вы тутъ ссоритесь, на десять партій разбились. Ну вотъ я пристану къ вамъ, такъ ваша партія будетъ поспльнѣе. Знаешь, что я замѣчаю? Твое вольнодумство начинаетъ выдыхаться; вы провинціалы, мало читаете. Вышло много новыхъ книгъ и брошюрокъ по твоей части; я съ собой привезъ довольно. Коли хочешь, подарю тебѣ. Прогляди книжки двѣ, такъ тебѣ разговору-то лѣтъ на пять хватитъ.

Лыняевъ.

Вотъ спасибо. Значитъ, у тебя за малымъ дѣло стало, только жениться.

Беркутовъ.

Да жениться, мой другъ, жениться поскорѣй. Имѣніе я знаю, какъ свои пять пальцевъ, порядки въ немъ заведены отличные; надо торопиться, чтобъ неуспѣли запустить хозяйство. Уменъ былъ старикъ Купавинъ.

Лыняевъ.

Подъ старость, кажется, немножко рехнулся.

Беркутовъ.

Почему ты думаешь?

Лыняевъ.

Лѣсу накупилъ тысячъ на сто.

Беркутовъ.

Эка умница! Вотъ спасибо ему!

Лыняевъ.

За то чистыхъ денегъ Евлампіи Николаевнѣ оставилъ мало, она теперь нуждается.

Беркутовъ.

И прекрасно сдѣлалъ. Оставь онъ деньги, такъ ихъ давно-бы не было, а лѣсъ-то стоитъ да растетъ еще.

Лыняевъ.

Да куда его дѣвать? На лѣсъ у насъ никакой цѣны нѣтъ.

Беркутовъ.

Лѣсъ Купавиной стоитъ полмилліона. Чересъ десять дней вы услышите, что здѣсь пройдетъ желѣзная дорога. Это изъ вѣрныхъ источниковъ, только ты молчи пока.

Лыняевъ.

Ай, ай! Ловко! А вотъ что! Я вѣдь тебѣ говорилъ бланкъ-то она выдала Чугунову, бланкъ-то.

Беркутовъ.

Могла скверная штука выйти.

Лыняевъ.

Какъ, „могла“.

Беркутовъ.

Еслибъ бланкъ попался въ другія руки.

Лыняевъ.

А Чугуновъ помилуетъ, что-ли?

Беркутовъ.

У Чугунова, какъ у всѣхъ старыхъ плутовъ, душа коротка, да и потребности ограниченны. Я справлялся; онъ тутъ пустошь торгуетъ, — три тысячи просятъ. Вѣроятно, онъ этимъ и удовольствуется.

Лыняевъ.

Значитъ, препятствій нѣтъ, и ты женишься. Но любопытно, какъ ты это устроишь.

Беркутовъ.

Ну, какъ, — я еще не знаю; глядя по обстоятельствамъ; только, во всякомъ случаѣ, это будетъ! Женщины любятъ думать, что онѣ свободны и могутъ располагать собой какъ имъ хочется. А на дѣлѣ-то онѣ никакъ и никогда не располагаютъ собой; а располагаютъ ими ловкіе люди (*входитъ Купавина*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лыняевъ, Беркутовъ, Купавина.

Купавина.

Извините, господа!

Лыняевъ.

Насъ извините, что мы не во время.

Беркутовъ (*цѣлуя руку Купавиной*).

Моя торопливость простительна, я такъ давно не видалъ васъ... Нетерпѣніе мое было такъ велико...

Купавина (*съ улыбкой*).

Что, если-бъ крылья...

Беркутовъ.

Я-бы прилетѣлъ еще раньше.

Лыняевъ.

Ну, для амура ты ужъ немножко тяжелъ сталъ.

Купавина.

Да ужъ и стрѣлы, я думаю, порастратили.

Лыняевъ.

Нѣтъ, онъ еще приберегъ для случая.

Купавина.

Ужъ развѣ немного, и то не очень острыя.

Беркутовъ.

За то я сталъ бережливѣе и не раскидываю ихъ понапрасну.

Купавина.

А стрѣляете только навѣрное?

Беркутовъ.

По крайней мѣрѣ, не трачу даромъ, и то хорошо.

Лыняевъ.

Не позволите-ли вы мнѣ погулять по саду? А то, если я послѣ обѣда долго въ комнатѣ...

Купавина.

Такъ сонъ клонитъ?

Лынявъ.

Угадали.

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе, поступайте, какъ вамъ угодно.

Лыняевъ (*уходя*).

Чей это экипажъ у васъ на дворѣ?

Купавина.

Мурзавецкая прислала за Глафирой Алексѣевной.

Лыняевъ.

Такъ она уѣзжаетъ?

Купавина.

А вамъ жаль?

Лыняевъ.

Не скажу, чтобъ очень. А скоро уѣзжаетъ?

Купавина.

Сейчасъ.

Лыняевъ.

Счастливый путь, скатертью ей дорожка! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Купавина, Беркутовъ, потомъ Лакей.

Купавина.

На долго вы къ намъ?

Беркутовъ.

Нѣтъ, къ несчастію, на короткое время, я пріѣхалъ по дѣлу.

Купавина.

По дѣлу?

Беркутовъ.

Я бы могъ обмануть васъ, сказать, что пріѣхалъ собственно за тѣмъ, чтобъ увидать васъ, чтобъ полюбоваться на васъ: но, вопервыхъ, вы этому не повѣрите...

Купавина.

А можетъ быть, и повѣрю.

Беркутовъ.

Ну, такъ я не хочу васъ обманывать. Послѣ двухъ лѣтъ разлуки, какъ я смѣю разсчитывать, что мои нѣжности будутъ вамъ пріятны. Вы могли перемѣниться, да, вѣроятно, и перемѣнились. Вы теперь женщина богатая и свободная, ухаживать за вами не совсѣмъ честно; да и вы на каждаго вздыхателя должны смотрѣть, какъ на врага, который хочетъ отнять у васъ и то и другое, то есть, и богатство и свободу. Прежде, другое дѣло, вы были въ зависимомъ положеніи, да и оба мы было помоложе. (*Со вздохомъ*) Ахъ какое хорошее время было!

Купавина.

Такъ вы совершенно отказываетесь ухаживать за мной?

Беркутовъ.

Совершенно. А вамъ хотѣлось помучить меня, позабавиться? Незапирайтесь! Ужъ я вижу по глазамъ вашимъ. Ну, Богъ съ вами. Поберегите кокетство для другихъ обожателей: у васъ будетъ много. Побесѣдуемъ какъ дѣловые люди! Я пріѣхалъ продать усадьбу.

Купавина.

Что вамъ вздумалось? Родовое имѣніе...

Беркутовъ.

Такъ чтожъ, что родовое? Доходовъ очень мало, нѣтъ выгоды имѣть его, чистыя деньги мнѣ больше дадутъ.

Купавина.

И васъ ни что не привязываетъ къ мѣсту вашего рожденія, вамъ ничего не жаль здѣсь?

Беркутовъ.

Можетъ быть, и жаль, да разсчету нѣтъ.

Купавина.

Все разсчеты, разсчеты и нисколько сердца.

Беркутовъ.

Остываетъ оно съ годами-то, Евлампія Николаевна. Купите у меня имѣніе!

Купавина.

У меня денегъ нѣтъ, да я и плохая хозяйка.

Беркутовъ.

Вы скромничаете. У васъ все такъ хорошо, все въ такомъ цвѣтущемъ видѣ, вездѣ порядокъ, чистота.

Купавина.

Чистота дѣло женское и очень не мудреное; а какъ идетъ хозяйство у меня, я не имѣю и понятія. Бываютъ дѣла, которыя выше моего соображенія, я должна довѣряться постороннимъ людямъ и, конечно, могу быть обманута.

Беркутовъ.

Что-же, напримѣръ?

Купавина.

Да вотъ и теперь есть у меня дѣло, которое меня очень безпокоитъ.

Беркутовъ.

Если не секретъ, скажите.

Купавина.

Ни мало не секретъ, я даже хотѣла посовѣтоваться съ вами и просить вашей помощи.

Беркутовъ.

Всей душой радъ помочь вамъ, если только время позволитъ. Въ чемъ дѣло?

Купавина.

Разсказывать долго, а вотъ лучше прочтите письмо (*подаетъ письмо Мурзавецкой*).

Беркутовъ (*прочитавъ письмо, отдаетъ его назадъ*).

Прочелъ-съ.

Купавина.

Что же вы скажете?

Беркутовъ.

Надо узнать, какъ велика претензія, осмотрѣть документы.

Купавина.

Я слышала, двадцать пять тысячь. А потомъ?

Беркутовъ.

Потомъ поскорѣй заплатить деньги, чтобъ не доводить до процесса. На всякій случай надо имѣть тысячь тридцать. Есть у васъ?

Купавина.

Нѣтъ, у меня денегъ очень мало.

Беркутовъ.

Это вотъ дурно.

Купавина.

Вы меня пугаете.

Беркутовъ.

Нисколько не пугаю; зачѣмъ мнѣ васъ пугать. Я только объясняю вамъ ваше положеніе.

Купавина.

Какое-же мое положеніе?

Беркутовъ.

Незавидное. Вы очень богатая женщина, но эти тридцать тысячъ такъ могутъ разстроить ваше состояніе, что вамъ его никогда непоправить.

Купавина.

Почему-же?

Беркутовъ.

Вы должны! или заложить имѣніе въ Банкъ...

Купавина.

Вотъ и деньги!

Беркутовъ.

Но тогда почти всѣ доходы уйдутъ на проценты и вамъ самимъ мало останется на прожитіе.

Купавина.

Такъ закладывать не надо.

Беркутовъ.

Въ такомъ случаѣ надо продать часть имѣнія, лѣсъ напримѣръ. У васъ есть тысячи полторы десятинъ лѣсу?

Купавина.

Какъ полторы? Четыре тысячи.

Беркутовъ.

Въ другомъ мѣстѣ это огромное богатство, а здѣсь на лѣсъ цѣны низки: лѣсопромышленники дадутъ вамъ рублей по десяти за десятину, значитъ, надо продать его почти весь. А безъ лѣсу имѣніе стоитъ грошъ. Дадутъ и дороже десяти рублей, но съ разсрочкой платежа, по вырубкѣ, а вамъ нужны деньги сейчасъ. Вотъ какое ваше положеніе.

Купавина.

Да, я теперь вижу (*входитъ лакей*).

Лакей.

Василій Ивановичъ, васъ межевой спрашиваетъ. Говорилъ, что непремѣнно нужно васъ видѣть.

Беркутовъ (*Купавиной*).

Позвольте мнѣ въ вашемъ присутствіи сказать Горецкому десять словъ не болѣе. Я посылаю его въ Вологду межевать лѣса въ моемъ имѣніи.

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе. (*лакею*) Позови! (*лакей уходитъ*) Мы поговорить еще успѣемъ (*входитъ Горецкій*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Беркутовъ, Купавина, Горецкій.

Беркутовъ (*Горецкому*).

Что вамъ угодно?

Горецкій.

За мной дядя прислалъ, велитъ сейчасъ пріѣзжать. Какъ прикажете?

Беркутовъ.

Вы незнаете, зачѣмъ?

Горецкій.

Говорятъ, дѣло есть.

Беркутовъ (*подумавъ*).

Поѣзжайте и дѣлайте все, что вамъ прикажутъ. А между тѣмъ сбирайтесь; вы поѣдите завтра на параходѣ въ полдень. Утромъ вы мнѣ будете нужны, постарайтесь меня увидать прежде, чѣмъ я буду у Меропы Давыдовны, выходите ко мнѣ на встрѣчу, на дорогу.

Горецкій.

Хоть за пять верстъ, если прикажете.

Беркутовъ.

Такъ далеко не нужно. Только постарайтесь, чтобъ васъ незамѣтили, вообще не будьте очень откровенны, и не болтайте пустяковъ. Вы отдали пятьнадцать рублей Михаилу Борисычу?

Горецкій.

Сейчасъ въ саду отдамъ-съ. Денегъ мнѣ не дадите?

Беркутовъ.

Завтра утромъ пятьдесятъ рублей, а теперь ни гроша. Прощайте (*Горецкій кланяется, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Беркутовъ, Купавина.

Беркутовъ.

Виноватъ. Съ Горецкимъ я кончилъ, и весь къ вашимъ услугамъ.

Купавина.

Угодно вамъ продолжать нашъ разговоръ? Утѣшьте меня!

Беркутовъ.

Очень радъ, очень радъ. Я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ не сочлись съ Мурзавецкой, — вы видитесь съ ней часто. Надо было хорошенько разобрать дѣло, на слово никому вѣрить не должно, и сойтись на какую нибудь сдѣлку, склонить ее на уступку, на розсрочку, чтобъ расплатиться безъ затрудненій и безъ хлопотъ. Вы, какъ видно, неуспѣли привести въ ясность, ни имѣнія вашего, ни доходовъ, ни обязательствъ, которыя лежатъ на вашемъ имѣніи. Вы скажите: „я все пѣла“. Прекрасно. Съ васъ и требовать многаго нельзя, вы неопытны, ваше положеніе новое для васъ. Но неужели у васъ, кромѣ продажнаго подъячаго, не было ни близкихъ, ни знакомыхъ, ктобы могъ привести въ порядокъ дѣла по вашему имѣнію? Неужели вы ни въ комъ не видали участія къ вамъ, не имѣли ни отъ кого добраго совѣта?

Купавина.

Нѣтъ, имѣла.

Беркутовъ.

Да что-же?

Купавина.

Да непослушала.

Беркутовъ.

И даже не отвѣчали на письмо...

Купавина.

Довольно странное, въ которомъ...

Беркутовъ.

Было все, что нужно для васъ: дружеское участіе и практическіе совѣты.

Купавина.

Вы сердитесь на меня?

Беркутовъ (*съ улыбкою*).

Нѣтъ.

Купавина.

Такъ докажите, что не сердитесь и помогите мнѣ добрымъ совѣтомъ!

Беркутовъ.

Это, моя обязанность. Но примите-ли вы мой совѣтъ? Дайте мнѣ слово, что вы меня послушаете.

Купавина.

Связать себя словомъ, не зная...

Беркутовъ.

Не бойтесь, мой совѣтъ безкорыстенъ, я имѣю въ виду только вашу одну пользу.

Купавина.

Въ такомъ случаѣ я приму. Чтожъ вы мнѣ посовѣтуете?

Беркутовъ.

Выходите поскорѣе замужъ!

Купавина (*съ изумленіемъ*).

Замужъ? За кого?

Беркутовъ.

За Мурзавецкаго.

Купавина.

Вы меня оскорбляете.

Беркутовъ.

И въ помышленіи неимѣлъ ничего, кромѣ добраго расположенія къ вамъ.

Купавина.

Я, не знаю, какъ они осмѣлились! Намеки Меропы Давыдовны очень понятны были.

Беркутовъ.

Да отчего-жъ имъ не смѣть? Онъ дрянь мальчикъ; но вѣдь своихъ недостатковъ онъ не замѣчаетъ. Онъ дворянинъ, еще молодъ, можетъ получить кой что отъ тетки, и нельзя сказать, чтобы вы, съ вашимъ приданымъ, стояли для него очень высоко.

Купавина.

Вы или шутите, или хотите обидѣть меня.

Беркутовъ.

Ни то, ни другое; всякій умный человѣкъ скажетъ вамъ тоже, что я.

Купавина.

Такъ, по вашему, для меня единственное средство выдти за Мурзавецкаго?

Беркутовъ.

Не единственное, но лучше, чтобъ сохранить въ цѣлости имѣніе и не раззориться.

Купавина (*твердо*).

Такъ выходить? Я васъ рѣшительно спрашиваю?

Беркутовъ.

Да, выходите! Хорошо сдѣлаете, очень хорошо.

Купавина.

Какой тонъ у васъ равнодушный! Вы, какъ медикъ, приговариваете къ смерти безъ состраданія.

Беркутовъ.

Но, когда обращаются къ медику, такъ отъ него не состраданія требуютъ, а знанія своего дѣла и полезнаго совѣта.

Купавина.

Я могла надѣяться, судя по нашимъ прежнимъ отношеніямъ...

Беркутовъ.

Безпощадное время уноситъ все.

Купавина.

И по послѣднему письму...

Беркутовъ.

За послѣднее письмо извините! Собираясь сюда не на долго, и вѣроятно, въ послѣдній разъ, я хотѣлъ встрѣтиться со всѣми любезно и оставить по себѣ хорошее впечатлѣніе. Можетъ быть, я пересолилъ, впалъ въ пошлость.

Купавина.

Только?

Беркутовъ (*холодно*).

Только. Вы еще не овѣчали Мурзавецкой на письмо?

Купавина.

Нѣтъ.

Беркутовъ.

Надо отвѣчать.

Купавина.

Я не знаю, что.

Беркутовъ.

Это не мудрено. Если хотите, я вамъ помогу. Я завтра утромъ буду у Мурзавецкой и поговорю о вашемъ дѣлѣ; можетъ быть, оно и не такъ страшно, какъ кажется издали. Вы мнѣ довѣряете?

Купавина.

Я прошу васъ (*входитъ Лыняевъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Купавина, Беркутовъ, Лыняевъ.

Лыняевъ.

Ходилъ, ходилъ по саду, еще хуже, такъ и клонитъ.

Купавина.

Этому горю помочь очень легко. Мы съ Васильемъ Иванычемъ, пойдемъ писать письмо Мурзавецкой, а вы можете расположиться здѣсь, какъ вамъ угодно. Эту комнату мой мужъ нарочно и устроилъ для послѣобѣденныхъ отдыховъ; окна на сѣверъ, кругомъ зелень, тишина, мягкіе диваны.

Лыняевъ.

Именно все это мнѣ и нужно для того, чтобъ быть совершенно счастливымъ.

Купавина.

Такъ и будьте!

Лыняевъ.

Постараюсь (*Купавина и Беркутовъ уходятъ*). Кто что ни говори, а холостая жизнь очень пріятна. Вотъ теперь, напримѣръ, еслибъ я былъ женатъ, вѣдь жена помѣшала-бы спать. „Не спи, душенька, не хорошо, тебѣ нездорово, ты

отъ этого толстѣешь.“ А того и знать не хотятъ, какъ ея душенькѣ пріятно уснуть, когда сонъ клонитъ и глаза смыкаются *садится на диванъ подъ окномъ. Глафира изъ за портьеры, смотритъ на него страстнымъ, хищническимъ взглядомъ, какъ кошка на мышь*). А какъ хорошо просыпаться холостому. Какъ только откроешь глаза, первая мысль: что ты самъ себѣ господинъ, что ты свободенъ. Нѣтъ, я неисправимый холостякъ,—я свою дорогую свободу не промѣняю ни на какія ласки бархатныхъ ручекъ (*медленно склоняется къ нимъ головью. Глафира выйдя изъ за портьеры, обнимаетъ его одной рукой за шею и смотритъ ему прямо въ глаза. Лыняевъ, приподнимаясь, смотритъ на Глафиру съ испугомъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лыняевъ, Глафира.

Глафира (*поднося платокъ къ глазамъ*).

Что вы со мной сдѣлали?

Лыняевъ (*вставъ съ дивана и протирая глаза*).

Я? Нѣтъ, что это вы то со мной дѣлаете?

Глафира.

Я незнаю... я помѣшалась... я не помню ничего. А во всемъ вы виноваты, вы...

Лыняевъ.

Ни душой, ни тѣломъ.

Глафира.

Нѣтъ, вы... Я вамъ говорила...

Лыняевъ.

Чѣмъ я виноватъ, чѣмъ?

Глафира.

Я вамъ говорила, я васъ предупреждала, что сильная страсть можетъ вспыхнуть во мнѣ каждую минуту... Я такая нервная... Ну, вотъ, ну, вотъ!... А вы, зная мою страстность,...

Лыняевъ.

Да вѣдь я по вашему приказанію...

Глафира.

Я вамъ говорила... а вы сводили меня съ ума своими похвалами, цѣловали мои руки.

Лыняевъ.

Да вѣдь шутка, Глафира Алексѣевна... шутка...

Глафира.

Я вамъ говорила, что любовь, кромѣ страданій, ничего мнѣ не доставитъ... Я вѣдь вамъ говорила, а вы... Ну вотъ я не спала всю ночь, я полюбила васъ до безумія.

Лыняевъ.

Ахъ, вотъ бѣда-то! Ну, простите меня!

Глафира.

Я вамъ говорила, что, если ужъ я полюблю...

Лыняевъ.

Да говорили, кажется... но успокойтесь!

Глафира (*съ отчаяніемъ*).

Вы меня погубили.

Лыняевъ.

Ну, я, виноватъ, я каюсь. Ради Бога, извините! Я неумышленно... (*хочетъ поцѣловать у Глафиры руку*).

Глафира.

Не дотрогивайтесь до меня!... Я такая нервная...

Лыняевъ.

Но позвольте-жъ поцѣловать вашу ручьку на прощанье. И поѣзжайте, поѣзжайте...

Глафира.

Ахъ нѣтъ, оставьте... не трогайте!

Лыняевъ.

На прощанье! Я, покрайней мѣрѣ, буду знать...

Глафира.

Я такая нервная...

Лыняевъ.

Что вы меня непризнаете (*беретъ руку Глафиры*).

Глафира.

Я говорила вамъ...

Лыняевъ.

Вѣдь вы уѣдете?... Уѣдете? Ну, и поѣзжайте! (*цѣлуетъ руку Глафиры*).

Глафира.

Ахъ, я такая нервная... Ахъ, ахъ! (*бросается на шею Лыняеву и закрываетъ глаза*).

Лыняевъ.

Что же это вы? Глафира Алексѣевна! Глафира Алексѣевна!

Глафира (*открывъ глаза*).

Ахъ, сюда идутъ, кажется

Лыняевъ.

Они ходятъ по террасѣ.

Глафира.

Ахъ, ахъ (*закрываетъ глаза*).

Лыняевъ.

Глафира Алексѣевна, Глафира Алексѣевна, не безпокойтесь... они сюда не пойдутъ.

Глафира.

Вы меня погубили... Что подумаютъ! Куда мнѣ дѣться? другаго выхода нѣтъ.

Лыняевъ.

Да вы потише, не очень громко, а то...

Глафира.

Развѣ онѣ слышатъ? Спрячьте меня, спрячьте!

Лыняевъ.

Да куда-же мнѣ васъ?.. Развѣ за драпировку?..

Глафира.

Да вотъ они идутъ... Вы меня погубили...

Лыняевъ.

Да тише, ради Бога, тише!

Глафира.

Ахъ, что вы со мной сдѣлали. (*бросается ему на шею и закрываетъ глаза*)

(*Показываются въ дверяхъ: Беркутовъ и Купавина*).

ЯВЛЕНІЕ X

Лыняевъ, Глафира, Беркутовъ, Купавина, *потомъ* Лакей.

Беркутовъ.

Что я вижу! Другъ мой!

Купавина.

Михайло Борисычъ, Михайло Борисычъ! Вотъ вы какой! Ахъ притворщикъ!

Лыняевъ (*сквозь слезы*).

Ну, чтожъ! Ну, я женюсь. (*входитъ лакей*)

Лакей.

Глафира Алексѣевна, лошади готовы.

Глафира.

Ахъ, и люди тутъ! Что вы со мной сдѣлали? Что теперь Меропа Давыдовна?

Купавина.

Ахъ, бѣдная! Ты останься у меня!

Беркутовъ.

Не безпокойтесь! Я завтра буду у Меропы Давыдовны, я ей объясню все.

Лыняевъ (*чуть не плача*).

Ну, чтожъ, я женюсь. Ты такъ и скажи, пожалуйста! Скажи, что я женюсь.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Л и ц а:

Мурзавецкая.
Мурзавецкій.
Чугуновъ.
Беркутовъ.
Купавина.
Аѳуса.
Глафира.
Лыняевъ.
Павлинъ.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Павлинъ (*входитъ*) **Чугуновъ.**

Чугуновъ.

Здравствуй, Павлинушка!

Павлинъ.

Здравствуйте, сударь! Немножко раненько пожаловали.

Чугуновъ.

Такъ приказано. Дайко табачку-то!

Павлинъ (*подавая табакерку*).

Извольте, сударь.

Чугуновъ.

Встали?

Павлинъ.

Сѣли чай кушать. Да вотъ онѣ сами изволятъ (*входитъ Мурзавецкая. Павлинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Мурзавецкая, Чугуновъ, *потомъ* Павлинъ.

Мурзавецкая.

А, ты здѣсь ужъ? Здравствуй!

Чугуновъ.

Здравствуйте, матушка, Меропа Давыдовна! Какъ почивать изволили?

Мурзавецкая (*садясь*).

Ничего. Садись! (*Чугуновъ садится*) Гнать-бы мнѣ тебя надо было.

Чугуновъ.

За что-же, матушка?

Мурзавецкая.

Просимъ Бога избавить насъ отъ лукаваго, а лукавый вѣдь это ты.

Чугуновъ.

Гдѣ ужъ мнѣ, благодѣтельница! Умишка на такую должность не хватитъ. Мнѣ-бы только вамъ умѣть угодить, съ меня и довольно.

Мурзавецкая.

Письмо получила.

Чугуновъ.

Слушаю-съ.

Мурзавецная.

Пріѣдетъ сегодня. Несмѣяна-то царевна, испугалась.

Чугуновъ.

Чай, простите?

Мурзавецкая.

Нѣтъ, отомщу, отомщу. Грѣхъ на душу возьму, а отомщу (*стучитъ костылемъ*).

Чугуновъ.

Чѣмъ отомстить-то? Вы только грозите. А кто нынче угрозы-то боится?

Мурзавецкая.

Твое дѣло дьявольства-то придумывать! Что у тебя на умѣ, сказывай!

Чугуновъ.

Что сказывать-то, коли сердитесь.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, говори! Ты знаешь, я упряма; ужъ коли приказываю, такъ говори!

Чугуновъ.

Какъ вамъ угодно, а, по моему, простить нельзя-съ. Противъ благодѣтельницы своей да такая насмѣшка!

Мурзавецкая.

Да, да, вотъ!

Чугуновъ.

Вы кто у насъ въ губерніи-то? Каковъ-бы нибылъ Аполлонъ Викторычъ; да онъ вашъ племянникъ. Легко сказать, племянникъ Меропы Давыдовны! Много-ль такихъ-то особъ.

Мурзавецкая.

Ну, вотъ, подижъ-ты, какая герцогиня нашлась.

Чугуновъ.

Сама приглашала; вы тутъ дожидаетесь отвѣту, безпокоитесь, а тамъ его лакеи чуть не въ шею.

Мурзавецкая.

Да, да. (*Громко*) Аполлонъ, поди сюда!

Чугуновъ.

На что похоже, помилуйте! (*входитъ Мурзавецкій, одѣтъ по охотничьи, въ рукахъ ружье*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Мурзавецкая, Чугуновъ, Мурзавецкій.

Мурзавецкая.

Ты куда это?

Мурзавецкій.

Вальшнепы показались по садамъ, перебить надо.

Мурзавецкая.

Купавина тебя сама приглашала?

Мурзавецкій.

Сама, матантъ; я вамъ тогда говорилъ.

Мурзавецкая.

Да, можетъ быть, такъ мимоходомъ?

Мурзавецкій.

Мимоходомъ? Такъ на шею и бросается; ужъ я ее останавливалъ, говорилъ: лесе, не хорошо!

Чугуновъ.

Вотъ, вотъ она какая!

Мурзавецкая.

Можетъ быть, Аполлонъ и лжетъ, а все-же хоть что нибудь есть и правды.

Мурзавецкій.

Все правда, ма тантъ.

Мурзавецкая.

Ну, а дальше что?

Мурзавецкій.

А дальше малёръ. Мало того, что не пустила, а еще поставила засаду изъ лакеевъ. И еслибы не мой Тамерланъ, ну, адьё, монъ плезиръ! Только-бы вы меня и видѣли, ма тантъ. Левъ, а не собака: того за горло, другаго за горло, ну, и разбѣжались, и я живъ. Собака другъ. (*свищетъ*) Тамерланъ, иси! Другъ единственный!

Мурзавецкая.

Не надо, не надо, оглушилъ. Ступай, (*Мурзавецкій уходитъ въ переднюю*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мурзавецкая, Чугуновъ.

Мурзавецкая.

Чтожъ это такое, Вуколъ, а?

Чугуновъ (*нюхая табакъ*).

Насмѣшка.

Мурзавецкая.

Надъ кѣмъ?

Чугуновъ.

Надъ вами, видимое дѣло.

Мурзавецкая.

Отомстить-то ей я отомщу, ужъ найду случай, не умру безъ того; да мнѣ-бы теперь-то зло сорвать дороже всего.

Чугуновъ.

Надо теперь; что откладывать. Еще забудете, пожалуй.

Мурзавецкая.

Незабуду я, милый, незабуду никогда.

Чугуновъ.

Они теперь чай смѣются съ Лыняевымъ.

Мурзавецкая.

Да что ты меня дразнишь-то, сутяга! Затѣмъ что-ли я тебя позвала-то?

Чугуновъ.

Чѣмъ я васъ дразню, сами знаете, что смѣются.

Мурзавецкая.

Молодая бабенка, и ума-то не важнаго, смѣется надъ нами, какъ надъ дураками; а мы съ тобой, старые умники, сидимъ, да ничего сдѣлать ей не можемъ.

Чугуновъ.

Все можно сдѣлать, все.

Мурзавецкая.

Да что? Пусть пріѣдетъ да прощенья проситъ, вотъ что мнѣ нужно!

Чугуновъ.

И это можно.

Мурзавецкая (*стуча костылемъ*).

Хвастаешь, хвастаешь, приказная крыса.

Чугуновъ.

На колѣняхъ будетъ стоять.

Мурзавецкая.

Говорю, не дразни! Костылемъ вѣдь я тебя!

Чугуновъ.

Спасибо скажете, а не то что костылемъ.

Мурзавецкая.

Ну, бѣсъ воплощенный, что у тебя за каверзы, говори!

Чугуновъ (*вынимая бумагу*).

А вотъ покажите-ко ей, пусть посмотритъ!

Мурзавецкая (*взявъ бумагу*).

Что это? Письмо къ Аполлону.

Чугуновъ.

Извольте прочитать.

Мурзавецкая (*читаетъ*).

„Милостивый государь, Аполлонъ Викторычъ! По дѣламъ моимъ съ покойнымъ родителемъ вашимъ, я остался долженъ ему въ разное время тысячъ до тридцати, что вы можете усмотрѣть изъ конторскихъ книгъ и счетовъ, если таковые сохранились. Но весьма можетъ быть, что, по извѣстной небрежности вашего родителя, въ его бумагахъ не осталось никакихъ слѣдовъ моего долга. Я нисколько не желаю скрывать оный и лишать васъ удовлетворенія; на каковой конецъ и прилагаю при семъ узаконенной формы документъ“... Такъ ты вотъ что придумалъ! А про Сибирь-то забылъ?

Чугуновъ.

Да что за пропасть! Только и слышу отъ всѣхъ, что Сибирь, да Сибирь.

Мурзавецкая.

Дѣла твои, милый, такія; оттого и слышать тебѣ часто приходится.

Чугуновъ (*вынувъ изъ кармана векселя*).

Вотъ и векселя!

Мурзавецкая.

Готово ужъ? Нѣтъ, Вуколъ, въ тебѣ дьяволъ сидитъ. Какъ васъ Скаріотовъ земля терпитъ? А что за книга это у тебя?

Чугуновъ.

Конторская старая; тутъ и счеты есть. Изъ кладовой мы ее достали, отсырѣла она, пятнышками пошла. Векселя у меня въ ней всю ночь лежали, да и теперь пусть лежатъ, да выцвѣтаютъ; а то свѣжи чернила-то. Да тутъ имъ и быть слѣдуетъ. (*беретъ векселя у Мурзавецкой*) Поглядите, какая чистота-то!

Мурзавецкая.

Что глядѣть-то, дьяволъ тебѣ помогаетъ.

Чугуновъ.

Только это и слышу отъ васъ. (*кладетъ векселя въ книгу и отдаетъ Мурзавецкой*).

Мурзавецкая.

Да какъ-же не дьяволъ! Развѣ человѣкъ самъ на такую гадость рѣшится? Да хоть-бы и рѣшился, такъ одному, безъ дьявола несъумѣть.

Чугуновъ.

Думаешь угодить, а вы браните. Вотъ житье-то мое!

Мурзавецкая.

Полно хныкать-то!

Чугуновъ.

Да право! Лучше отдайте, я ихъ уничтожу.

Мурзавецкая.

Ну, какъ не отдать! Говори, крыса, что мнѣ съ ними дѣлать-то!

Чугуновъ.

Евлампія Николаевна пріѣдетъ, вы покажите векселя, да построже обойдитесь. Уплатите, молъ, немедленно, а то ко взысканію подамъ. Ну, ужъ тутъ она вся въ вашихъ рукахъ, что хотите, то съ ней и дѣлайте.

Мурзавецкая.

Ну, да, ну, да! Пугнуть только; а то неужтожъ въ Судъ представлять! Вѣдь они фальшивые. (*Кладетъ книгу на столъ*).

Чугуновъ.

А какъ сдѣланы-то, заглядѣнье! Эхъ! представить-бы ихъ завтра къ Мировому, — къ вечеру исполнительный листъ готовъ; а то письма пишите, грозите, предупреждаете только. Пожалуй, и довѣренность мою уничтожатъ.

Мурзавецкая.

Противъ своей барыни-то! Хорошъ управляющій!

Чугуновъ.

Я ужъ себя обезпечилъ, на пустошь денегъ добылъ. Что мнѣ ее жалѣть-то! Всѣ тридцать тысячъ взыскали-бы, мнѣ двадцать процентиковъ.

Мурзавецкая.

Да какъ ты посмѣлъ ротъ-то разинуть! Кому ты говоришь? Благородной дамѣ ты такія подлости предлагаешь!.. Такъ бы вотъ тебя по лысинѣ-то и огрѣла. Да и стоитъ. (*прислушиваясь*) Никакъ кто то подъѣхалъ! Поди, закуси что нибудь! Я тебя послѣ позову. (*Чугуновъ уходитъ. Входитъ Павлинъ*).

Павлинъ.

Василій Ивановичъ Беркутовъ.

Мурзавецкая.

Какой такой Беркутовъ? Да, да, да, помню. Проси! (*Павлинъ уходитъ. Входитъ Беркутовъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мурзавецкая, Беркутовъ.

Беркутовъ.

Честь имѣю представиться! Изволите помнить?

Мурзавецкая.

Ну, какъ батюшко, Василій Ивановичъ, не помнить! Милости прошу садиться! (*Беркутовъ садится*) Давно пріѣхали?

Беркутовъ.

Третьяго дня вечеромъ. Извините! Вчера же хотѣлъ быть у васъ, да очень усталъ съ дороги. Еще въ Петербургѣ поставилъ для себя долгомъ, по пріѣздѣ сюда, ни мало не откладывая, явиться къ вамъ, засвидѣтельствовать свое почтеніе, и сообщить, что молва о вашей подвижнической жизни, о вашихъ благодѣяніяхъ, достигла уже и до столицъ.

Мурзавецкая.

Благодарю, батюшко!

Беркутовъ.

Кромѣ того, мнѣ, какъ пріѣзжему, любопытно знать житье-бытье въ нашей губерніи; а отъ кого же я могу получить болѣе вѣрныя свѣдѣнія и болѣе справедливые отзывы, какъ не отъ васъ.

Мурзавецкая.

Ужъ кому-жъ и знать наши дѣла, какъ не мнѣ?

Беркутовъ.

Какъ у насъ земство, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая.

Ну, что! Черезъ пень колоду валятъ.

Беркутовъ.

А что же-бы къ вамъ за совѣтомъ?

Мурзавецкая.

Всѣ сами умники, поѣдутъ они къ старухѣ, какъ-же!

Беркутовъ.

Положимъ, что между ними есть люди и не глупые, но вѣдь у васъ только могутъ они занять опытность, знаніе жизни народной и нуждъ здѣшняго края. Нѣтъ, еслибъ я сталъ служить здѣсь...

Мурзавецкая.

А кто-жъ мѣшаетъ?

Беркутовъ.

Дѣла есть неоконченныя. Я-бы, разумѣется, сталъ баллотироваться на болѣе видныя должности.

Мурзавецкая.

Да сдѣлайте милость! Вотъ у насъ скоро выборы будутъ въ предводители, въ предсѣдатели Земской Управы...

Беркутовъ.

Я вѣдь только къ тому говорю, Меропа Давыдовна, что, если-бы я служилъ, я-бы безъ вашего совѣта ничего не сдѣлалъ.

Мурзавецкая.

Послушай-ко, Василій Ивановичъ, ужъ извини меня, старуху, баллотируйся!

Беркутовъ.

И своимъ-то умомъ Богъ необидѣлъ, да съ вашими-бы совѣтами... да тогда вся губернія была-бы у насъ съ вами въ рукахъ.

Мурзавецкая.

Говорю тебѣ, баллотируйся! Чего тебѣ бояться?

Беркутовъ.

Да, мнѣ бояться нечего: я здѣсь со всѣми въ ладу. Хоть ребячествъ Лыняева и всей ихъ компаніи я и не одобряю, а все-таки не ссорюсь и съ ними.

Мурзавецкая.

Именно, ребячества, вотъ ужъ вѣрное-то слово ты сказалъ.

Беркутовъ.

Разумѣется, я душою всегда буду съ вами, въ вашей партіи.

Мурзавецкая.

Ну, такъ мы тебя и запишемъ, значитъ, нашего полку прибыло.

Беркутовъ.

Я подумаю, Меропа Давыдовна, подумаю. Позвольте вамъ услужить. Я съ собой привезъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія.

Мурзавецкая.

Сдѣлай милость, одолжи.

Беркутовъ.

Да я вамъ ихъ подарю (*вставъ*) Честь имѣю кланяться. Мнѣ нужно сдѣлать въ городѣ нѣсколько визитовъ. Я еще заѣду къ вамъ и не одинъ разъ, если позволите. Бесѣда съ вами такъ назидательна (*раскланивается*).

Мурзавецкая.

Милости прошу во всякое время.

Беркутовъ.

Ахъ, извините! У меня есть къ вамъ небольшая просьба!

Мурзавецкая.

Что такое, батюшко? Очень рада служить, чѣмъ могу.

Беркутовъ.

Я имѣю порученіе отъ сосѣдки моей, Евлампіи Николаевны. Дѣло-то не важное.

Мурзавецкая.

Какъ не важное? Нѣтъ, ужъ это она напрасно такъ думаетъ.

Беркутовъ.

Во первыхъ, она проситъ у васъ извиненія и сама сегодня будетъ у васъ.

Мурзавецкая.

Вотъ такъ-то лучше, давно-бы ей догадаться.

Беркутовъ.

А что касается до долга ея мужа вашему покойному брату, или теперь вашему племяннику, такъ неизвѣстно, признавалъ-ли господинъ Купавинъ этотъ долгъ,

Мурзавецкая.

Признавалъ, самъ признавалъ, какъ-же.

Беркутовъ.

Да почемъ вы знаете?

Мурзавецкая.

Письмо есть.

Беркутовъ.

Послушайте, Меропа Давыдовна, и вы этому вѣрите?

Мурзавецкая.

Да какъ не вѣрить, коли и документы и все у меня на лицо.

Беркутовъ.

Какіе-же они негодяи! Что они съ вами дѣлаютъ?

Мурзавецкая.

Кто это, кто?

Беркутовъ.

Племянничекъ вамъ, Аполлонъ и компанія.

Мурзавецкая.

Да вы незабывайтесь, милостивый государь! Вы у меня въ домѣ.

Беркутовъ.

Нѣтъ, гоните его, гоните всѣхъ ихъ скорѣе!

Мурзавецкая.

Онъ дворянинъ... Да еслибы онъ слышалъ! Да и я... вѣдь я его тетка. Или извольте замолчать...

Беркутовъ.

Позвольте! Я васъ понимаю: у васъ такое любящее сердце, вы и неподозрѣваете всей гнустности...

Мурзавецкая.

Нѣтъ, увольте меня отъ вашихъ разговоровъ! Сдѣлайте одолженіе, увольте! Прошу васъ, увольте!

Беркутовъ.

Что они? Имъ терять нечего. А этакую даму, почтенную, видѣть на скамьѣ подсудимыхъ! Вся губернія будетъ смотрѣть....

Мурзавецкая (*въ испугѣ*).

Какъ, на скамьѣ подсудимыхъ?

Беркутовъ.

Я вамъ сейчасъ объясню: скрывать не зачѣмъ, ужъ все это теперь многимъ извѣстно; завтра дойдетъ до Прокурора, начнется слѣдствіе. Главный виновникъ, Горецій, ничего нескрываетъ, его, должно быть, скоро арестуютъ.

Мурзавецкая.

Да что такое, что?

Беркутовъ.

Написаны фальшивые векселя на покойнаго Купавина, сдѣлано это вчера, я подозрѣваю вашего племянника, не васъ-же подозрѣвать, въ самомъ дѣлѣ.

Мурзавецкая.

Нѣтъ, нѣтъ, не меня, не меня.

Беркутовъ.

Написали письмо отъ имени Купавина вашему племяннику и два векселя, достали изъ кладовой старую конторскую книгу и положили ихъ туда (*увидавъ на столѣ книгу*). Вотъ въ такую книгу (*беретъ книгу и развертываетъ*). Да вотъ они, здѣсь. И въ книгѣ счетъ выведенъ... помарки, почистки. Прекрасно! Вещественныя доказательства...

Мурзавецкая.

Батюшко, не погуби!

Беркутовъ.

Теперь моя главная забота: спасать васъ.

Мурзавецкая.

Спасай меня, батюшко, спасай! Въ ножки поклонюсь!

Беркутовъ.

Небезпокойтесь! Я постараюсь всѣми силами потушить это дѣло. Васъ очень жаль! Чѣмъ вы виноваты!

Мурзавецкая.

Ничѣмъ, батюшко, ничѣмъ.

Беркутовъ.

Еще есть письмо, по которому вы получили тысячу рублей.

Мурзавецкая.

Ужъ неупомню, батюшко, неупомню; память плоха стала.

Беркутовъ.

Я вамъ напомню (*вынул изъ кармана письмо*). Вотъ оно! Оно того-же мастера. Вамъ надо будетъ деньги возвратить.

Мурзавецкая.

Гдѣ-жъ я возьму, ужъ я ихъ всѣ раздала бѣднымъ, они теперь Бога молятъ... не отнимать-же у нихъ.

Беркутовъ.

Разумѣется, вы были въ заблужденіи; но, чтожъ дѣлать, возвратить, придется если дѣло дойдетъ до Суда. Впрочемъ, вы пока не безпокойтесь, выкиньте все это изъ головы!

Мурзавецкая.

И рада-бъ выкинула, да нейдетъ. Ошеломилъ, да и говоритъ: изъ головы выкиньте!

Беркутовъ.

Развлеките себя! Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

Мурзавецкая.

Боюсь я, голубчикъ, Окружнаго-то Суда; страсть, какъ боюсь.

Беркутовъ.

Ну, можетъ быть, дѣло какъ нибудь и уладится. Вотъ вамъ новость! Лыняевъ сдѣлалъ предложеніе Глафирѣ Алексѣевнѣ.

Мурзавецкая.

Да ну ихъ! Что это сердце-то какъ дрожитъ. Изловила таки она его!

Беркутовъ.

И, кажется, очень ловко.

Мурзавецкая.

По дѣломъ ему! Ничего мнѣ его не жаль! Не унимается сердце-то. А вы-то холостой?

Беркутовъ.

Холостой.

Мурзавецкая.

Чтожъ не женитесь?

Беркутовъ.

Сначала дѣла мѣшали, а теперь невѣсты не найду. Посватайте!

Мурзавецкая.

Кого-бъ тебѣ посватать? Вотъ въ виски вступило. Да чего-жъ лучше, сосѣдка твоя Евлампія Наколаевна.

Беркутовъ.

Она, кажется, не очень расположена ко мнѣ; а я-бы не прочь.

Мурзавецкая.

Такъ сватать, что-ли?

Беркутовъ.

Сватать-не сватать, а я-бы попросилъ васъ поговорить съ ней по ласковѣе, узнать ее мнѣніе,—посовѣтовать ей.

Мурзавецкая.

Да ужъ не учи, я не глупѣй тебя на эти дѣла. Только ты меня выручи! Да вотъ тысяча-то рублей...

Беркутовъ.

Вы для меня, а я для васъ. Евлампія Николаевна должна сейчасъ пріѣхать, а вмѣстѣ съ ней и Глафира Алексѣевна и Лыняевъ.

Мурзавецкая.

Такъ ужъ ты меня извини, я пойду распоряжусь. Надо завтракъ приготовить и кофей, жениха то принять; вѣдь племянникъ будетъ.

Беркутовъ.

Обо мнѣ не безпокойтесь! Мнѣ-бы нужно сейчачъ-же видѣть Чугунова.

Мурзавецкая.

Да онъ, каторжный, тутъ. Я его сейчасъ пошлю. Вуколъ, Вуколъ! Да вотъ онъ (*Мурзавецкая уходитъ. Входитъ Чугуновъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Беркутовъ, Чугуновъ.

Беркутовъ.

Здравствуйте, Вуколъ Наумычъ! (*подаетъ руку*).

Чугуновъ.

Мое почтеніе, Василій Иванычъ! Давно ли пожаловать изволили-съ?

Беркутовъ.

Только что пріѣхалъ. Очень пріятно васъ видѣть. Какъ поживаете, Вуколъ Наумычъ?

Чугуновъ.

Благодареніе создателю, Василій Иванычъ, не жалуюсь.

Беркутовъ.

Душевно радъ. Я васъ отъ дѣла не отвлекаю ли? Мнѣ желательно поговорить съ вами нѣсколько минутъ.

Чугуновъ.

Сколько вамъ угодно. Готовъ служить.

Беркутовъ.

Нужно мнѣ, почтеннѣйшій Вуколъ Наумычъ, нѣкоторыя свѣдѣнія собрать на счетъ здѣшней мѣстности.

Чугуновъ.

Да-съ? (*вынувъ табакерку*). Не прикажете-ли?

Беркутовъ.

Не нюхаю; а впрочемъ позвольте! (*Нюхаетъ*). Чѣмъ это онъ пахнетъ?

Чугуновъ.

Жасминомъ-съ. Нарочно произращаю: и цвѣтокъ пріятно имѣть въ домѣ на окнѣ, и запахъ-съ. Хорошіе табаки стали изъ моды выходить. Прежде былъ табакъ подъ названіемъ: „Собраніе любви“, вотъ, я вамъ доложу, Василій Иванычъ, табакъ былъ... Такъ что же вамъ угодно на счетъ мѣстности?

Беркутовъ.

Видите-ли, поговариваютъ о Сибирской желѣзной дорогѣ; мы, какъ здѣшніе помѣщики, заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, — и если нѣтъ никакихъ физическихъ препятствій, горъ, напримѣръ...

Чугуновъ.

Препятствій и горъ нѣтъ-съ, плоская губернія. Только что же мы будемъ доставлять въ Сибирь, какіе продукты?

Беркутовъ.

Продукты есть, Вуколъ Наумычъ!

Чугуновъ.

Интересно послушать-съ.

Беркутовъ.

Я думаю, вамъ случалось читать въ газетахъ, что, въ послѣднее время, много стало открываться растратъ, фальшивыхъ векселей и другихъ бумагъ, подлоговъ и вообще всякаго рода хищничества. Ну, а по всѣмъ этимъ операціямъ находятся и виновные; такъ вотъ эти-то продукты мы и будемъ посылать въ Сибирь, Вуколъ Наумычъ.

Чугуновъ.

Шутить изволите.

Беркутовъ.

Какія шутки! Да вотъ, не далеко ходить, сейчасъ одинъ молодой человѣкъ самъ сознался, что надѣлалъ фальшивыхъ векселей.

Чугуновъ (*качая головой*).

Скажите пожалуйста, какія дѣла творятся на бѣломъ свѣтѣ!

Беркутовъ.

Какъ его фамилія-то? Горецкій, кажется.

Чугуновъ.

Горецкій... позвольте! Есть такой, есть-съ... слыхалъ.

Беркутовъ.

Онъ говоритъ, что его принудили, и черновые представилъ, съ которыхъ его списывать заставляли.

Чугуновъ.

Очень нужно путать людей! Не понимаю. Вѣдь ужъ ему не легче отъ того будетъ. Молодъ еще.

Беркутовъ.

Онъ еще сознался, что вексель на госпожу Купавину писалъ, а Евлампія Николаевна сегодня заявляетъ, что у нея похищенъ бланкъ.

Чугуновъ.

Какія дѣла-то!

Беркутовъ.

Вотъ что, Вуколъ Наумычъ, не съ вами-ли вексель-то? А коль не съ вами, такъ принесите его поскорѣй!

Чугуновъ.

Нѣтъ, зачѣмъ-же-съ. Я вамъ очень благодаренъ, Василій Ивановичъ.

Беркутовъ.

За что же?

Чугуновъ.

Предупредили. Я теперь вексель уничтоженію предамъ. Пусть Горецкій путаетъ, а я и знать не знаю, у меня и не было никакого.

Беркутовъ.

Жаль, вамъ, хоть не всю сумму, а все таки что нибудь получить надо-бы по этому векселю.

Чугуновъ.

Да конечно, Василій Ивановичъ, надо-бы. Вѣдь какой благородный поступокъ-то съ моей стороны! Выдаютъ бланки, зря... Да другой-бы, помилуйте... Кому-жъ нужно отъ своего счастья отказываться!

Беркутовъ.

Справедливо, Вуколъ Наумычъ, справедливо. Да и Евлампію Никилаевну надо наказать, чтобы она была впередъ осторожнѣе.

Чугуновъ.

Надо наказать, Василій Ивановичъ, надо. Какъ это можно бланки выдавать! Отберутъ имѣніе то какъ разъ. Вотъ

я только три тысячи написалъ; а вѣдь у всякаго-ли совѣсть-то такая, какъ у меня

Беркутовъ.

Укоротить вексель-то немного, Вуколъ Наумычъ: напишите, что получили часть въ уплату; а остальныя Евлампія Николаевна заплатитъ. Доставайте вексель! Вотъ чернила и перо!

Чугуновъ.

Слушаю-съ. (*вынимаетъ вексель, надѣваетъ очки, беретъ перо,* Какъ писать прикажите, Василій Ивановичъ?

Беркутовъ.

По сему векселю получено въ уплату двѣ тысячи...

Чугуновъ.

Тысячу рублей только оставляете? Маленько, Василій Ивановичъ.

Беркутовъ.

Нѣтъ, и тысячи рублей много, Вуколъ Наумычъ.

Чугуновъ.

А какое благородство съ моей стороны!

Беркутовъ.

Вотъ мы его и оцѣнимъ, какъ слѣдуетъ. (*диктуетъ*) Получено въ уплату двѣ тысячи пятьсотъ...

Чугуновъ.

Только пятьсотъ! Ужъ это даже нѣсколько и обидно.

Беркутовъ.

Нѣтъ, и не пятьсотъ, а меньше. Пишите, пишите! Двѣ тысячи пятьсотъ пятьдесятъ рублей. Почему я прибавилъ эти пятьдесятъ рублей, я вамъ скажу послѣ. Остальныя получите.

Чугуновъ (*положивъ вексель въ карманъ*).

Покорнѣйше васъ благодарю, чувствительнѣйшую вамъ приношу благодарность.

Беркутовъ.

Когда вашъ племянникъ разсказалъ мнѣ всѣ дѣла и ваши черновыя представилъ, я сначала хотѣлъ ѣхать къ Прокурору.

Чугуновъ.

Нѣтъ, зачѣмъ къ Прокурору! Вамъ, Василій Ивановичъ, въ такія грязныя дѣла путаться какой разсчетъ? Только срамъ.

Беркутовъ.

А потомъ разсудилъ переговорить прежде съ Меропой Давыдовной и съ вами.

Чугуновъ.

Очень хорошо и основательно поступили. Мало чтоль у Прокурора дѣлъ-то и безъ нашихъ!

Беркутовъ.

А чтобъ вашъ племянникъ не болталъ тутъ, чего не нужно... Онъ какой-то сорви-голова!

Чугуновъ.

Шальной мальчишко!

Беркутовъ.

Я его отправилъ въ Вологду обойти мои лѣса, онъ ужъ теперь катитъ на параходѣ. На дорогу я ему далъ пятьдесятъ рублей; а вѣдь это ваша была обязанность, Вуколъ Наумычъ; вотъ эти-то пятьдесятъ рублей я у васъ и вычелъ.

Чугуновъ.

Очень хорошо-съ. Долго-ли погостите у насъ, Василій Иванычъ?

Беркутовъ.

Еще не знаю. Какъ дѣла позволятъ.

Чугуновъ.

Коли будетъ какое дѣлишко, такъ не обойдете, по старому знакомству!

Беркутовъ.

Непремѣнно, Вуколъ Наумычъ, непремѣнно.

Чугуновъ.

Вотъ гости должно быть. До пріятнаго свиданія-съ (*уходитъ. Входятъ: Купавина и Аѳуса, изъ гостинной выходитъ Мурзавецкая*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Беркутовъ, Мурзавецкая, Купавина, Аѳуса.

Мурзавецкая (*Купавиной*).

Ну, вотъ и хорошо сдѣлала, что пріѣхала, родная моя. Старшихъ уважай!

Купавина.

Я очень жалѣю, Меропа Давыдовна, что подала вамъ поводъ къ неудовольствію.

Мурзавецкая.

Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Беркутовъ.

Евлампія Николаевна, я ваше порученіе исполнилъ.

Купавина.

Блогодарю васъ.

Беркутовъ.

Меропа Давыдовна и племянникъ ея считаютъ себя совершенно удовлетворенными и никакихъ претензій на васъ болѣе неимѣютъ. Такъ ли, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая.

Онъ правду говоритъ, правду. Посылай такихъ адвокатовъ, такъ всегда изъ воды суха выдешь.

Купавина.

Значитъ, я всѣмъ обязана вамъ. Сколько-же я вамъ должна?

Беркутовъ.

Сочтемся послѣ, Евлампія Николаевна.

Мурзавецкая (*Беркутову*).

Пошелъ-бы ты, закусилъ что нибудь! Времени-то много, чай, съ утра изъ усадьбы-то? Подико, мать Аѳуса, похозяйничай за меня! Мы сейчасъ придемъ.

Аѳуса.

Да, ужъ... съ дороги-то... и я ужъ... (*уходятъ Беркутовъ и Аѳуса*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мурзавецкая, Купавина.

Мурзавецкая.

Извини меня, другъ мой, что я строго такъ обошлась съ тобою! Я вѣдь люблю.

Купавина.

Я не понимаю, чѣмъ я виновата... Вы дѣлаете такія угрозы...

Мурзавецкая.

И всегда буду дѣлать угрозы и всегда. Нѣтъ, ты виновата, виновата, у меня сердце болитъ глядѣть на тебя. Еще не такъ тебя надо пугнуть.

Купавина.

Да чѣмъ же я виновата?

Мурзавецкая.

Зачѣмъ живешь одна? Отчего замужъ невыходишь? Что хорошаго? Только дѣла запутываешь, да имѣніе разстроиваешь. На Чугунова-то плоха надежда.

Купавина.

Да вѣдь вы сами его рекомендовали.

Мурзавецкая.

А развѣ въ нихъ влѣзешь. Онъ вотъ плутъ оказывается нарядный.

Купавина (*подумавъ*).

Нѣтъ, какъ хотите, я за него не пойду; я не чувствую къ нему никакого расположенія.

Мурзавецкая.

Къ кому?

Купавина.

Къ Аполлону Выкторычу!

Мурзавецкая.

Да кто тебя неволитъ! Я думала, что ты его любишь; а нѣтъ, такъ и не надо. Твоя воля, выбирай любаго!

Купавина.

Изъ кого выбирать-то?

Мурзавецкая.

Подумай! Да ты-бы не прочь, кабы нашелся хорошій человѣкъ?

Купавина.

Отчего-же нейти! Я и сама вижу, что мое хозяйство плохо.

Мурзавецкая (*тихо*).

Беркутовъ-то долго здѣсь проживетъ?

Купавина.

Нѣтъ, онъ на нѣсколько дней. Да въ немъ никакого расположенія ко мнѣ не замѣтно.

Мурзавецкая.

Жаль. А я, было, ужь...

Купавина.

Нѣтъ, какъ можно навязываться!

Мурзавецкая.

Ну, а если онъ самъ...

Купавина.

Нѣтъ, ему нужно побогаче.

Мурзавецкая.

Ну да, ахъ, Боже мой! Мало-ль что? Можетъ, вдругъ фантазія придетъ.

Купавина.

Не знаю.

Мурзавецкая.

Разумѣется, коли онъ на нѣсколько дней, да и неухаживаетъ...

Купавина.

Нисколько. И не думаетъ ухаживать.

Мурзавецкая.

Такъ нечего дѣлать. Знаешь что? Нѣтъ-ли у него въ Питерѣ какой?

Купавина.

Дожно быть, есть.

Мурзавецкая.

Какая нибудь изъ нѣмковъ. Ну, мы хоть такъ поговоримъ съ тобой... А еслибъ онъ?

Купавина.

Право я не знаю, что вамъ сказать.

Мурзавецкая.

Да чего стыдиться-то! Мнѣ то ты скажи!

Купавина.

Да зачѣмъ вамъ?

Мурзавецкая.

Развѣ ты меня не знаешь? Страсть моя знать все на свѣтѣ и соваться во всѣ дѣла, гдѣ меня не спрашиваютъ.

Купавина.

Да отчего-жъ?.. Я бы съ удовольствіемъ.

Мурзавецкая.

Вотъ и ладно. (*Громко*) Василій Ивановичъ, поди сюда!

Купавина.

Ахъ, позвольте! Что вы?

Мурзавецкая.

Молчи ужъ! Мнѣ только твое желаніе надо было знать, ты мнѣ дорога-то; а на нихъ нечего смотрѣть! Я умѣю съ ними обращаться, вотъ посмотри! Только ужъ помни русскую пословицу: давши слово, держись, а недавши, крѣпись! Василій Ивановичъ! (*входитъ Беркутовъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Мурзавецкая, Купавина, Беркутовъ.

Мурзавецкая.

Василій Ивановичъ, цѣлуй ручку у Евлампіи Николаевны!

Беркутовъ.

Готовъ всегда съ величайшимъ удовольствіемъ.

Мурзавецкая.

Богъ васъ благословитъ.

Беркутовъ.

Что значатъ эти слова ваши, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая.

А то, что я тебя женить хочу. Что живешь, только небо коптишь!

Беркутовъ.

Ужъ очень вы много власти берете надо мной, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая.

Извини, голубчикъ! Вижу я сиротство твое, родныхъ у тебя нѣтъ; надо и объ тебѣ кому нибудь позаботиться.

Беркутовъ.

Хорошо, Меропа Давыдовна, что я люблю Евлампію Николаевну и люблю давно; а еслибъ не такъ, вы-бы поставили насъ въ затруднительное положеніе.

Мурзавецкая.

Въ затруднительное? Ошибаешься (*стучитъ костылемъ*). Ошибаешься, говорю тебѣ. Я лучше васъ знаю, что вамъ нужно: что тебѣ нужно, что ей. Ея душа мнѣ извѣстна, я въ нее, какъ въ зеркало смотрю: вотъ я сейчасъ вижу, что она тебя любитъ. И тебѣ пора остепениться. Денегъ что-ль большихъ ищешь? Такъ стыдно тебѣ. А ты душу ищи!

Беркутовъ.

Слушаю, Меропа Давыдовна, слушаю-съ.

Мурзавецкая.

Вы, питерскіе, думаете, что васъ и рукой не достанешь, что вамъ у насъ и пары нѣтъ; а вотъ есть.

Беркутовъ (*склонивъ голову*).

Евлампія Николаевна?

Мурзавецкая (*Купавиной*).

Что молчишь? Ну такъ я за тебя скажу. Она рада радехонька.

Купавина.

Я женщина простая, хитрить не могу; я не умѣла скрыть своихъ чувствъ передъ Меропой Давыдовной, не буду скрывать и передъ вами.

Беркутовъ.

Благодарю васъ за счастіе, которое вы мнѣ доставляете. (*цѣлуетъ руку Купавиной*) Прошу васъ зачислить меня вашимъ управляющимъ, это дѣло не терпитъ отлагательства.

Купавина.

Сдѣлайте одолженіе (*входитъ Чугуновъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Мурзавецкая, Купавина, Беркутовъ, Чугуновъ *потомъ* Павлинъ.

Беркутовъ (*Купавиной*).

Вотъ вашъ кредиторъ, вы ему должны по векселю.

Купавина.

Я ничего не должна Вуколу Наумычу.

Чугуновъ (*цѣлуя руку Купавиной*).

За службу мою, за усердіе векселекъ выдали.

Купавина.

Я вамъ всегда деньгами платила.

Чугуновъ.

Запамятовали, сударыня, запамятовали.

Беркутовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Евлампія Николаевна, долго-ли забыть! Вуколъ Наумычъ дѣйствительно заслуживаетъ награды, онъ человѣкъ старательный. Приходите завтра, вы получите все, что слѣдуетъ! Благодарите Евлампію Николаевну.

Чугуновъ.

Завтра со всѣми дѣтьми приду, въ ноги кланяться заставлю (*входитъ Павлинъ*).

Павлинъ.

Михайло Борисычъ и Глафира Николаевна!

(*Уходитъ, входятъ Лыняевъ и Глафира.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Мурзавецкая, Купавина, Беркутовъ, Чугуновъ, Глафира, Лыняевъ, *потомъ* Анюса, Павлинъ.

Мурзавецкая.

Вотъ какъ! Ужъ и вмѣстѣ?

Глафира.

Да чего-жъ мнѣ церемониться, Меропа Давыдовна? Мишель очень дорогъ для меня, я не хочу съ нимъ разставаться ни на минуту.

Мурзавецкая.

Ну, будущая мадамъ Лыняева, просимъ любить да жаловать! Садитесь!

Лыняевъ.

Меропа Давыдовна, извините меня, что я поторопился предложить руку Глафирѣ Алексѣевнѣ, не спросивъ вашего дозволенія!

Мурзавецкая.

Невиновата я, батюшка, ни въ чемъ невиновата.

Лыняевъ.

Я васъ и не виню, я прошу меня извинить.

Глафира.

Онъ хочетъ поблагодарить васъ. (*Лынясву*) Чтожъ ты молчишъ, Мишель?

Лыняевъ (*со вздохомъ*)

Да-съ, поблагодарить...

Глафира.

Ему особенно понравилась во мнѣ моя кротость (*бросая Лынясву шаль*). На, Мишель, подержи шаль! (*Мурзавецкой*) Мое смиреніе. (*Лынясву*) Возьми хорошенько, не мни! (*Мурзавецкой*) моя скромность. А всѣмъ этимъ я обязана вамъ. (*Лынясву*) Ты все молчишь, Мишель, такъ ужъ я за тебя говорю.

Лыняевъ.

Благодаренъ, Меропа Давыдовна, очень благодаренъ.

Мурзавецкая.

Объ одномъ, батюшко, я тебя прошу: не пеняй ты на меня, своя воля была. Вотъ эту пару ужъ точно я сосватала, вотъ за нихъ должна буду Богу отвѣчать; а вы, какъ знаете.

Лыняевъ (*Беркутову*).

И ты женишься? Какъ ты скоро... Поздравляю тебя!

Глафира (*Купавиной*).

Ты рѣшилась наконецъ. Ну, поздравляю.

Купавина.

Да, я все мечтала о свободѣ... я потомъ убѣдилась, что наше женское счастье неразлучно съ неволей..

Мурзавецкая.

Не клевещи, матушка, на женщинъ! Всякія бываютъ; есть и такія, что, не только своимъ хозяйствомъ, а хоть губерніей править сумѣютъ, хоть въ Хиву воевать посылай. А мужчины есть то-же всякіе: есть вотъ и такіе молодцы (*показывая на Беркутова*), а то видали мы и такихъ, что своей охотой къ бабамъ въ лакеи идутъ.

Лыняевъ.

Да, на свѣтѣ волки да овцы, волки да овцы. (*Павлинъ вноситъ кофе*)

Глафира (*принимая чашку*).

Мишель, сдѣлай милость, подержи мой зонтикъ. (*смѣется*) Ахъ, у тебя все изъ рукъ валится.

Мурзавецкая (*Беркутову*).

Зиму-то здѣсь будете жить?

Беркутовъ.

Я думаю, что Евлампіи Николаевнѣ пріятнѣе будетъ эту зиму провести въ Петербургѣ.

Купавина.

Да, конечно.

Мурзавецкая (*Лыняеву*).

А вы?

Глафира.

Мы эту зиму будемъ жить въ Парижѣ.

Лыняевъ.

Мы въ Парижѣ.

Беркутовъ.

А ужъ на лѣто къ вамъ, подъ ваше крылышко.

Лыняевъ.

И я тоже.

Глафира.

Ахъ нѣтъ, Мишель, вѣдь мы еще не рѣшили. Я думаю провести лѣто въ Швейцаріи.

Лыняевъ.

Да, мы еще не рѣшили.

Беркутовъ.

Меропа Давыдовна, благодарю васъ за радушный пріемъ и за участіе, которое вы во мнѣ приняли! Позвольте предложить вамъ этотъ маленькій подарокъ. (*подаетъ Мурзавецкой коробочку*) Это аквамариновыя четки. Господа, я пробылъ здѣсь не долго, но ужъ имѣлъ возможность вполнѣ оцѣнить эту во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкую женщину. Желательно, чтобъ наши передовые люди всегда относились съ глубокимъ уваженіемъ къ Меропѣ Давыдовнѣ. Мы должны подавать примѣръ другимъ, какъ нужно уважать такую почтенную старость.

Чугуновъ (*утирая слезы*).

Все правда, все правда.

Мурзавецкая.

Благодарю, Василій Ивановичъ, благодарю (*цѣлуетъ Беркутова въ голову*). Ну, батюшко, видала я на своемъ вѣку всякихъ людей; а такихъ, какъ вы, неприводилось. (*тихо*) Ну, я твое дѣло сдѣлала, а ты мое какъ?

Беркутовъ.

Уладится благополучно. Вамъ Чугуновъ скажетъ.

Купавина.

Поѣдемте, господа! До свиданья, Мерона Давыдовна! Намъ еще съ Глафирой Алексѣевной нужно всѣ магазины объѣздить. Вы ужъ позвольте мнѣ ее взять къ себѣ.

Мурзавецкая.

Ахъ, матушка, съ руками отдаю.

Глафира.

Мишель, ты съ нами?

Лыняевъ.

У Евлампіи Николаевны коляска вѣдь двумѣстная.

Глафира.

Такъ чтоже, Мишель? Сядь на козлы! Свой экипажъ отдай Аѳусѣ Тихоновнѣ! Аѳуса Тихоновна!.. (*Аѳуса выходитъ*) Поѣзжайте на лошадяхъ Мишеля!

Анфуса.

Хорошо ужъ... прощайте.

Лыняевъ.

Да какъ-же возможно мнѣ, съ моимъ сложеніемъ, на козлы? Да еще двѣнадцать верстъ трястись до усадьбы!

Глафира.

Послушай меня, Мишель! Тебѣ это очень полезно, ты толстѣешь такъ, что ни на что не похоже. Мы въ Парижъ поѣдемъ, вѣдь самому будетъ совѣстно такимъ медвѣдемъ пріѣхать (*уходятъ: Беркутовъ, Купавина, Лыняевъ, Глафира и Аѳуса*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мурзавецкая, Чугуновъ, *потомъ* Мурзавецкій.

Чугуновъ (*у окна*).

Въ Парижъ, да въ Петербургъ! Что денегъ-то увезутъ изъ губерніи!

Мурзавецкая.

Что? Смаклерилъ дѣло-то хорошо? Благодарю! Осрамилъ, было, благородную, уважаемую даму.

Чугуновъ.

Да вы ужъ хоть повѣстьте меня, а не воротишь!

Мурзавецкая.

Что тебѣ, крысѣ, Беркутовъ-то говорилъ?

Чугуновъ.

Всё шито, да крыто, и Клашку, чтобъ онъ не болталъ тутъ, въ Вологду услалъ Василій Ивановичъ.

Мурзавецкая.

Вотъ золотой-то человѣкъ! Я его въ поминанье запишу. Запиши его ко мнѣ въ поминанье, да и къ себѣ запиши!

Чугуновъ.

Золотой-то онъ, точно золотой; а я вамъ вотъ что скажу! За что насъ Лыняевъ волками-то называлъ? Какіе мы съ вами волки? мы куры, голуби.... по зернышку клюемъ, да никогда сыты не бываемъ. Вотъ они волки-то! Вотъ эти сразу по многу глотаютъ.

(*За сценой слышенъ крикъ: „Тамерланъ, Тамерланъ!“ Вбѣгаетъ Мурзавецкій въ отчаяніи*).

Мурзавецкій.

Нѣтъ, матантъ, нѣтъ, я непереживу.

Мурзавецкая.

Успокойся, Аполлоша, успокойся!

Мурзавецкій (*опускаясь на стулъ*).

Нѣтъ, матантъ, лучшаго друга моего...

Мурзавецкая.

Ну, чтожъ дѣлать-то?

Мурзавецкій.

Лучшаго друга, матантъ.... Гдѣ пистолеты?

Мурзавецкая.

Что ты, грѣхъ какой!

Мурзавецкій.

Нѣтъ, застрѣлюсь, застрѣлюсь... Ужъ заряженъ, матантъ, заряженъ...

Мурзавецкая.

Ахъ, бѣдный! какъ тебѣ это...

Мурзавецкій.

Да, матантъ, лучшаго друга... Близь города, среди бѣлаго дня, лучшаго друга... Тамерлана волки съѣли.

Мурзавецкая.

Тьфу ты! А я думала....

Чугуновъ.

Близь города, среди бѣлаго дня. Есть чему удивляться!.. Нѣтъ... Тутъ не то что Тамерлана; а вотъ сейчасъ, передъ нашими глазами, и невѣсту вашу и съ приданнымъ, и Михайла Борисыча съ его имѣніемъ волки съѣли, да и мы съ вашей тетенькой чуть живы остались. Вотъ это подиковеннѣй будетъ.

ПРАВДА — ХОРОШО,

А

СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ.

ПРАВДА — ХОРОШО, А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Амосъ Панфилычъ Барабошевъ, купецъ, лѣтъ за 40, вдовый.
Мавра Тарасовна, его мать, полная и еще довольно свѣжая старуха, лѣтъ за 60, одѣвается по старинному, но богато, въ рѣчахъ и поступкахъ важность и строгость.
Поликсена, дочь Барабошева, молодая дѣвушка.
Филицата, старая нянька Поликсены.
Никандръ Мухояровъ, приказчикъ Барабошева, лѣтъ 30.
Глѣбъ Меркулычъ, садовникъ.
Полагея Григорьевна Зыбкина, бѣдная женщина, вдова.
Платонъ, ея сынъ, молодой человѣкъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Садъ при домѣ Барабошевыхъ: прямо противъ зрителей большая каменная бесѣдка съ колонами; на площадкѣ передъ бесѣдкой садовая мебель: скамейки съ задками на чугунныхъ ножкахъ и круглый столикъ; по сторонамъ кусты и фруктовыя деревья; за бесѣдкой видна рѣшетка сада.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Филицата и Зыбкина.

Зыбкина.

Ахъ, ахъ, ахъ! Что ты мнѣ сказала! Что ты мнѣ сказала! То-то, я смотрю, дѣвушка изъ лица измѣнилась, на себя не похожа.

Филицата.

Все отъ любви, сердце ноетъ. И всегда такъ бываетъ, когда дѣвушекъ запираютъ. Сидитъ, какъ въ тюрьмѣ, — выходу нѣтъ, а вѣдь ужъ въ годахъ, ужъ давно замужъ пора... Такъ чему дивиться-то?

Зыбкина.

Да, да. Что жъ вы ее замужъ-то неотдаете? Неужели жениховъ нѣтъ?

Филицата.

Какъ жениховъ не быть, четвертый годъ сватаются; и хорошіе женихи были; да бабушка у насъ больно характерна. Коли не очень богатъ, такъ и слышать не хочетъ; а были и съ деньгами, такъ, вишь, развязности много, ученыя рѣчи говоритъ, ногами шаркаетъ, одѣтъ пестро; что нибудь да не по ней. Боится, что уваженія ей отъ такого не будетъ. Ей, видишь ты, хочется зятя и богатаго, и чтобъ тихаго, не изъ бойкихъ, чтобъ онъ съ затрудненіемъ да не про все разговаривать-то умѣлъ; потому она сама изъ очень простаго званія взята.

Зыбкина.

Скоро-ль ты его найдешь такого!

Филицата.

И я тоже говорю. Гдѣ ты нынче найдешь богатаго да неразвязнаго? Кто его заставитъ длинный сертукъ надѣть, али виски гладко примазать? Вяжетъ-то человѣка что? Нужда. А богатый весь развязанъ и ужъ, обыкновенно, въ цвѣтныхъ брюкахъ... Ничего не подѣлаешь.

Зыбкина.

Ужъ само собой, что въ цвѣтныхъ; потому какая-жъ ему неволя! ..

Филицата.

Мудритъ старуха надъ женихами, а внучка, между тѣмъ временемъ, влюбилась да и сохнетъ сердцемъ. Кабы у насъ знакомство было, да вывозили Поликсену почаще въ люди, такъ она-бы не была такъ влюбчива; а изъ тюрьмы-то первому встрѣчному радъ: поправится и сатана лучше яснаго сокола.

Зыбкина.

Одного я понять не могу: въ этакой крѣпости сидючи, за пятью замками, за семью сторожами, только и свѣту, что въ окнѣ, — какъ тутъ влюбиться? Мечтай, сколько хочешь; а живаго-то нѣтъ ничего. Вѣдь, чтобъ влюбиться очень-то, все таки и видѣться нужно и поговорить хоть немножко.

Филицата.

Охъ, все это было и не немножко. Разумѣется, завсегда въ этомъ мы, няньки, виноваты, мы баловницы-то. Да вѣдь какъ и не побаловать! Вижу, въ тоскѣ томится, — пусть, молъ, поболтаетъ съ парнемъ для время-провожденія. А случай какъ не найти? Хоть сюда въ садъ проведу, никому и въ лобъ не влетитъ. А вотъ оно что вышло-то.

Зыбкина.

Очень развѣ ужъ полюбила-то?

Филицата.

До страсти полюбила. Сама суди, характеръ огневый, упорная, вся въ бабушку. Вдругъ ей придетъ фантазія; хочу, говоритъ, его видѣть безпремѣнно! А въ другой разъ никакъ нельзя, а ей вынь да положъ, — вотъ и вертись нянька, какъ знаешь. И день и ночь ноги трясутся, такъ вотъ и жду, такъ вотъ и жду, что до бабушки дойдетъ; куда мнѣ тогда дѣваться-то? А моя-ль вина, я давно твержу: „пора, пора, что вы ее переращиваете, куда бережете?“..

Такъ бабушка-то у насъ совсѣмъ состарилась, дѣвичье-то положеніе понимать перестала. Я, говоритъ, живу-же, ни объ чемъ помышленія не имѣю. На-ко! Въ семьдесятъ-то лѣтъ! А ты свою молодость вспомни!

Зыбкина.

Диковенное дѣло, что у такого богатаго, знаменитаго купца дочь засидѣлась.

Филицата.

Какой онъ богатый, какой знаменитый? Бабушка характерна, а онъ балалайка безструнная, — никакого толку и не жди отъ нихъ. Старуха-то богата, а у него своего ничего нѣтъ, онъ торгуетъ отъ нея по довѣренности, — дана ему небольшая; во сколько тысячъ ужъ не знаю. Да и то старуха за него каждый годъ приплачиваетъ.

Зыбкина.

Чтожъ имъ за радость въ убытокъ торговать?

Филицата.

Бабушка такъ разсуждаетъ: хоть и въ убытокъ, все таки ему занятіе; нарушь торговлю, при чемъ-же онъ останется. Да ужъ морщится сама-то, видно, тяжело становится; а онъ, что дальше, то больше понятіе терять начинаетъ. Приказчикъ есть у насъ, Никандра, такой-то химикъ, такъ волкомъ и смотритъ; путаетъ хозяина-то еще пуще, отъ дѣла отводитъ, — гдѣ хозяину убытокъ, а ему барышъ. Слышимъ мы, на сторонѣ-то такъ деньгами и пошвыриваетъ, а пришелъ въ одномъ сертучишкѣ.

Зыбкина.

Знаю я все это, сынъ мнѣ сказывалъ.

Филицата.

Ты за какимъ дѣломъ къ хозяину-то пришла?

Зыбкина.

Все объ сынѣ. Да занятъ, говорятъ, хозяинъ-то, подождать велѣли. Взять я сына-то хочу, да опять бѣда, долгъ меня путаетъ. — Какъ поставила я его къ вамъ на мѣсто, такъ хозяинъ мнѣ впередъ двѣсти рублей денегъ далъ, —

нужда была у меня крайняя. И взялъ хозяинъ-то съ меня вексель, чтобъ сынъ зажпвалъ. Да вотъ горе-то мое, нигдѣ Платоша ужиться не можетъ.

Филицата.

Отъ чего бы такъ? Кажется, онъ парень смирный.

Зыбкина.

Такой ужъ отъ рожденія. Ты помнишь, когда онъ родился-то? Въ этотъ годъ дѣла наши разстроились, изъ богатства мы пришли въ бѣдность, мужъ долго содержался за долги, а потомъ и померъ, сколько горя-то было у меня! Вотъ, должно быть, на ребенка-то и подѣйствовало и вышелъ онъ съ поврежденіемъ въ умѣ.

Филицата.

Какого-же роду поврежденіе у него?

Зыбкина.

Все онъ, какъ младенецъ, всѣмъ правду въ глаза говоритъ.

Филицата.

Въ совершенный-то смыслъ не входитъ?

Зыбкина.

Говоритъ очень прямо, ну, значитъ, ничего себѣ въ жизни составить и не можетъ. Учился онъ, хоть на мѣдныя деньги, а хорошо и конторскую науку онъ всю понялъ; учителя всѣ его любили и похвальные листы ему давали,— и теперь у меня въ рамкахъ на стѣнкѣ висятъ. Ну, конечно, всякому мило въ ребенкѣ откровенность видѣть, а онъ и выросъ да такой-же остался. Учатся бѣдные люди для того, чтобъ званіе имѣть да мѣсто получить; а онъ чему учится-то, все это за правду принялъ, всему этому повѣрилъ. А по нашему, матушка, по купечески; учись, какъ знаешь, хоть съ неба звѣзды хватай; а живи не по книгамъ, а по нашему обыкновенію, какъ изъ-стари заведено.

Филицата.

Что-же ему у насъ-то не живется?

Зыбкина.

Да нельзя, матушка. Поступилъ онъ къ вамъ въ контору булгахтеромъ, сталъ въ дѣла вникать и видитъ, что хозяина обманываютъ; ему-бы ужъ молчать, а онъ разговаривать сталъ. Ну, и что же съ нимъ сдѣлали! Начали всѣ надъ нимъ смѣяться, шутки да озорства дѣлать, особенно Никандра; хозяину сказали, что онъ дѣла не смыслитъ, книги путаетъ, — оттерли его отъ должности и поставили шутомъ (*оглядываясь*). Какой у васъ садъ распрекрасный!

Филицата.

Сама старуха за всѣмъ наблюдаетъ; и сохрани Богъ, коли кто хоть одно яблоко тронетъ. А куда бережетъ? Вѣдь не торговать ими. Ужо, къ вечеру я пойду со двора, такъ занесу тебѣ десяточекъ, либо два.

Зыбкина.

Спасибо.

Филицата.

Надо мнѣ сходить по нашему-то дѣлу; колдуна я нашла.

Зыбкина.

Ужели колдуна?

Филицата.

Колдунъ не колдунъ, а слово знаетъ. Не поможетъ-ли онъ моей Поликсенѣ? Все его въ Москвѣ не было, увидала я его третьяго дня, какъ обрадовалась! (*входитъ Глѣбъ, крутя въ зубахъ веревку изъ мочалы*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Филицата, Зыбкина, Глѣбъ.

Филицата.

Меркулычъ, ты мѣшокъ-то съ яблоками убралъ-бы куда подальше; а то въ кустахъ-то его видно. Сама пойдетъ да замѣтитъ, сохрани Господи!

Глѣбъ.

Прибрано.

Филицата.

Тото-же.

Глѣбъ.

А ты почемъ знаешъ, что онъ съ яблоками? Можетъ, тамъ у меня жемчугъ насыпанъ?

Филицата.

Не жемчугъ, видѣла я.

Глѣбъ.

Понюхала. Эко у васъ любопытство! Ну ужъ!

Филицата.

Тебя-же берегу, Меркулычъ.

Глѣбъ.

Не надо, я самъ себя берегу. Кабы въ садъ, окромя меня да хозяевъ, никому ходу не было, ну, былъ-бы я виноватъ; а то всякій ходитъ, — значитъ, съ меня взыскивать нечего.

Филицата.

Толкуй съ тобой! Кому нужны ваши яблоки? Хоть и сшалитъ кто, ну десятокъ, много два во все лѣто, а ты мѣшками таскаешъ.

Глѣбъ.

Я виноватъ не останусь, ты не сумлѣвайся!

Филицата.

Да мнѣ что.

Зыбкина.

Заходи ко мнѣ, какъ пойдешь къ колдуну-то!

Филицата.

Да, ужъ пойду; тамъ что ни выдетъ, а попробую я эту ворожбу. Вонъ никакъ сама идетъ, пойдемъ за ворота, постоимъ, потолкуемъ (*уходятъ*).

Глѣбъ.

Я себѣ оправданіе найду (*Входятъ: Мавра Тарасовна и Поликсена, Глѣбъ отходитъ къ сторонѣ и подвязываетъ сукъ у дерева*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Мавра Тарасовна, Поликсена, Глѣбъ.

Мавра Тарасовна.

Нѣтъ ужъ, миленькая моя, что я захочу, такъ и будетъ, — никто, кромѣ меня, не властенъ въ домѣ приказывать.

Поликсена.

Ну и приказывайте, кто-жъ вамъ мѣшаетъ!

Мавра Тарасовна.

И приказываю, миленькая, и все дѣлается по моему, какъ я хочу.

Поликсена.

Ну, вотъ прикажите, чтобъ солнце не свѣтило, чтобъ ночь была.

Мавра Тарасовна.

Къ чему ты эти глупости! Нечто я могу, коли Божья воля?...

Поликсена.

И многаго вы, бабушка, не можете; такъ только ужъ очень вы объ себѣ высоко думаете.

Мавра Тарасовна.

Чтобы я ни думала, а ужъ знаю я, миленькая, навѣрно, что ты-то вся въ моей власти: что только задумаю, то надъ тобой и сдѣлаю.

Поликсена.

Вы полагаете?

Мавра Тарасовна.

Да что мнѣ полагать? Я безъ положенія знаю. Полагайте ужъ вы, какъ хотите; а мое дѣло вамъ приказы давать,— вотъ что.

Поликсена.

Стало быть, вы воображаете, что мое сердце васъ послушаетъ: кого прикажете, того и будетъ любить?

Мавра Тарасовна.

Да что такое за любовь? Никакой любви нѣтъ, пустое слово выдумали. Гдѣ много воли даютъ, тамъ и любовь проявляется, и вся эта любовь—баловство одно. Покоряйся волѣ родительской, — вотъ это твое должное; а любовь не есть какая необходимая, и безъ нея, миленькая, прожить можно. Я жила, не знала этой любви, и тебѣ не зачѣмъ.

Поликсена.

Знали да забыли.

Мавра Тарасовна.

Вотъ какъ не знала, что я старуха старая, а мнѣ и теперь твои слова слушать стыдно.

Поликсена.

Прежде такъ разсуждали, а теперь ужъ совсѣмъ другія понятія.

Мавра Тарасовна.

Ничего не другія, и теперь все одно; потому женская природа все таже осталась, какая была, такая и есть, никакой въ ней перемѣны нѣтъ, ну, и порядокъ все тотъ-же: прежде вамъ воли не давали,—стерегли да берегли,— и теперь умные родители стерегутъ да берегутъ.

Поликсена (*смѣясь*).

Ну, и берегите, да только хорошенько!... (*отходитъ къ сторонѣ*).

Мавра Тарасовна (*Глѣбу*).

Вижу я, Меркулычъ, что тебѣ у насъ жить надоѣло, — больно хорошо мѣсто, не по тебѣ. Такъ ищи себѣ такого, гдѣ отъ васъ дѣла не спрашиваютъ, за пропажу не взыскиваютъ! Оглядись хорошенько, что у насъ въ саду-то! Гдѣ-жъ яблоки-то? Точно Мамай съ своей силой прошолъ; много-ль ихъ осталось?

Глѣбъ.

Убыль есть, Мавра Тарасовна, это я вижу, это правда ваша; у васъ глазъ на это вѣрный, золотой глазъ,—убыль есть, это такъ точно

Поликсена (*смѣясь*).

Яблоковъ уберечь не можете, а хотите....

Мавра Тарасовна.

Погоди Глѣбъ, постой! до тебя очередь послѣ дойдетъ (*медленно подходитъ къ Поликсенѣ*). Это ты что же, миленькая, съ кѣмъ такъ разговариваешъ?

Поликсена.

Сама про себя. Да я ужъ и забыла, что сказала.

Мавра Тарасовна.

Ты не огорчайся, что ты позабыла; я запомню. Будешъ ты сидѣть дома подъ замкомъ вплодь до свадьбы.

Поликсена.

До какой свадьбы?

Мавра Тарасовна.

А вотъ когда я найду тебѣ, миленькая, женпха по своей мысли.

Поликсена.

А коли найдете по своей мысли, такъ сами за него и выходите, а мнѣ какая надобность.

Мавра Тарасовна.

Ужъ извини, надобностей твоихъ мы разбирать не станемъ, а отдадимъ, за кого намъ нужно.

Поликсена.

Утѣшайтесь въ мысляхъ-то, утѣшайтесь!

Мавра Тарасовна.

Да не то что въ мысляхъ, а и на дѣлѣ будетъ то самое. Знаю я это твердо и такъ-то покойна, какъ нельзя быть лучше.

Поликсена.

Бываетъ, что и бѣгаютъ изъ дому-то.

Мавра Тарасовна.

Бѣгаютъ, у кого привязки нѣтъ.

Поликсена.

А меня что удержитъ?

Мавра Тарасовна.

Приданое богатое. Пожалѣешь его, миленькая, не бросишь. Да вотъ что: ужъ очень ты разговорилась,—а птица ты еще не велика, и не пристало мнѣ съ тобой много разговорныхъ словъ говорить. Есть у тебя охота, такъ болтай съ нянькой. На то она въ домѣ, чтобъ твои глупости слушать, за то ей и жалованье платятъ. Ты грезишь, словно къ зубамъ, а она поддакиваетъ, — вотъ вамъ и занятіе,— будто дѣло дѣлаете. Мнѣ распорядокъ въ домѣ вести, а не балясы съ вами точить. А ты мнѣ убѣгомъ не грози! Коли замки у насъ старые плохи, такъ слесаря намъ, по знакомству, новые сдѣлаютъ, покрѣпче.

Поликсена.

И вы мнѣ, бабушка, замками не грозите! Кому неволя опротивѣетъ, кто захочетъ изъ нея вырваться, тотъ себѣ дорогу найдетъ.

Мавра Тарасовна.

Куда это, не слыхать-ли?

Поликсена (*на ухо бабушкѣ*).

Въ могилу (*уходитъ*).

Мавра Тарасовна (*вслѣдъ ей*).

Ну, миленькая, не вдругъ то туда сберешься, подумаешь прежде.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мавра Тарасовна, Глѣбъ.

Мавра Тарасовна.

Гдѣ-же Меркулычъ, яблоки-то?

Глѣбъ.

Яблоки? Это точно, какъ я теперь замѣчаю, ихъ бы надо больше быть,—умаленіе есть.

Мавра Тарасовна.

Да отъ чего умаленіе-то?

Глѣбъ.

Вотъ что, сударыня, Мавра Тарасовна: я ихъ стеречь приставленъ.....

Мавра Тарасовна.

Ну, да, ты; я съ тебя и спрашиваю.

Глѣбъ.

Позвольте! Я ихъ стеречь приставленъ, такъ вы себя успокойте, я вамъ вора предоставлю.

Мавра Тарасовна.

Давно-бъ тебѣ догадаться. Да ты, пожалуй, далеко искать станешь, такъ не скоро найдешъ; не поискать-ли намъ самимъ поближе?

Глѣбъ.

Я вамъ вамъ вора предоставлю; потому мнѣ тоже слушать такія слова отъ васъ ой-ой!

Мавра Тарасовна.

Напраслину терпишъ, миленькій, задаромъ обидѣли?

Глѣбъ.

Что угодно говорите, на все ваша воля... А только я вамъ вотъ что скажу: намъ безъ ундера никакъ нельзя.

Мавра Тарасовна.

Какого, миленькій, ундера, на что онъ намъ?

Глѣбъ.

У воротъ поставить. Сторожка у насъ новая построена, вотъ онъ тутъ и долженъ существовать.

Мавра Тарасовна.

У насъ дворники есть.

Глѣбъ.

Ну, что дворники! Мужики,—одно слово.

Мавра Тарасовна.

Ундеръ ундеромъ, это наше дѣло; а я съ тобой объ яблокахъ толкую.

Глѣбъ.

Да ундеръ для всего лучше, особливо если съ кавалеріей. Кто идетъ, онъ спрашиваетъ: къ кому, за чѣмъ; кто выходитъ, онъ смотритъ, не несетъ-ли чего изъ дому. Какъ можно! Первое дѣло—порядокъ,—второе дѣло—видъ. Купеческій домъ, богатый, да нѣтъ ундера у воротъ,—это чтожъ такое!

Мавра Тарасовна.

Ундера, это правда, для всякой осторожности... Я прикажу поискать.

Глѣбъ.

А вора, вы не безпокойтесь, я вамъ найду, я его устерегу. Не для васъ, а для себя постараюсь, потому этотъ воръ долженъ меня оправдать передъ вами. Вамъ обидно, я вижу, вижу; но однако и мнѣ... такое огорченіе... это хоть кому...

Мавра Тарасовна.

Ты съ огорченія-то, пожалуй...

Глѣбъ.

Ну ужъ не знаю, перенесу-ли. Я вамъ напередъ докладываю. Вонъ хозяинъ въ садъ вышелъ. (*Уходитъ. Входятъ Барабошевъ и Мухояровъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мавра Тарасовна, Барабошевъ, Мухояровъ.

Мухояровъ (*Барабошеву*).

Давно я васъ приглашаю: пожалуйте въ контору; потому хозяйскій глазъ... безъ него не возможно...

Барабошевъ.

Не въ расположеніи. (*Матери*) Маменька, я разстроенъ. (*Мухоярову*). Мнѣ теперь нуженъ покой... Понимай! Одно слово и довольно (*матери*). Маменька, я сегодня разстроенъ.

Мавра Тарасовна.

Ужъ слышала, миленькій, что дальше-то будетъ?

Барабошевъ.

Все такъ и будетъ, въ этомъ направленіи. Я не въ себѣ.

Мавра Тарасовна.

Ну мнѣ до этихъ твоихъ меланхоліевъ нужды мало; потому вѣдь не Божеское какое попущеніе, а за свои деньги, въ погребкѣ, или въ трактирѣ, разстройство-то себѣ покупаете.

Барабошевъ.

Вѣрно.... Но при всемъ томъ и обида.

Мавра Тарасовна.

Такъ вотъ ты слушай, Амосъ Панфилычъ, что тебѣ мать говоритъ!

Барабошевъ.

Могу.

Мавра Тарасовна.

Нельзя-же, миленькій, ужъ весь-то разумъ пропивать; надо что нибудь, хоть немножко, и для дому поберечь.

Барабошевъ.

Я такъ себя чувствую, что разуму у меня для дому достаточно.

Мавра Тарасовна.

Нѣтъ, миленькій, мало. У тебя и въ помышленіи нѣтъ, что дочь невѣста, что я къ тебѣ третій годъ объ женихахъ пристаю.

Барабошевъ.

Аккуратъ напротивъ того, какъ вы разсуждаете, потому какъ я постоянно содержу это на умѣ.

Мавра Тарасовна.

Да что ихъ на умѣ-то содержать, ты намъ-то ихъ давай.

Барабошевъ.

Черезъ этихъ-то самыхъ женіховъ я себѣ разстройство и получилъ. Вы непремѣнно желаете для своей внучки негоціанта?

Мавра Тарасовна.

Какого негоціанта! Такъ, купца попроще.

Барабошевъ.

Все одно,—негоціанты разные бываютъ: полированные и не полированные. Вамъ нужно черновой отдѣлки, безъ палитуры и безъ шику, физіономія опойковая, борода клиномъ, стараго пошибу, суздальскаго письма? Точно такого негоціанта я въ предметѣ и имѣлъ, но на дѣлѣ вышелъ конфузъ.

Мавра Тарасовна.

Почему-же такъ, миленькій?

Барабошевъ.

Извольте, маменька, понимать, я сейчасъ вамъ буду докладывать. Сосѣдъ, Пустоплесовъ, тоже дочери жениха ищетъ.

Мавра Тарасовна.

Знаю, миленькій.

Барабошевъ.

Стало быть, намъ нужно ту осторожность имѣть, чтобы себя противъ него не уронить. Спрашиваю я его: „кого имѣете въ предметѣ?“ Фабриканта, говоритъ. Я думаю: „значитъ, дѣло въ ровень, ушибить ему насъ нечѣмъ?“ Только по времени слышу отъ него совсѣмъ другой тонъ. Намедни сидимъ съ нимъ въ трактирѣ, пьемъ мадеру, потомъ пьемъ лафитъ „Шато ля розъ,“ новый сортъ, мягчитъ грудь и пріятныя мысли производитъ. Только опять зашла рѣчь объ этихъ женихахъ—мануфактуристахъ: „вы говоритъ, отдавайте, дѣло хорошее, вамъ такого и надо; а я раздумалъ.“ Почему, спрашиваю. „А вотъ увидишъ, говоритъ“. Только вчера встрѣчаю его, ѣдетъ въ коляскѣ самъ другъ,—кланяется довольно гордо и показываетъ мнѣ глазомъ на своего компаніона. Гляжу, — Полковникъ въ лучшемъ видѣ и при всемъ парадѣ.

Мухояровъ.

Однако плюха.

Мавра Тарасовна.

Ай, ай, миленькій!

Барабошевъ.

Какъ я на погахъ устоялъ, незнаю. Что я вина выпилъ съ огорченія! Шато ля розъ не дѣйствуетъ, а отъ мадеры еще пуще въ жаръ кидаетъ... Велите-ко, маменька, дать холодненькаго.

Мавра Тарасовна.

Прохладиться-то, миленькій, еще успѣешъ... Видѣла я, сама видѣла, что къ нимъ военный подъѣзжалъ. Какъ-же намъ думать съ Поликсеной-то?

Барабошевъ.

Ты скажи, маменька, обида это, или нѣтъ!

Мавра Тарасовна.

Ну, какъ не обида? Само собой, обида.

Барабошевъ.

Поклонился да глазами-то такъ скосилъ на Полковника,— на-ко молъ, Барабошевъ, почувствуй!

Мавра Тарасовна.

Вѣдь зарѣзалъ, миленькій, зарѣзалъ онъ насъ.

Мухояровъ.

Онъ теперь въ мысляхъ то подобно какъ на колокольнѣ, а вы съ грязью вровень-съ.

Мавра Тарасовна.

Но до этого случая ему возноситься надъ нами было нечѣмъ, Амосъ Панфилычъ ни въ чемъ переду не давалъ.

Барабошевъ.

И теперь не дадимъ. Раскошелившайся, маменька, камуфлетъ изготовимъ.

Мавра Тарасовна.

Да какой такой камуфлетъ?

Барабошевъ.

Къ нимъ въ семь часовъ господинъ Полковникъ наѣзжаетъ, и всѣ они за полчаса ждутъ у оконъ, во всѣ глаза смотрятъ, — и сейчасъ, — безъ четверти семь, — подъ-

ѣзжаетъ къ нашему крыльцу генералъ. Вотъ мы имъ глазами-то и покажемъ.

Мухояровъ.

Закуска важная! Сто твоихъ помирилъ, да пятьсотъ въ гору.

Мавра Тарасовна.

Да гдѣ-жъ ты, миленькій, генерала возьмешъ?

Барабошевъ.

Въ образованныхъ столицахъ, гдѣ живутъ люди просвѣщенные, тамъ на всякое дѣло можно мастера найти. Ежели вамъ нужно гуся, вы ѣдете въ охотный рядъ, а ежели нужно жениха...

Мавра Тарасовна.

Ну, само собой, къ свахамъ.

Барабошевъ.

Къ этому самому сословію мы и обращались и нашли настоящую своему дѣлу художницу. Никандра, какъ она себя рекомендовала?

Мухояровъ.

Только птичьяго молока отъ меня не спрашивайте; потому не гдѣ взять его: а то нѣтъ того на свѣтѣ, чего-бы я за деньги не сдѣлала.

Барабошевъ.

Одно слово, баба орелъ, изъ себя королева, одѣвается въ бархатъ, ходитъ отважно, говоритъ съ жаромъ, такъ даже, что крылья у чепчика трясутся, точно онъ куда летѣть хочетъ.

Мавра Тарасовна.

И тебѣ не страшно будетъ, миленькій, съ генераломъ-то разговаривать?

Барабошевъ.

У меня разговоръ свободный, точно что льется, безъ всякой задержки и противъ кого угодно. Такое мнѣ дарованіе дано отъ Бога разговаривать, что даже всѣ удивляются. По разговору мнѣ бы давно надо въ Думѣ Гласнымъ

быть, или Головой; только у меня въ умѣ сужденія нѣтъ и что къ чему, — этого мнѣ не дано. А обыкновенный разговоръ, окромя сурьезнаго, у меня все равно, что бисеръ.

Мавра Тарасовна.

У тебя есть дарованіе, а мнѣ-то какъ, миленькій?

Барабошевъ.

И вы такъ точно подъ меня подражайте!

Мавра Тарасовна.

А денегъ-то сколько нужно, какъ это генералу полагается?

Барабошевъ.

Деньги все тѣже; но лучше отдать ихъ вельможѣ, чѣмъ суконному рылу.

Мавра Тарасовна.

Да шутишъ ты, миленькій, или въ правду?

Барабошевъ.

Завтрешняго числа развязка всему будетъ; придетъ сваха съ отвѣтомъ; и тогда у насъ разсужденіе будетъ, какой генералу пріемъ сдѣлать.

Мавра Тарасовна.

Намъ хоть кого принять не стыдно, домъ какъ стеклушко.

Барабошевъ.

Объ винахъ надо будетъ заняться основательно, сдѣлать выборку изъ прейскурантовъ,

Мавра Тарасовна.

Да, вотъ еще не забыть-бы: нужно намъ ундера къ воротамъ для всякаго порядку; а теперь, при такомъ случаѣ, оно и кстати.

Барабошевъ.

Это дѣло самое настоящее, я объ ундерѣ давно воображалъ.

Мавра Тарасовна.

Такъ я велю поискать; нѣтъ ли у кого изъ прислуги знакомаго. (*Уходитъ. Входитъ Зыбкина*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Барабошевъ, Мухояровъ, Зыбкина.

Зыбкина (*кланяясь*).

Я къ вамъ, Амосъ Панфилычъ.

Барабошевъ.

Оченно вижу-съ. Чѣмъ могу служить? Приказывайте!

Зыбкина.

Наше дѣло — кланяться, а не приказывать. На счетъ сынка.

Барабошевъ.

Что же будетъ вамъ угодно?

Зыбкина.

Коли онъ къ вашему дѣлу не нуженъ, такъ вы его лучше отпустите!

Барабошевъ.

Въ хорошемъ хозяйствѣ ничего не бросаютъ; потому всякая дрянь пригодиться можетъ.

Зыбкина.

Да чтожъ ему у васъ болтаться; онъ въ другомъ мѣстѣ при дѣлѣ можетъ быть.

Барабошевъ.

И сейчасъ при должности находится, онъ у насъ замѣсто Балакирева.

Зыбкина.

Онъ долженъ свое дѣло дѣлать, чему обученъ; ему стыдно въ такой должности быть.

Барабошевъ.

А коли это званіе для него низко, мы его можемъ уволить. Самъ плакать объ немъ не буду и другимъ не прикажу.

Зыбкина.

Такъ ужъ сдѣлайте одолженіе, отпустите его!

Барабошевъ.

Я, противъ закону, удерживать его не могу, потому всякій человѣкъ свою волю имѣетъ. Но изъ вашего разговору я заключаю такъ, что вы деньги принесли по вашему документу.

Зыбкина.

Ужъ деньги-то я васъ покорно прошу подождать.

Барабошевъ.

Да-съ, это, по нашему, пустой разговоръ называется. Разговаривать нужно тогда, когда въ рукахъ есть что нибудь; а у васъ нѣтъ ничего, значитъ всѣ ваши слова только одно мечтаніе. Но мечтать вы можете сами съ собой, и я васъ прошу своими мечтами меня не безпокоить. У насъ, коммерсантовъ, время даже дороже денегъ считается. За тѣмъ, до пріятнаго свиданія, (*кланяется*) и потрудитесь быть здоровы! (*Мухояровy*) Никандра, какія у насъ дѣла по конторѣ спѣшныя?

Мухояровъ.

Задержка въ корреспонденціи; побудительныя письма нужно подписать; потому платежи въ большомъ застоѣ.

Барабошевъ.

Скажи Платону Ивановичу Зыбкину, чтобы онъ все, что экстренное, сюда принесъ. (*Мухояровъ уходитъ.*)

Зыбкина.

Я одного боюсь, Амосъ Панфилычъ, какъ-бы онъ на ваши шутки вамъ не согрубилъ, пожалуй, что обидное скажетъ.

Барабошевъ.

Никакъ не можетъ; потому обида только отъ равнаго считается. Мы надъ кѣмъ шутимъ, такъ даже и ругаться дозволяемъ;—это для насъ одно удовольствіе.

Зыбкина.

Нечего дѣлать, надо будетъ денегъ искать.

Барабошевъ.

Сдѣлайте одолженіе? И ежели гдѣ очень много найдете, такъ покажите и намъ, и мы въ ономъ мѣстѣ искать бу-

демъ. Честь имѣю кланяться. (*Зыбкина уходитъ. Входятъ: Мухояровъ и Платонъ Зыбкинъ, въ рукахъ у него письма и чернилица съ перомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Барабошевъ, Мухояровъ, Зыбкинъ.

Барабошевъ.

Корреспонденція?

Платонъ.

Совершенно справедливо-съ (*кладетъ письма на столикъ и ставитъ чернилицу*).

Барабошевъ.

А сколько писемъ? Чтобъ не было мнѣ утомленія...

Платонъ.

Подпишите безъ утомленія; потому только пять.

Барабошевъ (*шутя*).

Почему, братецъ, печетка? Какъ ты не аккуратенъ.

Мухояровъ.

Сколько чего, вы его не спрашивайте; онъ въ счетѣ сбивчивость имѣетъ.

Платонъ.

Нѣтъ, я счетъ твердо знаю, и тебя поучу.

Мухояровъ.

Извольте подписывать, послѣ сосчитаемъ (*подкладываетъ еще письмо и дѣлаетъ знакъ Барабошеву*).

Барабошевъ (*подписывая*).

Я пять подписалъ, а вотъ еще (*беретъ письмо, которое положилъ Мухояровъ*).

Мухояровъ.

Я говорю, что счету не знаетъ-съ.

Платонъ.

Моихъ пять, а шестаго я не знаю-съ.

Барабошевъ.

Кто-же изъ насъ кого обманываетъ? Чья это рука?

Мухояровъ.

Его-съ. А ты, Платонъ, не отпирайся, не хорошо.

Платонъ (*подходя*).

Позвольте! Я свою руку знаю (*смотритъ на письмо, потомъ съ испугомъ хватается за карманъ*). Это письмо у меня украли. . Оно сюда не принадлежитъ... Пожалуйте! Это я самъ про себя... Это мое сочиненіе (*хочетъ взять письмо*).

Барабошевъ.

Осади назадъ, осади назадъ! Ты мнѣ самъ его подалъ, значитъ, я въ правѣ дѣлать съ нимъ, что хочу.

Платонъ.

Позвольте, позвольте! Что я вамъ скажу... вы можетъ не знаете... Да вѣдь это неблагородно, это довольно даже низко, Амосъ Панфилычъ, чужія письма читать.

Барабошевъ.

Что для меня благородно, что низко, я самъ знаю: ни въ учителя, ни въ гувернеры я тебя не нанималъ. Не пристань ты ко мнѣ, я бъ твою литературу бросилъ, потому, окромя глупости, ты ничего не напишешъ; а теперь ты меня заинтересовалъ, пойми!

Платонъ.

Амосъ Панфилычъ, ну, имѣйте сколько-нибудь снисхожденія къ людямъ!

Барабошевъ.

Стало быть, это тебѣ будетъ непріятно?

Платонъ.

Да не то что непріятно, а для чувствительнаго человѣка это подобно казни, когда надъ его чувствами смѣются.

Барабошевъ.

А ты развѣ чувствительный человѣкъ? Мы, братецъ, этого до сихъ поръ не знали. Сейчасъ мы вставимъ двойныя стекла (*надѣваетъ пенснэ*) и будемъ разбирать твои чувствіе.

Платонъ (*отходя*).

Въ пустой чердакъ двойныхъ стеколъ не вставляютъ.

Барабошевъ.

Вы полагаете, что въ пустой?

Платонъ.

Да ужъ это такъ точно (*хватаясь за голову*). Но за что же, Боже мой, такое надругательство?

Барабошевъ.

А вотъ за эти ваши каламбуры.

Мухояровъ.

И за два года впередъ зачти!

Барабошевъ.

По вашимъ заслугамъ надо-бы вамъ еще по затылку награжденіе сдѣлать...

Платонъ.

Что-же, деритесь! Все это вы можете, и драться и чужія письма читать; но при всемъ томъ мнѣ васъ жалко, очень мнѣ васъ жалко, да-съ.

Барабошевъ.

Отчего-жъ эта такая подобная скорбь у васъ?

Платонъ.

Отъ того что вы купецъ богатый, извѣстный, а такіе ваши поступки и даже хотите драться...

Барабошевъ.

Такъ что же-съ?

Платонъ.

А то, что это есть верхъ необразованія и подлость въ высшей степени (*входитъ Мавра Тарасовна за ней Филицата и Поликсена, которыя останавливаются въ кустахъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Барабошевъ, Мухояровъ, Платонъ, Мавра Тарасовна, Филицата, Поликсена.

Барабошевъ.

Пожалуйте, маменька! Очень вы кстати, сейчасъ мы вамъ развлеченіе доставимъ, будемъ читать сочиненіе гос-

подпна Зыбкина. (*Мавра Тарасовна садится. Поликсена прислушивается изъ кустовъ.*)

Платонъ.

Вотъ ужъ благодарю, вотъ ужъ покорно васъ благодарю! Куда какъ благородно!

Барабошевъ (*читаетъ*).

„Красота несравненная и душа души моей". Важно! Ай да Зыбкинъ.

Платонъ.

Эхъ! Какъ это довольно подло, что вы дѣлаете!

Барабошевъ (*читаетъ*).

„Любить и страдать, вотъ что мнѣ судьба велѣла. Нельзя открыть душу, нельзя показать чувства, — невѣжество осмѣетъ тебя и растерзаетъ твое сердце. Люди необразованные имѣютъ о себѣ вѣсокое мнѣніе только для того, чтобъ имѣть высокое давленіе надъ нами бѣдными. И такъ я долженъ молчать и въ молчаніи томиться".

Мавра Тарасовна (*сыну*).

Чтожъ это, мпленькій, такое написано?

Барабошевъ.

Любовное письмо отъ кавалера къ барышнѣ.

Мавра Тарасовна.

Какой-же это кавалеръ?

Барабошевъ.

А вотъ рекомендую: чувствительный человѣкъ и несостоятельный должникъ! Онъ долженъ мнѣ по векселю двѣсти рублей, на платежъ денегъ не имѣетъ, и отъ этаго самаго впалъ въ нѣжныя чувства.

Мавра Тарасовна.

Къ кому-же это онъ, любопытно-бы...

Барабошевъ.

И даже очень любопытно (*Платону*). Слышишь, Зыбкинъ, намъ съ маменькой любопытно знать твой предметъ, такъ потрудись объяснить, братецъ.

Платонъ.

Мало-ли кому что любопытно! Нѣтъ ужъ, будетъ съ васъ. Я такъ, про себя писалъ.

Мухояровъ.

Да ты тѣнь-то не наводи, говори прямо!

Мавра Тарасовна.

Скажи, миленькій! Вотъ и посмѣемся всѣ вмѣстѣ, все-таки забава.

Платонъ.

Умру, не скажу.

Барабошевъ.

Онъ сейчасъ, маменька, скажетъ, у меня есть на него талисманъ (*вынимаетъ вексель*). Видишь свой документъ? Коли скажешь, годъ буду деньги ждать.

Платонъ.

Да невозможно. Смейтесь надо мной однимъ, чего вамъ еще нужно?

Мухояровъ.

Какъ есть храбрый лыцарь, но, при всемъ томъ, безъ понятія къ жизни.

Барабошевъ.

Мало тебѣ этого? Ну, изорву, коли скажешъ.

Платсяъ.

Жилы изъ меня тяните, не скажу.

Барабошевъ.

Ну такъ пеняй на себя! Сейчасъ пишу уплату, двадцать пять рублей тебѣ за мѣсяцъ. – Ставлю бланкъ, безъ оборо-ту на меня (*пишетъ на вексель*). Передаю вексель довѣ-ренному моему (*отдаетъ вексель Мухоярову*). Видишь?

Платонъ.

Чтожъ, ваша воля, отдавайте, кому хотите.

Барабошевъ (*Мухоярову*).

Завра-же представь вексель, получи исполнительный листъ и (*показывая на Зыбкина*) опусти его въ яму.

Платонъ (*съ испугомъ*).

Какъ, въ яму, зачѣмъ? Я молодой человѣкъ, помилуйте, мнѣ надо работать, маменьку кормить.

Барабошевъ.

Ничего, братецъ, посиди, тамъ не скучно; мы тебя посѣщать будемъ.

Мавра Тарасовна.

Да, миленькій, въ богатствѣ-то живя, мы Бога совсѣмъ забыли, нищей братіи мало помогаемъ; а тутъ будетъ въ заключеніи свой человѣкъ, все-таки вспомнишь къ празднику, завезешь калачика, то другое,—на душѣ-то и легче.

Барабошевъ.

Покорись, братецъ!

Платонъ (*опустивъ голову*).

Ну, въ яму, такъ въ яму! Но только я теперь ожесточился.

Мавра Тарасовна.

Какой ты, миленькій глупый! Двѣсти рублей для васъ велики деньги, хоть-бы мать то пожалѣлъ.

Платонъ.

Ахъ, ужъ не мучьте меня.

Мавра Тарасовна.

Вѣдь такъ чай какая-нибудь полоумная, либо мѣщанка забвенная. Хорошая дѣвушка, изъ богатаго семейства, тебя не полюбитъ; ну, что ты за человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ!

Платонъ.

Ничѣмъ я не хуже васъ, вотъ что! Я молодой человѣкъ, наружность мою одобряютъ, за свое образованіе, я личный почетный гражданинъ.

Мухояровъ.

Нѣтъ не личный,—а ты лишній почетный гражданинъ.

Барабошевъ.

Вотъ это вѣрно, что ты лишній.

Платонъ.

Нѣтъ, вы лишніе-то, а я нужный, я ученый человѣкъ, могу быть полезенъ обществу. Я патріотъ въ душѣ и на дѣлѣ могу доказать.

Барабошевъ.

Какой ты можешь быть патріотъ? Ты не смѣешь и произносить... потому это высоко, и не тебѣ понимать.

Платонъ.

Понимаю, очень хорошо понимаю. Всякій человѣкъ, что большой, что маленькій,—это все одно,—если онъ живетъ по правдѣ, какъ слѣдуетъ, хорошо, честно, благородно, дѣлаетъ свое дѣло себѣ и другимъ на пользу, — вотъ онъ и патріотъ своего отечества. А кто проживаетъ только готовое, ума и образованія не понимаетъ, дѣйствуетъ только по своему невѣжеству, съ обидой и съ насмѣшкой надъ человѣчествомъ, и только себѣ на потѣху, тотъ мерзавецъ своей жизни.

Барабошевъ.

А какъ ты обо мнѣ понимаешь? Ежели я ни то, ни другое, и, промежду всего этого, хочу быть самъ по себѣ?

Платонъ.

Да ужъ нелязя, только два сорта и есть, податься некуда: либо патріотъ своего отечества, либо мерзавецъ своей жизни.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ поди вонъ и ожидай себѣ по заслугамъ.

Мухояровъ.

А вотъ онъ у меня другую пѣсню запоетъ.

Платонъ.

Всю жизнь буду эту пѣсню пѣть, другой никто меня не заставитъ.

Барабошевъ.

Однако у меня отъ этихъ глупыхъ преніевъ въ горлѣ пересохло. Маменька, поподчуйте холодненькимъ, не заставьте умереть отъ жажды?

Мавра Тарасовна.

Пойдемъ, миленькій, и я съ тобою выпью. Какое это вино расчудесное, ежели его пить съ разумомъ.

Платонъ.

Прощайте, бабушка.

Мавра Тарасовна.

Прощай, внучекъ! бабушка да только не тебѣ.

Барабошевъ.

Господинъ Зыбкинъ, до свиданія у Воскресенскихъ воротъ! (*Мухоярову*). Проводи его честь честью!

Платонъ.

Чему вы рады? Кого вы гоните? Развѣ вы меня гоните? Вы правду отъ себя гоните, вотъ что! (*Уходитъ, за нимъ Мухояровъ, Мавра Тарасовна и Барабошевъ. Изъ кустовъ выходятъ Поликсена и Филицата*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Поликсена, Филицата.

Поликсена.

Няня, няня, Филицата!

Филицата (*не слушая*).

Ай, что онъ тутъ надѣлалъ-то, что натворилъ! Нако, хозяевамъ въ глаза такъ прямо.

Поликсена.

Филицата, да слушай ты меня!

Филицата.

Ну, что, что тебѣ?

Поликсена.

Чтобы ночью, когда всѣ уснутъ, онъ былъ здѣсь въ саду! Слышишь ты, слышишь? Непремѣнно.

Филицата.

Что ты, что ты, опомнись! Тебя хотятъ за енарала отдавать, а ты шшь, что придумываешь?...

Поликсена.

Я тебѣ говорю, чтобы онъ былъ здѣсь ночью! И ничего слышать не хочу, — ты меня знаешь.

Филицата.

Что ты объ своей головѣ думаешь? На что онъ тебѣ? Онъ тебѣ совсѣмъ не подъ кадрель. Ну хоть будь онъ какой Совѣтникъ, а то люди говорятъ, что онъ какой-то лишній на бѣломъ свѣтѣ.

Поликсена.

Такъ ты не хочешь? Говори прямо: не хочешь!

Филицата.

Да съ какой стати и съ чѣмъ это сообразно, коли тебя за енарала...

Поликсена (*доставая деньги*).

Такъ вотъ что: поди, купи мнѣ мышьяку!

Филицата.

Ай, батюшки! Ай, что ты, грѣховодница!

Поликсена (*отдавая деньги*).

Купи мнѣ мышьяку! А если не купишь, я сама пойду. (*уходитъ*).

Филицата.

Ай, погибаю, погибаю. Вотъ когда моей головушкѣ матъ пришелъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Зыбкина.
Платонъ.
Мухояровъ.
Филицата.
Сила Ерофеичъ Грозновъ, отставной унтеръ-офицеръ, лѣтъ 70-ти, въ новомъ очень широкомъ мундирѣ старой формы, вся грудь увѣшана медалями, на рукавахъ нашивки, фуражка теплая.

Бѣдная, маленькая комната въ квартирѣ Зыбкиной. Въ глубинѣ дверь въ кухню, у задней стѣны диванъ, надъ нимъ повѣшены въ рамкахъ школьные похвальные листы, на лѣво окно, на право шкафчикъ, подлѣ него обѣденный столъ; стулья простой, токарной работы. На столѣ тарелка съ яблоками.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зыбкина (*сидитъ у окна, входитъ*) Платонъ.

Платонъ (*садится утомленный*).

Готово. Теперь чистъ молодецъ, все заложилъ, что только можно было. Семи рублей не хватаетъ, такъ еще часишки остались.

Зыбкина.

А какъ жить-то будемъ?

Платонъ.

А какъ птицы живутъ? У нихъ денегъ нѣтъ. Только-бы долгъ-то отдать, а то руки развязаны. Вотъ деньги-то *(подаетъ Зыбкиной деньги)*. Пріберите! Завтра снесемъ.

Зыбкина.

А какъ жалко-то; столько денегъ въ рукахъ, и вдругъ ихъ нѣтъ.

Платонъ.

Да вѣдь нечего дѣлать: и плачешь да отдаешь.

Зыбкина.

Ужъ это первое дѣло, — долгъ отдать, петлю съ шеи скинуть, — послѣдняго не пожалѣешь. Бѣдно, голо, да за то совѣсть покойна, сердце на мѣстѣ.

Платонъ.

Какъ это, маменька, пріятно, что у насъ съ вами мысли одинакія.

Зыбкина.

А ты думаешь, ты одинъ честный-то человѣкъ. Нѣтъ, и я понимаю, что коли бралъ, такъ отдать надо. Просто ужъ это очень.

Платонъ.

А какъ я давеча этой ямы испугался.

Зыбкина.

Ну, вотъ! Да развѣ я допущу? Я послѣднее платье продамъ. Мухояровъ за тобой изъ трактира присылалъ, дѣло какое-то есть.

Платонъ.

Надо идти, у него знакомства много, работы не достанумъ черезъ него.

Зыбкина.

Поди. Убытку не будетъ, дома-то дѣлать нечего. (*Платонъ уходитъ*) Перечесть деньги-то, да въ комодъ запереть (*считаетъ деньги и запираетъ въ шкафчикъ. Входитъ Филицата*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Зыбкина, Филицата.

Филицата.

Снова здорово, сосѣдушка!

Зыбкина.

Здравствуй, Филицатушка! Садись! Какъ дѣла-то: по прежнему, аль что новое есть?

Филицата.

Охъ, ужъ и неговори! Голова кругомъ идетъ.

Зыбкина.

Была у колдуна-то?

Филицата.

Была. До утра ворожбу-то отложили; ужъ завтра натощакъ, что Богъ дастъ; а теперь другая забота у меня. Вотъ видишь-ли: хозяева наши хотятъ ундера на дворѣ имѣть, у воротъ поставить.

Зибкина.

Чтожъ, дѣло хорошее, при большомъ домѣ не лишнее.

Филицата.

Вотъ я и ѣздила за нимъ, у меня знакомый есть; да куда ѣздила-то! Въ Преображенское. Привезла было его съ собой да не во время: видишь, дѣло то къ ночи, теперь хозяевамъ доложить нельзя, забранятся, что безо времени безпокоятъ ихъ; а до утра чужаго человѣка въ домѣ оставить не смѣемъ.

Зыбкина.

Такъ вели ему завтра пораньше явиться, а теперь пусть домой идетъ.

Филицата.

Что ты, что ты! Ужъ куда ему назадъ плестись, да завтра опять такую даль колесить! Я его и сюда-то, въ одинъ конецъ, на силу довезла, боялась, что дорогой-то развалится.

Зыбкина.

Старенькій?

Филицата.

Ветхій старичекъ.

Зыбкина.

Такъ на чтожъ вамъ такого?

Филицата.

Да чтожъ у насъ, работа что-ль какая! У воротъ-то сидѣть трудность невелика. У насъ два дворника, а его только для порядку; онъ кандидатъ, на линіи офицера, весь въ медаляхъ, — вахмистръ, какъ слѣдуетъ. Состарѣлся, такъ ужъ это не его вина; лѣта подошли преклонныя, ну и ослабъ; а все-жъ такіи своего геройства не теряетъ.

Зыбкина.

Гдѣ-жъ онъ у тебя?

Филицата.

У калитки на лавочкѣ сидитъ, отдыхаетъ: растрясло, никакъ раздышаться не можетъ. Такъ вотъ я тебя и хочу просить: пріюти ты его до утра, онъ человчкъ смирный, солидный.

Зыбкина.

Чтожъ, ничего, пусть ночуетъ; за постой не возьму.

Филицата.

Смирный онъ, смирный, ты не безпокойся! А ужъ я тебѣ за это сама послужу. Дай ему поглодать чего нибудь, а уснетъ, гдѣ пришлось, — солдатская кость, къ перинамъ не привыченъ. (*Подходитъ къ окну*) Сила Ерофеичъ, войдите въ комнату! (*Зыбкиной*) Сила Ерофеичъ его зовутъто. Сынъ-то у тебя гдѣ?

Зыбкина.

По дѣлу побѣжалъ недалеко.

Филицата.

А и мнѣ его нужно-бы. Ну, да я къ тебѣ еще зайду; долеко-ль тутъ, всего черезъ улицу перебѣжать. Кстати тебѣ яблочковъ кулечекъ принесу.

Зыбкина.

Да у меня и прежнія твои еще ведутся. Вотъ на столѣ-то.

Филицата.

Ну все-таки не лишнее, — когда отъ скуки пожуешь; у меня вѣдь не купленныя (*входитъ Грозновъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Грозновъ.

Грозновъ (*вытягиваясь во фронтъ.*)

Здравія желаю!

Зыбкина.

Здравствуйте, Сила Ерофеичъ!

Филицата.

Это моя знакомая. Палагея Григорьевна... Вотъ вы, Сила Ерофеичъ, здѣсь и ночуете.

Грозновъ.

Благодарю покорно.

Зыбкина.

Садитесь, Сила Ерофеичъ! (*Грозновъ садится къ столу*) Яблочка не угодно-ли?

Грозновъ (*беретъ яблоко съ тарелки*).

Наливъ?

Зыбкина.

Бѣлый наливъ, мягкія яблоки.

Грозновъ.

Въ Курскѣ яблоки то хороши... Бывало набьешъ цѣлый ранецъ.

Зыбкина.

А дешевы тамъ яблоки?

Грозновъ.

Дешевы, очень дешевы.

Зыбкина.

Почемъ десятокъ?

Грозновъ.

Ежели въ саду, такъ солдату за даромъ, а съ прочихъ не знаю; а на рынкѣ тоже не покупалъ.

Зыбкина.

Да, ужъ это на что дешевле!

Филицата.

Ну, мнѣ пора домой бѣжать. (*Подходитъ къ Грозновy*) Вотъ что Сила Ерофеичъ: чтобъ васъ завтра скорѣй въ домъ-то къ намъ допустили, вы, отдохнувши, сегодня же понавѣдайтесь къ воротамъ. У насъ завсегда, либо дворникъ, либо кучеръ, либо садовникъ у воротъ сидятъ; поговорите съ ними, позовите ихъ въ трактиръ, поподчуйте хорошенько. Своихъ-то денегъ вамъ тратить не къ чему, да вы и нелюбите, я знаю; такъ вотъ вамъ на угощеніе! (*даетъ рублевую бумажку*).

Грозновъ.

Это хорошо, хорошо. Я такъ и сдѣлаю, я люблю въ компаніи-то, — особенно ежели на чужія-то...

Филицата.

А завтра, когда придете, скажите, что мой родственникъ; васъ прямо ко мнѣ наверхъ и проводятъ заднимъ крыльцомъ.

Грозновъ.

Я скажу, кумъ. Я все, бывало, такъ-то и съ молоду; когда нужно повидать, либо вызвать кого, такъ кумомъ сказывался, хе, хе, хе.

Филицата.

Значитъ, васъ учить нечего.

Грозновъ.

Что ученаго учить! Тоже вѣдь ходокъ былъ.

Зыбкина.

Да вы и сейчасъ на видъ-то не очень чтобы... еще мужчина бравый.

Грозновъ.

Чтожъ, я еще хоть куда, еще молодецъ; ну, а ужъ кумовство все ушло, — прежняго нѣтъ, тю-тю!

Филицата.

Вотъ вы и потолкуйте. Вы, Спла Ерофеичъ, разскажите, въ какихъ вы страженіяхъ стражались, какія страсти-ужасти произошли, какихъ королей, принцовъ видѣли; вотъ у васъ время-то и пройдетъ. А я черезъ часъ забѣгу, сына твоего мнѣ нужно видѣть непремѣнно (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Зыбкина, Грозновъ.

Зыбкина.

И рада-бы я васъ послушать, — очень я люблю, когда страшное что разсказываютъ, ну, и про королей, про принцевъ тоже интересно; да на умѣ-то у меня не то, свое горе одолѣло.

Грозновъ.

Я про сраженія-то ужъ плохо и помню, давно вѣдь это было. Прежде хорошо разсказывалъ, какъ Браиловъ брали, а теперь забылъ. Я больше двадцати лѣтъ въ чистой отставкѣ; послѣ-то все въ вахмистрахъ да въ присяжныхъ служилъ, гербовую бумагу продавалъ.

Зыбкина.

Все у денегъ, значитъ, были?

Грозновъ.

Много ихъ черезъ мои руки перешло.

Зыбкина.

А мы вотъ бьемся, такъ бьемся деньгами-то... Ужъ какъ нужны, какъ нужны!

Грозновъ.

Кому онѣ не нужны! Жить трудно стало: за все деньги плати.

Зыбкина.

Жить-то бы можно; а вотъ долгъ платить тяжело.

Грозновъ.

Да, платить тяжело; занимать гораздо легче.

Зыбкина.

Ну, не скажите! Вотъ я понабрала деньжонокъ долгъ-то отдать, а все еще не хватаетъ, да на прожитіе нужно,— рублей тридцать-бы призанять теперь; а гдѣ ихъ возьмешь? У того нѣтъ....

Грозновъ.

А у другаго есть, да не даетъ. Вотъ у меня и много, а я не дамъ.

Зыбкина.

Что вы говорите?

Грозновъ.

Говорю: денегъ много, а не дамъ.

Зыбкина.

Да почему-же?

Грозновъ.

Жалко.

Зыбкина.

Денегъ-то?

Грозновъ.

Нѣтъ, васъ.

Зыбкина.

Какъ-же это?

Грозновъ.

Я проценты очень большіе беру.

Зыбкина.

Скажите! Да на что вамъ: вы, кажется, человѣкъ одинокій.

Грозновъ.

Привычка такая. А вы кому должны?

Зыбкина.

Купцу.

Грозновъ.

Богатому?

Зыбкина.

Богатому.

Грозновъ.

Такъ и не платите. Объ чемъ горевать-то! Вотъ еще! Нужно очень себя раззорять.

Зыбкина.

Да вѣдь по векселю.

Грозновъ.

Такъ чтожъ за бѣда, что по векселю. Нѣтъ, что вы, помилуйте! И думать нечего! Неплатите, да и все тутъ. А много-ли должны-то?

Зыбкина.

Да безъ малаго двѣсти рублей.

Грозновъ.

Двѣсти? Ни, ни, ни! Что вы, въ умѣ ли!... Столько денегъ отдать? Да ни подъ какимъ видомъ не платите!

Зыбкина.

Да вѣдь онъ документъ взялъ, говорю я вамъ.

Грозновъ.

Ну, а взялъ, такъ чтожъ ему еще! И пусть его смотритъ на документъ-то.

Зыбкина.

Да вѣдь посадитъ сына-то.

Грозновъ.

Куда?

Зыбкина.

Въ яму, къ Воскресенскимъ воротамъ.

Грозновъ.

Чтожъ, это ничего, пущай посидитъ, тамъ хорошо... пищу очень хвалятъ.

Зыбкина.

Да вѣдь срамъ, помилуйте.

Грозновъ.

Нѣтъ, ничего, тамъ и хорошіе люди сидятъ, значительные, компанія хорошая. А бѣдному человѣку, такъ и на что лучше: покойно, квартира теплая, готовая, хлѣбъ все больше пшеничный.

Зыбкина.

Это, дѣйствительно, правда ваша; только жалко, сынъ вѣдь.

Грозновъ.

Что его жалѣть-то! Посидитъ, да опять домой придетъ. Деньги-то жальче, онѣ ужъ не воротятся, запретъ ихъ купецъ въ сундукъ, вотъ и идите домой ни съ чѣмъ. А спрятать ихъ подальше, да вынимать по немножку на нужду, такъ на сколько ихъ хватитъ! Ну, пропади у васъ столько денегъ, чтобы вы сказали?

Зыбкина.

Сохрани Богъ! Съ ума можно сойти.

Грозновъ.

Украдутъ жалко; а своими руками отдать не жалко. Смѣшно. Руки-то по локоть отрубить надо, которыя свое добро отдаютъ.

Зыбкина.

Справедливы ваши рѣчи, очень справедливы; а все-таки у меня-то сомнѣніе: чужія деньги, взятыя, какъ ихъ не отдать.

Грозновъ.

Да вы развѣ на сбереженье брали? Коли на сбереженье брали, да онѣ у васъ цѣлы,—такъ отдавайте. А я думалъ, это трудовыя. Трудовыя-то люди жалѣютъ, берегутъ.

Зыбкина.

Такъ вы не совѣтуете отдавать?

Грозновъ.

Купецъ отъ вашихъ денегъ не разбогатѣетъ; а себя разорите

Зыбкина.

Ужъ какъ я вамъ благодарна. Женскій умъ, что дѣлать-то, всего несообразишь. А ежели сынъ требовать будетъ?

Грозновъ.

А что сынъ! Сиди молъ, вотъ и все! Надоѣстъ купцу кормовыя платить, ну, и выпуститъ, либо къ празднику кто выпуститъ.

Зыбкина.

Какъ это все вѣрно, что вы говорите (*входятъ Платонъ и Мухояровъ. Грозновъ садится сзади стола у шкафа и жуетъ яблоко*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Зыбкина, Грозновъ, Платонъ, Мухояровъ.

Мухояровъ (*садится, разваливается и надѣваетъ пенснэ*).

Скажите пожалуйста, я васъ спрашиваю: вашъ сынъ имѣетъ въ себѣ какой-нибудь разсудокъ.

Зыбкина.

Не знаю, какъ вамъ сказать. Кажется, Богъ не обидѣлъ, ну, и учили мы его.

Мухояровъ.

Однако и образованія настоящаго по бухгалтерской части я не вижу.

Платонъ.

Фальшивые балансы-то тебѣ писать? Нѣтъ, ужъ это на что же.

Мухояровъ.

Не съ вами говорятъ, а съ вашей маменькой. Но я даю ему работу и очень интересную,—балансъ стоитъ сто рублей, я предлагаю полтораста; но онъ не беретъ.

Платонъ.

Совѣсти не продамъ, сказано тебѣ, и не торгуйся лучше.

Мухояровъ.

Какой-же ты бухгалтеръ! Отъ тебя твоей науки сейчасъ требуютъ, а не совѣсти; значитъ, ты не своимъ товаромъ торгуешь.

Платонъ.

Да ужъ будетъ разговаривать-то! Тысячи рублей не возьму, вотъ тебѣ и сказъ!

Мухояровъ.

Твоя глупость при тебѣ,—я спорить не стану. Мы людей найдемъ (*Зыбкиной*). У насъ дѣло вотъ какого роду: много денегъ въ кассѣ не хватаетъ, хозяинъ издержалъ на свои развлеченія: такъ намъ требуется балансъ такъ оттушевать, чтобы старуха разобрать ничего не могла (*показывая на Грознова*). Что это у васъ за орангутанъ?

Зыбкина.

Какой орангутанъ, помилуйте! Это кавалеръ. Ваша нянька хочетъ его къ вамъ въ ундера поставить. (*Грознову указывая на Платона*). Вотъ, Сила Ерофеичъ, сынокъ-то мой, про котораго говорили.

Грозновъ.

Парень знатный! (*манитъ рукой Платона*) Поди-ко сюда поближе. (*Платонъ подходитъ*). Кто это? (*указывая на Мухоярова*).

Платонъ.

Приказчикъ отъ Барабошева.

Грозновъ.

О!... А я думалъ... (*отворачивается и жуетъ яблоко*).

Мухояровъ (*вставая*).

Хорошъ мужчина.

Грозновъ.

Не дуренъ. А ты какъ думаешь?

Зыбкина.

Онъ въ разныхъ сраженіяхъ бывалъ, королей, императоровъ и всякихъ принцевъ видѣлъ.

Мухояровъ.

Вретъ все, ничего онъ не видѣлъ; за пушкой лежалъ гдѣ нибудь.

Грозновъ.

Нѣтъ видѣлъ.

Мухояровъ.

На картинкѣ?

Грозновъ (*сердится*).

Въ натурѣ.

Мухояровъ.

Котораго?

Грозновъ.

Австрицкаго прежняго.

Мухояровъ.

А какой онъ изъ себя? Малъ, великъ, толстъ, тонокъ? Вотъ и не скажешъ.

Грозновъ.

Нѣтъ скажу.

Мухояровъ.

А скажешъ, такъ и говорп! Вотъ мы твою правду и узнаемъ. Ну какой?

Грозновъ (*передразнивая*).

Какой, какой! Солидный человѣкъ, не тебѣ чета (*встаетъ*). Ну, я пойду.

Зыбкина.

Идите, Сила Ерофеичъ.

Мухояровъ.

Куда намъ такую ветошь? У насъ не Матросская богадѣльня. Развѣ для потѣхи?

Грозновъ.

Поживи-ко съ мое, такъ самъ въ богадѣльню запросишься, а я еще на своихъ харчахъ живу. А у Барабошевыхъ тебя держать станутъ-ли, нѣтъ-ли, не знаю; а я жить буду. А коли будемъ жить вмѣстѣ, не прогонятъ тебя, такъ ты мнѣ вотъ какъ будешъ кланяться. Небольно ты важенъ, видали по чище (*уходитъ*).

Мухояровъ.

Я прихожу къ вамъ, въ родѣ-какъ благодѣтель, интересую васъ работой; но вы сами не хотите, значитъ, прощайте! Между прочимъ сказать, — я вамъ не опекунъ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Зыбкина, Платонъ.

Платонъ.

Поняли, маменька?

Зыбкина.

Нечего мнѣ понимать, да и не за чѣмъ.

Платонъ.

Какую штуку-то гнетъ! Сами обманывать не умѣютъ, такъ людей нанимаютъ.

Зыбкина.

Кого обманывать-то?

Платонъ.

Старуху, Барабошеву старуху. Какую работу нашелъ, скажите!

Зыбкина.

Да ты эту работу умѣешъ сдѣлать?

Платонъ.

Какъ неумѣть, коли я этому учился.

Зыбкина.

Деньги дадутъ за нее?

Платонъ.

Полтораста посулилъ.

Зыбкина.

Милліонщики мы?

Платонъ.

Мы не милліонщики; но я, маменька, патріотъ.

Зыбкина.

Извергъ ты, вотъ что! (*утираетъ платкомъ глаза*).

Платонъ.

Объ чемъ вы плачете? Вы должны хвалить меня, я вотъ послѣдніе часики продалъ.

Зыбкина.

За чѣмъ это?

Платонъ.

Чтобы долгъ заплатить (*достаетъ деньги*). Вотъ, приложите къ тѣмъ.

Зыбкина.

Нѣтъ, оставь у себя, пригодятся. Безъ денегъ-то вездѣ плохо.

Платонъ.

Да вѣдь тамъ не хватаетъ.

Зыбкина.

Чего не хватаетъ?

Платонъ.

Долгъ-то отдать; не всѣ вѣдь.

Зыбкина.

Да ужъ я раздумала платить-то. Совсѣмъ, было, ты меня съ толку сбилъ: какую глупость сдѣлать хотѣла! Какъ это раззорить себя....

Платонъ.

Маменька, что вы, что вы!

Зыбкина.

Хорошо еще, что нашлись умные люди, отсовѣтовали. Руки по локоть отрубить, кто трудовыя-то отдаетъ.

Платонъ.

Маменька, маменька, да вѣдь меня въ яму, въ яму.

Зыбкина.

Да, мой другъ. Ужъ поплачу надъ тобой, да, нечего дѣлать, благословлю тебя да и отпущу. Съ благословеніемъ моимъ тебя отпущу, ты не безпокойся!

Платонъ.

Маменька, да вѣдь съ тріумфомъ меня повезутъ, провожать въ десяти экипажахъ будутъ, извощиковъ наймутъ, процессію устроятъ, издѣваться станутъ, только вѣдь имъ того и нужно.

Зыбкина.

Чтожъ дѣлать-то! Ужъ потерпи, пострадай!

Платонъ.

Маменька, да вѣдь навѣщать будутъ, калачи возить, — все съ насмѣшкой.

Зыбкина.

Мякинькій калачекъ съ часомъ развѣ дурно?

Платонъ.

Ну, а послѣ чаю-то, что мнѣ тамъ дѣлать цѣлый день. Батюшки мои! Въ преферансъ я играть не умѣю. Чулки вязать только и остается.

Зыбкина.

И то дѣло, другъ мой, все таки не сложа руки сидѣть.

Платонъ *(съ жаромъ).*

Такъ готовьте мнѣ нитокъ и иголокъ, больше готовьте, больше!

Зыбкина.

Приготовлю, мой другъ, много приготовлю.

Платонъ *(садится, опуская голову).*

Отъ васъ-то я, маменька, не ожидалъ,—признаться сказать, никакъ не ожидалъ.

Зыбкина.

За то деньги будутъ цѣлѣе, милый другъ мой.

Платонъ.

Всю жизнь я, маменька, сражаюсь съ невѣжествомъ, только дома утѣшеніе и вижу, и вдругъ, какой ударъ, въ родной матери я тоже самое нахожу.

Зыбкина.

Что, тоже самое? Невѣжество-то? Брани мать-то, брани!

Платонъ.

Какъ я маменька, смѣю васъ бранить! Я не такой сынъ. А только вѣдь оно самое и есть.

Зыбкина.

Обижай, обижай! Вотъ посидишъ въ ямѣ-то, такъ авось по умнѣе будешъ.

Платонъ.

Чтожъ мнѣ дѣлать-то? Кругомъ меня не образованіе, обошло оно меня со всѣхъ сторонъ, одолѣваетъ меня, одолѣваетъ. Ахъ! Пойду брошусь, утоплюся.

Зыбкина.

Не бросишься.

Платонъ.

Конечно, не брошусь, потому это глупо. А я вотъ что, вотъ что (*садится къ столу, вынимаетъ бумагу и карандашъ*).

Зыбкина.

Это что еще?

Платонъ.

Стихи буду писать. Въ такомъ огорченіи всегда такъ дѣлаютъ образованные люди.

Зыбкина.

Что ты выдумываешь!

Платонъ.

Чувствъ моихъ непонимаютъ, души моей оцѣнить не могутъ и не хотятъ;—вотъ все это тутъ и будетъ обозначено.

Зыбкина.

Какіе-жъ это будутъ стихи?

Платонъ.

„На гробъ юноши". — А вамъ читать, да слезы проливать. Будетъ, маменька, слезъ тутъ вашихъ много, много будетъ (*задумывается, пишетъ и опять задумывается. Входитъ Филицата съ узломъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Зыбкина, Платонъ, Филицата.

Филицата.

Вотъ я тебѣ яблочковъ принесла! На-ко! (*отдаетъ узелъ*). Салфеточку-то не забудь, хозяйская.

Зыбкина.

Спасибо, Филицатушка, объ салфеткѣ попомню.

Филицата.

Освободи-ко насъ на минутку, нужно мнѣ Платону два слова сказать.

Зыбкина.

Объ чемъ-же это?

Филицата.

Наше дѣло, мы съ нимъ только двое и знаемъ.

Зыбкина.

Я уйду, говорите. Говори что хочешъ, только бы намъ на пользу шло. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Платонъ, Филицата.

Филицата.

Послушай-ка ты, побѣдитель!

Платонъ.

Погоди, не мѣшай! Фантазія разыгрывается.

Филицата.

Брось, говорю! Неважное какое дѣло-то пишешъ, не государственное. Я посломъ къ тебѣ.

Платонъ (*пишетъ*).

Ничего хорошаго отъ тебя неожидаю.

Филицата.

Въ гости зовутъ.

Платонъ.

Когда?

Филицата.

Сейчасъ пойдемъ со мной! Провожу я тебя въ сторожку, посидишъ тамъ до ночи, а потомъ въ садъ, когда всѣ уснутъ. По обыкновенію, какъ и прежде бывало, туже канитель будемъ тянуть.

Платонъ.

Не до того, я очень душой разстроенъ.

Филицата.

А ты выручи меня! Приказала, чтобъ ты былъ безпремѣнно.

Платонъ.

Да вѣдь это мука моя, вѣдь тиранство она надо мной дѣлаетъ.

Филицата.

Чтожъ дѣлать-то! Не ровная она тебѣ... а ты-бы ужъ радъ... Мало-ль что! Чинъ твой не позволяетъ.

Платонъ.

Скоро что-то; давно-ль видѣлись! Прежде бывало, дней черезъ пять, черезъ шесть.

Филицата.

Значитъ, нужно. Оказія такая случилась.

Платонъ.

Что еще? Говори, нескрывай!

Филицата.

Слушай меня! Надежды вѣдь ты никакой на нее не имѣешъ?

Платонъ.

Какая надежда! На что тутъ надѣяться!

Филицата.

Значитъ, и жалѣть о ней тебѣ много нечего.

Платонъ.

Не знаю. Какъ сердце приметъ. Тоже вѣдь оно у меня не каменное.

Филицата.

Ну, авось не умрешъ. Ее за енарала отдаютъ.

Платонъ.

За генерала?

Филицата.

Да. Такъ ужъ ты тутъ причемъ? Что ты противъ енарала можешъ значить?

Платонъ.

Гдѣ ужъ! Такая-то мелочь, такая-то мелочь, что самому

на себя глядѣть жалко (*качая головой*). Но кто-жъ этаго ожидалъ.

Филицата.

Такъ пойдемъ. Должно быть, проститься съ тобой хочетъ.

Платонъ.

Приказываетъ, такъ надо идти. Вотъ она, жизнь-то моя: одно горе не оплакалъ, — другое на плечи валится, (*махнувъ рукою*). Одни стихи не кончилъ, другіе начинай! (*въ задумчивости*). Вотъ и повезутъ... и повезутъ насъ врозь,— ее въ каретѣ вѣнчаться съ генераломъ, а меня Судебный Приставъ за воротъ въ яму. (*За сценой голосъ Грознова: „Еслибъ завтра да ненастье, тото-бъ рада я была“*). Это чтожъ такое?

Филицата.

Должно быть, Сила, Ерофеичъ вернулся; въ трактирѣ былъ съ нашими: съ дворникомъ да съ садовникомъ. (*Голосъ за сценой; „Еслибъ дождикъ мое счастье“*) Ну онъ и есть. (*входятъ Зыбкина и Грозновъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Платонъ, Филицата, Зыбкина и Грозновъ.

Грозновъ (*поетъ*).

„За малинкой-бъ въ лѣсъ пошла“ (*садится на етулъ*).

Филицата (*Зыбкиной*).

Угомони ты его! Онъ теперь уснетъ, какъ умретъ. А сына твоего я съ собой уведу.

Зыбкина.

Пущай идетъ. Своя воля, не маленькій. (*Филицата и Платонъ уходятъ*).

Грозновъ (*поетъ*).

„За малинкой-бъ въ лѣсъ пошла“. Гдѣ онъ тутъ?

Зыбкина.

Кто, онъ-то?

Грозновъ.

Приказчикъ этотъ. Вотъ онъ теперь поговори со мной! Я его (*топаетъ ногами*).

Зыбкина.

Онъ давно ушелъ, Сила Ерофеичъ.

Грозновъ.

Подайте его сюда! Смѣяться надъ Грозновымъ!... Вотъ я ему задамъ!

Зыбкина.

Да гдѣ-жъ его взять-то?

Грозновъ.

Ты смѣяться надо мной? Ахъ ты молокососъ! Что ты, что ты! Ты знаешь-ли, что такое Грозновъ... Сила Грозновъ?... Грозновъ герой... одно слово... пришелъ, увидилъ, ну, и кончено. Это только уму... у... у... непостижимо.

Зыбкина.

Ахъ, скажите пожалуйста!

Грозновъ.

Молодой Грозновъ... ну, да, не теперь, а молодой.

Зыбкина.

Ахъ, какъ это интересно.

Грозновъ.

Была женщина красавица, и были у нея станы ткацкіе, на Разгуляѣ... тамъ далеко... въ Гав... въ Гав... въ Гавриковомъ переулкѣ, и того дальше... Только давно это было... передъ турецкой войной. Тогда этотъ Турка взбунтовался, а мы его били... за это... Вотъ каковъ Грозновъ! А ты шутить! Мальчишка.

Зыбкина.

Ну, и что же эта женщина, Сила Ерофеичъ?

Грозновъ.

Вотъ и полюбила она Грознова... и имѣлъ Грозновъ отъ нея всякіе продукты и деньги... И услали Грознова подъ Турку... И чуть она тогда съ горя не померла... такъ малость самую... въ чемъ душа осталась. А Грозновъ сталъ

воевать... Вотъ каковъ Грозновъ, а ты мальчишко! У... у... у... (*топаетъ ногами*).

Зыбкина.

Дальше-то, дальше-то что, Сила Ерофеичъ?

Грозновъ.

Только умереть она не умерла, а вышла замужъ за богатаго купца... очень влюбился; такая была красавица... по всей Москвѣ одна. Первая красавица въ Москвѣ, и та любила Грознова... Вотъ онъ какой, вотъ онъ какой.

Зыбкина.

И ужъ вы послѣ эту женщину не видали?

Грозновъ.

Какъ не видать, видѣлъ (*постъ*). „За малинкой-бъ въ лѣсъ пошла“.

Зыбкина.

Чай не узнала васъ, отвернулась, будто и не знакомы?

Грозновъ.

Ну, нѣтъ. Тутъ такая исторія была, такая исторія, что и думать, такъ не придумаешь.

Зыбкина.

Ужъ вы будьте столь добры, доскажите до конца.

Грозновъ.

Вотъ пришелъ я въ Москву въ побывку, узналъ, что она замужемъ... распросилъ, какъ живетъ и гдѣ живетъ. Иду къ ней, домъ княжескія палаты; мужа на ту пору нѣтъ... Какъ увидала она меня, и взметалась, и взметалась... ужъ очень испугалась... Мужъ-то ее въ большой строгости держалъ... И деньги-то мнѣ тычетъ... и перстни-то снимаетъ съ рукъ, отдаетъ, я все это беру... Дрожитъ, вся трясется, такъ по стѣнамъ и кидается: а мнѣ весело. „Возьми, что хочешь, только мужу не показывайся!“ Раза три я такъ-то приходилъ... тиранилъ ее... Ну, и сталъ прощаться, надо въ полкъ идти,—а она-то себя не помнитъ отъ радости, что покойна-то будетъ... И что-же я съ ней тогда сдѣлалъ... по ученію умныхъ людей... Мудрить-то мнѣ надъ ней все

хотѣлось... Взялъ я съ нея такую самую страшную клятву, что, ежели эту клятву неисполнить, такъ разнесетъ всего человѣка... Съ часъ она у меня молилась, все себя проклинала, потомъ сняла образъ со стѣны... А клятва эта была въ томъ, что, ежели я ворочусь благополучно, и что не истребую у нея, чтобъ все было... А на что мнѣ? такъ пугалъ... И клятва эта вся пустая, такъ слова дурацкія: на морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ... Въ шею бы меня тогда... а она въ сурьезъ... Такъ вотъ каковъ Грозновъ!

Зыбкина.

А что жъ дальше-то?

Грозновъ.

Ничего. Чему быть-то?... Я всего пять дней и въ Москвѣ-то... умирать на родину пріѣхалъ... а то все въ Питерѣ жилъ... Такъ чего мнѣ?... Деньги есть... покой мнѣ нуженъ, вотъ и все... А чтобъ меня обидѣть, такъ это нѣтъ, шалишь... Гдѣ онъ тутъ? Давайте его сюда! (*топаетъ ногами, потомъ дремлетъ*). „За малинкой-бъ въ лѣсъ пошла“.

Зыбкина.

Ложились-бы вы, храбрый воинъ, почивать.

Грозновъ (*стряхивая дремоту*).

Зорю били?

Зыбкина.

Били.

Грозновъ.

Ну, теперь одно дѣло спать.

Зыбкина.

Вотъ сюда, на диванчикъ, пожалуйте!

Грозновъ (*садясь на диванъ отваливается назадъ и поднимаетъ руки*).

Царю мой и Боже мой!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Л и ц а:

Мавра Тарасовна.
Барабошевъ.
Поликсена.
Мухояровъ.
Платонъ.
Филицата.
Глѣбъ.

Декорація 1-го дѣйствія. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Глѣбъ (*одинъ*).

Какая все, годъ отъ году, перемѣна въ Москвѣ, совсѣмъ другая жизнь пошла. Бывало, въ купеческомъ домѣ въ девять часовъ хозяева-то ужъ второй сонъ видятъ, такъ для людей-то какой просторъ! А теперь вотъ десять часовъ скоро, а еще у насъ не ужинали, еще проклажаются, по саду гуляютъ. А что хорошаго! Только прислугѣ стѣсненіе! Вотъ мѣшки-то съ яблоками съ которыхъ поръ валяются, никакъ ихъ со дъора не сволочешь, не улучишь минуты за ворота вынести; то самъ тутъ путается, то сама толчется. Тоже вѣдь и намъ покой нуженъ; вотъ снесъ-бы яблоки и спалъ, а то жди, когда они угомонятся. (*Входитъ Мавра Тарасовна и Филицата*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Глѣвъ, Мавра Тарасовна, Филицата.

Глѣбъ.

Я вотъ, Мавра Тарасовна, разсуждаю, стою, что порабы намъ яблоки-то обирать. Что они мотаются! Только одно сумлѣніе съ ними да грѣхъ; стереги ихъ, броди по ночамъ, чѣмъ-бы спать, какъ это предоставлено человѣку.

Мавра Тарасовна.

Я свое время знаю, когда обирать ихъ.

Глѣбъ.

То-то, молъ. Отобрать-бы: которые въ мочку, которые въ лежку, опять ежели варенье...

Мавра Тарасовна.

Ужъ это, миленькій, не твое дѣло.

Глѣбъ.

Да мнѣ что! Я со всѣмъ расположеніемъ... ужъ я теперь неусыпно... Нѣтъ, я за умъ взялся: стеречь надо, вотъ что!

Мавра Тарасовна.

Стереги, миленькій, стери.

Глѣбъ.

А вора я вамъ предоставлю... что я виноватъ, ужъ это, нѣтъ, едва-ли! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Мавра Тарасовна, Филицата.

Мавра Тарасовна.

Амосъ Панфилычъ давно уѣхалъ?

Филицата.

Да онъ, матушка, дома.

Мавра Тарасовна.

Что такъ замѣшкался?

Филицата.

Да, видно, не поѣдетъ; и лошадей не закладываютъ, да и кучеръ со двора отпросился.

Мавра Тарасовна.

По буднямъ всѣ ночи на пролетъ гуляетъ, а въ праздникъ дома; чему приписать, не знаю.

Филицата.

Что человѣка изъ дому-то гонитъ? отвага. А ежели отваги нѣтъ, ну, и сидитъ дома — Вотъ какое дѣло; а то чему-жъ другому быть-то!

Мавра Тарасовна.

Куда-жъ эта его отвага дѣвалась?

Филицата.

Первая отвага въ человѣкѣ, коли денегъ много; а деньги подъ исходъ, такъ человѣкъ скромнѣе бываетъ и чувствительнѣе, и объ домѣ вспомнитъ и объ семействѣ.

Мавра Тарасовна.

Такъ отъ безденежья, ты думаешь.

Филицата.

Одно дѣло, что прохарчился, матушка.

Мавра Тарасовна.

Ты съ приказчиками-то, миленькая, дружбу водишь, такъ что говорятъ-то? Ты мнѣ какъ на духу!

Филицата.

Да что-жъ! Тонки дѣла, тонки.

Мавра Тарасовна.

Торговля плоха, стало быть?

Филицата.

Да что торговля! Какая она нибудь, а если нынче изъ выручки тысячу, завтра двѣ, да такъ постепенно выгребать, много-ли барыша останется. А тутъ самимъ платить приходится; а денегъ нѣтъ, вотъ отъ чего и тоска, и ужъ такого легкаго духу нѣтъ, чтобъ тебя погулять манило.

Мавра Тарасовна.

А много-ль Амосъ Панфилычъ на себя забралъ изъ выручки-то?

Филицата.

Говорятъ, тысячъ двадцать пять въ короткое время.

Мавра Тарасовна.

Ну, чтожъ, мпленькая, пущай, мы люди богатые, только одинъ сынъ у меня; въ кого-жъ и жить-то?

Филицата.

Да что ужъ! Только бъ быть здоровыми.

Мавра Тарасовна.

Еще чего не знаешь-ли? Такъ ужъ говори кстати, благо начали.

Филицата.

Платона даромъ обидѣли, вотъ что! Онъ хозяйскую пользу соблюдалъ, и такія книги писалъ, что въ нихъ все одно, что въ зеркалѣ, сейчасъ видно, кто и какъ сплутовалъ. За то и возненавидѣли.

Мавра Тарасовна.

Конечно, такіе люди дороги; а коли грубитъ, такъ вѣдь одного дня терпѣть нельзя.

Филицата.

Ваше дѣло, мы судить не смѣемъ. (*Проходятъ. Съ другой стороны входятъ: Барабошевъ и Мухояровъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Барабошевъ, Мухояровъ.

Барабошевъ.

Почему такое, Никандра, у насъ въ кассѣ деньги не въ должномъ количествѣ?

Мухояровъ.

Такая выручка, Амосъ Панфилычъ, ничего не подѣлаешь.

Барабошевъ.

Мнѣ нужно тысячи двѣ на мои удовольствія и вдругъ сюрпризъ.

Мухояровъ.

Уплаты были, сроки подошли.

Барабошевъ.

А какъ, братецъ, нашъ портфель?

Мухояровъ.

Портфель полнехонекъ, гербовой бумаги очень достаточно.

Барабошевъ.

Въ такомъ разѣ дисконтируй!

Мухояровъ.

Гдѣ прикажете?

Барабошевъ.

Никандра, ты меня удивляешь. Ступай, братецъ по Ильинкѣ, на лѣво одинъ банкъ, на право другой.

Мухояровъ.

Да-съ, это точно-съ. Вотъ еслибъ вы сказали: ступай по Ильинкѣ на лѣво одинъ трактиръ дальше другой, въ одномъ спросп полуторный, въ другомъ порцію солянки закажи; такъ это осуществить можно-съ. А ежели заходить въ банки, такъ это одинъ моціонъ, больше ничего-съ; хоть на лѣво заходи, хоть на право, ни копѣйки за наши векселя не дадутъ.

Барабошевъ.

Но мой бланкъ чего-нибудь стоитъ?

Мухояровъ.

Еще хуже-съ.

Барабошевъ.

Значитъ, я тебя буду учить, коли ты настоящаго не понимаешь. Нужны деньги, процентовъ не жалѣй, дисконтируй въ частныхъ рукахъ, у....

Мухояровъ.

Все это мнѣ давно извѣстно-съ! Но въ частныхъ рукахъ полторы копѣйки въ мѣсяцъ за хорошіе-съ.

Барабошевъ.

А за наши?

Мухояровъ.

Ни копѣйки-съ.

Барабошевъ.

Полученіе предвидится?

Мухояровъ.

Полученія много, только получить ничего нельзя-съ.

Барабошевъ.

А платежи?

Мухояровъ.

А платежи завтрашняго числа, и послѣ завтра, и еще черезъ недѣлю.

Барабошевъ.

Какая сумма?

Мухояровъ.

Тысячъ болѣе тридцати съ.

Барабошевъ.

Постой, постой! Ты, братецъ, долженъ осторожнѣе. Ты меня убилъ *(садится на скамейку)*.

Мухояровъ.

У Мавры Тарасовны деньги свободныя-съ.

Барабошевъ.

Но у нея у сундука замокъ очень тугъ.

Мухояровъ.

Пріидите поклонимся.

Барабошевъ.

Она любитъ, чтобъ ей въ присядку кланялись, до сырой земли.

Мухояровъ.

И ничего незазорно-съ, потому родительница.

Барабошевъ.

Хрящи-то у меня срослись, гибкости, братецъ, прежней въ себѣ не нахожу.

Мухояровъ.

Оно точно-съ, выдѣлывать эти самыя на довольно затруднительно,—но, при всемъ томъ, обойтись безъ нихъ никакъ невозможно-съ.

Барабошевъ.

Поклоны-то поклонами, эту эпитимію мы выдержимъ, но, для убѣжденія, нужна и словесность.

Мухояровъ.

За словесностью остановки не будетъ, потому какъ у васъ на это даръ свыше. Пущайте противъ маменьки аллегорію, а я въ вашъ тонъ потрафлю,—противъ вашей ноты фальши не будетъ.

Барабошевъ.

Значитъ, спѣлись (*входитъ Мавра Тарасовна*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Барабошевъ, Мухояровъ, Мавра Тарасовна.

Мавра Тарасовна.

Ты дома, миленькій? На чемъ это записать? Какъ это ты сплоховалъ, что тебя ночь дома застала, соловьиное время пропустилъ.

Барабошевъ.

Соловьиное время только до Петрова дни-съ.

Мавра Тарасоввa.

Для тебя, миленькій, видно, круглый годъ поютъ; вечерняя заря тебя изъ дому гонитъ, а утреняя загоняетъ. Дурно я объ сынѣ думать не могу, такъ все полагала, что ты соловья слушаешь! Ужъ здоровъ-ли ты?

Барабошевъ.

Болѣзни во мнѣ никакой, только воздыханіе въ груди частое и отъ того стѣсненіе.

Мавра Тарасовна.

Не отъ вина-ли? Ты-бы ему немножко отдохнуть далъ.

Барабошевъ.

Вино на меня дѣйствія не имѣетъ. А ежели какой отъ него вредъ случится, только недѣльку перегодить и на нутръ цапцапарель принимать,—все испареніемъ выдетъ и опять сызнова можно, сколько угодно. Скорѣй-же я могу разстроиться, отъ безпокойства.

Мавра Тарасовна.

Что-же тебя, миленькій, безпокоитъ?

Барабошевъ.

Курсы слабы. Никандра, какъ на Лондонъ?

Мухояровъ.

Двадцать девять пять осьмыхъ-съ.

Барабошевъ.

А дисконтъ?

Мухояровъ.

Приступу нѣтъ-съ.

Мавра Тарасовна.

Да на что тебѣ Лондонъ, миленькій?

Барабошевъ.

Лондонъ, конечно, будетъ въ сторонѣ, но мнѣ отъ дисконту большой убытокъ. Денегъ въ кассѣ наличныхъ нѣтъ.

Мавра Тарасовна.

Куда-жъ они дѣлись?

Барабошевъ.

Я на нихъ спекуляцію сдѣлалъ въ компаніи съ однимъ негоціантомъ. — Открыли натуральный сахарный песокъ, такъ мы купили.

Мавра Тарасовна.

Какъ такъ натуральный?

Барабошевъ.

По берегамъ рѣкъ.

Мавра Тарасовна.

Какъ-же онъ не растаетъ?

Барабошевъ.

Въ нашей водѣ точно растаять долженъ, а это въ чужихъ земляхъ... Гдѣ, Никандра, нашли его?

Мухояровъ.

Въ Бухарѣ-съ. Тамъ такія рѣки, что въ нихъ никогда воды не бываетъ-съ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты съ барышемъ будешь, миленькій?

Барабошевъ.

Интересы будутъ значительные, но, въ настоящее время, есть платежи и нужны наличныя деньги, а ихъ въ кассѣ нѣтъ.

Мавра Тарасовна.

Такъ-бы ты и говорилъ; что нужны, молъ, деньги, а сахаромъ-то не подслащалъ.

Барабошевъ.

Я вамъ въ обезпеченіе вашихъ денегъ представлю векселей на двойную сумму.

Мавра Тарасовна.

Пойдемъ, миленькій, въ комнатахъ потолкуемъ, да векселя и всѣ счеты мнѣ принесите! Я хоть мало грамотна, а разберу кой что.

Барабошевъ.

Захвати, Никандра, всѣ нужные документы! (*уходятъ: Мавра Тарасовна, Барабошевъ и Мухояровъ. Входитъ Глѣбъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Глѣбъ, потомъ Филицата и Поликсена.

Глѣбъ.

Насилу-то ихъ унесло. Теперь мѣшки на плечи одинъ по одному, да по заборчику, по холодку-то оно любо. Хоть и тяжеленьки, мѣры по двѣ будетъ въ каждомъ, да своя ноша не тянетъ. Гдѣ они тутъ? (*входитъ Поликсена и Филицата*). Вотъ еще принесло! Эхъ, наказанье! (*Филицата подходитъ, Поликсена остается вдали*). Что на васъ угомону нѣтъ? Полуночники, право полуночники.

Филицата.

Да тебѣ что за печаль?

Глѣбъ.

Ну, ужъ домъ! Попалъ я на мѣстечко!

Филицата.

Не грѣши! Чего тебѣ мало? Завсегда сытъ, пьянъ хоть не сплошь, такъ ужъ черезъ день аккуратно; съ хорошаго человѣка и довольно бы.

Глѣбъ.

Вы долго прогуляете?

Филицата.

Ты сторожемъ, чтоль при насъ преставленъ?

Глѣбъ.

Я при яблокахъ.

Филицата.

Говорить-то тебѣ нечего. Шелъ-бы спать, расчудесное дѣло.

Глѣбъ.

Стало быть, я вамъ мѣшаю?

Филицата.

Да что торчишь тутъ, какая пріятность смотрѣть на тебя.

Глѣбъ.

А, можетъ, ты мнѣ мѣшаешь-то, знаешь-ли ты это?

Филицата.

Какъ не знать! Премудрость-то не велика, бери мѣшокъ-то, тащи, куда тебѣ надобно, мы и видѣли, да не видали.

Глѣбъ.

Да у меня ихъ два.

Филицата.

За другимъ послѣ придешь.

Глѣбъ.

Это вотъ дѣло другаго роду, такъ-бы ты и говорила (*беретъ изъ куста мѣшокъ на плечи и уходитъ. Поликсена подходитъ ближе*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Поликсена, Филицата.

Поликсена.

Гдѣ-же онъ?

Филицата.

Погоди, не вдругъ; дай садовнику пройти. Онъ у меня въ сторожкѣ сидитъ, дожидается своего сроку.

Поликсена.

Какая ты милая, добрая! Ужъ какъ тебя благодарить не знаю.

Филицата.

Вотъ будешь енеральшей-то, такъ не оставь своими милостями, ты мнѣ на лобъ то галунъ нашей!

Поликсена.

Полно глупости-то! Поди, поди!

Филицата.

Куда идти, зачѣмъ? Мы ему сигналъ подадимъ (*отходитъ къ кустамъ и достаетъ что-то изъ-подъ платка*).

Поликсена.

Что тамъ у тебя? Покажи, что!

Филицата.

Что да что! Тебѣ что за дѣло! Ну, телеграфъ.

Поликсена.

Какъ телеграфъ? Какой телеграфъ?

Филицата.

Какой телеграфъ, да какой телеграфъ! Отстань ты! Ну, котенокъ. Вотъ я ему хвостъ подавлю, онъ замяукаетъ, а Платонъ услышитъ и придетъ, такъ ему приказано (*котенокъ мяукаетъ*).

Поликсена.

Да будетъ тебѣ его мучить-то!

Филицата.

А онъ служи хорошенько; я его завтра за это молокомъ накормлю. Ну, ступай! Теперь ты свою службу кончилъ (*пускаетъ котенка за кусты*).

Поликсена.

Какъ это тебѣ въ голову приходитъ?

Филицата.

Твои причуды-то исполнять, такъ всему научишься. На все другое подозрѣніе есть: стукъ-ли, собака-ли, — могутъ выдти изъ дому, подумаютъ, чужой. А на кошку какое подозрѣніе, хоть она разорвись,—мало-ль ихъ по деревьямъ да по крышамъ мяучатъ (*входитъ Платонъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Поликсена, Филицата, Платонъ, потомъ Глѣбъ.

Филицата.

Вотъ побесѣдуйте! На-те вамъ по яблочку, чтобъ не скучно было (*уходитъ въ бесѣдку, садится у окна, потомъ постепенно склоняетъ голову и засыпаетъ*).

Поликсена (*потупясь*).

Здравствуй, Платоша!

Платонъ.

Здравствуйте-съ!

Поликсена.

Ты идти не хотѣлъ, я слышала.

Платонъ.

Да что мнѣ здѣсь дѣлать. Я въ послѣдній разъ вамъ удовольствіе, а себѣ муку дѣлаю, такъ имѣйте сколько нибудь снисхожденія. Я и такъ судьбой своей обиженъ.

Поликсена.

Какъ ты можешъ жаловаться на свою судьбу, коли я тебя люблю. Ты долженъ за счастіе считать.

Платонъ.

Да гдѣ-жъ она, ваша любовь-то?

Поликсена.

А вотъ я тебѣ сейчасъ ее докажу. Садись! Только ты подальше отъ меня, (*садятся на скамейку*) ну, вотъ слушай.

Платонъ.

Слушаю-съ.

Поликсена.

Я тебя полюбила.

Платонъ.

Покорно васъ благодарю.

Поликсена.

Можетъ быть, ты и не стоишь; да и конечно не стоишь.

Платонъ.

Лучше-бы ужъ вы не любили, мнѣ-бы покойнѣй было!

Поликсена.

Нѣтъ, это я такъ къ слову, чтобы ты больше чувствовалъ. А я тебя люблю, люблю и хочу доказать.

Платонъ.

Доказывайте.

Поликсена.

Миленькій мой, хорошенькій! Такъ-бы вотъ и съѣла тебя! (*Платонъ подвигается*). Только ты не подвигайся, а сиди смирно!

Платонъ.

При такихъ вашихъ словахъ смирно сидѣть невозможно-съ.

Поликсена.

Нѣтъ, пѣтъ, отодвинься (*Платонъ отодвигается*). Вотъ такъ! Какъ бы я разцѣловала тебя, мой миленькій.

Платонъ.

Кто-же вамъ мѣшаетъ-съ? Сдѣлайте ваше одолженіе!

Поликсена.

Нѣтъ, этого нельзя. Вотъ видишь, что я тебя люблю, вотъ я и доказала.

Платонъ.

Только на словахъ-съ.

Поликсена.

Да, на словахъ. А то какъ-же еще? Ну, теперь ты мнѣ говори такія-же слова!

Платонъ.

Нѣтъ, ужъ я другія-съ.

Поликсена.

Ну, какія хочешь, только хорошія, пріятныя; я и глаза зажмурю.

Платонъ.

Ужъ не знаю, пріятны-ли они будутъ—только отъ всей души.

Поликсена.

Ну, говори, говори, я дожидаюсь.

Платонъ.

Не только любви, а никакого чувства настоящаго и никакой жалости въ васъ нѣтъ-съ.

Поликсена.

Такъ развѣ это у меня не любовь, что-же это такое?

Платонъ.

Баловство одно, только свой капризъ тѣшите. Одна у васъ природа съ Амосомъ Панфилычемъ, вотъ что я замѣчаю.

Поликсена.

Конечно одна, коли онъ мой отецъ.

Платонъ.

И одно у васъ удовольствіе: издѣваться надъ людьми и тиранить. Вы воображаете, что въ васъ существуетъ любовь, а совсѣмъ напротивъ. Года подошли, пришло такое время, что ужъ пора вамъ любовныя слова говорить, вотъ вы и избираете кого посмирнѣе, чтобъ онъ сидѣлъ да слушалъ ваши изъясненія. А прикажетъ вамъ бабушка замужъ идти, и всей этой любви конецъ, и обрадуетесь вы первому встрѣчному. А мучаете вы человѣка, такъ, отъ скуки, чтобъ покуда, до жениха, у васъ даромъ время не шло. И сиди-то онъ смирно, и не подвигайся близко, и никакой ему ласки, все это вы бережете суженому ряженому, какому-то непзвѣстно. Обрящетъ вамъ тятенько гдѣ нибудь въ трактирѣ, шутъ его знаетъ какого оглашеннаго, и вы сейчасъ ему на шею, благо дождались своего настоящаго.

Поликсена.

Какъ ты смѣешь?

Платонъ.

Позвольте! Такъ ужъ вы посадите куклу такую, да и выражайте ей свою любовь! Ни чувствовать она не можетъ, ни казниться ни будетъ, а для васъ все одно.

Поликсена.

Какъ ты смѣешь такія слова говорить?

Платонъ.

Отъ чего-же и не говорить, коли правда.

Поликсена.

Да ты и правду мнѣ не смѣй говорить!

Платонъ.

Нѣтъ, ужъ, правду никому не побоюсь говорить. Самому лютому звѣрю—льву и тому въ глаза правду скажу.

Поликсена.

А онъ тебя растерзаетъ.

Платонъ.

Пущай терзаетъ. А я ему скажу: терзай меня, ну терзай, а правда все-таки на моей сторонѣ.

Поликсена.

Не затѣмъ я тебя звала.

Платонъ.

Не затѣмъ вы звали, да затѣмъ я шелъ. Кабы я васъ не любилъ, такъ-бы не говорилъ. А то я васъ люблю, и за эту самую глупость погибаю. Всѣ надо мной смѣются, издѣваются, хозяинъ изъ меня шута сдѣлалъ; мнѣ-бы давно бѣжать надо было; а я все на васъ, на вашу красоту любовался. (*Поликсена подвигается*) Куда-жъ вы подвигаетесь?

Поликсена.

Не твое дѣло.

Платонъ.

А теперь вотъ изъ дому выгнали, а я человѣкъ честный, благородный. Да въ яму еще сажаютъ, завтра повезутъ, должно быть.

Платонъ.

Прощайте! (*Поликсена подвигается*). Вотъ ужъ вы и совсѣмъ близко.

Поликсена.

Ахъ, оставь ты меня! Я такъ желаю, это мое дѣло.

Платонъ.

Да вѣдь я живой человѣкъ, не пстуканъ каменный.

Поликсена (*подвигаясь очень близко*).

И очень хорошо, что живой. Я вѣдь пачего тебѣ не говорю, ничего не запрещаю.

Платонъ.

Да, вотъ такъ-то лучше, гораздо благороднѣе (*обнимаетъ Поликсену одной рукой*). Вотъ какъ я люблю-то тебя, слышала ты? А отъ тебя что вижу?

Поликсена.

Такъ какъ-же мнѣ любить-то тебя? Научи!

Платонъ.

А вотъ ты почувствуй любовь-то хорошенько, такъ ужъ сама догадаешься, что тебѣ дѣлать слѣдуетъ. (*Поликсена ложится къ нему на плечо*). Что-жъ это ты со мной дѣлаешь, скажи на милость!

Поликсена.

Постой, погоди, не трогай, не мѣшай мнѣ! Я думаю (*входитъ Глѣбъ*).

Глѣбъ (*издали*).

Вотъ они дѣла-то! Чужой человѣкъ въ саду. Ну, теперь я виноватъ не останусь (*уходитъ*).

Поликсена.

Я теперь знаю, что мнѣ дѣлать, я выдумала: я скажу завтра бабушкѣ, что люблю тебя, и кромѣ тебя ни за кого замужъ не пойду.

Платонъ.

Вотъ это съ твоей стороны благородно, только отъ бабушки никакого благородства ждать нельзя, — она безпремѣнно подлость какую нибудь выдумаетъ.

Поликсена.

Скажу, коли не хотите обидѣть меня, такъ дайте приданое, а то и не надо... я и безъ приданаго пойду за него.

Платонъ.

Вотъ это по душѣ...

Поликсена (*печально*).

Да, по душѣ. Только ты не очень-то, видно, радъ? А говорилъ, что живой человѣкъ.

Платонъ.

Что-жъ? Да какъ? Я, право, не знаю.

Поликсена.

Ты хоть-бы мнѣ спасибо сказалъ за мою любовь... ну... поцѣловалъ-бы, что-ли?

Платонъ.

Вотъ ужъ это я дуракъ! (*цѣлуетъ ее*). Извини! Не суди строго! Всѣ чувства убиты.

Поликсена (*обнимая Платона*).

Какъ я тебя люблю! Вотъ когда ты сидѣлъ далеко, я такъ тебя не любила, а теперь, когда ты близко, я, кажется, все для тебя на свѣтѣ, ну, все, что ты хочешь.

Платонъ.

Вотъ теперь мнѣ и въ яму не такъ горько идти.

Поликсена.

Да забудь ты про все, забудь! Знай ты во всемъ мірѣ только меня одну, твою Поликсену! Милый ты мой, хорошій! (*входитъ Глѣбъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Платонъ, Поликсена, Глѣбъ.

Глѣбъ (*Поликсенѣ*).

Ахъ, Поликсена Амосовна! Дурно, очень дурно, ничего нѣтъ хорошаго! Вонъ тятенька съ бабушкой идутъ.

Поликсена.

Ахъ! Ну, спасибо, Глѣбъ (*Платону*). Бѣги скорѣй, прощай (*уходитъ въ бесѣдку. Платонъ идетъ въ кусты*).

Глѣбъ.

Ты куда? Нѣтъ, ты погоди!

Платонъ.

Да что ты, въ умѣ-ли? Зачѣмъ ты меня держишь?

Глѣбъ.

Пустить нельзя, шалишь, братъ.

Платонъ.

Ну, сдѣлай милость! Ну, не губи ты меня и Поликсену Амосовну!

Глѣбъ.

Ея дѣло сторона,—она хозяйская дочь, можетъ въ саду во всякое время; а ты какъ сюда попалъ, какой дорогой?

Платонъ.

Да тебѣ что за дѣло?

Глѣбъ.

Какъ, что за дѣло? Да кому-жъ дѣло-то, какъ не мнѣ? Мнѣ за васъ напраслину терпѣть.

Платонъ.

Да объ чемъ ты?

Глѣбъ.

Объ чемъ? Объ яблокахъ (*громко*). Караулъ! (*входятъ Мавра Тарасовна, Барабошевъ, Мухояровъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Платонъ, Глѣбъ, Мавра Тарасовна, Барабошевъ, Мухояровъ. (*въ бесѣдкѣ*): Поликсена, Филицата.

Барабошевъ (*Глѣбу*).

Что, братецъ, за дебошъ? Коль скоро ты поймалъ вора, сейчасъ крути ему назадъ лопатки и представь на распоряженіе полицейской администраціи.

Мухояровъ (*Глѣбу*).

Какъ ты хозяевъ до безпокойства доводишь, караулъ кричишь. Нынче ужъ эта пѣсня изъ моды выходитъ, приглашаютъ полицію, составляютъ актъ безъ этаго невѣжества.

Глѣбъ.

Я вамъ докладывалъ, что вора предоставлю, вотъ извольте и съ поличнымъ (*беретъ у Платона изъ рукъ яблоко*).

Барабошевъ.

Да это Платонъ Зыбкинъ. На словахъ ты, братецъ, патріотъ, а на дѣлѣ фрукты воруешъ.

Платонъ.

Я не воръ.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ зачѣмъ твои променажи въ чужомъ саду?

Платонъ.

Я не воръ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты, миленькій, неворовать приходилъ?

Платонъ.

Да нѣтъ-же, говорю я вамъ; на что мнѣ ваши яблоки!

Мавра Тарасовна.

Чтожъ вы на парня напали? За что его обижаете? Онъ не воръ, онъ гулять въ нашъ садъ приходилъ, время провести. Съ кѣмъ-же ты, миленькій, здѣсь въ саду время проводилъ?

Барабошевъ.

Отъ такихъ твоихъ промнажей можетъ быль уронъ нашей чести. У насъ каменные заборы и желѣзныя вороты затѣмъ и поставлены, что въ нашей фамиліи существуетъ влюбчивость.

Мавра Тарасовна.

Ужъ ты не утапвай отъ меня, я хозяйка; коли есть въ домѣ такія гулены, такъ ихъ унять можно.

Платонъ (*рѣшительно*).

Вяжите меня скорѣй! Я воръ, я за яблоками, я хотѣлъ весь садъ обворовать.

Поликсена (*выходя изъ бесѣдки*).

Не вѣрьте ему: онъ ко мнѣ приходилъ.

Барабошевъ.

Маменька, ударъ! Я даже разговору лишился и не имѣю словъ. Обязанъ я убить его сейчасъ на мѣстѣ, или эту казнь правосудію предоставить, я въ недоумѣніи.

Мавра Тарасовна.

Погоди, миленькій! Ничего я тутъ особеннаго не вижу, это часто бываетъ. Сейчасъ я все дѣло разсужу. Кто виноватъ, съ того мы взыщемъ, а для чего мы дѣвушку здѣсь держимъ. И не пристало ей пустые разговоры слушать и почивать ей пора... Ну ко ты, стража неусыпная!

Филицата.

Кому что, а ужъ мнѣ будетъ.

Мавра Тарасовна.

Веди ты ее, укладывай почивать! Коли безсонница одолѣетъ, сказочку скажи.

Поликсена (*обнимая Платона*).

Бабушка, поздно вы хватились: насъ разлучить невозможно.

Мавра Тарасовна.

Да зачѣмъ васъ разлучать, кому нужно? Только не сейчасъ-же васъ вѣнчать; вотъ ужъ завтра, что Богъ дастъ. Утро вечера мудренѣе. А спать-то тебѣ надо да и ему пора домой идти. Ишь, онъ какъ долго загостился. Иди-ко, иди съ Богомъ!

Поликсена (*цѣлуя Платона*).

Прощай, мой милый! Я слово сдержу. Мое слово крѣпко, — вотъ такъ крѣпко, какъ я тебя цѣлую теперь.

Мавра Тарасовна.

Ну, вотъ такъ-то, честь честью, чего лучше! Ужё еще поцѣлуйтесь. При людяхъ-то оно не такъ зазорно. (*Поликсена цѣлуетъ Платона и уходитъ*). Небось хорошо, сладко?

Платонъ.

Чудесно-съ! Но ежели вы меня убивать,—такъ, сдѣлайте ваше одолженіе, поскорѣй!

Мавра Тарасовна.

Погоди, твоя рѣчь впереди! Чтобъ не было пустыхъ разговоровъ, я вамъ разскажу, что и какъ тутъ случилось. Вышла Поликсеночка погулять вечеромъ да простудилась, и должна теперь, бѣдная, мѣсяца два—три въ комнатѣ сидѣть безвыходно,—а тамъ увидимъ, что съ ней дѣлать. Парень этотъ ни въ чемъ не виноватъ: на него напрасно сказали; яблочковъ онъ не воровалъ, взялъ, бѣдный, одно яблочко, да и то отняли, попробовать не дали. И отпустите его съ міромъ домой. Вотъ только и всего, больше ничего не было, такъ вы и знайте!

Платонъ.

Очень, очень премного вами благодаренъ.

Мавра Тарасовна.

Не за что, миленькій.

Платонъ.

Есть за что: рукъ невязали, оглоблей не били. Только душу вынули, а членовредительства никакого.

Барабошевъ.

Краснорѣчіе оставь! Тебѣ оно нейдетъ.

Мавра Тарасовна.

Не тронь его, пусть поговоритъ. Проводить успѣемъ.

Платонъ.

Вы разговору моему не препятствуйте? И за это я васъ благодарить долженъ. Все вы у меня отняли и убили меня совсѣмъ, но только изъ подъ политики, учтиво... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Ужъ на что еще учтивѣе и политичнѣе: дочь дѣвушку, богатую невѣсту при себѣ цѣловать позволяете! И кому-же? Ничтожному человѣку, прогнанному приказчику! Ахъ благодѣтели, благодѣтели мой! Замучить-то вы и ее и меня замучите, высушите, въ гробъ

вгоните, да все такп учтпво, а не по прежнему. Значитъ, наше взяло! Ура!! Вотъ оно—правду-то вамъ говорить почаще, вотъ! Какъ вы много протпвъ прежняго образованнѣе стали! А коли учить васъ хорошенько, такъ вы, пожалуй, скоро и совсѣмъ на людей похожи будете.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица:

Мавра Тарасовна.
Барабошевъ.
Поликсена.
Мухояровъ.
Платонъ.
Грозновъ.
Филицата.

Большая столовая: прямо стеклянная дверь въ буфетную, черезъ которую ходъ въ сѣни и на заднее крыльцо; на право двѣ двери — одна къ авансценѣ, въ комнату Мавры Тарасовны, другая въ комнату Поликсены, на лѣво двѣ двери,—одна въ гостиную, другая въ корридоръ,—между дверями орѣховый буфетъ; по серединѣ обѣденный столъ, покрытый цвѣтной скатертью. Мебель дорогая, тяжелая.

ЯВЛЕНІЕ I.

Изъ средней двери выходятъ: Филицата и Грозновъ.

Филицата.

Вотъ это у насъ столовая, Сила Ерофеичъ! Вотъ буфетъ; тутъ посуда, столовое бѣлье, серебро.

Грозновъ.

Много серебра-то?

Филицата.

Пуды лежатъ, шкапъ ломится, и стараго и новаго есть довольно.

Грозновъ.

Хорошо, у кого серебра-то много.

Филицата (*у двери гостинной*).

Ужъ на что лучше. А вотъ это у насъ комнаты не живущія, гостинная, да еще другая гостинная, а тамъ зала.

Грозновъ.

Какъ полы-то лоснятся.

Филицата.

Въ годъ два раза гости бываютъ, а каждую недѣлю натираютъ, вотъ они и лоснятся. А вотъ комната Мавры Тарасовны!... (*отворяетъ дверь*).

Грозновъ.

Ишь ты, какой покой себѣ, какую нѣгу нажила!

Филицата.

И деньги свои, и воля своя, такъ ктожъ ей запретитъ.

Грозновъ.

А сундукъ-то желѣзный—съ деньгами, чай?

Филицата.

Съ деньгами.

Грозновъ.

Чай, много ихъ тамъ?

Филицата.

Большія тысячи лежатъ. А внизу у насъ двѣ половины: въ одной Амосъ Панфилычъ живетъ, а въ другой приказчики да контора. Вотъ, Сила Ерофеичъ, я вамъ всѣ наши покои показала; а теперь подождите въ моей каморкѣ! Теперь скоро сама-то пріѣдетъ. Когда нужно будетъ, я васъ кликну. Только ужъ вы ничего не забудьте, все скажите!

Грозновъ.

Ну, вотъ еще! Меня учить не надо.

Филицата.

А я вамъ поднесу для храбрости. (*Провожаетъ Грознова въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Филицата (*одна*).

Эка тишина, точно въ гробу! Съ ума сойдешь отъ такой жизни! Только что проснутся, да всѣ какъ и умрутъ опять. Разъ пять домъ-то обойдешь, пыль сотрешь, лампадки оправишь, только и занятія. Бродишь одна по пустымъ комнатамъ, — одурь возьметъ. Муха пролетитъ, и то слышно. (*Поликсена показывается изъ своей двери*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Филицата, Поликсена.

Поликсена.

Тоска меня загрызла, мѣста не найду.

Филицата.

Ужъ нечего дѣлать, потерпи, можетъ, моя ворожба и на пользу будетъ. Утопающій за соломенку хватается. Сама видишь, я рада для тебя въ ниточку вытянуться.

Поликсена.

Ты гдѣ-же была все утро?

Филицата.

Все въ хлопотахъ. Снарядивши бабушку къ обѣднѣ, къ сосѣдямъ сбѣгала, провела сюда, пока самой-то дома нѣтъ...

Поликсена.

И Платоша здѣсь?

Филицата.

Здѣсь, у меня въ коморкѣ. Вѣдь мало-ль что, я куражу не теряю.

Поликсена (*съ нетерпѣніемъ*).

Чтожъ это бабушка-то такъ долго.

Филицата.

Должно быть, зашла къ Кирилушкѣ.

Поликсена.

Къ какому Курилушкѣ?

Филицата.

Блаженненькій тутъ есть, просто сказать, дурачекъ.

Поликсена.

Такъ зачѣмъ она къ нему?

Филицата.

За совѣтомъ. Вѣдь твоя бабушка умная считается; за то и умной зовутъ, что все съ совѣту дѣлаетъ. Какая-жъ бы умная была, кабы съ дуракомъ не совѣтовалась.

Поликсена.

Да объ чемъ ей совѣтоваться?

Филицата.

А какъ тебя тиранить лучше. Ты думаешь, своимъ-то умомъ до этого скоро дойдешь? Нѣтъ матушка, на все на это своя премудрость есть. Вотъ позвонилъ кто-то. Ты поди къ себѣ, посиди пока, да погоди сокрушаться то! Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. (*Поликсена уходитъ. Входитъ Мавра Тарасовна и садится къ столу*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мавра Тарасовна, Филицата.

Филицата (*подобострастно*).

Утрудились?

Мавра Тарасовна.

Никто меня не спрашивалъ?

Филицата.

Амосъ Панфилычъ раза два навѣдывались, въ городъ ѣхать сбираются.

Мавра Тарасовна.

Подождетъ, не къ спѣху дѣло-то. Вели сказать ему, чтобы зашелъ черезъ полчаса. Пошли ко мнѣ Поликсену!

Филицата (*въ дверь Поликсенѣ*).

Поди, бабушка тебя кличетъ. (*Уходитъ. Входитъ Поликсена*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мавра Тарасовна, Поликсена.

Мавра Тарасовна.

Ты, миленькая, помимо нашей воли, своимъ умомъ объ своей головѣ разсудила? Нѣчто такъ можно?

Поликсена.

Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна.

Да, пойдешь, если позволятъ.

Поликсена.

Вы меня приданымъ попрекали; я пойду за него безъ приданаго.—возьмите себѣ мое приданое!

Мавра Тарасовна.

Ты меня, миленькая, подкупить не хочешь-ли? Нѣтъ, я твоимъ приданымъ не покорыстуюсь; мнѣ чужаго не надо; оно тебѣ отложено и твое всегда будетъ. Куда-бы ты ни пошла изъ нашего дому, оно за тобой пойдетъ. Только выходовъ—то тебѣ не много: либо за мужъ по нашей волѣ, либо въ монастырь Пойдешь замужъ,—отдадимъ приданое тебѣ въ руки, пойдешь въ монастырь,—въ монастырь положимъ Хоть и умрешь, Боже сохрани, за тобой-же пойдетъ.—отдадимъ въ церковь на поминъ души.

Поликсена.

Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна.

Коли тебѣ такія слова въ удовольствіе, такъ, сдѣлай милость, говори. Мы тебя, миленькая, необидимъ, говорить не закажемъ.

Поликсена.

Зачѣмъ вы меня звали?

Мавра Тарасовна.

Поговорить съ тобой. Сдѣлаемъ-то мы по своему, а поговорить съ тобой все таки надо.

Поликсена.

Ну, вотъ вы слышали мой разговоръ?

Мавра Тарасовна.

Слышала.

Поликсена.

Можетъ быть, вы не хорошо разслушали, такъ я вамъ еще повторю: я пойду за того, кого люблю. Нынче всякій долженъ жить по своей волѣ.

Мавра Тарасовна.

Твои „нынче и завтра“ для меня все равно, что ничего; для меня резоновъ нѣтъ. Меня не то что уговорить, въ ступѣ утолочь невозможно. Не знаю, какъ другіе, а я своимъ характеромъ даже очень довольна.

Поликсена.

А у меня характеръ: дѣлать все вамъ напротивъ; и я своимъ тоже очень довольна.

Мавра Тарасовна.

Такъ, миленькая, мы и запишемъ. (*Поликсена уходитъ. Входитъ Филицата*).

ЯВЛЕНІЕ. VI.

Мавра Тарасовна, Филицата.

Мавра Тарасовна.

Поди-ко ты сюда поближе!

Филицата.

Охъ, иду, иду (*подходитъ*). Виновата (*кланяется, касаясь рукой полу*).

Мавра Тарасовна.

Мнѣ изъ твоей вины не шубу шить. Какъ-же это ты недоглядѣла? Аль, можетъ, и сама подвела?

Филицата.

Ея дѣло молодое, а все одна да одна, — жалость меня взяла... ну, думаешь: поговорятъ съ парнемъ, да и разойдутся. А кто-жъ ихъ зналъ? Видно сердце-то не камень.

Мавра Тарасовна.

Ужъ очень ты жалостлива. Ну сбирайся!

Филицата.

Куда сбираться?

Мавра Тарасовна.

Со двора долой. Въ хорошемъ домѣ такихъ нельзя держать.

Филицата.

Вотъ выдумала! А еще умной называешься. Кто тебя умной-то назвалъ, и тотъ дуракъ. Сорокъ лѣтъ я въ домѣ живу, отца ея маленькимъ застала, все хороша была, а теперь вдругъ и негожусь.

Мавра Тарасовна.

Съ лѣтами ты, значитъ, глупѣть стала.

Филицата.

Да и ты не поумнѣла, коли такъ не складно говоришь. Виновата я, ну, побей меня, коли ты хозяйка; это по крайности, будетъ съ умомъ сообразно; а то, на-ко, съ двора ступай! Ктожъ за Поликсеной ходить-то будетъ? Да вы ее тутъ совсѣмъ уморите.

Мавра Тарасовна.

Что за ней ходить, она не маленькая.

Филицата.

И велика, да хуже маленькой. Я вчера, какъ мы изъ саду вернулись, у ней изо рту коробку со спичками выдернула. Вотъ вѣдь какая она глупая! Нѣчто этимъ шутятъ?

Мавра Тарасовна.

Кто захочетъ что сдѣлать надъ собой, такъ не остановишь. А надо всѣми надъ нами Богъ,—это лучше нянекъ-то. А тебя держать нельзя, ты больно жалостлива.

Филицата.

Такая ужъ я съ молоду. Не къ одной я къ ней жалостли-

ва, и къ тебѣ, когда ты была по-моложе, тоже была жалостлива. Вспомни молодость-то, такъ сама внучку-то пожалѣешь.

Мавра Тарасовна.

Нечего мнѣ помнить, чиста моя душенька.

Филицата.

А ты забыла, вѣрно, какъ дружокъ то твой вдругъ налетѣлъ? Кто на часахъ-то стоялъ? Я отъ страху-то не меньше тебя тряслась всѣми суставами, чтобы мужъ его тутъ не захватилъ. Такъ меня послѣ цѣлую недѣлю лихорадка била.

Мавра Тарасовна.

Было да быльемъ поросло, я ужъ въ этомъ грѣхѣ и каяться перестала. И солдатикъ этотъ бѣдненькій давно померъ на чужой сторонѣ.

Филицата.

Охъ, не живъ-ли?

Мавра Тарасовна.

Никакъ нельзя ему живымъ быть, потому я ужъ лѣтъ двадцать за упокой его души подаю, такъ нѣчто можетъ это человѣкъ выдержать.

Филицата.

Бываетъ, что и выдерживаютъ.

Мавра Тарасовна.

Что я прежде и что теперь, большая разница: я теперь очень далека отъ всего этого и очень высока стала для васъ, маленькихъ людей.

Филицата.

Ну, твое при тебѣ.

Мавра Тарасовна.

Такъ ты пустыхъ рѣчей не говори, а сбирайся-ко, по добру по здорову! Вотъ тебѣ три дня сроку!

Филицата.

Я хоть сейчасъ. Поликсену только и жалко, а тебя-то, признаться, не очень. (*Отворивъ стеклянную дверь*) Матушка, да вотъ онъ!

Мавра Тарасовна.

Кто онъ-то?

Филицата.

Сила Ерофеичъ твой! *(уходитъ. Входитъ Грозновъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мавра Тарасовна, Грозновъ, потомъ Филицата.

Грозновъ.

Здравія желаю!

Мавра Тарасовна.

Батюшки! Какъ ты? Кто тебя пустилъ?

Грозновъ.

Меня то не пустить, Грознова то? Да кто-жъ меня удержитъ? Я Брайловъ бралъ, на батареи ходилъ.

Мавра Тарасовна.

Да ужъ не окаянный-ли ты, не за душой-ли моей пришелъ?

Грозновъ.

Нѣтъ, на что мнѣ душа твоя? Давай жить да другъ на друга любоваться.

Мавра Тарасовна.

Да какъ-же ты живъ то? Я давно, какъ ты въ походъ ушелъ, тебя за упокой поминаю. Видно, не дошла моя грѣшная молитва?

Грозновъ.

Я добрѣй тебя, я молился, чтобы тебѣ Богъ здоровья далъ, чтобы намъ опять свидѣться. Да вотъ и дожилъ до радости.

Мавра Тарасовна.

Ну, сказывай, не томи, зачѣмъ ты теперь ко мнѣ-то!

Грозновъ.

Да ты помнишь клятву, свою клятву страшную?

Мавра Тарасовна.

Охъ, помню, помню. Какъ ее забудешь? Ну чего-жъ тебѣ отъ меня надобно?

Грозновъ.

Хочу стать къ тебѣ на квартиру. Выберу у тебя гостиную, которая получше,—да и оснуюсь тутъ; гвоздей по стѣнамъ набью, амуницію развѣшаю.

Мавра Тарасовна.

Ахъ, бѣда моей головушкѣ!

Грозновъ.

А вы каждое утро ко мнѣ всей семьей здороваться приходите, въ ноги кланяться, и вечеромъ опять тоже, прощаться, покойной ночи желать. И сундукъ ты тотъ, желѣзный, ко мнѣ въ комнату подъ кровать поставь.

Мавра Тарасовна.

Да какъ ты, погубитель мой, про сундукъ-то знаешь?

Грозновъ.

Грозновъ все знаетъ, все.

Мавра Тарасовна.

Варваръ ты былъ для меня, варваръ и остался.

Грозновъ.

Нѣтъ, не бранись, я шучу съ тобой.

Мавра Тарасовна.

Такъ денегъ что-ль тебѣ нужно?

Грозновъ.

И денегъ мнѣ твоихъ не надо, у меня свои есть. На что мнѣ? Я одной ногой въ могилѣ стою; съ собой не возьмешь.

Мавра Тарасовна.

Мнѣ ужъ и не понять, чего-жъ тебѣ.

Грозновъ (*утирая слезы*).

Уголъ мнѣ нуженъ—вѣкъ доживать, уголъ,—гдѣ нибудь въ сторожкѣ, подлѣ кануры собачей.

Мавра Тарасовна (*утирая слезы*).

Ахъ ты миленькій, миленькій!

Грозновъ.

Да покой мнѣ нуженъ, чтобы ходилъ кто нибудь за мной: тёпленькимъ когда напоить,—знобитъ меня къ погодѣ. У тебя есть старушка Филицата,—вотъ-бы мнѣ и нянька.

Мавра Тарасовна.

А я только что ее прогнать разсудила.

Грозновъ.

Ну, ужъ для меня сдѣлай милость! Не приказываю, а прошу.

Мавра Тарасовна.

Чего я для тебя не сдѣлаю! Все на свѣтѣ обязана.

Грозновъ (*оглядывая комнату*).

А то, нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ въ такіе хоромы! Ты пшеничная, ты въ нихъ и живи; а я оржаной, — я на дворѣ.

Мавра Тарасовна (*съ чувствомъ*).

А еще то чего ты, сирота горькая, отъ меня потребуешь?

Грозновъ.

Еще потребую, за тѣмъ пришелъ, только ужъ не много и никакого тебѣ убытку.

Мавра Тарасовна.

Только-бъ не деньги да чести моей посрамленія не было; а то все съ великимъ удовольствіемъ. Вижу я, не грабитель ты... а, какъ есть, степенный человѣкъ сталъ; такъ ужъ мнѣ и горя нѣтъ и не задумаюсь, а всякую твою волю исполню.

Грозновъ.

Ну и ладно, ну и ладно.

Мавра Тарасовна.

И въ ножки я тебѣ поклонюсь, только сними ты съ меня ту прежнюю клятву, страшную.

Грозновъ.

А! что! Вотъ ты и знай, какой Грозновъ!

Мавра Тарасовна.

Каково жить всю жизнь съ такой петлей на шеѣ! Душитъ она меня.

Грозновъ.

Сниму, сниму, — другую возьму, полегче.

Мавра Тарасовна.

Да я и безъ клятвы для тебя все...

Грозновъ.

А сдѣлаешь, такъ и шабашъ: — въ ничью разойдемся. Вотъ и надо-бы мнѣ поговорить съ тобой по душѣ, хорошенько!

Мавра Тарасовна.

Такъ пойдемъ ко мнѣ въ комнату! Филицата! (*входитъ Филицата*) Чай-то готовъ у меня?

Филицата.

Готовъ, матушка, давно готовъ.

Мавра Тарасовна.

Подай рому бутылку, водочки поставь, пирожка вчерашняго, — ну, тамъ, что слѣдуетъ.

Филицата.

Слушаю, матушка (*уходитъ*).

Грозновъ.

Говорятъ, тебѣ ундеръ нуженъ.

Мавра Тарасовна.

Да, миленькій, ищемъ мы ундера-то, ищемъ.

Грозновъ.

Такъ чего-жъ тебѣ лучше, — вотъ я!

Мавра Тарасовна.

Значитъ и жалованье тебѣ положить?

Грозновъ.

Такъ неужто за даромъ? Я вездѣ хорошее жалованье получалъ, я кавалерію имѣю.

Мавра Тарасовна.

А много-ль съ насъ-то запросишь?

Грозновъ.

Четырнадцать рублей двадцать восемь копѣекъ съ денежкой, я на старый счетъ.

Мавра Тарасовна.

Ну, ужъ съ насъ-то возьми, по знакомству, двѣнадцать.

Грозновъ.

Ахъ, ты! (*топнувъ ногой*) Полтораста.

Мавра Тарасовна.

Ну, четырнадцать, такъ четырнадцать... Четырнадцать, четырнадцать, я пошутила.

Грозновъ.

Не четырнадцать, а четырнадцать двадцать восемь копѣекъ съ денежкой. И денежки не уступлю. А какъ харчи?

Мавра Тарасовна.

Харчи у насъ людскіе—хорошіе, по праздникамъ водки подносимъ; ну, а тебя-то когда Филицата и съ нашего стола покормитъ.

Грозновъ.

Я разносоловъ вашихъ не люблю, мнѣ что помягче.

Мавра Тарасовна.

Да, да, состарѣлся ты, ахъ какъ состарѣлся!

Грозновъ.

Кто? я-то? Нѣтъ, я еще молодецъ, я куда хочешь. А вотъ ты такъ ужъ плоха стала, больно плоха.

Мавра Тарасовна.

Что ты, что ты! Я еще совсѣмъ свѣжая женщина.

Грозновъ.

А какъ жили-то мы съ тобой, помнишь, тамъ, въ Гавриковомъ, у Богоявленья.

Мавра Тарасовна.

Давно ужъ время-то, много воды утекло.

Грозновъ.

Теперь только мнѣ и поговорить-то съ тобой; а какъ поселюсь въ сторожкѣ, такъ ты барыня, ваше степенство, а я просто Ерофеичъ (*входитъ Филицата*).

Филицата.

Пожалуйте! Готово!

Мавра Тарасовна.

Ну, пойдемъ. Закуси, чѣмъ Богъ послалъ. (*Филицатѣ*) Коли кто спроситъ, такъ вели здѣсь подождать! (*уходитъ, Грозновъ за ней*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Филицата одна.

Ну, какъ мнѣ себя не хвалить! Добрая-то я всегда была, а ума-то я въ себѣ что-то прежде не замѣчала, все казалось, что мало его, не въ настоящую мѣру; а теперь выходитъ, что въ домѣ-то я умнѣй всѣхъ. Вотъ чудо-то: до старости дожила, не знала, что я умна. Нѣтъ ужъ я теперь про себя совсѣмъ иначе понимать буду. Какую силу сломили! Ее и пушкой-то не прошибешь, а я вотъ нашла на нее грозу (*входитъ: Барабошевъ и Мухояровъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Филицата, Барабошевъ, Мухояровъ.

Барабошевъ.

Но гдѣ-же маменька?

Филицата.

Подождать приказано.

Барабошевъ.

У насъ серьёзное финансовое дѣло, никакого замедленія не терпитъ.

Филицата.

У тебя серьёзное, у насъ еще серьёзнѣе. Тамъ у нея ундеръ.

Барабошевъ.

Ундеръ чинъ незначительный.

Филицата.

Незначительный, а безпокоить не велѣли. Да авось надъ нами не каплетъ, подождать-то можно. (*Голосъ Мавры Тарасовны: «Филицата!»* Вонъ, зовутъ (*уходитъ*).

Барабошевъ.

Никандра, наши обстоятельства въ упадкѣ, въ такомъ кризисѣ будь въ струнѣ!

Мухояровъ.

Первый голосъ вы, а я вамъ акомпанименъ (*выходитъ Филицата*).

Филицата (*говоритъ въ дверь*).

Хорошо, матушка. А Платонъ сейчасъ будетъ здѣсь, онъ тутъ не далеко.

Барабошевъ.

Какой Платонъ и какая въ немъ въ настоящую минуту можетъ быть надобность?

Филицата.

Дѣло хозяйское, не наше (*у двери Поликсены*) Красавица, утри слезки-то да выползай! (*отворяя стеклянную дверь*) Платоша, требуютъ!

Барабошевъ.

Для чего этотъ весь конгресъ, это даже трудно понять.

Мухояровъ.

Я такъ по всему заключаю, что тутъ будетъ для насъ съ вами неожиданный оборотъ (*входятъ: Мавра Тарасовна, Поликсена, Платонъ и Грозновъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Барабошевъ, Мухояровъ, Мавра Тарасовна, Поликсена, Платонъ, Грозновъ, Филицата.

Мавра Тарасовна.

Здравствуйте! Садитесь всѣ! (*всѣ садятся кромѣ Филицаты и Грознаго, который стоитъ бодро, руки по швамъ*). Вотъ, миленькіе мои, вздумала я порядокъ въ домѣ завести, вздумала да и сдѣлала. Первое дѣло, чтобъ порядокъ былъ на дворѣ, наняла я ундера. Амосъ Панфилычъ, вотъ онъ!

Грозновъ.

Здравія желаю, ваше степенство!

Барабошевъ.

Какъ прозываешься, кавалеръ?

Грозновъ.

Сила Ерофеичъ Грозновъ.

Барабошевъ.

Ундеръ въ порядкѣ: и нашивки имѣетъ и кавалерію; я его одобряю.

Грозновъ.

Ради стараться, ваше степенство!

Мавра Тарасовна.

Я тебѣ, Ерофеичъ, весь нашъ домъ подъ присмотръ отдаю: смотри ты за чистотой на дворѣ, за всей прислугой, ну, и за приказчиками не мѣшаетъ, чтобъ раньше домой приходили, чтобъ по ночамъ не шлялись (*Мухоярову*). А вы его уважайте! Ну, теперь на дворѣ хорошо будетъ, я покойна; надо въ домѣ порядокъ заводить. Слышала я, Платонъ, что заставляли тебя меня обманывать, фальшивые отчеты писать.

Платонъ.

Про хозяина сказать не смѣю, а Мухояровъ заставлялъ, это точно.

Мавра Тарасовна.

И деньги тебѣ, миленькій, обѣщалъ, да ты сказалъ, что тысячи рублей невозьмешъ?

Платонъ.

Да напрасно меня и просить, это смѣшно даже.

Мавра Тарасовна.

Вотъ, для порядку, и назначаю я Платона главнымъ приказчикомъ и всю торговлю и капиталъ ему довѣряю.

Барабошевъ.

Но онъ несостоятельный должникъ, у меня его вексель.

Мавра Тарасовна.

Дай-ко вексель-то сюда! (*Барабошевъ подаетъ*) Вотъ тебѣ и вексель (*разрываетъ и бросаетъ на полъ*).

Барабошевъ.

Маменька, у меня къ вамъ финансовый вопросъ.

Мавра Тарасовна.

Погоди, и до тебя очередь дойдетъ.

Мухояровъ.

Значитъ, я своей должности рѣшенъ?

Мавра Тарасовна.

Нѣтъ, зачѣмъ-же! Ты умѣлъ надъ Платономъ шутить; такъ послужи теперь у него подъ началомъ! А вотъ тебѣ работа на первый разъ! Поди напиши билетецъ: „Мавра Тарасовна и Амосъ Понфилычъ Барабошевы, по случаю помолвки Поликсены Амосовны Барабошевой съ почетнымъ гражданиномъ Платономъ Ивановичемъ Зыбкинымъ, приглашаютъ на балъ и вечерній столъ“. А число мы сами поставимъ.

Поликсена.

Бабушка, такъ Платоша мой? Ну, вотъ я говорила.

Мавра Тарасовна.

Никто не отнимаетъ, не бойся!

Поликсена (*Платону*).

Пойдемъ въ гостиную къ роялю, я тебѣ спою. „Вотъ на пути село большое“.

Мавра Тарасовна.

Сиди, сиди, что заюлила!

Барабошевъ.

Но какъ-же, маменька, генералъ?

Мавра Тарасовна.

Куда ужъ намъ; высоко очень.

Барабошевъ.

Значитъ, Пустоплесовъ надъ нами преферансъ возьметъ?

Филицата.

Ты у меня про Пустоплесова-то спроси! У нихъ вчера такая баталія была, что чудо. Самъ-то пьяный согрубилъ что-то женихѣ, такъ тотъ за нимъ по всему дому не то съ саблей, не то съ палкой бѣгалъ, ужъ не знаю хорошенько. Такъ, все дѣло и врозь.

Барабошевъ.

Въ такомъ случаѣ, я на этотъ бракъ согласенъ. Но, маменька, финансовый вопросъ... Мнѣ надо въ городъ ѣхать, по векселямъ платить.

Мавра Тарасовна.

Ты хотѣлъ Платона-то въ яму сажать, такъ не сѣсть-ли тебѣ, миленькій, самому на его мѣсто. На досугѣ тамъ свой цапцапарель попьешъ. ликъ-то у тебя прояснится.

Барабошевъ.

Если со мной такое кораблекрушеніе послѣдуетъ, такъ на все семейство мораль: а мы затѣваемъ бракосочетаніе и должны имѣть свой кругъ почетныхъ гостей.

Мавра Тарасовна.

А не хочешъ въ яму, такъ Платону кланяйся, чтобъ онъ заплатилъ за тебя; и ужъ больше тебѣ довѣренности отъ меня не будетъ.

Платонъ.

Вотъ она правда-то, бабушка! Она свое возьметъ.

Мавра Тарасовна.

Ну, миленькій, не очень ужъ ты на правду-то надѣйся! Кабы не случай тутъ одинъ, такъ плакался-бы ты съ своей правдой всю жизнь. А ты вотъ какъ говори: не родись уменъ, а родись счастливъ... вотъ это, миленькій, вѣрнѣе. Правда—хорошо, а счастье лучше!

Филицата (*Грознову*).

Ну-ко, служивый, поздравь насъ.

Грозновъ.

Честь имѣю поздравить Платона Иваныча и Поликсену Амосовну! Тысячу лѣтъ жизни и казны не смѣтное число! Ура!

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА.

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА.

КОМЕДІЯ ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Юлія Павловна Тугина, молодая вдова.

Глафира Фирсовна, тетка Юліи, пожилая, небогатая женщина.

Вадимъ Григорьевичъ Дульчинъ, молодой человѣкъ.

Лука Герасимычъ Дергачевъ, пріятель Дульчина, довольно невзрачный господинъ и по фигурѣ и по костюму.

Флоръ Ѳедулычъ Прибытковъ, очень богатый купецъ, румяный старикъ лѣтъ 60-ти, гладко выбритъ, тщательно причесанъ и одѣтъ очень чисто.

Михевна, старая ключница Юліи.

Небольшая гостинная въ домѣ Тугиной. Въ глубинѣ дверь входная, направо *(отъ актеровъ)* дверь во внутреннія комнаты, налѣво окно. Драпировка и мебель довольно скромныя, но приличныя.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Михевна, *(изъ входной двери)* потомъ Глафира Фирсовна.

Михевна.

Дѣвушки, кто тамъ позвонилъ? Вадимъ Григорьичъ, что-ли?

Глафира Фирсовна (*входя*).

Какой Вадимъ Григорьичъ, это я! Вадимъ-то Григорьичъ, чай, позже придетъ.

Михевна.

Ахъ, матушка, Глафира Фирсовна! Да никакого и нѣтъ Вадима Григорьича; это я такъ, обмолвилась... Извините!

Глафира Фирсовна.

Сорвалось съ языка, такъ ужъ нечего дѣлать, назадъ не спрячешь. Эка досада, не застала я самой-то! Не близко мѣсто къ вамъ даромъ-то путешествовать: а на извощиковъ у меня денегъ еще не нажито. Да и разбойники-же они! За твои-же деньги тебѣ всю душеньку вытрясетъ, да еще, того гляди, возжами глаза выхлеснетъ.

Михевна.

Что говорить! То-ли дѣло свои...

Глафира Фирсовна.

Что, свои? Ноги-то, что-ли?

Михевна.

Нѣтъ, лошади-то, я говорю.

Глафира Фирсовна.

Ужъ чего лучше! Да только у меня свои-то еще на Хрѣновскомъ заводѣ; все купить не сберусь: боюсь, какъ-бы не ошибиться.

Михевна.

Такъ вы пѣшечкомъ?

Глафира Фирсовна.

Да, по обѣщанію, семь верстъ киселя ѣсть. Да вотъ не въ разъ, видно, придется обратно на тѣхъ-же, на кормя.

Михевна.

Посидите, матушка; она, надо быть, скоро воротится.

Глафира Фирсовна.

А куда ее Богъ понесъ?

Михевна.

Къ вечеренкѣ пошла.

Глафира Фирсовна.

За богомолье принялась. Аль много нагрѣшила?

Михевна.

Да она, матушка, всегда такая: какъ покойника не стало, все молится.

Глафира Фирсовна.

Знаемъ мы, какъ она молится-то.

Михевна.

Ну, а знаете, такъ и знайте! А я знаю, что правду говорю, мнѣ лгать не изъ чего. Чайку не прикажете ли? У насъ это мигомъ.

Глафира Фирсовна.

Нѣтъ, ужъ я самоё подожду (*садится*).

Михевна.

Какъ угодно.

Глафира Фирсовна.

Ну, что вашъ плезиръ-то?

Михевна.

Какъ, матушка, изволили сказать? Не дослышала я ..

Глафира Фирсовна.

Ну, какъ его поучтивѣй-то назвать? Побѣдитель-то, другъ-то милый?

Михевна.

Не понять мнѣ разговору вашего, слова-то больно мудреныя.

Глафира Фирсовна.

Ты дуру разыгрываешь, аль стыдишься меня? Такъ я не барышня. Поживешь съ мое-то, да въ бѣдности, такъ стыдочекъ-то всякій забудешь, ты ужъ въ этомъ не сомнѣвайся. Я про Вадима Григорьича тебя спрашиваю...

Михевна (*приложивъ руку къ щекѣ*).

Охъ, матушка, охъ!

Глафира Фирсовна.

Что заохала?

Михевна.

Да стыдно очень. Да какъ-же вы узнали? А я думала, что про это никому неизвѣстно...

Глафира Фирсовна.

Какъ узнала? Имя его ты сама сейчасъ сказала мнѣ, Вадимомъ Григорьичемъ окликнула.

Михевна.

Эка, я глупая.

Глафира Фирсовна.

Да, кромѣ того, я и отъ людей слышала, что она въ пріятеля своего много денегъ проживаетъ .. Правда, что-ли?

Михевна.

Вѣрнаго я не знаю; а какъ, чай, не проживать: чего она для него пожалѣетъ!

Глафира Фирсовна.

То-то мужъ-то ея, покойникъ, догадливъ былъ, чувствовало его сердце, что вдовѣ деньги попадобятся, и оставилъ вамъ милліонъ.

Михевна.

Ну, какой, матушка, милліонъ! Много меньше.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужъ это у меня счетъ такой, я все на милліоны считаю: у меня, что больше тысячи, то и милліонъ. Сколько въ милліонѣ денегъ, я и сама не знаю, а говорю такъ, потому что это слово въ моду пошло. Прежде Михевна, богачей-то тысячниками звали, а теперь ужъ все сплошь милліонщики пошли. Нынче скажи-ка про хорошаго купца, что онъ обанкрутился тысячъ на пятьдесятъ, такъ онъ обидится, пожалуй, а говори прямо на милліонъ, либо два,— вотъ это вѣрно будетъ... Прежде и пропажи-то были маленькія, а нынче вонъ въ банкѣ одномъ семи милліоновъ не досчитались. Конечно, у себя-то въ рукахъ и приходу и расходу больше полтины рѣдко видишь: а ужъ я такую смѣлость на себя взяла, что чужія деньги все на милліоны считаю и такъ-то свободно объ нихъ разговариваю... Милліонъ и шабашъ! Какъ-же она, вещами, что-ль, даритъ ему, аль деньгами?

Михевна.

Про деньги не знаю, а подарки ему идутъ помпнутно и все дорогіе. Ни въ чемъ у него недостатка не бываетъ,— и въ квартирѣ-то все наше; то она ему чернильницу новую на столъ купитъ со всѣмъ приборомъ...

Глафира Фирсовна.

Чернильница-то дорогая, а писать нечего.

Михевна.

Какое писанье, когда ему; онъ и дома-то не живетъ... И занавѣски ему на окна перемѣнитъ и мебель всю заново. А ужъ это посуда, бѣлье и что прочее, такъ онъ и не знаетъ, какъ у него все новое является, — ему-то все кажется, что все тоже... До чего ужъ, до самой малости; чай съ сахаромъ, и то отъ насъ туда идетъ...

Глафира Фирсовна.

Все еще это не бѣда, стерпѣть можно. Разныя бабы-то бываютъ: которая любовнику вещами, — та еще, пожалуй, капиталъ и сбережетъ; а которая деньгами, ну, ужъ тутъ разоренье вѣрное...

Михевна.

Сахару больно жалко: много его у нихъ выходитъ... Куда имъ пропасть этакая?

Глафира Фирсовна.

Какъ-же это у васъ случилось, какъ ее угораздило такой хомутъ на шею надѣть?...

Михевна.

Да все эта дача проклятая. Какъ жили мы тогда, вскорѣ послѣ покойника, на дачѣ, - жили скромно, людей обѣгали, рѣдко когда и на прогулку ходили и то куда подальше... тутъ его и нанесло, какъ на грѣхъ. Куда не выдемъ изъ дому, все встрѣтится, да встрѣтится. Да молодой, красивый, одѣтъ, какъ картинка; лошади, коляски какія! А сердце-то вѣдь не камень... Ну, и сталъ присватываться, она не прочь; чего еще,—женихъ хоть куда и богатый. Только положили такъ, что-бъ отсрочить свадь-

бу до зимы, еще мужу годъ не вышелъ, еще трауръ носила. А онъ, между тѣмъ временемъ, каждый день ѣздитъ къ намъ, какъ женихъ, и подарки и букеты возитъ. И такъ она въ него ввѣрилась, и такъ расположилась, что стала совсѣмъ какъ за мужа считать. Да и онъ безъ церемоніи, сталъ ея добромъ, какъ своимъ, распоряжаться. Что твое, что мое, говоритъ, это все одно. А ей это за радость: „значитъ, говоритъ, онъ мой, коли такъ поступаетъ; теперь у насъ, говоритъ, за малымъ дѣло стало, только повѣнчаться“.

Глафира Фирсовна.

Да, за малымъ! Ну, нѣтъ, не скажи! Что-жъ дальше-то?... Трауръ кончился... зима пришла...

Михевна.

Зима-то пришла, да и прошла, да вотъ и другая скоро придетъ.

Глафира Фирсовна.

А онъ все еще въ женихахъ числится?

Михевна.

Все еще въ женихахъ.

Глафира Фирсовна.

Долгонько. Пора-бъ порѣшить чѣмъ нибудь, а то что людей то срамить!

Михевна.

Да чѣмъ, матушка! Какъ мы живемъ? Такая-то тишина, такая-то скромность, прямо надо сказать, какъ есть, монастырь: мужскаго духу и въ заводѣ нѣтъ. Ѣздитъ одинъ Вадимъ Григорьичъ, что грѣха таить, да и тотъ больше въ сумеречкахъ. Даже которые его пріятели и тѣмъ къ намъ ходу нѣтъ... Есть у него одинъ такой, Дергачевъ прозывается, тотъ раза два, было, сунулся...

Глафира Фирсовна.

Не поподчуютъ-ли, молъ, чѣмъ?

Михевна.

Ну, конечно. человѣкъ бѣдный, живетъ впроголодь,— думаетъ и закусить и винца выпить. Я такъ ихъ и пони-

маю. Да я, матушка, пугнула его. Намъ не жаль, да бережемся; мужчины что-бъ ни-ни, ни подъ какимъ видомъ. Вотъ какъ мы живемъ... И все то она молится, да постится, Богъ съ ней.

Глафира Фирсовна.

Какая-жъ тому причина, съ чего ей?...

Михевна.

Что-бъ женился. Ужъ это всегда такъ.

Глафира Фирсовна.

А я такъ думаю, что не дастъ ей Богъ счастья. Родню забываетъ... Ужъ коли задумала она капиталъ размотать, такъ лучше-бы съ родными, чѣмъ съ чужими. Взяла-бы хоть меня; покрайности, и я бы пожила въ удовольствіе на старости лѣтъ...

Михевна.

Это ужъ ея дѣло; а я знаю, что у ней къ роднымъ расположеніе есть.

Глафира Фирсовна.

Незамѣтно что-то. Сама прочь отъ родныхъ, такъ и отъ насъ ничего хорошаго не жди, особенно отъ меня. Женщина я не злая, а ноготокъ есть, удружить могу. Ну, вотъ и спасибо, только мнѣ и нужно, все я отъ тебя вызнала. Что это, Михевна, какъ двѣ бабы сойдутся, такъ онѣ наболтаютъ столько, что въ большую книгу не упишешь, и наговорятъ того, что можетъ быть и ненадо?

Михевна.

Наша слабость такая женская. Разумѣется, по надеждѣ говоришь, что ничего изъ этого дурнаго не выдетъ. А кто-же васъ знаетъ, въ чужую душу не влѣзешь, можетъ, вы съ какимъ умысломъ выспрашиваете. Да вотъ она и сама, а я ужъ по хозяйству пойду (*уходитъ. Входитъ Юлія Павловна*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Глафира Фирсовна, Юлія.

Юлія (*снимая платокъ*).

Ахъ, тетенька, какими судьбами? Вотъ обрадовали!

Глафира Фирсовна.

Полно, полно, ужъ будто и рада?

Юлія.

Да еще-бы? конечно рада (*цѣлуются*).

Глафира Фирсовна.

Бросила родню-то, да и знать не хочешь! Ну, я не спѣсива, сама пришла, ужъ рада не рада-ль, а не выгонишь, вѣдь тоже родная.

Юлія.

Да что вы! Я роднымъ всегда рада, только жизнь моя такая уединенная, никуда не выѣзжаю. Что дѣлать-то, ужъ такая я отъ природы! А ко мнѣ всегда милости просимъ.

Глафира Фирсовна.

Что это ты, какъ мѣщанка, платкомъ покрываешься? Точно сирота какая.

Юлія.

Да и то сирота.

Глафира Фирсовна.

Съ такимъ сиротствомъ еще можно жить. Охъ, сиротами-то зовутъ тѣхъ, кого пожалѣть некому, а у богатыхъ вдовъ печальники найдутся. Да я-бы на твоемъ мѣстѣ, не то что въ платочкѣ, а въ аршинъ шляпку-то соорудила, развалилась въ колескѣ, да и покатывай! На, молъ, смотри!

Юлія.

Не удивишь нынче никого, что ни надѣнь. Да и мнѣ рядиться-то не къ чему и не къ мѣсту было, я къ вечерни ходила.

Глафира Фирсовна.

Да, ужъ тутъ попугаемъ-то вырядиться не для кого, особенно въ будни. Да что ты долго? Вечерни-то давненько отошли.

Юлія.

Да послѣ вечерни-то свадьба была простенькая, такъ я осталась посмотрѣть.

Глафира Фирсовна.

Чего это ты, милая, не видала? Свадьба, какъ свадьба. Чай обвели да и повезли, не рѣдкость какая.

Юлія.

Всё таки, тетенька, интересно на чужую радость посмотрѣть.

Глафира Фирсовна.

Ну, посмотрѣла, позавидовала чужому счастью и довольно! Аль ты свадьбы-то смотришь, какъ мы, грѣшныя? Мы такъ глаза-то вытаращимъ, что не то, что брилліанты, а всѣ булавки-то пересчитаемъ. Да еще глазамъ-то не вѣримъ, такъ у всѣхъ провожатыхъ и платья и блонды перещупаемъ, настоящія-ли?

Юлія.

Нѣтъ, тетенька, я въ народѣ не люблю, я издали смотрѣла; въ другомъ придѣлѣ стояла. И какой случай! Вижу я, входитъ дѣвушка, становится поодаль, въ лицѣ ни кровинки, глаза горятъ, установилась на жениха-то, вся дрожитъ, точно помѣшанная. Потомъ гляжу, стала она креститься, а слезы въ три ручья такъ и полились. Жалко мнѣ её стало, подошла я къ ней; что-бы разговорить да увести поскорѣе. И сама-то плачу.

Глафира Фирсовна.

Ты-то объ чемъ, не слыхать-ли?

Юлія.

Заговорили мы: „пойдемте, говорю я, дорогой потолкуемъ! Мы тутъ со слезами-то не лишнія-ли?“ Вы-то, не знаю, го-

воритъ, а я лишняя". Посмотрѣла съ минуточку на жениха, кивнула головой: прошептала „прощай" и пошли мы со слезами.

Глафира Фирсовна.

Дешевы слезы-то у васъ.

Юлія.

Ужъ очень тяжело это слово-то „прощай". Вспомнила я мужа покойника, очень я плакала, какъ онъ умеръ, а какъ пришлось сказать „прощай,"—въ послѣдній разъ. Такъ вѣдь я было сама умерла. А каково сказать: „прощай на вѣкъ" живому человѣку, вѣдь это хуже, чѣмъ похоронить.

Глафира Фирсовна.

Эка у васъ печаль по этимъ заблужденнымъ! Да Богъ съ ней! Всякая должна знать, что только Божье крѣпко.

Юлія.

Такъ-то такъ, тетенька, да коли любишь человѣка, коль всю душу въ него положила?

Глафира Фирсонна.

И откуда это въ васъ такая горячая любовь проявляется?

Юлія.

Что-жъ дѣлать-то? Вѣдь ужъ это кому какъ дано. Конечно, кто любви не знаетъ, тѣмъ легче жить на свѣтѣ.

Глафира Фирсовна.

Э, да что намъ о чужихъ! Поговори о себѣ. Какъ твой-то соколъ?

Юлія.

Какой мой соколъ?

Глафира Фирсовна.

Ну, какъ величать-то прикажешь? женихъ тамъ, что-ли? Вадимъ Григорьичъ.

Юлія.

Да какъ-же.... Да откуда-жъ вы?...

Глафира Фирсовна.

Откуда узнала-то? Слухомъ земля полнится: хоть въ трубы еще не трубятъ, а разговоръ идетъ.

Юлія (*конфузясь*).

Да теперь скоро, тетенька, свадьба у насъ.

Глафира Фирсовна.

Полно, такъ-ли? Ненадеженъ онъ, говорятъ, да и мотоватъ очень.

Юлія.

Ужъ каковъ есть, такого и люблю.

Глафира Фирсовна.

Удерживать-бы немножко.

Юлія.

Какъ можно, что вы говорите! Вѣдь не жена еще, какъ я смѣю что-нибудь сказать? Вотъ Богъ благословитъ, тогда другое дѣло; а теперь я могу только лаской, да угожденіемъ. Кажется рада-бы всё отдать, только-бъ не разлюбилъ.

Глафира Фирсовна.

Что ты, стыдись! Молодая, красивая женщина, да на мужчину раззориться, не старуха вѣдь.

Юлія.

Да я и не раззоряюсь и не думала раззориться, онъ самъ богатъ. А всё-жъ таки, чѣмъ-нибудь привязать нужно. Живу я, тетенька, въ глуши, веду жизнь скромную, слѣдить за нимъ не могу; гдѣ онъ бываетъ, что дѣлаетъ.... Иной разъ дня три, четыре не ѣдетъ, чего не передумаешь; рада Богъ знаетъ что отдать, только бы увидать-то.

Глафира Фирсовна.

Чѣмъ привязать, не знаешь? А ворожба-то на что? Чего другаго, а этого добра въ Москвѣ не занимать стать. Такія снадобья знаютъ, испробованныя! Я дамы четыре знаю, которыя этимъ мастерствомъ занимаются. Вонъ Манефа говоритъ: „я своимъ словомъ на краю свѣта, въ Америкѣ достану и тамъ на человѣка тоску да сухоту нагоню. Давай двадцать пять рублей въ руки, изъ Америки воручу“. Вотъ ты-бы съѣздила.

Юлія.

Нѣтъ, что вы, какъ это можно?

Глафира Фирсовна.

Ничего. А то есть одинъ отставной секретарь, горбатый, такъ онъ и ворожитъ и на фортепьянахъ играетъ и жестокіе романсы поетъ,—такъ оно для влюбленныхъ-то какъ чувствительно.

Юлія.

Нѣтъ, ворожить я не стану.

Глафира Фирсовна.

А ворожить не хочешь, такъ вотъ тебѣ еще средство: коли чуть долго не ѣдетъ къ тебѣ, сейчасъ его, раба Божьяго, въ поминанье за упокой!... Какую тоску-то нагонишь, мигомъ прилетитъ....

Юлія.

Ничего этого не нужно.

Глафира Фирсовна.

Грѣха боишься? Оно, точно, что грѣхъ.

Юлія.

Да и не хорошо.

Глафира Фирсовна.

Такъ вотъ тебѣ средство безгрѣшное: можно и за здравье, только свѣчку вверхъ ногами поставить: съ другаго конца зажечь. Какъ дѣйствуетъ!

Юлія.

Нѣтъ, ужъ вы оставьте! Зачѣмъ-же!

Глафира Фирсовна.

А лучше-то всего, вотъ нашъ тебѣ совѣтъ: брось-ко ты его сама, пока онъ тебя не бросилъ.

Юлія.

Ахъ, какъ можно, что вы! всю жизнь положивши, да я жива не останусь.

Глафира Фирсовна.

Потому какъ намъ, родственнымъ людямъ, сраму отъ тебя переносить не хочется. Послушай-ко, что всѣ родные и знакомые говорятъ.

Юлія.

Да что имъ до меня! Я никого не трогаю, я совершенно-лѣтняя.

Глафира Фирсовна.

А то, что нигдѣ показаться нельзя, вездѣ спросы, да насмѣшки: „что ваша Юлинька? Какъ ваша Юлинька?“ Вотъ посмотри, какъ Флоръ Федулычъ разстроенъ черезъ тебя.

Юлія.

И Флоръ Федулычъ?

Глафира Фирсовна.

Я его недавно видѣла, онъ самъ хотѣлъ быть у тебя сегодня.

Юлія.

Ай, стыдъ какой! Зачѣмъ это онъ? Такой почтенный старикъ.

Глафира Фирсовна.

Сама себя довела.

Юлія.

Я его не приму. Какъ я стану съ нимъ разговаривать? Съ стыда сгоришь.

Глафира Фирсовна.

Да ты не очень бойся-то. Онъ хоть строгъ, а до васъ, молодыхъ бабъ, довольно таки снисходителенъ. Человѣкъ одинокій, дѣтей нѣтъ, денегъ двѣнадцать милліоновъ.

Юлія.

Что это, тетенька, ужъ больно много.

Глафира Фирсовна.

Я такъ, на счастье говорю, не пугайся, мои милліоны маленькіе. А только много, очень много, страсть сколько деньжищевъ! Чужая душа-потемки, кто знаетъ, кому онъ деньги-то оставитъ, вотъ всѣ родные-то передъ нимъ и раболѣбствуютъ. И тебѣ тоже его огорчать-то бы не надо.

Юлія.

Какая я ему родня! Седьмая вода на кисслѣ, да и то по мужѣ.

Глафира Фирсовна.

Захочешь, такъ роднѣй родни будешь.

Юлія.

Я этого не понимаю, тетенька, и не желаю понимать.

Глафира Фирсовна.

Очень просто: исполняй всякое желаніе его, всякій капризъ, такъ онъ еще при жизни тебя озолотитъ.

Юлія.

Надо знать, какіе у него капризы-то! Другіе капризы и за ваши двѣнадцать милліоновъ исполнять не согласишься.

Глафира Фирсовна.

Капризные старики кому милы, конечно. Да старикъ-то онъ у насъ чудной, самъ старъ, а капризы у него молодые. А ты развѣ забыла, что онъ твоему мужу былъ первый другъ и благодѣтель. Твой мужъ предъ смертью приказывалъ ему, что-бъ онъ тебя не забывалъ, что-бъ помогалъ тебѣ и совѣтомъ и дѣломъ и былъ тебѣ вмѣсто отца.

Юлія.

Такъ не я забыла-то, а онъ. Послѣ смерти мужа я его только одинъ разъ и видѣла.

Глафира Фирсовна.

Можно-ль съ него требовать? Мало-ль у него дѣловъ-то безъ тебя! У него все это время мысли были заняты другимъ. Сирота у него была на попеченіи, красавица, получше тебя гораздо; а вотъ теперь онъ отдалъ ее замужъ, мысли-то у него и освободились, и объ тебѣ вспомнилъ, и до тебя очередь дошла.

Юлія.

Очень я благодарна Флору Федулычу, только я никакихъ себѣ попечителей не желаю и напрасно онъ себя безпокоитъ.

Глафира Фирсовна.

Не отталкивай родню, не отталкивай! Проживешься до нитки, куда дѣнешься? къ намъ-же прибѣжишь.

Юлія.

Ни къ кому я не пойду, гордость моя не позволитъ, да мнѣ и не зачѣмъ. Что вы мнѣ бѣдность пророчите? Я не маленькая: и сама собою, и своими деньгами я распорядиться съумѣю.

Глафира Фирсовна.

А я другіе разговоры слышала.

Юлія.

Нечего про меня слышать. Конечно, отъ сплетенъ не убережешься, про всѣхъ говорятъ, особенно прислуга; такъ хорошему человѣку, солидному, стыдно такимъ вздоромъ заниматься.

Глафира Фирсовна.

Вотъ такъ! Сказала, какъ отрѣзала. Такъ и знать будемъ (*входитъ Михевна*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Юлія, Глафира Фирсовна и Михевна.

Михевна.

Чай готовъ, не прикажете-ли?

Глафира Фирсовна.

Нѣтъ, чай, Богъ съ нимъ! Вотъ чудо-то сонной, вотъ послушай! Какъ вотъ этотъ часъ настанетъ, и начинаетъ меня на съѣстное позывать. И съ чего это сталось?

Юлія.

Такъ можно подать.

Глафира Фирсовна.

Зачѣмъ подавать? У тебя, вѣдь, я чай, есть такой шкапчикъ, гдѣ все это соблюдается — и пропустить можно маленькую и закусить! Я не спѣсива: мнѣ огурецъ, такъ огурецъ, пирогъ — такъ пирогъ.

Юлія.

Есть, тетенька, какъ не быть!

Глафира Фирсовна.

Вотъ мы къ нему и пристроимся. Перекушу я малымъ дѣломъ, да ужъ и пора мнѣ. Засидѣлась я у тебя, а мнѣ еще черезъ всю Москву шествовать.

Юлія.

Неужели такую даль пѣшкомъ? Тетенька, если вы не обидитесь, я бы предложила вамъ на извощика (*вынимаетъ рублевую бумажку*). А то лошадь заложить?

Глафира Фирсовна.

Не обижусь. Отъ другаго обижусь, а отъ тебя нѣтъ, не обижусь, отъ тебя возьму (*беретъ бумажку*). Когда тутъ лошадь закладывать (*Юлія и Глафира Фирсовна уходятъ въ дверь направо, Михевна идетъ за ними. Звонокъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Михевна, потомъ Дергачевъ.

Михевна.

Ну ужъ это Вадимъ Григорьичъ, по звонку слышу (*идетъ къ двери, на встрѣчу ей Дергачевъ*). Охъ, чтобъ тебя!

Дергачевъ (*важно*).

Я желаю видѣть Юлію Павловну.

Михевна.

Ну, да мало-ль чего вы желаете. Къ намъ, батюшка, въ домъ мужчины не ходятъ. И кто это васъ пустилъ? Сколько разъ говорила дѣвкамъ, что-бъ не пускали.

Дергачевъ (*пожимая плечами*).

Вотъ нравы?

Михевна.

Ну-да, нравы! Пускать васъ, такъ вы повадитесь.

Дергачевъ.

Я не затѣмъ пришелъ, чтобъ твои глупости слушать. Доложи, милая, Юліи Павловнѣ.

Михевна.

Да, милый, нельзя.

Дергачевъ.

Что за вздоръ! Мнѣ нужно видѣть Юлію Павловну.

Михевна.

Ну, да вѣдь не особенная какая надобность.

Дергачевъ.

У меня есть письмо къ ней.

Михевна.

А письмо, такъ давай его и ступай съ Богомъ.

Дергачевъ.

Я долженъ отдать въ собственныя руки.

Михевна.

И у меня свои собственныя руки, не чужія. Чего боишься? Не съѣмъ его (*входитъ Юлія Павловна*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дергачевъ, Михевна, Юлія Павловна.

Юлія.

Что у васъ тутъ за разговоръ? А, Лука Герасимычъ, здравствуйте!

Дергачевъ.

Честь имѣю кланяться! Письмо вотъ отъ Вадима (*подаетъ письмо*).

Юлія.

Покорно васъ благодарю. Отвѣта не нужно?

Дергачевъ.

Отвѣта не нужно-съ, онъ самъ заѣдетъ.

Юлія.

Что, здоровъ онъ?

Дергачевъ.

Слава Богу-съ.

Михевна.

Не держи ты его, отпусти поскорѣе, что хорошаго?

Дергачевъ.

Могу я его здѣсь подождать-съ?

Юлія.

Лука Герасимычъ, извините! Я жду одного родственника, старика, понимаете?

Михевна.

Да, Герасимычъ, ступай, ступай!

Дергачевъ.

Герасимычъ! Какое невѣжество!

Михевна.

Не взыщи!

Юлія.

Не сердитесь на нее, она женщина простая. До свиданія, Лука Герасимычъ!

Дергачевъ.

До свиданія, Юлія Павловна! Какъ не велика моя дружба къ Вадиму, но уже подобныхъ порученій я отъ него принимать не буду, извините-съ! Я самъ ему предложилъ-съ, я думалъ провести время...

Михевна.

Ну что еще за разговоры развелъ?

Юлія.

Что дѣлать, у насъ это не принято (*кланяется*).

Михевна (*Юліи*).

Глафира Фирсовна ушла?

Юлія.

Ушла.

Михевна (*Дергачеву*).

Пойдемъ, пойдемъ, я провожу.

(*Дергачевъ раскланивается и уходитъ, Михевна за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Юлія, потомъ Михевна.

Юлія (*раскрываетъ письмо и читаетъ*).

„Милая Юлія, я сегодня буду у тебя непремѣнно, хоть поздно, а все таки заѣду“. Вотъ это мило съ его стороны (*читаетъ*). „Не сердись, моя голубка“ (*повторяетъ*). „Моя голубка!“ Какъ хорошо пишетъ. Какъ на такого голубя сердиться! (*читаетъ*). „Я всѣ эти дни не имѣлъ минуты свободной: все дѣла и дѣла и, надо признаться, не очень удачныя. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что мнѣ безъ твоей любви жить нельзя. И хотя я подвергаю её довольно тяжкимъ испытаніямъ и сегодня-же требую отъ тебя нѣкоторой жертвы, но ты сама меня избаловала, и я увѣренъ заранѣе, что ты простишь все твоему безумному и безумно-любящему тебя Вадиму“ (*входитъ Михевна*).

Михевна.

Кто-то подъѣхалъ, никакъ Флоръ Ѳедулычъ.

Юлія (*прячетъ письмо въ карманъ*).

Такъ ты поди, сядь въ передней, да посматривай хорошенько! Если пріѣдетъ Вадимъ Григорьичъ, проводи его кругомъ, да попроси подождать въ угольной комнатѣ. Скажи, молъ, дяденька у нихъ. (*Михевна уходитъ. Флоръ Ѳедулычъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Юлія, Флоръ Ѳедулычъ.

Флоръ Ѳедулычъ (*кланяясь и подавая руку*).

Честь имѣю... Прошу извинить!

Юлія.

Забыли, Флоръ Ѳедулычъ, забыли. Прошу садиться.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ, давненько (*садится*).

Юлія (*садясь*).

Я вѣдь никуда, Флоръ Ѳедулычъ, я все дома—а ежели ко мнѣ кто, я очень рада.

Флоръ Ѳедулычъ.

Здоровьице ваше?

Юлія.

Да ничего, я—слава Богу...

Флоръ Ѳедулычъ.

Дюшессы нынче не дороги-съ...

Юлія.

Что вы такъ смотрите на меня Флоръ Ѳедулычъ! Перемѣнилась я?

Флоръ Ѳедулычъ.

Къ лучшему-съ.

Юлія.

Ну, что вы, не можетъ быть.

Флоръ Ѳедулычъ.

Позвольте, позвольте-съ! Въ этомъ мы не ошибаемся, на томъ стоимъ: очаровательность женскую понимаемъ. (*осматривая комнату*). Домикъ-то такъ, послѣ смерти супруга, и не отдѣлывали?

Юлія.

Кто у меня бываетъ, кто его видитъ! Зачѣмъ-же лишній расходъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Что касается приличія, то никогда не лишнее, а даже необходимое-съ. А домъ этотъ точно отдѣлывать не стоитъ. Онъ почти за чертой города, доходу не приноситъ, состоитъ при фабрикѣ, которая давно нарушена, ну, и значитъ, вамъ надо это имѣніе продать.

Юлія.

А гдѣ-же мнѣ жить, Флоръ Ѳедулычъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Зачѣмъ-же вамъ жить въ захолустьи и скрывать себя? Вы должны жить на виду и дозволить намъ любоваться на васъ. Патти не пріѣдетъ-съ.

Юлія.

Очень жаль, такъ я ее и не услышу.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не услышите-съ. Да вѣдь у васъ есть другой домъ, въ городѣ-съ. Отдѣлать тамъ небольшую квартиру, комнатъ шесть-семь, хорошихъ: двѣ-три гостиныя-съ, будуаръ. Мебель а ла Помпадуръ-съ.

Юлія.

Сколько хлопотъ, да и не привычна я къ такой жизни.

Флоръ Ѳедулычъ.

Хлопоты-съ, эти не ваше дѣло-съ, это я беру на себя, вамъ только и труда будетъ переѣхать-съ. А если вы не не привычны къ такой жизни, такъ мы васъ постепенно пріучимъ.

Юлія.

Покорно васъ благодарю.

Флоръ Ѳедулычъ.

А лошадокъ держите?

Юлія.

Пару продала, а то всё тѣ-же, старыя.

Флоръ Ѳедулычъ.

Пора перемѣнить-съ; да это дѣло минутное, не стоитъ и говорить-съ. Экипажи тоже надо новенькіе, нынче другой вкусъ. Нынче полегче дѣлаютъ и для лошадей и для кармана; какъ за коляску рублей тысячу съ лишкомъ отдашь, такъ въ карманѣ гораздо легче сдѣлается. Хоть и грѣхъ такія деньги за экипажъ платить, а нельзя-съ, платимъ, — наша служба такая. Я къ вамъ на дняхъ каретника пришлю, можно будетъ старые обмѣнять съ придачею.

Юлія.

Все это напрасно, Флоръ Ѳедулычъ, мнѣ ничего ненужно.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не то что напрасно, а обойтись нельзя безъ этого. Ужъ если у насъ бабы, пудовъ въ семь вѣсомъ, въ такихъ экипажахъ разъѣзжаютъ; такъ ужъ вамъ-то, при вашей красотѣ, въ забвеніи-съ быть невозможно-съ. Абонементъ на настоящій сезонъ не имѣете?

Юлія.

Нѣтъ, я еще объ этомъ не подумала.

Флоръ Ѳедулычъ.

Что прикажете: кресло, бель-этажъ-съ?

Юлія.

Не безпокойтесь, если вздумаю, такъ еще успѣю достать.

Флоръ Ѳедулычъ.

Теперь позвольте объяснить, въ чемъ состоитъ цѣль моего визита.

Юлія.

Сдѣлайте одолженіе.

Флоръ Ѳедулычъ.

Денегъ пріѣхалъ занять у васъ, Юлія Павловна.

Юлія.

Денегъ? да на что вамъ? у васъ своихъ дѣвать некуда.

Флоръ Ѳедулычъ.

Мы найдемъ мѣсто, употребимъ съ пользой. Я вамъ хорошіе проценты дамъ.

Юлія.

А много-ли-же вамъ нужно?

Флоръ Ѳедулычъ.

Да всѣ пожалуйте, всѣ, что у васъ есть.

Юлія.

А у меня-то что-жъ останется?

Флоръ Ѳедулычъ.

Да вамъ и не слѣдъ имѣть деньги, это не женское дѣло-съ. Женское дѣло—проживать, тратить; а сберегать капиталы, въ настоящее время, и для мужчины довольно хитро, а для женщины невозможно-съ.

Юлія.

Вы такъ думаете, Флоръ Ѳедулычъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Не думаю, а навѣрно знаю. У женщины деньги удержаться не могутъ, ихъ сейчасъ отберутъ. Да прочихъ намъ дѣла нѣтъ; а васъ мы беречь должны. Коли мы за вашими деньгами не усмотримъ, намъ будетъ грѣхъ и стыдно. Вѣдь если васъ оберутъ, мы заплачемъ. А вы мнѣ пожалуйте ваши деньги и всѣ бумаги, я вамъ сохранную росписку дамъ и буду вашимъ кассиромъ. Капиталъ вашъ останется неприкосновеннымъ, а сколько вамъ потребуется на проживаніе, сколько бы не потребовалось, вы всегда можете получить отъ меня.

Юлія.

Но я могу прожить болѣе того, сколько мнѣ слѣдуетъ процентовъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Это не ваши разсчеты; и барышъ мой, и убытокъ мой, на то мы и купцы. Ваше дѣло — жить въ удовольствіи, а наше дѣло — васъ беречь и лелѣять.

Юлія.

Даромъ я ничьихъ услугъ принимать не желаю: чѣмъ-же я заплачу вамъ за ваши заботы?

Флоръ Ѳедулычъ.

Развѣ дѣти платятъ что-нибудь своимъ родителямъ?

Юлія.

Платятъ, Флоръ Ѳедулычъ и очень дорого: платятъ любовью.

Флоръ Ѳедулычъ.

Такъ вѣдь и мнѣ, кромѣ этого, ничего не нужно-съ.

Юлія.

Я вамъ очень благодарна за вашу доброту; но принять вашего предложенія рѣшительно не могу.

Флоръ Ѳедулычъ.

Почему же-съ?

Юлія.

Я выхожу замужъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Это дѣло другаго рода-съ. Позвольте полюбопытствовать ствовать имя, отечество и званіе вашего будущаго супруга.

Юлія.

Я теперь не могу сказать, еще дѣло не рѣшено.

Флоръ Ѳедулычъ.

Хоть и не рѣшено, но зачѣмъ-же скрывать-съ. Тутъ дурнаго ничего нѣтъ-съ. Я могу быть вамъ полезенъ, могу лучше васъ разузнать о человѣкѣ и во время предупредить, если дѣло не подходящее. Не шутка-съ, счастье и не счастье всей жизни зависитъ.

Юлія.

Нѣтъ, Флоръ Ѳедулычъ, въ такомъ дѣлѣ я на людей полагаться не хочу, я сама желаю устроить свою жизнь.

Флоръ Ѳедулычъ (*встаетъ*).

Какъ вамъ будетъ угодно-съ. Значитъ, мои услуги вамъ не нужны-съ?

Юлія.

Очень жалѣю, Флоръ Ѳедулычъ, что не могу принять ихъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Значитъ, вы всѣмъ довольны и счастливы? Это очень пріятно видѣть-съ. Ну, хоть какой-нибудь нужды, хоть какой-нибудь надобности нѣтъ-ли у васъ? Доставьте мнѣ удовольствіе исполнить вашу просьбу!

Юлія.

Мнѣ рѣшительно ничего не нужно.

Флоръ Ѳедулычъ.

И дай Богъ, и дай Богъ, чтобы всегда такъ было-съ. А ежели, чего сохрани Богъ....

Юлія.

Какая-бъ у меня не была нужда, я къ роднымъ не пойду за милостыней.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не о милостынѣ рѣчь-съ.

Юлія.

Ничего у родныхъ и знакомыхъ, Флоръ Ѳедулычъ, ничего, это мое правило.

Флоръ Ѳедулычъ.

Но, во всякомъ случаѣ, прошу не забывать-съ! Милости прошу откушать какъ-нибудь. Я всякій день дома-съ; отъ пяти до семи часовъ-съ, больше времени свободнаго не имѣю-съ.

Юлія.

Благодарю васъ. Постараюсь, Флоръ Ѳедулычъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Честь имѣю кланяться (*идетъ къ двери*). Росси изволили видѣть?

Юлія.

Нѣтъ, я вѣдь совершенно никуда.

Флоръ Ѳедулычъ.

Хорошій актеръ-съ. Оно довольно для насъ непонятно, а интересно посмотрѣть-съ. До свиданія-съ. (*Уходитъ, изъ боковой двери выходитъ Дульчинъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Юлія, Дульчинъ.

Юлія (*бросаясь къ Дульчину*).

Ахъ, милый, ты ужъ здѣсь?

Дульчинъ.

Здравствуй, Юлія, здравствуй!

Юлія (*вглядываясь*).

Ты чѣмъ-то разстроенъ?

Дульчинъ.

Отвратительное положеніе.

Юлія.

Что такое? Говори скорѣй!

Дульчинъ.

Охъ, ужъ мнѣ совѣстно и говорить-то тебѣ.

Юлія.

Да что, скажи, не мучь меня!

Дульчинъ.

Денегъ нужно.

Юлія.

Много?

Дульчинъ.

Много.

Юлія.

Ахъ, милый мой, да давно-ли...

Дульчинъ (*хватаясь за голову*).

А, чортъ возьми! Ужъ я не знаю, давно-ли, — теперь нужно, платить по векселю нужно, — завтра срокъ.

Юлія.

Что ты прежде не подумалъ, отчего не предупредилъ меня?

Дульчинъ.

Совсѣмъ изъ головы вонъ. Да я надѣялся, что онъ отсрочитъ, онъ столько пользовался отъ меня. А вчера вдругъ ни съ того, ни съ сего „нѣтъ, говоритъ, тебѣ больше кредиту, плати“.

Юлія.

Да кто онъ-то?

Дульчинъ.

Салай Салтанычъ. А кто онъ такой, кто-же его знаетъ. Обалдуй-Оглы Тараканов, турецкій жидъ, армянскій грекъ, туркменъ, бухарецъ, восточный человѣкъ,... развѣ въ нихъ жалость есть, онъ зарѣжетъ равнодушно.

Юлія.

Какъ-же быть-то?

Дульчинъ.

Какъ быть? Надо платить.

Юлія.

Гдѣ-же взять-то?

Дульчинъ.

Гдѣ-нибудь надо. Мнѣ не дадутъ, конечно, и толковать нечего.

Юлія.

Очего-же, мой другъ?

Дульчинъ.

Въ Москвѣ и всегда было мало кредиту, потому онъ и дорогъ; а теперь и совсѣмъ нѣтъ. Капиталисты — какіе-то скептики. Далеко еще намъ до Европы; развѣ у насъ понимаютъ, что кредитъ — великій двигатель? Ну, что мы, крупные землевладѣльцы безъ кредиту, все равно что безъ рукъ. Подумай хорошенько, Юлія, поищи, попроси у кого-нибудь!

Юлія.

Гдѣ-же мнѣ искать, у кого́ просить? Рѣшительно не у кого.

Дульчинъ.

Ахъ, отчаяніе! Вотъ урокъ, вотъ урокъ! Вѣдь меня арестуютъ!

Юлія (*испугавшись*).

Какъ арестуютъ?

Дульчинъ.

Такъ; посадятъ въ знаменитую московскую яму. Вѣдь это конецъ всякой репутаціи, всякаго кредита.

Юлія.

Ахъ, мой милый, такъ надо искать денегъ, непремѣнно надо.

Дульчинъ.

„Надо, надо!“ Разумѣется, надо. А какъ найдешь? (*махнувъ рукой*). Э, да что тутъ! Лучше не искать.

Юлія.

Что-же? какъ-же?

Дульчинъ.

Такъ. Сѣсть въ яму попробовать.

Юлія.

Ахъ, срамъ, что ты, что ты?

Дулчинъ.

Можетъ быть, это образумитъ меня нѣсколько, исправитъ. Вѣдь ты, все-таки, меня будешь любить, не разлюбишь за-то?

Юлія.

Какія глупости!

Дульчинъ.

Одного только боюсь: потеряешь уваженіе къ себѣ, потеряешь самолюбіе. А безъ самолюбія легко сдѣлаться грязнымъ трактирнымъ героемъ, или шутомъ у богатыхъ людей. Нѣтъ, ужъ лучше пулю въ лобъ.

Юлія.

Ахъ, перестань! Какія страшныя вещи ты говоришь.

Дульчинъ.

Нисколько не страшно. А коли, на твой взглядъ, это ужъ очень страшно кажется, такъ пищи денегъ.

Юлія.

Погоди, дай подумать. Вотъ сейчасъ у меня былъ богатый человѣкъ, онъ обѣщалъ и предлагалъ мнѣ всё, что я пожелаю.

Дульчинъ.

Вотъ и прекрасно! Что-же ты ему сказала?

Юлія.

Я ему сказала, что ни въ чемъ не нуждаюсь, что у меня свой капиталъ; да если-бы и нуждалась, такъ отъ него ничего и никогда не приму.

Дульчинъ.

Зачѣмъ-же-это, Юлія, зачѣмъ? — Это просто возмутительно! Эхъ вы, женщины! Человѣкъ набивается съ день-

гами, а ты его гонишь прочь. Такіе люди нужны въ жизни, очень нужны, пойми ты это!

Юлія.

Да вѣдь эти люди даромъ ничего не даютъ. Онъ дѣйствительно осыплетъ деньгами, только надо идти къ нему на содержаніе.

Дульчинъ.

Да... вотъ что... Ну, конечно... а впрочемъ...

Юлія.

Какъ: „впрочемъ?“ Ты съ ума сошелъ?

Дульчинъ.

Нѣтъ, я не то... Всё таки съ нимъ нужно поласковѣе. А такъ, по знакомству, онъ не дастъ тебѣ? Въ займы не дастъ?

Юлія.

Не знаю, едвали. Но какъ просить у него? Сказать ему, что я солгала, что у меня капиталу ужъ нѣтъ? Такъ вѣдь надо объяснить, куда онъ дѣлся. Придется выслушивать разные упреки и сожалѣнія, а, можетъ быть, и неучтивый презрительный отказъ. Сколько стыда, униженія перенесешь. Вѣдь это пытка!

Дульчинъ (*цѣлуя руки Юліи*).

Юлія, голубушка, попроси, спаси меня!

Юлія.

Надо спасать, нечего дѣлать. Тяжело будетъ и стыдно, охъ какъ стыдно.

Дульчинъ.

Это ужъ послѣдняя твоя жертва, клянусь тебѣ!

Юлія (*задумавшись*).

Я думаю, что выпрошу. У женщинъ есть средство хорошее: слезы. Да коли онѣ отъ души, такъ должны подѣйствовать.

Дульчинъ.

Нѣтъ, зачѣмъ, нѣтъ зачѣмъ! Юлинька, ангелъ мой, онъ тебѣ и такъ не откажетъ. Ты пококетничай съ нимъ, я позволяю.

Юлія.

Ты позволяешь, да я-то себѣ не позволю (*со слезами*). А лгу, вѣдь, можетъ быть, и позволю. Что не сдѣлаетъ женщина для любимаго человѣка (*подумавъ*). Много-ли тебѣ нужно?

Дульчинъ.

Я долженъ около пяти тысячъ, а ты проси ужъ больше, проси шесть. Нужно заплатить за квартиру.

Юлія.

За квартиру заплачено.

Дульчинъ.

Я и не зналъ. Надо расчесться съ извозчикомъ за коляску за два мѣсяца.

Юлія.

Я заплатила.

Дульчинъ.

Ахъ, какая я дрянь! Зачѣмъ ты платишь за меня, зачѣмъ?

Юлія.

Э, мой другъ, я не жалѣю денегъ, былъ-бы только ты счастливъ.

Дульчинъ.

Да вѣдь я жгу деньги, просто жгу, бросаю ихъ безъ толку, безъ смысла.

Юлія.

И жги, коли это доставляетъ тебѣ удовольствіе.

Дульчинъ.

Въ томъ-то и дѣло, что недоставляетъ никакого; а, напротивъ, остается послѣ только одно раскаяніе, отчаянное, каторжное, которое грызетъ мнѣ душу. Одно еще только утѣшаетъ, спасаетъ меня.

Юлія.

Что, скажи!

Дульчинъ.

То, что я могу еще исправиться: потому что я не злой, не совсѣмъ испорченный человѣкъ. Другіе губятъ и свое,

и чужое состояніе хладнокровно, а я сокрушаюсь, на меня нападаютъ минуты страшной тоски. А какъ бы мы могли жить съ тобой, если-бы не мое безуміе, если-бы не моя преступная распущенность.

Юлія.

Мы и теперь можемъ жить хорошо. Нѣтъ чистыхъ денегъ, такъ у меня еще два дома, заложенныхъ правда, да вѣдь они чего нибудь стоятъ: у тебя большое имѣніе. Ты займешься хозяйствомъ, будешь служить, я буду экономничать.

Дульчинъ.

Да, Юлинька, пора мнѣ перемѣнить жизнь. Это я могу, я себя пробовалъ, стоитъ только отказаться отъ излишней роскоши. Я могу работать: я учился всему, я на все способенъ. Меня только баловать не нужно, баловать не нужно, Юлія... Ужъ это будетъ твоя послѣдняя жертва для меня, послѣдняя.

Юлія.

Я на всякія жертвы готова для тебя, мой милый, только я должна признаться, мое положеніе становится очень тяжело для меня. Мои родные и знакомые откуда-то провѣдали о тебѣ и начинаютъ меня мучить своимъ участіемъ и совѣтами.

Дульчинъ.

Что твои родные? Стоитъ обращать на нихъ вниманіе. Ихъ успокоить легко. Только-бы мнѣ расплатиться съ этимъ долгомъ, я перемѣняю жизнь и кончено. А то, повѣришь-ли, у меня руки и ноги трясутся, я такъ боюсь позора.

Юлія.

Да расплатимся, расплатимся, не безпокойся!

Дульчинъ.

Вѣрно, Юлія?

Юлія.

Вѣрно, мой милый, вѣрно: чего-бы мнѣ не стоило, я черезъ часъ достану тебѣ денегъ.

Дульчинъ.

Только ты помни, что это твоя послѣдняя жертва. Теперь для меня настанетъ трудовая жизнь; трудъ, и трудъ постоянный, безпрерывный: я обязанъ примирить тебя съ родными и знакомыми, обязанъ поправить твое состояніе, это мой долгъ, моя святая обязанность. Успокой своихъ родныхъ, пригласи ихъ всѣхъ какъ нибудь на дняхъ, хоть въ воскресенье. Я не только ихъ не видывалъ, я даже по именамъ ихъ не знаю, а надо-же мнѣ съ ними познакомиться.

Юлія.

Да, да, конечно, надо.

Дульчинъ.

Вотъ мы ихъ и удивимъ: явимся съ тобой передъ ними и объявимъ, что мы женихъ и невѣста, и пригласимъ ихъ черезъ недѣлю на свадьбу.

Юлія.

Что-же значатъ всѣ мои жертвы? Ты мнѣ даришь счастіе, ты мнѣ даришь жизнь. Какое блаженство! Я никогда въ жизни не была такъ счастлива. Я не нахожу словъ благодарить тебя, милый, милый мой!

Дульчинъ.

Юлія, ты мало себя цѣнишь; ты рѣдкая женщина, я отдаю тебѣ только должное.

Юлія (*положивъ руки на плечи Дульчина*).

Нѣтъ, я тебя не стою. Ты моя радость, моя гордость! Нѣтъ и не будетъ женщины счастливѣе меня.

(*Прилегаетъ къ нему на грудь*).

З а н а в ѣ с ъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Флоръ Ѳедулычъ Прибытковъ.

Глафира Фирсовна.

Лавръ Миронычъ Прибытковъ, племянникъ Флора Ѳедулыча, полный, красивый брюнетъ, съ внушительной физіономіей, большіе бакенбарды, тщательно разчесанные, одѣтъ богато и съ претензіями. Держитъ себя прямо, важно закидываетъ голову назадъ, но съ дядей очень почтителенъ.

Ирина Лавровна, его дочь, дѣвица 25 лѣтъ, съ запоздалой и слишкомъ смѣлой наивностью.

Юлія Павловна.

Василій, лакей Прибыткова.

Богатая гостинная, изящно меблированная, на стѣнахъ картины въ массивныхъ рамахъ, тяжелыя драпировки и портьеры. Въ глубинѣ дверь въ залу, налѣво въ кабинетъ

ЯВЛЕНІЕ I.

Флоръ Ѳедулычъ (*сидитъ въ креслахъ съ газетою въ рукахъ. Входитъ Василій, потомъ Глафира Фирсовна*).

Василій.

Когда прикажете кушать подавать?

Флоръ Ѳедулычъ.

Еще рано, погоди, можетъ быть, подъѣдетъ кто нибудь. (*Входитъ Глафира Фирсовна*). Видишь, вотъ и гости. Черезъ четверть часа закуску, черезъ десять минутъ послѣ закуски — обѣдъ.

Василій.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

Глафира Фирсовна.

Здравствуйте, Флоръ Ѳедулычъ, во время-ль я пришла-то?

Флоръ Ѳедулычъ.

Моментъ самый благопріятный, — къ обѣду-съ.

Глафира Фирсовна.

Я ужъ и позавтракала, и обѣдала раза два, и полдничала.

Флоръ Ѳедулычъ.

Это ничего-съ. У насъ простые люди говорятъ: палка на палку нехорошо, а обѣдъ на обѣдъ нужды нѣтъ.

Глафира Фирсовна.

Да я и не откажусь лишній разъ пообѣдать; бѣда не большая, стерпѣть можно. Совсѣмъ не обѣдать не здорово, а по-два, да по-три раза хоть-бы каждый день Богъ далъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Покорнѣйше прошу садиться.

Глафира Фирсовна.

Присяду, присяду, окружила-таки я нынче Москву-то.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я самъ только сейчасъ вернулся.

Глафира Фирсовна.

Видѣла я, батюшка, васъ, видѣла, я только отъ Юліи Павловны, а вы къ ней.

Флоръ Ѳедулычъ.

Дасъ, сегодня я ей визитъ сдѣлалъ.

Глафира Фирсовна.

И поговорили-таки съ ней?

Флоръ Ѳедулычъ.

Говорилъ-съ; но разговоръ нашъ былъ безъ результата.

Глафира Фирсовна.

А я таки допыталась кой до чего, тайности ея вывѣдала.

Флоръ Ѳедулычъ.

Надѣюсь, что вы отъ меня вашихъ свѣдѣній не скроете.

Глафира Фирсовна.

Батюшка, да что мнѣ скрывать-то съ какой стати! Вотъ еще, была оказія! Что я ей, мать что-ли? Все дочиста выложу, какъ есть. Съ чего начинать-то?

Флоръ Ѳедулычъ.

Съ чего угодно-съ.

Глафира Фирсовна.

Такъ вотъ-съ, пріятель у ней есть и очень близкій.

Флоръ Ѳедулычъ.

Такъ и ожидать надо было.

Глафира Фирсовна.

Дульчинъ онъ, Вадимъ Григорьичъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Дульчинъ-съ? Я его знаю-съ, въ клубѣ встрѣчаюсь, съ виду баринъ хорошій.

Глафира Фирсовна.

И я его знаю, года три назадъ онъ въ одномъ знакомомъ домѣ сватался, такъ я у него даже на квартирѣ бывала. А теперь захотѣла узнать покороче; есть у меня одна дама знакомая, она сваха, такъ у нее всѣ эти женихи на счету. Я съ ней въ ссорѣ немножко, семь лѣтъ не кланяемся, да ужъ такъ и быть, покорилась, — сейчасъ была у нее. Вотъ вѣсти какія: женихъ хорошій, живетъ богато, шику много, на большаго барина хватитъ. Только, говоритъ, если съ этимъ женихомъ въ хорошій, степенный домъ сунешься, такъ, пожалуй прическу попортятъ, за это, говоритъ, ручаться нельзя, на какого отца нападешь. Другой разговаривать не любитъ, а прямо за шиньонъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Аттестатъ не очень одобрительный-съ.

Глафира Фирсовна.

Надо, говоритъ, узнать, на какія онъ деньги живетъ, на свои, или на чужія и что у него есть; а это говоритъ, я вамъ скорехонько узнаю.

Флоръ Ѳедулычъ.

Значитъ, надо подождать-съ.

Глафира Фирсовна.

Чего ждать-то? Пока онъ ее ограбитъ совсѣмъ? А жениться-то онъ и не думаетъ, чай; такъ водитъ изо дня въ день, пока у нея деньги есть.

Флоръ Ѳедулычъ.

Что-же мы можемъ предпринять.

Глафира Фирсовна.

Вы не мѣшайте только мнѣ, а ужъ я похлопочу; разобью я эту парочку.

Флоръ Ѳедулычъ.

Въ такомъ случаѣ большую благодарность получите.

Глафира Фирсовна.

Да развѣ я изъ благодарности? Жалѣючи ее дѣлается. Конечно я — человѣкъ бѣдный, вотъ, Богъ дастъ, зима настанетъ, въ люди показаться не въ чемъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Шуба за мной-съ, хорошая шуба.

Глафира Фирсовна.

Ну ужъ куда мнѣ хорошую! хоть-бы какую-нибудь, только отецъ родной, что-бъ бархатомъ крыта, хоть не самымъ настоящимъ. Какъ его, манчестеръ, что-ли называется. Что-бъ хоть издали-то на бархатъ похоже было.

Флоръ Ѳедулычъ.

Для вашего удовольствія всё будетъ исполнено.

Глафира Фирсовна.

Что это я смотрю на васъ, вы какъ-будто не въ духѣ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Непріятности есть-съ отъ племянниковъ.

Глафира Фирсовна.

Отъ кого-же и ждать непріятности, какъ не отъ своихъ. Который-же васъ огорчаетъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Да всѣ-съ. Мотаютъ, пьянствуютъ, только фамилію срамятъ. Жена умерла, дѣтей не нажилъ, какъ подумаешь, кому состояніе достанется, вотъ и горько станетъ.

Глафира Фирсовна.

Женились-бы, Флоръ Ѳедулычъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Поздно, людей совѣстно-съ.

Глафира Фирсовна.

Что за совѣсть! Были-бы свои наслѣдники.

Флоръ Ѳедулычъ.

Это дѣло такое, что разговоръ о немъ я считаю лишнимъ.

Глафира Фирсовна.

Какъ угодно, батюшка, Флоръ Ѳедулычъ, къ слову пришлось. Ну, а Лавръ Миронычъ какъ поживаетъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Лавръ Миронычъ больше другихъ безпокоитъ, потому жизнь неосновательную ведетъ.

Глафира Фирсовна.

Ему-то бы грѣшно: онъ всѣмъ вамъ обязанъ; сколько разъ вы его изъ ямы-то выкупали.

Флоръ Ѳедулычъ.

На яму онъ мало обращаетъ вниманія-съ. Пристроишь его къ должности, онъ человѣкъ способный-съ, живетъ годъ, другой хорошо и вдругъ въ одну минуту задолжаетъ: когда успѣетъ, только дивишься. И ничего его долги не безпокоятъ, платить онъ ихъ и въ помышленіи не имѣетъ. Хоть-бы глазомъ моргнулъ-съ. Наберетъ гдѣ то съ полсотни переводныхъ французскихъ романовъ и отправляется въ яму равнодушно, точно въ гости куда. Примется читать свои романы, читаетъ ихъ дни и ночи, хоть десять лѣтъ просидитъ ему всё равно. Ну, и выкупаешь изъ жалости. А выкупишь, сейчасъ расчешетъ бакенбарды, надѣнетъ шляпу на бокъ и пошелъ щеголять по Москвѣ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

Глафира Фирсовна.

Ужъ какой изъ себя видный, точно иностранецъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Настоящій милордъ-съ! Ему-бы только съ графомъ Биконсфильдомъ разговаривать-съ. Отличныя мѣста занималъ-съ, поведетъ дѣло любо дорого смотрѣть, за полгода вѣрно можно ручаться, а тамъ заведетъ рысаковъ съ пристяжными,—году не пройдетъ, глядишь и въ яму съ романами-съ. И сейчасъ имѣетъ мѣсто приличное—около десяти тысячъ жалованья; кажется, чего-жъ еще, можно концы съ концами сводить.

Глафира Фирсовна.

Развѣ нуждается; денегъ проситъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Это-бы ничего-съ. Широко зажилъ; слухъ идетъ, что деньги бросаетъ. Значитъ, какіе нибудь источники находитъ, либо должаетъ, либо... ужъ кто его знаетъ. Дѣло не красивое-съ.

Глафира Фирсовна.

По надеждѣ на васъ дѣйствуетъ. Дочку его, внучку свою, вы облагодѣтельствовали, ну, думаетъ, и отцу что нибудь перепадетъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да чѣмъ-же я ее облагодѣтельствовалъ-съ?

Глафира Фирсовна.

Еще-бы! Триста тысячъ за ней денегъ даете.

Флоръ Ѳедулычъ.

И все это его сочиненіе-съ.

Глафира Фирсовна.

Что нибудь-то дадите, ну а прилгнулъ, такъ ему простительно: всякому отцу хочется свое дѣтище устроить.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да все-таки чужими-то деньгами распоряжаться, не спросясь, не слѣдуетъ.

Глафира Фирсовна.

Ужъ по всей Москвѣ гремитъ ваша внучка. Кто гово

ритъ, дѣдушка дастъ за ней двѣсти тысячъ, кто триста, а кто милліонъ. Милліонъ ужъ лучше, круглѣе.

Флоръ Ѳедулычъ.

Вотъ изволите видѣть, я-то послѣдній про свое благодѣяніе узналъ-съ.

Глафира Фирсовна.

Ну, да вѣдь не всѣ и вѣрятъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Все таки, значитъ, есть люди, которые обмануты-съ. (*Входитъ Лавръ Миронычъ подъ руки съ Ириной*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Флоръ Ѳедулычъ, Глафира Фирсовна, Лавръ Миронычъ и Ирина.

Лавръ Миронычъ (*почтительно кланяясь*).

Честь имѣю кланяться, дяденька! Мое почтеніе, Глафира Фирсовна! (*Киваетъ головой и садится. Ирина страстно цѣлуетъ Флора Ѳедулыча, присѣдаетъ Глафирѣ Фирсовнѣ, садится въ кресло и погружается въ глубокую задумчивость*).

Флоръ Ѳедулычъ.

Откуда вы теперь, Лавръ Миронычъ?

Лавръ Миронычъ.

Изъ городу домой заѣхалъ, пробѣжалъ газеты, захватилъ Ирень и къ вамъ. Биржевую хронику изволили смотрѣть-съ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Всё тоже, перемѣны нѣтъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Немножко потверже стало. Изъ политическихъ новостей только одна: здоровье папы внушаетъ опасенія.

Глафира Фирсовна.

Кому-же это? Ужъ не тебѣ-ли?

Лавръ Миронычъ.

Въ Европѣ живемъ, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Да Богъ съ нимъ, намъ-то что за дѣло! Живъ-ли онъ, нѣтъ-ли, авось за Москвой-то рѣкой ничего особеннаго отъ того не случится.

Лавръ Миронычъ.

У насъ дѣла не за одной Москвой рѣкой, а и за Рейномъ и за Темзой.

Флоръ Ѳедулычъ (*Ирин*ѣ).

Въ унынь*ѣ* находитесь, Ирина Лавровна?

Глафира Фирсовна.

Да ужъ и я тоже смотрю.

Ирина.

Ахъ!.. я — несчастная... я — самая несчастная... если есть на свѣтѣ несчастная дѣвушка, такъ это я.

Глафира Фирсовна.

Что такъ это ужъ очень?

Лавръ Миронычъ.

Моя бѣдная Ирень влюблена.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я полагаю, что это больше отъ чтенія происходитъ.

Лавръ Миронычъ.

Да, дяденька, мы съ ней постоянно слѣдимъ за европейской литературой; всѣ, рѣшительно всѣ, сколько ихъ есть, переводные романы выписываемъ.

Ирина.

Только одно это утѣшенье для меня въ жизни и есть. Еще папа меньше меня читаетъ, онъ дѣломъ занятъ, а я просто погружаюсь, погружаюсь...

Лавръ Миронычъ.

Прежніе романы лучше были; нынче ужъ не такъ интересно пишутъ. Вотъ я теперь четвертый разъ Монтекристо читаю; какъ всѣ это вѣрно, какъ похоже!..

Флоръ Ѳедулычъ.

Что тамъ похожаго-съ? Я считаю такъ, что это только одна игра воображенія.

Лавръ Миронычъ.

Да на меня, дяденька, похоже, точно съ меня писано.

Ирина.

Нѣтъ, папа, на васъ это еще не такъ похоже.

Лавръ Миронычъ.

Это потому тебѣ кажется, что у меня денегъ нѣтъ; а чувства и поступки всѣ мои, и если-бъ мнѣ досталось такое состояніе...

Ирина.

Нѣтъ, ужъ, кто похожъ на Монте-Кристо, кто похожъ... такъ это... это одинъ человѣкъ.

Глафира Фирсовна.

Не въ него-ли ты и влюблена-то?

Ирина.

Ахъ, да развѣ есть средства, есть какая нибудь возможность для дѣвушки не полюбить его? Это выше силъ. Развѣ ужъ которая ледъ совершенный.

Глафира Фирсовна (*всплеснувъ руками*).

Ахъ, батюшки! Вотъ такъ побѣдитель! Откуда такой проявился?

Флоръ Ѳедулычъ.

Намъ-бы, кажется, Ирина Лавровна, про всякія такія диковинки знать надо; а мы что-то не слыхали.

Ирина.

Онъ, дѣдушка, не торговый человѣкъ.

Лавръ Миронычъ.

Въ своемъ родѣ, дяденька, это феноменъ-съ.

Глафира Фирсовна.

Что такой за фиоменъ? Я про такихъ людей съ роду не слыхивала.

Лавръ Миронычъ.

Это значитъ, Глафира Фирсовна, необыкновенное явленіе природы.

Глафира Фирсовна.

Что-же въ немъ необыкновеннаго?

Ирина.

Все, все необыкновенное! Красавецъ собой, уменъ, ловокъ, какъ одѣтъ, какъ деньги проигрываетъ! Онъ совсѣмъ ихъ не жалѣетъ, бросаетъ тысячу, двѣ на столъ, а самъ шутитъ. Сядетъ ужинать, кругомъ него толпа и онъ за всѣхъ платитъ; людямъ меньше пяти рублей на водку не даетъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Такихъ-то феноменовъ мы достаточно видали.

Ирина.

Ахъ, дѣдушка, надо его знать, чтобъ понять всё это очарованіе, а на словахъ не разскажешь.

Флоръ Ѳедулычъ.

А гдѣ-же вы его узнали-съ?

Ирина.

Въ саду, въ клубѣ, тамъ семейные вечера бываютъ. Я съ нимъ очень хорошо знакома.

Флоръ Ѳедулычъ.

Вотъ какъ-съ! Интересно узнать этотъ феноменъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Какая цѣль скрывать тебѣ, Ирень? чего тебѣ бояться? Соперницъ у тебя нѣтъ, онъ только на тебя одну и обращаетъ вниманіе.

Ирина.

И какъ богатъ! Какія имѣнія, и всё въ самыхъ лучшихъ губерніяхъ.

Глафира Фирсовна.

Что-жъ ты на красоту свою, что-ли очень надѣешься, что такого жениха подцѣпить задумала.

Ирина.

У всякаго свой вкусъ: для васъ вѣдь одна красота существуетъ, что-бъ женщина была толста, да румяна; а мужчины, особенно образованные, въ этомъ дѣлѣ гораздо

больше и лучше васъ понимаютъ. По вашему, мадамъ Пивокурова, вотъ это красавица.

Глафира Фирсовна.

У нея красота-то въ карманѣ, да въ сундукахъ; эту красоту образованные мужчины то-же хорошо понимаютъ. Смотри, какъ-бы она у тебя жениха-то не отбила.

Ирина.

Невозможно. При такомъ его богатствѣ, ему ничего не надо, ему надо только любящее сердце. А деньги онъ за ничто считаетъ, онъ даже презираетъ ихъ.

Лавръ Миронычъ.

Ну, нѣтъ, Ирень, не скажи! (*Флору Ѳедулычу*). Дяденька, прошелъ слухъ, что, въ случаѣ выхода въ замужство Ирень, вы ее не оставите своею милостью; суммы не назначаютъ, говорятъ различно, — такъ я слышалъ стороной, что онъ этимъ интересуется. Ужъ я, дяденька, не знаю, откуда этотъ слухъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

А я знаю, Лавръ Миронычъ.

Глафира Фирсовна.

Да погодите, мы этотъ слухъ послѣ разберемъ. (*Дѣлаетъ знакъ Флору Ѳедулычу, что-бъ онъ молчалъ*). Коли что Флоръ Ѳедулычъ обѣщалъ, такъ онъ отъ своихъ словъ не отопрется; я его характеръ знаю, портить дѣла вашего онъ не станетъ. Ты мнѣ скажи, кто у васъ этотъ богачъ-то?

Ирина.

Ахъ, какъ вы этого не знаете, странно! Вѣдь онъ одинъ въ Москвѣ-то, больше нѣту; Вадимъ Григорьичъ Дульчинъ.

Глафира Фирсовна.

Да-да; такъ вотъ кто! Ну, чего ужъ еще? Вотъ васъ теперь пара: ты богатая невѣста, онъ богатый женихъ.

Ирина.

Ахъ, не женихъ еще! это еще только моя надежда, моя мечта.

Лавръ Миронычъ.

Одно предположеніе съ нашей стороны. Мы съ Ирень между страхомъ и надеждой.

Глафира Фирсовна.

Да что-жъ ему не жениться на Аринушкѣ?

Ирина.

Вы думаете?

Глафира Фирсовна.

Какой еще невѣсты? Онъ одинъ въ Москвѣ и ты тоже одна въ Москвѣ, — чего еще?

Ирина.

Ахъ, благодарю васъ. Дѣдушка, это у васъ новая картина въ залѣ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Недавно купилъ на выставкѣ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Оригиналъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Я копій не покупаю-съ.

Ирина.

Пойдемте, папа, надо её посмотрѣть хорошенько.

(Ирина и Лавръ Миронычъ уходятъ въ залу).

ЯВЛЕНІЕ III.

Флоръ Ѳедулычъ, Глафира Фирсовна.

Флоръ Ѳедулычъ.

Слышали? Что-же это такое-съ? это фантасмагорія какая-то!

Глафира Фирсовна.

Да пущай ихъ обманываютъ другъ друга. Вамъ-бы, Флоръ Ѳедулычъ, еще поддакнуть: точно, молъ, я за внучкой ничего не пожалѣю. А послѣ дали-бы тысячъ пять-шесть, вотъ и квитъ!

Флоръ Ѳедулычъ.

Да оно больше и не слѣдуетъ-съ. Дать деньги можно, по обѣщаній никакихъ-съ; я въ ихъ спекуляцію не войду. Я въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ капиталѣ, что свои слова на вѣтеръ бросать не могу-съ.

Глафира Фирсовна.

Позвольте, позвольте! Вы будете совсѣмъ въ сторонѣ; лгать буду я. А съ меня что взять-то? Солгала, такъ солгала.

Флоръ Ѳедулычъ.

Это ужъ какъ угодно-съ; я вамъ лгать запретить не могу.

Глафира Фирсовна.

Вѣдь тутъ дѣло-то хорошее, Флоръ Ѳедулычъ, выходитъ, смѣшное.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ; но я въ это дѣло не войду.

Глафира Фирсовна.

Подите-ко на минутку, а я съ Лавромъ Миронычемъ потолкую.

Флоръ Ѳедулычъ.

Только, вы сдѣлайте одолженіе, пуще всего-съ, что-бъ моей репутаціи ущербу не было. Я ничего не знаю, и ни во что не вхожу.

Глафира Фирсовна.

Сама людей учу, чего меня учить-то.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я, во всякомъ случаѣ, въ сторонѣ-съ (*уходитъ въ залу*).

Глафира Фирсовна (*у двери въ залъ*).

Лавръ Мироныч! Лавръ Мироныч! Да ну-ко ты, фиоменъ, поди сюда!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Глафира Фирсовна, Лавръ Мироныч.

Лавръ Миронычъ.

Что вамъ угодно-съ?

Глафира Фирсовна.

Какъ-же тебѣ не стыдно такъ огорчать Флора Федулыча!

Лавръ Миронычъ.

Про какое огорченіе изволите говорить?

Глафира Фирсовна.

Да какъ-же! Распустили молву, а у него въ помышленіи не было.

Лавръ Миронычъ.

И въ помышленіи не было! Не возможно-съ. Мысли у дяденьки благородныя, при томъ-же единственная родная внучка.

Глафира Фирсовна.

Я, говоритъ, и не думалъ; съ чего они взяли! Развѣ можно, говоритъ, моимъ такимъ знаменитымъ именемъ людей обманывать?

Лавръ Миронычъ.

Да-съ; значитъ съ нашей стороны роковая ошибка. Но разсудите, безъ денегъ жениховъ не найдешь, приманка нужна.

Глафира Фирсовна.

Вотъ тебѣ и приманка! Что призадумался?

Лавръ Миронычъ.

Задумаешься-съ. Если это правда, такъ дѣло плохо, очень плохо — я на снисхожденіе дяденьки очень разсчитывалъ. Мнѣ оно нужно, а то бѣда-съ.

Глафира Фирсовна.

Знаешь, за что онъ больше сердится? Только это секретъ.

Лавръ Миронычъ.

Ужъ сдѣлайте одолженіе, довѣрьте! Мнѣ необходимо знать дяденькины мысли.

Глафира Фирсовна.

Ну вотъ слушай! У него на умѣ было Аринушкѣ супризъ сдѣлать.

Лавръ Миронычъ.

Сюрпризъ-съ?

Глафира Фирсовна.

Да; пріѣхалъ-бы въ дѣвишникъ, да выложилъ-бы передъ женихомъ бумажникъ, — вотъ, дескать, вамъ.

Лавръ Миронычъ (*съ любопытствомъ*).

А неизвѣстно, сколько-съ?

Глафира Фирсовна.

Милліонъ.

Лавръ Миронычъ (*отшатнувшись*).

Невообразимо-съ! Хоть-бы половину, да и то не вѣроятно.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужъ я не знаю; а только по его чувствамъ видно было, что около того. Какова штука? Красиво?

Лавръ Миронычъ (*со вздохомъ*).

Эффектъ удивительный.!

Глафира Фирсовна.

Заговорили-бъ въ Москвѣ-то.

Лавръ Миронычъ (*ударивъ себя въ лобъ*).

Поразительный эффектъ, Глафира Фирсовна!

Глафира Фирсовна.

А теперь дѣло испорчено: разгласили, супризъ-то и не выйдетъ. Вотъ старику-то и обидно, что ему Москву-то удивить помѣшали.

Лавръ Миронычъ.

Какъ это дѣло поправить-съ?

Глафира Фирсовна.

Да вѣдь ты важенъ больно. Покорись мнѣ, поправлю.

Лавръ Миронычъ.

При всей важности въ ноги поклониться готовъ. Вѣдь это романъ, помилуйте! Въ жизни вдругъ романъ!

Глафира Фирсовна.

Ну, такъ ладно, выручу. Пойдемъ, за закуской потолкуемъ. Вонъ Флоръ Ѳедулычъ-то сюда идетъ. (*Глафира Фирсовна и Лавръ Миронычъ уходятъ; входятъ: Флоръ Ѳедулычъ и Василій*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Флоръ Ѳедулычъ, Василій, потомъ Юлія Павловна.

Василій.

Онѣ желаютъ васъ однихъ видѣть.

Флоръ Ѳедулычъ.

Проси, проси сюда (*Василій уходитъ*). Скоренько вздумала визитъ отдать, скоренько. (*Входитъ Юлія Павловна и Василій*).

Василій.

Сюда пожалуйте-съ!

Флоръ Ѳедулычъ.

Милости просимъ! И прямо къ обѣду-съ.

Юлія.

Я обѣдала. Я вамъ не помѣшаю, я на нѣсколько минутъ, а впрочемъ я могу и подождать.

Флоръ Ѳедулычъ.

Какъ можно, помилуйте-съ! Пообѣдать мы еще успѣемъ, не къ спѣху дѣло (*Василью*). Ступай! затвори двери! (*Василій уходитъ*). Къ вашимъ услугамъ. Покорнѣйше прошу (*указываетъ кресло*).

Юлія.

Скажите, скоро можно продать домъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Коли есть покупатель, да документы въ порядкѣ, такъ недѣли въ двѣ, въ три, а то и мѣсяцъ пройдетъ.

Юлія.

Какъ это долго, а мнѣ-бы поскорѣй хотѣлось отдѣлаться отъ этого имѣнія.

Флоръ Ѳедулычъ.

Извольте, я займусь этимъ дѣломъ, поспѣшу.

Юлія.

А не купите-ли вы сами у меня, сейчасъ, въ два слова? Я съ васъ не дорого возьму.

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, я не куплю-съ, мнѣ разсчету нѣтъ съ. Я вамъ покупателя за настоящую цѣну найду.

Юлія.

Я вамъ дешево, очень дешево продамъ

Флоръ Федулычъ.

Ни себѣ дешево купить у васъ, ни вамъ дешево продать я не дозволю-съ. Зачѣмъ дешево продовать то, что дорого стоитъ? Это плохая коммерція-съ.

Юлія.

Но если я желаю дешево продать? Это мое имѣніе, мнѣ запретить нельзя.

Флоръ Федулычъ.

Совершенно справедливо-съ. Только вы извольте обращаться къ другому покупателю, а не ко мнѣ-съ. Кушать не угодно-ли? Пожалуйте! Хоть посидите съ нами для компаніи.

Юлія.

Благодарю васъ (*помолчавъ*). Флоръ Федулычъ!

Флоръ Федулычъ.

Что прикажете?

Юлія.

Вы давеча пріѣзжали занять денегъ у меня?

Флоръ Федулычъ.

Такъ точно-съ.

Юлія.

Теперь я пріѣхала къ вамъ занять денегъ.

Флоръ Федулычъ.

Напрасно безпокойтесь; я въ займы не даюсь.

Юлія.

Но я вамъ большіе проценты заплачу.

Флоръ Θеоулычъ.

Обидно слышать-съ. Если вы желаете большіе проценты платить, такъ извольте обратиться къ ростовщикамъ.

Юлія.

Я ихъ не знаю. Гдѣ они? Кто они?

Флоръ Θедулычъ.

И не дай Богъ знать-съ. И я не знаю-съ.

Юлія.

Флоръ Θедулычъ, мнѣ нужны деньги.

Флоръ Θедулычъ.

Не вѣрю, извините, не можетъ быть-съ. На что вамъ деньги, вы не торгуете. Что вамъ нужно-съ? Богатый гардеробъ, экипажи, ну, птичьяго молока-съ? Извольте, я все достану, а денегъ не дамъ-съ.

Юлія.

Флоръ Θедулычъ, вы меня обижаете. Я не милости пришла просить у васъ. Я сама имѣю большія средства, я прошу васъ только одолжить меня на короткое время. Черезъ мѣсяцъ, или два я вамъ возвращу съ благодарностью. Это пустяки, это такое одолженіе, въ которомъ никогда не отказываютъ знакомымъ людямъ. И если вы, хоть сколько-нибудь, расположены ко мнѣ...

Флоръ Θедулычъ (*холодно*).

Душевно-бы радъ-съ; денегъ нѣтъ, нуждаюсь, занимаю самъ. Смѣю вамъ завѣрить!

Юлія.

Я васъ не узнаю. Молодая, хорошенькая женщина проситъ у васъ денегъ, а вы отказываете! Да вы съ ума сошли! Дайте мнѣ денегъ, я вамъ приказываю.

Флоръ Θедулычъ.

Ха, ха, ха! Шутите! Не строго приказываете. Ужъ коли приказывать, такъ надо построже, а коли просить, такъ надо поучтивѣе.

Юлія.

Флоръ Θедулычъ, милый, вѣдь я ни къ кому другому не обратилась, а прямо къ вамъ, цѣните это.

Флоръ Ѳедулычъ.

Цѣню-съ, очень цѣню.

Юлія.

Вѣдь расположеніе женщины только услугами можно пріобрѣсть.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ, это правда.

Юлія.

Женщины капризны; что-бъ исполнить свой капризъ, онѣ готовы на все.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ, это точно-съ.

Юлія (*подходитъ къ Флору Ѳедулычу*).

Женщины перемѣнчивы, Флоръ Ѳедулычъ; я давеча отказалась отъ вашихъ услугъ, а теперь, видите, на нихъ напрашиваюсь. Я обдумалась, милый Флоръ Ѳедулычъ, я замѣтила въ васъ такую нѣжность ко мнѣ... Вѣдь вы меня любите и желаете мнѣ добра?

Флоръ Ѳедулычъ.

Всей душой желаю добра-съ, оттого и денегъ не даю.

Юлія (*садится на ручку кресла, на которомъ сидитъ Флоръ Ѳедулычъ*).

Ну, голубчикъ, Флоръ Ѳедулычъ! (*обнимаетъ его*). Ну, милый мой!

Флоръ Ѳедулычъ (*освободясь*).

Извините съ. Извольте садиться на мѣсто, Юлія Павловна! Мы и въ этакихъ позиціяхъ дамъ видали, только ужъ это другой сортъ-съ; а вамъ-нехорошо. Извольте садиться на кресло, я желаю быть къ вамъ со всѣмъ уваженіемъ.

Юлія (*садясь на кресло*).

Вы даже въ мою искренность не вѣрите.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не вѣрю и въ дуракахъ быть не хочу-съ. Вѣдь послѣ вы посмѣетесь надо мной, скажете: на какую пустую штуку поддѣла старика. Да посмѣетесь-то не одни.

Юлія.

Богъ съ вами!

Флоръ Ѳедулычъ.

Скажите, зачѣмъ вамъ деньги, скажите всю правду!

Юлія.

Обманывать я васъ не хочу, а и правды сказать не могу.

Флоръ Ѳедулычъ.

Въ такомъ случаѣ кончимте этотъ разговоръ. Если кушать вамъ не угодно, такъ кофею не угодно-ли, или фруктовъ? Я прикажу сейчасъ подать.

Юлія.

Ахъ, ничего мнѣ не надо. Но поймите вы, что я безъ этихъ денегъ не могу возвратиться домой.

Флоръ Ѳедулычъ.

Деньги эти не вамъ, и не на дѣло-съ: онѣ будутъ брошены.

Юлія.

Что вамъ до того, кому онѣ нужны? Прошу я, ужъ мое дѣло, куда я ихъ дѣну.

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ, не такъ разсуждать изволите. Прежде чѣмъ просить, вы мнѣ дайте отчетъ-съ,—куда вы дѣли тѣ деньги, которыя вамъ мужъ оставилъ?

Юлія.

Какъ! вы требуете отъ меня отчета?

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ. Да не нужно, я и безъ васъ знаю, куда деньги дѣлись, это исторія простая. Любовникъ долго нейдетъ, день, другой не кажется, ну, сейчасъ посла за нимъ: „возьми, что хочешь, только приходи!“ Мало тысячи, возьми двѣ! Отчего-же ему и не взять-съ? Потомъ двухъ мало, бери пять, либо десять. Вотъ куда идутъ наши деньги-съ!

Юлія (*закрываясь руками*).

Ахъ, Флоръ Ѳедулычъ!

Флоръ Ѳедулычъ.

А развѣ за тѣмъ мужья женамъ капиталы-то оставляютъ? Нѣтъ-съ, они знаютъ, что женщинѣ добыть негдѣ, а жить ей барыней, сложа руки, нужно. Мужъ копитъ, да бережетъ для жены, его-то скупымъ да скаредомъ прозовутъ, а любовника послѣ добрымъ барином величать будутъ. На наши деньги они себѣ добрую славу и заслуживаютъ. Положимъ, слава не важная, — больше промежду извощиками, да трактирными служителями, такъ имъ и то дорого, и то въ честь. Мужъ-то почему бережетъ деньги? Потому что онъ исторію каждаго рубля знаетъ, какъ онъ ему достался; а любовнику-то что-жъ не бросать деньги? Онъ, не считая, полной горстью ихъ въ карманъ кладетъ, не считая и бросаетъ. Такъ что-жъ за напасть? Ужъ лучше прокутить самому, пусть меня добрымъ барином зовутъ, а не любовника моей жены.

Юлія.

Можетъ быть, все это правда, но....

Флоръ Ѳедулычъ.

Но оставимъ этотъ разговоръ, онъ ни къ чему не поведетъ. Вамъ сегодня куда за городъ не угодно ли-съ?

Юлія.

Могу ли-я?

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ, отчего же-съ? Погода благопріятная .. Кадулжу послушать.

Юлія.

До того-ли мнѣ, Флоръ Ѳедулычъ?

Фролъ Ѳедулычъ.

Любопытно-съ. Она креолка-съ; эти женщины совсѣмъ особенныя-съ. Тоже была вотъ какъ-то не надолго здѣсь одна итальянка въ этомъ родѣ, не мало удивленія производила-съ фигурой своей. И больше всѣхъ брилліантовъ имѣла отъ разныхъ особъ за границей.

Юлія.

Не мучьте вы меня. Спасите, Флоръ Ѳедулычъ, умоляю васъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не могу-съ: у меня деньги дѣльныя и на дѣло должны идти. Тутъ, можетъ быть, каждая копѣйка оплакана прежде, чѣмъ она попала въ мой сундукъ. такъ я ихъ цѣню-съ. А вашъ любовникъ броситъ ихъ въ трактирѣ со свистомъ, съ хохотомъ, съ хвастовствомъ. У меня всѣ деньги разсчитаны. всякому рублю свое мѣсто; пзлишекъ я бѣднымъ отдаю; а на мотовство, да на пьянство разнымъ аферистамъ у меня такой статьи расхода въ моихъ книгахъ нѣтъ-съ.

Юлія.

Отъ этихъ денегъ зависитъ всё мое счастье.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не вѣрю-съ.

Юлія.

Это ужъ послѣдняя жертва, послѣдняя, которую я для него дѣлаю.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не вѣрю-съ. Эти деньги завтра-же. или даже нынче будутъ проиграны и другія понадобятся.

Юлія.

Черезъ недѣлю наша свадьба, а если я этихъ денегъ не достану....

Фролъ Ѳедулычъ.

Никакой свадьбы.... Ничему я не вѣрю-съ....

Юлія (*сложивъ руки*).

Флоръ Ѳедулычъ, Флоръ Ѳедулычъ, умоляю васъ!

Флоръ Ѳедулычъ.

Не могу-съ.

Юлія (*падая на колѣни*).

Флоръ Ѳедулычъ, отъ васъ зависитъ счастіе всей моей жизни. Не погубите меня!...

Флоръ Ѳедулычъ (*хочетъ поднять ее*).

Что вы, что вы, помилуйте!

Юлія.

Нѣтъ, я не встану. Если вы дадите денегъ, я буду благословлять васъ, какъ благодѣтеля, какъ отца. Если вы откажете, вы будете причиной моей погибели, я прокляну васъ... вы будете моимъ злодѣемъ!..

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ, нѣтъ-съ!.. Замолчите, прошу васъ!.. Я не допущу, чтобъ вы считали меня злодѣемъ-съ (*поднимаетъ Юлію*). Много-ли вамъ нужно-съ?

Юлія.

Шесть тысячъ....

Флоръ Ѳедулычъ.

Шесть тысячъ-съ? И изъ такой малости вы себя унижаете?... Вы, богатая, добрая, милая дама, Боже мой!

Юлія.

Для мужа можно на все рѣшиться.

Флоръ Ѳедулычъ.

Все таки дамѣ-то, которая въ уваженіи .. Нѣтъ, это грустно-съ!

Юлія.

Моего стыда никто, кромѣ васъ, незнаетъ и, надѣюсь, не узнаетъ: вы меня пощадите.

Флоръ Ѳедулычъ.

Это будьте безъ сомнѣнія, только все таки-съ... Теперь у меня къ вамъ просьба: я вамъ повѣрю эти деньги на слово, но вы возьмите документъ непремѣнно-съ, такъ не отдавайте!.. Это мое условіе!

Юлія.

Хорошо, я возьму!.. (*Флоръ Ѳедулычъ уходитъ въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Юлія (*одна*).

Думала я, что это будетъ скверно, а такого стыда не ожидала. Въ другой разъ просить денегъ не пойдешь, хоть кому отобьетъ охоту. Гадко, стыдно... Какъ неловко, когда чувствуешь, что на лицѣ пятна отъ стыда выступаютъ... (*прикладываетъ руки къ лицу*) стараешься сдержаться, а они еще больше разгораются... Ужъ вынесъ-бы онъ деньги поскорѣй, взять ихъ да домой.

(*Входитъ Флоръ Ѳедулычъ*.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Юлія Павловна, Флоръ Ѳедулычъ.

Юлія (*беретъ дрожащими руками деньги и торопливо прячетъ*).

Ахъ, благодарю васъ, благодарю!.. (*крѣпко обнимаетъ и цѣлуетъ Флора Ѳедулыча*).

Флоръ Ѳедулычъ.

Этотъ поцѣлуй, Юлія Павловна, дорогаго стоитъ. Да-съ, это отъ души... дорогаго стоитъ.

Юлія.

Вы мнѣ возвратили жизнь, вы мнѣ подарили счастье!..

Флоръ Ѳедулычъ.

Дорогаго стоитъ вашъ поцѣлуй-съ.

Юлія.

При первой возможности, я вамъ съ благодарностью, съ величайшей благодарностью... и еще такой-же поцѣлуй... Прощайте, мой милый, добрый, Флоръ Ѳедулычъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я до сихъ поръ опомниться не могу. Я къ вамъ завтра-съ.

Юлія (*отворяя дверь въ залу*).

Милости просимъ... Ахъ, не провожайте меня... Вонъ идутъ ваши гости! Прощайте (*идетъ въ залу и уходитъ*).

Флоръ Ѳедулычъ (*слѣдуя за ней*).

Дорогаго стоитъ-съ.

(*Входятъ Глафира Фирсовна, Лавръ Миронычъ и Ирина.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Флоръ Ѳедулычъ, Лавръ Миронычъ, Глафира Фирсовна, Ирина, потомъ Василій.

Глафира Фирсовна.

Ужь улетѣла пава-то?

Флоръ Ѳедулычъ.

Уѣхали-съ... Побесѣдовали и уѣхали; просилъ обѣдать, — отказались, онѣ ужъ кушали. Ирина Лавровна, вы имѣете желаніе понравиться господину Дульчину?

Ирина.

Какъ не желать, когда я имъ брежу и во снѣ и на яву. Это мой идолъ, я ему покланяюсь.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я одобряю вашъ выборъ-съ.

Ирина.

Но, дѣдушка, одного желанія мало...

Флоръ Ѳедулычъ.

Справедливо-съ... Для такихъ кавалеровъ — первое дѣло: нужно одѣваться по самой послѣдней модѣ, чтобъ противъ журнала никакой отлички не было...

Ирина.

Я стараюсь, но...

Флоръ Ѳедулычъ.

Но не имѣете средствъ?... Мы это препятствіе устранимъ; моя обязанность, какъ близкаго родственника, по

мочь вамъ (*достаетъ деньги*). Позвольте предложить вамъ на этотъ предметъ пятьсотъ рублей. Понадобится еще, скажите только, — отказу не будетъ.

Ирина.

Дѣдушка, вы такъ добры, что даже сверхъ ожиданій!.. (*бросается Флору Ѳедулычу на шею*).

Глафира Фирсовна (*толкаетъ локтемъ Лавра Миронича*).

Понялъ?

Лавръ Миронычъ.

Да-съ, теперь я свою роль понимаю и разъиграть ее съумѣю...

Василій (*входитъ*).

Кушать готово-съ.

Флоръ Ѳедулычъ (*освободясь отъ Ирины. Про себя*).

Не то, разница большая... тотъ... тотъ дорогаго стóитъ.

Ирина.

Что вы, дѣдушка, изволите говорить?

Флоръ Ѳедулычъ.

Ничего-съ. Это уменя свои мысли. Кушать пожалуйте-съ! (*Глафира Фирсовна. Лавръ Миронычъ и Ирина идутъ къ дверямъ*). Разница большая... тотъ поцѣлуй дорогаго стоитъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Дульчинъ.
Дергачевъ.
Лавръ Миронычъ.
Ирина.
Глафира Фирсовна.
Флоръ Ѳедулычъ.
Салай Салтанычъ, очень приличный мужчина, неопредѣленныхъ лѣтъ, физіономія азіатская.
Пивокурова, богатая, очень полная, и очень румяная вдова, лѣтъ за сорокъ.
Иногородный, купецъ средней руки, костюмъ и манеры провинціальные.
Москвичъ, скромный посѣтитель клуба, ничѣмъ не выдающаяся личность.
Наблюдатель, шершавый господинъ, лицо умное, оригиналъ, но съ достинствомъ.
Разносчикъ вѣстей,—бойкій господинъ, имѣющій видъ чего-то подпявшаго: глаза бѣгаютъ и весь постоянно въ движеніи.
Три пріятеля—постоянные посѣтители клуба, играющіе очень счастливо во всѣ игры:
Первый—безукоризненно красивый и изящный юноша.
Второй—человѣкъ среднихъ лѣтъ, мясистая, блѣдная геморроидальная физіономія.
Третій—старикъ, лысый, въ порыжѣвшемъ пальто, грязноватый.
Сакердонъ, **Сергѣй** } клубскіе лакеи.

Пестрая толпа кавалеровъ и дамъ, въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, отъ полумѣщанскихъ провинціальныхъ, до парижскихъ послѣдней моды. Клубная прислуга.

Августовская ясная ночь. Площадка клубнаго сада; по обѣ стороны деревья, подлѣ нихъ рядъ столбовъ, на верху которыхъ группы изъ освѣщенныхъ фонарей: между столбами протянута проволока съ висящими шарообразными бѣлыми фонарями; подлѣ столбовъ, по обѣ стороны, садовыя скамейки и стулья; въ глубинѣ эстрада для музыки; въ лѣвомъ углу сцены видны изъ-за деревьевъ нѣсколько ступеней съ перилами, что должно означать входъ въ зданіе клуба. Полное освѣщеніе.

ЯВЛЕНІЕ I.

При поднятіи занавѣса, издали слышенъ туше кадрили; разнообразная толпа поднимается по лѣстницѣ въ зданіе клуба. На авант-сценѣ, съ правой стороны сидитъ; развалясь на скамьѣ, НАБЛЮДАТЕЛЬ, *противъ него на лѣвой сторонѣ сидитъ* МОСКВИЧЪ. *Иногородный стоитъ посреди сцены въ недоумѣніи. Нѣсколько публики, въ небольшихъ группахъ, остается на сценѣ, между ними бѣгаетъ* РАЗНОСЧИКЪ ВѢСТЕЙ.

Разносчикъ вѣстей (*подходя къ первой группѣ*).

Слышали новость?

Одинъ изъ группы.

Какую?

Разносчикъ вѣстей.

Богатая невѣста проявилась.

Одинъ изъ группы.

Слышали, слышали (*вся группа уходитъ въ зданіе клуба*).

Разносчикъ вѣстей (*подходя ко второй группѣ*).

Богатая невѣста проявилась, господа...

Голосъ изъ второй группы.

И слышали и видѣть имѣли счастіе (*вторая группа уходитъ въ клубъ*).

Разносчикъ вѣстей (*подходя къ третьей группѣ*).

Слышали?

Голосъ изъ третьей группы

Слышали, слышали.

Разносчикъ вѣстей.

Да вѣдь 500 тысячъ господа.

Голосъ изъ третьей группы.

Знаемъ, знаемъ (*третья группа уходитъ въ клубъ*).

Разносчикъ вѣстей (*подходя къ Наблюдателю*).

Слышали, Флоръ Ѳедулычъ даетъ за внучкой 500 тысячъ!

Наблюдатель.

То-есть обѣщастъ, да и то едва-ли правда.

Разносчикъ вѣстей.

Нѣтъ, даетъ.

Наблюдатель.

Не вѣрю.

Разносчикъ вѣстей.

Почему-же?

Наблюдатель.

Время не такое.

Разносчикъ вѣстей.

Какое же время?

Наблюдатель.

А такое, въ которое обѣщать 500 тысячъ еще можно, а ужъ давать нельзя.

Разносчикъ вѣстей.

Вы ничему не вѣрите и всегда спорите. А я вѣрно знаю.

Иногородный (*осматривается, потомъ подходитъ къ Москвичу*).

Музыка въ саду отошла-съ?

Москвичъ.

Отошла-съ.

Иногородный.

Что-же теперь... куда мнѣ-съ?

Москвичъ.

Да куда хотите: танцовать, въ карты играть, ужинать.

Иногородный.

Нѣтъ, извините, это я такъ только хотѣлъ спроситься; здѣшнихъ обыкновеніевъ не знаемъ, потому, мы пріѣзжіе. А я такъ полагаю: теперь, по нашему, самое настоящее время выпить.

Москвичъ.

Это какъ вамъ угодно; коли жажду чувствуете, такъ выпейте.

Иногородный.

Все это справедливо; но позвольте-съ! Жажда жаждой, а еще вотъ какой резонъ: мы зачѣмъ въ Москву ѣздимъ-съ? Затѣмъ собственно, что-бъ деньги прожить-съ. Такъ я боюсь, что мало доходу клубу доставлю. Вотъ почему пьешъ, собственно изъ боязни. Только безъ компаніи не повадно-съ.

Москвичъ.

Такъ поищите компанію.

Иногородный.

А ежели вы-съ?

Москвичъ.

Не знаю, какъ вамъ сказать.

Иногородный.

Подумайте, дѣло серьезное-съ.

Москвичъ (*вставая*).

Пожалуй! меня уговорить не трудно.

Иногородный.

Въ буфетъ направимся, прямо къ источнику-съ?

Москвичъ.

Да, на половинныхъ издержкахъ.

Иногородный.

Что за складчина-съ! Раскутиться, не раскучусь, а и платить вамъ не позволю, за стыдъ себѣ поставлю. (*Обращаясь къ Наблюдателю*) Не угодно-ли за компанію?

Наблюдатель.

Я не пью.

Иногородный.

Можетъ, въ карты любите?

Наблюдатель.

И въ карты не люблю.

Иногородный.

Такъ вѣдь-это одурь возьметъ такъ то сидѣть.

Наблюдатель.

На людей смотрю.

Иногородный.

На насъ провинціаловъ, а послѣ насъ въ газетѣ опубликуете?

Наблюдатель.

Богъ миловалъ, я этимъ не занимаюсь.

Иногородный.

Все таки съ вами опасно. (*Москвичу*). Побѣжимте поскорѣй отъ грѣха въ буфетъ-съ. (*Москвичъ съ Иногороднымъ уходятъ въ клубъ. Съ лѣстницы сходитъ Дульчинъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, останавливается въ раздумьи: изъ-за деревьевъ выходитъ Дергачевъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Наблюдатель, Дульчинъ, Дергачевъ.

Дергачевъ (*издали*).

А, вотъ ты, наконецъ.

Дульчинъ (*сжавъ кулаки съ дрожью въ голосѣ*).

Этакое идіотское счастье!

Дергачевъ.

Я давно тебя дожидаюсь. (*тихо*). Нѣтъ-ли у тебя рубля серебромъ?

Дульчинъ (*не слушая*).

Это ужасно!...

Дергачевъ.

Да что такое?

Дульчинъ.

Сейчасъ въ пикетъ игралъ съ однимъ уродомъ. Вотъ тутъ и расчитывай на умѣнье! Нѣтъ, ужъ какъ не везетъ....

Дергачевъ.

Что такое еще съ тобой случилось?...

Дульчинъ.

А тоже, что получилъ я нынче шесть тысячъ рублей....

Дергачевъ.

Шесть тысячъ?...

Дульчинъ.

Что тутъ удивительнаго? Что ты ротъ-то разинулъ! Велики для меня деньги шесть тысячъ!

Дергачевъ.

Нѣтъ, я такъ... Конечно, что за деньги!... (*тихо*). Нѣтъ ли у тебя рубля серебромъ?

Дульчинъ (*не слушая*).

И повезъ ихъ къ Салаю Салтанычу, долженъ я ему и, какъ на грѣхъ, не засталъ его дома. Воротился домой, а тутъ у меня пріятели сидятъ, банкъ мечутъ, золото по столу разсыпано... „Пристань, да пристань!“ И не хотѣлъ, клянусь тебѣ, не хотѣлъ. Дернуло какъ-то поставить карточку, одну, другую... и просадилъ около трехъ тысячъ... А надо долгъ платить, завтра срокъ; хоть въ петлю полезай! Достань мнѣ денегъ!

Дергачевъ.

Гдѣ-же я тебѣ достану? Я-бы радъ радостью, да негдѣ. Вонъ Салай Салтанычъ идетъ. Послушай, дай мнѣ, пожалуйста, рубль серебромъ.

Дульчинъ (*достаетъ портмоне*).

Хорошо, дамъ.

Дергачевъ.

Я тебя здѣсь подожду. Коли что нужно, ты такъ и знай: я буду здѣсь. Только не играй въ карты, сдѣлай милость! Когда ты играешь, у меня всегда волненіе.

Дульчинъ.

На. Убирайся ты съ своимъ волненіемъ! Надоѣлъ! (*Дергачевъ уходитъ въ клубъ. Изъ за деревьевъ выходитъ Салай Салтанычъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Наблюдатель, Дульчинъ, Салай Салтанычъ.

Дульчинъ.

Гдѣ тебя чортъ носитъ?

Салай (*съ неудовольствіемъ*).

Что я тебѣ? Здѣсь я!

Дульчинъ.

Вижу, что здѣсь. Давича гдѣ былъ? Я заѣзжалъ къ тебѣ.

Салай.

Что тебѣ? Зачѣмъ я тебѣ?

Дульчинъ.

Я тебѣ деньги привозилъ, заплатить хотѣлъ.

Салай.

Зачѣмъ торопиться?... Не надо торопиться! Завтра получу.

Дульчинъ.

Да, получишь, какъ-же! Держи карманъ-то!.. Было-бы что получить-то... .

Салай.

А мнѣ что? У меня документъ ... не заплатишь, заставятъ заплатить.

Дульчинъ.

Послушай, Салай Салтанычъ, да неужели подождать не можешь?

Салай.

Чего ждать? Себѣ деньги нужно. Вамъ давай, вамъ жди, а самъ занимай! Теперь всѣмъ нужно, хорошіе люди, вѣрные просятъ.

Дульчинъ.

Подожди хоть мѣсяцъ!

Салай.

Зачѣмъ пустяки говорить?... Теперь нѣтъ, а черезъ мѣсяцъ гдѣ возьмешь?

Дульчинъ.

Юлія Павловна заплатитъ.

Салай.

Шути, шути! Былъ ей кредитъ, послѣдній домъ заложила, какой кредитъ!

Дульчинъ.

Да у нея еще много осталось.

Салай.

Осталось.... заплати сейчасъ: а ждать мѣсяцъ, ничего не будетъ, все промотаешь.

Дульчинъ.

Ну, дѣлай, какъ знаешь.... Провались ты! Ты меня ограбилъ, а не хочешь никакого одолженія сдѣлать.

Салай.

Люди берутъ деньги, спасибо скажутъ; а тебѣ давай, — ты бранишь. А что ты былъ? Я тебѣ жизнь давалъ, человѣкомъ сдѣлалъ. Кабы умнъ былъ, бариномъ жилъ, — и тебѣ хорошо, и мнѣ хорошо. Кто виноватъ? Сама себя бьетъ, кто не чисто жнетъ.

Дульчинъ.

А вотъ я застрѣлюсь завтра, вотъ ты и знай.

Салай.

А мнѣ что, — стрѣляй! Была не была, — все одно. Мнѣ что жалѣть! Ты не будешь, другой будетъ, все равно!

Дульчинъ.

Вотъ я лучше тебя: ты меня не жалѣешь, а я тебя жалѣю, и люблю, и докажу это.

Салай.

Что говоришь, чѣмъ докажешь?

Дульчинъ.

А богъ. Богъ дастъ, ты будешь въ острогѣ сидѣть, я тебя навѣщу и калачикъ подамъ.

Салай.

Спасибо, спасибо! Я тебя прежде навѣщу, пять копѣекъ калачъ принесу.

Дульчинъ.

А ты слышалъ, говорятъ, Прибытковъ за внучкой 500 тысячъ даетъ?

Салай.

Слышалъ, говорятъ... Кто говоритъ? какой народъ! кому вѣрить?... Дѣдушка здѣсь, я спрошу. Онъ скажетъ, вѣрить можно, купецъ обстоятельный. Я пойду его искать, ужинать съ нимъ надо. (*Дульчинъ отходитъ въ глубину, къ мѣстамъ*).

Наблюдатель.

Салай Салтанычъ!

Салай.

А, здравствуй! Что тебѣ?

Наблюдатель.

Ты не безпокойся, ты съ Дульчина деньги получишь.

Салай.

Почемъ знаешь?

Наблюдатель.

Получишь. Только не оттуда, откуда думаешь.

Салай.

Тебѣ повѣрю, ты все знаешь.

Наблюдатель.

Навѣрно получишь, будь покоенъ.

Салай.

Хорошо, будемъ ждать. (*Уходитъ. Изъ глубины выходятъ Глафира Фирсовна и Пивокурова*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Наблюдатель, Дульчинъ, Глафира Фирсовна и Пивокурова.

Глафира Фирсовна (*Дульчину*).

А, соколъ ясный! Сто лѣтъ не видались.

Дульчинъ.

Меньше, Глафира Фирсовна.

Пивокуроза.

Ахъ, какой мужчина! (*Закрывается вѣеромъ и смѣется*).

Дульчинъ.

Что это за дама съ вами?

Глафира Фирсовна.

А это Пивокурова, богатая вдова, добрѣйшей души женщина.

Дульчинъ.

Чему-же она смѣется?

Глафира Фирсовна.

Какъ тебѣ сказать, что бъ не солгать? Она, видишь-ли, къ вечеру въ куражѣ бываетъ. вотъ ей и весело. А осуждать ее за это нельзя! Самъ посуди: вдова, скучаетъ; да и кто-же безъ грѣха?... Женихъ теперь пищетъ, больно соскучилась.... Вотъ невѣста золотая.

Пивокурова.

Ахъ какой мужчина! (*закрывается вѣеромъ*).

Дульчинъ.

Золотая-то здѣсь другая, а не эта.

Глафира Фирсовна.

Какая-же?

Дульчинъ.

Ирибыткова.

Глафира Фирсовна.

Та-та-та! Высоко, братъ, высоко, не достанешь. Ты руби дерево-то, чтобъ ходъ силу было. Та княжеская невѣста.

Дульчинъ.

Да я объ ней и не думаю.

Глафира Фирсовна.

Какъ, чай, не думать! Вѣдь за ней, Флоръ Ѳедулычъ милліонъ даетъ.

Дульчинъ.

Много меньше, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Кому ты говоришь? Она мнѣ племянница, такъ мнѣ вѣрнѣе знать. Не хочешь-ли съ нами?

Дульчинъ.

Да вы куда?

Глафира Фирсовна.

Ужинать хотимъ, давно позываетъ, такъ всѣ въ одно мѣсто слетаемся, подъ березками. Насъ кампанія будетъ большая.

Дульчинъ.

Пожалуй, я провожу васъ.

Глафира Фирсовна (*Пивокуровой*).

Пава, пойдемъ.

Пивокурова (*взглянувъ на Дульчина*).

Ахъ красота! (*Закрывается вѣеромъ. Дульчинъ, Глафира Фирсовна, Пивокурова уходятъ подъ деревья на лѣво. Изъ клуба выходитъ публика и остается въ глубинѣ площадки. На сцену выходятъ Разносчикъ новостей, Иногородный и Москвичъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Наблюдатель, Разносчикъ новостей, Иногородный, Публика, Прислуга, Москвичъ.

Разносчикъ вѣстей (*Наблюдателю*).

Еще невѣста, слышали?

Наблюдатель.

Мало-ль ихъ здѣсь!

Разносчикъ вѣстей.

Я знаю, что много, да о тѣхъ не стоитъ говорить; а эта съ большими достоинствами.

Наблюдатель.

Пивокурова, что-ли?

Разносчикъ вѣстей.

Да, вдова Пивокурова съ большимъ капиталомъ.

Наблюдатель.

Повадилась по клубамъ, да по гуляньямъ, такъ отберутъ капиталы-то.

Иногородный.

Какъ отберутъ-съ?

Наблюдатель.

Такъ и отберутъ, какъ отбираютъ: руками. Вы науку „Политическую экономію“ знаете?

Иногородный.

Домашнюю экономію знаемъ и понимаемъ съ, а политической у насъ въ провинціи не слыхать-съ.

Наблюдатель.

Эта наука требуетъ, что-бъ залежи не было, чтобы капиталы не залеживались безъ обращенія. Значитъ, нельзя допустить, что-бъ вдова какая-нибудь, получивши послѣ мужа деньги, сѣла на нихъ, какъ насѣдка на яйцахъ. Надо ихъ на волю пустить, въ обращеніе.

Иногородный.

Наука хорошая-съ.

Наблюдатель.

Хорошая; у насъ въ Москвѣ ее твердо знаютъ.

Москвичъ.

Смирнѣй надо сидѣть съ деньгами-то; такъ цѣлѣй будутъ.

Наблюдатель.

И смиренство не поможетъ.

Разносчикъ вѣстей.

Недавно и смиренницу одну обобрали.

Иногородный.

Это какъ-же?

Наблюдатель.

Подпускомъ, какъ на Волгѣ рыбу ловятъ.

Разносчикъ вѣстей.

Сыскали молодаго человѣка, красивенькаго, окопировали его, дали тысячи три-четыре; а онъ за это въ благодарность выдалъ векселей на пятьдесятъ тысячъ. Посадили его въ коляску и подпустили въ видѣ жениха, богатаго помѣщика.

Иногородный.

И что-же-съ?

Наблюдатель.

Мѣсяца черезъ два она и заплатила за него всѣ деньги по векселямъ-то.

Иногородный.

Разсчетъ тонкій, безъ ума такого дѣла не сдѣлаешь.

Разносчикъ вѣстей.

Вѣдь это только догадки, а я слышалъ, что у него у самаго большое состояніе.

Наблюдатель.

Надо у Салая Салтаныча спросить, какое у него состояніе.

Разносчикъ вѣстей.

Да Салай-то и говоритъ.

Наблюдатель.

Ну, значитъ, кого-нибудь еще ограбить собираются.

Иногородный.

Я вотъ здѣсь только въ первый разъ, и только какое это заведеніе безподобное-съ.

Москвичъ.

Чего лучше!

Иногородный (*съ чувствомъ*).

Водка, возьмите!

Москвичъ.

Гдѣ-жъ ей и быть?

Иногородный (*съ пафосомъ*).

Въ мірѣ нѣтъ-съ!

Москвичъ.

Да. на то Москва.

Иногородный.

Опять моды, Боже мой!

Москвичъ.

Моды парижскія.

Иногородный.

Извольте видѣть,—шутка! Теперь, пожалуйте, скажите, дамы, барышни, какія!

Москвичъ.

Ну, это вамъ такъ съ дороги показалось. Развѣ чѣмъ другимъ, а этимъ похвастаться не можемъ.

Иногородный.

Нѣтъ, напрасно. Сейчасъ вотъ эта самая вова Пивокурова, — страсть! Вся, какъ жаръ, горитъ; одно слово — пышность? Можетъ по московскому вкусу оно не придется.

Москвичъ.

Ничего, ничего, у насъ не побрезгуютъ.

Наблюдатель.

А знаете, кто женится на Пивокуровой?

Разносчикъ вѣстей.

Какъ узнаешь? Она и сама-то не знаетъ. Мечется, какъ угорѣлая.

Нблюдатель.

Дульчинъ.

Разносчикъ вѣстей.

Ничего нѣтъ похожаго; невозможно, у него совсѣмъ другіе планы.

Наблюдатель.

А вотъ посмотримъ!

Разносчикъ вѣстей.

Ни подъ какимъ видомъ (*за сценой тушъ, публика и Разносчикъ вѣстей уходятъ въ клубъ*).

Иногородный (*Москвичу*).

Не пройтись-ли и намъ?

Москвичъ.

Опять къ источнику?

Иногородный.

Ужъ что-жъ отъ него уклоняться? Тепло, покойно, учтивость необыкновенная. Потому и тянетъ, что я учтивость люблю. Какъ-бы не было учтивости, меня туда калачомъ не заманишь.

Москвичъ.

Пожалуй, пойдемте.

Иногородный (*Наблюдателю*).

Вамъ неугодно-съ?

Наблюдатель.

Не угодно.

Иногородный.

А мы пойдемъ-съ.

Наблюдатель.

Сдѣлайте одолженіе.

Иногородный.

Нѣтъ, позвольте! Вы не подумайте. Время къ ночи, надо противъ сырости какія нибудь мѣры принять, аль нѣтъ-съ? Вотъ какое дѣло, а не то что-съ!.. (*Иногородный и Москвичъ уходятъ въ клубъ. Съ лѣвой стороны выходятъ Лавръ Миронычъ, Дульчинъ, Глафира Фирсовна, Ирина*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Наблюдатель, Лавръ Миронычъ, Глафира Фирсовна, Дульчинъ, Ирина и Прислуга: Сакердонъ и Сергѣй, потомъ Салай Салтанычъ.

Лавръ Миронычъ (*манитъ лакея*).

Эй, ты, фрачекъ! Фалдочки! Какую прислугу держатъ: факельщики какіе-то, вмѣсто офиціантовъ. Эй, любезный, оглянись (*Дульчинъ подъ руку съ Ириной гуляютъ въ глубинѣ сцены, Глафира Фирсовна поодаль*). Шевелись, братецъ!

Сакердонъ (*подходя*).

Что угодно-съ?

Лавръ Миронычъ.

Звѣзды считаешь, любезный? Не трудись, сосчитаны. Какъ зовутъ тебя?

Сакердонъ.

Сакердонъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Какъ, какъ?

Сакердонъ.

Сакердонъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Ну, ступай съ Богомъ!

Сакердонъ.

Помилуйте, за что-же? Я могу-съ....

Лавръ Миронычъ.

Коли я теперь, трезвый, твое имя не скоро выговорю, какъ-же я съ тобой послѣ ужина буду разговаривать?.. Мы съ дамами ужинаемъ, любезный. Что мнѣ за неволя языкъ-то коверкать, до конфузится? Я пріѣхалъ сюда, что-бъ въ удовольствіи время прожить. Ступай, ступай! (*машетъ другому служителю*). Эй, милый!...

Сергѣй (*подходитъ*).

Что прикажите?

Лавръ Миронычъ.

Какъ дразнятъ-то тебя?

Сергѣй.

Сергѣемъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Ну, такъ вотъ что, Сережа, служи!

Сергѣй.

Будемъ стараться-съ.

Лавръ Миронычъ.

Ты прежде пойми насъ!

Сергѣй.

Кажется, могу-съ... Не въ первый разъ, служили господамъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Вонъ тамъ подъ березками закуску сформируй!

Сергѣй.

Слушаю-съ (*вынимаетъ книжку и карандашъ*).

Лавръ Миронычъ.

Пиши! Водка всѣхъ сортовъ, высшихъ только, зернистая икра.

Сергѣй.

На сколько персонъ прикажете?

Лавръ Миронычъ.

Не перебивай! Твое дѣло слушать. А еще похвалился, что господамъ служилъ.

Сергѣй.

Виноватъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Честеръ. Селедокъ ненадо, сардинокъ тоже. Анчоусы есть?

Сергѣй.

Спрошу-съ.

Лавръ Миронычъ.

Оливки фаршированныя, омаръ въ соку... Ну, ты понялъ теперь, что намъ нужно; такъ ужъ самъ подумай, не все тебѣ сказывать.

Сергѣй.

Слушаю-съ.

Лавръ Миронычъ.

Да вотъ еще: головку подай поросячью! Мы мозжечекъ вынемъ, язычка покрошимъ помельче, тронемъ перцемъ, да маленькія тартинки и намажемъ.

Сергѣй.

Закуска высокая-съ.

Лавръ Миронычъ.

Въ разсужденія не вступай! Господамъ служилъ!... Либо господа у тебя плохи были, либо господа-то хорошіе, да ты-то плохъ былъ.

Сергѣй.

Виноватъ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Да закажи ужинъ заранѣе, что-бъ не дожидаться, что-бъ, шло, какъ по маслу, безъ антрактовъ. Дай карту! (*Сергѣй подаетъ. Лавръ Миронычъ разсматриваетъ карту*).

Ирина.

Папа занимается ужиномъ, какъ серьезнымъ дѣломъ. Какъ это смѣшно.

Дульчинъ.

А для васъ ужинъ не серьезное дѣло?

Ирина.

Нѣтъ, я живу только поезіей, самой высокой поэзіей. Что такое ужинъ? Проза. Вотъ луна, звѣзды!

Дульчинъ.

Да что въ нихъ хорошаго? Газъ лучше, свѣтлѣе.

Ирина.

Ахъ, нѣтъ! Особенно, когда подлѣ тебя человѣкъ, который....

Дульчинъ.

Который что?

Ирина.

Не хочу отвѣчать. Что вы меня экзаменуете?... (*отходятъ въ глубь*).

Лавръ Миронычъ. (*Сергѣю*).

Пиши! Бёфъ а ля модъ съ трюфелями, стерляди паровыя, вальдшнепы жареные въ кострюляхъ.... да что-бъ ворчали, когда подаешь....

Сергѣй.

Понимаю-съ.

Лавръ Миронычъ.

Все это персонъ на двѣнадцать. Скажи поварамъ, что кушать будетъ Флоръ Ѳедулычъ, а платитъ Лавръ Миро-

нычъ; насъ знаютъ. Да чтобъ послѣ ужина приходили, получатъ пять рублей на водку.

Сергѣй.

Слушаю-съ.

Лавръ Миронычъ.

Вмѣсто пирожнаго виноградъ и фрукты въ вазахъ: персики чтобъ спѣлые были. Зеленый персикъ таже репа. Да поставь два ананаса... съ зеленью, для декораціи!

Сергѣй.

Слушаю-съ.

Лавръ Миронычъ.

Теперь вина: къ говядинѣ Лафитъ, самый высшій, дамамъ особенно подать послаще чего нибудь.... Шкемъ, тожъ высшій. Да смотри, какъ у дамъ вино доходитъ, сейчасъ что-бъ другая, да перемѣняй такъ, что-бъ глазомъ нельзя замѣтить.

Глафира Фирсовна.

Какъ объ насъ-то, голубчикъ, старается.

Лавръ Миронычъ.

Ты Германа фокусника видѣлъ? Бутылка одна, но что-бъ безконечная, чтобъ двухъ бутылокъ передъ дамами не стояло. Боже тебя сохрани!

Сергѣй.

Понимаемъ, помилуйте-съ.

Лавръ Миронычъ.

Послѣ лафиту прямо шампанское, (*Дульчину*). Вѣдь такъ я думаю? (*Дульчинъ киваетъ головой*). И что-бъ это безпрерывно. (*Салай Салтанычъ выходитъ изъ-за деревьевъ и останавливается сзади Лавра Миронича, который его не замѣчаетъ*). Какъ по стакану разольешь, пустыя бутылки прочь и что-бы пара свѣжихъ стояла, такъ постепенно и подставляй! Какъ ты ставишь, какъ откупориваешь, этого что-бъ я не видалъ, а что-бъ двѣ свѣжихъ на столѣ постоянно были, а пустой посуды ни подъ какимъ видомъ, чтобы она изчезала. Слышишь?—двѣ, ни больше, ни мень-

ше! Мы пріѣхали поужинать и выпить, а не хвастаться! Къ намъ будутъ подходить разные господа, такъ чтобъ видѣли, что ужинъ богатый, а скромный: фруктовъ много, а вина мало.

Сергѣй.

Слушаю-съ.

Салай (*Лавру Миронычу*).

Купишь?

Лавръ Миронычъ (*пожимая плечами*).

Вотъ народъ! Нельзя поужинать порядочно: сейчасъ купишь. Когда я дождусь, что вы образованнѣе будете.

Салай.

Чего тебѣ ждать? купи, купи!

Лавръ Миронычъ.

Не могу-же я копѣечничать по твоему, у меня другія привычки. (*Тихо*). Дочь невѣста, пойми! И не радъ, да тратишься. Намъ надо жениха не какого нибудь, дѣдушка принимаетъ большое участіе.

Салай.

Женихъ есть?

Лавръ Миронычъ.

Нѣтъ еще. Куда торопиться? Не намъ съ Флоромъ Ѳедулычемъ за женихами бѣгать; пусть за нами побѣгаютъ.

Салай (*Сергѣю*).

Кажи, что написалъ? (*Сергѣй подаетъ книжку*).

Лавръ Миронычъ.

Да, посмотримъ еще! Ты всю жизнь на счетъ должниковъ и обѣдаешь, и ужинаешь, такъ навострился, вкусъ знаешь. (*Разсматриваютъ книжку. Дульчинъ и Ирина выходятъ на аван-сцену, Глафира Фирсовна заними*).

Ирина.

Пойдемте танцовать!

Дульчинъ.

Нѣтъ, ужъ увольте. Это занятіе для меня никакого интереса не представляетъ. Мало-ли кавалеровъ?

Ирина.

Я знаю, что много, да какіе! Ахъ если-бы женщины ангажировали!

Дульчинъ.

Что-жъ бы было?

Ирина.

Я бы васъ ангажировала.

Дульчинъ.

Польку танцовать?

Ирина (*со вздохомъ*).

Нѣтъ.

Дульчинъ.

Что-же? На звѣзды смотрѣть?

Ирина.

Нѣтъ, на всю жизнь.

Глафира Фирсовна (*Дульчину*).

А ты слушай, да на усъ мотай.

Ирина.

Наша участь очень печальна: не мы ангажируемъ, а насъ ангажируютъ. Наше дѣло сидѣть у косящата окна, мечтать, вздыхать, и ждать счастья.

Глафира Фирсовна.

А ты слушай, да себѣ на усъ мотай! (*проходятъ въ глубину*).

Салай. (*отдаетъ книжку Серпю*).

Хорошо, чего еще! Закуску прибавь балыкъ. Хорошій есть, съ Дону пришелъ.

Лавръ Миронычъ.

Благодарю, забылъ, изъ ума вонъ. Ты съ нами ужинаешь, Салай?

Салай.

Куда еще пойду. Конечно.

Лавръ Миронычъ (*Дульчину*).

Вадимъ Григорьичъ, вы сдѣлаете намъ честь откушать съ нами? Позвольте просить.

Дульчинъ (*издали*).

Багодарю васъ, съ удовольствіемъ.

Лавръ Миронычъ (*Сергѣю*).

Пойдемъ, я тебѣ покажу мѣсто. (*Лавръ Миронычъ и Сергѣй уходятъ. Входятъ Дергачевъ и три пріятеля: молодой, средній и старый*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Наблюдатель, Дульчинъ, Ирина, Глафира Фирсовна, Дергачевъ, Три пріятеля: Молодой, Среднихъ лѣтъ и Старый и прислуга.

Молодой (*Дульчину*).

Мы идемъ въ макао играть, недостаетъ четвертаго, неугодно-ли вамъ?

Дульчинъ.

Хорошо, господа, я приду.

Салай (*тихо Дульчину*).

Не равна игра, не играй.

Молодой.

Такъ мы сядемъ. Подождать, что-ли?

Дульчинъ.

Садитесь! Ужъ я сказалъ, что приду.

Салай.

Проиграть можно, выиграть нельзя. Какая игра! (*Пожимаетъ плечами и уходитъ*).

Средній.

Да что-жъ, не въ ноги ему кланяться. Пойдемте, четвертаго найдемъ.

Старый (*Дульчину*).

Мы васъ подождемъ. Мнѣ-то вотъ ужъ и не надо-бы играть, не надо бы. Проиграю навѣрное, ужъ я это знаю: быть бычку на веревочкѣ.

Дульчинъ.

Почему-же?

Старый.

Примѣта есть, сонъ нехорошій видѣлъ. Приходите. (*Три пріятеля уходятъ въ клубъ*).

Дульчинъ (*Иринѣ*).

Извините, я долженъ буду васъ оставить.

Ирина (*пожимая плечами*).

Играть! Неужели игра можетъ занимать васъ?

Дульчинъ.

Жизнь наша такая скучная, такая пошлая, а карты производятъ нѣкоторое волненіе; я эти ощущенія люблю.

Ирина.

Какія это ощущенія!... (*потупясь*). Развѣ нѣтъ ощущеній, которыя гораздо пріятнѣе. (*быстро*). Такъ вотъ проиграете-же за это.

Дульчинъ.

За что-же, за это?

Ирина.

Что меня оставляете. А во вторыхъ, кто въ любви счастливъ, тотъ въ картахъ несчастливъ. (*отходитъ*).

Глафира Фирсовна.

А ты слушай, да на усъ мотай. (*Глафира Фирсовна и Ирина уходятъ на лѣво*).

Дергачевъ.

Ты опять играть? Охъ, не совѣтую, Вадимъ, не совѣтую.

Дульчинъ.

Поди ты прочь! Я люблю игру, вотъ и все. Мнѣ теперь нужно играть и рисковать... можетъ быть, я и выиграю. Гдѣ-же я возьму денегъ? Ты что-ли мнѣ дашь?

Дергачевъ.

Ну, какъ знаешь, какъ знаешь. Конечно нужно рисковать: ты правъ. Вадимъ, нѣтъ-ли у тебя двухъ рублей серебромъ?

Дульчинъ.

Ты вотъ только съ совѣтами лѣзешь да денегъ просишь! И нашелъ время просить. Я иду играть, а онъ денегъ проситъ.

Дергачевъ.

Здѣсь нельзя безъ издержекъ, а вѣдь я ѣзжу только для тебя.

Дульчинъ.

Да зачѣмъ ты мнѣ?

Дергачевъ.

Ну, все таки.... я хоть поспѣшу подлѣ тебя для счастья... это иногда много значитъ. (*Дульчинъ и Дергачевъ уходятъ въ клубъ. Приливъ публики изъ клуба. Разносчикъ вѣстей, Москвичъ и Иногородный*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Наблюдатель, Разносчикъ вѣстей, Иногородный, Москвичъ, ПУБЛИКА.

Разносчикъ вѣстей.

Слышали? Здѣсь двѣ компаніи кутить собираются!

Наблюдатель.

На здоровье.

Разносчикъ вѣстей.

Послѣ въ Стрѣльну поѣдутъ, вотъ-бы примазаться.

Наблюдатель.

Надо знать, на какія деньги кутятъ.

Разносчикъ вѣстей.

Да развѣ не все равно?

Наблюдатель.

Нѣтъ, не всё равно, деньги разныя бываютъ. Прежде покутить любо было. Прежде деньги были веселыя, хорошія такія, барскія. Гдѣ бывало кутятъ, гдѣ бросаютъ деньги, туда иди смѣло. Такъ и знаешь, что компанія хорошая, люди честные, довѣрчивые, великодушные, безхитростные, какъ птицы небесныя, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ.

Иногородный.

А если, ни сѣютъ, ни жнутъ, откуда-же у нихъ деньги были?

Наблюдатель.

Деньги имъ обязаны были доставлять тѣ, которые и сѣютъ, и жнутъ, и въ житницы собираютъ.

Иногородный.

Все это вы вѣрно говорите, вотъ какъ есть.

Наблюдатель.

А теперь, гдѣ кутятъ, тамъ по большей части дѣло не совсѣмъ чисто; а иногда и прокурорскій надзоръ, того гляди, себѣ занятіе найдетъ.

Разносчикъ вѣстей.

Да вѣдь такую компанію сразу замѣтишь.

Наблюдатель.

Не замѣтите, мы плохіе физіономисты. Читаютъ въ газетахъ: такой-то уличенъ въ поддѣлкѣ векселей, такой-то скрылся, а въ кассѣ недочету тысячъ двѣсти: такой-то застрѣлился. Знакомые, помилуйте, говорятъ, я вчера съ нимъ ужиналъ, а я игралъ въ преферансъ по двѣ копѣйки. А я ѣздилъ съ нимъ за городъ и ничего не было замѣтно. Нѣтъ, пока физіономика не сдѣлалась точной наукой, отъ такихъ компаній лучше подальше.

Разносчикъ вѣстей.

Вы скептикъ, вы мизантропъ, съ вами разговаривать нельзя, вамъ лечиться нужно *(за сценой туш. Публика и Разносчикъ вѣстей уходятъ въ клубъ)*.

Иногородный *(Наблюдателю)*.

Наша компанія не опасная-съ, не угодно-ли?

Наблюдатель.

Не угодно.

Иногородный.

Опять таки не угодно-съ?

Наблюдатель.

Опять таки.

Москвичъ (*Иногородному*).

Нѣтъ, ужъ теперь позвольте и мнѣ. Пора и честь знать.

Иногородный.

На все ваша воля! Слова не услышите. Я и угощать люблю и отъ угощенья никогда не бѣгаю.

Москвичъ.

Опять туда-же? Къ источнику, въ буфетъ?

Иногородный.

Да помилуйте, мѣсто какое! Кажется, кабы не жена, да не торговля, жить-бы туда переѣхалъ.

(*Москвичъ и Иногородный уходятъ. Слѣва входятъ Флоръ Ѳедулычъ и Салай Салтанычъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Наблюдатель, Флоръ Ѳедулычъ, Салай Салтанычъ.

Салай.

Рѣдко ѣздишь, Флоръ Ѳедулычъ. Зачѣмъ пріѣхалъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Погулять, Салай Салтанычъ, погулять.

Салай.

Гуляй, гуляй. Съ внучкой вмѣстѣ пріѣхалъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ одинъ-съ, она съ отцомъ. Я, Салай Салтанычъ, вольная птица, какъ и вы-съ, то-есть, какъ ты. Кто-же вамъ „вы“ говоритъ.

Салай.

Все равно, и мы такъ говоримъ. Хорошая дѣвушка.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не дурна-съ.

Салай.

Надо женихъ искать, надо замужъ отдать, самой пора.

Флоръ Ѳедулычъ.

Отдадимъ, Салай Салтанычъ, не безпокойся.

Салай.

Хорошій женихъ, много деньги надо.

Флоръ Ѳедулычъ.

Наше дѣло; у тебя занимать не станемъ.

Салай.

Зачѣмъ тебѣ занимать, свои деньги есть.

Флоръ Ѳедулычъ.

Хочу подумать объ этомъ; дѣло не чужое-съ.

Салай.

Много дашь?

Фролъ Ѳедулычъ.

Не обижу.

Салай.

И сто тысячъ дашь — не обидишь, и пять тысячъ дашь — не обидишь. Деньги какая обида!

Флоръ Ѳедулычъ.

Глядя по жениху, и деньги будутъ.

Салай.

Что скрываешь? Зачѣмъ скрывать?

Флоръ Ѳедулычъ.

Вѣдь не ты женишься. Да за тебя и не отдадимъ, очень намъ нужно азіатцевъ-то разводить. Ничего не даю, ничего-съ.

Салай.

Шутишь, шутишь. Есть благородные женихи.

Флоръ Ѳедулычъ.

А съ благородными благородный и разговоръ будетъ, а съ тобой, Салай Салтанычъ, мы этотъ разговоръ кончимъ.

Салай.

Водка пилъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ еще, своего часу дожидаюсь.

Салай.

Пойдемъ, балыкъ есть, съ Дону пришелъ (*Флоръ Ѳедулычъ и Салай Салтанычъ уходятъ. Изъ клуба выходятъ Дульчинъ и Дерачевъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Наблюдатель, Дульчинъ и Дергачевъ.

Дульчинъ.

Вотъ такъ ловко! Въ десять минутъ!... Не томили долго.

Дергачевъ.

Я тебѣ говорилъ!

Дульчинъ.

Убирайся! Ну, музыка, нечего сказать! И какой разговоръ невинный: у того зубы болятъ, охаетъ, на свѣтъ не глядитъ.... тотъ примѣтамъ вѣритъ, дурной сонъ видѣлъ; третій на свиданіе торопится, „мнѣ, говоритъ, некогда; пожалуйста, господа, не задерживайте!...“ Чиста работа!

Дергачевъ.

Каково было мнѣ смотрѣть, какъ ты деньги отдавалъ.

Дульчинъ.

Ну, кончено дѣло! Объ себѣ я не тужу, я пустой человѣкъ, и жалѣть меня нечего. Мнѣ жаль Юлію... ты ее успокой.

Дергачевъ.

Зачѣмъ ее успокоивать?

Дульчинъ.

Вотъ что: ты ночуешь, конечно, у меня?

Дергачевъ.

Пожалуй.

Дульчинъ.

Напьемся завтра кофейку, потомъ заряжу я револьверъ...

Дергачевъ.

Полно, что ты!

Дульчинъ.

Что-жъ, въ яму садиться? А послѣ ямы что? Вѣдь я жилъ, жилъ барски, ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, каждая прихоть моя исполнялась. Вѣдь мнѣ ходит по Москвѣ

пѣшкомъ въ узенькихъ, коротенькихъ брючкахъ, да въ твиновомъ пальто съ разноцвѣтными рукавами,— это хуже смерти. Я—не ты, пойми! Я рубли-то выпрашивать не умѣю.

Дергачевъ.

За что-жъ ты меня обижаешь? Я тебѣ преданный человѣкъ.

Дульчинъ.

Что мнѣ въ твоей преданности! гроша она не стоитъ мѣднаго, а мнѣ нужны тысячи: гдѣ я ихъ возьму? Сегодня послѣдній день моей веселой жизни. Прокутимъ остальныя деньги, поѣдемъ отсюда куда-нибудь, мнѣ здѣсь все надоѣло, все противно (*входитъ Салай Салтанычъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Наблюдатель, Дульчинъ, Дергачевъ, Салай Салтанычъ.

Салай Салтанычъ (*Дульчину*).

Проигралъ?

Дульчинъ.

Проигралъ.

Салай.

Пустой ты человѣкъ, пустой ты человѣкъ.

Дульчинъ.

Ну, пожалуйста, ты не очень, я не люблю.

Салай.

Пустой ты человѣкъ, дрянь.

Дульчинъ (*грозно*).

Салай!

Салай.

Что пугаешь! Нажилъ деньги — человѣкъ, прожилъ деньги — дрянь.

Дульчинъ.

Да какъ я наживу, Ефіопъ ты этакой! Деньги наживаютъ либо честнымъ трудомъ, либо мошенничествомъ, ни того и ни другаго я не умѣю и не могу.

Салай.

Честно — нечестно, кому нужно! Нажилъ деньги, хорошій человѣкъ сталъ, всѣ кланяются; дѣтямъ оставилъ, спасибо скажутъ.

Дульчинъ.

Знаю я вашу азіатскую философію-то.

Салай.

Я твой папенька зналъ, хорошій былъ человѣкъ, деньги нажилъ, тебѣ оставилъ, а ты что?

Дульчинъ.

Толкуй! Тогда можно было наживать.

Салай.

Всегда можно, надо умъ.

Дульчинъ.

Умъ-то хорошо, да и совѣсть имѣть не мѣшаетъ.

Салай.

Какая совѣсть? Гдѣ твоя совѣсть? Чужія деньги бросалъ — это совѣсть? Тому долженъ — незаплатилъ, другому долженъ — не заплатилъ, это совѣсть? Укралъ, ограбилъ, — не хорошо; а бросалъ деньги — хуже. Укралъ, ограбилъ — молись Богу, бѣднымъ давай, Богъ проститъ. Я зналъ одинъ грекъ, молодой былъ, разбойникъ былъ, по морю ходилъ, пушки палилъ, людей билъ, грабилъ; состарился, монастырь пошелъ, монахъ сталъ, человѣкъ нравоучительный.

Дульчинъ.

Ну, что ты съ баснями-то, очень мнѣ нужно!

Салай.

Кто бросалъ деньги, убить его скорѣй; такой законъ надо. Слушай: были три брата, тамъ на Кавказѣ...

Дульчинъ.

Мнѣ и безъ тебя скучно, а ты съ глупостями.

Салай.

Родитель деньги оставилъ: одинъ торговалъ, другой торговалъ — наживалъ; третій моталъ. Братья подумалъ, по-

думалъ, поговорилъ промежду себя, посовѣтовалъ, зарядилъ ружье, убилъ его, какъ собака. Больше не стоитъ.

Дульчинъ.

Ну, прощай! Твоихъ разсказовъ не переслушаешь.

Салай.

Куда — прощай! Пойдемъ, ужинать будемъ. Слушай меня! Будешь слушать меня, человѣкъ будешь, не будешь слушать — пропадешь! (*входитъ Глафира Фирсовна*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Наблюдатель, Дульчинъ, Дергачевъ, Салай Салтанычъ, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Иль нейдетъ, упрямится? Поди, Салай Салтанычъ, я его приведу, — у меня не вырвется.

Салай (*Дульчину*).

Приходи, будемъ ждать. (*уходитъ налѣво*).

Глафира Фирсовна.

Экъ тебѣ счастье привалило! Неожидала, — признаюсь. Съ ума вѣдь ты дѣвку-то свелъ.

Дульчинъ.

Будто?

Глафира Фирсовна.

Ужъ вѣрно. Только ты теперь не зѣвай, лови, а то улетитъ Закружи ее хорошенько и шабашъ! Аль не умѣешь?

Дульчинъ.

Положимъ, что умѣю; увлечь дѣвушку не трудно, особенно такую чувствительную, да что толку?

Глафира Фирсовна.

Какъ, что толку! Милліонъ, — шутишь ты этимъ?

Дульчинъ.

Это не про насъ, что себя обманывать! Тутъ кромѣ нея, отецъ да дѣдушка, имъ мучника вѣдь надо, посолиднѣй;

нашему брату, такихъ денегъ не даютъ. Развѣ это люди? это бульдоги.

Глафира Фирсовна.

Ошибаешься: они ее неволить не станутъ; кто милъ за того и ступай! Съ такими-то деньгами, да за немилаго идти—была оказія! Не принцесса, не высокаго рода, только что деньги, такъ съ деньгами и идти за милаго человѣка, это прямой разсчетъ. Чѣмъ ты не кавалеръ, чѣмъ ты не пара? Вонъ она сама идетъ; не утерпѣла. Ты смѣлѣй съ ней, безъ канители; она не очень, что-бъ изъ стыдливыхъ.

Дульчинъ (*съ иронiей*).

Благодарю за науку. Я въ свое счастье, Глафира Фирсовна, плохо вѣрю. (*Глафира Фирсовна уходитъ. Дергачеву*). Отойди подальше! Отойди прочь! (*Дергачевъ уходитъ въ глубину. Входитъ Ирина*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Наблюдатель, Дульчинъ, Дергачевъ, Ирина.

Ирина.

Что вы нейдете ужинать съ нами, Вадимъ Григорьичъ? Мы сейчасъ садимся.

Дульчинъ.

Не хочется, не расположенъ.

Ирина (*заглядывая Дульчину въ лицо*).

Что вы такой мрачный?

Дульчинъ.

Жизнь надоѣла, Ирина Лавровна.

Ирина (*съ испугомъ*).

Да вы серьезно?

Дульчинъ.

Очень серьезно.

Ирина.

Вамъ все надоѣло, вы такъ много испытали всего.

Дульчинъ.

Да, я все испыталъ и все надоѣло; одного только я не испыталъ и, вѣроятно, никогда не испытаю.

Ирина.

Чего-же это?

Дульчинъ.

Не скажу я вамъ, съ чего вы взяли! Не обо всемъ можно говорить съ барышней.

Ирина.

Со мною можно говорить обо всемъ.

Дульчинъ.

Вы не знаете жизни, не видали, не испытали ничего; вы меня не поймете, и не должны понимать.

Ирина.

Я не испытала жизни, но я читала много романовъ и я понимаю все, все.

Дульчинъ.

А начни я говорить, вы застыдитесь и убѣжите.

Ирина.

О, нѣтъ, вы меня не знаете.

Дульчинъ.

Ну извольте, я неиспыталъ страстной любви.

Ирина.

Страстной?

Дульчинъ.

Да любовь нашихъ женщинъ какая-то вялая, сонная. Мнѣ надо жгучей страсти, бѣшеной, съ кинжаломъ и ядомъ.

Ирина.

Быть можетъ вы ея не замѣчали?

Дульчинъ.

Хороша бѣшеная страсть, коли ее даже замѣтить нельзя.

Ирина (*тихо*).

Вадимъ!

Дульчинъ.

Что угодно?

Ирина.

Она здѣсь, она давно кипитъ въ груди моей.

Дульчинъ.

Неужели?

Ирина.

Да, бѣшеная, африканская страсть, повѣрь мнѣ.

Дульчинъ.

Вѣрю, и очень можетъ быть, что я близокъ къ счастью, но...

Ирина.

Зачѣмъ „но?“

Дульчинъ.

Но ты не должна идти противъ родныхъ, ты не должна терять ихъ расположенія, терять богатство, которое они тебѣ обѣщаютъ. Не увлекайся своими африканскими страстями, Ирень, я отъ тебя такой жертвы не приму.

Ирина.

Да никакой жертвы, никакихъ даже препятствій! Зачѣмъ-же мнѣ сдерживать свою страсть, милый Вадимъ? Ты, вѣдь, мой?

Дульчинъ.

Не вѣроятно, это ужъ слишкомъ много счастья.

Ирина.

Ахъ, повѣрь, повѣрь! Погоди, я пришлю сейчасъ къ тебѣ папашу, поговори съ нимъ (*отходитъ*). Милый; милый (*посылаетъ поцѣлуй и уходитъ*).

Дульчинъ (*Дергачеву*).

Лука (*Дергачевъ подходитъ*), будемъ жить, братецъ, судьба начинаетъ мнѣ улыбаться. Я сейчасъ дѣлаю предложеніе.

Дергачевъ.

А какъ-же Юлія Павловна?

Дульчинъ.

А что-жъ Юлія Павловна? Что я могу для нея сдѣлать? Жениться на ней, о чемъ она мечтаетъ и дни и ночи; а

чѣмъ жить будемъ? У ней ничего, у меня тоже. Что-жъ, намъ мелочную лавочку открыть, да баранками торговать? А я женюсь и, по крайней мѣрѣ, расплачусь съ ней, это честнѣе будетъ. Конечно, я ее огорчу очень, очень; ну, поплачетъ, да тѣмъ и дѣло кончится! А пока надо ей солгать что-нибудь.

Дергачевъ.

Ахъ, лгать! А лгать не хорошо, Вадимъ, очень не хорошо.

Дульчинъ.

Ты опять съ нравоученьями! Такъ вотъ я тебя лгать-то и заставлю, и ты будешь лгать. Ты пойдешь завтра къ Юліи Павловнѣ и скажешь, что я въ Петербургъ уѣхалъ.

Дергачевъ.

Что-жъ, я пожалуй, я пойду; только вѣдь меня гоняютъ оттуда.

Дульчинъ.

Претерпи, бѣдный другъ, все претерпи, ради дружбы.

Дергачевъ.

Претерплю. Вадимъ, я у тебя шаферомъ я платье новое сошью. Нѣтъ-ли у тебя трехъ рублей серебромъ?

Дульчинъ.

Опять денегъ просить? Какая привычка у тебя!

Дергачевъ.

Ты ужинать пойдешь, сядешь за столъ съ компаніей, а мнѣ на васъ глазами хлопать? Вѣдь я ѣзжу сюда только для тебя, а ты знаешь, какъ здѣсь все дорого.

Дульчинъ (*достаетъ деньги*)..

Ну, на́ рубль, отвяжись (*входитъ Лавръ Миронычъ*)! Отойди, изчезни (*Дергачевъ уходитъ*)!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Наблюдатель, Дульчинъ, Лавръ Миронычъ.

Лавръ Миронычъ.

Вадимъ Григорьичъ, пожалуйте, милости просимъ.

Дульчинъ.

Лавръ Миронычъ, два слова.

Лавръ Миронычъ.

Къ вашимъ услугамъ. Весь — вниманіе.

Дульчинъ.

Между благородными людьми разговоръ долженъ быть короткій.

Лавръ Миронычъ.

Совершенно справедливо-съ.

Дульчинъ.

Мнѣ нравится ваша дочь.

Лавръ Миронычъ.

Дѣвушка хорошая, образованная и съ большимъ приданымъ.

Дульчинъ.

Она и такъ хороша, а съ приданымъ, конечно, еще лучше. Но не о приданомъ рѣчь. Теперь вотъ въ чемъ вопросъ: нравлюсь-ли я вамъ?

Лавръ Миронычъ.

Вы? Какъ-же, помилуйте, мы ваше знакомство за честь себѣ считаемъ.

Дульчинъ.

Да погодите, не распространяйтесь! Я хочу жениться на вашей дочери, вы отецъ, васъ обойти нельзя, такъ согласны вы или нѣтъ, какъ говорится, осчастливить насъ?

Лавръ Миронычъ.

Съ полнымъ удовольствіемъ. За честь почту.

Дульчинъ.

Ну и прекрасно! Только съ однимъ условіемъ, погодите разглашать, мнѣ надо устроить кой какія дѣлишки.

Лавръ Миронычъ.

Какъ вамъ угодно. Не извольте себя стѣснять ни въ чемъ. Пожалуйте кушать; а послѣ завтра прошу на вечеръ ко мнѣ, познакомитесь съ нами покороче, посмотрите какъ живемъ.

Дульчинъ.

А вы мастеръ ужины заказывать.

Лавръ Миронычъ.

Какой это ужинъ! Здѣсь клубъ, тотъ-же трактиръ, вотъ дома другое дѣло! Отчего-жъ себѣ и не позволить, коли есть средства. Пожалуйте, пожалуйте, ждутъ-съ.

(*Лавръ Миронычъ и Дульчинъ уходятъ: Приливъ публики. На авансцену выходятъ: Разносчикъ вѣстей, Москвичъ, Иногородный*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Разносчикъ вѣстей, Наблюдатель, Иногородный, Москвичъ, Публика.

Разносчикъ вѣстей (*Наблюдателю.*)

Вотъ вы и не угадали, Дульчинъ женится на Прибытковой.

Наблюдатель.

Погодите, не торопитесь.

Разносчикъ вѣстей.

Да чего годить. Я сейчасъ былъ у ихъ стола и разговоръ слышалъ между дамами и невѣстой. Вотъ посмотрите, ихъ посадили вмѣстѣ, за ихъ здоровье пьютъ.

Наблюдатель.

Погодите, цыплятъ осенью считаютъ.

Иногородный.

За чье здоровье пьютъ-съ?

Разносчикъ вѣстей.

За здоровье жениха и невѣсты.

Иногородный.

Какая оказія-то! Помилуйте, какъ такой случай пропустить? И мы за ихъ здоровье по бокальчику, по другому опрокинемъ (*Москвичу*). Пожалуйте въ буфетъ-съ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Юлія Павловна.
Глафира Фирсовна.
Флоръ Ѳедулычъ.
Дергачевъ.
Михевна.
Лавръ Миронычъ.

Комната перваго дѣйствія

ЯВЛЕНІЕ I

Юлія Павловна (*у двери на право*), *потомъ* Михевна.

Юлія.

Михевна, дай-ко тамъ изъ шифоньерки картонъ! (*Михевна за сценой: синенькій?*) Да, синенькій (*Михевна: запретъ шифоньерку-то?*) Не надо, послѣ запрешь, отъ кого намъ запираться-то?

Михевна.

Что это какой онъ легкій, ровно пустой?

Юлія.

А вотъ посмотримъ, что въ немъ (*садится у стола, открываетъ картонъ и вынимаетъ подвѣнчальный газовый вуаль съ флеръ д'-оранжемъ*).

Михевна.

Ай, прелести какія!

Юлія.

Я вѣнчалась въ этомъ, Михевна.

Михевна.

Помню, помню. Ужъ больно хорошо было смотрѣть на тебя; всѣ, какъ есть, любовались. Вотъ опять Богъ привелъ, опять скоро надѣнешь.

Юлія.

Нѣтъ, надо новенькій купить, да и цвѣты негодятся; я не дѣвушка.

Михевна.

Вотъ еще разбирать, надѣла, да и все тутъ. Стоитъ на одинъ разъ покупать.

Юлія.

И, мать моя, не ловко, не годится. Да что на такое дѣло жалѣть! Я и платье новое закажу. Я знаешь, что думаю? Сдѣлать себѣ уборъ изъ незабудокъ.

Михевна.

Изъ незабудокъ? Да, молъ, не забудь меня.

Юлія.

Ужъ теперь мнѣ чего бояться? Всѣ мои страхи кончились: связаны будемъ на всю жизнь. И какой человѣкъ, Михевна, превосходный! Прямо можно сказать, что благородный человѣкъ.

Михевна.

Чего лучше! Бравый кавалеръ, ловкій, смѣлый, разительный. Кажется, ни передъ кѣмъ на свѣтѣ не сробѣетъ.

Юлія.

А что Глафира Фирсовна говорила: „брось ты его сама, пока онъ тебя не бросилъ.“ За что такъ обижать человѣка, что онъ ей сдѣлалъ?

Михевна.

Зависть: ненавистно чужое счастье.

Юлія.

Я такъ и подумала. Конечно, я ему всѣ свои деньги отдала; такъ вѣдь я не безъ разсудка, не безъ расчета это сдѣлала. Я таки довольно скупа и на деньги жалостлива.

Михевна.

Охъ, жалостлива! Къ мужчинамъ то вы больно жалостливы!

Юлія.

Что-жъ дѣлать-то! А все таки денегъ даромъ не брошу.

Михевна.

Какъ можно бросить. Впередъ-то не угадаешь: Богъ знаетъ, какъ придется вѣкъ-то доживать.

Юлія.

Да, да; первое дѣло себя обезпечить.... Я нужды нѣтъ, что женщина, а очень хорошо жизнь понимаю. И до чего онъ благороденъ! Онъ, вѣдь, ни одной копѣйки у меня такъ не взялъ, на все документы выдалъ. А развѣ не все равно, что деньги, что документы? Значитъ всѣ мои деньги при мнѣ. Разумѣется, съ другаго взять нечего, а у него имѣніе большое. Онъ мнѣ всѣ планы показывалъ и все разсказывалъ, гдѣ лѣса, гдѣ луга. Только оно еще не раздѣлено съ сестрицей, нужно часть какую-то ей выдѣлить. Какъ раздѣлятся, онъ все имѣніе на мое имя запишетъ, а я ему документы отдамъ, вотъ и — квитъ. А имѣніе-то гораздо дороже. Вотъ какъ благородно съ его стороны. Лѣтомъ будемъ въ деревнѣ жить, ты у меня будешь хозяйствомъ заниматься. То-то всякой птицы разведешь.

Михевна.

Ахъ, страсть моя! Вотъ ужъ душеньку-то отведу. Я вчера у сосѣдей бѣлыхъ индюшекъ видѣла, такъ на чужихъ больше часу любовалась. Пѣтуха кохинхинскаго мы отсюда своего возьмемъ: этакой красоты за сто рублей не сыщешь.

Юлія.

Какое чувство въ человѣкѣ! Вчера по его дѣламъ ему вдругъ деньги понадобились; ну, я выручила его; такъ вѣришь-ли: на колѣняхъ стоялъ, руки цѣловалъ, плакалъ, какъ ребенокъ.

Михевна.

Когда свадьбу то думаете?

Юлія.

Да мы рѣшили, что въ будущую середу. Сегодня пріѣдетъ, поговоримъ, когда вечеръ сдѣлать, родныхъ позвать. (*Разбирая въ картонъ*). Ахъ, что-это, какъ попало сюда?

Михевна.

Что такое, матушка?

Юлія.

Иммортель, цвѣты съ гроба. Это я на похоронахъ мужа въ сумашествіи-то ухватила... Какъ они очутились здѣсь?

Михевна.

Да что мудренаго! Сунула сама какъ нибудь; а то кому-же?

Юлія.

Къ добру-ли?

Михевна.

Ничего. Что-жъ тутъ дурнаго? Память. Съѣзди на могилку?

Юлія.

Ахъ, сердце упало. Какая я глупая, суевѣрная, теперь все будетъ думаться. А вѣдь ѣхать надо платье заказывать, а то послѣ некогда будетъ съ хлопотами.

Михевна.

А что-жъ, поѣзжай! Убрать картонъ-то?

Юлія.

Оставь до меня, я скоро пріѣду. (*уходитъ. Михевна за ней и скоро возвращается*).

Михевна.

Чего испугалась? Сама не знаетъ, чего. Ну, вотъ и мы скоро заживемъ по-людски... А то всѣхъ стыдимся, отъ людей прячемся, только и свѣту въ глазахъ, что Вадимъ Григорьичъ.... Что хорошаго? А на счетъ индеекъ я секретъ знаю, я цыплятъ выхожу, всѣхъ выхожу. Главная причина, когда они будутъ оперяться.... (*звонокъ*). Кого Богъ даетъ? Гости за гостями! Что-то разъѣздились! А бывало, по мѣсяцу человѣка не увидишь. (*Входитъ Глафира Фирсовна*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Михевна и Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Никакъ опять не застала?

Михевна.

Не застала, матушка.

Глафира Фирсовна.

То-то я вижу, прокатила какъ будто она. Я, было, крикнула, не оглядывается, не бѣжать-же мнѣ за ней, я не скороходъ. Все таки, думаю, зайду, хоть отдохну. (*садится у стола*). Что новенькаго, съ чѣмъ поздравить?

Михевна.

Свадьба у насъ.

Глафира Фирсовна.

Что ты говоришь? Когда?

Михевна.

Въ Середу.

Глафира Фирсовна.

Ну что-жъ, давай Богъ! (*Взглянувъ въ картонъ*) Ужъ и вуаль подвѣнечный вынула, вотъ какъ торопится.

Михевна.

Платье заказывать поѣхала.

Глафира Фирсовна.

Подвѣнечное?

Михевна.

Подвѣнечное.

Глафира Фирсовна.

Какая заботливая!

Михевна.

Ужъ поскорѣй-бы, да изъ головы вонъ. Легко-ли дѣло, полтора года маемся

Глафира Фирсовна.

Бываетъ, что и наканунѣ свадьбы дѣло расходится.

Михевна.

Ну, ужъ не дай Богъ и вздумать-то. Да она, кажется, не переживетъ.

Глафира Фирсовна.

Все на свѣтѣ бываетъ! Вольный человѣкъ, что вѣтеръ, какъ его удержишь? Какъ-бы на цѣпь ихъ приковывать, другое дѣло. Да я такъ болтаю. Пируйте, пируйте, да и насъ зовите. Чтой-то, мать, стала я замѣчать за собой: меня около этого часу все, какъ будто, на пищу позываетъ.

Михевна.

Нѣчто дурное дѣло! Значитъ, вѣсь здоровъ человѣкъ. Тамъ пирожокъ есть.

Глафира Фирсовна.

Въ шкапчикѣ?

Михевна.

Въ шкапчикѣ (*звонокъ*).

Глафира Фирсовна.

Вонъ звонитъ кто-то. Ты не безпокойся, я дорогу знаю (*уходитъ. Входитъ Лавръ Миронычъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Михевна, Лавръ Миронычъ.

Лавръ Миронычъ.

Юлія Павловна у себя?

Михевна.

Нѣту, батюшка, нѣту; сейчасъ только выѣхала:

Лавръ Миронычъ.

Скоро будутъ, можетъ быть?

Михевна.

Не знаю, батюшка, къ портнихѣ поѣхала.

Лавръ Миронычъ.

Ужъ я дожидаться ни въ какомъ случаѣ не могу. Потрудитесь сказать, милая, что я самъ заѣзжалъ.

Михевна.

Хорошо, батюшка, хорошо.

Лавръ Миронычъ.

Такъ и скажи: Лавръ Миронычъ сами, молъ, были.

Михевна.

Ужъ знаю, знаю.

Лавръ Миронычъ.

Просятъ пожаловать завтра на вечеръ.

Михевна.

Хорошо, скажу.

Лавръ Миронычъ.

Усерднѣйше, молъ, просятъ.

Михевна.

Да, да, такъ, такъ.

Лавръ Миронычъ.

Убѣдительнѣйше, молъ, просятъ.

Михевна.

„Побѣдительно просятъ". Такъ и скажу, отчего-жъ не сказать.

Лавръ Миронычъ.

Нѣтъ, ужъ не надо: ты меньше говори, а лучше отдай вотъ это (*подаетъ пригласительный билетъ*).

Михевна.

Записочку?

Лавръ Миронычъ.

Да, записочку. Да скажи, что Лавръ Миронычъ сами заѣзжали.

Михевна.

Хорошо, скажу.

Лавръ Миронычъ.

Только не забудь, пожалуйста.

Михевна.

Кто-жъ его знастъ? Долго-ль забыть-то! Какая память-то у меня плохая стала. Надо быть, что забуду.

Лавръ Миронычъ.

Сдѣлай милость, попомни!

Михевна.

Рада-бы радостью. Погоди, батюшка, я вотъ что: я вотъ сюда положу (*Кладетъ билетъ на столъ*). Коли я на грѣхъ забуду, такъ она сама увидитъ (*звонокъ*). Еще гости, ну! А можетъ и сама (*входитъ Флоръ Ѳедулычъ. Глафира Фирсовна входитъ изъ боковыхъ дверей*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лавръ Миронычъ, Михевна, Флоръ Ѳедулычъ, Глафира Фирсовна.

Михевна (*Флору Ѳедулычу*).

Нѣту самой-то. Подождете развѣ? (*Уходитъ*).

Глафира Фирсовна.

Ну, всѣ вмѣстѣ съѣхались.

Лавръ Миронычъ.

Дяденька, честь имѣю кланяться. Заѣхалъ пригласить Юлію Павловну.

Флоръ Ѳедулычъ.

Для чего-же это вамъ Юлія Павловна понадобилась?

Глафира Фирсовна.

Да онъ всю Москву приглашаетъ, такъ ужъ кстати.

Лавръ Миронычъ.

Всю Москву мнѣ и помѣстить негдѣ, а что касается до Юліи Павловны, то у насъ многія дамы лансье не танцуютъ, а онѣ въ этомъ танцѣ всегда отличались.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужъ ей, чай, не до танцевъ будетъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ, ужъ вы, Лавръ Миронычъ, Юлію Павловну оставьте въ покоѣ-съ.

Лавръ Миронычъ.

Какъ имъ будетъ угодно, я имъ билетъ оставилъ, вотъ здѣсь на столѣ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Совсѣмъ напрасно, совсѣмъ напрасно съ.

Лавръ Миронычъ.

Моя обязанность, дяденька, была учтивость соблюсти противъ нихъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я вамъ объяснять теперь не стану, послѣ сами узнаете, только напрасно, Лавръ Миронычъ, напрасно-съ.

Глафира Фирсовна.

Да убрать его, вотъ и вся не долга.

Флоръ Ѳедулычъ.

Приберите-съ.

Глафира Фирсовна (*беретъ билетъ*).

Я его себѣ возьму, на знакъ памяти. (*Про себя*). Вотъ на подвѣнечный его вуаль и положить (*кладетъ въ картонъ*). Онъ и мнѣ билетъ завезъ. Гдѣ это ты такой бумаги взялъ? Ужъ такая деликатность, такая деликатность.

Лавръ Миронычъ.

Заѣзжалъ, карточки для меню покупалъ, такъ понравилась бумага, я и взялъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

И меню напишете?

Лавръ Миронычъ.

Да-съ, разложить по кувертамъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Значитъ, у васъ будетъ ужинъ во всей формѣ?

Лавръ Миронычъ.

Гдѣ-же, дяденька, во всей формѣ? На это капиталу моего не хватитъ. Я думалъ сначала аля фуршетъ, да послѣ раздумалъ, что ужинъ будетъ солиднѣе.

Глафира Фирсовна.

Мороженое будетъ?

Лавръ Миронычъ.

Безъ мороженаго не возможно. Будетъ всѣхъ сортовъ.

Глафира Фирсовна.

А мое-то, которое я-то люблю?

Лавръ Миронычъ.

Это какое-же-съ?

Глафира Фирсовна.

Что въ стаканчикахъ-то подаютъ?

Лавръ Миронычъ.

Пунишъ глясе! Собственно для васъ особенное будетъ.

Глафира Фирсовна.

Вотъ спасибо. Только вели почаще подавать. Ты отсюда домой, что-ли? Такъ подвезъ-бы меня.

Лавръ Миронычъ.

Я нынче дома ближе ночи не буду-съ. Вотъ теперь занимаюсь цвѣтами. Къ бесѣдкѣ на площадку нужно померанцевыхъ деревьевъ въ кадкахъ. Ужинать будемъ на террасѣ, она парусиной покрыта; такъ чтобъ замаскировать потолокъ, хотимъ распланировать гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ. При всемъ томъ букеты нужны, при входѣ будемъ каждой дамѣ предлагать.

Глафира Фирсовна.

Чудесно, братъ.

Лавръ Миронычъ.

Опять-же объ музыкѣ безпокоюсь. Пріятно дяденька, полный оркестръ имѣть, и чтобъ настоящіе артисты были. За ужиномъ увертюру изъ „Аиды“; потому вещь новая. А ежели „Морской разбойникъ Цампа“, такъ это довольно обыкновенно.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я еще помню, когда изъ „Лодоиски“ играли и изъ „Калифа Багдадскаго“.

Лавръ Миронычъ.

А въ заключеніе „Барыню“ и человѣкъ двѣнадцать въ присядку пускались. Прошли, дяденька, тѣ времена. Европа-то-бы отъ насъ недалеко ушла, кабы у насъ, у людей со вкусомъ, по больше капиталу было.

Глафира Фирсовна.

Ты отсюда куда-же?

Лавръ Миронычъ.

Къ бутырской заставѣ въ оранжерею.

Глафира Фирсовна.

Ну, мнѣ не по дорогѣ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не безпокойтесь, я васъ доставлю.

Лавръ Миронычъ.

Дяденька, честь имѣю кланяться; Глафира Фирсовна равномѣрно и вамъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Флоръ Ѳедулычъ, Глафира Фирсовна, потомъ Михевна.

Глафира Фирсовна.

Люблю молодца за обычай! Удивитъ Москву Лавръ Миронычъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да ужъ онъ давно удивляетъ: задаетъ пиры, точно концессію получилъ.

Глафира Фирсовна.

Съ деньгами-то не мудрено: а попробуй-ка безъ денегъ шику задать! Тутъ очень много ума нужно.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ, ужъ либо очень много ума имѣть, либо совсѣмъ не имѣть ни ума, ни совѣсти. Вы зачѣмъ-же собственно къ Юліи Павловнѣ пожаловали?

Глафира Фирсовна.

Разсказать ей про друга-то хотѣла.

Флоръ Ѳедулычъ.

Какую-же въ этомъ надобность вы находите?

Глафира Фирсовна.

Ахъ, Боже мой, какую надобность!.. Вы, Флоръ Ѳедулычъ, стало-быть, женской натуры не знаете. Поди-ка, утерпи! Такъ тебя и подмываетъ, да чтобъ первой, что-бы кто другой не перебилъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ, ужъ эту непріятную обязанность я на себя возьму-съ.

Глафира Фирсовна.

Опять-же и то любопытно посмотрѣть, какъ она тутъ будетъ руками разводы разводить, да приговоры приговаривать. Вѣдь, ишь ты, подвѣнечное платье поѣхала заказывать, а тутъ вдругъ ударъ. Этакого представленія развѣ скоро дождешься?

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ, ужъ вы не извольте безпокоиться, изъ чужаго горя для себя спектакль дѣлать. Ежели не взять осторожности, такъ можетъ быть вредъ для здоровья Юліи Павловны. Поѣдемте, я васъ подвезу немного, а черезъ четверть часа я заѣду сюда опять, чтобы, сколько возможно успокоить ихъ.

Глафира Фирсовна.

А я къ ней вечеркомъ заѣду понавѣдаться. (*Изъ передней входитъ Михевна*).

Михевна.

Уѣзжаете? Какъ-же сказать-то Флоръ Ѳедулычъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Ничего не говорите. Я заѣду-съ. (*Флоръ Ѳедулычъ и Глафира Фирсовна уходятъ*).

Михевна.

Разъѣхались и слава Богу. Того и гляди, пріѣдетъ Ва-

димъ Григорьичъ; что хорошаго при чужихъ-то? Стыдъ головушкѣ. (*звонокъ*). Вотъ онъ должно быть и есть, либо сама. (*Входитъ Дергачевъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Михевна, Дергачевъ.

Дергачевъ.

Дома Юлія Павловна?

Михевна (*махаетъ рукой*).

Нѣту дома, нѣту, нѣту.

Дергачевъ.

Ну я подожду, хорошо, я подожду.

Михевна.

Да чего ждать? Шли-бы.

Дергачевъ.

Какъ: шли-бы? Это странно! Мнѣ нужно.

Михевна.

Да вы пріятель Вадима Григорьича, или сродственникъ ему доводитесь?

Дергачевъ.

Ну, пріятель, другъ, какъ хочешь.

Михевна.

Такъ мы его самого ждемъ; а ужъ вы то тутъ при чемъ-же? Еще кабы сродственникъ, такъ не выгонишь, потому свой; а коли посторонній, такъ Богъ съ тобой! Шелъ-бы въ самомъ дѣлѣ домой, что ужъ!

Дергачевъ.

Да коли я говорю, что у меня дѣло есть.

Михевна.

Ну, какое дѣло! Обыкновенно, съѣсть что нибудь послаще, винца выпить хорошенькаго, коли дома-то тонко. Какъ погляжу я на тебя, ты, должно быть, бѣдствуешь; все больше, чай, по людямъ кормишься.

Дергачевъ.

Что говоритъ, что говоритъ! Ахъ!

Михевна.

Такъ, милый человѣкъ, на все есть время. Вотъ будетъ свадьба, такъ милости просимъ, кушайте и пейте на здоровье, сколько душа потребуетъ, никто тебя не оговоритъ! Намъ не жалко, да не ко времени.

Дергачевъ.

Ахъ, чортъ возьми! Вотъ положеніе! Вотъ она дружба-то! Кто тебѣ говоритъ о съѣстномъ? Ничего мнѣ съѣстнаго не нужно, пойми ты! Мнѣ надо говорить съ Юліей Павловной!

Михевна.

Объ чемъ говорить! Все переговорено, все покончено. Не твоего это ума дѣло. Заходи въ другой разъ, я тебя попотчую, а теперь не прогнѣвайся.

Дергачевъ.

Ничего мнѣ отъ тебя не надо, никакого потчиванья.

Михевна.

Ну, какъ можно! Шелъ далеко и усталъ, и проголодался. По всему видно, что человѣкъ тощій. Да, милый, не въ разъ ты попалъ.

Дергачевъ.

Какъ съ такой бабой говорить! Вотъ тутъ и сохраняй свое достоинство.

Михевна.

Коли въ правду что нужно, такъ подожди у воротъ, а то лѣзешь прямо въ комнаты.

Дергачевъ.

А! У воротъ! Съ ума можно сойти.

Михевна.

Поди, поди, Богъ съ тобой! Честью тебя просятъ.

Дергачевъ.

Не пойду я, отойди отъ меня.

Михевна.

Такъ неужто за квартальнымъ послать! (*Звонокъ*). Эхъ, страмникъ! Во всемъ домѣ только бабы однѣ, а онъ лѣзетъ насильно (*входитъ Юлія Павловна*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дергачевъ, Юлія Павловна, Михевна.

Юлія (*быстро*).

Вадимъ Григорьичъ еще не пріѣзжалъ?

Михевна.

Нѣту, матушка, много гостей было, а онъ не пріѣзжалъ. Да вотъ тутъ пріятель его толчется, невѣсть, чего ему нужно, не выживу никакъ.

Юлія (*увидавъ Дергачева*).

Ахъ, Лука Герасимычъ, я васъ и не вижу. Вы отъ Вадима Григорьича?

Дергачевъ.

По его порученію-съ.

Михевна.

Такъ-бы и говорилъ, а то лепечетъ безъ толку.

Юлія.

Оставь насъ, Михевна (*Михевна уходитъ*). Что здоровъ? Онъ пріѣдетъ сегодня? Конечно пріѣдетъ. Скоро онъ пріѣдетъ?

Дергачевъ.

Нѣтъ, вы не ждите, онъ никакъ не можетъ.

Юлія (*съ испугомъ*).

Какъ? Почему? Болѣнъ онъ? Захворалъ вдругъ? Да говорите-же!

Дергачевъ.

Совершенно здоровъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Юлія.

Не можетъ быть, вы лжете. Онъ-бы долженъ сказать, предупредить меня (*потерявшись*). Какъ-же это?

Дергачевъ.

Онъ теперь долженъ быть... позвольте... на какой станціи?... Я думаю въ Клину-съ.

Юлія.

Почему-же онъ не предупредилъ меня? Что все это значитъ? Да скажите-же ради Бога!

Дергачевъ.

Почему не предупредилъ? Я это не знаю-съ. Это, вѣроятно, въ послѣдствіи объяснится.

Юлія.

Когда въ послѣдствіи? Зачѣмъ въ послѣдствіи, отчего не теперь? Да что-же это такое значитъ?

Дергачевъ.

Онъ, вѣроятно, скоро напишетъ мнѣ изъ Петербурга.

Юлія.

Вамъ? Да онъ мнѣ долженъ писать, а не вамъ. Что это, что это (*плачетъ*)...

Дергачевъ.

Конечно, и вамъ напишетъ; вы не безпокойтесь!...

Юлія.

Вѣдь у насъ день свадьбы назначенъ. Вы знаете, вы слышали, что въ среду наша свадьба.

Дергачевъ.

Нужно отложить-съ.

Юлія.

Да на долго-ли? Когда этому конецъ будетъ? На долго-ли еще откладывать?

Дергачевъ.

На неопредѣленное время-съ.

Юлія.

Нѣтъ у него жалости ко мнѣ. Истерзалась я, истерзалась. Лука Гераспмычъ, ну, будьте судьей. Назначить черезъ пять дней свадьбу и вдругъ уѣхать, не сказавшись. Ну развѣ это дѣлаютъ? Честно это? Ну развѣ это не мученіе для женщины? За что-же, ну, скажите, за что-же. Отчего же не показался? Говорите, отчего онъ не показался?

Дергачевъ.

Можетъ быть, ему совѣстно.

Юлія (*съ испугомъ*).

Совѣстно? Что-же онъ сдѣлалъ? Что-же сдѣлалъ?

Дергачевъ.

Онъ ничего не сдѣлалъ-съ. Денегъ нѣтъ у него, а сегодня по векселю платить нужно.

Юлія.

Какъ нѣтъ денегъ? У него были деньги, я знаю, что были. Это вздоръ!

Дергачевъ.

Да онъ получилъ вчера какихъ-то шесть тысячъ. Такъ велики-ли деньги, надолго-ль ему? Онъ имѣлъ несчастіе, или, лучше сказать, неосторожность—проиграть ихъ тутъ-же въ полчаса. Развѣ вы его не знаете?

Юлія.

Что вы говорите? Ужъ и не вѣрится. Да нѣтъ, не можетъ быть, нельзя ему проиграть этихъ денегъ: они слишкомъ дороги для него и для меня. Слышите вы, — слишкомъ дороги!

Дергачевъ.

А вотъ проигралъ-съ. Я останавливалъ; да что-же дѣлать, — слабость.

Юлія.

Ахъ, нѣтъ! Безсовѣстно, безбожно! Не оправдывайте его! Грѣхъ проиграть эти деньги, обида кровная, чему вѣрить послѣ этого! Всего можно ждать отъ такого человѣка. (*Задумывается*).

Дергачевъ.

Я Вадима не оправдываю, оправданій ему нѣтъ.

Юлія.

Скажите, еще-то что, что еще-то?

Дергачевъ.

Ахъ, не спрашивайте! Вы разстроены... уѣхалъ въ Петербургъ за деньгами, вотъ и все. Что я вамъ могу еще сказать?

Юлія (*съ трудомъ выговаривая слова*).

Очень-то дурнаго ничего нѣтъ?

Дергачевъ.

Не знаю, не знаю-съ. Я все сказалъ, что мнѣ приказано.

Юлія.

А!! Вы говорили, что вамъ приказано? Вы говорили не то, что было, что знаете, а то, что вамъ приказано; значитъ, вы говорите неправду, вы меня обманываете? (*покачавъ головой*). Видно всѣ вы одинаковы! Вамъ ничего не стоитъ обмануть женщину. Безсовѣстные, безсовѣстные!

Дергачевъ.

Я лучше уйду-съ, что мнѣ въ чужомъ пиру похмѣлье принимать!

Юлія.

Да ступайте, кто васъ держитъ... Погодите... Надо-же мнѣ знать... Совсѣмъ что-ли онъ хочетъ меня бросить? Такъ вы-бы и говорили! Да и какъ еще онъ смѣетъ это сдѣлать? Какъ смѣетъ?

Дергачевъ.

Помилуйте, какъ я могу отвѣчать вамъ на такіе вопросы?

Юлія.

А не можете, такъ зачѣмъ вы пришли? Зачѣмъ вы пришли, я васъ спрашиваю?.. Только разстроивать, только мучить меня.

Дергачевъ.

Меня послали къ вамъ, я и пришелъ, и сказалъ все, что велѣно.

Юлія.

Да, вѣдь, не вѣрю я вамъ; ни вамъ, ни ему, не вѣрю я ни въ одномъ словѣ. Какой-же тутъ разговоръ?

Дергачевъ.

Не вѣрите, а сами спрашиваете. Я ухожу, Юлія Павловна, прощайте!

Юлія.

Давно-бы вамъ догадаться? (*садится къ столу*). Развѣ вы не видите, въ какомъ я положеніи? (*Дерачевъ идетъ къ двери*). Ахъ, постойте! (*Дерачевъ останавливается*). Нѣтъ, прощайте. (*Дерачевъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Юлія (*одна*).

Точно сердце чувствовало, такъ вотъ и ждала, что какая нибудь помѣха случится... Однако совѣстно ему: не показался... Ну, да какъ не совѣститься!.. Проигралъ деньги, которыя я съ такимъ стыдомъ... А, вѣдь, покажись, пожалуй, простила-бы... ну, само собой, простила-бы... боится меня. Нѣтъ, еще есть въ немъ совѣсть, значитъ, еще не совсѣмъ онъ испорченъ... Въ Петербургъ поѣхалъ за деньгами... Какія у него тамъ деньги... Долго-ль онъ за ними проѣздитъ?.. Ничего неизвѣстно... Пожалуй, цѣлый мѣсяцъ пройдетъ. А въ мѣсяцъ мало-ли что можетъ случиться... Чего не передумаешь!.. Съ ума можно сойти... Давеча этотъ цвѣтокъ, этотъ иммортель. . какъ онъ очутился въ картонѣ? И не трогала я этого картона, до нынѣшняго дня не прикасалась къ нему... Понять не могу. (*Смотритъ въ картонъ*). Это еще что такое? (*Вынимаетъ приглашательный билетъ и читаетъ*). „Лавръ Мироновичъ Прибытковъ покорнѣйше проситъ сдѣлать ему честь — пожаловать на балъ и вечерній столъ по случаю помолвки дочери его Ирины Лавровны съ Вадимомъ Григорьичемъ Дульчинымъ". (*Протираетъ глаза рукой и снова читаетъ*). „Съ Вадимомъ Григорьичемъ Дульчинымъ"... Михевна, Михевна! (*Входитъ Михевна*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Юлія Павловна, Михевна.

Юлія.

Кто... кто былъ безъ меня? Вотъ это кто привезъ?

Михевна.

Лавръ Миронычъ, матушка.

Юлія (*безсознательно*).

Лавръ Миронычъ.. Лавръ Миронычъ... на балъ и вечерній столъ...

Михевна.

Да, матушка, очень просили съ.

Юлія (*едва переводя духъ*).

Очень просили... По случаю помолвки Ирины Лавровны съ Вадимомъ Григорьичемъ Дульчинымъ.

Михевна.

Что ты, матушка, Богъ съ тобой! Развѣ другой какой!..

Юлія.

Нѣтъ, онъ, Михевна, сердце говоритъ, что онъ... (*громко*). Онъ, онъ! (*встаетъ*). Михевна. я поѣду, я поѣду.. Давай шляпку!...

Михевна.

Зачѣмъ, матушка, зачѣмъ ѣхать?

Юлія.

Надо ѣхать, надо... Я поѣду сейчасъ.

Михевна.

Куда? Что ты! Не пущу.

Юлія.

Да мнѣ видѣть его только; въ глаза посмотрѣть... Какіе у него глаза-то...

Михевна.

Въ такомъ ты огорченіи, да со двора ѣхать! Нѣтъ, нѣтъ!

Юлія.

Захотѣлъ онъ меня обидѣть, ну, Богъ съ нимъ!.. Я съ него потребую, я возьму деньги мои... Вѣдь какъ-же мнѣ жить-то? Вѣдь всѣ онъ взялъ. (*Входитъ Флоръ Федульичъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Юлія Павловна, Михевна, Флоръ Ѳедулычъ.

Юлія.

Ахъ, Флоръ Ѳедулычъ, горе, горе! (*Показываетъ бумаги*). Вотъ посмотрите!

Флоръ Ѳедулычъ (*Взглянувъ на Михевну*).

Какая неосторожность-съ.

Михевна.

Да развѣ я, батюшка, знала?

Юлія.

Флоръ Ѳедулычъ, помогите! Хоть-бы деньги-то мнѣ воротить, хоть-бы деньги-то!

Флоръ Ѳедулычъ.

Вамъ одно остается, Юлія Павловна, пренебречь!

Юлія.

Конечно, не надо мнѣ его, не надо. А деньги-то Флоръ Ѳедулычъ, вѣдь почти все мое состояніе... Я хочу получить.

Флоръ Ѳедулычъ.

Получить съ него невозможно-съ; но вы не безпокойтесь.

Юлія.

Нѣтъ, я возьму... За что-же? Послѣ такой обиды... Нѣтъ, помилуйте, за что-же я ему подарю?..

Флоръ Ѳедулычъ.

У него ничего нѣтъ-съ.

Юлія.

Какъ нѣтъ? Есть у него имѣніе большое, богатое.... Онъ мнѣ планы показывалъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Положительно ничего нѣтъ-съ. Я вѣрныя извѣстія имѣю. Было послѣ отца имѣніе, да давнымъ давно продано и прожито-съ.

Юлія (*съ испугомъ*).

Значитъ, и это былъ обманъ. (*Едва держится*). Обманъ! Все, все брошено даромъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Успокойтесь, успокойтесь!

Юлія.

Я покойна... Да неужели, да неужели онъ такъ безстыденъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Вы очень довѣрчивы-съ... Пренебречь его слѣдуетъ, пренебречь!

Юлія.

Ограблена и убита! (*садится*). Я нищая, обнженная совсѣмъ... За что-же они еще смѣются-то на домной, на свадьбу-то приглашаютъ? Ахъ, ахъ! (*Обморокъ*).

Флоръ Ѳедулычъ (*Михевнѣ*).

Имъ дурно. Поскорѣй спирту, что нибудь-съ. (*Михевна уходитъ*).

Юлія (*въ бреду*)

Сѣроватое платье-то себѣ заказала... Правду люди-то говорили, а я не вѣрила... Теперь какъ-же?.. Двѣ у него невѣсты-то? Сѣроватое я платье-то... я заказала. Ахъ, нѣтъ, желтоватое. (*Нѣсколько придя въ себя*). Ахъ, что это я говорю!... (*Тихонько смѣется*). Ха, ха, ха! Флоръ Ѳедулычъ! Ха, ха, ха! (*Подаетъ руку Флору Ѳедулычу. Входитъ Михевна*). Надѣть подвѣнечное платье и флеръ д' оранжъ да и ѣхать на балъ... ха, ха, ха!.. Они рядомъ будутъ сидѣть... взять бокалъ... Совѣтъ вамъ да любовь... ха, ха, ха! Ну, поцѣлуйтесь! (*Обморокъ*).

Флоръ Ѳедулычъ (*Михевнѣ*).

Опять обморокъ и руки похолодѣли! Этимъ не шутятъ-съ; скорѣй за докторомъ съ... Это ужъ близко смерти-съ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Лица:

Дульчинъ.
Дергачевъ.
Салай Салтанычъ.
Ирина.
Глафира Фирсовна.
Юлія Павловна.
Флоръ Ѳедулычъ.
Мардарій, человѣкъ Дульчина.

Богато убранный кабинетъ; ни книгъ, ни бумагъ, вообще никакихъ признаковъ умственной работы не замѣтно. Большой письменный столъ, на немъ два-три юмористическихъ листа, чернильница со всѣмъ приборомъ, револьверъ и фотографическій портретъ. Двѣ двери, одна въ глубинѣ въ залу, другая съ лѣвой стороны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дульчинъ. (*Входитъ изъ боковой двери*), потомъ Мардарій.

Дульчинъ.

Эй, Мардарій! (*Входитъ Мардарій*). Кто тамъ звонилъ?

Мардарій.

Да старуха эта оттуда, какъ её!?

Дульчинъ.

Какая старуха?

Мардарій.

Отъ Юліи Павловны.

Дульчинъ.

Михевна?

Мардарій.

Да. Михевна.

Дульчинъ.

Что ей надо?

Мардарій.

За портретомъ приходила.

Дульчинъ.

За какимъ портретомъ?

Мардарій.

Вотъ за этимъ самымъ-съ.

Дульчинъ.

На что ей портретъ?

Мардарій.

Кто-жъ ихъ знаетъ? Нужно, говоритъ.

Дульчинъ.

Да кому нужно-то. Юліи Павловнѣ что ли?

Мардарій.

Ничего этого она не говоритъ, ладитъ одно: нужно, очень нужно, вотъ и всё.

Дульчинъ.

Что-же ты?

Мардарій.

Говорю: баринъ въ Петербургъ уѣхалъ, отдать нельзя, потому намъ трогать ничего не приказано.

Дульчинъ.

Что-жъ повѣрила?

Мардарій.

Какъ ихъ разберешь? Морщится какъ-то стоитъ. Не то она плачетъ, не то смѣется. А словно какъ не вѣритъ.

Дульчинъ.

А дальше что?

Мардарій.

Объ чемъ еще съ ней разговаривать? Заперъ дверь, она домой ушла.

Дульчинъ.

Одѣваться приготовилъ?

Мардарій.

Приготовилъ.

Дульчинъ.

Фракъ?

Мардарій.

Фракъ.

Дульчинъ.

И сапоги лаковые?

Мардарій.

Все, какъ слѣдуетъ.

Дульчинъ.

Достань брилліантовыя запонки.

Мардарій.

Что-жъ, и запонки можно.

Дульчинъ.

Завтра поутру я встану поздно.

Мардарій.

По обыкновенію.

Дульчинъ.

Нѣтъ, позднѣй обыкновеннаго. Такъ приготовь ты мнѣ къ завтраку бифштексъ хорошій, сочный (*звонокъ*). Кто тамъ еще? Если кто изъ кредиторовъ, такъ ты...

Мардарій.

Да ужъ знаю, не привыкать стать.

Дульчинъ.

Только ты разнообразь свою фантазію; а то всѣмъ одно и тоже (*Мардарій уходитъ*). Надо у Салая денегъ взять, потребуются расходы. Надо казаться богатымъ женихомъ, а это не дешево стоитъ (*входитъ Дергачевъ въ старомодномъ фракѣ завитъ весьма не искусно барашкомъ, держитъ себя важно*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Дульчинъ, Дергачевъ, (*потомъ*) Мардарій.

Дергачевъ.

Здравствуй, Вадимъ! Вопервыхъ не безпокойся, тамъ все благополучно: я устроилъ. Ну, душа моя, поѣдемъ.

Дульчинъ.

Куда это?

Дергачевъ.

Къ Прибытковымъ.

Дульчинъ.

Съ этихъ-то поръ?

Дергачевъ.

Развѣ рано? Ну, подождемъ (*важно ходитъ по комнатѣ*).

Дульчинъ.

Зачѣмъ же вихры-то у тебя? Да еще въ разныя стороны торчатъ.

Дергачевъ.

Ахъ, оставь. Я знаю, что я дѣлаю. Хорошо тебѣ, — ты красавецъ. Я тебя не льщу, ты замѣть, я не льщу никогда... Ты красавецъ, тебѣ прикрасъ не нужно; а съ моей фигурой и физіономіейнадо-же что-нибудь.

Дульчинъ.

Сомнѣваюсь, чтобъ такіе вихры могли кому-нибудь служить украшеніемъ.

Дергачевъ.

Я прошу тебя, оставь! Пожалуйста, безъ сарказмовъ. Это ужъ мое дѣло.

Дульчинъ.

И фракъ подгулялъ.

Дергачевъ.

Фракъ! Ну что-жъ такое фракъ? Гдѣ я возьму? Фракъ еще ничего... Ты скажи тамъ всѣмъ, что я оригиналъ,

ну, и кончено... что я могу хорошо одѣваться, да не хочу. Мало-ли какіе оригиналы бываютъ.

Дульчинъ.

Если ты находишь оригинальнымъ ходить въ засаленомъ фракѣ...

Дергачевъ.

Ну, оставь-же, я тебя прошу.

Дульчинъ (*ложась на диванъ*).

Однако, я не совсѣмъ хорошо себя чувствую.

Дергачевъ.

Что съ тобой?

Дульчинъ.

Гадко спалъ сегодня.

Дергачевъ.

Отчего это?

Дульчинъ.

Все такп, какъ хочешь, важный шагъ, милліонное дѣло; да ужъ очень совѣстно передъ Юліей.

Дергачевъ.

Ты въ сантиментальномъ расположеніи.

Дульчинъ.

Какъ не толкуй, какъ не поворачивай дѣло, а вѣдь я поступилъ съ ней жестоко. Да, съумѣлъ я устроить свою жизнь, что ни шагъ, то подлость. Нѣтъ, довольно. Сколько мученій, сколько вотъ такихъ ночей! А тоска, братецъ!... Кончено! Давай руку.

Дергачевъ.

Зачѣмъ?

Дульчинъ.

Я, Лука, человѣкъ слабый, распущенный, вотъ мое несчастіе. Мнѣ непремѣнно нужно торжественно поклясться передъ кѣмъ-нибудь, дать честное слово, оно меня будетъ удерживать.

Дергачевъ.

Ну, изволь, на!

Дульчинъ.

Вотъ тебѣ честное, благородное слово, что это послѣдняя глупость въ моей жизни. И я сдержу свое слово. Пора быть честнымъ человѣкомъ.

Дергачевъ.

Да, ужъ это ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ.

Дульчинъ.

Да и гораздо покойнѣе для себя-то, ты пойми!

Дергачевъ.

Еще-бы!

Дульчинъ.

Ну что Юлія, какъ она?

Дергачевъ.

Ничего; задумалась, можетъ быть, плачетъ. Я ей сказалъ, что скоро она получитъ извѣстіе отъ тебя.... Теперь тебѣ остается написать ей честное, откровенное письмо.

Дульчинъ.

Письмо написать не долго, но какъ избѣжать объясненій. А вѣдь это, я тебѣ скажу, такая непріятная исторія! Женскія слезы для меня ножъ острый.

Дергачевъ.

Объясненія предоставь мнѣ. На то и друзья, что-бы все непріятное сваливать на нихъ. Ну, душенька, вставай, поѣдемъ.

Дульчинъ.

Рано еще. Кто-жъ ѣздитъ на вечеръ засвѣтло?

Дергачевъ.

Если ты еще нескоро поѣдешь, такъ что-жъ моимъ лошадямъ стоять! Послушай, нѣтъ-ли у тебя чего нибудь мелочи, кучеру дать на чай. Пусть онъ съѣздитъ, пока чаю напьется.

Дульчинъ.

Какому кучеру? Откуда у тебя кучеръ?

Дергачевъ.

Ну, извощикъ, развѣ это не все равно? Я къ тебѣ въ каретѣ пріѣхалъ.

Дульчинъ.

Съ какой стати? Другъ мой, не вдавайся въ роскошь, она ведетъ къ погибели.

Дергачевъ.

Отчего-же не позволить себѣ изрѣдка. Все съ тобой, все на чужой счетъ, точно приживалка. Ты самъ по себѣ пріѣдешь, а я самъ по себѣ, больше тону. (*Входитъ Мардарій*).

Мардарій.

Дама какая-то желаетъ васъ видѣть.

Дульчинъ (*вставая съ дивана*).

Незнакомая? Не Юлія Павловна?

Мардарій.

Никакъ нѣтъ-съ.

Дульчинъ.

Проси сюда. (*Дергачеву*). Убирайся! (*Мардарій уходитъ*).

Дергачевъ.

Куда-же мнѣ?

Дульчинъ.

Куда хочешь.

Дергачевъ.

Мнѣ-бы только посмотрѣть, что это за дама такая.

Дульчинъ.

Ступай въ залу, взгляни и останься тамъ и не смѣй сюда носу показывать. (*Дергачевъ уходитъ. Входитъ Ирина*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Дульчинъ, Ирина.

Дульчинъ.

Кого я вижу! Ирина Лавровна!

Ирина.

Ахъ, Вадимъ, ахъ!

Дульчинъ.

Какими судьбами? Я сейчасъ самъ къ вамъ собирался...

Ирина.

Нѣтъ, нѣтъ, Вадимъ, не надо.

Дульчинъ.

Какъ, что такое, что случилось?

Ирина.

Бѣжимъ.

Дульчинъ.

Куда?

Ирина.

Куда хочешь, только подальше отъ Москвы, подальше отъ людей.

Дульчинъ.

Чѣмъ-же намъ люди мѣшаютъ? Зачѣмъ бѣжать?

Ирина.

Зачѣмъ? Ты спрашиваешь? Затѣмъ, что-бы утонать въ блаженствѣ.

Дульчинъ.

Да утонать въ блаженствѣ мы можемъ и здѣсь.

Ирина.

Ахъ, это такая проза, такъ обыкновенно, такъ пошло...

Дульчинъ.

Ваша правда, но за то блаженство будетъ прочнѣе, потому что съ благословеніемъ родительскимъ соединяются и другія блага, которыя необходимы въ жизни.

Ирина.

Но я, Вадимъ, боюсь.

Дульчинъ.

Чего, моя фея, чего?

Ирина.

Насъ могутъ разлучить, есть препятствіе...

Дульчинъ.

Я знаю, про какое препятствіе ты говоришь... Я ожидалъ этого... Не бойся, она... то есть, это препятствіе не помѣшаетъ. Когда я желаю достигнуть цѣли, я знать не хочу никакихъ препятствій.

Ирина.

Какой высокій, благородный характеръ! Вотъ и у меня такой-же: видишь какая я смѣлая. Итакъ, Вадимъ, или бѣжать, или сейчасъ-же вѣнчаться; чтобъ ничто не могло помѣшать намъ.

Дульчинъ.

Сейчасъ нельзя, это такъ скоро не дѣлается.

Ирина.

Какъ ты хочешь, но ужъ я тебя не оставлю, я готова на всё.

Дульчинъ.

Какъ не оставишь? Что это значитъ?

Ирина.

Я къ тебѣ совсѣмъ, я не уйду отъ тебя.

Дульчинъ.

Ирина, подумай!

Ирина.

Нѣтъ, нѣтъ; иначе-бы я не была достойна тебя. Ты мой и никто насъ не разлучитъ. Вадимъ, ты искалъ страстной любви... счастливецъ, ты ее нашелъ! (*Бросается на шею къ Вадиму. Звонокъ*).

Дульчинъ.

Постой, погоди! Кто-то звонитъ. Войди на минуту вотъ сюда. (*Провожаетъ Ирину въ боковую дверь и идетъ къ нему. Входитъ Салай Салтанычъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дульчинъ. Салай Салтанычъ.

Дульчинъ.

Салай Салтанычъ, вотъ кстати.

Салай.

Я всегда кстати, мы не ходимъ не кстати

Дульчинъ.

Денегъ, Салай, денегъ! Давай больше!

Салай.

Зачѣмъ шутить? Шутить не надо.

Дульчинъ.

Какія шутки? Я тебѣ серьезно говорю, мнѣ нужны деньги.

Салай.

Кому не нужны? Всѣмъ нужны. И мнѣ нужны. Заплати по векселю.

Дульчинъ.

По какому векселю? Ты никакъ съ ума сошелъ. Ты обѣщалъ ждать и самъ-же кредитъ предлагалъ. Ну вчера, вчера, помнишь? Ты опомнился-ли со вчерашняго-то?

Салай.

Вчера былъ день, — нынче другой; вчера было дѣло, — нынче другое.

Дульчинъ.

Бѣлены что-ль ты объѣлся?

Салай.

Я дома хорошій шашлыкъ ѣлъ, кахетинскій пилъ, бѣлены не кушалъ. Плати деньги!

Дульчинъ.

Да ты много кахетинскаго-то выпилъ?

Салай.

Самый мѣра, сколько надо. Мы много не пьемъ: бутылка—другой выпилъ, довольно. Зачѣмъ разговоръ? Плати деньги!

Дульчинъ.

Откуда я тебѣ возьму? Ты мои дѣла знаешь: мои деньги впереди, пока у меня только надежда.

Салай.

Твоя надежда, —ничего! Никто грошъ не дастъ.

Дульчинъ.

Но вѣдь ты самъ вѣрилъ, ты самъ меня жениться заставлялъ.

Салай.

Кто зналъ?.. Онъ пустой человѣкъ, дрянь человѣкъ. Тебя обманулъ, меня обманулъ, всѣхъ обманулъ.

Дульчинъ.

Кто „онъ“? Кто обманулъ?

Салай.

Лавръ Миронычъ. Онъ фальшивый векселя дѣлалъ.

Дульчинъ.

Фальшивый? Зачѣмъ?

Салай.

Дисконтъ отдавалъ, деньги бралъ.

Дульчинъ.

На чье-же имя?

Салай.

Зачѣмъ далеко ходить? Дядя есть, Флоръ Ѳедулычъ. Чего долго думать?

Дульчинъ.

Ну что-жъ Флоръ Ѳедулычъ? Да говори толкомъ!

Салай.

Нынче узналъ, нынче и деньги платилъ.

Дульчинъ.

Заплатилъ таки?

Салай.

А не заплати, — Лавръ Миронычъ въ Сибирь гуляй. А теперь мало мало сидитъ въ ямѣ; дѣло знакомый, не привыкать.

Дульчинъ.

Да ты видѣлъ Флора Ѳедулыча?

Салай.

Сейчасъ видѣлъ, въ Троицкомъ съ нимъ сидѣлъ, долго говорилъ.

Дульчинъ.

А какъ-же внучка, Ирина Лавровна?

Салай.

А внучка чѣмъ виновата? Ея дѣло сторона.

Дульчинъ.

Значитъ, его расположеніе къ ней не измѣнилось?

Салай.

За что обижать?

Дульчинъ.

И приданое дастъ?

Салай.

Обижать не будетъ.

Дульчинъ.

Да сколько дастъ-то?

Салай.

Не обидитъ.

Дульчинъ.

Да говори! Вѣдь ужъ ты выспросилъ, вызналъ все; развѣ ты утерпишь?

Салай.

Говорилъ, пять тысячъ дамъ. Его слову вѣрить можно, купецъ обстоятельный, какъ сказалъ, такъ и будетъ.

Дульчинъ.

Ты меня зарѣзалъ.

Салай.

Кто тебя рѣзалъ? Самъ себя рѣзалъ. Деньги платить будешь?

Дульчинъ.

Разумѣется, не буду; откуда я возьму?

Салай.

Такъ и знать будемъ. А мнѣ что съ тобой дѣлать, скажи! Совѣтуй, сдѣлай милость.

Дульчинъ.

Мое дѣло было занимать, а ужъ получай съ меня, какъ знаешь; это твое дѣло. Не мнѣ тебя учить.

Салай.

И за то спасибо, прощай! (*Уходитъ. Вбѣгаетъ Дергачевъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дульчинъ, Дергачевъ.

Дергачевъ.

Я слышалъ, все слышалъ. Какое несчастіе, какое ужасное несчастіе, Видимъ!

Дульчинъ (*хохочетъ*).

Милліоны-то какъ скоро растаяли.

Дергачевъ.

Значитъ, ѣхать не зачѣмъ. Какъ-же карета?...

Дульчинъ.

Какой урокъ, какой урокъ!

Дергачевъ.

Куда я дѣнусь съ каретой?

Дульчинъ (*не слушая*).

Но!!. Падать духомъ не надо: еще не все потеряно. Юлія меня выручитъ.

Дергачевъ.

Развѣ отпустить карету, да велѣть завтра пріѣхать за полученіемъ?

Дульчинъ.

Вотъ когда узнаешь цѣну истинной любви.

Дергачевъ.

А потомъ опять „завтра" и такъ до безконечности. Денегъ у меня нѣтъ. вѣдь я для тебя напрималъ...

Дульчинъ.

Къ ней, сейчасъ-же къ ней! Ручки, ножки цѣловать. Лука, я тебѣ клялся, что больше не сдѣлаю ни одной глупости въ жизни; я тебѣ повторяю эту клятву, торжественно повторяю. Ты её помни.

Дергачевъ.

Да я ее помню... А какъ-же мнѣ съ каретой-то?

Дульчинъ.

А мнѣ что за дѣло? (*Подойдя къ боковой двери*). Ирина Лавровна! (*Ирина выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дульчинъ, Дергачевъ, Ирина.

Дульчинъ.

Ирина Лавровна, теперь я знаю препятствіе, которое мѣшаетъ нашему блаженству.

Ирина.

Вы знаете? (*Кланяется Дорачову*).

Дульчинъ.

И, къ несчастію, онъ такъ серьезно, что вамъ надо будетъ отправляться къ родителю.

Ирина.

Что это значитъ, Вадимъ Григорьевичъ?

Дульчинъ.

У меня сейчасъ былъ Салай Салтанычъ: вы вѣроятно слышали хоть часть нашего разговора?

Ирина.

Я не имѣю обыкновенія подслушивать.

Дульчинъ.

Онъ мнѣ передалъ, какое несчастіе случилось съ вашимъ родителемъ.

Ирина.

Ну, такъ что-же? Это до меня не касается.

Дульчинъ.

Нѣтъ-съ, въ такомъ положеніи оставлять родителя не слѣдуетъ: ваша обязанность — утѣшать его въ горѣ.

Ирина.

Со мной шутить нельзя, Вадимъ Григорьичъ. Мнѣ здѣсь лучше, чѣмъ дома, и я отсюда не выйду. Вы завлекли меня до того, что я прибѣжала въ вашу квартиру, въ квартиру молодого чѣловѣка; для меня отсюда только одинъ выходъ: подъ вѣнецъ!

Дульчинъ.

Можно и подъ вѣнецъ, только нѣтъ никакой надобности.

Ирина.

Какъ нѣтъ надобности?

Дульчинъ.

Рѣшительно никакой! У васъ приданаго только пять тысячъ, у меня ни копѣйки и пропасть долгу.

Ирина.

Гдѣ-же ваше состояніе?

Дульчинъ.

Было когда-то; но отъ него осталось одно только воспоминаніе и ужъ я давнымъ давно голъ, какъ соколъ и кругомъ въ долгу. Но меня очень полюбили мои кредиторы и не захотѣли ни зачто разстаться со мной. Они меня ссужали постоянно деньгами, на которыя я и жилъ по-барски, но ссужали не даромъ. За меня вдвое, втрое заплатила имъ одна бѣдная женщина. То есть, она была богата, а мы ее сдѣлали бѣдной. Теперь она ограблена и кредиту больше нѣтъ. На дняхъ меня посадятъ въ яму, а по выходѣ изъ ямы мнѣ предстоитъ одно занятіе: по погребамъ венгерскіе танцы танцовать за двугривенный въ вечеръ: „чибирякъ, чибирякъ, чибиряшечьки“!..

Ирина.

Ахъ, какая гадость!

Дульчинъ.

„Съ голубыми ты глазами, моя душечка!“ Угодно вамъ идти со мною подъ вѣнецъ?

Ирина.

Я думала, что вы очень богаты.

Дульчинъ.

И я думалъ, что вы очень богаты.

Ирина.

Какъ я ошиблась.

Дульчинъ.

И я ошибся

Ирина.

Но какъ же вы говорили, что вы ищете страстной любви

Дульчинъ.

Отчего-же мнѣ не говорить?

Ирина.

Но какъ вы смѣли обращаться съ такими словами къ дѣвушкѣ?

Дульчинъ.

Однако вы слушали мои слова очень благосклонно...

Ирина.

По какое вы имѣли право желать страстной любви?

Дульчинъ.

Всякій смертный имѣетъ право желать страстной любви

Ирина.

Скажите пожалуйста! Человѣкъ, ничего неимѣющій, требуетъ какой-то бѣшеной, африканской страсти. Да послѣ этого всякій приказчикъ, всякій ничтожный человѣкъ... Нѣтъ, ужъ это извините-съ. Только люди съ большимъ состояніемъ могутъ позволять себѣ такія фантазіи, а у васъ ничего нѣтъ и я васъ презираю.

Дульчинъ.

На ваше презрѣніе, я желалъ-бы вамъ отвѣтить самой страстной любовью, но... что вы сказали о мужчинахъ, тоже слѣдуетъ сказать и о женщинахъ: на страстную любовь имѣютъ право только женщины съ большимъ состояніемъ.

Ирина.

Вы невѣжа, и больше ничего.

Дульчинъ.

Что вы сердитесь? Оба мы ошибались одинаково и намъ другъ на друга претендовать нельзя. Мы люди съ возвышенными чувствами и, чтобы удивлять міръ своимъ благородствомъ, намъ недостаетъ пустяковъ, — презрѣннаго металла. Такъ вѣдь это не порокъ, а только несчастіе. И потому дайте руку и разстанемся друзьями.

Ирина.

Конечно и я тоже виновата (*подаетъ руку*).

Дульчинъ.

Ну, вотъ! Зачѣмъ ссориться? Жизнь велика, мы можемъ встрѣтиться при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Ирина.

Ахъ, кабы это случилось!

Дульчинъ.

И непремѣнно случится, я въ свою звѣзду вѣрю: такіе люди, какъ я не пропадаютъ. А теперь садитесь въ карету и поѣзжайте домой (*Дерачеву*). Бѣдный другъ мой, проводи Ирину Лавровну. Вотъ и для твоей кареты работа нашлась (*почтительно цѣлуетъ руку Ирины*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дульчинъ (одинъ).

Дульчинъ.

Я даже радъ, что дѣло такъ кончилось, на совѣсти покойнѣе. Да и по русской пословицѣ: „старый другъ лучше новыхъ двухъ“. Она хоть и говоритъ, что больше у нея денегъ нѣтъ, да какъ-то плохо вѣрится, поглядишь, и найдется. Оно точно, я просилъ послѣдней жертвы, да вѣдь это только такъ говорится. Послѣднихъ можетъ быть много, да еще нѣсколько ужъ самыхъ послѣднихъ (*входитъ Глафира Фирсовна*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дульчинъ, Глафира Фирсовна.

Дульчинъ.

Глафира Фирсовна, очень радъ васъ видѣть

Глафира Фирсовна

Хоть-бы ты и не радъ, да нечего дѣлать, я по должности съ обыскомъ пришла (*осматриваетъ комнату*).

Дульчинъ.

Отъ кого, Глафира Фирсовна, по какому полномочію?

Глафира Фирсовна.

Пропажа у насъ, вотъ и послали меня сыщикомъ. Да ты говори прямо: у тебя что-ли!

Дульчинъ.

Что за пропажа, чего вы ищете?

Глафира Фирсовна.

Вещь не маленькая и не дешовая. Уголовное, братъ, дѣло: живой человѣкъ пропалъ—Ирина Лавровна сбѣжала.

Дульчинъ.

Такъ почему-же вы у меня ее ищете?

Глафира Фирсовна.

Гдѣ-жъ искать-то? ей больше дѣваться некуда. Явное подозрѣніе на тебя. Она нынче утромъ толковала: убѣгу, да убѣгу къ нему, жить безъ него не могу.

Дульчинъ.

Ошиблись вы въ разсчетѣ, Глафира Фирсовна, хитрость ваша не удалась. Не вы-ли ее и отправили ко мнѣ, чтобы потомъ захватить съ поличнымъ и заставить меня жениться.

Глафира Фирсовна.

А мнѣ-то какая корысть, женишься ты, или нѣтъ?

Дульчинъ.

Много-ли приданаго-то за Ириной Лавровной?

Глафира Фирсовна.

Али ужъ вѣсти дошли?

Дульчинъ.

Милліоны-то ваши гдѣ?

Глафира Фирсовна.

Было, да сплыло. Развѣ я виновата? Ишь ты, отецъ-то у нея какой круговой! Дѣдушка, было, къ ней со всѣмъ расположеніемъ... А его расположеніе какъ ты цѣнишь? Меньше милліона никакъ нельзя. Теперь на племянниковъ такъ разсердился, — бѣда! „Никому, говоритъ, денегъ не дамъ, самъ женюсь!“ Вотъ ты и поди съ нимъ! И ты хорошъ: тебѣ только, видно, деньги нужны, а душу ты ни во что считаешь. А ты души ищи, а не денегъ? Деньги-прахъ, вотъ что я тебѣ говорю. Я старый человѣкъ, понимающій, ты меня послушай.

Дульчинъ.

И я человѣкъ понимающій, Глафира Фирсовна; я знаю, что душа дороже денегъ. Я такую душу нашелъ, не безпокойтесь!

Глафира Фирсовна.

Нашелъ, такъ и слава Богу?

Дульчинъ.

Я—счастливецъ, Глафира Фирсовна: меня любитъ рѣдкая женщина, только я ее цѣнить не умѣлъ. Но послѣ такихъ уроковъ, я ее оцѣнилъ; я ее люблю такъ, какъ никогда не любилъ.

Глафира Фирсовна.

Гдѣ-же ты такую рѣдкость обрящилъ?..

Дульчинъ.

Эта женщина — Юлія Павловна Тугина

Глафира Фирсовна.

А ты думаешь, я не знала? Вотъ новость сказалъ! Да, добрая, хорошая была женщина.

Дульчинъ.

Какъ „была?“ Она и теперь есть!

Глафира Фирсовна.

Да, есть; поди, посмотри, какъ она есть. Эхъ, голубчикъ, уходилъ ты ее...

Дульчинъ.

Что такое? Что вы говорите? „Уходилъ“! Что значитъ „уходилъ“? Я васъ не понимаю.

Глафира Фирсовна.

Померла, братъ.

Дульчинъ.

Вотъ вздоръ какой! Что вы сочиняете, она вчера была и жива, и здорова.

Глафира Фирсовна.

Утромъ была здорова, а къ вечеру померла

Дульчинъ.

Да пустяки, быть не можетъ.

Глафира Фирсовна.

Да что-жъ мудренаго! Развѣ долго помереть! Оборвется нутро, жила какая нибудь лопнетъ, вотъ и конецъ.

Дульчинъ.

Не вѣрю я вамъ; съ чего вдругъ здоровый человѣкъ умретъ? Нужно очень сильное нравственное потрясеніе, или испугъ.

Глафира Фирсовна.

И все это было: заѣхалъ Лавръ Миронычъ, завезъ приглашеніе на балъ и вечерній столъ по случаю помолвки Ирины Лавровны съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчинымъ, оборвалось сердце и конецъ.

Дульчинъ.

Да неужели? Умоляю васъ, говорите правду

Глафира Фирсовна.

Какой еще тебѣ правды? Опнибъ обморокъ, приведутъ въ чувство, опять обморокъ. Былъ докторъ, говоритъ: коли дѣло такъ пойдетъ, такъ ей не жить Вечеромъ поздно я была у ней, лежитъ, какъ мертвая; опомнится, опомнится да опять глаза заведетъ. Сидимъ мы съ Михевной въ другой комнатѣ, говоримъ шопотомъ, вдругъ она легонько крикнула. Подп; говорю, Михевна, провѣдай! Вернулась Михевна въ слезахъ; „надо быть, говоритъ: отходитъ“. Съ тѣмъ я и ушла.

Дульчинъ.

Да лжете вы, лжете вы! Вы только хотите смутить меня. Что-жъ вы не плачете? Кто-жъ не заплачетъ объ такой женщинѣ? Камнемъ надо быть...

Глафира Фирсовна.

Эхъ, голубчикъ, всѣхъ мертвыхъ не оплачешь. Будетъ съ меня, наплакалась я вчера... А вотъ хоронить будемъ и еще поплачу.

Дульчинъ (*схватясь за голову*).

Были въ моей жизни минуты, когда я былъ гадокъ самъ себѣ, но такого отчаянія, такого аду я еще не испытывалъ; зналъ я за собой слабости, проступки, оплакивалъ ихъ,

хоть и безъ пользы... а ужъ это вѣдь преступленіе! Вѣдь я... вѣдь я — убійца. (*Останавливается предъ портретомъ Юліи*).

Глафира Фирсовна.

Не воротишъ, мой другъ, не воротишъ. Да что это темнота какая! хоть огня велѣть подать. (*Уходитъ въ залу*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Дульчинъ (*одинъ*).

Дульчинъ.

За что я погубилъ это сокровище? Я губилъ тебя, губилъ твое состояніе, какъ глупый ребенокъ, который ломаетъ и бросаетъ свои дорогія, любимыя игрушки. Я бросалъ твои деньги ростовщикамъ и шулерамъ, которые надо мной-же смѣются и меня-же презираютъ. Я поминутно оскорблялъ твою любящую, ангельскую душу и ни одной жалобы, ни одного упрека отъ тебя. И наконецъ я-же убилъ тебя и не былъ при твоихъ послѣднихъ минутахъ. Я готовъ-бы отдать свою жизнь, что-бы слышать послѣднія звуки твоего голоса, твой послѣдній прощающій вздохъ. (*Тихо входитъ Юлія*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Дульчинъ, Юлія Павловна.

Дульчинъ.

Боже мой! Что это? Юлія! Юлія! Или это обманъ чувствъ, милый призракъ! Юлія, ты жива? (*Юлія тихо подходитъ къ столу и беретъ портретъ*). Но вѣдь видѣній не бываетъ! (*съ радостью*). Юлія, ты жива, ты сама пришла ко мнѣ! А мнѣ сказали, что ты умерла.

Юлія.

Да, это правда: я умерла.

Дульчинъ (*съ ужасомъ*)

Умерла!...

Юлія.

Да, умерла... для васъ.

Дульчинъ.

О, если ты жива для другихъ, такъ жива и для меня. Ты не можешь принадлежать никому, кромѣ меня; ты слишкомъ много любила меня, такая любовь не проходитъ скоро, не притворяйся! Твоя безконечная преданность дала мнѣ несчастное право мучить тебя. Твоя любящая душа все проститъ... и ты опять будешь любить меня и приносить для меня жертвы.

Юлія.

Я принесла послѣднюю.

Дульчинъ.

Юлія, необманывай себя и меня! Ну, что такое, особенно-ужасное я сдѣлалъ? Все это было и прежде, и все ты мнѣ прощала.

Юлія.

Я вамъ прощаю это, одного я простить не могу.

Дульчинъ.

Чего-же, чего-же?

Юлія.

Вы проиграли деньги.

Дульчинъ.

Да развѣ это въ первый разъ? Да и велики-ль деньги?

Юлія.

Какія-бъ ни были, но онѣ мнѣ стоили слезъ, стыда и униженія, а вы ихъ бросили.

Дульчинъ.

Во первыхъ. для женщины слезы стоятъ не дорого, а во вторыхъ, женщины ничего не жалѣютъ и все переносятъ для любимаго человѣка.

Юлія.

Я не жалѣла ничего для васъ, я вамъ отдала все, что у меня было; я все переносила для васъ: одного я пере-

носить не могу.. Вы заставляли меня терпѣть стыдъ и униженіе и не оцѣнили этой жертвы. Я разсудила, что лучше мнѣ разлюбить васъ, чѣмъ сдѣлаться для васъ безстыдной попрошайкой.

Дульчинъ.

Хороша любовь, которая можетъ хладнокровно разсуждать.

Юлія.

А эта любовь хороша? (*Подаетъ приложенный билетъ Лавра Мироныча*).

Дульчинъ.

Это клевета, это интрига противъ меня. Впрочемъ какъ я глупъ, что оправдываюсь передъ тобой! Развѣ передъ любовницами оправдываются, развѣ ихъ уговариваютъ? Слова только больше сердятъ ихъ, логика на нихъ не дѣйствуетъ: на нихъ дѣйствуютъ ласки, поцѣлуи, объятія...

Юлія.

У меня есть защита.

Дульчинъ (*смѣется*).

Защита? Зачѣмъ? Развѣ я обижать тебя хочу?

Юлія.

Ваши ласки хуже обиды для меня.

Дульчинъ.

Защита! Но кто-же можетъ, кто осмѣлится защищать тебя отъ моихъ ласкъ, да еще здѣсь, въ моей квартирѣ? (*Хочетъ обнять Юлію*).

Юлія (*громко*).

Флоръ Ѳедулычъ! (*Входятъ: Флоръ Ѳедулычъ, Глафира Фирсовна, Дергачевъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Дульчинъ, Юлія Павловна, Флоръ Ѳедулычъ, Глафира Фирсовна, Дергачевъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Часто имѣю кланяться, милостивый государь! Извините, что безъ приглашенія. Впрочемъ мы люди знакомые (*Юліи*). Что вамъ угодно, Юлія Павловна?

Юлія.

Надо идти домой.

Флоръ Федулычъ (*предлагая руку*)

Пожалуйте-съ.

Дульчинъ.

Позвольте, Юлія Павловна, у насъ остаются не кончены счеты: я вамъ долженъ.

Юлія.

Вы мнѣ ничего не должны.

Дульчинъ.

У васъ есть мои документы.

Флоръ Федулычъ.

Извольте-ли видѣть-съ, я имѣю согласіе Юліи Павловны на вступленіе со мной въ бракъ, такъ ваши документы поступаютъ ко мнѣ вмѣсто приданаго.

Дульчинъ (*въ сумнѣніи*).

Вмѣсто приданаго?!

Флоръ Федулычъ.

Такъ точно-съ. Угодно вамъ будетъ деньги заплатить, или прикажете представить ихъ ко взысканію? Одинъ Монте-Кристо на дняхъ переѣзжаетъ въ яму-съ, такъ, можетъ быть, и другому Монте-Кристо угодно будетъ сдѣлать ему компанію? Во всякомъ случаѣ прошу вашего извиненія. Имѣю честь кланяться (*уходитъ подъ руку съ Юліей*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дульчинъ, Глафира Фирсовна. Дертачевъ.

Глафира Фирсовна.

Вотъ такъ отрѣзалъ! Коротко и ясно! Каковъ старикъ-то у меня.

Дульчинъ.

Револьверъ! (*Идетъ къ столу*).

Глафира Фирсовна.

Ахъ, страсти!

Дергачевъ (*загораживая Дульчину дорогу*).

Что ты? Что ты?

Дульчинъ.

Револьверъ, говорю я! (*Подходитъ къ столу*). Отойди, убью!

Глафира Фирсовна.

Что ты? Чте ты? Дай мнѣ срокъ хоть на улицу выбраться!

Дульчинъ.

Никто ни съ мѣста!

Глафира Фирсовна (*падая въ кресло*).

Постой! Дай хоть зажмуриться-то!

Дульчинъ (*взявъ револьверъ*).

Прощай жизнь! (*Садится къ столу*). Безъ сожалѣнія оставляю я тебя и меня никто не пожалѣетъ; и ты мнѣ не нужна, и я никому не нуженъ (*осматриваетъ револьверъ*). Какъ скоро и удовлетворительно рѣшаетъ онъ всякія затрудненія въ жизни (*открываетъ столъ*). Написать нѣсколько строкъ?... Э! Зачѣмъ! (*Взглянувъ въ ящикъ*). Вотъ еще денегъ немножко, остатки прежняго величія. Зачѣмъ онѣ останутся? Не прокутить-ли ихъ, или не затягивать? (*Подумавъ нѣсколько, бьетъ себя по лбу*). Ба!! Глафира Фирсовна!

Глафира Фирсовна.

Что батюшка? Да ты застрѣлился, или нѣтъ еще?

Дульчинъ.

Нѣтъ еще, чортъ возьми, а надо-бы. Да это еще не уйдетъ отъ меня. Попробую еще пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денегъ?

Глафира Фирсовна.

Милліонъ.

Дульчинъ.

Сватай мнѣ вдову Пивокурову.

Глафира Фирсовна.

Давно-бъ ты за умъ взялся.

Дульчинъ.

Вези меня къ ней сейчасъ (*встаетъ*).

Глафира Фирсовна.

Вотъ и разчудесно. Поѣдемъ! (*Встаетъ*).

Дергачевъ.

Нѣтъ, позволь, а какъ-же мнѣ быть съ каретою-то?

Дульчинъ.

А вотъ женюсь на Пивокуровой, тогда за все расплатимся.

Конецъ.

СОЧИНЕНІЯ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

X.

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная № 12
1884

БЕЗПРИДАННИЦА

БЕЗПРИДАННИЦА.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Харита Игнатьевна Огудалова, вдова, среднихъ лѣтъ; одѣта изящно, но смѣло и не по лѣтамъ.

Лариса Дмитріевна, ея дочь, дѣвица, одѣта богато, но скромно.

Мокій Парменычъ Кнуровъ, изъ крупныхъ дѣльцевъ послѣдняго времени, пожилой человѣкъ, съ громаднымъ состояніемъ.

Василій Данилычъ Вожеватовъ, очень молодой человѣкъ, одинъ изъ представителей богатой торговой фирмы, по костюму европеецъ.

Юлій Капитонычъ Карандышевъ, молодой человѣкъ, небогатый чиновникъ.

Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ, блестящій баринъ, изъ судохозяевъ, лѣтъ за 30.

Робинзонъ.

Гаврило, клубный буфетчикъ и содержатель кофейной на бульварѣ.

Иванъ, слуга въ кофейной.

Дѣйствіе происходитъ въ настоящее время, въ большомъ городѣ Брянхимовѣ, на Волгѣ.

Городской бульваръ на высокомъ берегу Волги, съ площадкой передъ кофейной. Направо отъ актеровъ—входъ въ кофейную, налѣво—деревья; въ глубинѣ чугунная рѣшетка, за ней видъ на Волгу, на большое пространство: лѣса, села и проч. На площадкѣ столы и стулья: одинъ столъ на правой сторонѣ, подлѣ кофейной, другой—на лѣвой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гаврило (*стоитъ въ дверяхъ кофейной*), Иванъ (*приводитъ въ порядокъ мебель на площадкѣ*).

Иванъ.

Никого народу-то нѣтъ на бульварѣ.

Гаврило.

По праздникамъ всегда такъ. По старинѣ живемъ: отъ поздней обѣдни всѣ къ пирогу, да ко щамъ, а потомъ, послѣ хлѣба-соли, семь часовъ отдыхъ.

Иванъ.

Ужь и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведеніе.

Гаврило.

А вотъ, около вечерень проснутся, попьютъ чайку до третьей тоски...

Иванъ.

До тоски! Объ чемъ тосковать-то?

Гаврило.

Посиди за самоваромъ поплотнѣе, поглотай часа два кипятку, такъ узнаешь. Послѣ шестаго пота, она, первая-то тоска подступаетъ... Разстанутся съ чаемъ и выползутъ на бульваръ раздышаться, да разгуляться. Теперь чистая публика гуляетъ: вонъ Мокій Парменычъ Кнуровъ проминаетъ себя.

Иванъ.

Онъ каждое утро бульваръ-то мѣряетъ взадъ и впередъ, точно по обѣщанію. И для чего это онъ такъ себя утруждаетъ?

Гаврило.

Для моціону.

Иванъ.

А моціонъ для чего?

Гаврило.

Для аппетиту. А аппетитъ нуженъ ему для обѣда. Какіе обѣды-то у него! Развѣ безъ моціону такой обѣдъ съѣшь!

Иванъ.

Отъ чего это онъ все молчитъ?

Гаврило.

«Молчитъ». Чудакъ ты... Какъ-же ты хочешь, чтобъ онъ разговаривалъ, коли у него милліоны! Съ кѣмъ ему разгова-

ривать? Есть человѣка два-три въ городѣ, съ ними онъ разговариваетъ, а больше не съ кѣмъ; ну, онъ и молчитъ. Онъ и живетъ здѣсь не подолгу отъ этого отъ самаго; да и не жилъ бы, кабы не дѣла. А разговаривать онъ ѣздитъ въ Москву, въ Петербургъ, да заграницу, тамъ ему просторнѣе.

Иванъ.

А вотъ Василій Данилычъ изъ подъ горы идетъ. Вотъ тоже богатый человѣкъ, а разговариваетъ.

Гаврило.

Василій Данилычъ еще молодъ; малодушествомъ занимается; а въ лѣта войдетъ, такой же идолъ будетъ. (*Слѣва выходитъ Кнуровъ и, не обращая вниманія на поклоны Гаврилы и Ивана, садится къ столу, вынимаетъ изъ кармана французскую газету и читаетъ. Справа входитъ Вожеватовъ*),

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ, Гаврило, Иванъ.

Вожеватовъ (*почтительно кланяясь*).

Мокій Парменычъ, честь имѣю кланяться!

Кнуровъ.

А! Василій Данилычъ! (*Подаетъ руку*). Откуда?

Вожеватовъ.

Съ пристани, (*Садится... Гаврило подходитъ ближе*).

Кнуровъ.

Встрѣчали кого нибудь?

Вожеватовъ.

Встрѣчалъ, да не встрѣтилъ. Я вчера отъ Сергѣя Сергѣича Паратова телеграмму получилъ. Я у него пароходъ покупаю.

Гаврило.

Не Ласточку-ли, Василій Данилычъ?

Вожеватовъ.

Да, Ласточку. А что?

Гаврило.

Рѣзво бѣгаетъ, сильный пароходъ.

Вожеватовъ.

Да вотъ обманулъ Сергѣй Сергѣичъ, не пріѣхалъ.

Гаврило.

Вы ихъ съ Самолетомъ ждали, а они, можетъ, на своемъ пріѣдутъ, на Ласточкѣ.

Иванъ.

Василій Данилычъ, да вонъ еще пароходъ бѣжитъ сверху.

Вожеватовъ.

Мало-ль ихъ по Волгѣ бѣгаетъ.

Иванъ.

Это Сергѣй Сергѣичъ ѣдутъ.

Вожеватовъ.

Ты думаешь?

Иванъ.

Да похоже, что они-съ... Кожухи-то на Ласточкѣ больно примѣтны.

Вожеватовъ.

Разберешь ты кожухи за семь верстъ.

Иванъ.

За десять разобрать можно-съ... Да и ходко идетъ, сейчасъ видно, что съ хозяиномъ.

Вожеватовъ.

А далеко?

Иванъ.

Изъ за острова вышелъ. Такъ и выстилаетъ, такъ и выстилаетъ.

Гаврило.

Ты говоришь, выстилаетъ?

Иванъ.

Выстилаетъ. Страсть! Шибче Самолета бѣжитъ, такъ и мѣряетъ.

Гаврило.

Они ѣдутъ-съ.

Вожеватовъ (*Ивану*).

Такъ ты скажи, какъ приставать станутъ.

Иванъ.

Слушаю-съ... Чай, изъ пушки выпалятъ.

Гаврило.

Безпремѣнно.

Вожеватовъ.

Изъ какой пушки?

Гаврило.

У нихъ тутъ свои баржи серёдъ Волги на якорѣ.

Вожеватовъ.

Знаю.

Гаврило.

Такъ на баржѣ пушка есть. Когда́ Сергѣя Сергѣича встрѣчаютъ, или провожаютъ, такъ всегда палятъ. (*Взглянувъ въ сторону за кофейную*). Бонъ и коляска за ними ѣдетъ-съ, извощицкая, Чиркова-съ! Видно, дали знать Чиркову, что пріѣдутъ. Самъ хозяинъ Чирковъ на козлахъ. Это за ними-съ.

Вожеватовъ.

Да почемъ ты знаешь, что за ними?

Гаврило.

Четыре иноходца въ рядъ, помилуйте, за ними. Для кого-же Чирковъ такую четверню сберетъ! Вѣдь это ужасти смотрѣть... какъ львы... всѣ четыре на трензеляхъ! А сбруя-то. сбруя-то! За ними-съ.

Иванъ.

И цыганъ съ Чирковымъ на козлахъ сидитъ, въ парадномъ казакинѣ, ремнемъ перетянутъ такъ, что того, гляди, переломится.

Гаврило.

Это за ними-съ. Некому больше на такой четверкѣ ѣздить. Они-съ.

Кнуровъ.

Съ шикомъ живетъ Паратовъ.

Вожеватовъ.

Ужь чего другаго, а шику довольно.

Кнуровъ.

Дешево пароходъ-то покупаете?

Вожеватовъ.

Дешево, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Да, разумѣется; а то что за разсчетъ покупать. Зачѣмъ онъ продаетъ?

Вожеватовъ.

Знать, выгоды не находитъ.

Кнуровъ.

Конечно, гдѣ-жъ ему! Не барское это дѣло. Вотъ вы выгоду найдете, коли дешево-то купите.

Вожеватовъ.

Намъ кстати: у насъ, на низу, грузу много.

Кнуровъ.

Не деньги-ль понадобились... онъ, вѣдь, мотоватъ.

Вожеватовъ.

Его дѣло. Деньги у насъ готовы.

Кнуровъ.

Да, съ деньгами можно дѣла дѣлать, можно. (*Съ улыбкой*). Хорошо тому, Василій Данилычъ, у кого денегъ-то много.

Вожеватовъ.

Дурно-ли дѣло! Вы сами, Мокій Парменычъ, это лучше всякаго знаете.

Кнуровъ.

Знаю, Василій Данилычъ, знаю.

Вожеватовъ.

Не выпьемъ-ли холодненькаго, Мокій Парменычъ?

Кнуровъ.

Что вы, утромъ-то! Я еще не завтракалъ...

Вожеватовъ.

Ничего-съ. Мнѣ одинъ англичанинъ,—онъ директоръ на фабрикѣ,—говорилъ, что отъ насморка хорошо шампанское на тощакъ пить. А я вчера простудился немного.

Кнуровъ.

Какимъ образомъ? Такое тепло стоитъ.

Вожеватовъ.

Да все имъ же и простудился-то: холодно очень подали.

Кнуровъ.

Нѣтъ, что хорошаго; люди посмотрятъ, скажутъ: ни свѣтъ, ни заря—шампанское пьютъ.

Вожеватовъ.

А чтобъ люди чего дурнаго не сказали, такъ мы станемъ чай пить.

Кнуровъ.

Ну, чай—другое дѣло.

Вожеватовъ (*Гаврилу*).

Гаврило, дай-ка намъ чайку моего, понимаешь?.. *Моего!*

Гаврило.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Кнуровъ.

Вы развѣ особенный какой пьете?

Вожеватовъ.

Да все то же шампанское, только въ чайники онъ разольетъ и стаканы съ блюдечками подастъ.

Кнуровъ.

Остроумно.

Вожеватовъ.

Нужда-то всему научитъ. Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Ѣдете въ Парижъ-то, на выставку?

Вожеватовъ.

Вотъ куплю пароходъ, да отправлю его внизъ за грузомъ и поѣду.

Кнуровъ.

И я на дняхъ: ужь меня ждутъ. (*Гаврило приноситъ на подносѣ два чайника съ шампанскимъ и два стакана*).

Вожеватовъ (*наливая*).

Слышали новость, Мокій Парменычъ? Лариса Дмитріевна замужъ выходитъ.

Кнуровъ.

Какъ замужъ? Что вы! За кого?

Вожеватовъ.

За Карандышева.

Кнуровъ.

Что за вздоръ такой! Вотъ фантазія! Ну, что такое Карандышевъ! Не пара, вѣдь, онъ ей, Васи́лій Данилычъ!

Вожеватовъ.

Какая ужь пара! Да что-жъ дѣлать-то, гдѣ взять жениховъ-то? Вѣдь она безприданница.

Кнуровъ.

Безприданницы-то и находятъ жениховъ хорошихъ.

Вожеватовъ.

Не то время. Прежде жениховъ-то много было, такъ и на безприданницъ хватало; а теперь жениховъ-то въ самый обрѣзъ; сколько приданыхъ, столько и жениховъ, лишнихъ нѣтъ—безприданницамъ то и не достаетъ. Развѣ-бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были.

Кнуровъ.

Бойкая женщина.

Вожеватовъ.

Она, должно быть, не русская.

Кнуровъ.

Отчего?

Вожеватовъ.

Ужь очень проворна.

Кнуровъ.

Какъ это она оплошала? Огудаловы все таки фамилія порядочная, и вдругъ за какого-то Карандышева!.. Да съ ея-то ловкостью... всегда полонъ домъ холостыхъ...

Вожеватовъ.

Ѣздить-то къ ней—всѣ ѣздятъ,—потому что весело очень: барышня хорошенькая, играетъ на разныхъ инструментахъ, поетъ, обращеніе свободное, оно и тянетъ... Ну, а жениться-то надо подумавши.

Кнуровъ.

Вѣдь выдала же она двухъ.

Вожеватовъ.

Выдать-то выдала, да надо ихъ спросить, сладко-ли имъ жить-то. Старшую увезъ какой-то горецъ, кавказскій князекъ. Вотъ потѣха-то была... Какъ увидалъ, затрясся, заплакалъ даже,—такъ двѣ недѣли и стоялъ подлѣ нея, за кинжалъ держался, да глазами сверкалъ, чтобъ не подходилъ никто. Женился и уѣхалъ, да, говорятъ, не довезъ до Кавказа-то, зарѣзалъ на дорогѣ отъ ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а онъ послѣ оказался совсѣмъ не иностранецъ, а шуллеръ.

Кнуровъ.

Огудалова разочла не глупо: состояніе небольшое, давать приданое не изъ чего, такъ она живетъ открыто, всѣхъ принимаетъ.

Вожеватовъ.

Любитъ и сама пожить весело. А средства у нея такъ невелики, что даже и на такую жизнь не достаетъ.

Кнуровъ.

Гдѣ-же она беретъ?

Вожеватовъ.

Женихи платятся. Какъ кому понравилась дочка, такъ и раскошеливайся... Потомъ на приданое возьметъ съ жениха, а приданаго не спрашивай.

Кнуровъ.

Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вамъ, напримѣръ, частое посѣщеніе этого семейства не дешево обходится.

Вожеватовъ.

Не раззорюсь, Мокій Парменычъ! Что-жъ дѣлать, за удо-

вольствія платить надо: они даромъ не достаются; а бывать у нихъ въ домѣ большое удовольствіе.

Кнуровъ.

Дѣйствительно, удовольствіе, это вы правду говорите.

Вожеватовъ.

А сами почти никогда не бываете.

Кнуровъ.

Да неловко: много у нихъ всякаго сброду бываетъ, потомъ встрѣчаются, кланяются, разговаривать лѣзутъ. Вотъ, напримѣръ, Карандышевъ, ну, что за знакомство для меня!

Вожеватовъ.

Да, у нихъ въ домѣ на базаръ похоже.

Кнуровъ.

Ну, что хорошаго! Тотъ лѣзетъ къ Ларисѣ Дмитріевнѣ съ комплиментами, другой съ нѣжностями, такъ и жужжатъ, не даютъ съ ней слова сказать. Пріятно съ ней одной почаще видѣться—безъ помѣхи.

Вожеватовъ.

Жениться надо.

Кнуровъ.

Жениться! Не всякому можно, да не всякій и захочетъ; вотъ я, напримѣръ, женатый.

Вожеватовъ.

Такъ ужь нечего дѣлать... Хорошъ виноградъ, да зеленъ, Мокій Парменычъ.

Кнуровъ.

Вы думаете?

Вожеватовъ.

Видимое дѣло. Не такихъ правилъ люди: мало-ль случаевъ-то было, да, вотъ, не польстились, хоть за Карандышева, да замужъ.

Кнуровъ.

А хорошо бы съ такой барышней въ Парижъ прокатиться на выставку.

Вожеватовъ.

Да, не скучно будетъ, прогулка пріятная. Какіе у васъ планы-то, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Да и у васъ этихъ плановъ-то не было-ли тоже?

Вожеватовъ.

Гдѣ мнѣ! Я простоватъ на такія дѣла. Смѣлости у меня съ женщинами нѣтъ: воспитаніе, знаете-ли, такое, ужь очень нравственное, патріархальное получилъ.

Кнуровъ.

Ну, да, толкуйте! У васъ шансовъ больше моего: молодость—великое дѣло. Да и денегъ не пожалѣете; дешево пароходъ покупаете, такъ изъ барышей-то можно. А вѣдь, чай, не дешевле Ласточки обошлось бы.

Вожеватовъ.

Всякому товару цѣна есть, Мокій Парменычъ! Я хоть молодъ, а не зарвусь: лишняго не передамъ.

Кнуровъ.

Не ручайтесь! Долго-ли съ вашими лѣтами влюбиться; а ужь тогда какіе разсчеты!

Вожеватовъ.

Нѣтъ, какъ-то я, Мокій Парменычъ, въ себѣ этого совсѣмъ не замѣчаю.

Кнуровъ.

Чего?

Вожеватовъ.

А вотъ, что любовью-то называютъ.

Кнуровъ.

Похвально, хорошимъ купцомъ будете. А всетаки вы съ ней гораздо ближе, чѣмъ другіе.

Вожеватовъ.

Да въ чемъ моя близость! Лишній стаканчикъ шампанскаго потихоньку отъ матери иногда налью, пѣсенку выучу, романы вожу, которые дѣвушкамъ читать не даютъ.

Кнуровъ.

Развращаете, значитъ, понемножку.

Вожеватовъ.

Да мнѣ что! Я, вѣдь, насильно не навязываю... Что-жъ мнѣ объ ея нравственности заботиться! Я не опекунъ.

Кнуровъ.

Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитріевны, кромѣ Карандышева, жениховъ не было?

Вожеватовъ.

Были; да, вѣдь, она простовата.

Кнуровъ.

Какъ простовата? То есть глупа?

Вожеватовъ.

Не глупа, а хитрости нѣтъ, не въ матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдругъ, ни съ того, ни съ сего, и скажетъ, что не надо.

Кнуровъ.

То есть, правду?

Вожеватовъ.

Да, правду; а безприданницамъ такъ нельзя. Къ кому расположена, нисколько этого не скрываетъ. Вотъ, Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ въ прошломъ году появился, наглядѣться на него не могла, а онъ мѣсяца два поѣздилъ, жениховъ всѣхъ отбилъ, да и слѣдъ его простылъ, исчезъ неизвѣстно куда.

Кнуровъ.

Что-жъ съ нимъ сдѣлалось?

Вожеватовъ.

Кто его знаетъ; вѣдь онъ мудреный какой-то. А ужъ какъ она его любила, чуть не умерла съ горя. Какая чувствительная! (*Смѣется*). Бросилась за нимъ догонять, ужь мать со второй станціи воротила.

Кнуровъ.

А послѣ Паратова были женихи?

Вожеватовъ.

Набѣгали двое: старикъ какой-то съ подагрой, да разбогатѣвшій управляющій какого-то князя, вѣчно пьяный. Ужь Ларисѣ и не до нихъ, а любезничать надо было: маменька приказываетъ.

Кнуровъ.

Однако, положеніе ея не завидное.

Вожеватовъ.

Да, смѣшно даже. У ней иногда слезенки на глазахъ,— видны, поплакать задумала, а маменька улыбаться велитъ. Потомъ вдругъ проявился этотъ кассиръ. Вотъ бросалъ деньгами-то, такъ и засыпалъ Хариту Игнатьевну. Отбилъ всѣхъ, да не долго покуражился: у нихъ въ домѣ его и арестовали. Скандалище здоровый! (*Смѣется*). Съ мѣсяцъ Огудаловымъ никуда глазъ показать было нельзя. Тутъ ужь Лариса наотрѣзъ матери объявила: «довольно, говоритъ, съ насъ срамуто; за перваго пойду, кто посватается, богатъ-ли, бѣденъ-ли, разбирать не буду». А Карандышевъ и тутъ, какъ тутъ, съ предложеніемъ.

Кнуровъ.

Откуда взялся этотъ Карандышевъ?

Вожеватовъ.

Онъ давно у нихъ въ домѣ вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большаго не было. Когда перемежка случилась, никого изъ богатыхъ жениховъ въ виду не было, такъ и его придерживали, слегка приглашивали, чтобъ не совсѣмъ пусто было въ домѣ. А какъ, бывало, набѣжитъ какой нибудь богатенькій, такъ просто жалость было смотрѣть на Карандышева; и не говорятъ съ нимъ и не смотрятъ на него. А онъ-то, въ углу сидя, разныя роли розыгрываетъ, дикіе взгляды бросаетъ, отчаяннымъ прикидывается. Разъ застрѣлиться хотѣлъ, да не вышло ничего, только насмѣшилъ всѣхъ... А то вотъ потѣха-то: былъ у нихъ, какъ-то еще при Паратовѣ, костюмированный вечеръ; такъ Карандышевъ одѣлся

разбойникомъ; взялъ въ руки топоръ и бросалъ на всѣхъ звѣрскіе взгляды, особенно на Сергѣя Сергѣича.

Кнуровъ.

И что-же?

Вожеватовъ.

Топоръ отняли и переодѣться велѣли; а то, молъ, пошелъ вонъ!

Кнуровъ.

Значитъ, онъ за постоянство награжденъ. Радъ, я думаю.

Вожеватовъ.

Еще какъ радъ-то, сіяетъ, какъ апельсинъ. Что смѣху-то! Вѣдь онъ у насъ чудакъ. Ему бы жениться поскорѣй, да уѣхать въ свое имѣньишко, пока разговоры утихнутъ, такъ и Огудаловымъ хотѣлось; а онъ таскаетъ Ларису на бульваръ, ходитъ съ ней подъ руку, голову такъ высоко поднялъ, что, того гляди, наткнется на кого нибудь. Да еще очки надѣлъ зачѣмъ-то, а никогда ихъ не носилъ. Кланяется—едва киваетъ; тонъ какой взялъ; прежде и не слыхать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

Кнуровъ.

Какъ мужикъ русскій: мало радости, что пьянъ, надо поломаться, чтобъ всѣ видѣли. Поломается, поколотятъ его раза два, ну, онъ и доволенъ и идетъ спать.

Вожеватовъ.

Да кажется и Карандышеву не миновать.

Кнуровъ.

Бѣдная дѣвушка; какъ она страдаетъ, на него глядя, я думаю.

Вожеватовъ.

Квартиру свою вздумалъ отдѣлывать, вотъ чудитъ-то. Въ кабинетѣ коверъ грошевый на стѣну прибилъ, кинжаловъ, пистолетовъ тульскихъ навѣшалъ; ужь диви-бы охотникъ, а то и ружье-то никогда въ руки не бралъ. Тащитъ къ себѣ, показываетъ; надо хвалить, а то обидишь—человѣкъ самолюбивый, завистливый. Лошадь изъ деревни выписалъ, клячу какую-то разношерстную; кучеръ маленькій, а кафтанъ на немъ съ боль-

шаго. И возитъ на этомъ верблюдѣ-то Ларису Дмиртіевну; сидитъ такъ гордо, будто на тысячныхъ рысакахъ ѣдетъ. Съ бульвара выходитъ, такъ кричитъ городовому: «прикажи подавать мой экипажъ!» Ну, и подъѣзжаетъ этотъ экипажъ съ музыкой, всѣ винты, всѣ гайки дребезжатъ на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, какъ живыя.

Кнуровъ.

Жаль бѣдную Ларису Дмитріевну, жаль...

Вожеватовъ.

Что это вы очень жалостливы стали?

Кнуровъ.

Да развѣ вы не видите, что эта женщина создана для роскоши. Дорогой брилліантъ дорогой и оправы требуетъ.

Вожеватовъ.

И хорошаго ювелира.

Кнуровъ.

Совершенную правду вы сказали. Ювелиръ—не простой мастеровой, онъ долженъ быть художникомъ. Въ нищенской обстановкѣ, да еще за дуракомъ мужемъ, она или погибнетъ, или опошлится.

Вожеватовъ.

А я такъ думаю, что броситъ она его скорехонько. Теперь еще она какъ убитая; а вотъ оправится, да поглядитъ на мужа попристальнѣе, каковъ онъ... (*тихо*). Вотъ они, легки на поминѣ-то... (*Входятъ: Карандышевъ, Огудалова, Лариса. Вожеватовъ встаетъ и кланяется, Кнуровъ вынимаетъ газету*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ, Карандышевъ, Огудалова, Лариса (*въ глубинѣ садится на скамейку у рѣшетки и смотритъ въ бинокль на Волгу*). Гаврило, Иванъ.

Огудалова (*подходя къ столу*).

Здравствуйте господа! (*Карандышевъ подходитъ за ней. Вожеватовъ подаетъ руку Огудаловой и Карандашеву. Кнуровъ,*

молча и не вставая съ мѣста, подаетъ руку Огудаловой, слегка киваетъ Карандышеву и погружается въ чтеніе газеты).

Вожеватовъ.

Харита Игнатьевна, присядьте, милости просимъ! (*Подвигаетъ стулъ, Огудалова садится*). Чайку не прикажете-ли? (*Карандышевъ садится по-одаль*).

Огудалова.

Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватовъ.

Иванъ, подай чашку, да прибавь кипяточку! (*Иванъ беретъ чайникъ и уходитъ*).

Карандышевъ.

Что за странная фантазія пить чай въ это время? Удивляюсь.

Вожеватовъ.

Жажда, Юлій Капитонычъ, а что пить—не знаю. Посовѣтуйте,—буду очень благодаренъ.

Карандышевъ (*смотритъ на часы*).

Теперь полдень, можно выпить рюмочку водки, съѣсть котлетку, выпить стаканчикъ вина хорошаго,—я всегда такъ завтракаю.

Вожеватовъ (*Огудаловой*).

Вотъ жизнь то, Харита Игнатьевна, позавидуешь! (*Карандышеву*). Пожилъ-бы, кажется, хоть денекъ на вашемъ мѣстѣ. Водочки, да винца! Намъ такъ нельзя-съ, пожалуй разумъ потеряешь. Вамъ можно все: вы капиталу не проживаете, потому его нѣтъ, а ужь мы такіе горькіе зародились на свѣтъ, у насъ дѣла очень велики, такъ намъ разума-то терять и нельзя. (*Иванъ подаетъ чайникъ и чашки*). Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячіе напитки употребляю.

Огудалова.

Чай-то холодный, только, Вася, ты мнѣ крѣпко налилъ.

Вожеватовъ.

Ничего-съ. Выкушайте, сдѣлайте одолженіе! На воздухѣ не вредно.

Карандышевъ (*Ивану*).

Приходи ко мнѣ сегодня служить за обѣдомъ.

Иванъ.

Слушаю-съ, Юлій Капитонычъ!

Карандышевъ.

Ты, братецъ, почище одѣнься.

Иванъ.

Извѣстно дѣло, фракъ; нечто не понимаемъ-съ.

Карандышевъ.

Василій Данилычъ, вотъ что: пріѣзжайте-ка вы ко мнѣ обѣдать сегодня!

Вожеватовъ.

Покорно благодарю... Мнѣ тоже во фракѣ прикажете?

Карандышевъ.

Какъ вамъ угодно, не стѣсняйтесь. Однако, дамы будутъ.

Вожеватовъ (*кланяясь*).

Слушаю-съ. Надѣюсь не уронить себя.

Карандышевъ (*переходитъ къ Кнурову*).

Мокій Парменычъ, не угодно-ли вамъ будетъ сегодня отобѣдать у меня?

Кнуровъ (*съ удивленіемъ оглядываетъ его*).

У васъ?

Огудалова.

Мокій Парменычъ, это все равно, что у насъ,—этотъ бѣдъ для Ларисы.

Кнуровъ.

Да, такъ это вы приглашаете? Хорошо, я пріѣду.

Карандышевъ.

Такъ ужь я буду надѣяться.

Кнуровъ.

Ужь я сказалъ, что пріѣду (*читаетъ газету*).

Огудалова.

Юлій Капитонычъ мой будущій зять, я выдаю за него Ларису.

Кнуровъ (*продолжая читать*).

Это ваше дѣло.

Карандышевъ.

Да-съ, Мокій Парменычъ, я рискнулъ. Я вообще всегда былъ выше предразсудковъ... (*Кнуровъ закрывается газетой*).

Вожеватовъ (*огудаловой*).

Мокій Парменычъ строгъ...

Карандышевъ (*Отходя отъ Кнурова къ Вожеватову*).

Я желаю, чтобъ Ларису Дмитріевну окружали только избранные люди.

Вожеватовъ.

Значитъ, и я къ избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидалъ. (*Гаврилу*). Гаврило, сколько съ меня за чай?

Гаврило.

Двѣ порціи изволили спрашивать?

Вожеватовъ.

Да, двѣ порціи.

Гаврило.

Такъ ужь сами знаете, Василій Данилычъ, не въ первый разъ... Тринадцать рублей-съ...

Вожеватовъ.

То-то, я думалъ, что подешевле стало.

Гаврило.

Съ чего дешевле-то быть? Курсы, пошлина, помилуйте!

Вожеватовъ.

Да вѣдь я не спорю съ тобой, что ты пристаешь! Получай деньги и отстань! (*Отдаетъ деньги*).

Карандышевъ.

За что такъ дорого, я не понимаю.

Гаврило.

Кому дорого, а кому нѣтъ... Вы такого чаю не кушаете.

Огудалова (*Карандышеву*).

Перестаньте вы, не мѣшайтесь не въ свое дѣло!

Иванъ.

Василій Данилычъ, Ласточка подходитъ.

Вожеватовъ.

Мокій Парменычъ, Ласточка подходитъ, не угодно ли взглянуть? Мы внизъ не пойдемъ, съ горы посмотримъ.

Кнуровъ.

Пойдемте. Любопытно (*Встаетъ*).

Огудалова.

Вася, я доѣду на твоей лошади.

Вожеватовъ.

Поѣзжайте, только пришлите поскорѣй! (*Подходитъ къ Ларисѣ и говоритъ съ ней тихо*).

Огудалова (*подходитъ къ Кнурову*).

Мокій Парменычъ, затѣяли мы свадьбу, такъ не повѣрите, сколько хлопотъ...

Кнуровъ.

Да...

Огудалова.

И вдругъ такіе расходы, которыхъ никакъ нельзя было ожидать... Вотъ завтра рожденье Ларисы, хотѣлось бы что нибудь подарить...

Кнуровъ.

Хорошо, я къ вамъ заѣду. (*Огудалова уходитъ*).

Лариса (*Вожеватову*).

До свиданія, Вася! (*Вожеватовъ и Кнуровъ уходятъ. Лариса подходитъ къ Карандышеву*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Карандышевъ, Лариса.

Лариса.

Я сейчасъ все за Волгу смотрѣла; какъ тамъ хорошо, на той сторонѣ! Поѣдемте поскорѣй въ деревню!

Карандышевъ.

Вы за Волгу смотрѣли. А что съ вами Вожеватовъ говорилъ?

Лариса.

Ничего, такъ, пустяки какіе то. Меня такъ и манитъ за Волгу, въ лѣсъ... (*Задумчиво*). Уѣдемте, уѣдемте отсюда!

Карандышевъ.

Однако, это странно! Объ чемъ онъ могъ съ вами разговаривать?

Лариса.

Ахъ, да объ чемъ-бы онъ ни говорилъ, что вамъ за дѣло!

Карандышевъ.

Называете его Васей. Что за фамильярность съ молодымъ человѣкомъ?

Лариса.

Мы съ малолѣтства знакомы; еще маленькіе играли вмѣстѣ; ну, я и привыкла.

Карандышевъ.

Вамъ надо старыя привычки бросить. Что за короткость съ пустымъ, глупымъ мальчикомъ. Нельзя же терпѣть того, что у васъ до сихъ поръ было.

Лариса (*обидясь*).

У насъ ничего дурнаго не было.

Карандышевъ.

Былъ цыганскій таборъ-съ, вотъ что было. (*Лариса утираетъ слезы*). Чѣмъ же вы обидѣлись, помилуйте!

Лариса.

Что-жъ, можетъ быть и цыганскій таборъ; только въ немъ было, по крайней мѣрѣ, весело. Съумѣете-ли вы дать мнѣ что-нибудь лучше этого табора?

Карандышевъ.

Ужь конечно.

Лариса.

Зачѣмъ вы постоянно попрекаете меня этимъ таборомъ? Развѣ мнѣ самой такая жизнь нравилась? Мнѣ было приказано, такъ нужно было маменькѣ, значитъ волей или неволей я должна была вести такую жизнь... Колоть безпрестанно мнѣ глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно

Еслибъ я не искала тишины, уединенія, не захотѣла бѣжать отъ людей, развѣ бы я пошла за васъ? Такъ умѣйте это понять и не приписывать моего выбора своимъ достоинствамъ, я ихъ еще не вижу. Я еще только хочу полюбить васъ, меня манитъ скромная, семейная жизнь, она мнѣ кажется какимъ то раемъ. Вы видите, я стою на распутьи: поддержите меня, мнѣ нужно ободреніе, сочувствіе; относитесь ко мнѣ нѣжно, съ лаской! Ловите эти минуты и не пропустите ихъ!

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, я совсѣмъ не хотѣлъ васъ обидѣть, это я сказалъ такъ.

Лариса.

Что значитъ „такъ“? То есть не подумавши; вы не понимаете, что въ вашихъ словахъ обида, такъ, что-ли?

Карандышевъ.

Конечно, я безъ умыслу.

Лариса.

Такъ это еще хуже. Надо думать, о чемъ говоришь. Болтайте съ другими, если вамъ нравится, а со мной говорите осторожнѣе. Развѣ вы не видите, что положеніе мое очень серьезно? Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сдѣлалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышевъ.

Въ такомъ случаѣ, я прошу извинить меня.

Лариса.

Да Богъ съ вами, только впередъ будьте осторожнѣе! *(Задумчиво).* Цыганскій таборъ... Да, это, пожалуй, правда... но въ этомъ таборѣ были и хорошіе, и благородные люди.

Карандышевъ.

Кто-же эти благородные люди? Ужь не Сергѣй-ли Сергѣичъ Паратовъ?

Лариса.

Нѣтъ, я прошу васъ, вы не говорите о немъ.

Карандышевъ.

Да почему-же-съ?

Лариса.

Вы его не знали, да хоть бы и знали, такъ... извините, не вамъ о немъ судить.

Карандышевъ.

Объ людяхъ судятъ по поступкамъ. Развѣ онъ хорошо поступилъ съ вами?

Лариса.

Это ужь мое дѣло. Если я боюсь и не смѣю осуждать его, такъ не позволю и вамъ.

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, скажите мнѣ, только, прошу васъ говорите откровенно!

Лариса.

Что вамъ угодно?

Карандышевъ.

Ну, чѣмъ я хуже Паратова?

Лариса.

Ахъ, нѣтъ, оставьте.

Карандышевъ.

Позвольте, отъ чего-же?

Лариса.

Не надо, не надо! Что за сравненія!

Карандышевъ.

А мнѣ бы интересно было слышать отъ васъ.

Лариса.

Не спрашивайте, ненужно!

Карандышевъ.

Да почему-же?

Лариса.

Потому, что сравненіе не будетъ въ вашу пользу. Сами по себѣ вы что нибудь значите: вы хорошій, честный человѣкъ, но отъ сравненія съ Сергѣемъ Сергѣичемъ вы теряете все.

Карандышевъ.

Вѣдь это только слова, нужны доказательства. Вы разберите насъ хорошенько.

Лариса.

Съ кѣмъ вы равняетесь? Возможно-ли такое ослѣпленіе... Сергѣй Сергѣичъ... это идеалъ мужчины. Вы понимаете, что такое идеалъ? Быть можетъ, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнѣніе измѣнить во мнѣ нельзя, оно умретъ со мною!

Карандышевъ.

Не понимаю-съ, не понимаю, что въ немъ особеннаго; ничего, ничего не вижу. Смѣлость какая-то, дерзость... Да это всякій можетъ, если захочетъ.

Лариса.

Да вы знаете, какая это смѣлость?

Карандышевъ.

Да какая жъ такая, что тутъ необыкновеннаго? Стоитъ только напустить на себя.

Лариса.

А вотъ какая, я вамъ разскажу одинъ случай. Проѣзжалъ здѣсь одинъ кавказскій офицеръ, знакомый Сергѣя Сергѣича, отличный стрѣлокъ; были они у насъ, Сергѣй Сергѣичъ и говоритъ: «я слышалъ, вы хорошо стрѣляете». Да, не дурно, говоритъ офицеръ. Сергѣй Сергѣичъ даетъ ему пистолетъ, ставитъ себѣ стаканъ на голову и отходитъ въ другую комнату, шаговъ на двѣнадцать. «Стрѣляйте», говоритъ.

Карандышевъ.

И онъ стрѣлялъ.

Лариса.

Стрѣлялъ и, разумѣется, сшибъ стаканъ, но только поблѣднѣлъ немного. Сергѣй Сергѣичъ говоритъ: «вы прекрасно стрѣляете, но вы поблѣднѣли, стрѣляя въ мужчину и человѣка вамъ не близкаго. Смотрите, я буду стрѣлять въ дѣвушку, которая для меня дороже всего на свѣтѣ и не поблѣднѣю». Даетъ мнѣ держать какую-то монету, равнодушно, съ улыбкой, стрѣляетъ на такомъ-же разстояніи и выбиваетъ ее.

Карандышевъ.

И вы послушали его?

Лариса.

Да развѣ можно его не послушать?

Карандышевъ.

Развѣ ужь вы были такъ увѣрены въ немъ?

Лариса.

Что вы? Да развѣ можно быть въ немъ неувѣренной?

Карандышевъ.

Сердца нѣтъ, оттого онъ такъ и смѣлъ.

Лариса.

Нѣтъ, и сердце есть. Я сама видѣла, какъ онъ помогалъ бѣднымъ, какъ отдавалъ всѣ деньги, которыя были съ нимъ.

Карандышевъ.

Ну, положимъ, Паратовъ имѣетъ какія нибудь достоинства, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ вашихъ; а что такое этотъ купчикъ Вожеватовъ, этотъ вамъ Вася?

Лариса.

Вы не ревновать-ли? Нѣтъ, ужь вы эти глупости оставьте. Это пошло, я не переношу этого, я вамъ заранѣе говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышевъ.

А еслибъ явился Паратовъ?

Лариса.

Разумѣется, еслибъ явился Сергѣй Сергѣичъ и былъ свободенъ, такъ довольно одного его взгляда... Успокойтесь, онъ не явился, а теперь хоть и явится, такъ ужь поздно. Вѣроятно, мы никогда и не увидимся болѣе. (*На Волгѣ пушечный выстрѣлъ*). Что это?

Карандышевъ.

Какой нибудь купецъ-самодуръ слѣзаетъ съ своей баржи, такъ въ честь его салютуютъ.

Лариса.

Ахъ, какъ я испугалась!

Карандышевъ.

Чего, помилуйте!

Лариса.

У меня нервы разстроены. Я сейчасъ съ этой скамейки внизъ смотрѣла и у меня закружилась голова. Тутъ можно очень ушибиться?

Карандышевъ.

Ушибиться! Тутъ вѣрная смерть; внизу мощено камнемъ. Да, впрочемъ, тутъ такъ высоко, что умрешь прежде, чѣмъ долетишь до земли.

Лариса.

Пойдемте домой, пора!

Карандышевъ.

Да и мнѣ нужно: у меня, вѣдь, обѣдъ.

Лариса (*подойдя къ рѣшеткѣ*).

Подождите немного. (*Смотритъ внизъ*). Ай, ай, держите меня!

Карандышевъ (*беретъ Ларису за руку*).

Пойдемте, что за ребячество! (*Уходятъ. Гаврило, Иванъ выходятъ изъ кофейной*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гаврило, Иванъ.

Иванъ.

Пушка! Баринъ пріѣхалъ, баринъ пріѣхалъ, Сергѣй Сергѣичъ.

Гаврило.

Я говорилъ, что онъ. Ужь я знаю: видно сокола по полету.

Иванъ.

Коляска пустая въ гору ѣдетъ, значитъ господа пѣшкомъ идутъ... Да вонъ они! (*Убѣгаетъ въ кофейную*).

Гаврило.

Милости просимъ. Чѣмъ только ихъ подчивать-то, не сообразишь. (*Входятъ: Паратовъ (черный однобортный сюртукъ въ обтяжку, высокіе лаковые сапоги, бѣлая фуражка, черезъ плечо дорожная сумка), Робинзонъ (въ плащѣ, правая пола закинута*

на лѣвое плечо, мягкая, высокая шляпа надѣта на бокъ), Кнуровъ, Вожеватовъ. Иванъ выбѣгаетъ изъ кофейной съ вѣничкомъ и бросается обметать Паратова).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Паратовъ, Робинзонъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Гаврило, Иванъ.

Паратовъ (*Ивану*).

Да что ты! Я съ воды... на Волгѣ-то не пыльно.

Иванъ.

Всетаки, сударь, нельзя-же... порядокъ требуетъ. Цѣлый годъ-то васъ не видали, да чтобы... съ пріѣздомъ, сударь...

Паратовъ.

Ну хорошо, спасибо! На! (*Даетъ ему рублевую бумажку*).

Иванъ.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. (*Отходитъ*).

Паратовъ.

Такъ вы меня, Василій Данилычъ, съ Самолетомъ ждали?

Вожеватовъ.

Да вѣдь я не зналъ, что вы на своей Ласточкѣ прилетите; я думалъ, что она съ баржами идетъ.

Паратовъ.

Нѣтъ, я баржи продалъ. Я думалъ нынче рано утромъ пріѣхать, мнѣ хотѣлось обогнать Самолетъ, да трусъ машинистъ. Кричу кочегарамъ «муруй!»—а онъ у нихъ дрова отнимаетъ. Вылѣзъ изъ своей мурьи: «если вы, говоритъ, хоть полѣно еще подкинете, я за бортъ выброшусь». Боялся, что котелъ не выдержитъ, цифры мнѣ какія-то на бумажкѣ выводилъ, давленіе разсчитывалъ. Иностранецъ, голландецъ онъ, душа коротка; у нихъ ариѳметика, вмѣсто души-то. А я, господа, и позабылъ познакомить васъ съ моимъ другомъ. Мокій Парменычъ, Василій Данилычъ, рекомендую—Робинзонъ. (*Робинзонъ раскланивается и подаетъ руку Кнурову и Вожеватову*).

Вожеватовъ.

А какъ ихъ по имени и отчеству?

Паратовъ.

Такъ, просто, Робинзонъ, безъ имени и отчества.

Робинзонъ (*Паратову*).

Сержъ!

Паратовъ.

Что тебѣ?

Робинзонъ.

Полдень, мой другъ, я стражду.

Паратовъ.

А вотъ, погоди, въ гостиницу пріѣдемъ.

Робинзонъ (*показывая на кофейную*).

Voila!

Паратовъ.

Ну, ступай, чортъ съ тобой! (*Робинзонъ идетъ въ кофейную*). Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай; онъ характера непокойнаго.

Робинзонъ (*пожимая плечами*).

Сержъ! (*Уходитъ въ кофейную, Гаврило за нимъ*).

Паратовъ.

Это, господа, провинціальный актеръ, Счастливцевъ Аркадій.

Вожеватовъ.

Почему-же онъ Робинзонъ?

Паратовъ.

А вотъ почему: ѣхалъ онъ на какомъ-то пароходѣ, ужь не знаю, съ другомъ своимъ, съ купеческимъ сыномъ Непутевымъ, разумѣется, оба пьяные, до послѣдней возможности Творили они, что только въ голову придетъ, публика все терпѣла. Наконецъ, въ довершеніе безобразія, придумали драматическое представленіе: раздѣлись, разрѣзали подушку, вывалялись въ пуху и начали изображать дикихъ; тутъ ужь капитанъ, по требованію пассажировъ, и высадилъ ихъ на пустой островъ. Бѣжимъ мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взываетъ, поднявши руки къ верху. Я сейчасъ «стопъ», сажусь самъ въ шлюпку и обрѣтаю артиста Счастливцева.

Взявъ его на пароходъ, одѣлъ съ ногъ до головы въ свое платье, благо у меня много лишняго. Господа, я имѣю слабость къ артистамъ... Вотъ почему онъ Робинзонъ.

Вожеватовъ.

А Непутевый на островѣ остался?

Паратовъ.

Да, на что онъ мнѣ; пусть провѣтрится. Сами посудите, господа, вѣдь въ дорогѣ скука смертная, всякому товарищу радъ.

Кнуровъ.

Еще-бы, конечно.

Вожеватовъ.

Это такое счастье, такое счастье! Вотъ находка-то золотая!

Кнуровъ.

Одно только непріятно: пьянствомъ одолѣетъ.

Паратовъ.

Нѣтъ, со мной, господа, нельзя, я строгъ на этотъ счетъ. Денегъ у него нѣтъ, безъ моего разрѣшенія давать не велѣно, а у меня какъ попроситъ, такъ ему въ руки французскіе разговоры, на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, безъ того не дамъ... Ну и учитъ, сидитъ. Какъ старается!

Вожеватовъ.

Эко вамъ счастье, Сергѣй Сергѣичъ! Кажется, ничего-бъ не пожалѣлъ за такого человѣка, а нѣтъ, какъ нѣтъ. Онъ хорошій актеръ?

Паратовъ.

Ну, нѣтъ, какой хорошій! Онъ всѣ амплуа прошелъ и въ суфлерахъ былъ; а теперь въ опереткахъ играетъ. Ничего, такъ себѣ, смѣшитъ.

Вожеватовъ.

Значитъ веселый?

Паратовъ.

Потѣшный господинъ.

Вожеватовъ.

А пошутить съ нимъ можно?

Паратовъ.

Ничего, онъ не обидчивъ... Вотъ отводите свою душу, могу его вамъ дня на два, на три предоставить.

Вожеватовъ.

Очень благодаренъ. Коли придетъ по нраву, такъ не останется въ накладѣ.

Кнуровъ.

Какъ это вамъ, Сергѣй Сергѣичъ, не жаль Ласточку продавать?

Паратовъ.

Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокій Парменычъ, ничего завѣтнаго нѣтъ; найду выгоду, такъ все продамъ, что угодно. А теперь, господа, у меня другія дѣла и другіе разсчеты. Я женюсь на дѣвушкѣ очень богатой, беру въ приданое золотые пріиски.

Вожеватовъ.

Приданое хорошее.

Паратовъ.

Но достается оно мнѣ не дешево; я долженъ проститься съ моей свободой, съ моей веселой жизнью. По этому надо постараться, какъ можно повеселѣе провести послѣдніе дни.

Вожеватовъ.

Будемъ стараться, Сергѣй Сергѣичъ, будемъ стараться.

Паратовъ.

Отецъ моей невѣсты важный чиновный господинъ, старикъ строгій: онъ слышать не можетъ о цыганахъ, о кутежахъ и о прочемъ; даже не любитъ, кто много куритъ табаку. Тутъ ужь надѣвай фракъ и parlez français! Вотъ я теперь и практикуюсь съ Робинзономъ. Только онъ, для важности, что-ли, ужь не знаю, зоветъ меня: «ля Сержъ», а не просто Сержъ. Умора! (*На крыльцѣ кофейной показывается Робинзонъ, что-то жуетъ, за нимъ Гаврило*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврило, Иванъ.

Паратовъ (*Робинзону*).

Que faites vous là? Venez!

Робинзонъ (*съ важностью*).

Comment?

Паратовъ.

Что за прелесть! Каковъ тонъ, господа? (*Робинзону*). Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира.

Вожеватовъ.

Да, это за ними водится.

Робинзонъ.

Ля-Сержъ, ты ужь успѣлъ... Очень нужно было.

Паратовъ.

Да, извини, я твой псевдонимъ разскрылъ.

Вожеватовъ.

Мы, Робинзонъ, тебя не выдадимъ, ты у насъ такъ за англичанина и пойдешь.

Робинзонъ.

Какъ съ разу на «ты»? Мы съ вами брудершафтъ не пили.

Вожеватовъ.

Это все равно... Что за церемоніи!

Робинзонъ.

Но я фамильярности не терплю и не позволяю всякому...

Вожеватовъ.

Да я не всякій...

Робинзонъ.

А кто-же вы?

Вожеватовъ.

Купецъ.

Робинзонъ.

Богатый?

Вожеватовъ.

Богатый.

Робинзонъ.

И тароватый?

Вожеватовъ.

И тароватый.

Робинзонъ.

Вотъ это въ моемъ вкусѣ. (*Подаетъ руку Вожеватову*). Очень пріятно. Вотъ теперь я могу тебѣ позволить обращаться со мной за просто.

Вожеватовъ.

Значитъ пріятели: два тѣла—одна душа.

Робинзонъ.

И одинъ карманъ. Имя, отчество? То-есть, одно имя, отчества не надо.

Вожеватовъ.

Василій Данилычъ.

Робинзонъ.

Такъ вотъ, Вася, для перваго знакомства, заплати за меня

Вожеватовъ.

Гаврило, запиши! Сергѣй Сергѣичъ, мы нынче вечеромъ прогулочку сочинимъ за Волгу. На одномъ—катерѣ цыгане, на другомъ—мы; пріѣдемъ, усядемся на коврикѣ, жженочку сваримъ.

Гаврило.

А у меня, Сергѣй Сергѣичъ, два ананасика давно васъ дожидаются, надо ихъ нарушить для вашего пріѣзда.

Паратовъ (*Гаврилу*).

Хорошо, срѣжь! (*Вожеватову*). Дѣлайте, господа, со мной что хотите.

Гаврило.

Да ужь я, Василій Данилычъ, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для такихъ оказій, ужь я и своихъ людей съ вами отпущу.

Вожеватовъ.

Ну, ладно. Чтобы къ шести часамъ все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будетъ, а за недостачу отвѣтишь.

Гаврило.

Понимаемъ-съ.

Вожеватовъ.

А назадъ поѣдемъ, на катерахъ разноцвѣтные фонарики зажжемъ.

Робинзонъ.

Давно-ли я его знаю, а ужь полюбилъ господа. Вотъ чудо-то!

Паратовъ.

Главное, чтобъ весело. Я прощаюсь съ холостой жизнью, такъ чтобъ было чѣмъ ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мнѣ.

Вожеватовъ.

Эка досада! Вѣдь нельзя, Сергѣй Сергѣичъ...

Кнуровъ.

Отозваны мы.

Паратовъ.

Откажитесь, господа!

Вожеватовъ.

Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитріевна выходитъ замужъ, такъ мы у жениха обѣдаемъ.

Паратовъ.

Лариса выходитъ замужъ! (*Задумывается*). Что-жъ... Богъ съ ней!.. Это даже лучше. Я немножко виноватъ передъ ней, то есть такъ виноватъ, что не долженъ бы и носу къ нимъ показывать; ну, а теперь она выходитъ замужъ, значитъ, старые счеты покончены и я могу опять явиться, поцѣловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну, для краткости, тетенькой зову. Вѣдь я было чуть не женился на Ларисѣ, — вотъ-бы людей-то насмѣшилъ! Да, разыгралъ было дурака. Замужъ выходитъ... это очень мило съ ея стороны; всетаки на душѣ у меня немного полегче... и дай ей Богъ здоровья и всякаго благополучія! Заѣду я къ нимъ, заѣду; любопытно, очень любопытно поглядѣть на нее.

Вожеватовъ.

Ужь навѣрное и васъ пригласятъ.

Паратовъ.

Само собой, какъ-же можно безъ меня!

Кнуровъ.

Я очень радъ, всетаки будетъ съ кѣмъ хоть слово за обѣдомъ перемолвить.

Вожеватовъ.

Тамъ и потолкуемъ, какъ намъ веселѣе время провести, можетъ, и еще что придумаемъ.

Паратовъ.

Да, господа, жизнь коротка, говорятъ философы, такъ надо умѣть ею пользоваться... N'est ce pas, Робинзонъ?

Робинзонъ.

Вуй, ля-Сержъ!

Вожеватовъ.

Постараемся, скучать не будете, на томъ стоимъ. Мы третій катеръ прихватимъ, полковую музыку посадимъ.

Паратовъ.

До свиданія, господа! Я въ гостиницу... Маршъ, Робинзонъ!

Робинзонъ (*поднимая шляпу*).

Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Огудалова.
Лариса.
Карандышевъ.
Паратовъ.
Кнуровъ.
Вожеватовъ.
Робинзонъ.
Илья, цыганъ.
Лакей Огудаловой.

Комната въ домѣ Огудаловой. Двѣ двери: одна въ глубинѣ, — входная, другая налѣво (отъ актеровъ) направо — окно; мебель приличная; фортепьяно, на немъ лежитъ гитара.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Огудалова (*одна, подходитъ къ двери налѣво, съ коробочкой въ рукахъ*).

Лариса, Лариса! (*Лариса за сценой*: «*я мама одѣваюсь*»). Погляди-ка, какой тебѣ подарокъ Вася привезъ! (*Лариса за сценой:* «*послѣ погляжу!*»). Какія вещи—рублей 500 стоятъ. Положите, говоритъ, завтра по утру въ ея комнату и не говорите, отъ кого. А вѣдь знаетъ, плутишка, что я не утерплю,—скажу. Я его просила посидѣть, не остался; съ какимъ-то иностранцемъ ѣздитъ, городъ ему показываетъ. Да вѣдь шутъ онъ, у него не разберешь, нарочно онъ, или вправду. «Надо, говоритъ, этому иностранцу всѣ замѣчательныя трактирныя заведенія показать!» Хотѣлъ къ намъ привезти этого иностранца (*взглянувъ въ окно*). А вотъ и Мокій Парменычъ! Не выходи, я лучше одна съ нимъ потолкую. (*Входитъ Кнуровъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Огудалова, Кнуровъ.

Кнуровъ (*въ дверяхъ*).

У васъ никого нѣтъ?

Огудалова.

Никого, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ (*входитъ*).

Ну, и прекрасно.

Огудалова.

На чемъ записать такое счастіе! Благодарна, Мокій Парменычъ, очень благодарна, что удостоили. Я такъ рада, растерялась, право... не знаю гдѣ и посадить васъ.

Кнуровъ.

Все равно, сяду гдѣ нибудь (*садится*).

Огудалова.

А Ларису извините: она переодѣвается. Да вѣдь можно ее поторопить.

Кнуровъ.

Нѣтъ, зачѣмъ безпокоить!

Огудалова.

Какъ это вы вздумали?

Кнуровъ.

Брожу, вѣдь, я много пѣшкомъ передъ обѣдомъ-то, ну вотъ и зашелъ.

Огудалова.

Будьте увѣрены, Мокій Парменычъ, что мы за особенное счастье поставляемъ вашъ визитъ; ни съ чѣмъ этого сравнить нельзя.

Кнуровъ.

Такъ выдаете замужъ Ларису Дмитріевну?

Огудалова.

Да, замужъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Нашелся женихъ, который беретъ безъ денегъ?

Огудалова.

Безъ денегъ, Мокій Парменычъ! Гдѣ-жъ намъ взять денегъ-то?

Кнуровъ.

Что-жъ онъ, средства имѣетъ большія, женихъ-то вашъ?

Огудалова.

Какія средства! Самыя ограниченныя!

Кнуровъ.

Да... А какъ вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитріевну за человѣка бѣднаго?

Огудалова.

Не знаю, Мокій Парменычъ! Я тутъ ни причемъ: ея воля была.

Кнуровъ.

Ну, а этотъ молодой человѣкъ, какъ по вашему, хорошо поступаетъ?

Огудалова.

Что-жъ, я нахожу, что это похвально съ его стороны.

Кнуровъ.

Ничего тутъ нѣтъ похвальнаго, напротивъ, это непохвально. Пожалуй, съ своей точки зрѣнія, онъ не глупъ: что онъ такое... кто его знаетъ, кто на него обратитъ вниманіе! А теперь весь городъ заговоритъ про него, онъ влѣзаетъ въ лучшее общество, онъ позволяетъ себѣ приглашать меня на обѣдъ, напримѣръ... Но вотъ что глупо: онъ не подумалъ, или не захотѣлъ подумать, какъ и чемъ ему жить съ такой женой. Вотъ объ чемъ поговорить намъ съ вами слѣдуетъ.

Огудалова.

Сдѣлайте одолженіе, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Какъ вы думаете о вашей дочери, что она такое?

Огудалова.

Да ужь я не знаю, что и говорить; мнѣ одно осталось: слушать васъ.

Кнуровъ.

Вѣдь въ Ларисѣ Дмитріевнѣ земнаго, этого житейскаго,

нѣтъ. Ну, понимаете, тривіальнаго, что нужно для бѣдной семейной жизни?

Огудалова.

Ничего нѣтъ, ничего.

Кнуровъ.

Вѣдь это эфиръ?

Огудалова.

Эфиръ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Она создана для блеску!

Огудалова.

Для блеску, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Ну, а можетъ-ли вашъ Карандышевъ доставить ей этотъ блескъ?

Огудалова.

Нѣтъ, гдѣ-же!

Кнуровъ.

Бѣдной полумѣщанской жизни она не вынесетъ. Что-жъ остается ей? Зачахнуть, а потомъ, какъ водится—чахотка.

Огудалова.

Ахъ, что вы, что вы! Сохрани Богъ!

Кнуровъ.

Хорошо, если она догадается поскорѣе бросить мужа и вернуться къ вамъ.

Огудалова.

Опять бѣда, Мокій Парменычъ, чѣмъ мнѣ жить съ дочерью!

Кнуровъ.

Ну, эта бѣда поправимая. Теплое участіе сильнаго богатаго человѣка...

Огудалова.

Хорошо, какъ найдется это участіе.

Кнуровъ.

Надо постараться пріобрѣсть. Въ такихъ случаяхъ добраго друга, солиднаго, прочнаго имѣть необходимо.

Огудалова.

Ужь какъ необходимо -то.

Кнуровъ.

Вы можете мнѣ сказать, что она еще и замужъ-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она можетъ разойтись съ мужемъ. Да, пожалуй, можетъ быть, что и очень далеко, а вѣдь можетъ быть, что и очень близко. Такъ лучше предупредить васъ, чтобъ вы еще не сдѣлали какой-нибудь ошибки, чтобъ знали, что я для Ларисы Дмитріевны ничего не пожалѣю... Что вы улыбаетесь?

Огудалова.

Я очень рада, Мокій Парменычъ, что вы такъ расположены къ намъ.

Кнуровъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что такія предложенія не бываютъ безкорыстны?

Огудалова.

Ахъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Обижайтесь, если угодно, прогоните меня!

Огудалова (*конфузясь*).

Ахъ, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Найдите такихъ людей, которые посулятъ вамъ десятки тысячъ даромъ, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать; не найдете. Но я увлекся въ сторону, я пришелъ не для этихъ разговоровъ. Что это у васъ за коробочка?

Огудалова.

Это я, Мокій Парменычъ, хотѣла дочери подарокъ сдѣлать...

Кнуровъ (*разсматривая вещи*).

Да...

Огудалова.

Да дорого, не по карману.

Кнуровъ (*отдаетъ коробочку*).

Ну, это пустяки, есть дѣла поважнѣе. Вамъ нужно сдѣлать для Ларисы Дмитріевны гардеробъ, то есть мало сказать хорошій—очень хорошій. Подвѣнечное платье, ну, и все тамъ, что слѣдуетъ.

Огудалова.

Да, да, Мокій Парменычъ.

Кнуровъ.

Обидно будетъ видѣть, если ее одѣнутъ кой-какъ. Такъ вы закажите все это въ лучшемъ магазинѣ, да не разсчитывайте и не копѣйничайте! А счеты пришлите ко мнѣ: я заплачу.

Огудалова.

Право, даже ужь и словъ-то не подберешь, какъ благодарить васъ.

Кнуровъ.

Вотъ зачѣмъ собственно я зашелъ къ вамъ. (*Встаетъ*).

Огудалова.

А все-таки мнѣ завтра хотѣлось-бы дочери сюрпризъ сдѣлать. Сердце матери, знаете...

Кнуровъ (*беретъ коробочку*).

Ну, что тамъ такое? Что стóитъ?

Огудалова.

Оцѣните, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Что тутъ цѣнить! Пустое дѣло! Триста рублей это стóитъ. (*Достаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Огудаловой*). До свиданья! Я пойду еще побродить... Я нынче на хорошій обѣдъ разсчитываю. За обѣдомъ увидимся. (*Идетъ къ дверямъ*).

Огудалова.

Очень, очень вамъ благодарна за все, Мокій Парменычъ, за все! (*Кнуровъ уходитъ. Входитъ Лариса съ корзинкой въ рукѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Огудалова, Лариса.

Лариса (*ставитъ корзинку на столъ и разсматриваетъ вещи въ коробочкѣ*).

Это Вася-то подарилъ? Не дурно. Какой милый!

Огудалова.

«Не дурно!» Это очень дорогія вещи. Будто ты не рада?

Лариса.

Никакой особенной радости не чувствую.

Огудалова.

Ты поблагодари Васю, такъ шепни ему на ухо: «благодарю, молъ». И Кнурову тоже.

Лариса.

А Кнурову за что?

Огудалова.

Ужъ такъ надо; я знаю за что.

Лариса.

Ахъ, мама, все то у тебя секреты, да хитрости.

Огудалова.

Ну, ну, хитрости! Безъ хитростей на свѣтѣ не проживешь.

Лариса (*беретъ гитару, садится къ окну и запѣваетъ*).

Матушка голубушка, солнышко мое,
Пожалѣй, родимая, дитятко твое.

Юлій Капитонычъ хочетъ въ мировые судьи баллотироваться.

Огудалова.

Ну, вотъ и прекрасно! Въ какой уѣздъ?

Лариса.

Въ Заболотье.

Огудалова.

Ай, въ лѣсъ вѣдь это? Что ему вздумалось такую даль?

Лариса.

Тамъ кандидатовъ меньше: навѣрно выберутъ.

Огудалова.

Что-жъ, ничего—и тамъ люди живутъ.

Лариса.

Мнѣ хоть-бы въ лѣсъ, да только поскорѣй отсюда вырваться.

Огудалова.

Да оно и хорошо въ захолустьи пожить, тамъ и твой

Карандышевъ милъ покажется, пожалуй, первымъ человѣкомъ въ уѣздѣ будетъ, вотъ, помаленьку и привыкнешь къ нему.

Лариса.

Да онъ и здѣсь хорошъ; я въ немъ ничего не замѣчаю дурнаго.

Огудалова.

Ну, что ужь! Такіе-ль хорошіе-то бываютъ!

Лариса.

Конечно, есть и лучше; я сама это очень хорошо знаю.

Огудалова.

Есть, да не про нашу честь.

Лариса.

Теперь для меня и этотъ хорошъ... Да что толковать, дѣло рѣшеное.

Огудалова.

Я вѣдь только радуюсь, что онъ тебѣ нравится. Славу Богу! Осуждать его передъ тобой я не стану, а и притворяться-то намъ другъ передъ другомъ нечего,—ты сама не слѣпая.

Лариса.

Я ослѣпла, я всѣ чувства потеряла, да и рада. Давно ужь точно во снѣ вижу, что кругомъ меня происходитъ. Нѣтъ, уѣхать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать къ Юлію Капитонычу. Скоро и лѣто пройдетъ, а я хочу гулять по лѣсамъ, собирать ягоды, грибы...

Огудалова.

Вотъ для чего ты корзиночку-то приготовила. Понимаю теперь. Ты ужь и шляпу соломенную съ широкими полями заведи, вотъ и будешь пастушкой.

Лариса.

И шляпу заведу. (*Запѣваетъ*).

Не искушай меня безъ нужды...

Тамъ спокойствіе, тишина.

Огудалова.

А вотъ сентябрь настанетъ, такъ не очень тихо будетъ: вѣтеръ-то загудитъ въ окно.

Лариса.

Ну, что-жъ такое?

Огудалова.

Волки завоютъ на разные голоса.

Лариса.

Все-таки лучше, чѣмъ здѣсь. Я, по крайней мѣрѣ, душой отдохну.

Огудалова.

Да развѣ я тебя отговариваю? Поѣзжай, сдѣлай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италія. Это я обязана тебѣ сказать, а то, какъ ты разочаруешься, такъ меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Лариса.

Благодарю тебя... Но пусть тамъ и дико, и глухо, и холодно; для меня послѣ той жизни, которую я здѣсь испытала, всякій тихій уголокъ покажется раемъ. Что это Юлій Капитонычъ медлитъ, я не понимаю.

Огудалова.

До деревни-ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и не удивительно: изъ ничего, да въ люди попалъ.

Лариса (*напѣваетъ*).

Не искушай меня безъ нужды...

Экая досада, не налажу никакъ. (*Взглянувъ въ окно*). Илья, Илья! Зайди на минутку! Наберу съ собой въ деревню романсовъ и буду играть да пѣть отъ скуки. (*Входитъ Илья*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Огудалова, Лариса, Илья.

Илья.

Съ праздникомъ! Дай Богъ здорово да счастливо! (*Кладетъ фуражку на стулъ у двери*).

Лариса.

Илья, наладь мнѣ: «Не искушай меня безъ нужды». Все сбиваюсь. (*Подаетъ гитару*).

Илья.

Сейчасъ, барышня! (*Беретъ гитару и подстраиваетъ*). Хороша пѣсня; она въ три голоса хороша, теноръ надо: второе колѣно дѣлаетъ... Больно хорошо. А у насъ, бѣда, ахъ, бѣда!

Огудалова.

Какая бѣда?

Илья.

Антонъ у насъ есть, теноръ поетъ...

Огудалова.

Знаю, знаю.

Илья.

Одинъ теноръ и есть, а то все басы.—Какіе басы, какія басы! А теноръ одинъ Антонъ!

Огудалова.

Такъ чтожъ?

Илья.

Не годится въ хоръ—хоть брось.

Огудалова.

Нездоровъ?

Илья.

Нѣтъ здоровъ, совсѣмъ невредимый.

Огудалова.

Что-же съ нимъ?

Илья.

Пополамъ перегнуло на бокъ, совсѣмъ угломъ, такъ глаголемъ и ходитъ... другая недѣля... ахъ, бѣда! Теперь въ хорѣ всякій лишній человѣкъ дорого стоитъ, а безъ тенора какъ быть! Къ дохтору ходилъ, дохторъ и говоритъ «черезъ недѣлю, черезъ двѣ отпуститъ, опять прямой будешь». А намъ теперь его надо.

Лариса.

Да ты пой!

Илья.

Сейчасъ, барышня... Секунда фальшивитъ. Вотъ бѣда, вотъ бѣда! Въ хорѣ надо браво стоять, а его на бокъ перегнуло.

Огудалова.

Отъ чего это съ нимъ?

Илья.

Отъ глупости.

Огудалова.

Отъ какой глупости?

Илья.

Такая есть глупость въ насъ. Говорилъ: «наблюдай, Антонъ эту осторожность!» А онъ не понимаемъ.

Огудалова.

Да и мы не понимаетъ.

Илья.

Ну, не вамъ будь сказано: гулялъ. Такъ гулялъ, такъ гулялъ! Я говорю: Антонъ, наблюдай эту осторожность! А онъ не понимаетъ. Ахъ, бѣда, ахъ, бѣда! Теперь сто рублей человѣкъ стоитъ, вотъ какое дѣло у насъ, такого барина ждемъ, а Антона на бокъ свело. Какой прямой цыганъ былъ, а теперь кривой! (*запѣваетъ басомъ*) «Не искушай...» (*Голосъ съ окна*: «*Илья, Илья, чи одарикъ! чи сегерь!*») *) Намо? Со туки требе! **) (*Голосъ съ улицы*: «*Иди, баринъ пріѣхалъ!*») Хохаveса! ***) (*Голосъ съ улицы*: «*Вѣрно пріѣхалъ!*»). Некогда, барышня, баринъ пріѣхалъ! (*Кладетъ гитару и беретъ фуражку*).

Огудалова.

Какой баринъ!

Илья.

Такой баринъ, ждемъ не дождемся: годъ ждали, вотъ какой баринъ! (*Уходитъ*).

---

*) Поди сюда. Иди скорѣй!

**) Зачѣмъ? Что тебѣ?

***) Обманываешь.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Огудалова, Лариса.

Огудалова.

Кто жъ-бы это пріѣхалъ? Должно быть богатый и, вѣроятно, Лариса, холостой, коли цыгане такъ ему обрадовались. Видно, ужъ у цыганъ и живетъ. Ахъ, Лариса, не прозѣвали-ли мы жениха? Куда торопиться то было?

Лариса.

Ахъ, мама, мало чтоли-ли я страдала? Нѣтъ, довольно унижаться.

Огудалова.

Эко страшное слово сказала: «унижаться»! Испугать, чтоли, меня вздумала? Мы люди бѣдные, намъ унижаться-то всю жизнь. Такъ ужь лучше унижаться съ молоду, чтобъ потомъ пожить по человѣчески.

Лариса.

Нѣтъ, не могу, тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова.

А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничемъ.

Лариса.

Опять притворяться, опять лгать.

Огудалова.

И притворяйся и лги! Счастье не пойдетъ за тобой, если сама отъ него бѣгаешь. (*Входитъ Карандышевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Огудалова, Лариса, Карандышевъ.

Огудалова.

Юлій Капитонычъ, Лариса у насъ въ деревню собралась, вотъ и корзинку для грибовъ приготовила.

Лариса.

Да, сдѣлайте для меня эту милость, поѣдемте поскорѣй!

Карандышевъ.

Я васъ не понимаю; куда вы торопитесь, зачѣмъ?

Лариса.

Мнѣ такъ хочется бѣжать отсюда.

Карандышевъ (*запальчиво*).

Отъ кого бѣжать? Кто васъ гонитъ? Или вы стыдитесь за меня, что-ли?

Лариса (*холодно*).

Нѣтъ, я за васъ не стыжусь. Не знаю, что дальше будетъ а пока вы мнѣ еще повода не подали.

Карандышевъ.

Такъ зачѣмъ бѣжать, зачѣмъ скрываться отъ людей? Дайте мнѣ время устроиться, опомниться, прійти въ себя! Я радъ, я счастливъ. Дайте мнѣ возможность почувствовать всю пріятность моего положенія.

Огудалова.

Повеличаться.

Карандышевъ.

Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенесъ уколовъ для своего самолюбія, моя гордость не разъ была оскорблена; теперь я хочу и въ правѣ погордиться и повеличаться.

Лариса.

Вы когда-же думаете ѣхать въ деревню?

Карандышевъ.

Послѣ свадьбы когда вамъ угодно, хоть на другой день. Только вѣнчаться непремѣнно здѣсь, чтобы не сказали, что мы прячемся, потому что я не женихъ вамъ, не пара, а только та соломенка, за которую хватается утопающій.

Лариса.

Да вѣдь послѣднее-то почти такъ, Юлій Капитонычъ, вотъ это правда.

Карандышевъ (*съ сердцемъ*).

Такъ правду эту вы знайте про себя! (*Сквозь слезы*). Пожалѣйте вы меня хоть сколько нибудь! Пусть хоть посторонніе-то думаютъ, что вы любите меня, что выборъ вашъ былъ свободенъ.

Лариса.

Зачѣмъ это?

Карандышевъ.

Какъ зачѣмъ? Развѣ вы ужь совсѣмъ не допускаете въ человѣкѣ самолюбія?

Лариса.

Самолюбіе! Вы только о себѣ! Всѣ себя любятъ! Когда-же меня-то будетъ любить кто-нибудь? Доведете вы меня до погибели?

Огудалова.

Полно, Лариса, что ты?

Лариса.

Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте; если ужь свадьба будетъ здѣсь, такъ, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы какъ можно тише, скромнѣе.

Огудалова.

Нѣтъ, ты не фантазируй! Свадьба, такъ свадьба! Я, Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь такъ, что здѣсь и не видывали!

Карандышевъ.

Да и я ничего не пожалѣю.

Лариса.

Ну, я молчу. Я вижу, что я для васъ кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

Карандышевъ.

Вотъ и обѣдъ сегодня для меня обойдется не дешево.

Огудалова.

А этотъ обѣдъ вашъ я считаю ужь совсѣмъ —лишнимъ,— напрасная трата.

Карандышевъ.

Да если бъ онъ стоилъ мнѣ вдвое. втрое, я-бъ не пожалѣлъ денегъ.

Огудалова.

Никому онъ не нуженъ.

Карандышевъ.

Мнѣ нуженъ.

Лариса.

Да зачѣмъ, Юлій Капитонычъ?

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна, три года я терпѣлъ униженія, три года я сносилъ насмѣшки прямо въ лицо отъ вашихъ знакомыхъ, надо-же и мнѣ, въ свою очередь, посмѣяться надъ ними!

Огудалова.

Что вы еще придумываете! Ссору, что-ли, затѣять хотите? Такъ мы съ Ларисой и не поѣдемъ.

Лариса.

Ахъ, пожалуйста, не обижайте никого.

Карандышевъ.

Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будетъ: все будетъ очень мирно. Я предложу за васъ тостъ и поблагодарю васъ публично за счастіе, которое вы дѣлаете мнѣ своимъ выборомъ, за то, что вы отнеслись ко мнѣ не такъ, какъ другіе, что вы оцѣнили меня и повѣрили въ искренность моихъ чувствъ. Вотъ и все, вотъ и вся моя месть!

Огудалова.

И все это совсѣмъ ненужно.

Карандышевъ.

Нѣтъ, ужь эти фаты одолѣли меня своимъ фанфаронствомъ Вѣдь не сами они нажили богатство, что-жъ они имъ хвастаются. По пятнадцати рублей за порцію чаю бросаютъ!

Огудалова.

Все это вы на бѣднаго Васю нападаете.

Карандышевъ.

Да не одинъ Вася, всѣ хороши. Вонъ посмотрите, что въ городѣ дѣлается, какая радость на лицахъ. Извощики всѣ повеселѣли, скачутъ по улицамъ, кричатъ другъ другу: «баринъ пріѣхалъ, баринъ пріѣхалъ...» Половые въ трактирахъ тоже сіяютъ, выбѣгаютъ на улицу, изъ трактира въ трактиръ перекликаются: «баринъ пріѣхалъ, баринъ пріѣхалъ!». Цыгане съ ума сошли, всѣ вдругъ галдятъ, машутъ руками. У гостинницы съѣздъ, толпа народу. Сейчасъ къ гостинницѣ четыре цыганки разряженныя въ коляскѣ подъѣхали, поздравить съ пріѣздомъ... Чудо, что за картина! А баринъ-то, я слышалъ, промотался совсѣмъ, послѣдній пароходишко продалъ. Кто пріѣхалъ? Промотавшійся кутило, развратный человѣкъ, и весь городъ радъ. Хороши нравы!

Огудалова.

Да кто пріѣхалъ-то?

Карандышевъ.

Вашъ Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ. (*Лариса въ испугѣ встаетъ*).

Огудалова.

А, такъ вотъ кто!

Лариса.

Поѣдемте въ деревню, сейчасъ поѣдемте!

Карандышевъ.

Теперь то и не нужно ѣхать.

Огудалова.

Что ты, Лариса, зачѣмъ отъ него прятаться? Онъ не разбойникъ!

Лариса.

Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете въ пропасть.

Огудалова.

Ты сумасшедшая!

Карандышевъ.

Чего вы боитесь?

Лариса.

Я не за себя боюсь.

Карандышевъ.

За кого-же?

Лариса.

За васъ.

Карандышевъ.

О, за меня не бойтесь! Я въ обиду не дамся. Попробуй онъ только задѣть меня, такъ увидитъ...

Огудалова.

Нѣтъ, что вы! Сохрани васъ Богъ! Это, вѣдь, не Вася. Вы поосторожнѣе съ нимъ, а то жизни не рады будете.

Карандышевъ (*у окна*).

Вотъ изволите видѣть, къ вамъ подъѣхалъ; четыре иноходца въ рядъ, и цыганъ на козлахъ съ кучеромъ. Какую пыль въ глаза пускаетъ. Оно, конечно, никому вреда нѣтъ, пусть тѣшится, а въ сущности то и гнусно, и глупо.

Лариса (*Карандышеву*).

Пойдемте, пойдемте ко мнѣ въ комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отдѣлайся отъ его визитовъ! (*Лариса и Карандышевъ уходятъ. Входитъ Паратовъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Огудалова, Паратовъ.

Паратовъ (*всю сцену ведетъ въ шутливо-серьезномъ тонѣ*).

Тетенька, ручку!

Огудалова (*протягивая руку*).

Ахъ, Сергѣй Сергѣичъ! Ахъ, родной мой!

Паратовъ.

Въ объятія желаете заключить? Можно! *(Обнимаются и цѣлуются).*

Огудалова.

Какимъ вѣтромъ занесло? Проѣздомъ, вѣроятно?

Паратовъ.

Нарочно сюда, и первый визитъ къ вамъ, тетенька!

Огудалова.

Благодарю. Какъ поживаете, какъ дѣла ваши?

Паратовъ.

Гнѣвить Бога нечего, тетенька, живу весело, а дѣла не важны.

Огудалова (*поглядѣвъ на Паратова*).

Сергѣй Сергѣичъ, скажите, мой родной, что это вы тогда такъ вдругъ исчезли?

Паратовъ.

Непріятную телеграмму получилъ, тетенька.

Огудалова.

Какую?

Паратовъ.

Управители мои и управляющіе свели безъ меня домокъ мой въ орѣховую скорлупку,—съ. Своими операціями довели было до аукціонной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имѣніе. Такъ я полетѣлъ тогда спасать свои животики-съ.

Огудалова.

И, разумѣется, все спасли и все устроили.

Паратовъ.

Никакъ нѣтъ-съ; устроилъ, да не совсѣмъ, брешь порядочная осталась. Впрочемъ, тетенька, духу не теряю и веселаго расположенія не утратилъ.

Огудалова.

Вижу, что не утратилъ.

Паратовъ.

На одномъ потеряемъ, на другомъ выиграемъ, тетенька, вотъ наше дѣло какое.

Огудалова.

На чемъ-же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

Паратовъ.

Не намъ, легкомысленнымъ джентльменамъ, новые обороты заводить! За это въ долговое отдѣленіе, тетенька.—Хочу продать свою волюшку.

Огудалова.

Понимаю; выгодно жениться хотите? А во сколько вы цѣните свою волюшку?

Паратовъ.

Въ полмилліона-съ.

Огудалова.

Порядочно.

Паратовъ.

Дешевле, тетенька, нельзя-съ, разсчету нѣтъ. себѣ дороже-сами знаете.

Огудалова.

Молодецъ мужчина!

Паратовъ.

Съ тѣмъ возьмите.

Огудалова.

Экой соколъ! Глядѣть на тебя, да радоваться.

Паратовъ.

Очень лестно слышать отъ васъ. Ручку пожалуйте *(цѣлуетъ руку)*.

Огудалова.

А покупатели, то есть, покупательницы-то есть?

Паратовъ.

Поискать, такъ найдутся.

Огудалова.

Извините за нескромный вопросъ!

Паратовъ.

Коли очень нескромный, такъ не спрашивайте, я стыдливъ.

Огудалова.

Да полно тебѣ шутить-то! Есть невѣста, или нѣтъ? Коли есть, такъ кто она?

Паратовъ.

Хоть зарѣжьте, не скажу.

Огудалова.

Ну, какъ знаешь.

Паратовъ.

Я бы желалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Ларисѣ Дмитріевнѣ. Могу я ее видѣть?

Огудалова.

Отъ чего-же... Я ее сейчасъ пришлю къ вамъ (*беретъ футляръ съ вещами*). Да, вотъ, Сергѣй Сергѣичъ, завтра Ларисы рожденіе, хотѣлось бы подарить ей эти вещи, да денегъ много не хватаетъ.

Паратовъ.

Тетенька, тетенька! вѣдь ужь человѣкъ съ трехъ взяли? Я тактику-то вашу помню.

Огудалова (*беретъ Паратова за ухо*).

Ахъ ты, проказникъ!

Паратовъ.

Я завтра самъ привезу подарокъ, получше этого.

Огудалова.

Я позову къ вамъ Ларису. (*Уходитъ. Входитъ Лариса*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Паратовъ, Лариса.

Паратовъ.

Не ожидали?

Лариса.

Нѣтъ, теперь не ожидала; Я ждала васъ долго, но ужь давно перестала ждать.

Паратовъ.

Отъ чего же перестали ждать?

Лариса.

Не надѣялась дождаться. Вы скрылись такъ неожиданно и ни одного письма.

Паратовъ.

Я не писалъ потому, что не могъ сообщить вамъ ничего пріятнаго.

Лариса

Я такъ и думала.

Паратовъ.

И замужъ выходите?

Лариса.

Да, замужъ.

Паратовъ.

А позвольте васъ спросить, долго вы меня ждали?

Лариса.

Зачѣмъ вамъ знать это?

Паратовъ.

Мнѣ не для любопытства, Лариса Дмитріевна, меня интересуютъ чисто теоретическія соображенія. Мнѣ хочется знать, скоро-ли женщина забываетъ страстно-любимаго человѣка: на другой день, послѣ разлуки съ нимъ, черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ... имѣлъ ли право Гамлетъ сказать матери, что она «башмаковъ еще не износила» и такъ далѣе...

Лариса.

На вашъ вопросъ я вамъ не отвѣчу, Сергѣй Сергѣичъ, можете думать обо мнѣ, что вамъ угодно.

Паратовъ.

Объ васъ я всегда буду думать съ уваженіемъ, но женщины вообще, послѣ вашего поступка, много теряютъ въ глазахъ моихъ.

Лариса.

Да какой мой поступокъ? Вы ничего не знаете.

Паратовъ.

Эти, „кроткіе, нѣжные взгляды“ этотъ сладкій любовный шепотъ, когда каждое слово чередуется съ глубокимъ вздохомъ, эти клятвы!.. И все это черезъ мѣсяцъ повторяется другому, какъ выученный урокъ. О, женщины!

Лариса.

Что «женщины»?

Паратовъ.

Ничтожество ваше имя!

Лариса

Ахъ, какъ вы смѣете такъ обижать меня? Развѣ вы знаете, что я послѣ васъ полюбила кого нибудь? Вы увѣрены въ этомъ?

Паратовъ.

Я не увѣренъ, но полагаю.

Лариса.

Чтобы такъ жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратовъ.

Вы выходите замужъ?

Лариса.

Но что меня заставило?.. Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляютъ любезничать, улыбаться, навязываютъ жениховъ, на которыхъ безъ отвращенія нельзя смотрѣть, если въ домѣ скандалы, если надо бѣжать и изъ дому и даже изъ города?

Паратовъ.

Лариса, такъ вы?..

Лариса.

Что «я»? Ну, что вы хотѣли сказать?

Паратовъ.

Извините! Я виноватъ передъ вами. Такъ вы не забыли

меня, вы еще... меня любите? (*Лариса молчитъ*). Ну, скажите, будьте откровенны!

Лариса.

Конечно, да. Нечего и спрашивать.

Паратовъ (*нѣжно цѣлуетъ руку Ларисы*).

Благодарю васъ, благодарю.

Лариса.

Вамъ только и нужно было: вы—человѣкъ гордый.

Паратовъ.

Уступить васъ я могу, я долженъ по обстоятельствамъ, но любовь вашу уступить было-бы тяжело.

Лариса.

Неужели?

Паратовъ.

Еслибъ вы предпочли мнѣ кого нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я не легко-бы простилъ вамъ это.

Лариса.

А теперь?

Паратовъ.

А теперь я во всю жизнь сохраню самое пріятное воспоминаніе о васъ и мы разстанемся, какъ лучшіе друзья.

Лариса.

Значитъ, пусть женщина плачетъ, страдаетъ, только-бы любила васъ?

Паратовъ.

Что дѣлать, Лариса Дмитріевна! Въ любви равенства нѣтъ, это ужь не мной заведено. Въ любви приходится иногда и плакать.

Лариса.

И непремѣнно женщинѣ?

Паратовъ.

Ужь, разумѣется, не мужчинѣ.

Лариса.

Да почему?

Паратовъ.

Очень просто, потому что если мужчина заплачетъ, такъ его бабой назовутъ, а эта кличка для мужчины хуже всего, что только можетъ изобрѣсть умъ человѣческій.

Лариса.

Кабы любовь-то была равная съ обѣихъ сторонъ, такъ слезъ-то бы не было. Бываетъ это когда нибудь?

Паратовъ.

Изрѣдка случается. Только ужь это какое-то кондитерское пирожное выходитъ, какое-то безэ.

Лариса.

Сергѣй Сергѣичъ, я сказала вамъ то, чего не должна была говорить; я надѣюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

Паратовъ.

Помилуйте, за кого-же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговоръ... Я, Лариса Дмитріевна, человѣкъ съ правилами, бракъ для меня дѣло священное. Я этого вольнодумства терпѣть не могу. Позвольте узнать: вашъ будущій супругъ, конечно, обладаетъ многими достоинствами?

Лариса.

Нѣтъ, однимъ только.

Паратовъ.

Не много.

Лариса.

За то дорогимъ.

Паратовъ.

А именно?

Лариса.

Онъ любитъ меня.

Паратовъ.

Дѣйствительно дорогимъ; это для домашняго обихода очень хорошо. (*Входятъ Огудалова и Карандышевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Паратовъ, Лариса, Огудалова, Карандышевъ, *потомъ* лакей.

Огудалова.

Позвольте васъ познакомить, господа! (*Паратову*) Юлій Капитонычъ Карандышевъ! (*Карандышеву*) Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ!

Паратовъ (*подавая руку Карандышеву*)

Мы ужь знакомы. (*Кланяясь*). Человѣкъ съ большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый другъ Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитріевны.

Карандышевъ (*сдержанно*).

Очень пріятно.

Огудалова.

Сергѣй Сергѣичъ у насъ въ домѣ, какъ родной.

Карандышевъ.

Очень пріятно.

Паратовъ (*Карандышеву*).

Вы не ревнивы?

Карандышевъ.

Я надѣюсь, что Лариса Дмитріевна не подастъ мнѣ никакого повода быть ревнивымъ.

Паратовъ.

Да вѣдь ревнивые люди ревнуютъ безъ всякаго повода.

Лариса.

Я ручаюсь, что Юлій Капитонычъ меня ревновать не будетъ.

Карандышевъ.

Да, конечно, но если-бы...

Паратовъ.

О да, да. Вѣроятно, это было-бы что нибудь очень ужасное.

Огудалова.

Что вы, господа, затѣяли! Развѣ нѣтъ другихъ разговоровъ, кромѣ ревности!

Лариса.

Мы, Сергѣй Сергѣичъ, скоро ѣдемъ въ деревню.

Паратовъ.

Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ?

Карандышевъ.

Что-же вы находите здѣсь прекраснаго?

Паратовъ.

Вѣдь это какъ кому; на вкусъ, на цвѣтъ образца нѣтъ.

Огудалова.

Правда, правда. Кому городъ нравится, а кому деревня.

Паратовъ.

Тетенька, у всякаго свой вкусъ: одинъ любитъ арбузъ, а другой свиной хрящикъ.

Огудалова.

Ахъ, проказникъ! Откуда вы столько пословицъ знаете?

Паратовъ.

Съ бурлаками водился, тетенька, такъ русскому языку выучишься.

Карандышевъ.

У бурлаковъ учиться русскому языку!

Паратовъ.

А почему-жъ у нихъ не учиться?

Карандышевъ.

Да потому, что мы считаемъ ихъ...

Паратовъ.

Кто это: мы?

Карандышевъ (*разгорячась*).

Мы, то есть образованные люди, а не бурлаки.

Паратовъ.

Ну-съ, чѣмъ-же вы считаете бурлаковъ? Я судохозяинъ и вступаюсь за нихъ, я самъ такой-же бурлакъ.

Карандышевъ.

Мы считаемъ ихъ образцомъ грубости и невѣжества.

Паратовъ.

Ну, далѣе, господинъ Карандышевъ!

Карандышевъ.

Все, больше ничего.

Паратовъ.

Нѣтъ, не все, главнаго недостаетъ: вамъ нужно просить извиненія.

Карандышевъ.

Мнѣ—извиняться!

Паратовъ.

Да, ужь нечего дѣлать, надо.

Карандышевъ.

Да съ какой стати? Это мое убѣжденіе.

Паратовъ.

Но-но-но-но! Отвилять нельзя.

Огудалова.

Господа, господа, что вы!

Паратовъ.

Не безпокойтесь, я за это на дуэль не вызову: вашъ женихъ цѣлъ останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать: а то страхъ забудутъ, забываться станутъ.

Лариса (*Карандышеву*).

Что вы дѣлаее? Просите извиненія сейчасъ, я вамъ приказываю.

Паратовъ (*Огудаловой*).

Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, такъ на недѣлю дома запираюсь, да казнь придумываю.

Карандышевъ (*Паратову*).

Я не понимаю...

Паратовъ.

Такъ выучитѣсь прежде понимать, да потомъ и разговаривайте!

Огудалова.

Сергѣй Сергѣичъ, я на колѣни брошусь передъ вами; ну, ради меня, извините его!

Паратовъ (*Карандышеву*).

Благодарите Хариту Игнатьевну. Я васъ прощаю. Только мой родной, разбирайтѣ людей! Я ѣду-ѣду, не свищу, а наѣду—не спущу! (*Карандышевъ хочетъ отвѣчать*).

Огудалова.

Не возражайте, не возражайте! А то я съ вами поссорюсь. Лариса, вели шампанскаго подать, да налей имъ по стаканчику—пусть выпьютъ мировую. (*Лариса уходитъ*). И ужь, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирнаго характера; я люблю, чтобъ все дружно было, согласно.

Паратовъ.

Я и самъ мирнаго характера, курицы не обижу; я никогда первый не начну, за себя я вамъ ручаюсь.

Огудалова.

Юлій Капитонычъ, вы—еще молодой человѣкъ, вамъ надо быть поскромнѣе, горячиться не слѣдуетъ. Извольте-ка вотъ пригласить Сергѣя Сергѣича на обѣдъ, извольте непремѣнно! Намъ очень пріятно быть съ нимъ вмѣстѣ.

Карандышевъ.

Я и самъ хотѣлъ. Сергѣй Сергѣичъ, угодно вамъ откушать у меня сегодня?

Паратовъ (*холодно*).

Съ удовольствіемъ. (*Входитъ Лариса, за ней человѣкъ съ бутылкой шампанскаго и съ стаканами на подносѣ*).

Лариса (*наливаетъ*).

Господа, прошу покорно. (*Паратовъ и Карандышевъ берутъ стаканы*). Прошу васъ быть друзьями.

Паратовъ.

Ваша просьба для меня равняется приказу.

Огудалова (*Карандышеву*).

Вотъ и вы берите примѣръ съ Сергѣя Сергѣича!

Карандышевъ.

Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитріевны—законъ. (*Входитъ Вожеватовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Огудалова, Лариса, Паратовъ, Карандышевъ, Вожеватовъ, потомъ Робинзонъ.

Вожеватовъ.

Гдѣ шампанское, тамъ и мы. Каково чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитріевна, позвольте бѣлокурому въ комнату войти!

Огудалова.

Какому бѣлокурому?

Вожеватовъ.

Сейчасъ увидите. Войди, бѣлокуръ! (*Робинзонъ входитъ*). Честь имѣю представить новаго друга моего: лордъ Робинзонъ.

Огудалова.

Очень пріятно.

Вожеватовъ (*Робинзону*).

Цѣлуй ручки! (*Робинзонъ цѣлуетъ руки у Огудаловой и Ларисы*). Ну, милордъ, теперь поди сюда!

Огудалова.

Что это вы какъ командуете вашимъ другомъ?

Вожеватовъ.

Онъ почти не бывалъ въ дамскомъ обществѣ, такъ застѣнчивъ. Все больше путешествовалъ, и по водѣ, и по сушѣ, а вотъ недавно совсѣмъ было одичалъ на необитаемомъ островѣ. (*Карандашеву*). Позвольте васъ познакомить! Лордъ Робинзонъ, Юлій Капитонычъ Карандышевъ!

Карандышевъ (*подавая руку Робинзону*).

Вы ужь давно выѣхали изъ Англіи?

Робинзонъ.

Yes. (*Йесъ*).

Вожеватовъ (*Паратову*).

Я его слова три по англійски выучилъ, да, признаться, и самъ-то не много больше знаю. (*Робинзону*). Что ты на вино-то поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

Огудалова.

Сдѣлайте одолженіе.

Вожеватовъ.

Англичане вѣдь цѣлый день пьютъ вино, съ утра.

Огудалова.

Неужели вы цѣлый день пьете?

Робинзонъ.

Yes.

Вожеватовъ.

Они три раза завтракаютъ, да потомъ обѣдаютъ съ 6 часовъ до 12-ти.

Огудалова.

Возможно-ли?

Робинзонъ.

Yes.

Вожеватовъ (*Робинзону*).

Ну, наливай!

Робинзонъ (*наливъ стаканы*).

If you plaese! (*Ифъ ю плизъ*). (*Пьютъ*).

Паратовъ (*Карандышеву*).

Пригласите и его обѣдать. Мы съ нимъ вездѣ вмѣстѣ, я безъ него не могу.

Карандышевъ.

Какъ его зовутъ?

Паратовъ.

Да кто-жъ ихъ по именамъ зоветъ? Лордъ, милордъ...

Карандышевъ.

Развѣ онъ лордъ?

Паратовъ.

Конечно, не лордъ; да они такъ любятъ. А то просто: сэръ Робинзонъ.

Карандышевъ (*Робинзону*).

Сэръ Робинзонъ, прошу покорно сегодня откушать у меня.

Робинзонъ.

I thank you (*ай сенкъ ю*).

Карандышевъ (*Огудаловой*).

Харита Игнатьевна, я отправлюсь домой, мнѣ нужно похлопотать кой о чемъ. (*Кланяясь всѣмъ*). Я васъ жду, господа. Честь имѣю кланяться! (*Уходитъ*).

Паратовъ (*беретъ шляпу*).

Да и намъ пора, надо отдохнуть съ дороги.

Вожеватовъ.

Къ обѣду приготовиться.

Огудалова.

Погодите, господа, не всѣ вдругъ. (*Огудалова и Лариса уходятъ за Карандышевымъ въ переднюю*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Паратовъ, Вожеватовъ, Робинзонъ.

Вожеватовъ.

Понравился вамъ женихъ?

Паратовъ.

Чему тутъ нравиться! Кому онъ можетъ нравиться! А еще разговариваетъ, гусь лапчатый!

Вожеватовъ.

Развѣ было что?

Паратовъ.

Былъ разговоръ небольшой. Топорщился тоже, какъ и человѣкъ, пѣтушиться тоже вздумалъ. Да погоди, дружокъ, я надъ тобой, дружокъ, потѣшусь. (*Ударивъ себя по лбу*). Ахъ, какая ная, блестящая! Ну. Робинзонъ, тебѣ предстоитъ работа трудмысль старайся...

Вожеватовъ.

Что такое?

Паратовъ.

А вотъ что... (*Прислушиваясь*) Идутъ! Послѣ скажу, господа. (*Входятъ Огудалова и Лариса*). Честь имѣю кланяться!

Вожеватовъ.

До свиданія! (*Раскланиваются*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Ефросинья Потаповна, тетка Карандышева.
Карандышевъ.
Огудалова.
Лариса.
Паратовъ.
Кнуровъ.
Вожеватовъ.
Робинзонъ.
Иванъ.
Илья, цыганъ.

Кабинетъ Карандышева. Комната, меблированная съ претензіями, но безъ вкуса; на одной стѣнѣ прибитъ предъ диваномъ коверъ, на которомъ развѣшено оружіе. Три двери: одна по срединѣ, двѣ по бокамъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ефросинья Потаповна, Иванъ (*выходитъ изъ двери на лѣво*).

Иванъ.

Лимоновъ пожалуйте!

Ефросинья Потаповна.

Какихъ лимоновъ, аспидъ?

Иванъ.

Мессинскихъ-съ.

Ефросинья Потаповна.

На что они тебѣ понадобились?

Иванъ.

Послѣ обѣда, которые господа кофей кушаютъ, а которые чай, такъ къ чаю требуются.

Ефросинья Потаповна.

Вымотали вы изъ меня всю душеньку нынче. Подай клюковнаго морсу, развѣ не все равно. Возьми тамъ у меня графинчикъ; ты поосторожнѣе, графинчикъ-то старенькій, пробочка и такъ еле держится, сургучикомъ подклеена. Пойдемъ, я сама выдамъ. (*Уходитъ въ среднюю дверь, Иванъ за ней. Входятъ Огудалова и Лариса слѣва*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Огудалова, Лариса.

Лариса.

Ахъ, мама, я не знала, куда дѣться.

Огудалова.

Я такъ и ожидала отъ него.

Лариса.

Что за обѣдъ, что за обѣдъ! А еще зоветъ Мокія Парменыча! Что онъ дѣлаетъ?

Огудалова.

Да, угостилъ, нечего сказать.

Лариса.

Ахъ, какъ нехорошо! Нѣтъ хуже этого стыда, когда приходится за другихъ стыдиться... Вотъ мы ни въ чемъ не виноваты, а стыдно, стыдно, такъ-бы убѣжала куда-нибудь. А онъ какъ будто не замѣчаетъ ничего онъ даже веселъ.

Огудалова.

Да ему и замѣтить нельзя: онъ ничего не знаетъ, онъ никогда и не видывалъ, какъ порядочные люди обѣдаютъ. Онъ еще думаетъ, что удивилъ всѣхъ своей роскошью; вотъ онъ и веселъ. Да развѣ ты не замѣчаешь? Его нарочно подпаиваютъ.

Лариса.

Ахъ, ахъ! останови его, останови его!

Огудалова.

Какъ остановить! онъ—не малолѣтній, пора безъ няньки жить.

Лариса.

Да вѣдь онъ не глупъ, какъ же онъ не видитъ этого!

Огудалова.

Не глупъ, да самолюбивъ. Надъ нимъ подтруниваютъ, вина похваливаютъ, онъ и радъ; сами-то только видъ дѣлаютъ, что пьютъ, а ему подливаютъ.

Лариса.

Ахъ! я боюсь, всего боюсь. Зачѣмъ они это дѣлаютъ?

Огудалова.

Да такъ просто, позабавиться хотятъ.

Лариса

Да вѣдь они меня терзаютъ-то?

Огудалова.

А кому нужно, что ты терзаешься. Вотъ, Лариса, еще ничего не видя, а ужь терзаніе; что дальше-то будетъ?

Лариса.

Ахъ, дѣло сдѣлано, можно только жалѣть, а поправить нельзя. (*Входитъ Ефросинья Потаповна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Огудалова, Лариса и Ефросинья Потаповна.

Ефросинья Потаповна.

Ужь откушали? А чаю не угодно?

Огудалова.

Нѣтъ, увольте.

Ефросинья Потаповна.

А мущины-то что?

Огудалова.

Они тамъ сидятъ, разговариваютъ.

Ефросинья Потаповна.

Ну, покушали, и вставали-бы; чего еще дожидаются? Ужь достанся мнѣ этотъ обѣдъ; что хлопотъ, что изъяну! Поваришки разбойники, въ кухню-то точно какой побѣдитель придетъ, слова ему сказать не смѣй!

Огудалова.

Да объ чемъ съ нимъ разговаривать? Коли онъ хорошій поваръ, такъ учить его не надо.

Ефросинья Потаповна.

Да не объ ученьи рѣчь, а много очень добра изводятъ. Кабы свой матеріалъ, домашній, деревенскій, такъ я бы слова не сказала, а то купленный, дорогой, такъ его и жалко. Помилуйте, требуетъ сахару, ванилю, рыбьяго клею; а ваниль этотъ дорогой, а рыбій клей еще дороже. Ну, и положилъ бы чуточку для духу, а онъ валитъ зря: сердце-то и мретъ, на него глядя.

Огудалова.

Да, для разсчетливыхъ людей, конечно...

Ефросинья Потаповна.

Какіе тутъ расчеты, коли человѣкъ съ ума сошелъ. Возьмемъ стерлядь: развѣ вкусъ-то въ ней не одинъ, что большая, что маленькая? А въ цѣнѣ-то разница, охъ, велика! Полтинничекъ десятокъ и за глаза бы, а онъ по полтиннику штуку платилъ.

Огудалова.

Ну, этимъ, что были за обѣдомъ, еще погулять по Волгѣ да подрости бы не мѣшало.

Ефросинья Птаповна.

Ахъ, да вѣдь, пожалуй, есть и въ рубль и въ два; плати, у кого деньги бѣшеныя. Кабы для начальника какого вы-

сокаго, али для владыки, ну, ужь это такъ и полагается, а то для кого! Опять вино хотѣлъ было дорогое покупать, въ рубль и больше, да купецъ честный человѣкъ попался: берите, говоритъ, кругомъ по шести гривенъ за бутылку, а ерлыки наклеимъ, какіе прикажете! Ужь и вино отпустилъ! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, такъ и гвоздикой-то пахнетъ, и розаномъ пахнетъ, и еще чѣмъ то. Какъ ему быть дешевымъ, когда въ него столько дорогихъ духовъ кладется! И деньги немалыя: шесть гривенъ за бутылку; а ужь и стоитъ дать. А дороже платить не изъ чего, жалованьемъ живемъ. Вотъ у насъ сосѣдъ женился, такъ къ нему этого одного пуху: перинъ да подушекъ, возили-возили, возили-возили, да все чистаго; потомъ пушнаго: и лисица, и куница, и соболь! Все это въ домъ, такъ есть изъ чего ему тратиться. А вотъ рядомъ чиновникъ женился, такъ всего приданаго привезли фортепьяны старыя. Не разживешься. Все равно и намъ форсить некстати.

Лариса (*Огудаловой*).

Бѣжала-бъ я отсюда, куда глаза глядятъ.

Огудалова.

Невозможно, къ несчастію.

Ефросинья Потаповна.

Да коли вамъ не по себѣ, такъ пожалуйте ко мнѣ въ комнату, а то придутъ мужчины, накурятъ такъ, что не продохнешь. Что я стою-то! Бѣжать мнѣ серебро сосчитать, да запереть, нынче народъ безъ креста. (*Огудалова и Лариса уходятъ въ дверь на право, Ефросинья Потаповна въ среднюю. Изъ двери на лѣво выходятъ: Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ и Вожеватовъ.

Кнуровъ.

Я, господа, въ клубъ обѣдать поѣду, я не ѣлъ ничего.

Паратовъ.

Подождите, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Со мной первый разъ въ жизни такой случай. Приглашаетъ обѣдать извѣстныхъ людей, а ѣсть нечего... Онъ человѣкъ глупый, господа.

Паратовъ.

Мы не споримъ. Надо ему отдать справедливость: онъ, дѣйствительно, глупъ.

Кнуровъ.

И самъ прежде всѣхъ напился.

Вожеватовъ.

Мы его порядочно подстроили.

Паратовъ.

Да, я свою мысль привелъ въ исполненіе. Мнѣ еще давеча въ голову пришло накатить его хорошенько и посмотрѣть, что выйдетъ.

Кнуровъ.

Такъ у васъ было задумано?

Паратовъ.

Мы прежде условились. Вотъ, господа, для такихъ случаевъ Робинзоны-то и дороги.

Вожеватовъ.

Золото, а не человѣкъ!

Паратовъ.

Чтобы напоить хозяина, надо самому пить съ нимъ вмѣстѣ; а есть-ли возможность глотать эту микстуру, которую онъ виномъ величаетъ. А Робинзонъ—натура выдержанная на заграничныхъ винахъ ярославскаго производства, ему ни почемъ. Онъ пьетъ да похваливаетъ, пробуетъ то одно, то другое, сравниваетъ, смакуетъ съ видомъ знатока, но безъ хозяина пить не соглашается; тотъ и попался. Человѣкъ непривычный, много-ль ему надо, скорехонько и дошелъ до восторга.

Кнуровъ.

Это забавно; только мнѣ, господа, не шутя, ѣсть хочется.

Паратовъ.

Еще успѣете. Погодите немного, мы попросимъ Ларису Дмитріевну спѣть что нибудь.

Кнуровъ.

Это другое дѣло. А гдѣ-жъ Робинзонъ?

Вожеватовъ.

Они тамъ еще допиваютъ. (*Входитъ Робинзонъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Робинзонъ *(падая на диванъ)*.

Батюшки, помогите! Ну, Сержъ, будешь ты за меня Богу отвѣчать.

Паратовъ.

Что-жъ ты, пьянъ что-ли?

Робинзонъ.

Пьянъ! Развѣ я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьянъ, это-бы прелесть что такое—лучше бы и желать ничего нельзя. Я съ этимъ добрымъ намѣреніемъ ѣхалъ сюда, да съ этимъ намѣреніемъ и на свѣтѣ живу. Это цѣль моей жизни.

Паратовъ.

Что-жъ съ тобой?

Робинзонъ.

Я отравленъ, я сейчасъ караулъ закричу.

Паратовъ.

Да ты что пилъ-то больше, какое вино?

Робинзонъ

Кто-жъ его знаетъ? химикъ я что-ли! Ни одинъ аптекарь не разберетъ.

Паратовъ.

Да что на бутылкѣ-то, какой этикетъ?

Робинзонъ.

На бутылкѣ-то «бургонское», а въ бутылкѣ-то «киндеръ-бальзамъ» какой-то. Не пройдетъ мнѣ даромъ эта спецiя, ужь я чувствую.

Вожеватовъ.

Это случается: какъ дѣлаютъ вино, такъ переложатъ лишнее что-нибудь противъ пропорцiи. Ошибится долго-ли? человѣкъ не машина. Мухоморовъ не переложили-ли?

Робинзонъ.

Что̀ тебѣ весело! Человѣкъ погибаетъ, а ты радъ.

Вожеватовъ.

Шабашъ! Помирать тебѣ, Робинзонъ.

Робинзонъ.

Ну это вздоръ, помирать я не согласенъ... Ахъ, хоть-бы знать, какое увѣчье-то отъ этого вина бываетъ.

Вожеватовъ.

Одинъ глазъ лопнетъ непремѣнно, ты такъ и жди. (*За сценой голосъ Карандышева*: «*Эй, дайте намъ бургонскаго*»).

Робинзонъ.

Ну вотъ, изволите слышать, опять бургонскаго! Спасите, погибаю! Сержъ, пожалѣй хоть ты меня! Вѣдь я въ цвѣтѣ лѣтъ, господа, я подаю большiя надежды. За что-жъ искусство должно лишиться...

Паратовъ.

Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чѣмъ помочь тебѣ; какъ рукой сниметъ. (*Входитъ Карандышевъ съ ящикомъ сигаръ*).

ЯВЛЕНIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ и Карандышевъ.

Робинзонъ (*взглянувъ на коверъ*).

Что это у васъ такое?

Карандышевъ.

Сигары.

Робинзонъ.

Нѣтъ, что развѣшено-то? Бутафорскія вещи?

Карандышевъ.

Какія бутафорскія вещи? Это турецкое оружіе.

Паратовъ.

Такъ вотъ кто виноватъ, что австрійцы турокъ одолѣть не могутъ.

Карандышевъ.

Какъ? что за шутки! Помилуйте, что это за вздоръ! Чѣмъ я виноватъ?

Паратовъ.

Вы забрали у нихъ все дрянное, негодное оружіе; вотъ они съ горя хорошимъ англійскимъ и запаслись.

Вожеватовъ.

Да, да, вотъ кто виноватъ! теперь нашлось. Ну, вамъ австрійцы спасибо не скажутъ.

Карандышевъ.

Да чѣмъ оно негодное? Вотъ этотъ пистолетъ, напримѣръ. (*Снимаетъ со стѣны пистолетъ*).

Паратовъ (*беретъ у него пистолетъ*).

Этотъ пистолетъ?

Карандышевъ.

Ахъ, осторожнѣе, онъ заряженъ!

Паратовъ.

Не бойтесь! Заряженъ-ли онъ, не заряженъ-ли, опасность отъ него одинаковая: онъ все равно, не выстрѣлитъ. Стрѣляйте въ меня въ пяти шагахъ, я позволяю.

Карандышевъ.

Ну, нѣтъ-съ, и этотъ пистолетъ пригодиться можетъ.

Паратовъ.

Да, въ стѣну гвозди вколачивать. (*Бросаетъ пистолетъ на столъ*).

Вожеватовъ.

Ну, нѣтъ, не скажите! По русской пословицѣ! «на грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь.»

Карандышевъ (*Паратову*).

Не угодно-ли сигаръ?

Паратовъ.

Да вѣдь, чай, дорогія? Рублей семь сотня, я думаю.

Карандышевъ.

Да-съ, около того; сортъ высокій, очень высокій сортъ.

Паратовъ.

Я этотъ сортъ знаю: Регалія капустиссима dos amigos; я его держу для пріятелей, а самъ не курю.

Карандышевъ (*Кнурову*).

Не прикажете-ли?

Кнуровъ.

Не хочу я вашихъ сигаръ,—свои курю.

Карандышевъ.

Хорошенькія сигары, хорошенькія-съ.

Кнуровъ.

Ну, а хорошія, такъ и курите сами.

Карандышевъ (*Вожеватову*).

Вамъ не угодно-ли?

Вожеватовъ.

Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина—ягода нѣжная.

Карандышевъ.

А вы, сэръ Робинзонъ, курите?

Робинзонъ.

Я-то? Странный вопросъ! Пожалуйте пяточекъ! *Выбираетъ пять штукъ, вынимаетъ изъ кармана бумажку и тщательно завертываетъ).*

Карандышевъ.

Что же вы не закуриваете?

Робинзонъ.

Нѣтъ, какъ можно! Эти сигары надо курить въ природѣ, въ хорошемъ мѣстоположеніи.

Карандышевъ.

Да почему-же?

Робинзонъ.

А потому, что если ихъ закурить въ порядочномъ домѣ, такъ, пожалуй, прибьютъ, чего я терпѣть не могу.

Вожеватовъ.

Не любишь, когда бьютъ?

Робинзонъ.

Нѣтъ, съ дѣтства отвращеніе имѣю.

Карандышевъ.

Какой онъ оригиналъ! А, господа, каковъ оригиналъ! Сейчасъ видно,что англичанинъ. (*Громко*)А гдѣ наши дамы? (*Еще громче*), Гдѣ дамы? (*Входитъ Огудалова*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ, и Огудалова.

Огудалова.

Дамы здѣсь, не безпокойтесь. (*Карандышеву тихо*). Что вы дѣлаете? Посмотрите вы на себя!

Карандышевъ.

Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите. всѣ пьяны, а я только веселъ. Я счастливъ сегодня, я торжествую.

Огудалова.

Торжествуйте, только не такъ громко. (*Подходитъ къ Паратову*). Сергѣй Сергѣевичъ, перестаньте издѣваться надъ Юліемъ Капитонычемъ! Намъ больно видѣть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратовъ.

Ахъ, тетенька, смѣю-ли я!

Огудалова.

Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Какъ не стыдно!

Паратовъ.

Что вы! Я, тетенька, не злопамятенъ. Да извольте, я для вашего удовольствія все это покончу однимъ разомъ. Юлій Капитонычъ!

Карандышевъ.

Что вамъ угодно?

Паратовъ.

Хотите брудершафтъ со мной выпить?

Огудалова.

Вотъ это хорошо. Благодарю васъ!

Карандышевъ.

Брудершафтъ, вы говорите? Извольте, съ удовольствіемъ.

Паратовъ (*Огудаловой*)

Да попросите сюда Ларису Дмитріевну! Что она прячется отъ насъ!

Огудалова.

Хорошо, я приведу ее (*Уходитъ*).

Карандышевъ.

Что-же мы выпьемъ? Бургонскаго?

Паратовъ.

Нѣтъ, ужь отъ Бургонскаго увольте! Я человѣкъ простой.

Карандышевъ.

Такъ чего-же?

Паратовъ.

Знаете что: любопытно теперь намъ съ вами коньячку выпить. Коньякъ есть?

Карандышевъ.

Какъ не быть! У меня все есть. Эй, Иванъ, коньяку!

Паратовъ.

Зачѣмъ сюда, мы тамъ выпьемъ; только велите стаканчиковъ дать, я рюмокъ не признаю.

Робинзонъ.

Что-жъ вы прежде не сказали, что у васъ коньякъ есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

Вожеватовъ.

Какъ онъ ожилъ!

Робинзонъ.

Съ этимъ напиткомъ я обращаться умѣю, я къ нему примѣнился. (*Паратовъ и Карандышевъ уходятъ въ дверь налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ, и Робинзонъ.

Робинзонъ (*глядитъ въ дверь налѣво*).

Погибъ Карандышевъ. Я началъ, а Сержъ его докончитъ. Наливаютъ, устанавливаются въ позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсѣмъ Бертрамъ. (*Поетъ изъ «Роберта»*: «Ты мой спаситель.—Я твой спаситель!—И покровитель,И—покровитель».Ну, проглотилъ.Цѣлуются. (*Поетъ*) «Какъ счастливъ я!—Жертва моя!»Ай, уноситъ Иванъ коньякъ, уноситъ! (*Громко*). Что ты, что ты, оставь! Я его давно дожидаюсь. (*Убѣгаетъ. Изъ средней двери выходитъ Илья*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ, Илья, потомъ Паратовъ.

Вожеватовъ.

Что тебѣ, Илья?

Илья.

Да наши готовы, собрались совсѣмъ, на бульварѣ дожидаются. Когда ѣхать прикажете?

Вожеватовъ.

Сейчасъ всѣ вмѣстѣ поѣдемъ, подождите немного!

Илья.

Хорошо, какъ прикажете, такъ и будетъ. (*Входитъ Паратовъ*).

Паратовъ.

А, Илья, готовы?

Илья.

Готовы, Сергѣй Сергѣичъ!

Паратовъ.

Гитара съ тобой?

Илья.

Не захватилъ, Сергѣй Сергѣичъ.

Паратовъ.

Гитару нужно, слышишь?

Илья.

Сейчасъ сбѣгаю, Сергѣй Сергѣичъ! (*Уходитъ*).

Паратовъ.

Я хочу попросить Ларису Дмитріевну спѣть намъ что нибудь, да и поѣдемте за Волгу.

Кнуровъ.

Не весела наша прогулка будетъ безъ Ларисы Дмитріевны. Вотъ еслибы... Дорого можно заплатить за такое удовольствіе...

Вожеватовъ.

Еслибы Лариса Дмитріевна поѣхала, я бы, съ радости, всѣхъ гребцовъ по рублю серебромъ одѣлилъ.

Паратовъ.

Представьте, господа, я и самъ о томъ же думаю; вотъ какъ мы сошлись.

Кнуровъ.

Да есть ли возможность?

Паратовъ.

На свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго, говорятъ философы.

Кнуровъ.

А Робинзонъ, господа, лишній. Потѣшились и будетъ. Напьется онъ тамъ до звѣринаго образа,—что̀ хорошаго! Эта

прогулка дѣло серьезное, онъ намъ совсѣмъ не компанія. (*Указывая въ дверь*). Вонъ онъ какъ къ коньяку-то прильнулъ.

Вожеватовъ.

Такъ не брать его.

Паратовъ.

Увяжется какъ нибудь.

Вожеватовъ.

Погодите, господа, я отъ него отдѣлаюсь, (*Въ дверь*). Робинзонъ! (*Входитъ Робинзонъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, и Робинзонъ.

Робинзонъ.

Что тебѣ?

Вожеватовъ (*тихо*).

Хочешь ѣхать въ Парижъ?

Робинзонъ.

Какъ въ Парижъ, когда?

Вожеватовъ.

Сегодня вечеромъ.

Робинзонъ.

А мы за Волгу сбирались.

Вожеватовъ.

Какъ хочешь; поѣзжай за Волгу, а я въ Парижъ.

Робинзонъ.

Да вѣдь у меня паспорта нѣтъ.

Вожеватовъ.

Это ужь мое дѣло.

Робинзонъ.

Я, пожалуй.

Вожеватовъ.

Такъ отсюда мы поѣдемъ вмѣстѣ; я тебя завезу домой

къ себѣ; тамъ и жди меня, отдохни, усни. Мнѣ нужно заѣхать по дѣламъ мѣста въ два.

Робинзонъ.

А интересно-бы и цыганъ послушать.

Вожеватовъ.

А еще артистъ! Стыдись! Цыганскія пѣсни, вѣдь это невѣжество. То-ли дѣло итальянская опера, или оперетка веселенькая! Вотъ что тебѣ надо слушать Чай, самъ игралъ!

Робинзонъ.

Еще-бы! я въ «Птичкахъ пѣвчихъ» игралъ.

Вожеватовъ.

Кого?

Робинзонъ.

Нотаріуса.

Вожеватовъ.

Ну, какъ же такому артисту да въ Парижѣ не побывать! Послѣ Парижа тебѣ какая цѣна-то будетъ!

Робинзонъ.

Руку!

Вожеватовъ.

Ѣдешь?

Робинзонъ.

Ѣду!

Вожеватовъ (*Паратову*)

Какъ онъ тутъ пѣлъ изъ «Роберта». Что за голосъ!

Паратовъ.

А вотъ мы съ нимъ въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, дѣлъ надѣлаемъ.

Робинзонъ.

Еще поѣду-ли я, спросить надо.

Паратовъ.

Что такъ?

Робинзонъ.

Невѣжества я и безъ ярмарки довольно вижу.

Паратовъ.

Ого, какъ онъ поговаривать началъ!

Робинзонъ.

Нынче образованные люди въ Европу ѣздятъ, а не по ярмаркамъ шатаются.

Паратовъ.

Какія-же государства и какіе города Европы вы осчастливить хотите?

Робинзонъ.

Конечно, Парижъ, я ужь туда давно собираюсь.

Вожеватовъ.

Мы съ нимъ сегодня вечеромъ ѣдемъ.

Паратовъ.

А, вотъ что! Счастливаго пути! Въ Парижъ тебѣ, дѣйствительно, надо ѣхать. Тамъ только тебя и недоставало. А гдѣ-же хозяинъ?

Робинзонъ.

Онъ тамъ, онъ говорилъ, что сюрпризъ намъ готовитъ. (*Входятъ справа Огудалова и Лариса; слѣва Карандышевъ и Иванъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Огудалова, Лариса, Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ, Иванъ, потомъ Илья. и Ефросинья Потаповна.

Паратовъ (*Ларисѣ*).

Что вы насъ покинули?

Лариса.

Мнѣ что-то нездоровится.

Паратовъ.

А мы сейчасъ съ вашимъ женихомъ брудершафтъ выпили. Теперь ужь друзья на вѣкъ.

Лариса.

Благодарю васъ. (*Жметъ руку Паратову*).

Карандышевъ (*Паратову*).

Сержъ!

Паратовъ (*Ларисѣ*).

Вотъ видите, какая короткость! (*Карандышеву*) Что тебѣ?

Карандышевъ.

Тебя кто-то спрашиваетъ.

Паратовъ.

Кто тамъ?

Иванъ.

Цыганъ Илья.

Паратовъ.

Такъ зови его сюда. (*Иванъ уходитъ*). Господа, извините, что я приглашаю Илью въ наше общество. Это мой лучшій другъ. Гдѣ принимаютъ меня, тамъ должны принимать и моихъ друзей. Это мое празило.

Вожеватовъ (*тихо Ларисѣ*).

Я новую пѣсенку знаю.

Лариса.

Хорошая?

Вожеватовъ.

Безподобная! «Веревьюшки веревью, на барышнѣ башмачки».

Лариса.

Это забавно.

Вожеватовъ.

Я васъ выучу. (*Входитъ Илья съ гитарой*).

Паратовъ (*Ларисѣ*).

Позвольте, Лариса Дмитріевна, попросить васъ осчастливить насъ! Спойте намъ какой нибудь романсъ или пѣсенку! Я васъ цѣлый годъ не слыхалъ, да, вѣроятно, и не услышу ужь болѣе.

Кнуровъ.

Позвольте и мнѣ повторить ту же просьбу!

Карандышевъ.

Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитріевна не станетъ пѣть.

Паратовъ.

Да почемъ ты знаешь, что не станетъ? А можетъ быть, и станетъ.

Лариса.

Извините, господа, я и не расположена сегодня и не въ голосѣ.

Кнуровъ.

Что нибудь, что вамъ угодно!

Карандышевъ.

Ужь коли я говорю, что не станетъ, такъ не станетъ.

Паратовъ.

А вотъ посмотримъ. Мы попросимъ хорошенько, на колѣни станемъ.

Вожеватовъ.

Это я сейчасъ, я человѣкъ гибкій.

Карандышевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не просите, нельзя; я запрещаю!

Огудалова.

Что вы! Запрещайте тогда, когда будете имѣть право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

Карандышевъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я положительно запрещаю.

Лариса.

Вы запрещаете! такъ я буду пѣть, господа. (*Карандышевъ, надувшись, отходитъ въ уголъ и садится*).

Паратовъ.

Илья!

Илья.

Что будемъ пѣть, барышня?

Лариса.

«Не искушай».

Илья (*подстроивая гитару*).

Вотъ третій голосъ надо! Ахъ, бѣда! Какой теноръ былъ! Отъ своей отъ глупости. (*Поютъ въ два голоса*).

Не и скушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей!
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней.

(*Всѣ различнымъ образомъ выражаютъ восторгъ. Паратовъ сидитъ, запустивъ руки въ волоса. Ко 2-му куплету слегка пристаетъ Робинзонъ*).

Ужь я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужь я не вѣрую въ любовь,
И не хочу предаться вновь
Разъ обманувшимъ сновидѣніямъ.

Илья (*Робинзону*).

Вотъ спасибо, баринъ. Выручилъ.

Кнуровъ (*Ларисѣ*).

Велико наслажденіе видѣть васъ, а еще больше наслажденія слушать васъ.

Паратовъ (*съ мрачнымъ видомъ*).

Мнѣ кажется, я съ ума сойду. (*Цѣлуетъ руку Ларисы*).

Вожеватовъ.

Послушать да и умереть—вотъ оно что! (*Карандышеву*) А вы хотѣли лишить насъ этого удовольствія.

Карандышевъ.

Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пѣніемъ Ларисы Дмитріевны. Мы сейчасъ выпьемъ шаманскаго за ея здоровье.

Вожеватовъ.

Умную рѣчь пріятно и слышать.

Карандышевъ (*громко*).

Подайте шампанскаго!

Огудалова (*тихо*).

Потише! Что вы кричите!

Карандышевъ.

Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что дѣлаю. (*Громко*). Подайте шампанскаго! (*Входитъ Ефросинья Потаповна*).

Ефросинья Потаповна.

Какого тебѣ еще шампанскаго? Поминутно то того, то другого.

Карандышевъ.

Не мѣшайтесь не въ свое дѣло! Исполняйте, что вамъ приказываютъ!

Ефросинья Потаповна.

Такъ поди самъ! А ужь я ноги отходила; я еще, можетъ быть, не ѣвши съ утра. (*Уходитъ. Карандышевъ идетъ въ дверь на лѣво*).

Огудалова.

Послушайте, Юлій Капитонычъ... (*Уходитъ за Карандышевымъ.*)

Паратовъ.

Илья, поѣзжай! Чтобъ катера были готова. Мы сейчасъ пріѣдемъ. (*Илья уходитъ въ среднюю дверь*).

Вожеватовъ (*Кнурову*).

Оставимъ его одного съ Ларисой Дмитріевной. (*Робинзону*) Робинзонъ, смотри, Иванъ коньякъ-то убираетъ.

Робинзонъ.

Да я его убью. Мнѣ легче съ жизнью разстаться! (*Уходятъ на лѣво Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Лариса и Паратовъ.

Паратовъ.

Очаровательница! (*Страстно глядитъ на Ларису*): Какъ я проклиналъ себя, когда вы пѣли!

Лариса.

За что?

Паратовъ.

Вѣдь—не дерево; потерять такое сокровище, какъ вы, развѣ легко?

Лариса.

Кто-же виноватъ?

Паратовъ.

Конечно, я, и гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ вы думаете. Я долженъ презирать себя.

Лариса.

За что-же, скажите!

Паратовъ.

Зачѣмъ я бѣжалъ отъ васъ? На что промѣнялъ васъ?

Лариса.

Зачѣмъ-же вы это сдѣлали?

Паратовъ.

Ахъ, зачѣмъ! Конечно, малодушіе. Надо было поправить свое состояніе. Да Богъ съ нимъ, съ состояніемъ! Я проигралъ больше, чѣмъ состояніе, я потерялъ васъ; я и самъ страдаю и васъ заставилъ страдать.

Лариса.

Да, надо правду сказать, вы на долго отравили мою жизнь.

Паратовъ.

Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсѣмъ опошлился, не совсѣмъ огрубѣлъ; во мнѣ врожденнаго торгашества нѣтъ; благородныя чувства еще шевелятся въ душѣ моей. Еще нѣсколько такихъ минутъ, да... еще нѣсколько такихъ минутъ...

Лариса (*тихо*).

Говорите!

Паратовъ.

Я брошу всѣ разсчеты, и ужь никакая сила не вырветъ васъ у меня; развѣ вмѣстѣ съ моею жизнью.

Лариса.

Чего же вы хотите?

Паратовъ.

Видѣть васъ, слушать васъ... Я завтра уѣзжаю.

Лариса (*опустя голову*).

Завтра.

Паратовъ.

Слушать вашъ очаровательный голосъ, забывать весь міръ и мечтать только объ одномъ блаженствѣ.

Лариса (*тихо*).

О какомъ?..

Паратовъ.

О блаженствѣ быть рабомъ вашимъ, быть у вашихъ ногъ.

Лариса.

Но какъ-же?

Паратовъ.

Послушайте: мы ѣдемъ всей компаніей кататься по Волгѣ на катерахъ—поѣдемте!

Лариса.

Ахъ! а здѣсь? Я не знаю, право... какъ-же здѣсь?

Паратовъ.

Что такое «здѣсь»? Сюда сейчасъ пріѣдутъ: тетка Карандышева, барыни въ крашеныхъ шелковыхъ платьяхъ, разговоръ будетъ о соленыхъ грибахъ.

Лариса.

Когда-же ѣхать?

Паратовъ.

Сейчасъ.

Лариса.

Сейчасъ?

Паратовъ.

Сейчасъ или никогда.

Лариса.

Ѣдемте.

Паратовъ.

Какъ, вы рѣшаетесь ѣхать за Волгу?

Лариса.

Куда вамъ угодно.

Паратовъ.

Съ нами, сейчасъ?

Лариса.

Когда вамъ угодно.

Паратовъ.

Ну, признаюсь, выше и благороднѣй этого я ничего и вообразить не могу. Очаровательное созданіе! Повелительница моя!

Лариса.

Вы—мой повелитель! (*Входятъ Огудалова, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ, и Иванъ съ подносомъ, на которомъ стаканы шампанскаго*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Огудалова Лариса, Паратовъ Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Карандышевъ, и Иванъ

Паратовъ. (*Кнурову и Вожеватову*).

Она поѣдетъ.

Карандышевъ.

Господа, я предлагаю тостъ за Ларису Дмитріевну. (*Всѣ берутъ стаканы*). Господа, вы сейчасъ восхищались талантомъ Ларисы Дмитріевны. Ваши похвалы—для нея не новость; съ дѣтства она окружена поклонниками, которые восхваляютъ ее въ глаза при каждомъ удобномъ случаѣ. Да-съ, талантовъ у нея, дѣйствительно, много. Но не за нихъ я хочу похвалить ее. Главное, неоцѣненное достоинство Ларисы Дмитріевны то, господа... то, господа...

Вожеватовъ.

Спутается.

Паратовъ.

Нѣтъ, вынырнетъ, выучилъ.

Карандышевъ.

То, господа, что она умѣетъ цѣнить и выбирать людей. Да-съ, Лариса Дмитріевна знаетъ, что не все то—золото, что блеститъ. Она умѣетъ отличать золото отъ мишуры. Много блестящихъ молодыхъ людей окружали ее; но она мишурнымъ блескомъ не прельстилась. Она искала для себя человѣка не блестящаго, а достойнаго...

Паратовъ. (*одобрительно*).

Браво, браво!

Карандышевъ.

И выбрала...

Паратовъ.

Васъ! Браво, браво!

Вожеватовъ и Робинзонъ.

Браво, браво!

Карандышевъ.

Да, господа, я не только смѣю, я имѣю право гордиться и горжусь! Она меня поняла, оцѣнила и предпочла всѣмъ. Извините, господа, можетъ быть, не всѣмъ это пріятно слышать; но я счелъ своимъ долгомъ поблагодарить публично Ларису Дмитріевну за такое лестное для меня предпочтеніе. Господа, я самъ пью и предлагаю выпить за здоровье моей невѣсты!

Паратовъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Ура!

Паратовъ. (*Карандышеву*).

Еще есть вино-то?

Карандышевъ.

Разумѣется, есть; какъ же не быть! что ты говоришь? Ужь я достану.

Паратовъ.

Надо еще тостъ выпить.

Карандышевъ.

Какой?

Паратовъ.

За здоровье счастливѣйшаго изъ смертныхъ, Юлія Капитоныча Карандышева.

Карандышевъ.

Ахъ, да. Такъ ты предложишь? Ты и предложи, Сержъ! А я пойду, похлопочу; я достану. (*Уходитъ*).

Кнуровъ.

Ну, хорошенькаго понемножку. Прощайте! Я заѣду, закушу и сейчасъ же на сборный пунктъ. (*Кланяется дамамъ*).

Вожеватовъ (*указывая на среднюю дверь*).

Здѣсь пройдите, Мокій Парменычъ! Тутъ прямо выходъ въ переднюю, никто васъ и не увидитъ. (*Кнуровъ уходитъ*).

Паратовъ (*Вожеватову*).

И мы сейчасъ ѣдемъ. (*Ларисѣ*). Собирайтесь. (*Лариса уходитъ направо*).

Вожеватовъ.

Не дождавшись тоста?

Паратовъ.

Такъ лучше.

Вожеватовъ.

Да чѣмъ-же?

Паратовъ.

Смѣшнѣе. (*Входитъ Лариса со шляпой въ рукахъ*).

Вожеватовъ.

И то смѣшнѣе. Робинзонъ! Ѣдемъ!

Робинзонъ.

Куда?

Вожеватовъ.

Домой, сбираться въ Парижъ. (*Робинзонъ и Вожеватовъ раскланиваются и уходятъ*).

Паратовъ (*Тихо Ларисѣ*).

Ѣдемъ! (*Уходитъ*).

Лариса.

Прощай, мама!

Огудалова.

Что ты! Куда ты!

Лариса.

Или тебѣ радоваться, мама, или ищи меня въ Волгѣ.

Огудалова.

Богъ съ тобой! Что ты!

Лариса.

Видно, отъ своей судьбы не уйдешь! (*Уходитъ*).

Огудалова.

Вотъ, наконецъ, до чего дошло: всеобщее бѣгство! Ахъ, Лариса!.. Догонять мнѣ ее, иль нѣтъ? Нѣтъ, зачѣмъ!.. Чтобы тамъ ни было, все-таки кругомъ нея люди... А здѣсь, хоть и бросить, такъ потеря не велика! (*Входитъ Карандышевъ и Иванъ съ бутылкой шампанскаго*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Огудалова, Карандышевъ, Иванъ, потомъ Ефросинья Потаповна.

Карандышевъ.

Я, господа... (*Оглядываетъ комнату*). Гдѣ-жь они? Уѣхали? Вотъ это учтиво, нечего сказать! Ну, да тѣмъ лучше! Однако, когда-жъ они уѣхали? И вы, пожалуй, уѣдете! Нѣтъ, ужь вы-то съ Ларисой Дмитріевной погодите! Обидѣлись?—понимаю. Ну, и прекрасно. И мы останемся въ тѣсномъ семейномъ кругу... А гдѣ-же Лариса Дмитріевна? (*У двери направо*). Тетенька, у васъ Лариса Дмитріевна?

Ефросинья Потаповна (*входя*).

Никакой у меня твоей Ларисы Дмитріевны нѣтъ.

Карандышевъ.

Однако, что-жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ! Иванъ, куда дѣвались всѣ господа и Лариса Дмитріевна?

Иванъ.

Лариса Дмитріевна, надо полагать, съ господами вмѣстѣ уѣхали... Потому какъ господа за Волгу сбирались, въ родѣ какъ пикникъ у нихъ.

Карандышевъ.

Какъ за Волгу?

Иванъ.

На катерахъ-съ. И посуда, и вина, все отъ насъ пошло-съ; еще давеча отправили; ну, и прислуга—все какъ слѣдуетъ-съ.

Карандышевъ (*садится и хватается за голову*).

Ахъ, что-же это, что-же это!

Иванъ.

И цыгане, и музыка съ ними—все какъ слѣдуетъ.

Карандышевъ (*съ горячностью*).

Харита Игнатьевна, гдѣ ваша дочь? Отвѣчайте мнѣ, гдѣ ваша дочь?

Огудалова.

Я къ вамъ привезла дочь, Юлій Капитонычъ; вы мнѣ скажите, гдѣ моя дочь!

Карандышевъ.

И все это преднамѣренно, умышленно—всѣ вы впередъ сговорились... (*Со слезами*): Жестоко, безчеловѣчно жестоко!

Огудалова.

Рано было торжествовать-то!

Карандышевъ.

Да, это смѣшно... Я смѣшной человѣкъ... Я знаю самъ, что я смѣшной человѣкъ. Да развѣ людей казнятъ за то, что они смѣшны? Я смѣшонъ,—ну, смѣйся надо мной,смѣйся въ глаза! Приходите ко мнѣ обѣдать, пейте мое вино и ругайтесь, смѣйтесь надо мной—я того стою. Но разломать грудь у смѣшнаго человѣка, вырвать сердце, бросить подъ ноги и растоптать его! Охъ, охъ! Какъ мнѣ жить! Какъ мнѣ жить!

Ефросинья Потаповна.

Да полно ты, перестань! Не о чемъ сокрушаться-то!

Карандышевъ.

И вѣдь это не разбойники, это почетные люди... Это все пріятели Хариты Игнатьевны.

Огудалова.

Я ничего не знаю.

Карандышевъ.

Нѣтъ, у васъ одна шайка, вы всѣ за одно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самаго кроткаго человѣка можно довести до бѣшенства. Не всѣ преступники—злодѣи, и смирный человѣкъ рѣшится на преступленіе, когда ему другого выхода нѣтъ. Если мнѣ на бѣломъ свѣтѣ остается только или повѣситься отъ стыда и отчаянія, или мстить, такъ ужь я буду мстить. Для меня нѣтъ теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душатъ меня.

Я буду мстить каждому изъ нихъ, каждому, пока не убьютъ меня самого. (*Схватываетъ со стола пистолетъ и убѣгаетъ*).

Огудалова.

Что онъ взялъ-то?

Иванъ.

Пистолетъ.

Огудалова.

Бѣги, бѣги за нимъ, кричи, чтобъ остановили.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица.

Паратовъ.
Кнуровъ.
Вожеватовъ.
Робинзонъ.
Лариса.
Карандышевъ.
Илья.
Гаврило.
Иванъ.
Цыгане и цыганки.

Декорація 1-го дѣйствія. Свѣтлая лѣтняя ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Робинзонъ (*съ мазикомъ въ рукѣ*) и Иванъ (*выглядываетъ изъ кофейной*).

Иванъ.

Мазикъ-то пожалуйте!

Робинзонъ.

Не отдамъ. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иванъ.

Да какъ-же играть съ вами, когда вы денегъ не платите!

Робинзонъ.

Я послѣ отдамъ. Мои деньги у Василья Данилыча, онъ ихъ увезъ съ собой. Развѣ ты не вѣришь?

Иванъ.

Какъ-же вы это съ ними на пикникъ не поѣхали?

Робинзонъ.

Я заснулъ; а онъ не посмѣлъ меня безпокоить, будить, ну, и уѣхалъ одинъ. Давай играть!

Иванъ.

Нельзя-съ, игра не равна: я ставлю деньги, а вы нѣтъ— выигрываете, берете; а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-съ!

Робинзонъ.

Что-жъ, развѣ мнѣ кредиту нѣтъ? Это странно! Я первый городъ такой вижу; я вездѣ, по всей Россіи все больше въ кредитъ.

Иванъ.

Это я оченно вѣрю-съ. Коли спросить чего угодно, мы подадимъ; знавши Сергѣя Сергѣича и Василья Данилыча, какіе они господа, мы обязаны для васъ кредитъ сдѣлать-съ; а игра денегъ требуетъ-съ.

Робинзонъ.

Такъ-бы ты и говорилъ. Возьми мазикъ и дай мнѣ бутылку... чего-бы?..

Иванъ.

Портвейнъ есть недуренъ-съ.

Робинзонъ.

Я вѣдь дешеваго не пью.

Иванъ.

Дорогого подадимъ-съ.

Робинзонъ.

Да вели мнѣ приготовить... знаешь, этого... какъ оно...

Иванъ.

Дупелей зажарить можно; не прикажете-ли?

Робинзонъ.

Да, вотъ именно дупелей.

Иванъ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Робинзонъ.

Они пошутить захотѣли надо мной; ну, и прекрасно, и я пошучу надъ ними. Я, съ огорченія, задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думаютъ, что мнѣ общество ихъ очень нужно—ошибаются; мнѣ только-бы кредитъ; а то я и одинъ не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. Къ довершенію удовольствія, денегъ-бы занять... (*Входитъ Иванъ съ бутылкой*).

Иванъ (*ставитъ бутылку*).

Дупеля заказаны-съ.

Робинзонъ.

Я здѣсь театръ снимаю.

Иванъ.

Дѣло хорошее-съ.

Робинзонъ.

Не знаю, кому буфетъ сдать. Твой хозяинъ не возьметъ-ли?

Иванъ.

Отъ чего не взять-съ!

Робинзонъ.

Только у меня—чтобъ содержать исправно! И, для вѣрности, побольше задатку сейчасъ-же!

Иванъ.

Нѣтъ, ужь онъ ученъ, задатку не даетъ: его такъ-то ужь двое обманули.

Робинзонъ.

Ужь двое? Да, коли ужь двое...

Иванъ.

Такъ третьему не повѣритъ.

Робинзонъ.

Какой народъ! Удивляюсь. Вездѣ поспѣютъ; гдѣ только можно взять, все ужь взято, непочатыхъ мѣстъ нѣтъ Ну, не надо, не нуждаюсь я въ немъ. Ты ему не говори ничего, а то онъ подумаетъ, что и я хочу обмануть; а я гордъ.

Иванъ.

Да-съ, оно, конечно... А какъ давеча господинъ Каранды-

шевъ разсердились, когда всѣ гости вдругъ уѣхали! Очень гнѣвались, даже убить кого-то хотѣли, такъ съ пистолетомъ и ушли изъ дому.

Робинзонъ.

Съ пистолетомъ? Это не хорошо.

Иванъ.

Хмѣльненки были; я полагаю, что это у нихъ постепенно пройдетъ-съ. Они по бульвару раза два проходили... да вонъ и сейчасъ идутъ.

Робинзонъ (*оробѣвъ*).

Ты говоришь, съ пистолетомъ? Онъ кого убить-то хотѣлъ— не меня вѣдь?

Иванъ.

Ужь не могу вамъ сказать. (*Уходитъ. Входитъ Карандышевъ. Робинзонъ старается спрятаться за бутылку*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Робинзонъ, Карандышевъ, потомъ Иванъ.

Карандышевъ (*подходитъ къ Робинзону*).

Гдѣ ваши товарищи, господинъ Робинзонъ?

Робинзонъ.

Какіе товарищи? У меня нѣтъ товарищей.

Карандышевъ.

А тѣ господа, которые обѣдали у меня съ вами вмѣстѣ?

Робинзонъ.

Какіе-жъ это товарищи! Это такъ... мимолетное знакомство.

Карандышевъ.

Такъ не знаете-ли, гдѣ они теперь?

Робинзонъ.

Не могу сказать, я стараюсь удаляться отъ этой компаніи; я человѣкъ смирный, знаете-ли... семейный...

Карандышевъ.

Вы семейный?..

Робинзонъ.

Очень семейный... Для меня тихая семейная жизнь выше всего; а неудовольствіе какое или ссора—это Боже сохрани; я люблю и побесѣдовать, только чтобъ разговоръ умный, учтивый, объ искусствѣ, напримѣръ... Ну, съ благороднымъ человѣкомъ, вотъ какъ вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

Карандышевъ.

Не хочу.

Робинзонъ.

Какъ угодно. Главное дѣло, чтобы непріятности не было.

Карандышевъ.

Да вы должны же знать, гдѣ они.

Робинзонъ.

Кутятъ гдѣ нибудь: что-жъ имъ больше-то дѣлать!

Карандышевъ.

Говорятъ, они за Волгу поѣхали.

Робинзонъ.

Очень можетъ быть.

Карандышевъ.

Васъ не звали съ собой?

Робинзонъ.

Нѣтъ; я человѣкъ семейный.

Карандышевъ.

Когда-же они воротятся?

Робинзонъ.

Ужь это они и сами не знаютъ, я думаю. Къ утру вернутся.

Карандышевъ.

Къ утру?

Робинзонъ.

Можетъ быть, и раньше.

Карандышевъ.

Все-таки надо подождать; мнѣ кой съ кѣмъ изъ нихъ объясниться нужно.

Робинзонъ.

Коли ждать, такъ на пристани; зачѣмъ они сюда пойдутъ! Съ пристани они прямо домой проѣдутъ. Чего имъ еще? Чай, и такъ сыты.

Карандышевъ.

Да на какой пристани? Пристаней у насъ много.

Робинзонъ.

Да на какой угодно, только не здѣсь; здѣсь ихъ не дождетесь.

Карандышевъ.

Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте! *(Подаетъ руку Робинзону)*. Не хотите-ли проводить меня?

Робинзонъ.

Нѣтъ, помилуйте, я человѣкъ семейный. (*Карандышевъ уходитъ*). Иванъ, Иванъ! (*Входитъ Иванъ*). Накрой мнѣ въ комнатѣ и вино перенеси туда!

Иванъ.

Въ комнатѣ, сударь, душно. Что за неволя!

Робинзонъ.

Нѣтъ, мнѣ на воздухѣ вечеромъ вредно; докторъ запретилъ. Да если этотъ баринъ спрашивать будетъ, такъ скажи, что меня нѣтъ. (*Уходитъ въ кофейную. Изъ кофейной выходитъ Гаврило*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Гаврило и Иванъ.

Гаврило.

Ты смотрѣлъ на Волгу? Не видать нашихъ?

Иванъ.

Должно быть пріѣхали.

Гаврило.

Что такъ?

Иванъ.

Да подъ горой шумъ, эѳіопы загалдѣли. (*Беретъ со стола бутылку и уходитъ въ кофейную. Входитъ Илья и хоръ цыганъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гаврило, Иванъ, цыгане и цыганки.

Гаврило.

Хорошо съѣздили?

Илья.

И, хорошо! Такъ хорошо, не говори!

Гаврило.

Господа веселы?

Илья.

Разгулялись, важно разгулялись, дай Богъ на здоровье! Сюда идутъ; всю ночь, гляди, прогуляютъ.

Гаврило (*потирая руки*).

Такъ ступайте, усаживайтесь! Женщинамъ велю чаю подать; а вы къ буфету—закусите!

Илья.

Старушкамъ къ чаю-то ромку вели—любятъ. (*Илья, цыгане, цыганки, Гаврило уходятъ въ кофейную. Выходятъ Кнуровъ и Вожеватовъ*).

ЯВКЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кнуровъ и Вожеватовъ.

Кнуровъ.

Кажется, драма начинается.

Вожеватовъ.

Похоже.

Кнуровъ.

Я ужь у Ларисы Дмитріевны слезки видѣлъ.

Вожеватовъ.

Да вѣдь у нихъ дешевы.

Кнуровъ.

Какъ хотите, а положеніе ея незавидное.

Вожеватовъ.

Дѣло обойдется какъ-нибудь.

Кнуровъ.

Ну, едва ли.

Вожеватовъ.

Карандышевъ посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тотъ-же будетъ.

Кнуровъ.

Да она-то не та-же. Вѣдь чтобъ бросить жениха, чуть не наканунѣ свадьбы, надо имѣть основаніе. Вы подумайте: Сергѣй Сергѣичъ пріѣхалъ на одинъ день и она бросаетъ для него жениха, съ которымъ ей жить всю жизнь. Значитъ, она надежду имѣетъ на Сергѣя Сергѣича; иначе зачѣмъ онъ ей!

Вожеватовъ.

Такъ вы думаете, что тутъ не безъ обмана, что онъ опять словами поманилъ ее?

Кнуровъ.

Да непремѣнно. И должно быть, обѣщанія были опредѣленныя и серьезныя, а то какъ-бы она повѣрила человѣку, который ужь разъ обманулъ ее!

Вожеватовъ.

Мудренаго нѣтъ; Сергѣй Сергѣичъ ни надъ чѣмъ не задумается: человѣкъ смѣлый.

Кнуровъ.

Да вѣдь какъ ни смѣлъ, а милліонную невѣсту на Ларису Дмитріевну не промѣняетъ.

Вожеватовъ.

Еще-бы! Что за разсчетъ!

Кнуровъ.

Такъ посудите, каково ей, бѣдной!

Вожеватовъ.

Что дѣлать-то! Мы невиноваты, наше дѣло сторона. (*На крыльцѣ кофейной показывается Робинзонъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Вожеватовъ.

А, милордъ! Что во снѣ видѣлъ?

Робинзонъ.

Богатыхъ дураковъ; тоже, что и на яву вижу.

Вожеватовъ.

Ну, какъ-же ты, бѣдный умникъ, здѣсь время проводишь?

Робинзонъ.

Превосходно! Живу въ свое удовольствіе и притомъ въ долгъ, на твой счетъ. Что можетъ быть лучше!

Вожеватовъ.

Позавидуешь тебѣ. И долго ты намѣренъ наслаждаться такой пріятной жизнью?

Робинзонъ.

Да ты—чудакъ, я вижу. Ты подумай: какой-же мнѣ разсчетъ отказываться отъ такихъ прелестей!

Вожеватовъ.

Что-то я не помню: какъ будто я тебѣ открытаго листа не давалъ?

Робинзонъ.

Такъ ты въ Парижъ обѣщалъ со мной ѣхать—развѣ это не все равно?

Вожеватовъ.

Нѣтъ, не все равно. Что я обѣщалъ, то исполню; для меня слово—законъ, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывалъ-ли я кого нибудь?

Робинзонъ.

А покуда ты сбираешься въ Парижъ, не воздухомъ-же мнѣ питаться?

Вожеватовъ.

Объ этомъ уговору не было. Въ Парижъ хоть сейчасъ.

Робинзонъ.

Теперь поздно; поѣдемъ, Вася, завтра.

Вожеватовъ.

Ну завтра, такъ завтра. Послушай, вотъ что: поѣзжай лучше ты одинъ, я тебѣ прогоны выдамъ взадъ и впередъ.

Робинзонъ.

Какъ одинъ? Я дороги не найду?

Вожеватовъ.

Довезутъ.

Робинзонъ.

Послушай, Вася, я по французски не совсѣмъ свободно... Хочу выучиться, да все времени нѣтъ.

Вожеватовъ.

Да зачѣмъ тебѣ французскій языкъ?

Робинзонъ.

Какъ-же, вы Парижѣ да по французски не говорить?

Вожеватовъ.

Да и не надо совсѣмъ, и никто тамъ не говоритъ по французски.

Робинзонъ.

Столица Франціи, да чтобъ тамъ по французски не говорили! Что ты меня за дурака, что-ли, считаешь?

Вожеватовъ.

Да какая столица! Что ты въ умѣ-ли! О какомъ Парижѣ ты думаешь? Трактиръ у насъ на площади есть Парижъ, вотъ я куда хотѣлъ съ тобой ѣхать.

Робинзонъ.

Браво, браво!

Вожеватовъ.

А ты полагалъ, въ настоящій? Хоть-бы ты немножко подумалъ. А еще умнымъ человѣкомъ считаешь себя! Ну, зачѣмъ я тебя туда возьму, съ какой стати? Клѣтку что-ли сдѣлать, да показывать тебя?

Робинзонъ.

Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьёзный изъ тебя негоціантъ выйдетъ.

Вожеватовъ.

Да, ничего; я стороной слышалъ, одобряютъ.

Кнуровъ.

Василій Данилычъ, оставьте его! Мнѣ нужно вамъ сказать кой-что.

Вожеватовъ (*подходя*).

Что вамъ угодно?

Кнуровъ.

Я все думалъ о Ларисѣ Дмитріевнѣ. Мнѣ кажется, она теперь находится въ такомъ положеніи, что намъ, близкимъ людямъ, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участіе въ ея судьбѣ. (*Робинзонъ прислушивается*).

Вожеватовъ.

То есть, вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее съ собой въ Парижъ?

Кнуровъ.

Да, пожалуй; если угодно: это одно и то же.

Вожеватовъ.

Такъ зачѣмъ-же дѣло стало? Кто мѣшаетъ?

Кнуровъ.

Вы мнѣ мѣшаете, а я вамъ. Можетъ быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь; а все-таки неловко, безпокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

Вожеватовъ.

Отступнаго я не возьму, Мокій Парменычъ!

Кнуровъ.

Зачѣмъ отступное? Можно иначе какъ нибудь.

Вожеватовъ.

Да вотъ, лучше всего. (*Вынимаетъ изъ кармана монету и кладетъ подъ руку*). Орелъ или рѣшетка?

Кнуровъ (*въ раздумьи*).

Если скажу: орелъ, такъ проиграю; орелъ, конечно, вы. (*Рѣшительно*). Рѣшетка.

Вожеватовъ (*поднимая руку*).

Ваше. Значитъ, мнѣ одному въ Парижъ ѣхать. Я не въ убыткѣ; расходовъ меньше.

Кнуровъ.

Только, Василій Данилычъ, давши слово, держись; а не давши, крѣпись! Вы купецъ, вы должны понимать, что значитъ слово.

Вожеватовъ.

Вы меня обижаете. Я самъ знаю, что такое купеческое слово. Вѣдь я съ вами дѣло имѣю, а не съ Робинзономъ.

Кнуровъ.

Вонъ Сергѣй Сергѣичъ идетъ съ Ларисой Дмитріевной! Войдемте въ кофейную, не будемъ имъ мѣшать. (*Кнуровъ и Вожеватовъ уходятъ въ кофейную. Входятъ Паратовъ и Лариса*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Паратовъ, Лариса и Робинзонъ.

Лариса.

Ахъ, какъ я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. (*Садится въ глубинѣ сцены на скамейку у рѣшетки*).

Паратовъ.

А. Робинзонъ! Ну, что-жъ-ты, скоро въ Парижъ ѣдешь?

Робинзонъ

Съ кѣмъ это? Съ тобой, ля-Сержъ, куда хочешь; а ужь съ купцомъ я не поѣду. Нѣтъ, съ купцами кончено.

Паратовъ.

Что такъ?

Робинзонъ.

Невѣжи!

Паратовъ.

Будто? Давно-ли ты догадался?

Робинзонъ.

Всегда зналъ. Я всегда за дворянъ.

Паратовъ.

Это дѣлаетъ тебѣ честь, Робинзонъ. Но ты не повременни гордъ. Примѣняйся къ обстоятельствамъ, бѣдный другъ мой! Время просвѣщенныхъ покровителей, время Меценатовъ прошло; теперь торжество буржуазіи, теперь искусство на вѣсъ золота цѣнится, въ полномъ смыслѣ наступаетъ золотой вѣкъ. Но, ужь не взыщи, подъ часъ и ваксой напоятъ, и въ бочкѣ съ горы, для собственнаго удовольствія, прокатятъ—на какого Медичиса нападешь. Не отлучайся, ты мнѣ будешь нуженъ!

Робинзонъ.

Для тебя въ огонь и въ воду. (*Уходитъ въ кофейную*).

Паратовъ (*Ларисѣ*).

Позвольте теперь поблагодарить васъ заудовольствіе — нѣтъ, этого мало—за счастіе, которое вы намъ доставили.

Лариса.

Нѣтъ, нѣтъ, Сергѣй Сергѣичъ, вы мнѣ фразъ не говорите! Вы мнѣ скажите только: что я, жена ваша, или нѣтъ?

Паратовъ.

Прежде всего, Лариса Дмитріевна, вамъ нужно ѣхать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успѣемъ завтра.

Лариса.

Я не поѣду домой.

Паратовъ.

Но и здѣсь оставаться вамъ нельзя. Прокатиться съ нами по Волгѣ днемъ—это еще можно допустить; но кутить всю ночь въ трактирѣ, въ центрѣ города, съ людьми, извѣстными дурнымъ поведеніемъ! Какую пищу вы дадите для разговоровъ.

Лариса.

Что мнѣ за дѣло до разговоровъ! Съ вами я могу быть вездѣ. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратовъ.

Вы поѣдете на моихъ лошадяхъ—развѣ это не все равно?

Лариса.

Нѣтъ, не все равно. Вы меня увезли отъ жениха; маменька видѣла, какъ мы уѣхали—она не будетъ безпокоиться, какъ-бы мы поздно ни возвратились... Она покойна, она увѣрена въ васъ, она только будетъ ждать насъ, ждать... чтобъ благословить. Я должна или пріѣхать съ вами, или совсѣмъ не являться домой.

Паратовъ.

Что такое? Что значитъ: «совсѣмъ не являться?» Куда дѣться вамъ?

Лариса.

Для несчастныхъ людей много простора въ божьемъ мірѣ: вотъ садъ, вотъ Волга. Здѣсь, на каждомъ сучкѣ удавиться можно, на Волгѣ—выбирай любое мѣсто. Вездѣ утопиться легко, если есть желаніе, да силъ достанетъ.

Паратовъ.

Какая экзальтація! Вамъ можно жить и должно. Кто откажетъ вамъ въ любви, въ уваженіи! Да тотъ же вашъ женихъ: онъ будетъ радехонекъ, если вы опять его приласкаете.

Лариса.

Что вы говорите! Я мужа своего, если ужь не любить, такъ хоть уважать должна; а какъ могу я уважать человѣка, который равнодушно сноситъ насмѣшки и всевозможныя оскорбленія! Это дѣло кончено: онъ для меня не существуетъ. У меня одинъ женихъ: это вы.

Паратовъ.

Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва-ли вы имѣете право быть такъ требовательными ко мнѣ.

Лариса.

Что вы говорите! Развѣ вы забыли? Такъ я вамъ опять повторю все сначала. Я годъ страдала, годъ не могла забыть васъ, жизнь стала для меня пуста; я рѣшилась, наконецъ, выйти замужъ за Карандышева, чуть не за перваго встрѣчнаго. Я думала, что семейныя обязанности наполнятъ мою жизнь и помирятъ меня съ ней. Явились вы и говорите:

«брось все, я твой». Развѣ это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

Паратовъ.

Все это прекрасно, и обо всемъ этомъ мы съ вами по толкуемъ завтра.

Лариса.

Нѣтъ, сегодня, сейчасъ.

Паратовъ.

Вы требуете?

Лариса.

Требую. (*Въ дверяхъ кофейной видны Кнуровъ и Вожеватовъ*).

Паратовъ.

Извольте. Послушайте, Лариса Дмитріевна! Вы допускаете мгновенное увлеченіе?

Лариса.

Допускаю. Я сама способна увлечься.

Паратовъ.

Нѣтъ, я не такъ выразился; допускаете-ли вы, что человѣкъ, скованный по рукамъ и по ногамъ неразрывными цѣпями, можетъ такъ увлечься, что забудетъ все на свѣтѣ, забудетъ и гнетущую его дѣйствительность, забудетъ и свои цѣпи?

Лариса.

Ну, что-же! И хорошо, что онъ забудетъ.

Паратовъ.

Это душевное состояніе очень хорошо, я съ вами не спорю; но оно непродолжительно. Угаръ страстнаго увлеченія скоро проходитъ, остаются цѣпи и здравый разсудокъ, который говоритъ, что этихъ цѣпей разорвать нельзя, что онѣ неразрывны.

Лариса (*задумчиво*)

Неразрывныя цѣпи! (*Быстро*). Вы женаты?

Паратовъ.

Нѣтъ.

Лариса.

А всякія другія цѣпи—не помѣха! Будемъ носить ихъ вмѣстѣ, я раздѣлю съ вами эту ношу, большую половину тяжести я возьму на себя.

Паратовъ.

Я обрученъ.

Лариса.

Ахъ!

Паратовъ (*показывая обручальное кольцо*).

Вотъ золотыя цѣпи, которыми я скованъ на всю жизнь.

Лариса.

Что-же вы молчали? Безбожно, безбожно! (*Садится на стулъ*).

Паратовъ.

Развѣ я въ состояніи былъ помнить что нибудь! Я видѣлъ васъ, и ничего болѣе для меня не существовало.

Лариса.

Поглядите на меня! (*Паратовъ смотритъ на нее*). «Въ глазахъ какъ на небѣ свѣтло»... Ха, ха, ха! (*Истерически смѣется*) Подите отъ меня! Довольно! Я ужь сама объ себѣ подумаю. (*Опираетъ голову на руку. Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ выходятъ на крыльцо кофейной*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Паратовъ, Лариса, Кнуровъ, Вожеватовъ и Робинзонъ.

Паратовъ (*подходя къ кофейной*).

Робинзонъ, поди сыщи мою коляску! Она тутъ у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитріевну домой.

Робинзонъ.

Ля-Сержъ! Онъ тутъ, онъ ходитъ съ пистолетомъ.

Паратовъ.

«Кто онъ»?

Робинзонъ.

Карандышевъ.

Паратовъ.

Такъ что-жъ мнѣ за дѣло!

Робинзонъ.

Онъ меня убьетъ.

Паратовъ.

Ну, вотъ велика важность! Исполняй, что приказываютъ! Безъ разсужденій! Я этого не люблю, Робинзонъ.

Робинзонъ.

Я тебѣ говорю: какъ онъ увидитъ меня съ ней вмѣстѣ, онъ меня убьетъ.

Паратовъ.

Убьетъ онъ тебя, или нѣтъ—это еще неизвѣстно; а вотъ если ты не исполнишь сейчасъ же того, что я тебѣ приказываю, такъ я тебя убью ужь навѣрное! (*Уходитъ въ кофейную*).

Робинзонъ (*грозя кулакомъ*).

О варвары, разбойники! Ну, попалъ я въ компанію! (*Уходитъ. Вожеватовъ подходитъ къ Ларисѣ*).

Лариса (*взглянувъ на Вожеватова*).

Вася, я погибаю!

Вожеватовъ.

Лариса Дмитріевна, голубушка моя! Что дѣлать-то! Ничего не подѣлаешь.

Лариса.

Вася, мы съ тобой съ дѣтства знакомы, почти родные; что мнѣ дѣлать—научи!

Вожеватовъ.

Лариса Дмитріевна, уважаю я васъ, и радъ-бы... я ничего не могу. Вѣрьте моему слову!

Лариса.

Да я ничего и не требую отъ тебя прошу только пожалѣть меня. Ну, хоть поплачь со мной вмѣстѣ!

Вожеватовъ.

Не могу, ничего не могу.

Лариса.

И у тебя тоже цѣпи?

Вожеватовъ.

Кандалы, Лариса Дмитріевна.

Лариса.

Какіе?

Вожеватовъ.

Честное, купеческое слово. (*Отходитъ въ кофейную*).

Кнуровъ (*подходитъ къ Ларисѣ*).

Лариса Дмитріевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и въ помышленіи нѣтъ васъ обидѣть. Я только желаю вамъ добра и счастія, чего вы вполнѣ заслуживаете. Не угодно-ли вамъ ѣхать со мной въ Парижъ, на выставку? (*Лариса отрицательно качаетъ головой*). И полное обезпеченіе на всю жизнь? (*Лариса молчитъ*). Стыда не бойтесь, осужденій не будетъ. Есть границы, за которыя осужденіе не переходитъ; я могу предложить вамъ такое громадное содержаніе, что самые злые критики чужой нравственности должны будутъ замолчать и разинутъ рты отъ удивленія. (*Лариса поворачиваетъ голову въ другую сторону*). Я-бы ни на одну минуту не задумался предложить вамъ руку, но я женатъ. (*Лариса молчитъ*). Вы разстроены, я не смѣю торопить васъ отвѣтомъ. Подумайте! Если вамъ будетъ угодно благосклонно принять мое предложеніе, извѣстите меня; и съ той минуты я сдѣлаюсь вашимъ самымъ преданнымъ слугой и самымъ точнымъ исполнителемъ всѣхъ вашихъ желаній и даже капризовъ, какъ-бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможнаго мало. (*Почтительно кланяется и уходитъ въ кофейную*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Лариса (*одна*).

Я давеча смотрѣла внизъ черезъ рѣшетку, у меня закружилась голова и я чуть не упала. А если упасть, такъ, говорятъ... вѣрная смерть! (*Подумавъ*). Вотъ хорошо-бы броситься! Нѣтъ, зачѣмъ бросаться!.. Стоять у рѣшетки и смотрѣть внизъ, закружится голова и упадешь... Да, это лучше... въ безпамятствѣ, ни боли... ничего не будешь чувствовать! (*Подходитъ къ рѣшеткѣ и смотритъ внизъ. Нагибается, крѣпко хватается за рѣшетку, потомъ съ ужасомъ отбѣгаетъ*). Ой, ой! Какъ страшно! (*Чуть не падаетъ, хватается за бесѣдку*). Ка-

кое головокруженіе! Я падаю, падаю, ай! (*Садится у стола подлѣ бесѣдки*). Охъ, нѣтъ!.. (*сквозь слезы*). Разставаться съ жизнью совсѣмъ не такъ просто, какъ я думала. Вотъ и нѣтъ силъ! Вотъ я какая несчастная! А вѣдь есть люди, для которыхъ это легко. Видно, ужь тѣмъ совсѣмъ жить нельзя, ихъ ничто не прельщаетъ, имъ ничто не мило, ничего не жалко Ахъ, что я!.. Да вѣдь и мнѣ ничто не мило, и мнѣ жить нельзя, и мнѣ жить не зачѣмъ! Что-жъ я не рѣшаюсь? Что меня держитъ надъ этой пропастью? Что мѣшаетъ? (*задумывается*). Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... не Кнуровъ... Роскошь, блескъ... нѣтъ, нѣтъ... я далека отъ суеты... (*вздрогнувъ*). Развратъ... охъ, нѣтъ... Просто, рѣшимости не имѣю. Жалкая слабость: жить, хоть какъ нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убилъ кто нибудь... Какъ хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не въ чемъ. Или захворать и умереть... Да я, кажется, захвораю. Какъ дурно мнѣ!.. Хворать долго, успокоиться, со всѣмъ примириться, всѣмъ простить и умереть... Ахъ, какъ дурно, какъ кружится голова. (*Подпираетъ голову рукой и сидитъ въ забытьи. Входятъ Робинзонъ и Карандышевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Лариса, Робинзонъ, и Карандышевъ.

Карандышевъ.

Вы говорите, что вамъ велѣно отвезти ее домой?

Робинзонъ.

Да-съ, велѣно.

Карандышевъ.

И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзонъ.

Ужь чего еще хуже, чего обиднѣе?

Карандышевъ.

Она сама виновата: ея поступокъ заслуживалъ наказанія. Я ей говорилъ, что это за люди; наконецъ, она сама могла,

она имѣла время замѣтить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кромѣ меня, никто не имѣетъ права, а тѣмъ болѣе оскорблять. Это ужь мое дѣло: прощу я ее, или нѣтъ; но защитникомъ ея я обязанъ явиться. У ней нѣтъ ни братьевъ, ни близкихъ; одинъ я, только одинъ я обязанъ вступиться за нее и наказать оскорбителей. Гдѣ она?

Робинзонъ.

Она здѣсь была. Вотъ она!

Карандышевъ.

При нашемъ объясненіи постороннихъ не должно быть; вы будете лишній. Оставьте насъ!

Робинзонъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ. Я скажу, что вамъ сдалъ Ларису Дмитріевну. Честь имѣю кланяться. *(Уходитъ въ кофейную. Карандышевъ подходитъ къ столу и садится противъ Ларисы).*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Лариса и Карандышевъ.

Лариса *(поднимая голову).*

Какъ вы мнѣ противны, кабы вы знали! Зачѣмъ вы здѣсь?

Карандышевъ.

Гдѣ-же быть мнѣ?

Лариса.

Не знаю. Гдѣ хотите, только не тамъ, гдѣ я.

Карандышевъ.

Вы ошибаетесь, я всегда долженъ быть при васъ, чтобы оберегать васъ. И теперь я здѣсь, чтобы отмстить за ваше оскорбленіе!

Лариса.

Для меня самое тяжкое оскорлбеніе—это ваше покровительство; ни отъ кого и никакихъ другихъ оскорбленій мнѣ не было.

Карандышевъ.

Ужь вы слишкомъ невзыскательны. Кнуровъ и Вожеватовъ мечутъ жеребій, кому вы достанетесь, играютъ въ орлянку—и это не оскорбленіе? Хороши ваши пріятели! Какое уваженіе къ вамъ! Они не смотрятъ на васъ, какъ на женщину, какъ на человѣка—человѣкъ самъ располагаетъ своей судьбой; они смотрятъ на васъ, какъ на вещь. Ну, если вы вещь, это другое дѣло. Вещь, конечно, принадлежитъ тому, кто ее выигралъ, вещь и обижаться не можетъ.

Лариса (*глубоко оскорбленная*).

Вещь... да, вещь. Они правы, я вещь, а не человѣкъ. Я сейчасъ убѣдилась въ томъ, я испытала себя... я вещь! (*Съ горячностью*). Наконецъ, слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу васъ, оставьте меня!

Карандышевъ,

Оставить васъ? Какъ я васъ оставлю, на кого я васъ оставлю?

Лариса.

Всякая вещь должна имѣть хозяина, я пойду къ хозяину.

Карандышевъ, (*съ жаромъ*).

Я беру васъ, я вашъ хозяинъ. (*Хватаетъ ее за руку*).

Лариса (*отталкивъ его*).

О, нѣтъ! Каждой вещи своя цѣна есть... Ха, ха, ха... я слишкомъ, слишкомъ дорога для васъ.

Карандышевъ.

Что вы говорите! Могъ-ли я ожидать отъ васъ такихъ безстыдныхъ словъ?

Лариса (*со слезами*).

Ужь если быть вещью, такъ одно утѣшеніе—быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мнѣ послѣднюю службу: подите пошлите ко мнѣ Кнурова.

Карандышевъ.

Что вы, что вы, опомнитесь!

Лариса.

Ну, такъ я сама пойду.

Карандышевъ.

Лариса Дмитріевна! Остановитесь! Я васъ прощаю, я все прощаю!

Лариса (*съ горькой улыбкой*).

Вы мнѣ прощаете? Благодарю васъ. Только я-то себя не прощаю, что вздумала связать судьбу свою съ такимъ ничтожествомъ, какъ вы.

Карандышевъ.

Уѣдемте, уѣдемте сейчасъ изъ этого города, я на все согласенъ.

Лариса.

Поздно. Я васъ просила взять меня поскорѣй изъ цыганскаго табора, вы не умѣли этого сдѣлать; видно, мнѣ жить и умереть въ цыганскомъ таборѣ.

Карандышевъ.

Ну. я васъ умоляю, осчастливьте меня!

Лариса.

Поздно. Ужь теперь у меня передъ глазами заблестѣло золото, засверкали брилліанты.

Карандышевъ.

Я готовъ на всякую жертву, готовъ терпѣть всякое униженіе для васъ.

Лариса (*съ отвращеніемъ*).

Подите, вы слишкомъ мелки слишкомъ ничтожны для меня.

Карандышевъ.

Скажите-же: чѣмъ мнѣ заслужить любовь вашу? (*Падаетъ на колѣни*). Я васъ люблю, люблю.

Лариса.

Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрѣли и смотрятъ, какъ на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мнѣ въ душу, ни отъ кого я не видѣла сочувствія, не слыхала теплаго, сердечнаго слова. А вѣдь такъ жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... ея нѣтъ на свѣтѣ... нечего и искать. Я не нашла любви, такъ буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

Карандышевъ (*вставая*).

О, не раскайтесь! (*Кладетъ руку за бортъ сюртука*). Вы должны быть моей.

Лариса.

Чьей ни быть, но не вашей!

Карандышевъ (*запальчиво*).

Не моей?

Лариса.

Никогда.

Карандышевъ.

Такъ не доставайся-жь ты никому! (*Стрѣляетъ въ нее изъ пистолета*).

Лариса (*хватаясь за грудь*).

Ахъ! Благодарю васъ! (*Опускается на стулъ*).

Карандышевъ:

Что я, что я... ахъ, безумный! (*Роняетъ пистолетъ*).

Лариса (*нѣжно*).

Милый мой, какое благодѣяніе вы для меня сдѣлали! Пистолетъ сюда, сюда, на столъ! Это я сама... сама... Ахъ, какое благодѣяніе!.. (*Поднимаетъ пистолетъ и кладетъ на столъ. Изъ кофейной выходятъ: Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврило и Иванъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Лариса, Карандышевъ, Паратовъ, Кнуровъ, Вожеватовъ, Робинзонъ, Гаврило и Иванъ.

Всѣ.

Что такое, что такое?

Лариса.

Это я сама...Никто не виноватъ, никто... Это я сама. (*За сценой цыгане запѣваютъ пѣсню*).

Паратовъ.

Велите замолчать! Велите замолчать!

Лариса (*постепенно слабѣющимъ голосомъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ!.. Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мѣшать никому! Живите, живите всѣ! Вамъ надо жить, а мнѣ надо... умереть... Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь...вы всѣ хорошіе люди... я васъ всѣхъ... всѣхъ люблю. (*Посылаетъ поцѣлуй. Громкій хоръ цыганъ).*

Конецъ.

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ.

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Потапъ Потапычъ Каркуновъ, богатый купецъ, старикъ.

Вѣра Филипповна, его жена, 30 лѣтъ съ небольшимъ.

Исай Данилычъ Халымовъ, подрядчикъ, кумъ Каркунова.

Аполлинарія Панфиловна, его жена за 40 лѣтъ.

Константинъ Лукичъ Каркуновъ, племянникъ Потапа Потапыча, молодой человѣкъ.

Ольга Дмитріевна, его жена, молодая женщина.

Ерастъ, прикащикъ Каркунова, лѣтъ 30-ти.

Огуревна, ключница, старуха.

Въ домѣ Каркунова въ фабричной мѣстности, на самомъ краю Москвы. Жилая комната купеческаго дома, представляющая и семейную столовую и кабинетъ хозяина, въ ней же принимаютъ и гостей запросто, т. е. родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Направо (отъ актеровъ) не большой письменный столъ, передъ нимъ кресло; далѣе желѣзный денежный сундукъ шкафъ, вдѣланный въ стѣну; въ углу дверь въ спальню. Слѣвой стороны диванъ, передъ нимъ круглый обѣденный столъ, покрытый цвѣтной салфеткой и нѣсколько креселъ, далѣе большая горка съ серебромъ и фарфоромъ, въ углу дверь въ парадныя комнаты. Въ глубинѣ дверь въ переднюю, съ правой стороны большой комодъ, съ лѣвой—буфетъ. Вся мебель хотя не модная, но массивная, хорошей работы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Огуревна *стоитъ, подпертя щеку рукой. Входятъ* Константинъ и Ольга

Константинъ.

Огуревна, что ты тутъ дѣлаешь?

Огуревна.

Самое дожидаюсь на счетъ самовара.

Константинъ.

А гдѣ-жъ она, сама-то, гдѣ дяденька?

Огуревна.

Въ залѣ сидятъ; залу растворить велѣли, и чехлы всѣ съ небели давеча еще поснимали.

Константинъ.

Что за праздникъ такой? Кажется, такіе параты у насъ раза три въ годъ бываютъ, не больше.

Огуревна.

Съ гостями сидятъ.

Ольга.

Съ какими гостями?

Огуревна.

Аполлинарія Панфиловна съ Исай Данилычемъ пріѣхали за нимъ давеча нарочно посылали.

Константинъ (*Ольгѣ*).

Поняла?

Ольга.

Ничего не понимаю.

Константинъ.

Завѣщаніе.

Ольга.

Какое завѣщаніе?

Константинъ.

Дяденька давно собирались завѣщаніе писать, только хотѣли посовѣтоваться съ Исаемъ Данилычемъ, такъ какъ онъ подрядчикъ, съ казной имѣлъ дѣло, и значитъ, всѣ законы

знаетъ. А мы съ дяденькой никогда понятія не знали, какіе такіе въ Россіи законы существуютъ, потому намъ не для чего.

Огуревна.

Да, да, писать-что то хотятъ—это вѣрно; у приказчика Ераста крандашъ и бумагу требовали.

Константинъ (*Ольгѣ*).

Слышишь?

Ольга.

Ну, такъ что-жъ?

Константинъ.

Не твоего ума дѣло. Огуревна, поди скажи дяденькѣ, молъ, Константинъ Лукичъ желаютъ войти, такъ можно-ли?

Огуревна.

Хорошо, батюшка. (*Уходитъ налѣво.*)

Ольга.

Зачѣмъ ты пойдешь?

Константинъ.

Разговаривать буду.

Ольга.

Въ такомъ-то видѣ?

Константинъ.

Я всегда уменъ, что пьяный, что трезвый; еще пьяный лучше, потому у меня тогда мысли свободнѣе.

Ольга.

Объ чемъ же ты будешь разговаривать?

Константинъ.

Мое дѣло. Обо всемъ буду разговаривать. Никакого завѣщанія не нужно; дяденька долженъ мнѣ наслѣдство оставить; я единственный... понимаешь... И потому еще, что я, въ надеждѣ на дяденькино наслѣдство, все свое состояніе прожилъ.

Ольга.

А кто тебѣ велѣлъ?

Константинъ.

Не разговаривай! Если дяденька мнѣ ничего не оставитъ, мы должны будемъ въ кулаки свистѣть и я даже могу попасть въ число несостоятельныхъ, со всѣми послѣдствіями, которыя изъ этого проистекаютъ. (*Входитъ Огуревна*).

Огуревна.

Пожалуйте!

Ольга.

И я съ тобой пойду.

Константинъ (*отстраняя жену*).

Маршъ за шламбаумъ! Нечего тебѣ тамъ дѣлать. Разговоръ будетъ умственный. Тетенька и Аполлинарія Панфиловна должны сейчасъ сюда придти: либо ихъ попросятъ вонъ, либо они сами догадаются, что при нашемъ разговорѣ онѣ не при чемъ, а только мѣшаютъ; потому это дѣло на много градусовъ выше женскаго соображенія. (*Уходитъ налѣво. Съ той-же стороны входятъ Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вѣра Филипповна, Аполлинарія Панфиловна, Ольга и Огуревна.

Вѣра Филипповна.

Здравствуй, Оленька!

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуй, Оленька!

Вѣра Панфиловна.

Садится милости прошу, гостьи дорогія!

Огуревна.

Матушка, Вѣра Филипповна, чай-то сюда прикажете подавать, аль сами къ самоварчику сядете?

Вѣра Филипповна.

Да онъ готовъ у тебя?

Огуревна.

Въ минуту закипитъ, ужь зашумѣлъ.

Аполлинарія Панфиловна.

А ты ему шумѣть-то много не давай. Другой самоваръ ворчливѣе хозяина, расшумится такъ, что и не уймешь.

Вѣра Филипповна.

Сейчасъ придемъ, Огуревна. (*Огуревна уходитъ*). Я поджидаю, когда самъ выдетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Что это ты, Вѣра Филипповна, точно русачка изъ Тележной улицы, мужа-то «самъ» называете!

Ольга.

Тетенька всегда такъ.

Вѣра Филипповна.

Мы съ Потапъ Потапычемъ люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все-ли равно. Какъ его ни называй: мужъ, хозяинъ, самъ,—все онъ большой въ домѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, нѣтъ, разница. «Хозяинъ»—ужь это совсѣмъ низко, у насъ кучерова жена своего мужа хозяиномъ зоветъ; а и «самъ» тоже развѣ ужь которыя еще въ платочкахъ ходятъ.

Ольга.

А кто нынче въ платочкахъ-то ходитъ! Всѣ и любовницы давно шляпки понадѣли.

Аполлинарія Панфиловна.

Нынче купчихи себя высоко, охъ, высоко держатъ, ни въ чемъ иностранкамъ уступить не хотятъ... снаружи-то.

Вѣра Филипповна.

Слышала я, по слуху-то и я знаю. Что-жъ мудренаго. Люди людей видятъ, одинъ отъ другого занимаются. Только я одна двадцать лѣтъ свѣту божьяго не вижу, такъ мнѣ и заняться не отъ кого. Что это Потапъ Потапычъ съ Исаемъ Данилычемъ затолковались!

Аполлинарія Панфиловна.

Стало быть дѣло есть. Развѣ не слыхали?

Вѣра Филипповна.

Ничего не слыхала.

Ольга.

Напрасно вы, тетенька, скрываете отъ насъ; мы и сами довольно хорошо знаемъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Мнѣ Исай Данилычъ говорилъ.

Вѣра Филипповна.

А мнѣ Потапъ Потапычъ ничего не сказывалъ.

Аполлинарія Панфиловна.

По заслугамъ и награда.

Ольга.

Отчего-жъ не награждать, коли кто чего стоитъ; всякій воленъ въ своемъ добрѣ; только и другихъ тоже обижать ненужно.

Вѣра Филипповна.

Зачѣмъ обижать! Сохрани Богъ! Только не знаю я, про какую награду вы говорите.

Аполлинарія Панфиловна.

Завѣщаніе пишутъ, Вѣра Филипповна, завѣщаніе.

Вѣра Филипповна *(съ испугомъ)*.

Завѣщаніе? Какое завѣщаніе, зачѣмъ? Потапъ Потапычъ на здоровье не жалуется; онъ, кажется... слава Богу.

Аполлинарія Панфиловна.

Осторожность не мѣшаетъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ. А ну, вдругъ... Значитъ, надо впередъ подумать, да успокоить кого любишь. Вотъ, молъ, не сомнѣвайтесь, все вамъ предоставляю, всякое счастіе, всякое удовольствіе.

Ольга.

Какъ же, тетенька, неужели-жъ вы этого не ожидали?

Вѣра Филипповна.

Не ожидала, да и не думала никогда.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ чай не думать! Развѣ вы богатству не рады будете?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, очень рада.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, еще бы!

Вѣра Филипповна.

Я много бѣднымъ помогаю, такъ часто не хватаетъ; а у Потапа Потапыча просить боюсь; а кабы я богата была, мнѣ бы рай, а не житье. (*Входитъ Огуревна*).

Огуревна.

Я, матушка, на счетъ варенья.

Вѣра Филипповна.

Сейчасъ приду. (*Огуревна уходитъ*). Извините, гостьи дорогія! (*Уходитъ*).

Ольга.

«Для бѣдныхъ!» Разсказывай тутъ! И мы люди небогатые.

Аполинарія Панфиловна.

Надо ей говорить-то что-нибудь! (*Входитъ Вѣра Филипповна*). Вы говорите, что не думали о богатствѣ? Да кто-жъ этому повѣритъ! Не безъ разсчету-жъ вы шли за старика. Жили бы въ бѣдности...

Вѣра Филипповна.

Я и не оправдываюсь; я не святая. Да и много-ли у насъ, въ купечествѣ, дѣвушки по любви-то выходятъ? Все больше по разсчету, да еще не по своему, а по родительскому. Родители подумаютъ, разочтутъ и выдадутъ, вотъ и все тутъ. Маменька все сокрушалась, какъ ей быть со мной при нашей бѣдности; разумѣется, какъ посватался Потапъ Потапычъ, она обѣими руками перекрестилась. Развѣ я могла не послушаться маменьки, не утѣшить ее!

Аполлинарія Панфиловна.

Послушались маменьку и полюбили богатаго старичка.

Ольга.

Какъ богатаго не полюбить! Да я бы сейчасъ...

Вѣра Филипповна.

Богатаго труднѣй полюбить. За что я его буду любить! Ему

и такъ жить хорошо. Бѣднаго скорѣй полюбишь. Будешь думать: «того у него нѣтъ, другого нѣтъ», станешь жалѣть и полюбишь.

Аполлинарія Панфиловна.

Ужь на маменьку только слава: чай и сами были не прочь за Потапа Потапыча идти. Всякому хочется получше пожить, особливо кто изъ бѣдности.

Вѣра Филипповна.

«Получше пожить». Да жила ли я, спросите! Моей жизни завидовать нечему. Я двадцать лѣтъ свѣту не видала; мнѣ только и выходу было, что въ церковь. Нѣтъ, виновата, въ первую зиму, какъ я замужъ вышла, въ театръ было поѣхали.

Аполлинарія Панфиловна.

Да не доѣхали, что ли?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, хуже.

Аполлинарія Панфиловна.

Смѣшнѣе?

Вѣра Филипповна.

Кому какъ. Только что я сѣла въ ложу, кто-то изъ креселъ на меня въ трубку и посмотрѣлъ; Потапъ Потапычъ какъ вспылилъ: «что, говоритъ, онъ глаза-то пялитъ, чего не видывалъ! Сбирайся домой!» Такъ и уѣхали до начала представленія. Да съ тѣхъ поръ, вотъ ужь двадцатый годъ и сижу дома. Я ужь не говорю о театрахъ, о гуляньяхъ...

Ольга.

Какъ, тетенька, неужели же ни въ Сокольники, ни въ Паркъ, ни въ Эрмитажъ?..

Вѣра Филипповна.

Какіе Сокольники, какой Эрмитажъ! Я объ нихъ и понятія не имѣю.

Ольга.

Однако, тетенька.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, ужь нынче такихъ антиковъ не много, чтобъ Сокольниковъ не знать.

Вѣра Филипповна.

Ну, да ужь такъ и быть. Сначала-то и горько было, и обидно, и до смертной тоски доходило, что все въ заперти сижу; а потомъ, слава Богу, прошло, къ бѣднымъ привязалась; да такъ обсидѣлась дома, что самой страшно подумать: какъ это я на гулянье пойду? Да ужь Богъ съ ними, съ гуляньями и театрами. Говорятъ, тамъ соблазну много. Да вѣдь на бѣломъ свѣтѣ не все-жъ дурное, есть что-нибудь и хорошее, я и хорошаго-то не видала, ничего и не знаю. Для меня Москва-то, какъ лѣсъ; пусти меня одну, такъ я подлѣ дома заблужусь. Твердо дорогу знаю только въ церковь, да въ баню. И теперь, какъ выѣду, такъ словно дитя малое на дома, да на церкви любуюсь: все-то мнѣ въ диковинку.

Ольга.

Все-жъ-таки выѣзжали куда-нибудь?

Вѣра Филипповна.

Выѣздъ мой, милая, былъ раза два-три въ годъ по магазинамъ за нарядами, да и то всегда самъ со мной ѣздилъ. Портниха и башмачникъ на домъ приходятъ. Мѣхъ понадобится, такъ на другое утро, я еще не проснулась, а ужь въ залѣ по всему полу мѣха разостланы, выбирай любой. Шляпку захочу, такъ тоже мадамъ полну карету картоновъ привезетъ. О вещахъ дорогихъ и говорить нечего: Потапъ Потапычъ чуть не каждую недѣлю возилъ, то серьги, то кольцо, то брошку. Хоть надѣвать некуда, а все-таки занятіе: поутру встану, переберу да перегляжу все—время то незамѣтно и пройдетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Сидѣли дома съ Потапъ Потапычемъ, да другъ на друга любовались. Что-жъ, любезное дѣло!

Вѣра Филипповна.

И любоваться-то не приходилось. Еще теперь, какъ Потапъ Потапычъ сталъ здоровьемъ припадать, такъ иной день и дома просидитъ; а прежде по буднямъ я его днемъ-то и не видала. Изъ городу въ трактиръ, либо въ клубъ, и жди его до трехъ часовъ утра. Прежде ждала, безпокоилась; а потомъ ужь и ждать

перестала, такъ не спится... съ чего спать-то! А по праздникамъ: отъ поздней обѣдни за обѣдъ, потомъ отдохнетъ часа три, проснется, чаю напьется: «скучно, говоритъ, съ тобой. Поѣду въ карты играть». И нѣтъ его до утра. Вотъ и сижу я одна; въ окна-то у насъ, черезъ садъ, чуть не всю Москву видно, сижу и утро и вечеръ, и день и ночь, гляжу, слушаю. А по Москвѣ гулъ идетъ, какой-то шумъ, стучатъ колеса; думаешь: вѣдь это люди живутъ, что-нибудь дѣлаютъ, коли такой шумъ отъ Москвы-то.

Аполлинарія Панфиловна.

Житейское море волнуется.

Вѣра Филипповна.

Думала пріемыша взять, сиротку, чтобъ не такъ скучно было; Потапъ Потапычъ не велитъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Сироту взять, такъ веселѣе будетъ.

Вѣра Филипповна.

Только чтобъ не самаго крошечнаго, не грудного.

Аполлинарія Панфиловна.

Нѣтъ, зачѣмъ! Такъ лѣтъ двадцати пяти, кудрявенькаго. Отъ скуки пріятно.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, что вы, какъ вамъ не стыдно! Безъ шутокъ вамъ говорю, помѣшаться можно было. Какъ я тогда съ ума не сошла, такъ это дивиться надо.

Аполлинарія Панфиловна.

Старики ужь всегда ревнивы.

Вѣра Филипповна.

Да что меня ревновать-то! Я въ двадцать лѣтъ не взглянула ни разу на посторонняго мужчину. Въ чемъ другомъ не похвалюсь, а этого грѣха нѣтъ за мной, чиста душа моя.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, не говорите! Искушенія не было, такъ и грѣха нѣтъ. Врагъ-то силенъ, поручится за себя никакъ нельзя.

Ольга.

Это правда, тетенька. Вы по вечерамъ и по баламъ не ѣздите, а посмотрѣли бы тамъ какіе мужчины бываютъ. Умные, ловкіе, образованные, не то, что...

Аполлинарія Панфиловна.

«Не то, что мужья наши». Ай, Оленька! Вотъ умница! А вѣдь правду она говоритъ: пока не видишь другихъ людей, такъ и свои хороши кажутся; а какъ сравнишь, такъ на свое-то и глядѣть не хочется.

Вѣра Филипповна.

Что вы, что вы! Какъ вамъ не грѣхъ!

Ольга.

Да вѣдь мы, тетенька, не слѣпыя. Конечно, обязанность есть наша любить мужа, такъ ее исполняешь; а вѣдь глаза-то на что-нибудь даны. Что невѣжа и дуракъ, а что образованный человѣкъ, разобрать-то не хитрость.

Аполлинарія Панфиловна.

Не видали вы настоящихъ-то мужчинъ, такъ хорошо вамъ разговаривать. И первый человѣкъ грѣха не миновалъ, да и послѣдній не минуетъ. Грѣхъ сладокъ, а человѣкъ падокъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, и слава Богу, что съ молоду искушенія не было; а ужь теперь и бояться нечего, мое время прошло.

Аполлинарія Панфиловна.

Какіе ваши года! Мнѣ и подъ пятьдесятъ лѣтъ, да я за себя не поручусь.

Ольга.

Я, кажется, до семидесяти лѣтъ влюбляться буду. А то и жить-то не зачѣмъ, какой интересъ! А тутъ вдругъ какъ-то тепло на душѣ. А то какая наша жизнь? Пей, ѣшь да спи!

Аполлинарія Панфиловна.

Я тоже не люблю, чтобъ безъ занятія. Ужь, само собой, не любовь,—гдѣ ужь! Хоть и не закаиваюсь. А чтобъ были мнѣ хлопоты: или сватать, или, когда молодая женщина запу-

тается, такъ поучишь ее какъ изъ бѣды вынырнуть, мужу глаза отвести.

Ольга.

Да что, въ самомъ дѣлѣ, тетенька, мы не люди, что-ли! Посмотрите-ка, что̀ мужчины-то дѣлаютъ, какую они себѣ льготу даютъ! Что̀ они боятся, аль стыдятся чего! Какая только придетъ имъ въ голову фантазія, все и исполняютъ. А отъ насъ требуютъ, чтобъ не только мы законъ соблюдали, а въ душѣ и помышленіи непорочность имѣли. Какъ еще они, при своей такой безобразной жизни, смѣютъ отъ насъ чего-то требовать! Да возьми такой мужъ въ самомъ дѣлѣ-то хорошую, да благородную дѣвушку, такъ она черезъ три дня плюнетъ на него, да убѣжитъ, куда глаза глядятъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Недавно замужемъ, а какъ разговариваешь! Скоро жизнь-то раскусила.

Ольга.

Раскусишь. Я шла замужъ-то, какъ голубка была, а мужъ меня черезъ недѣлю по трактирамъ повезъ арфистокъ слушать; сажалъ ихъ за одинъ столъ со мной, обнимался съ ними; а что говорили, такъ у меня волоса дыбомъ подымались!

Вѣра Филипповна.

Я такія рѣчи въ первый разъ слышу.

Аполлинарія Панфиловна.

Да вольно-жъ вамъ людей-то дичиться. Вы ужь спѣсивы очень. Пожаловали бы когда къ намъ запросто, или меня къ себѣ приглашали почаще; угощенья для меня особеннаго не нужно: былъ-бы чай, да бутылка мадеры—вотъ и все.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, гдѣ ужь мнѣ по гостямъ! Я одичала очень, мнѣ и людей-то видѣть тяжело. И разъ-то въ годъ выѣдешь, такъ часъ просидишь въ гостяхъ, ужь тамъ и скучно, домой тянетъ.

Ольга.

Теперь не прежнее время, не въ заперти живете; вотъ-бы и начали выѣзжать понемножку, привыкать къ людямъ.

Вѣра Филипповна.

Разница-то невелика: прежде въ заперти жила, а теперь сама усѣлась дома. Вотъ только одно мое удовольствіе, по монастырямъ стала ѣздить: въ Симоновъ, въ Новоспасскій, въ Андроньевъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Раненько за богомолье-то принялись.

Вѣра Филипповна.

Да хорошо тамъ очень: когда небольшой праздникъ, тамъ народу немного, тихо таково, просторно, поютъ хорошо. Выдешь за ограду, по бульварчику походишь, на Москву поглядишь, старушекъ богомолокъ найдешь, съ ними потолкуешь. (*Входитъ Огуревна*). Что ты?

Огуревна.

Сумлѣваюсь насчетъ лимону.

Вѣра Филипповна.

Я сейчасъ, гостьи дорогія. (*Уходитъ съ Огуревной*).

Аполлинарія Панфиловна.

По монастырямъ стала ѣздить! Надо подсмотрѣть за ней; въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ-ли сироты какого.

Ольга.

Нѣтъ, не похоже.

Аполлинарія Панфиловна.

Смотри ей въ зубы-то! Я очень тихимъ-то не вѣрю. Знаешь пословицу: въ тихомъ омутѣ?.. (*Входитъ Вѣра Филипповна*).

Вѣра Филипповна.

Сюда прикажете чай подать, или туда пойдете? Сюда и мужчины придутъ; вонъ, кажется, Потапъ Потапычъ подвигается.

Аполлинарія Панфиловна.

Лучше мы къ самовару присосѣдимся; я не люблю съ мужчинами-то: не привыкли мы въ перемѣшку-то. Простору нѣтъ,

разговоръ не тотъ; я въ разговорѣ свободна, стѣснять себя не люблю. Мужчины врутъ сами по себѣ, а мы сами по себѣ, и имъ свободнѣй и намъ вольнѣй. Любезное дѣло! А вмѣстѣ одна канитель, а не разговоръ. Я съ прибавленіемъ люблю чай-то пить; неравно при мужчинахъ-то невзначай лишнее переаьешь, такъ и совѣстно.

Вѣра Филипповна.

Какъ вамъ угодно. Пожалуйте! (*Уходятъ: Аполлинарія Панфиловна, Ольга, Вѣра Филипповна. Входятъ: Каркуновъ, въ рукахъ бумага и карандашъ, Халымовъ, Константинъ Каркуновъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Каркуновъ, Халымовъ и Константинъ Каркуновъ.

Константинъ.

Помилуйте, дяденька!.. Къ чему, къ чему?.. Ни къ чему это не ведетъ.

Каркуновъ.

Помолчи, ты, помолчи! (*Халымову*). Ахъ, кумъ ты мой милый, вотъ ужь спасибо, вотъ ужь спасибо!

Халымовъ.

Да за что?

Каркуновъ.

Какъ, за что? Я тебѣ шепнулъ: «пріѣзжай, молъ», а ты и пріѣхалъ.

Халымовъ.

Да чудакъ: зовешь въ гости, какъ не поѣхать! Отъ хлѣба-соли кто же отказывается.

Каркуновъ.

Да я еще тебя хлѣбомъ-то не кормилъ; я какъ ты пріѣхалъ, такъ за дѣло тебя; говорю: «помоги!..»

Халымовъ.

Да какое дѣло-то! Гроша оно мѣднаго не стоитъ; эка невидаль, завѣщаніе написать! Было-бъ что отказывать; а коли есть, такъ не хитро: тутъ все твоя воля, что хочешь, то и пиши!

Каркуновъ.

Нѣтъ, ты не говори! Вотъ тутъ у насъ по сосѣдству адвокатишко проживаетъ, такой паршивенькій; а и тотъ триста рублей проситъ.

Халымовъ.

Еще мало запросилъ. Вольно-жъ тебѣ за адвокатами посылать.

Константинъ.

Да помилуйте! Коли есть единственный... такъ къ чему? Одни кляузы!

Каркуновъ.

Погоди! Ты помолчи, помолчи.

Халымовъ.

Взялъ листъ, и пиши!

Каркуновъ.

«Пиши», ишь ты! Что я напишу, что я знаю! Какъ напьемся хорошенько, такъ «мыслете» писать наше дѣло; а перо-то возьмешь, такъ вѣдь надо, чтобъ оно слушалось. А коли не слушается, такъ что-жъ ты тутъ! Ничего не подѣлаешь.

Халымовъ.

А ты его возьми покрѣпче въ руки-то, да и пиши съ первоначалу съ Божьяго благословенія: во имя, и прочее...

Каркуновъ.

Такъ, такъ, съ Божьяго благословенія; нельзя безъ этого, это ужь первое дѣло. (*Константину*). Ты незваный пришелъ, такъ вотъ тебѣ бумага и карандашъ. Пиши! (*Отдаетъ бумагу и карандашъ*). Пиши, что сказано.

Константинъ.

Да позвольте! Коли я единственный...

Каркуновъ.

Молчи, молчи! (*Константинъ садится къ столу*). Что ему писать-то?

Халымовъ.

Потомъ пиши: во-первыхъ...

Каркуновъ.

Константинъ, пиши: во-первыхъ...

Халымовъ.

«Поручаю душу мою Богу»...

Каркуновъ (*вздыхая*).

Охъ, охъ! Да, да. (*Константинъ пишетъ*).

Халымовъ.

А грѣшное тѣло мое предать землѣ по христіанскому обряду.

Каркуновъ.

По христіанскому, по христіанскому, да, да, по христіанскому, чтобъ ужь какъ слѣдуетъ.

Халымовъ.

Теперь на счетъ пѣвчихъ... Какихъ тебѣ будетъ пріятнѣе: Чудовскихъ иль Нешумовскихъ?

Каркуновъ.

Чудовскихъ пріятнѣе, другъ ты мой любезный, пріятнѣе.

Халымовъ.

Ну, и пиши «Чудовскихъ».

Каркуновъ.

Константинъ, запиши: «Чудовскихъ!».

Халымовъ.

Теперь покровъ на гробъ... хочешь парчевый, хочешь глазетовый. Нынче этотъ товаръ до тонкости доведенъ, въ Парижѣ на выставкѣ былъ.

Каркуновъ.

Надъ этимъ задумаешься, кумъ, задумаешься.

Халымовъ.

Да какъ не задумаешься; дѣло большого разсудка требуетъ. А ты вели принести образчиковъ, да который тебѣ къ лицу, тотъ и обозначь; узорчикъ повеселѣй выбери. Да вотъ еще забыли, прежде всего надо: «находясь въ здравомъ умѣ». Что забыли-то! Да и въ правду, въ здравомъ мы умѣ, аль нѣтъ?

Каркуновъ.

Въ здравомъ, въ здравомъ, куда хочешь. Константинъ, проставь впереди: «въ здравомъ умѣ

Константинъ.

Ну, ужь сомнѣваюсь!

Каркуновъ.

Пиши, пиши, не твое дѣло!

Халымовъ.

«И твердой памяти».

Каркуновъ.

Ну, на счетъ памяти... противъ прежняго не то.

Халымовъ.

Да вѣдь помнишь всѣхъ, кто тебѣ долженъ?

Каркуновъ.

Всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ.

Халымовъ.

Значитъ, твердая. Можетъ быть, забываешь, кому самъ долженъ? Такъ не бѣда, напомнятъ. Ну, главное дѣло кончено, теперь ужь пустяки. Вотъ пиши: любезной супругѣ моей, Вѣрѣ Филипповнѣ, за ея любовь ко мнѣ и всегдашнія попеченія...

Каркуновъ.

Да, да, всегдашнія попеченія.

Халымовъ.

Ну, тамъ что знаешь.

Каркуновъ.

Пиши, Константинъ: «все движимое и недвижимое имѣніе и милліонъ денегъ».

Константинъ.

Да, позвольте, дяденька...

Каркуновъ.

Молчи, молчи! Стòитъ, стòитъ, больше стòитъ.

Халымовъ.

Ужь это твое дѣло.

Каркуновъ.

Больше стòитъ, больше стòитъ. Только вотъ что, кумъ, охъ...

Халымовъ.

Что случилось?

Каркуновъ.

Оставлю я ей милліонъ, а она съ моими деньгами-то замужъ, либо любовника.

Халымовъ.

Да тебѣ-то что за дѣло! Ужь тамъ, какъ знаетъ, какъ ей лучше.

Каркуновъ.

Нѣтъ, такъ нельзя, такъ нельзя: мои деньги-то. Она выйдетъ замужъ, да еще подсмѣется съ мужемъ-то надъ старикомъ.

Халымовъ.

Да и подсмѣются, ничего не подѣлаешь.

Каркуновъ.

Нѣтъ, вотъ какъ: любезной супругѣ моей, Вѣрѣ Филипповнѣ, коли не выйдетъ она замужъ и не заведетъ любовника, милліонъ.

Халымовъ.

Нельзя такъ написать-то, кумъ.

Каркуновъ.

Отчего, кумъ?

Халымовъ.

Скажутъ, что не въ здравомъ разсудкѣ.

Каркуновъ.

Такъ мы этого писать не будемъ, не осрамимъ себя, кумъ, не осрамимъ. Я вотъ что: я велю ей образъ со стѣны снять, да побожиться. Такъ, кумъ?

Халымовъ.

Такъ, такъ. Да вѣдь и она не глупа, она образъ-то, на которомъ божилась, повернетъ къ стѣнѣ, либо вовсе изъ комнаты вынесетъ, чтобы свидѣтелей не было: да и сдѣлаетъ, что хочетъ.

Каркуновъ.

Опять бѣда! Вотъ горе-то мое, горе!

Халымовъ.

Ну, какъ не горе! Всю жизнь мучилъ жену, хочешь и послѣ смерти потиранить, да никакъ не придумаешь. Да она честно жила съ тобой?

Каркуновъ.

Честно, честно. Что тутъ говорить—святая!

Халымовъ.

Всякій твой капризъ, всякую блажь исполняла?

Каркуновъ.

Исполняла, исполняла.

Халымовъ.

Стòитъ это чего-нибудь?

Каркуновъ.

Стòитъ, стòитъ, какъ не стòить!

Халымовъ.

Ну, чего это стòитъ, то ты и дай ей; да ужь и не печалься больше, пусть живетъ, какъ сама знаетъ.

Каркуновъ.

Нѣтъ, мало, мало. (*Константину*). Да что тутъ! Пиши, безъ всякихъ условіевъ милліонъ.

Константинъ.

Ужь это, дяденька, даже довольно глупо, позвольте вамъ сказать.

Каркуновъ.

Ты молчи! Ты долженъ къ дядѣ со всякимъ уваженіемъ.

Константинъ.

Я со всякимъ уваженіемъ; а ежели что неумно, такъ поневолѣ скажешь «глупо».

Халымовъ.

Пойдемъ дальше помаленьку! Теперь племяннику... «Племяннику моему, Константину Лукичу Каркунову, за его почтительность и хорошее поведеніе»...

Каркуновъ.

Пиши, Константинъ: племяннику моему...

Константинъ.

Написалъ.

Каркуновъ.

Вся моя торговля, фабричное заведеніе, опричь стѣнъ, товары, векселя и милліонъ денегъ.

Константинъ.

Я такъ понимаю, что это только одна шутка съ вашей стороны.

Каркуновъ.

Только, чтобъ онъ вѣчно поминалъ меня, а свое пьянство и безобразіе оставилъ.

Константинъ.

Безобразіемъ-то, дяденька, мы вмѣстѣ занимались; ежели я и пьянствовалъ, такъ для вашего удовольствія.

Каркуновъ.

И чтобъ всю жизнь онъ чувствовалъ.

Халымовъ.

Опять ты съ чувствами! А если онъ чувствовать не будетъ?

Каркуновъ.

Тогда деньги отобрать.

Халымовъ.

Нѣтъ, ты эти аллегоріи брось! Никто такого твоего завѣщанія не утвердитъ.

Константинъ.

Оставьте! Пущай не утвердятъ; тѣмъ лучше, все мнѣ и достанется.

Каркуновъ.

Ишь ты какой ловкій! Пиши: милліонъ! Милліонъ тебѣ— вотъ и все.

Константинъ.

Одна только прокламація, больше ничего.

Халымовъ.

Ну, еще что? Кому еще соблаговолишь?

Каркуновъ.

Приказчику моему, Ерасту... Пиши: ему десять тысячъ! Давай бумагу, ступай! Объ остальномъ безъ тебя порѣшимъ.

Константинъ.

Ну, дяденька, не ожидалъ. Кажется, знаете, какой я человѣкъ! Можно довѣриться безъ сумлѣнія. Стоитъ вамъ приказать словесно: выдай тому столько-то, тому столько-то: въ точности исполню. Наслѣдникъ у васъ одинъ я, а вы какую-то моду выдумали—завѣщаніе писать. Смѣшно даже.

Каркуновъ.

Ну, хорошо, хорошо, ступай! Обиженъ не будешь. (*Константинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Каркуновъ и Халымовъ.

Каркуновъ (*осмотрѣлъ всѣ двери*).

Ну, кумъ, вотъ ужь теперь ты мнѣ помоги, въ ножки поклонюсь! Возьми бумажку-то! (*Подаетъ бумагу, писанную Константиномъ*). Захерь, всю захерь! Да напиши ты мнѣ все завѣщаніе снова! При племянникѣ я правды-то говорить не хотѣлъ.

Халымовъ.

А въ чемъ твоя правда-то?

Каркуновъ.

Грѣшный я, ахъ, какой грѣшный человѣкъ! Что грѣховъ, что грѣховъ! Что неправды на душѣ, что обиды людямъ, что всякаго угнетенія!

Халымовъ.

Ну, такъ что-же?

Каркуновъ.

Такъ надо, чтобъ за мою душу много народу молилось; выкупать надо душу-то изъ аду кромѣшнаго.

Халымовъ.

Какъ же-ты ее выкупишь?

Каркуновъ.

А вотъ какъ: ни женѣ, ни племяннику ничего, такъ развѣ малость какую. На нихъ надежда плоха, они не умолятъ. Все на бѣдныхъ, неимущихъ, чтобы молились. Вотъ и роспиши! Ты порядокъ-то знаешь: туда столько, въ другое мѣсто столько, чтобы вѣчное поминовеніе, на вѣчныя времена... на вѣчныя. А вотъ тебѣ записочка, что̀ у меня есть наличными и прочимъ имуществомъ. (*Достаетъ изъ кармана бумажку и подаетъ Халымову*).

Халымовъ.

Ого! Сколько у тебя наличныхъ-то! Гдѣ же ты ихъ держишь?

Каркуновъ.

Дома, кумъ, вонъ въ шкапу.

Халымовъ.

Ты живешь въ захолустьи, кругомъ пустыри; налетятъ молодцы, такъ увезутъ у тебя деньги-то и съ твоимъ дорогимъ шкапомъ вмѣстѣ.

Каркуновъ.

Не боюсь, кумъ, нѣтъ. Нынче, кумъ, люди-то умны, говорятъ, стали; такъ и я съ людьми поумнѣлъ. Вотъ видишь двѣ пуговки! (*Показываетъ двѣ пуговки подлѣ шкапа*). Электрическій звонокъ! А? Умственная штука, кумъ, умственная штука! Одну пуговку нажму, всѣ молодцы и дворники тутъ, а другую—сто человѣкъ фабричныхъ чрезъ двѣ минуты здѣсь будутъ.

Халымовъ.

Ну, кумъ, задалъ ты мнѣ задачу!

Каркуновъ.

Сдѣлай милость! Будь другъ! Трепещу, трепещу, что̀ грѣховъ-то, что̀ грѣховъ-то, что̀ всякаго окаянства!

Халымовъ.

Какъ же ты жену-то обидишь, за что?

Каркуновъ.

Да, да... жена у меня душа ангельская, голубица чистая. Какъ подумаю, кумъ, про нее, такъ слезы у меня. Вотъ ви-

дишь, слезы. Заморилъ я ее, всю жизнь загубилъ... Да что же... мое вѣдь... кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вотъ еще приказчикъ... Я у пріятеля сыночка взялъ, обѣщалъ въ люди вывести, наградить... а не вывелъ. И жалованье-то платилъ малое, все посулами проводилъ... И объ немъ тоже, видишь, плачу. Только у меня дорогого-то, что жена да приказчикъ; а душа все-таки дороже... Можно ему что-нибудь изъ платья... шубу старую... Такъ и напиши!

Халымовъ.

Напишу, что съ тобой дѣлать! Только будетъ-ли польза душѣ-то?

Каркуновъ.

Будетъ, будетъ; съ умными людьми совѣтовался, съ благочестивыми... И больше все, чтобы по мелочамъ, въ раздачу нищей братіи, по гривнѣ сто тысячъ, по пятаку триста.

Халымовъ.

Это хорошо, это по крайности цѣликомъ въ казну поступитъ; казнѣ деньги нужны.

Каркуновъ.

Какъ, кумъ, въ казну?

Халымовъ.

Чрезъ акцизное управленіе. Питейныя заведенія торгуютъ хорошо.

Каркуновъ.

Ну, что-жъ, пущай! Все-таки каждый передъ стаканомъ-то помянетъ добрымъ словомъ.

Халымовъ.

Передъ первымъ помянетъ, а на другой не хватитъ денетъ, такъ тебя-жъ и обругаетъ.

Каркуновъ.

Ничего, нужды нѣтъ; хоть разъ перекрестится, да вздохнетъ на образъ, все-таки душѣ-то легче. (*Растворяетъ двери*). Вѣра Филипповна, Костя!.. А! И ты, Ерастъ, здѣсь! Войдите, войдите! (*Входятъ: Вѣра Филипповна, Константинъ, Ерастъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна, Константинъ и Ерастъ.

Каркуновъ.

Ну, супруга любезная, ну, племянничекъ дорогой, и ты, Ерастъ! молитесь Богу, молитесь Богу! Всѣхъ, всѣхъ наградилъ, всю жизнь поминать будете.

Вѣра Филипповна.

Благодарю покорно, Потапъ Потапычъ! Не надо мнѣ ничего; а коли ваша такая любовь ко мнѣ, такъ за любовь вашу, я должна васъ поминать всегда и всегда за васъ Богу молить.

Ерастъ.

Покорно благодарю, Потапъ Потапычъ, что труды мои цѣните, даже сверхъ заслугъ.

Константинъ.

Извините, дяденька, мнѣ благодарить не за что. Конечно, на все ваша воля, а коли разсудить правильно, такъ и безъ того все мое.

Каркуновъ.

А коли твое, такъ твое и будетъ; никого не обижу, никого.

Вѣра Филипповна.

Сюда чай прикажете, или къ намъ пожалуете?

Каркуновъ.

Пойдемъ, кумъ, къ бабамъ, пойдемъ балагурить, зубы точить. (*Уходятъ Каркуновъ и Халымовъ*).

Вѣра Филипповна.

Пожалуйте! Константинъ Лукичъ, Ерастъ...: приходите!

Константинъ.

Увольте, тетенька, мы не желаемъ. (*Вѣра Филипповна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Константинъ и Ерастъ.

Константинъ.

Ну, Ерастъ, дѣло табакъ.

Ерастъ.

О чемъ твой разговоръ и какъ его понимать?

Константинъ.

Намъ съ тобой зубы на полку.

Ерастъ.

Почему такъ полагаешь?

Константинъ.

Все теткѣ—шабашъ!

Ерастъ.

Что-жъ, послужимъ и ей.

Константинъ.

Не придется.

Ерастъ.

Отъ чего-жъ не служить, мы не хуже людей?

Константинъ.

Ты думаешь, она при милліонахъ-то съ фабриками, да съ торговлей путаться будетъ? Какъ же, очень ей нужно! Оборотитъ все въ деньги, да замужъ за благороднаго.

Ерастъ.

Пожалуй; мудренаго нѣтъ.

Константинъ.

А мы съ тобой на бобахъ останемся.

Ерастъ.

Такъ неужто-жъ вся моя служба за даромъ пропадетъ?

Константинъ.

А ты благодарности ждешь?.. Отъ дяди-то? Жди, жди! Онъ не нынче, такъ завтра тебя по шапкѣ скомандуетъ.

Ерастъ.

За что, про что?

Константинъ.

Здорово живешь. Къ разсчету ближе. Ты, по своимъ трудамъ, стоишь много, а ему жаль тебѣ прибавить; ну, извѣст-

но дѣло, придерется къ чему, расшумится, да и прогонитъ. У нихъ, у хозяевъ, одна политика-то.

Ерастъ.

Однако, призадумаешься. Надо мѣсто искать.

Константинъ.

Погоди! Ты вспомни, чему я тебя училъ.

Ерастъ.

На счетъ чего?

Константинъ.

На счетъ амуровъ.

Ерастъ.

Эхъ! Будетъ тебѣ глупости-то!

Константинъ.

Одно твое спасенье.

Ерастъ.

Не такая женщина; приступу нѣтъ.

Константинъ.

Ну, плохъ же ты, братъ!

Ерастъ.

Кто плохъ? Я то?.. Кабы ты зналъ, такъ не говорилъ бы, что я плохъ. Я свое дѣло знаю, да ничего не подѣлаешь. Первымъ долгомъ, надо женщину хвалить въ глаза; такимъ манеромъ какую хочешь донять можно. Нынче скажи—красавица, завтра—красавица, она уши-то и распуститъ и подавай ей турусы на колесахъ! А ужь коли стала слушать, такъ заговорить недолго.

Константинъ.

Такъ-бы ты и дѣйствовалъ.

Ерастъ.

Я и дѣйствовалъ, да она меня только однимъ взглядомъ такъ ошибла, ровно обухомъ, на силу на ногахъ устоялъ. Нѣтъ, я теперь на другой манеръ.

Константинъ.

Какая статья?

Ерастъ.

Она у насъ сердобольная, чувствительная, такъ я на жалость ее маню, казанскимъ сиротой прикидываюсь.

Константинъ.

Дѣйствуетъ?

Ерастъ.

Кажется, подѣйствовало; ужь полдюжины голландскихъ рубашекъ получилъ вчера. Отъ кого-жь, какъ не отъ нея! Она все такъ-то, въ тайнѣ благодѣтельствуетъ.

Константинъ.

Ну, и дѣйствуй въ этомъ направленіи. Затягивай ее мало по малу; потомъ свиданье гдѣ-нибудь назначь, либо къ себѣ замани.

Ерастъ.

Ну, хотя бы и такъ, да тебѣ-то какая польза отъ всего этого?

Константинъ.

Ахъ, простота! Я подстерегу васъ, да и укажу дядѣ: вотъ, молъ, посмотри, кому ты милліоны то оставляешь!

Ерастъ.

Однако! Да что-ты дурака что-ль нашелъ?

Константинъ.

Погоди! Что болтаешь зря, не разобравши дѣла! Ты слушай, да понимай! Тебя все равно дня черезъ два-три дядя прогонитъ, ужь онъ говорилъ, такъ что тебѣ жалѣть-то себя! Такъ, ни съ чѣмъ уйдешь; а коли мнѣ, черезъ твою услугу, дядино состояніе достанется, такъ я тебя озолочу.

Ерастъ.

Разсказывай! Тебѣ повѣришь, такъ трехъ дней не проживешь!

Константинъ.

Это точно, это ты правду говоришь. И не вѣрь мнѣ на слово никогда, я обману. Какое я состояніе-то ухнулъ—ото-

брали все. А отъ чего? Отъ того, что людямъ вѣрилъ. Нѣтъ, ужь теперь шабашъ; и я людямъ не вѣрю, и мнѣ не вѣрь. Ты на совѣсть мою, пожалуйста, не располагайся; была когда-то, а теперь ея нѣтъ. Это я тебѣ прямо говорю. Бери документъ! Хочешь двѣ-три тысячи, ну, хочешь пять?

Ерастъ.

Да что съ тебя возьмешь по документу-то?

Константинъ.

Само собой, что теперь ничего; а какъ оставитъ дядя наслѣдство, получишь все и съ процентами.

Ерастъ (*подумавъ*).

Вотъ что, слушай! Которое ты дѣло мнѣ сейчасъ рекомендуешь, довольно оно подлое. Пойми ты! Довольно подлое.

Константинъ.

Да развѣ я говорю тебѣ, что оно хорошее? И я такъ считаю, что оно подлое. Только я за него деньги плачу. Разбирай, какъ знаешь! Пять тысячъ, да на голодные-то зубы, да тому, кто ихъ никогда у себя не видывалъ... тоже пріятность имѣютъ.

Ерастъ.

Не надо. Нетолько твоихъ пяти тысячъ... а отойди! Вотъ... одно слово!

Константинъ.

Правда пословица-то: дураковъ-то не орутъ, ни сѣютъ, а сами родятся. Получаешь ты триста рублей въ годъ, значитъ, обязанъ ты воровать; хотятъ тебя осчастливить, даютъ тебѣ пять тысячъ, а ты физіономію въ сторону отворачиваешь! Мозги! Нечего сказать! Постучи-ка себя въ лобъ-то, да вонъ въ стѣну попробуй, будетъ-ли разница?

Ерастъ.

А какъ-ты думаешь, ежели дьяволъ... такъ кто изъ васъ тоньше... людей-то опутывать?

Константинъ.

Ну, вотъ еще «дьяволъ». Испугать что-ль меня хочешь? Слова, глупыя слова и больше ничего. Къ чему тутъ дья-

волъ? Которые люди святой жизни, такъ дьяволу съ ними заботы много; а мы и безъ него нагрѣшимъ, что на десяти возахъ не вывезешь. Но, однако, вс кому разговору конецъ бываетъ... Хочешь—бери деньги, а не хочешь—почти такъ, что я пошутилъ.

Ерастъ.

Надо, по крайности, подумать.

Константинъ.

И выходишь ты, братецъ мой, невѣжа. Думай, не думай, ума не прибудетъ; сколько тебѣ ума дано, столько и останется. Значитъ, показывай сейчасъ свой умъ, или свою глупость! На томъ и покончимъ.

Ерастъ.

Ну, ужь была не была, куда ни шло!

Константинъ.

Вотъ такъ-то лучше; а ты еще въ разсужденія пускаешься! Какія еще твои разсужденія, когда ты обязанъ во всемъ слушать меня и всегда подражать подъ меня. Я старше тебя, хотя не лѣтами, но жизнью и умомъ; я большое состояніе прожилъ, а ты всегда жилъ въ бѣдности; я разсуждаю свободно, а ты въ разсужденіи связанъ; я давно совѣсть потерялъ, а ты еще только начинаешь. Когда-жъ подробный объ этомъ предметѣ у насъ разговоръ будетъ?

Ерастъ.

Ты сегодня что̀ дѣлаешь?

Константинъ.

До вечера свободенъ, зайду къ тебѣ и потолкуемъ; а вечеромъ—опять съ дядей въ провожатыхъ.

Ерастъ.

Куда вы съ нимъ ѣздите?

Константинъ.

По трактирамъ, а то куда-жъ больше. Надоѣло имъ безъ проказъ пьянствовать, такъ теперь придумываютъ, что̀ чуднѣй: антиковъ разныхъ разыскиваютъ, да и тѣшатся. У кого сила, такъ бороться заставляютъ; у кого голосъ великъ, такъ

многолѣтіе имъ кричи; кто пьетъ много, такъ поятъ на пари. Вотъ-бы найти какого диковиннаго, чтобъ дяденькѣ удружить.

Ерастъ.

Нѣтъ, я встрѣтилъ антика-то: и сила, и голосъ, и выпить сколько хочешь.

Константинъ.

Кто онъ такой?

Ерастъ.

Такъ, въ родѣ какъ странникъ по Москвѣ бродитъ, по накутитъ, да у монастырей съ нищими становится.

Константинъ.

И знаешь, гдѣ его найти?

Ерастъ.

Знаю.

Константинъ.

Такъ покажи мнѣ сегодня же! Я съ кѣмъ-нибудь стравлю его на пари, большой капиталъ могу нажить отъ дяди. Да что! Дядя озолотитъ, все состояніе оставитъ мнѣ, коли придется ему по вкусу, да всѣхъ мы побѣдимъ.

Ерастъ.

Можно. (*Входятъ Каркуновъ, Халымовъ, Вѣра Филипповна, и Апполинарія Панфиловна*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Каркуновъ, Халымовъ. Вѣра Филипповна, Апполинарія Панфиловна, Константинъ и Ерастъ.

Каркуновъ.

Что-жъ, кумъ, загуляли, значитъ?

Халымовъ.

Не знаю, какъ ты; а я коньки подвязалъ, далеко катиться могу.

Каркуновъ.

Такъ поѣхали, что-ли?

Халымовъ.

Поѣхали.

Каркуновъ (*указывая на женщинъ*).

А ихъ не возьмемъ, кумъ, не возьмемъ! Пущай дома сидятъ! Вотъ вы и знайте! Да! Мы въ разгулъ, а вы дома сидите!

Халымовъ.

Куда ихъ! Намъ съ тобой надо быть на легкѣ, безъ грузу; чтобы куда потянетъ, туда и плыть, такъ, глядя по фантазіи, рулемъ-то и поворачивай!

Аполлинарія Панфиловна.

Да поѣзжайте, куда душе угодно, не заплачемъ.

Каркуновъ.

О чемъ плакать! Что за слезы! Не о томъ рѣчь! А ты вотъ что, кума: ты спроси у лошади, какъ ей лучше, свободнѣй: въ хомутѣ, или безъ хомута! А баба-то вѣдь хомутъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Да ну васъ, убирайтесь. Не очень-то въ васъ нуждаются. Домой-то дорогу я и одна найду. Такъ пріѣдете, Вѣра Филипповна, въ монастырь-то ко всенощной?

Вѣра Филипповна.

Пріѣду непремѣнно.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну вотъ, можетъ быть, увидимся. Прощайте! Къ намъ милости просимъ.

Вѣра Филипповна.

Ваши гости.

Аполлинарія Панфиловна.

Прощайте, кавалеры! (*Уходитъ*).

Константинъ.

Дяденька, мнѣ прикажете съ вами сопутствовать?

Каркуновъ.

Чего еще спрашиваешь? Аль ты свою службу забылъ? У тебя вѣдь одно дѣло-то: по ночамъ пьянаго дядю домой провожать.

Константинъ.

А ежели я малость замѣшкаюсь, такъ къ ночи гдѣ васъ

искать, подъ какимъ флагомъ? То есть, дяденька, подъ какой вывѣской?

Халымовъ.

Да ужь гдѣ ни путаться, а, должно быть, Стрѣльны не миновать. Поклонъ, да и вонъ! Поѣхали.

Каркуновъ.

Хозяйка, не жди! (*Уходятъ: Каркуновъ, Халымовъ, Константинъ. Вѣра Филипповна провожаетъ ихъ въ переднюю и возвращается*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣра Филипповна и Ерастъ.

Ерастъ (*потупя голову*).

Вѣра Филипповна, вы позволите мнѣ сегодня идти ко всенощной?

Вѣра Филипповна.

Развѣ Богу молиться позволенія спрашиваютъ?

Ерастъ.

Нѣтъ-съ, я спрашиваю, позволите ли вы мнѣ идти въ монастырь, куда вы поѣдете?

Вѣра Филипповна.

Храмъ большой, всѣмъ мѣсто будетъ... Иди, коли есть усердіе.

Ерастъ.

Я думалъ, что, можетъ быть, вамъ непріятно, что я все съ вами въ одну церковь хожу. Такъ я могу въ другое мѣсто...

Вѣра Филипповна (*взглянувъ на Ераста*).

Отчего-же ты думаешь, что мнѣ непріятно?

Ерастъ.

Вы женщина строгая, мало-ль что можете подумать.

Вѣра Филипповна.

Я ничего не думаю; а коли ты самъ что-нибудь думаешь

дурное, такъ лучше не ходи, не грѣши. А ежели ты съ чистымъ сердцемъ...

Ерастъ.

Съ чистымъ, Вѣра Филипповна.

Вѣра Филипповна.

А коли съ чистымъ, такъ иди съ Богомъ! Мнѣ даже очень пріятно; я очень рада, что въ такомъ дѣлѣ есть у меня товарищъ и провожатый.

Ерастъ.

Я только вамъ доложить хотѣлъ. Я безъ спросу не посмѣлъ.

Вѣра Филипповна.

Да, хорошо, хорошо! Вижу, что ты скромный и хорошій человѣкъ. Я такихъ люблю. Хорошаго человѣка нельзя не полюбить... Кого-жъ и любить, коль не хорошихъ людей. Ну, покуда прощай! (*Ерастъ почтительно кланяется*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Вѣра Филипповна.[1]

Аполлинарія Панфиловна.

Константинъ Каркуновъ.

Ерастъ.

Иннокентій-странникъ, сильный мужчина суроваго вида. Въ длинномъ парусинномъ пальто и странническої шапкѣ.

Бульваръ подъ монастырской стѣной; нѣсколько скамеекъ; въ глубинѣ по обрыву деревянная загородка, за ней вдали видна часть Москвы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Иннокентій (*одинъ*).

Иннокентій.

Эка обуза!.. Эка обуза мнѣ тѣло мое!.. алчное, жадное, ненасытимое! Экую утробу богатому человѣку—и то будетъ въ тяжесть удоволить; а мнѣ, пролетарію... нѣсть конца мученіямъ... Непрестанныя муки голода и жажды... непрестанныя обуреванія страстей! Былъ рубль сегодня—и нѣтъ его; а жажда и голодъ все тѣ же. Хоть бы ослѣпнуть! Несытымъ окомъ видишь трактиры, видишь пивныя заведенія, видишь лѣпообразныхъ женъ... Какъ звѣрь бы ринулся на все сіе и пожралъ; но не пожрешь... Прежде, чѣмъ пасть твоя разинется, связанъ будешь и заключенъ въ узилище... Былъ рубль... Лучше бы его не было... Рубль издержалъ, но удовлетворенія нѣтъ, а только сугубая жажда. Всуе искать человѣка, который, какъ я, могъ-бы завидовать всему. Волкъ живетъ хищеніемъ, грабежомъ, убійствомъ... а я ему завидую; ибо онъ даровую находитъ пищу. (*Входитъ Вѣра Филипповна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Иннокентій и Вѣра Филипповна.

Иннокентій.

Государыня милостивая, соблаговолите странному человѣку!

Вѣра Филипповна *(подавая деньги).*

Примите!

Иннокентій.

Мало.

Вѣра Филипповна.

Не взыщите.

Иннокентій.

Другому это довольно, а мнѣ мало.

Вѣра Филипповна.

Ты человѣкъ въ силахъ, работать-бы тебѣ...

Иннокентій.

Не могу.

Вѣра Филипповна.

Нездоровъ, что-ли?

Иннокентій.

Нѣтъ.

Вѣра Филипповна.

Такъ почему-же?

Иннокентій.

Я праздполюбецъ.

Вѣра Филипповна.

Такимъ не помогаютъ.

Иннокентій.

Напрасно.

Вѣра Филипповна.

Работай и молись, такъ не будешь нуждаться.

Иннокентій.

Не наставленій, государыня милостивая, а денегъ желаю я получить отъ тебя.

Вѣра Филипповна.

Такъ не просятъ.

Иннокентій (*оглядываясь*).

Я не прошу, я приказываю.

Вѣра Филипповна.

Богъ съ тобой, миленькій! Прими еще и будь доволенъ. За всякую малость надо Бога благодарить. Не грѣши и меня не вводи въ грѣхъ; я молиться иду.

Иннокентій.

Вотъ у тебя, раба божья, сколько серебряныхъ денегъ-то!

Вѣра Филипповна.

Не завидуй, грѣшно!

Иннокентій

Отдай-ка ты мнѣ ихъ!

Вѣра Филипповна.

Мнѣ, миленькій, не жаль, да не мои деньги-то, отдать-то нельзя: онѣ бѣднымъ приготовлены.

Иннокентій.

А если я ихъ отниму у тебя?

Вѣра Филипповна.

Отнимай, коли Бога не боишься, а сама не отдамъ; это деньги чужія.

Иннокентій.

Отнять-то я отниму, да вотъ бѣда: сила у меня большая и рука тяжела, какъ-бы не повредить тебя, руки не оторвать прочь.

Вѣра Филипповна.

Ты, миленькій, глядѣлъ когда на небо-то, лобъ-то крестишь, себѣ или нѣтъ?

Иннокентій.

Ну, ужь будетъ разговаривать-то!

Вѣра Филипповна.

Взгляни, миленькій, взгляни на небо-то!

Иннокентій.

Либо у тебя разумъ младенческій, либо ты ужь очень въ вѣрѣ крѣпка. Что ты мнѣ рацеи-то читаешь! Я самъ умнѣе тебя. Молчи, говорятъ тебѣ, заткни уста свои; а то я такую печать наложу на нихъ!.. Давай кошелекъ! (*Вдали показываются Константинъ и Ерастъ*).

Вѣра Филипповна.

А вотъ мнѣ Богъ и помощь посылаетъ.

Иннокентій (*тихо*).

Ну, счастлива ты! Проходи! Я пошутилъ съ тобой! (*Громко*) Благодарствую, государыня милостивая. (*Садится. Вѣра Филипповна уходитъ. Входятъ: Константинъ и Ерастъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Иннокентій, Константинъ и Ерастъ.

Константинъ (*Ерасту*).

Этотъ что-ли?

Ерастъ.

Онъ самый.

Константинъ.

Мужчина занятный.

Иннокентій.

Господа милостивые, соблаговолите странному человѣку на пропитаніе!

Константинъ.

Я на пропитаніе не даю; коли пропить сейчасъ, такъ изволь, подамъ.

Иннокентій.

Давай! Пропью!

Константинъ.

Такъ ты вотъ какой странникъ-то!

Иннокентій.

Не осуждай! Коли хочешь подать, такъ подай; а не хочешь, такъ проходи! Мнѣ не до разговоровъ.

Константинъ.

Что̀ такъ? Иль гордъ очень?

Иннокентій.

Не гордъ, а голоденъ.

Константинъ.

Накормимъ.

Иннокентій.

Накормишь, тогда и будемъ съ тобой разговаривать.

Константинъ.

Да объ чемъ съ тобой разговаривать-то; что̀-ты знаешь?

Иннокентій.

Знаю больше тебя; я человѣкъ ученый и умный, а ты, какъ вижу, профанъ, простецъ.

Константинъ.

А коли ты ученый, отчего-жъ бѣдствуешь?

Иннокентій.

Я человѣкъ, обуреваемый страстями и весьма порочный.

Константинъ.

Намъ такихъ и надо. А выпить ты много можешь?

Иннокентій.

И пью, и ѣмъ много и жадно.

Константинъ.

Да какъ много-то?

Иннокентій.

Не мѣрялъ; только очень много, неизглаголанно много, повѣрить невозможно—вотъ сколько!

Константинъ.

Да, можетъ, хвастаешь?

Иннокентій (*отворачивается въ сторону*).

Лучше отойди!..Проходи мимо!

Константинъ.

Что «проходи»! Ты человѣкъ нужный. Надо тебя испробовать: словами-то все можно сказать.

Иннокентій.

Испробуй!

Константинъ.

А начнешь пробовать, такъ, пожалуй, и я больше выпью. Съ нами такія-то оказіи бывали.

Иннокентій.

Не выпьешь.

Константинъ.

Да почемъ ты знаешь? Какъ ты можешь такъ... вдругъ?.. Ты слыхалъ романсъ: «Никто души моей не знаетъ»?

Иннокентій.

Не выпьешь.

Константинъ.

Еще это дѣло впереди.

Иннокентій.

Невозможно. Ты нетолько что не выпьешь, ты руками не подымешь того, что я могу выпить.

Константинъ.

Коли правда, мнѣ же лучше; я на тебѣ большіе капиталы наживу. (*Эрасту*) Ну, я теперь его понялъ, мы съ нимъ и ѣдемъ. Чтоу васъ теткой будетъ, извѣсти! (*Эрастъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Константинъ и Иннокентій.

Константинъ.

Ты слышалъ, что̀ я тебѣ сказалъ?

Иннокентій.

Нѣтъ, я слышу только требованія и вопли желудка моего

Константинъ.

Ну, такъ я тебѣ повторю: «Я тебя понялъ».

Иннокентій.

Говори, милостивецъ, яснѣй!

Константинъ.

Ты человѣкъ голодный; чѣмъ ты живешь?

Иннокентій.

Подаяніемъ отъ доброхотныхъ дателей.

Константинъ.

А когда подаянія не хватаетъ по размѣру твоего аппетита, тогда что?

Иннокентій.

Надо-бы умирать съ голоду, но я не умираю.

Константинъ.

На пятерню берешь?

Иннокентій.

Ты что за духовникъ?

Константинъ.

Ничего, признавайся, свидѣтелей нѣтъ.

Иннокентій.

Да ты ужь не товарища-ли ищешь?

Константинъ.

Пока Богъ миловалъ; а впередъ не угадаешь, можетъ, и понадобится товарищъ.

Иннокентій.

Такъ не избѣгай, я работникъ хорошій.

Константинъ.

Сундуковъ желѣзныхъ ты безъ ключа отпирать не пробовалъ?

Иннокентій.

Да на что тутъ ключъ, коли руки хороши; а то такъ и разрывъ-траву можно приложить.

Константинъ.

Стало быть Ѳомка-то*) бывалъ въ рукахъ?

Иннокентій.

Что за мастеръ безъ инструмента!

Константинъ.

Судился?

Иннокентій.

Было.

Константинъ.

А потомъ гдѣ гостилъ?

Иннокентій.

Въ арестантскихъ ротахъ.

Константинъ.

Мѣсто хорошее! Ну, поѣдемъ! Только ты теперь держи себя, братецъ, въ струнѣ. Съ хорошими людьми въ компаніи будешь, съ купцами съ богатыми. Надо тебѣ русское платье достать. Скажемъ, что ты съ Волги, изъ Рыбинска, изъ крючниковъ.

Иннокентій.

Знаю, случалось кули-то таскать.

Константинъ.

Нашей компаніи умѣй только уважить; а то на цѣлый мѣсяцъ и сытъ, и пьянъ будешь, да и мнѣ будетъ хорошо.

Иннокентій.

Только кормите до сыта, да поите до пьяна, а то радъ вамъ хоть воду возить.

Константинъ.

Вѣдь тебѣ умирать-бы съ голоду въ другомъ мѣстѣ; а Москва-то матушка что̀ значитъ! Здѣсь и такіе, какъ ты, надобны. (*Уходятъ. Входятъ: Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна*).

---

*) Короткій ломъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, да, конечно; какъ можно безъ провожатаго!

Вѣра Филипповна.

Кого-жъ я возьму?

Аполлинарія Панфиловна.

Мало-ль у васъ... Ну, хоть Ераста.

Вѣра Филипповна.

Какъ можно! Молодой человѣкъ цѣлый день занятъ, ему охота погулять. У нихъ на гулянье времени-то и такъ немного; чай, вечеромъ-то радехоньки вырваться изъ дому, а тутъ еще хозяйку провожай. У меня совѣсть не подымется.

Аполлинарія Панфиловна.

Почемъ знать, можетъ, ему и самому пріятно. Вы домой сейчасъ поѣдете?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, ужь я достою. Я всегда послѣ второго звона отдыхать выхожу, а къ третьему опять въ соборъ.

Аполлинарія Панфиловна.

А ужь я поѣду. Народу мало; ни посмотрѣть не на кого, ни себя показать некому. Тутъ какъ ни одѣнься, никто не замѣтитъ.

Вѣра Филипповна.

Мнѣ все равно; я не затѣмъ ѣзжу.

Аполлинарія Панфиловна.

Нѣтъ, мы люди грѣшные; мы и въ церковь-то ходимъ людей посмотрѣть, да себя показать. Прощайте! (*Уходитъ. Подходитъ Ерастъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣра Филипповна и Ерастъ.

Вѣра Филипповна.

Присядь, Ерастъ, отдохни.

Ерастъ.

Помилуйте, смѣю-ли я! Ничего-съ, я и постою.

Вѣра Филипповна.

Вѣдь устанешь, служба-то длинна.

Ерастъ.

Хоть всю ночь-съ... Я этого себѣ въ трудъ не считаю.

Вѣра Филипповна.

Ну, какъ знаешь.

Ерастъ.

Ужь я и то долженъ за счастье считать, что съ вами нахожусь... Въ одномъ домѣ живемъ, а когда васъ увидишь!

Вѣра Филипповна.

Да на что-жъ тебѣ меня видѣть? Тебѣ хозяинъ нуженъ, а не я.

Ерастъ.

Конечно, всякое дѣло ведется хозяиномъ; только вѣдь мы отъ хозяина-то, кромѣ брани да обиды, ничего не видимъ. А коли есть у насъ въ домѣ что хорошее, коли еще жить можно, такъ всѣ понимаютъ, что это отъ васъ. Вѣдь мы тоже не каменные, благодарность чувствуемъ; только выразить ее не смѣемъ; потому, какъ вы отъ насъ очень отдалены.

Вѣра Филипповна.

Что за благодарность! Если я что и дѣлаю, такъ, повѣрь, не изъ благодарности.

Ерастъ.

Я это очень понимаю, только за что-жъ вы людей такъ низко ставите? Вѣдь это значитъ: «дѣлать, молъ, для васъ добро я могу изъ жалости—на́те, молъ, я брошу вамъ... только я такъ высока для васъ, что вы даже и благодарить меня не смѣете, и ни во что я считаю вашу благодарность, какъ есть вы люди ничтожные».

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, что̀ ты, что̀ ты! Я никогда такъ и не думала.

Ерастъ.

Хотя вы и не думали, но оно такъ выходитъ по вашимъ поступкамъ.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, ты, пожалуйста, не думай! Я нисколько не горда, а только что мнѣ стыдно, когда меня благодарятъ; я ничего такого особеннаго... а что только должное...

Ерастъ.

Какъ, помилуйте, какое должное! Да вотъ я ужь и словъ не найду, какъ васъ благодарить.

Вѣра Филипповна.

За что, Ерастъ?

Ерастъ.

Такое вниманіе, такая, можно сказать, заботливость обомнѣ... развѣ я стою?

Вѣра Филипповна.

Да про что ты?

Ерастъ.

А подарокъ вашъ... помилуйте! Вѣдь ужь это даже въ родѣ какъ по родственному; да и отъ родственниковъ нынче не дождешься... Какія-жъ мои заслуги противъ васъ, помилуйте!

Вѣра Филипповна.

Можетъ и есть тебѣ подарокъ, только ты на меня не думай!

Ерастъ.

Эхъ, Вѣра Филипповна! Вотъ опять съ вашей стороны гордость, а мнѣ униженіе. «Бросила тебѣ, нищему, а благодарности не желаю».

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, нѣтъ, что ты... Богъ съ тобой! Ну, я, я...

Ерастъ.

Благодарность... вѣдь оно такое чувство, что его не удержишь, оно изъ души просится. Можетъ быть, сколько слезъ пролито, пока я дождался, чтобъ вамъ ее выразить.

Вѣра Филипповна.

Ну, хорошо, я принимаю твою благодарность.

Ерастъ.

Позвольте ручку поцѣловать.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, нѣтъ, что ты, что ты! я никогда...

Ерастъ.

Да отъ чего-же, помилуйте! Всѣ дамы-съ...

Вѣра Филипповна.

Да, нѣтъ, что̀ это, какъ можно! Я знаю, что у дамъ и барышень цѣлуютъ руки, да не хорошо это. За что насъ возвеличивать, что̀ въ насъ такого особеннаго? Мы такіе-же люди. Вѣдь это развѣ какого высокаго званія, или за святость жизни, а какое наше званіе, какія-жъ мы святыя! Которая развѣ ужь сама себя не понимаетъ, что̀ она такое, ну, по глупости, и рада, а то какъ это равному человѣку свою руку давать цѣловать. Вотъ у матери цѣлуй! Потому нѣтъ больше ничего для тебя на свѣтѣ,какъ ея любовь, ея забота, ея печаль о тебѣ.

Ерастъ.

Хорошо, у кого жива родительница; а коли съ дѣтства кто сиротой остался.

Вѣра Филипповна.

Что-жъ, Божья воля.

Ерастъ.

Это точно-съ. Но развѣ другая женщина не можетъ быть вмѣсто матери-съ?

Вѣра Филипповна.

Никогда, Ерастъ, никогда!

Ерастъ.

Нѣтъ, можетъ-съ. Положимъ такъ, что въ ней любви такой ужь не будетъ; да это ничего-съ. Вы извольте понять, что такое сирота съ малыхъ лѣтъ. Ласки не видишь, никто тебя не пожалѣетъ, а вѣдь горе-то частое. Каково сидѣть

одному въ углу да кулакомъ слезы утирать? Плачешь, а на душѣ не легче, а все тяжелѣй становится. Есть-ли на свѣтѣ горчѣе сиротскихъ слезъ? А коли есть къ кому прити съ горемъ-то, такъ совсѣмъ другое дѣло: приляжешь на грудь съ слезами-то, и она надъ тобою заплачетъ, вотъ съ разу и легче, вотъ и конецъ горю.

Вѣра Филипповна.

Правда твоя, правда. Присядь, Ерастъ.

Ерастъ.

Нѣтъ, зачѣмъ-же-съ! Да мнѣ ни серебра, ни золота, никакихъ сокровищъ на свѣтѣ не надо, только-бъ ласку видѣть, да жалѣлъ-бы меня кто-нибудь. Вотъ теперь вашъ подарокъ, конечно, я очень чувствую; а вѣдь для души тутъ ничего нѣтъ-съ. Для меня только ласковое слово, совѣтъ, наставленіе для жизни въ тысячу разъ дороже всякихъ подарковъ. А ежели пожалѣть, утѣшить въ горѣ, заплакать вмѣстѣ... объ такихъ предметахъ зачѣмъ и мечтать! Потому, этого никогда не дождешься...

Вѣра Филипповна.

Отъ чего-жъ не дождешься? Вѣдь ужь я плачу, Ерастъ!

Ерастъ.

Это для меня сверхъ всякаго ожиданія. Такое счастье, что ужь я и не знаю, какъ его оцѣнить и чему приписать! Все таки, по крайности, позвольте хоть ручку поцѣловать

Вѣра Филипповна *(задумчиво)*.

Не надо, мой другъ; ты знаешь, что я не люблю.

Ерастъ.

Вы сами изволили говорить, что у матери слѣдуетъ руки цѣловать, а вы для меня гораздо дороже-съ. Потому, мать— это дѣло даже довольно обыкновенное, у всякаго она есть; а чтобъ посторонняя женщина такія чувства имѣла—это, по нынѣшнимъ временамъ, невозможно и встрѣтить. Не обижайте, позвольте ручку!

Вѣра Филипповна.

Ну, изволь, мой дружокъ. Только пожалуйста, чтобъ ужь никогда...

Ерастъ (*цѣлуя руку*).

Какъ никогда, какъ никогда, помилуйте! Подняли меня до небесъ и опять приказываете мнѣ взять оборотъ на старое положеніе. Я такъ осмѣливался думать, что не послѣдній разъ я отъ васъ такое утѣшеніе въ своихъ горестяхъ имѣю.

Вѣра Филипповна.

Да я, дружокъ, только насчетъ поцѣлуевъ-то; а побесѣдовать съ тобой, посовѣтовать что, потужить вмѣстѣ я, пожалуй, и впередъ не откажусь.

Ерастъ.

Только того-съ и жаждетъ душа моя.

Вѣра Филипповна.

Что-жъ, отчего же! Тутъ дурного ничего нѣтъ.

Ерастъ.

Окромя хорошаго ничего нѣтъ-съ. Но при всемъ томъ я отъ васъ отойду подальше; потому Аполлинарія Панфиловна сюда приближается. (*Уходитъ. Входитъ Аполлинарія Панфиловна*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Вѣра Филипповна и Аполлинарія Панфиловна.

Вѣра Филипповна.

Воротились?

Аполлинарія Панфиловна.

Затолковалась съ одной знакомой. А вы все еще тутъ сидѣли?

Вѣра Филипповна.

Да, отдыхаю, Хорошо здѣсь воздухомъ-то подышать; еще поспѣю, служба долгая, часовъ до десяти.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, да, конечно, на вольномъ воздухѣ... Что дома то,

въ четырехъ стѣнахъ сидѣть! Проводить есть кому, такъ что-жъ вамъ! Не то что до десяти часовъ, хоть до полночи оставайтесь.

Вѣра Филипповна.

Я безъ провожатыхъ, одна ѣзжу.

Аполлинарія Панфиловна.

А словно какъ я тутъ вашего прикащика, Ераста, видѣла.

Вѣра Филипповна.

Да, и я видѣла; такъ вѣдь онъ тоже помолиться пришелъ, а совсѣмъ не для проводовъ; онъ самъ по себѣ, а я сама по себѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Да, конечно. Хорошій онъ человѣкъ, солидный, скромный такой.

Вѣра Филипповна.

Не знаю я ихъ, приказчиковъ-то, да и вижу ихъ очень рѣдко. Какіе они тамъ, ужъ это не мое дѣло, это Потапъ Потапычъ знаетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Хорошій человѣкъ, хорошій: не болтунъ, не похвастаетъ, женщину не опозоритъ, которая къ нему снисходительность имѣетъ, ужъ хоть умретъ, а промолчитъ. Другіе, вѣдь, такіе дохальники, чего и нѣтъ наговорятъ; а этотъ, хоть бы что и было такъ рѣжь его, не выдастъ. Оно и дорого для насъ, для женщинъ-то.

Вѣра Филипповна.

Не понимаю я, что́ вы говорите.

Аполлинарія Панфиловна.

Да что́ вы, Вѣра Филипповна; что́ тутъ такого непонятнаго! Разумѣется скромный мужчина гораздо пріятнѣе. Другой, знаете, и собой некрасивъ, а, глядишь, очень хорошая женщина любитъ. А за что? За скромность. Вотъ Оленька сама мнѣ проговорилась, а онъ молчитъ и виду не подаетъ.

Вѣра Филипповна.

Оленька, говорите́ вы? Какая Оленька?

Аполлинарія Панфиловна.

Да Оленька, ваша племянница. Болтушка она; хорошо еще, что такого скромнаго человѣка нашла. Попадись она другому, такъ ужя мужъ-то давно-бы узналъ.

Вѣра Филипповна.

Да что̀ вы говорите! Можетъ-ли быть!

Аполлинарія Панфиловна.

Да что-жъ такого мудренаго! Эхъ, матушка, Вѣра Филипповна. Да сплошь да рядомъ, чему тутъ удивляться-то!

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, я не вѣрю вамъ, онъ кажется такимъ скромнымъ, сиротливымъ.

Аполлинарія Панфиловна.

«Кажется». Да мужчина, какимъ ему нужно, такимъ онъ и кажется: гдѣ надо быть смирнымъ, онъ смиренъ, гдѣ надо бойкимъ, онъ бойкій; гдѣ плакать—плачетъ, гдѣ плясать—пляшетъ. Всякій мужчина, коли онъ не дуракъ, такъ плутъ; а у всякаго плута свой разсчетъ. Розини-то повывелись, нынче палецъ въ ротъ не клади, откусятъ.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, право, какъ это непріятно, какъ непріятно!

Аполлинарія Панфиловна.

Да вамъ-то что за дѣло? Пущай ихъ...

Вѣра Филипповна.

Да какъ же это...въ нашемъ домѣ!—Нѣтъ, не хорошо, не хорошо.

Аполлинарія Панфиловна.

Да вѣдь слуховъ никакихъ нѣтъ, никто про это тоже не говоритъ все равно, что нѣтъ ничего.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, все таки... Вотъ поди узнай людей-то!

Аполлинарія Панфиловна.

Да зачѣмъ ихъ узнавать! И вѣрить никому не надо.

Надо только самой быть осторожной. Вѣдь не къ присягѣ-же всякаго приводить! Вотъ я никому не вѣрю. Мало-ли что сгоряча-то говорится... Пожалуй, меня обманывай, я не разсержусь: я за то сама десятерыхъ обману. Ахъ, заболталась я съ вами. Прощайте, домой пора.

Вѣра Филипповна.

Ужь и я.

Аполлинарія Панфиловна.

Что такъ? Вы достоять хотѣли?

Вѣра Филипповна.

Да что то нездоровится, такъ какъ-то не по себѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Погуляйте немножко! На воздухѣ то лучше. Куда вамъ торопиться!..Да гдѣ онъ тутъ? Вонъ, кажется, идетъ... Парень-то такъ, безъ дѣла шатается... онъ и проводитъ васъ. Прощайте! (*Уходитъ Вдали показывается Ерастъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣра Филипповна и Ерастъ (*вдали*).

Вѣра Филипповна.

Кто изъ нихъ лжетъ: онъ или она? Да что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ... какъ хотятъ; мнѣ за нихъ не отвѣчать. Только вотъ ужь разговаривать-то не надо. Развѣ пойти въ соборъ... да нѣтъ, какая ужь молитва. (*Ерастъ подходитъ*). Что тебѣ, Ерастъ?

Ерастъ.

Не будетъ-ли какого приказанія отъ васъ?

Вѣра Филипповна.

Какія приказанія! Я уѣду сейчасъ.

Ерастъ.

А мнѣ-съ?

Вѣра Филипповна.

Да что-жъ мнѣ до тебя! Хочешь оставайся, — хочешь домой ступай.

Ерастъ.

Только и всего-съ?

Вѣра Филипповна.

Чего-жъ тебѣ! Я пріѣхала молиться, ты тоже; я себя знаю и ты свое мѣсто понимай.

Ерастъ.

Это ужь совсѣмъ другой разговоръ противъ давешняго, одно къ другому не подходитъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, что-жъ дѣлать! Пока человѣка не знаешь, такъ ему и вѣришь; а какъ узнаешь про дѣла его, такъ по дѣламъ ему и цѣна.

Ерастъ.

Теперь я понимаю. Такъ я и ожидалъ. Значитъ, въ вашихъ глазахъ меня очернили; и теперь, что было для меня дорогого на свѣтѣ, я всего лишенъ; потому, вы считаете меня неосновательнымъ человѣкомъ. Ну, что-жъ дѣлать? Знать, такая судьба, такъ тому и быть. Но послѣ всего этого позвольте вамъ сказать два слова.

Вѣра Филипповна.

Говори!

Ерастъ.

Первое-съ: ничего такого и никакихъ дурныхъ дѣлъ за мной нѣтъ. Если что вамъ сказано, такъ это все пустое, все наносныя слова. Есть за мной одинъ грѣхъ; что я больше всего на свѣтѣ уважаю и люблю женщину, которая очень высока для меня: но этого я грѣхомъ не ставлю.

Вѣра Филипповна.

Ну, дальше что-жъ?

Ерастъ.

Такъ какъ вижу я со всѣхъ сторонъ однѣ нападки и ни откуда мнѣ никакой радости и утѣшенія нѣтъ; такъ для чего

жить-съ! Не въ примѣръ лучше будетъ, ежели свою жизнь покончить.

Вѣра Филипповна.

Что ты, Богъ съ тобой! Какія ты слова говоришь!

Ерастъ.

Слова самыя настоящія; все это такъ и будетъ. Спасенія мнѣ нѣтъ, спасти меня никто не можетъ... только можетъ одна женщина, и эта женщина—вы-съ!

Вѣра Филипповна.

Да очень бы я рада и готова.

Ерастъ.

Только и отъ васъ мнѣ спасенія ожидать нельзя.

Вѣра Филипповна.

Почему-же ты такъ думаешь?

Ерастъ.

Вы меня не пожалѣете. Что такое я для васъ? Стоитъ-ли вамъ изъ-за меня себя безпокоить!

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, пожалѣю, пожалѣю.

Ерастъ.

Нельзя вамъ пожалѣть, вамъ ваше званіе не позволяетъ: Приказчикъ хоть умирай, а хозяину до этого дѣла нѣтъ—такой порядокъ.

Вѣра Филипповна.

Да какой тамъ порядокъ! По христіански всякаго жалѣть слѣдуетъ.

Ерастъ.

Опять же у женщинъ всякое дѣло-все имъ грѣшно, да стыдно; и все-то онѣ грѣха боятся, а еще больше того стыда.

Вѣра Филипповна.

Да какъ же, миленькій, стыда не бояться? Для того онъ и стыдъ называется, чтобы его боялись.

Ерастъ.

Позвольте-съ! Ежели-бы былъ такой законъ, чтобъ совсѣмъ даже не прикасаться до мужчины ни подъ какимъ видомъ, а кто прикоснется, такъ это грѣхъ и стыдъ. И вотъ, если мужчина на вашихъ глазахъ тонетъ, а вамъ только руку протянуть и онъ спасенъ. Вѣдь вы руки не протянете, потому, это стыдно; пущай онъ тонетъ.

Вѣра Филипповна.

Какъ руки не протянуть! Да если человѣкъ тонетъ, до стыда-ли тутъ! Стыдъ вѣдь только въ обыкновенной жизни очень нуженъ, а то онъ не очень важенъ: какъ что позерь ез нѣй, такъ его и нѣтъ.

Ерастъ.

Ну, вотъ только, всего-съ, и конченъ разговоръ-съ. Стыдно но ночамъ къ мужчинамъ на свиданіе ходить; а вы, значитъ, ко мнѣ пожалуете.

Вѣра Филипповна.

Что ты, что ты, опомнись!

Ерастъ.

Мнѣ жизнь не дорога; я не живу, а только путаюсь въ своей жизни; стало быть, и жалѣть ее нечего, и, значитъ, я человѣкъ отчаянный. Кромѣ васъ, я никому на свѣтѣ не вѣрю и никого не уважаю. Вамъ я желаю разсказать всю свою жизнь: какъ жилъ, что дѣлалъ и всѣ свои помышленія, и спросить у васъ совѣта, какимъ манеромъ и для чего мнѣ существовать на этомъ свѣтѣ и влачиться на землѣ. Это разговоръ не минутный, тутъ мало часа полтора, или два потребуется. Видѣться мнѣ съ вами негдѣ, къ себѣ въ комнату я васъ приглашать не смѣю; поэтому самому пожалуйте завтра внизъ, въ контору, въ 10 часовъ вечера. Потапъ Потапычъ, по обыкновенію, въ эти часы находятся въ отъѣзжихъ поляхъ, въ домѣ все будетъ погружено въ глубокомъ снѣ; значитъ, намъ полная свобода.

Вѣра Филипповна.

Да нѣтъ, что ты, какая свобода! Ты перестань глупости-то!

Ерастъ.

Если въ десять часовъ не придете, въ одинадцать—у васъ въ домѣ упокойникъ.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, страсти! Да не говори, пожалуйста!

Ерастъ.

Придете?

Вѣра Филипповна.

Да ужь нечего съ тобой дѣлать... что-жъ,видно надо, придти.

Ерастъ.

Такъ я и ожидалъ, потому у васъ душа особенная. Вотъ она, Москва-то рѣка недалеко, нырнуть въ нее—одна минута; но какъ васъ увижу, совсѣмъ другія мысли у меня проясняются.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, ужь ты, пожалуйста, поберегай себя.

Ерастъ.

Теперь еще желаю я знать отъ васъ: обиду вы прощаете?

Вѣра Филипповна.

Какова обида, миленькій!

Ерастъ.

Ну, вотъ-съ человѣкъ у васъ украдетъ что, или ограбитъ васъ, ну, вредъ вамъ какой сдѣлаетъ... Такъ вы простите его, или всю жизнь будете зло на него въ душѣ имѣть?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, какъ можно! Пусть его Богъ судитъ, а я прощу.

Ерастъ (*горячо обнимаетъ и цѣлуетъ ее*).

Вотъ вамъ и обида-съ!

Вѣра Филипповна.

Ай! (*Отбѣгаетъ*).

Ерастъ.

Ну, казните!

Вѣра Филипповна.

Какъ же ты?.. Зачѣмъ это? (*Отираетъ слезы*).

Ерастъ.

Приказывайте. что мнѣ надъ собой дѣлать! *Вѣра Филипповна тихо плачетъ*). Ужь теперь самому-то въ омутъ броситься будетъ мало для меня, а утопить меня надо съ камнемъ за мое невѣжество. (*Молчаніе*).

Вѣра Филипповна (*взглянувъ на Ераста*).

Неужели ты домой, этакую даль, пѣшкомъ пойдешь? Поѣдемъ, я подвезу. (*Молчаніе*).

Ерастъ.

Да-съ... ужь лучше-бъ меня казнили... Замѣсто всего...такія слова... да это... развѣ отъ ангела дождаться.

Вѣра Филипповна.

Ну, что-жъ... ты не подумавши... А вотъ подумаешь, такъ увидишь, какъ это тяжело и больно для меня.

Ерастъ.

И сейчасъ понимаю: тяжело и больно для васъ, а съ моей стороны даже довольно низко... И никогда впередъ не посмѣю и подумать-съ... Только, я полагаю... все-таки въ этомъ никакой обиды нѣтъ для васъ.

Вѣра Филипповна (*улыбаясь*).

Да, пожалуй. Очень, очень дурно ты сдѣлалъ, и никакъ я не могла отъ тебя ожидать... а коли правду сказать... если ты каешься да говоришь, что впередъ не будешь... такъ... само собой... какая-жъ тутъ обида! Простить тебя очень можно. Поѣдемъ, Ерастъ! (*Уходятъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Каркуновъ.
Халымовъ.
Вѣра Филипповна.
Константинъ.
Ольга.
Ерастъ.
Огуревна.

Комната со сводомъ въ нижнемъ этажѣ дома Каркунова. На правой сторонѣ (отъ актеровъ) дверь въ комнату Ераста, на лѣвой въ корридоръ, поперегъ комнаты дубовый прилавокъ, за нимъ двѣ конторки съ табуретами, на стѣнѣ часы. Кипы товаровъ въ суровыхъ парусинныхъ сорочкахъ сложены у прилавка. Въ глубинѣ два окна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ерастъ (*за конторкой, на конторкѣ свѣча*).

Ерастъ.

А похоже, что Константинъ правду сказалъ: хозяинъ ходитъ сердитый, на свѣтъ не глядитъ; все ворчитъ: «надо прикончить фабрику, выгоды никакой нѣтъ»... Дѣло не хвали! Пойдешь по Москвѣ шляться, мостовую гранить. Денегъ на черный день не припасено... Да какъ ихъ и припасешь на такомъ жалованьи? Какъ прогуляешь мѣсяца три-четыре, а то и всѣ полгода безъ мѣста, вотъ и узнаешь, гдѣ раки-то зимуютъ. Затянешься въ долги, платьишко все размотаешь... вѣдь голодъ-то не тетка, пожалуй, въ такое званіе попадешь, что послѣ и не выцарапаешься. Мало-ль ихъ зимой въ лѣтнемъ платьѣ по городу ходятъ, за копѣечки пляшутъ на морозѣ, да руки протягиваютъ. Эхъ, ты жизнь! Какъ подумаешь, такъ мурашки

у тебя по спинѣ-то заползаютъ. Тутъ не то... что... тутъ на разбой пойдешь... Оно точно, что хозяйка наша женщина рѣдкостная, совсѣмъ какая-то особенная, и какую я теперь штуку гну, такъ немного это лучше, что зарѣзать человѣка. А какъ подумаешь объ жизни объ своей, такъ оно и выходитъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе... Коли не выгоритъ дѣло у Константина, ну, была не была... Что я теряю! Только и всего, что въ томъ-же чинѣ останусь, какъ былъ... Былъ ничего и останусь ничего...А разживется Константинъ, такъ и я хоть немножко побарствую... получу съ него деньги, покучу, сколько мнѣ надо, одѣнусь по послѣднему журналу, поступлю на мѣсто хорошее; нынче жалованье то по платью даютъ. Само собою, дурного хорошимъ не назовешь; да разница-то велика по морозу въ какомъ-нибудь стрямъ-пальто прыгать да въ кулаки подувать, или въ шубѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ по Ильинкѣ проѣхаться. (*Взглянувъ на стѣнные часы*). Еще безъ двадцати минутъ десять. Пойти взять книжку. (*Уходитъ со свѣчой. Въ комнатѣ темно, лунный свѣтъ. Входитъ Вѣра Филипповна, Огуревна со свѣчкой остается на порогѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вѣра Филипповна и Огуревна.

Вѣра Филипповна (*тихо*).

Поди, поставь свѣчку на лѣстницу, да сама тамъ посиди, подожди меня.

Огуревна.

А? Ну... подожду, подожду...

Вѣра Филипповна.

Поди на лѣстницу, говорю я.

Огуревна.

Куда на лѣстницу, зачѣмъ?

Вѣра Филипповна.

Поди, поди, говорю я, взойди на лѣстницу, да и сядь тамъ.

Огуревна.

Ну, и ничего здѣсь... и пойдемъ что-ли?

Вѣра Филипповна.

Ступай одна, я сейчасъ приду, подожди тамъ!

Огуревна.

Часъ-то который?

Вѣра Филипповна.

Да ты ступай ужь.

Огуревна.

То-то, молъ, что теперь? Утро, аль вечеръ?

Вѣра Филипповна.

Да какая тебѣ надобность! Утро-ли, вечеръ-ли, все равно тебѣ. Ты ступай, ступай!

Огуревна.

А? Ступай! Куда ступай?

Вѣра Филипповна.

Ты на лѣстницу ступай, на верхъ! Какъ ты не понимаешь?

Огуревна.

Да, понимать... Ты днемъ говори, такъ я пойму... а ночью человѣкъ, что онъ можетъ понимать? Ты ему то, а онъ тебѣ то; потому заснулъ человѣкъ, все одно, что утонулъ. А ежели ты его разбудишь, ну, какое у него понятіе?

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай!

Огуревна (*оглянувшись*).

Батюшки, да гдѣ это мы?

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай, не твое дѣло.

Огуревна.

А вѣдь мнѣ мерещится, что ты это у себя въ спальнѣ, на постелѣ лежа, мнѣ что приказываешь.

Вѣра Филипповна.

Ступай, ступай, вонъ прямо по корридору— на лѣстницу на верхъ, да тамъ и жди! Да не усни дорогой-то!

Огуревна (*уходя*).

Ладно, молъ, ладно.

Вѣра Филипповна.

Куда ты? Куда ты? Прямо, прямо... Свѣчку то не урони!... (*Затворяетъ дверь и отходитъ отъ нея*). Гдѣ-же онъ? Онъ въ своей комнатѣ. Ну, я туда не пойду. (*Прислушивается*). Кто-то идетъ со двора... по корридору... сюда кто-то... (*Входитъ на прилавокъ и садится за кипы товару. Входитъ изъ корридора Ольга, на встрѣчу ей Ерастъ выходитъ изъ своей комнаты со свѣчкой*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ольга и Ерастъ.

Ты зачѣмъ? Кто тебя просилъ?

Ольга.

А затѣмъ, чтобъ сказать тебѣ прямо въ глаза, что безсовѣстный ты человѣкъ.

Ерастъ.

Такъ, я думаю, ты это послѣ успѣла бы, торопиться-то тебѣ не куда.

Ольга.

Да душа не терпитъ, постылый ты человѣкъ. Вотъ какъ ты за любовь-то мою, вотъ какъ! Да вѣдь со мной шутить нельзя... Я тебя, голубчикъ, погоди!..

Ерастъ.

Да потише ты! Ты не въ своей квартирѣ — дебоширничать-то! Ты въ чужомъ домѣ. (*Заглядываетъ въ корридоръ*).

Ольга.

Да что мнѣ! Я и знать не хочу!

Ерастъ.

Нѣтъ, вотъ что: ты лучше оставь до завтра, мы съ тобой послѣ поговоримъ.

Ольга.

Да не могу я, не могу; душа кипитъ, не могу.

Ерастъ.

Ну, говори, только скорѣй! Что тамъ такое у тебя случилось?

Ольга.

Я только одному дивлюсь, какъ у тебя хватаетъ совѣсти прямо глядѣть на меня. Ахъ, убила-бъ я тебя.

Ерастъ.

Да ужь довольно твоихъ аховъ-то! Ты дѣло-то говори!

Ольга.

Апполинарія Панфиловна видѣла тебя съ теткой вмѣстѣ? Говори! Видѣла?

Ерастъ.

Ну, такъ что-жъ за бѣда? Видѣла, такъ видѣла.

Ольга.

И ты можешь послѣ этого равнодушно со мной разговаривать; и тебѣ ничего не стыдно? Вотъ и выходитъ, что глаза-то у тебя безстыжіе.

Ерастъ.

Да, дальше-то что? Ты дѣло-то говори! Некогда мнѣ съ тобой проклажаться (*Заглядываетъ въ дверь*).

Ольга.

Чего-жъ тебѣ еще дальше-то, чего еще?

Ерастъ.

А коли только, такъ и ступай домой. Стоило прибѣгать изъ-за такихъ пустяковъ.

Ольга (*чуть не плачетъ*).

Что-жъ тебѣ мало этого? мало?

Ерастъ.

Разумѣется, мало, а ты какъ думала!

Ольга.

Мало! Чего-жъ тебѣ? Удавиться мнѣ, что-ли?

Ерастъ.

Коли твоя глупость заставляетъ тебя давиться, такъ давись! Я тебѣ больше скажу! Твоя тетка сейчасъ ко мнѣ сюда придетъ. Слышишь ты это?

Ольга.

Ну, такъ не бывать же этому; себя не пожалѣю, а ужь не позволю тебѣ такъ издѣваться надо мной.

Ерастъ.

Позволишь.

Ольга.

И не говори ты мнѣ, и не терзай ты меня; а то я такихъ дѣлъ надѣлаю, что ты сраму и не оберешься.

Ерастъ.

Погоди, слушай ты меня! Сейчасъ придетъ сюда твоя тетка, а черезъ десять минутъ нагрянетъ сюда Потапъ Потапычъ съ твоимъ мужемъ и накроютъ ее здѣсь.

Ольга.

Что, что? Что еще за глупости придумываешь?

Ерастъ.

Ну, ужь это не твоего ума дѣло.

Ольга.

Да, зачѣмъ, къ чему это?

Ерастъ.

Стало быть, такъ надо.

Ольга.

Да, голубчикъ, миленькій, скажи!

Ерастъ.

То-то вотъ, такъ-то лучше; а то шумишь, да грозишь безъ толку. (*Смотритъ въ дверь*). Пожить-то тебѣ получше хочется — и одѣться и все такое?

Ольга.

Какъ не хотѣться! Дурное ли дѣло.

Ерастъ.

А мужъ-то твой давно прогорѣлъ, да еще долговъ много. Коли дядя ему наслѣдства не оставитъ, такъ ему въ яму садиться, а тебѣ куда?

Ольга.

Ужь ты меня не оставь, Ерастъ, на тебя только и надежда.

Ерастъ.

Да мнѣ самому-то не нынче-завтра придется по Москвѣ собакъ гонять. А какъ застанетъ Потапъ Потапычъ жену здѣсь, меня-то за ворота дубьемъ проводитъ, да ужь и ей наслѣдство не достанется, а все ваше будетъ. Такъ видишь ты, я для васъ съ мужемъ себя не жалѣю; а ты тутъ путаешься, да мѣшаешь.

Ольга.

Да развѣ я знала...

Ерастъ.

Такъ вотъ знай! Ну, иди, иди!

Ольга.

А вѣдь я думала, что ты ее любишь.

Ерастъ.

Какъ бы не полюбить, да не такая женщина. Къ ней не скоро подъѣдешь.

Ольга.

А ты бы не прочь подъѣхать, кабы можно?

Ерастъ.

Да, конечно, чего-жъ зѣвать то!

Ольга.

Ахъ, ты постылый! Такъ вотъ не пойду же, не пойду.

Ерастъ.

Кому-жъ ты угрозить хочешь? Себѣ-жъ хуже сдѣлаешь. Да тебя мужъ-то убьетъ до смерти, коли ты намъ помѣшаешь.

Ольга.

Да я бы ушла, да какъ тебя оставить-то съ ней? Сомнительно мнѣ.

Ерастъ.

Ревность. Ты о теткѣ-то по себѣ судишь!.. Не сумлѣвайся. Она не такая, не вамъ чета. Ну, ступай скорѣй, скоро десять часовъ.

Ольга.

Ну, смотри же ты у меня! И, кажется... тогда не живи на свѣтѣ.

Ерастъ.

Да будетъ ужь, ступай! Постой! Идетъ кто-то. Вотъ дотолковались. Бѣги въ мою комнату, возьми свѣчку. Затворись и сиди тамъ не дыши. (*Ольга уходитъ со свѣчкой. Ерастъ подходитъ къ двери корридора*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ерастъ и Вѣра Филипповна.

Ерастъ (*у двери*).

Вѣра Филипповна, это вы-съ?

Вѣра Филипповна (*выходя изъ-за перегородки*).

Нѣтъ, Ерастъ, я давно ужь здѣсь.

Ерастъ (*хватаясь за голову*).

Все слышали?

Вѣра Филипповна.

Все.

Ерастъ.

Стало быть, знаете теперь, каковы мы люди?

Вѣра Филипповна.

Знаю, Ерастъ.

Ерастъ.

Оправданій нѣтъ, и языкъ не подымется оправдываться передъ вами! Что-жъ мнѣ, плакать, прощенья просить, въ ногахъ валяться? Такъ я, можетъ, и потерянный человѣкъ,

но унижаться не стану, низкости во мнѣ нѣтъ. Все дѣло на лицо, ясно... ужь тутъ нечего... Слѣдуетъ вамъ только пренебречь нами, плюнуть и уйти... и оставайтесь опять такой высокой женщиной, какъ вы были, не связывайтесь съ такими людьми, какъ мы.

Вѣра Филипповна.

Такъ я и сдѣлаю. Ты какъ точно угадалъ мои мысли.

Ерастъ.

Но позвольте! Человѣкъ я для васъ маленькій, ничтожный, такъ все одно, что червь ползущій; но не откажите сдѣлать мнѣ послѣднюю милость. (*Становится на колѣни*). Скажите, что-нибудь да скажите! Ругайте, прощайте, проклинайте; ну, что вамъ угодно, только говорите — мнѣ будетъ легче; ежели же вы уйдете молча, мнѣ жить нельзя. Не убивайте презрѣніемъ, сорвите сердце, обругайте и уйдите!..

Вѣра Филипповна.

Изволь. Встань! (*Ерастъ встаетъ*). Ты меня хотѣлъ обмануть, а Богъ меня помиловалъ, стало быть, мнѣ жаловаться не на что. Мнѣ радоваться надо, что Богъ меня не забылъ. Хоть сто разъ меня обманутъ, а все-таки любить людей я не отстану. Только одно я скажу тебѣ: любить людей надо, а въ дѣла ихъ входить не нужно. Чтобы входить въ дѣла людей, надо знать ихъ, а знать мнѣ ихъ не дано. Коли я не умѣю разобрать, кто правду говоритъ, а кто обманываетъ, такъ лучше не браться за это. Кто молча нуждается, кто проситъ, кто руку протягиваетъ — всякому помоги и проходи мимо съ легкимъ сердцемъ. А станешь ты людей про ихъ нужды распрашивать, такъ волей-неволей, тебя обманутъ, потому что всякому хочется себя оправдать, свою вину на другихъ, либо на судьбу свалить, всякому хочется себя получше показать, своихъ-то грѣховъ, своей-то вины никто тебѣ не скажетъ. А догадаешься ты, что тебя обманываютъ и осудишь человѣка, такъ ужь какое тутъ добро, только грѣхъ одинъ. А вотъ какъ надо жить, намъ

глупымъ людямъ: люби людей, и не знай ихъ и не суди. Я не за свое дѣло взялась, моя забота люди бѣдные, безпомощные; а вы сами себѣ поможете; ишь какъ ловко вы все придумали. Видѣть тебя и разговаривать съ тобой ужь больше мнѣ не зачѣмъ. Ты прощенья-то за свой грѣхъ проси не у меня, а выше, а коли и мое прощенье тебѣ нужно, такъ я тебѣ прощаю. Съ Богомъ! Мы теперь чужіе. (*Идутъ къ двери*).

Ерастъ.

Вотъ, кажется, къ воротамъ кто-то подъѣхалъ, да ужь теперь васъ не застанутъ.

Вѣра Филипповна.

Тебѣ дѣла до меня нѣтъ, ты объ себѣ думай, я не боюсь. Что правому человѣку бояться. (*Уходитъ*).

Ерастъ.

Вотъ важно! хорошо, очень хорошо, лучше требовать нельзя. Ну, Константинъ, подвелъ ты меня ловко! Во всей формѣ я теперь невѣжа передъ ней, да и самому-то на себя глядѣть противно. Вотъ такъ налетѣлъ! Я стыда-то еще въ жизни не видалъ, такъ вотъ попробовалъ. Эхъ, сирота, сирота, учить-то тебя, да бить-то было не кому. Вотъ и бѣда, какъ твердо-то не знаешь, что хорошо, что дурно. Нѣтъ, ужь лучше бѣдствовать, чѣмъ такими дѣлами заниматься! Только бы Богъ помогъ. До поту меня стыдъ-то пробралъ; да потъ-то какой, холодный. (*Подходитъ къ двери своей комнаты*). Ольга! (*Выходитъ Ольга со свѣчой*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ерастъ и Ольга.

Ерастъ (*беретъ свѣчу и ставитъ на конторку*).

Иди домой! Бѣги скорѣй!

Ольга.

Что, что случилось?

Ерастъ.

Когда тутъ разговаривать! Бѣги скорѣй, застанутъ.

Ольга.

Такъ я завтра къ тебѣ забѣгу.

Ерастъ.

Да ладно, ладно.

Ольга.

Вѣдь ты меня любишь, ты меня ни на кого не промѣняешь?

Ерастъ.

Нашла время нѣжничать. Бѣги, говорятъ тебѣ.

Ольга (*обнимаетъ Ераста*).

Ну, прощай, милый, прощай. (*Отворяетъ дверь въ корридоръ*). Ай! (*Подбѣгаетъ къ Ерасту*). Дяденька тамъ, мужъ...

Ерастъ.

Бѣги ко мнѣ въ комнату, прячься тамъ хорошенько. (*Ольга убѣгаетъ. Ерастъ садится за конторку и раскрываетъ конторскую книгу. Входятъ: Каркуновъ, Халымовъ и Константинъ. Ерастъ встаетъ и кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ерастъ, Каркуновъ, Халымовъ и Константинъ

Каркуновъ (*садясь на стулъ*).

Чѣмъ мнѣ не житье, кумъ, а? Какого еще житья надо? Приказчики ночи не спятъ, надъ книгами сидятъ; а не пьянствуютъ вѣдь, не безобразничаютъ.

Халымовъ.

Каковъ хозяинъ, таковы и приказчики, хозяинъ трезвой жизни и приказчики по немъ.

Каркуновъ.

Да, да, вѣрно, кумъ, вѣрно. Другіе то приказчики по трактирамъ, да всякое безобразіе...

Халымовъ.

Да вѣдь они глупы, они думаютъ, что трактиры-то для нихъ устроены, а не знаютъ того, что трактиры-то и всякія безобразія для хозяевъ, а не для приказчиковъ.

Каркуновъ.

Такъ, такъ это, кумъ, такъ точно. А мои, видишь, какъ стараются. Старайся, Ерастъ, старайся!

Ерастъ.

Я, Потапъ Потапычъ; всѣ силы полагаю.

Каркуновъ.

Да вижу, какъ не видать, чудакъ, вижу. Старайся, старайся. Забытъ не будешь. А племянникъ, кумъ, словъ-то я, словъ не подберу, какъ нахвалиться. Я за нимъ какъ за каменной стѣной! Какъ онъ дядю бережетъ! Пріѣдетъ-съ дядей въ трактиръ; самъ прежде дяди пьянъ напьется! Золотой, парень, золотой! Ѣдемъ ночью домой, кто кого везетъ, неизвѣстно, кто кого держитъ, не разберешь. Обнявшись ѣдемъ всю дорогу, пока насъ у крыльца дворники не снимутъ съ дрожекъ.

Халымовъ

Чудесно! Значитъ, дружески живете. Чего-жъ лучше!

Константинъ.

Стараюсь, помилуйте, себя не жалѣю... Какъ можно, чтобы я для дяденьки...

Каркуновъ.

Вотъ и нынче, видишь, какъ старался, чуть на ногахъ держится.

Константинъ.

Для куражу, дяденька, для куражу. Коль скоро вы меня въ свою компанію принимаете, долженъ же я понимать себя, значитъ, долженъ я васъ веселить. А если я буду повѣся носъ сидѣть, скука, канитель... для чего я вамъ тогда нуженъ?

Каркуновъ.

Молодцы, молодцы ребята! А, кумъ, такъ вѣдь?

Халымовъ.

Твое дѣло.

Константинъ.

Я, дяденька, всей душой... Да, кажется, такъ надобно сказать, что во всемъ домѣ только одинъ я къ вамъ приверженность и имѣю.

Каркуновъ (*встаетъ*).

Спасибо, голубчикъ мой, спасибо! (*Кланяется въ поясъ*).

Константинъ.

Чувствовать вашу благодарность я, дяденька, могу... душу имѣю такую... благородную...

Каркуновъ.

И тебѣ, Ерастъ, за твою службу спасибо! (*Кланяется*). Спасибо, дружки мои! Ты, Ерастъ, завтра утромъ разсчетъ получишь! (*Константину*). А ты такъ, безъ разсчету, убирайся! И чтобы завтра духу вашего не пахло... (*Ерастъ молча кланяется*).

Константинъ.

Вы, дяденька, извольте найти виноватыхъ, а я надѣюсь передъ вами правымъ остаться.

Каркуновъ.

Не надѣйся, дружокъ, не надѣйся. Ужь ты тѣмъ виноватъ: какъ ты смѣлъ противъ тетки... что она и что ты? Такъ вѣдь, кумъ, я говорю?

Халымовъ.

Да ну тебя, разговаривай одинъ! И такъ хорошо поешь, чего еще! Подпѣвать тебѣ не нужно. Пой, а мы слушать будемъ.

Каркуновъ.

Ты съ пьяну-то забылся; ты забылъ, что ты ничто, ты прахъ, тлѣнъ, послѣдній гвоздь въ каблукѣ сапога моего! А тетка твоя женщина благочестивая, богомольная... Да вѣдь она жена моя, жена моя... Какъ же ты смѣлъ? Какъ ты меня, братецъ, обидѣлъ, какъ обидѣлъ.

Константинъ.

Я такъ чувствую, что всѣ ваши слова только одна шутка,

вы своей фантазіи отвагу даете. Извольте разобрать дѣло, поискать хорошенько кругомъ, да около, тогда и окажется, кто правъ, кто виноватъ.

Каркуновъ.

Погоди, погоди, твои рѣчи впереди! Мы теперь другую матерію заведемъ. (*Плачевнымъ тономъ*). Вотъ, кумъ, горе мое, зубы плохи стали!

Халымовъ.

Свѣжіе закажи, коли природные изжевалъ; нынче покупные получше своихъ.

Каркуновъ.

Да и то покупные, своихъ-то давно нѣтъ. Вотъ смотри! Да не востры, костяные, ну, что въ нихъ! А что, кумъ, если заказать желѣзные, сдѣлаютъ? Я большія деньги заплачу.

Халымовъ.

Да что ты, баба-яга, что-ли?

Каркуновъ.

Да, я баба-яга, а ты какъ думалъ? Вотъ какъ будутъ желѣзные зубы-то, вотъ и буду я ими жевать жену-то— жевать, жевать... Константинъ, сослужи послѣднюю службу, гдѣ жена, гдѣ жена моя, боярыня?

Константинъ.

Да вотъ, надо полагать, дяденька, что она вотъ тутъ. (*Указывая на комнату Ераста*). Уйти ей было не куда.

Ерастъ.

Ошибаетесь.

Константинъ.

Нѣтъ, ужь теперь не увернешься, съ поличнымъ поймали! Коли ты дяденькиныхъ благодѣяній не чувствуешь, что ты за человѣкъ послѣ этого. Пожалуйте, дяденька! (*Отворяетъ дверь въ комнату Ераста*).

Каркуновъ (*у двери*).

Жена, Вѣра Филипповна, выходи! Нейдетъ, церемонится... Пожалуйте сюда, честью васъ просимъ. Эхъ, баба-то за-

ломалась, заупрямилась... Видно, пойти самому, покланяться ей хорошенько! (*Уходитъ, слышенъ его хохотъ; показывается изъ двери*). Тсс... тише!.. Нашелъ, нашелъ, находку нашелъ. Ни съ кѣмъ не подѣлюсь! Чуръ одному! (*Уходитъ и быстро возвращается, таща за руку Ольгу*). Вотъ она, вотъ она, жена-то! (*Вглядывается, потомъ подбѣгаетъ къ Константину и ударяетъ его по плечу*). Жена... жена. да не моя, чудакъ!

Константинъ.

Вотъ такъ разъ... Ну—Ольга!

Каркуновъ.

Ха, ха, ха! Поддержи меня, кумъ, поддержи! (*Хохочетъ истерически*). Завтра-же всѣхъ васъ вонъ! всѣхъ вонъ! Метлой велю вымести начисто! Ха, ха, ха! (*Уходитъ, опираясь на Халымова, который его поддерживаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Константинъ, Ерастъ и Ольга.

Константинъ.

Ну, Ольга... (*Ольга убѣгаетъ въ корридоръ*). Не отбѣгаешься, разсчетъ съ тобой будетъ. (*Ерасту*). А съ тобой какъ намъ разбираться, какъ съ тобой считатвся будемъ?

Ерастъ (*вынимаетъ вексель, разрываетъ свертываетъ въ комокъ и бросаетъ*).

Вотъ тебѣ и всѣ счеты. Возьми свой вексель! Считаться намъ нечего. Плакаться не на кого, не рой другому яму... (*Вбѣгаетъ Ольга*).

Ольга.

Съ дяденькой въ корридорѣ дурно сдѣлалось... говорятъ, ударъ... онъ умираетъ...

Константинъ.

А умираетъ? Такъ это другое дѣло.

Ольга (*заглянувъ въ корридоръ*).

Умеръ.

Константинъ.

Ну, Ольга, стоило бы убить тебя; а теперь я тебѣ въ ножки поклонюсь. По твоей милости, дядя помираетъ безъ завѣщанія, и я теперь полный хозяинъ всему этому.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица:

Каркуновъ.
Вѣра Филипповна.
Халымовъ.
Аполлинарія Панфиловна.
Константинъ.
Ольга.
Ерастъ.
Иннокентій.
Огуревна.
Одинъ изъ фабричныхъ.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Огуревна, потомъ Аполлинарія Панфиловна.

Огуревна.

Никакъ кто-то идетъ! Не заперла я дверь-то. Не изъ нищихъ-ли? Пожалуй, стащатъ что. (*Идетъ къ двери. Входитъ Аполлинарія Панфиловна*). Здравствуйте, матушка, Аполлинарія Панфиловна!

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуй, Огуревна! Всѣ-ли вы тутъ живы?

Огуревна.

Покуда живы, еще Богъ грѣхамъ терпитъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Какъ здоровье Потапа Потапыча?

Огуревна.

Все также, матушка, перемѣны не видать.

Аполлинарія Панфиловна.

Встаетъ съ постели-то?

Огуревна.

На полчасика не больше; побродитъ по комнатамъ, на палочку опирается, да подъ руки держимъ; посидитъ на креслѣ, да и опять сведемъ его на постель; сидѣть-то силушки нѣтъ у него.

Аполлинарія Панфиловна.

А какъ сердцемъ-то: по прежнему блажитъ, аль нѣтъ?

Огуревна.

Нѣтъ, какъ можно, не въ примѣръ тише сталъ. Да докторъ говоритъ, чтобъ не сердился, а то вторительный ударъ ошибетъ, такъ и живъ не будетъ. Онъ теперь совсѣмъ на Вѣру Филипповну расположился, такъ ужь и не наглядится; все-то смотритъ на нее, да креститъ, да шепчетъ ей: «молись за меня, устрой мою душу, раздавай милостыню, не жалѣй!» А ужь такая-ль она женщина, чтобъ пожалѣла!

Аполлинарія Панфиловна.

Много добра-то дѣлаетъ?

Огуревна.

Ужь и говорить нечего. Только и дѣла у ней, что разспрашиваетъ о бѣдныхъ, да и сама ихъ розыскиваетъ. А потомъ на бумажку пишетъ, кому, когда и сколько отвезти, или послать. У ней на каждый день расписано — одинъ разъ въ недѣлю ужь непремѣнно въ острогъ съѣздитъ, а то по тюрьмамъ, да по больницамъ. А что разсылаетъ по обителямъ, да по церквамъ по дальнимъ! Окромѣ того каждый день, послѣ обѣдни, до десяти часовъ у нихъ полонъ дворъ нищихъ и всякаго народу; сама ихъ всѣхъ одѣляетъ. Да что ходитъ этихъ съ книжками да съ кружками! Такіе-то заходятъ странники, что глядѣть на нихъ страсть, другой, какъ есть, разбойникъ, а она ихъ

всѣхъ угощаетъ. А по праздникамъ кормитъ бѣдныхъ-то, вотъ тутъ-то всякаго народу насмотришься. Вотъ у насъ тутъ и пріемная рядомъ съ ея спальней. Сюда прямо и лѣзутъ всѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Много къ вамъ бѣдныхъ-то ходитъ!

Огуревна.

Много. И утромъ и вечеромъ ходятъ. Дворникамъ всѣхъ велѣно до самой допущать, такъ они и пускаютъ народъ, не разбирая. Какъ святыя живемъ, не бережемся; деньги изъ сундука вынетъ, да такъ на столъ и броситъ, такъ и валяются, а то и сундукъ забудетъ запереть. И какъ это насъ не ограбятъ до сихъ поръ.

Аполлинарія Панфиловна.

А кто-жъ у васъ за больнымъ-то ходитъ?

Огуревна.

Поперемѣнно, либо я, либо она, а то еще старичка изъ богадѣльни взяли. Вотъ и сейчасъ она у Потапа Потапыча сидитъ; я пойду перемѣню ее, пошлю къ вамъ. (*Уходитъ*).

Аполлинарія Панфиловна.

Да неужто ужь такъ окрѣпла женщина, что кромѣ милостыни ничего не знаетъ? А вѣдь еще молода. Чудно! Какъ же намъ-то, грѣшнымъ, на себя смотрѣть послѣ этого? Да нѣтъ, словно какъ этого и не бываетъ. Да вотъ попробуемъ: попытка не шутка, а спросъ не бѣда. (*Входитъ Вѣра Филипповна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аполлинарія Панфиловна и Вѣра Филипповна.

Аполлинарія Панфиловна.

Здравствуйте, Вѣра Филипповна, золотая моя! Какъ поживаете?

Вѣра Филипповна.

Какой еще жизни! Вотъ только самъ-то боленъ; а то какъ въ раю живу.

Аполлинарія Панфиловна.

Во всемъ довольствѣ, значитъ.

Вѣра Филипповна.

Да какое мое довольство! Мнѣ для себя ничего не нужно, тѣмъ я довольна, что всякому бѣдному помочь могу; никому отказывать не приходится, всякій съ чѣмъ-нибудь да уйдетъ отъ меня! Сколько богатства-то и доходу у Потапа Потапыча! Точно я изъ моря черпаю, ничего не убываетъ, тысячу-двѣ истратишь, а три прибудетъ. Или ужь это Богъ посылаетъ за добрыя дѣла.

Аполлинарія Панфиловна.

Много-ль въ день-то раздаете?

Вѣра Филипповна.

Я не считаю, день на день не придется. Вотъ нынче много отдала; за племянника, Константина Лукича, долги заплатила, изъ заключенія его выкупила.

Аполлинарія Панфиловна.

А ужь Потапъ Потапычъ въ ваши дѣла не вступается?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, къ нему только кланяться ходятъ, которые люди съ чувствомъ. А онъ только плачетъ, крестится, да меня благодаритъ. Никогда бы мнѣ, говоритъ, такъ о своей душѣ не позаботиться, какъ ты объ ней заботишься: я хоть бы и хотѣлъ бѣднымъ людямъ помочь, такъ не съумѣлъ-бы!

Аполлинарія Панфиловна.

Все ужь, значитъ, теперь вамъ предоставлено.

Вѣра Филипповна.

Все, все.

Аполлинарія Панфиловна.

Значитъ, во всей формѣ завѣщаніе сдѣлано?

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, онъ хочетъ при жизни все на мое имя перевести по какой-то бумагѣ, по купчей, или по дарственной, ужь не знаю. Исай Данилычъ хлопочетъ объ этомъ въ судѣ.

Аполлинарія Панфиловна.

Слышала я отъ него, слышала... Онъ хотѣлъ нынче къ вамъ заѣхать... Не за этимъ-ли дѣломъ ужь? Ну, чай, не вдругъ-то Потапъ Потапычъ рѣшился, развѣ что болѣзнь-то убила.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, онъ равнодушно... только одно отъ меня требовалъ, чтобъ я поклялась нейти замужъ послѣ его смерти.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, что-жъ вы?

Вѣра Филипповна.

Божиться не стала, я грѣхомъ считаю, а сказала, что я и въ помышленіи этого не имѣю. Что мнѣ за охота себя подъ чужую волю отдавать? Будетъ, пожила.

Аполлинарія Панфиловна.

Ну, нѣтъ, не заклинайтесь, зароку не давайте!

Вѣра Филипповна.

Я никому зароку и не даю; а только знаю про себя, что не быть мнѣ замужемъ; скорѣй-же я въ монастырь пойду. Объ этомъ я подумываю иногда.

Аполлинарія Панфиловна.

Не раненько-ли въ монастырь-то?

Вѣра Панфиловна.

Охъ, да одна только и помѣха, моложава я, вотъ бѣда-то!

Аполлинарія Панфиловна.

Да что-жъ за бѣда. По нашему, такъ чего-жъ лучше! Мы что бѣлилъ-то, да разныхъ спецій истратимъ, чтобъ помоложе казаться; а у васъ этого расходу нѣтъ. А вѣдь это разсчетъ не маленькій.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, я къ тому, что соблазну боюсь; народу я вижу много, такъ грѣха не убережешься. Сама-то я не соблазнюсь, а люди-то смотрятъ на меня, кто знаетъ, что у нихъ на умѣ-то! Молода еще, да богата, другому въ голову-то и придетъ что

нехорошее — вотъ и соблазнъ: а грѣхъ-то на мнѣ, я соблазнила-то. Вотъ горе-то мое какое!

Аполлинарія Панфиловна.

Коли только и горя у васъ, такъ еще жить можно. А я къ вамъ съ просьбой! Надо помочь одному человѣку.

Вѣра Филипповна.

Съ радостью, что могу.

Аполлинарія Панфиловна.

Ему многаго ненужно; ему только слово ласковое.

Вѣра Филипповна.

За этимъ у меня дѣло не станетъ.

Аполлинарія Панфиловна.

Такъ поѣду, обрадую его.

Вѣра Филипповна.

Къ Потапу Потапычу не зайдете?

Аполлинарія Панфиловна.

Я черезъ полчасика къ вамъ заѣду съ мужемъ, тогда ужь и съ Потапъ Потапычемъ повидаюсь. Да, забыла... Оленьку сейчасъ видѣла, катитъ въ коляскѣ, такъ-то разодѣта.

Вѣра Филипповна.

Ну, Богъ съ ней, не намъ судить.

Аполлинарія Панфиловна.

До свиданія! (*Уходитъ*).

Вѣра Филипповна (*у двери въ корридоръ*).

Кто тамъ? Проводите Аполлинарію Панфиловну... (*Входитъ Огуревна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вѣра Филипповна и Огуревна.

Огуревна.

Самъ-то уснулъ, я у него старичка посадила.

Вѣра Филипповна.

Поди-ко, посиди въ передней; а то взойдетъ кто, и доложить некому.

Огуревна.

Чай тамъ есть кто, неужто-жъ нѣтъ! Да что мудренаго! Ишь у насъ какъ присмотръ-то въ домѣ! Какъ самъ захворалъ, такъ никакой строгости не стало. (*Отворяетъ дверь въ переднюю*). Да и то никого нѣтъ.

Вѣра Филипповна (*садится къ столу*).

Много-ль у меня денегъ-то осталось? (*Вынимаетъ изъ кармана деньги*). О, еще довольно! Надо-бъ ихъ въ шкапъ убрать, да пусть здѣсь полежатъ, кто ихъ тронетъ. (*Кладетъ на столъ деньги*). Куда мнѣ завтра-то? (*Беретъ бумажку со стола и читаетъ*). На «Разгуляй, ко вдовѣ съ сиротами;» мужъ на желѣзной дорогѣ, такъ машиной убило. Да, вотъ она жизнь-то. И день и ночь при машинѣ, семью-то и видѣлъ не надолго. А машина... вѣдь она желѣзная—развѣ она чувствуетъ, что онъ одинъ кормилецъ-то. Убила, да и дальше пошла. А вдовѣ-то съ дѣтьми каково! (*Входитъ Огуревна*).

Огуревна.

Матушка, Константинъ Лукичъ пришелъ съ нѣкіемъ странникомъ.

Вѣра Филипповна.

Ну, что-жъ, пусти!

Огуревна.

Матушка, пускать-ли странника-то? Вида-то онъ, какъ-бы тебѣ сказать, больше звѣринаго, ни чѣмъ человѣческаго.

Вѣра Филипповна.

Съ виду-то и ошибиться недолго. Ничего, пусти! (*Огуревна уходитъ. Вѣра Филипповна отходитъ отъ стола къ дивану. Входитъ: Константинъ, одѣтъ бѣдно, пальто короткое, поношенное, панталоны въ сапогахъ и Иннокентій*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вѣра Филипповна, Константинъ и Иннокентій.

Вѣра Филипповна.

Милости прошу. Присядьте!

Константинъ.

Съ Хитрова рынка пѣшкомъ путешествовали, такъ отдохнуть надо. (*Садится*).

Иннокентій.

Благодаримъ, государыня милостивая. (*Садится*).

Вѣра Филипповна.

Какъ-же ты, Константинъ Лукичъ, устроиться думаешь? Къ мѣсту-бы куда опредѣлился, что-ли.

Константинъ.

Что мнѣ къ мѣсту, я самъ человѣкъ богатый.

Вѣра Филипповна.

Ну, полно шутить-то!

Константинъ.

Наслѣдства жду.

Вѣра Филипповна.

Откудова?

Константинъ.

Объ этомъ разговоръ послѣ. Вы-бы, тётенька, покормили странныхъ-то!..

Вѣра Филипповна.

Я не знала, что ты голоденъ. Подите внизъ, тамъ внизу столъ накрытъ, покушайте!

Константинъ.

Я сухоядѣнія не люблю; прежде надо горло промочить.

Вѣра Филипповна.

Негдѣ взять, миленькій, мы вина не держимъ.

Константинъ.

Были-бъ деньги, а вина достать можно.

Вѣра Филипповна.

Такъ возьми денегъ и ступайте, куда вамъ нужно; а въ моемъ домѣ пьянства я не позволю.

Константинъ.

«Въ твоемъ домѣ!» Мой домъ-то, а не твой!

Вѣра Филипповна.

Что-жъ дѣлать; на то была воля Потапа Потапыча!

Константинъ.

Ну, домъ, куда ни шло; ты хоть деньгами подѣлись.

Вѣра Филипповна.

Я и подѣлилась, я за васъ долги заплатила.

Константинъ.

Этого мало, ты половину всего подай!

Вѣра Филипповна.

Такъ не просятъ.

Константинъ.

Да я и пришелъ къ тебѣ не просить, а требовать; я за своимъ пришелъ, тутъ все мое. Вонъ, на столѣ деньги, и тѣ мои. Прибирай, Иннокентій, благо карманы широки. (*Иннокентій беретъ деньги со стола*). Это разъ! Теперь надо пощупать, что въ шкапу лежитъ, это будетъ другой.

Вѣра Филипповна.

Что вы дѣлаете, побойтесь Бога!

Константинъ.

Иннокентій, съ тобой разрывъ-трава?

Иннокентій.

Со мной, государь милостивый. (*Вынимаетъ небольшой ломъ*).

Константинъ.

Такъ похлопочи около шкапа-то! Постой! Не придушить-ли ее немного, чтобъ не тараторила?

Иннокентій.

Какъ прикажешь, милостивецъ. Только у меня рука тяжела, послѣ моихъ рукъ не выхаживаются. Клещи у меня здоровыя, прихвачу горло, пикнуть не успѣешь, государыня милостивая.

Константинъ.

Вотъ слышишь! Ну, поняла ты теперь, что мы за люди? Ребята теплые! Ты кричать не вздумай! Что хорошаго! Пожалуй, дядю разбудишь, онъ а спитъ теперь: а Огуревну я внизъ услалъ, не услышитъ. Значитъ, доставай ключъ, отпирай шкапъ и дѣли деньги пополамъ!

Вѣра Филипповна.

Это деньги не мои, это деньги Божьи. Онъ мнѣ ихъ послалъ для бѣдныхъ. Хоть убейте, я не отопру.

Константинъ.

Да и убьемъ, тётенька, убьемъ, ты не сомнѣвайся! Вонъ погляди, каковъ у меня товарищъ, онъ изъ разбойниковъ только въ отпуску, еще отставку не выслужилъ.

Вѣра Филипповна.

Я его знаю; онъ Божьимъ именемъ у меня милостыню просилъ; онъ не убьетъ меня.

Иннокентій.

Убью, государыня милостивая.

Константинъ.

Тётенька, разговоровъ нѣтъ, надо отпирать! Отпирай! Постой! Шкапъ-то съ секретомъ, онъ и самъ отопрется. Видишь пружины-то. (*Показываетъ на пуговку звонка*). Подавико, Иннокентій, навались: а я другую пожму. (*Нажимаютъ пуговки звонковъ*).

Вѣра Филипповна.

Что вы! Что вы дѣлаете!

Константинъ.

Что дѣлаемъ? Это ты сейчасъ увидишь.

Вѣра Филипповна.

Какъ Богъ-то васъ попуталъ. Это не пружина, это звонки на фабрику. Сейчасъ вся фабрика будетъ здѣсь.

Константинъ.

Какая фабрика?

Вѣра Филипповна.

Фабричные, ткачи, ну, и всякіе.

Иннокентій.

Я еще поборюсь, государыня милостивая.

Вѣра Филипповна.

Миленькій, нельзя: человѣкъ семьдесятъ, а то и больше нахлынетъ.

Иннокентій.

Да, это сила, противъ такой силы не пойду, ибо глупо. (*Константину*). Милостивецъ, бросай что лишнее, да расправляй руки, лопатки крутить будутъ. Сопротивленіе безполезно. я фабричныхъ знаю; ребра беречь надо, милостивецъ.

Константинъ (*съ испугомъ*).

Батюшки, что дѣлать-то?

Иннокентій.

Слышу шумъ отъ множества шаговъ.

Константинъ (*падая на колѣни*).

Тётенька, вѣдь мы только попугать васъ хотѣли... Простите!

Вѣра Филипповна.

Встаньте, Константинъ Лукичъ! Богъ съ вами!

Константинъ.

Деньги-то, тётенька, которыя мы взяли, отдать прикажете?

Вѣра Филипповна.

Да, отдайте! Отнятое въ прокъ не пойдетъ. Не ввели бы онѣ васъ въ бѣду какую.

Константинъ.

Отдавай, Иннокентій!

Иннокентій.

Здоровые зубы свои извлекать клещами легче бы мнѣ было, чѣмъ возвращать сіи деньги. (*Отдаетъ деньги*).

Вѣра Филипповна.

Прошу васъ принять ихъ отъ меня. (*Отдаетъ деньги обратно*). Раздѣлите ихъ пополамъ! И дай Богъ, чтобы онѣ вамъ на пользу пошли.

Иннокентій.

Благодаримъ, государыня милостивая.

Константинъ.

Тётенька, отпустите насъ?

Вѣра Филипповна.

Погодите! (*Входитъ фабричный*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и фабричный.

Фабричный.

Что приказать изволите, матушка, Вѣра Филипповна?

Вѣра Филипповна.

Постой немножко... Дяденька вашъ жалуетъ вамъ пенсію Константинъ Лукичъ, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ; каждое первое число приходите въ контору получать.

Константинъ.

А наверхъ ужь ни ногой, тётенька?

Вѣра Филипповна.

Да вамъ и не зачѣмъ, ужь я за васъ поблагодарю Потапа Потапыча.

Иннокентій.

Я, государыня милостивая, не долго погуляю на волѣ, къ зимѣ-то на казенную квартиру попрошусь къ Бутырской заставѣ; такъ не оставьте своей милостью, благодѣтельница.

Вѣра Филипповна.

Хорошо, я попомню, навѣщу. Прощайте. (*Константинъ и Иннокентій уходятъ*). Молодецъ, вы подите внизъ, скажите, чтобъ вамъ дали по стаканчику водки передъ ужиномъ. Я за тѣмъ васъ и позвала.

Фабричный.

Благодаримъ покорно! (*Кланяется и уходитъ. Входитъ Апполинарія Панфиловна*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣра Филипповна, Апполинарія Панфиловна, потомъ Огуревна.

Апполинарія Панфиловна.

Я опять къ вамъ, съ мужемъ пріѣхала, онъ тамъ прямо къ Потапу Потапычу прошелъ.

Вѣра Филипповна.

Очень рада гостямъ, милости прошу. Чѣмъ подчивать прикажете?

Апполинарія Панфиловна.

Хоть оно и стыдно на угощеіе напрашиваться, а ужь съ вами по душѣ, велите-ко мнѣ подать мадерки.

Вѣра Филипповна.

Ахъ, что вы, помилуйте, какой стыдъ! Это моя глупость что я не знаю, кого и когда чѣмъ подчивать.

Апполинарія Панфиловна.

Да какъ узнать-то! Въ чужую душу не влѣзешь.

Вѣра Филипповна (*у двери въ переднюю*).

Огуревна, подай мадеры!

Апполинарія Панфиловна.

Ну, какъ вы можете знать, зачѣмъ мнѣ выпить нужно?

Огуревна (*за сценой*).

Сейчасъ, матушка, несу.

Апполинарія Панфиловна.

Я для куражу хочу выпить. Разговаривать съ вами хочу, а смѣлости не хватаетъ. (*Входитъ Опуревна съ бутылкой мадеры и стаканомъ*). И стаканчикъ принесла, мою препорцію знаетъ. Ну-ка, налей, слуга Личарда. (*Опуревна наливаетъ и уходитъ*).

Вѣра Филипповна.

Кушайте!

Апполинарія Панфиловна.

Выпью, много кланяться не заставлю. (*Пьетъ*).

Вѣра Филипповна.

Объ чемъ же вамъ угодно было со мной разговаривать?

Апполинарія Панфиловна.

Помните?.. Да нѣтъ, погодите, еще не подѣйствовало, что-то не куражитъ. Не осудите вы меня?

Вѣра Филипповна.

Ахъ, что вы, помилуйте!

Апполинарія Панфиловна.

Такъ я еще стаканчикъ пропущу.

Вѣра Филипповна.

Кушайте на здоровье. (*Наливаетъ стаканъ*).

Апполинарія Панфиловна (*выпивъ*).

Ну, вотъ теперь, кажется, въ самый разъ. Отчего это мы съ вами по-пріятельски не сойдемся? Я вѣдь женщина не дурная, я гораздо лучше того, что про себя разсказываю. Отчего-жъ это мы по-дружески не живемъ?

Вѣра Филипповна.

Я не прочь, это какъ вамъ угодно.

Апполинарія Панфиловна.

Ну, такъ поцѣлуемся! (*Цѣлуются*). Вотъ что, Вѣрочка милая, ты надъ нами не очень возвышайся! Коли тебѣ дана душа хорошая, такъ ты не очень возносись; можетъ быть, и у другихъ не хуже твоей.

Вѣра Филипповна.

Я и не возношусь. Я всегда и передъ всякимъ смириться готова.

Апполинарія Панфиловна.

Какъ думаешь, на что женщинѣ дана душа-то хорошая?

Вѣра Филипповна.

Чтобъ ближнихъ любить, бѣднымъ помогать.

Апполинарія Панфиловна.

Только? Кабы это правда, такъ одной бы души съ женщины-то и довольно. А то еще ей дано тѣло хорошее, больно красивое да складное... это для чего? Вотъ и понимай, какъ знаешь!

Вѣра Филипповна.

Не разберу я тебя, Апполинарія Панфиловна.

Апполинарія Панфиловна.

Да что тутъ разбирать-то! Помнишь, я тебя просила объ одномъ человѣкѣ, такъ онъ въ передней дожидается.

Вѣра Филипповна.

Кто же такой?

Апполинарія Панфиловна.

Ерастъ; хочешь ты принимай его, не хочешь — не принимай, твоя воля. А я къ Потапъ Потапычу пойду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Вѣра Филипповна, потомъ Огуревна.

Вѣра Филипповна (*садится къ столу и подпираетъ голову рукой*).

Что она сказала! что она сказала! Нѣтъ, не надо мнѣ его... зачѣмъ онъ! А можетъ... онъ нуждается? Ну, пусть черезъ людей скажетъ, что ему нужно. А коль видѣть хочетъ? Не всякую нужду-то людямъ повѣришь. Словно, какъ я боюсь его... Да нѣтъ, чего бояться!.. Обидѣлъ онъ меня, кровно обидѣлъ... Такъ какъ же это... неужто я до сихъ поръ ему не простила? Ужели въ самомъ дѣлѣ не простила? А надо бы простить.

Грѣхъ вѣдь — это грѣхъ... Разбойника, который хотѣлъ убить меня, я простила, а его не прощаю... Какой грѣхъ-то... какой грѣхъ-то! (*Громко*). Огуревна! (*Входитъ Огуревна*). Ерастъ въ передней?

Огуревна.

Тамъ, матушка.

Вѣра Филипповна.

Ну, такъ... (*Задумывается*).

Огуревна.

Что, матушка?

Вѣра Филипповна.

Пусть онъ... пусть онъ войдетъ сюда. (*Огуревна уходитъ. Входитъ Ерастъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вѣра Филипповна и Ерастъ.

Вѣра Филипповна.

Здравствуй, Ерастъ!

Ерастъ.

Честь имѣю кланяться.

Вѣра Филипповна.

Какъ ты поживаешь?

Ерастъ.

Лучше требовать нельзя; мѣсто имѣю отличное, двѣ тысячи рублей жалованья получаю.

Вѣра Филипповна.

Ну, слава Богу! Очень рада за тебя. (*Молчаніе*). Ты меня за чѣмъ-то хотѣлъ видѣть?

Ерастъ.

Точно такъ-съ.

Вѣра Филипповна.

Зачѣмъ же? Вѣдь ужь ты теперь не нуждаешься.

Ерастъ.

Я пришелъ за тѣмъ-съ... вотъ чтобъ сказать вамъ, что я хорошо живу.

Вѣра Филипповна.

Ну, спасибо тебѣ. Это радость для меня не малая.

Ерастъ.

Да еще...

Вѣра Филипповна.

Зачѣмъ еще-то?

Ерастъ.

Пожалѣть васъ.

Вѣра Филипповна.

Что ты, Богъ съ тобой. Нашелъ кого жалѣть! Я такъ счастлива, какъ въ раю живу!

Ерастъ.

Такъ ли-съ?

Вѣра Филипповна.

Чего мнѣ еще? Я теперь полная хозяйка всему, у меня больше, чѣмъ надо — на добрыя дѣла тратить могу, сколько хочу. Какого-жъ еще счастія!

Ерастъ.

И значитъ, вы живете въ полномъ удовольствіи?

Вѣра Филипповна.

Въ полномъ удовольствіи, Ерастъ.

Ерастъ.

А я такъ понимаю, что вы только сами себя обманываете.

Вѣра Филипповна.

Да что съ тобой! Какъ ты знать можешь? Я сама-то себя лучше знаю.

Ерастъ.

Не знаете. Вы очень любите людей-съ, и полагаете, что этого довольно?

Вѣра Филипповна.

Да, конечно, довольно.

Ерастъ.

Нѣтъ, мало-съ. Ежели я кого люблю, а меня на отвѣтъ не любятъ, такъ какое же мнѣ удовольствіе!

Вѣра Филипповна.

Ты про другое говоришь; ты про то говоришь, чего я знать не хочу.

Ерастъ.

Нѣтъ, не про то самое. Вы теперь всѣхъ людей любите и добрыя дѣла постоянно дѣлаете, только одно у васъ это занятіе и есть, а себя любить не позволяете; но пройдетъ годъ или полтора, и вся эта ваша любовь... я не смѣю сказать, что она вамъ надоѣстъ, а только зачеретвѣетъ, и всѣ ваши добрыя дѣла будутъ въ родѣ какъ обязанность, или служба какая, а ужь душевнаго ничего не будетъ. Вся эта ваша душевность изсякнетъ, а на мѣсто того, даже раздражительность послѣ въ васъ окажется и сердиться будете и на себя, и на людей.

Вѣра Филипповна.

Правда ли это?

Ерастъ

Зачѣмъ же я буду лгать. Я лгать пробовалъ, да ничего хорошаго не вышло, такъ ужь я зарокъ далъ. А еслибы вы сами настоящую любовь и ласку отъ мужчины видѣли, совсѣмъ дѣло другое-съ; душевность ваша не изсякнетъ, къ людямъ вы не въ примѣръ мягче и добрѣй будете, все вамъ на свѣтѣ будетъ понятнѣй и доступнѣй, и всѣ ваши благодѣянія будутъ для всякаго въ десять разъ дороже.

Вѣра Филипповна.

Можетъ быть это и правда: да что-жъ дѣлать-то, нельзя.

Ерастъ.

Я такъ думаю, что можно. Отбросьте гордость; не гоните того человѣка, который васъ полюбитъ, не обижайте его!

Вѣра Филипповна.

Я замужняя женщина.

Ерастъ.

Такъ что-жь за бѣда! Потапъ Потапычъ ужъ не жилецъ на свѣтѣ, доктора говорятъ, что онъ больше мѣсяца не проживетъ. При томъ же, если умный человѣкъ, такъ онъ пойметъ ваше теперешнее положеніе, будетъ себя вдали держать и съумѣетъ благороднымъ образомъ своего термину дождаться.

Вѣра Филипповна.

Ты давно ли такъ уменъ-то сталъ?

Ерастъ.

Давно-съ. Я не то, что другіе изъ нашего брата, которые только и знаютъ, что по трактирамъ шляться; я все больше къ умнымъ, да къ образованнымъ людямъ въ компанію приставалъ; хоть самъ говорить съ ними не могу, такъ, по крайней мѣрѣ, отъ другихъ занимаюсь.

Вѣра Филипповна.

Да, умныя твои рѣчи, только слушать ихъ грѣхъ.

Ерастъ.

Какъ вы, однако, грѣха-то боитесь! Вы, видно, хотите совсѣмъ безъ грѣха прожить? Такъ вѣдь это гордость. Да и какая-жъ заслуга, ежели человѣкъ отъ соблазну прячется? значитъ, онъ на себя не надѣется. А вы все испытайте, все извѣдайте, да останьтесь чисты, непорочны — вотъ заслуги.

Вѣра Филипповна.

Охъ, да!

Ерастъ.

Отъ враговъ прячутся-то, а не отъ тѣхъ, кто любитъ. Повѣрьте душѣ моей, что кто васъ истинно любитъ, тотъ злодѣемъ вашимъ не будетъ.

Вѣра Филипповна.

Да, хорошо, хорошо, я вѣрю.

Ерастъ.

Такъ будьте хоть нѣсколько поснисходительнѣе къ тѣмъ, кто васъ любитъ.

Вѣра Филипповна.

Хорошо, хорошо, мы объ этомъ послѣ поговоримъ.

Ерастъ.

Значитъ, вы мнѣ позволяете навѣщать васъ хоть изрѣдка.

Вѣра Филипповна.

Что-жь, заходи... только я рѣдко свободна бываю.

Ерастъ.

Ужь я найду время. Такъ я буду въ надеждѣ-съ?

Вѣра Филипповна.

Не знаю, Ерастъ, на что ты надѣешься; только надежды отнимать я не буду у тебя. Надежду отнимать у человѣка — грѣхъ... Прощай, Ерастъ.

Ерастъ.

Если я что вамъ непріятное... такъ извините-съ.

Вѣра Филипповна.

Нѣтъ, что ты! Скорѣй же я... Меня извини. (*Ерастъ вздыхаетъ, кланяется и уходитъ. Вѣра Филипповна сидитъ у стола въ задумчивости. Изъ двери налѣво входятъ: Аполинарія Панфиловна, Каркуновъ, одной рукой опирается на палку, подъ другую его поддерживаетъ Халымовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вѣра Филипповна, Аполинарія Панфиловна Каркуновъ и Халымовъ.

Аполинарія Панфиловна.

Кресло Потапу Потапычу, кресло! (*Вѣра Филипповна беретъ кресло отъ письменнаго стола и ставитъ на серединѣ комнаты. Каркуновъ садится*).

Каркуновъ (*дрожащимъ голосомъ*).

Любезная супруга моя, Вѣра Филипповна... я вотъ сейчасъ... торжественно... потому, кумъ, кума, Аполинарія Панфиловна, вы знаете, какъ мои чувства, ежели насчетъ души моей... как

се устроить... значитъ, чтобъ на вѣчное поминовеніе... я не могу самъ; а все она, все она. (*Утираетъ слезы*). Торжественно объявляю... (*Достаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ Вѣрѣ Филипповнѣ*). На, возьми! Все, все предоставляю... Теперь выгони ты меня, дурака, изъ дому-то! Все твое, все... дарственная... Я гость у тебя, а ты хозяйка. Поди сюда поближе, нагнись ко мнѣ! Я тебѣ шепну на ухо! (*Вѣра Филипповна нагибается*). Ты возьми, да выгони меня изъ дому! Такъ молъ васъ и надо, дураковъ старыхъ, женолюбивыхъ. Кумъ, кума, нѣтъ... она меня не выгонитъ... Какъ она объ душѣ моей хлопочетъ... всѣ меня благодарить приходятъ, земно кланяются; а за что, я не знаю.

Вѣра Филипповна.

Я, Потапъ Потапычъ, за Константина Лукича долги заплатила.

Каркуновъ.

Вонъ, вонъ, слышите, слышите?

Вѣра Филипповна.

Я ему вашимъ именемъ, Потапъ Потапычъ, пенсію положила пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Каркуновъ.

Что для души-то моей дѣлаетъ! (*Утираетъ слезы*). А мнѣ бы не догадаться, не догадаться.

Вѣра Филипповна.

Онъ приказалъ благодарить васъ.

Каркуновъ.

Да, да, вотъ; владѣй... владѣй всѣмъ!

Вѣра Филипповна.

Потапъ Потапычъ, при вашей жизни, продли вамъ Богъ вѣку, я исполнять вашу волю съ радостью готова; искать бѣдныхъ, утѣшать ихъ, помогать имъ я нисколько не считаю себѣ въ тягость, а даже за великое счастіе. И благодарю васъ, что вы наградили мене такимъ счастіемъ.

Каркуновъ.

Кумъ, кума, слышите?

Вѣра Филипповна

И когда Богъ по вашу душу пошлетъ, и тогда я готова до самой своей смерти непрестаннымъ подаяніемъ вашу душу поминать, только дарственную вы отъ меня возьмите и откажите ваше имѣніе кому-нибудь другому.

Каркуновъ.

Что это! Обижаетъ вѣдь она меня, обижаетъ... На колѣняхъ вѣдь я тебя буду просить, на колѣняхъ... (*Приподнимается*).

Вѣра Филипповна.

Никакого зароку, никакой клятвы, я не дамъ.

Каркуновъ.

Какъ, какъ ты говоришь?

Вѣра Филипповна.

Я вамъ откровенно скажу, я за-мужъ пойду.

Каркуновъ.

Змѣя, змѣя! (*Падаетъ въ кресло*).

Халымовъ.

Зачѣмъ было говорить!

Аполинарія Панфиловна.

Къ чему это похвасталась! Дѣлай послѣ, что хочешь; а пока молчала-бы.

Вѣра Филипповна.

Не могу я лгать, не могу.

Каркуновъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Она моей смерти ждетъ, моей смерти радоваться будетъ.

Вѣра Филипповна.

Не правда, я вашей смерти радоваться не буду. (*Отходитъ къ сторонѣ и, отвернувшись, плачетъ*).

Каркуновъ.

Такъ не дождаться ей, не радоваться. (*Быстро поднимается*). Я ее убью. (*Подымаетъ палку*). Пусть умираетъ прежде меня.

Халымовъ.

Кумъ, кумъ, что дѣлаешь?

Каркуновъ.

Прочь! Между мужемъ и женой посредниковъ нѣтъ. (*Подходя къ Вѣрѣ Филипповнѣ*). Такъ ты моей смерти ждешь? гляди на меня! Гляди на меня! (*Вѣра Филипповна глядитъ на него*). Убить ее, люди добрые, убить? Убить тебя, а? (*Глядитъ ей въ глаза, бросаетъ палку, весь дрожитъ и едва держится на ногахъ. Вѣра Филипповна его поддерживаетъ. Каркуновъ смотритъ ей въ глаза, потомъ прилегаетъ къ плечу*). За двадцать-то лѣтъ любви, покоя, за все ея усердіе убить хотѣлъ. Вотъ, какой я добрый. А еще умирать собираюсь. Нѣтъ, я не убью ее, не убью и не свяжу... Пусть живетъ какъ ей угодно; какъ бы она ни жила, что̀ бы она ни дѣлала, она отъ добра не отстанетъ и о душѣ моей помнить будетъ. (*Вѣра Филипповна подводитъ его къ креслу и сажаетъ его. Всѣ окружаютъ Каркунова. Вѣра Филипповна становится на колѣни подлѣ него*). Владѣй всѣмъ, владѣй! Тебѣ и владѣть! А я долженъ благодарить Бога, что нашелъ человѣка, который знаетъ, на что богатымъ людямъ деньги даны, и какъ богатому человѣку проживать ихъ слѣдуетъ, чтобъ непостыдно могъ стать онъ передъ послѣднимъ судомъ.

Конецъ.

НЕВОЛЬНИЦЫ.

НЕВОЛЬНИЦЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица.

Евдокимъ Егорычъ Стыровъ, очень богатый человѣкъ, лѣтъ за 50.

Евлалія Андревна, его жена, лѣтъ подъ 30.

Никита Абрамычъ Кобловъ, богатый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, компаньонъ Стырова по большому промышленному предпріятію.

Софья Сергѣвна, его жена, молодая женщина.

Артемій Васильичъ Мулинъ, молодой человѣкъ, одинъ изъ главныхъ служащихъ въ конторѣ компаніи.

Миронъ Ипатычъ, старый лакей Стырова.

Марѳа Севастьяновна, экономка.

Гостинная въ домѣ Стырова. Въ глубинѣ растворенныя двери въ залу, направо отъ актеровъ дверь въ кабинетъ Стырова, налѣво—въ комнаты Евлаліи Андревны. Мебель богатая, между прочей мебелью, шахматный столикъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Марѳа (*входитъ съ лѣва*), Миронъ (*заглядываетъ изъ за залы*).

Миронъ (*кланяясь*).

Марѳѣ Савостьяновнѣ!

Марѳа:

Миронъ Липатычъ! Да взойдите, ничего... (*Миронъ входитъ*). Какими судьбами?

Миронъ.

Барина навѣстить пришелъ, наслышанъ что пріѣхали.

Марѳа.

Пріѣхали, Миронъ Липатычъ.

Миронъ (*нюхая табакъ*).

На теплыхъ водахъ были?

Марѳа.

На теплыхъ водахъ. Были и въ другихъ разныхъ земляхъ, два раза туда путешествовали... Ну, и въ Петербургѣ по долгу проживали. Много вояжу было; прошлое лѣто вотъ тоже въ Крымъ...

Миронъ.

И вы завсегда съ ними?

Марѳа.

Въ Крыму была; а то все въ Петербургѣ при домѣ оставалась.

Миронъ.

Постарѣлъ, я думаю, Евдокимъ Егорычъ-то?

Марѳа.

Конечно, ужь не къ молодости дѣло идетъ; а къ старости, сами знаете. Вѣдь и вы, Миронъ Липатычъ...

Миронъ.

Ну, мы другое дѣло; у насъ это больше,... знаете... отъ неаккуратности.

Марѳа.

А вы неаккуратность-то эту все еще продолжаете!

Миронъ.

Нѣтъ, будетъ, довольно, порѣшилъ... все разломалъ отрѣзалъ. Теперь ужь ни Боже мой, ни подъ какимъ видомъ.

Марѳа.

И давно вы это... урезонились?

Миронъ (*нюхая табакъ*).

Съ Мироносицкой предѣлъ положилъ. Думалъ еще со

страшной закончить; ну, да знаете, Святая... потомъ Ѳомина... тоже, надо вамъ сказать, недѣля то довольно путаная. Попрáвная недѣля она числится; голова-то поправки требуетъ, особенно на первыхъ дняхъ. Ну, а съ Мироносицкой-то ужь и установилъ себя, какъ слѣдуетъ. И вотъ, надо Бога благодарить, Марѳа Севастьяновна, до сихъ поръ... какъ видите! И чтобы тянуло тебя, манило, али тоска... ничего этого нѣтъ.

Марѳа.

Ну, укрѣпи васъ Богъ!

Миронъ.

Очень чувствительный я человѣкъ, Марѳа Севастьяновна,— сердце мое непереносчиво! обидитъ кто, или непріятность какая, ну, и не сдержишь себя. Не то чтобъ у меня охота была, или какое къ этой дряни пристрастіе; а все отъ душевнаго огорченія.

Марѳа.

Разно бываетъ, Миронъ Липатычъ: кто отъ чего. Но, при всемъ томъ, безобразіе-то все одно.

Миронъ.

Такъ, значитъ, состарились мы съ Евдокимомъ Егорычемъ?

Марѳа.

Да, таки порядочно. Коли вы его давно не видали, такъ перемѣну большую замѣтите.

Миронъ.

Три года не видалъ. Какъ тогда женились, такъ мнѣ отъ мѣста отказали. молодую прислугу завели. Нѣтъ, Марѳа Севастьяновна, пожилому на молоденькой жениться не слѣдъ.

Марѳа.

Да вѣдь она не то чтобы очень молоденькая, двадцати пяти лѣтъ замужъ-то шла.

Миронъ.

Самый цвѣтъ... вполнѣ...

Марѳа.

Да вотъ ужь три года замужемъ.

Миронъ.

Всетаки женщина въ полномъ своемъ удовольствіи; а мы-то съ Евдокимомъ Егорычемъ ужь скоро грибы будемъ. Старый-то на молодой женится, думаетъ, что самъ помолодѣетъ: а, за мѣсто того, еще скорѣе рушится, въ затхлость обращается.

Марѳа.

Почему вы такъ полагаете? Отчего-жъ-бы это?

Миронъ.

Отъ сумлѣнія.

Марѳа.

Можетъ быть, и правда ваша.

Миронъ.

Старый человѣкъ понимаетъ, что молодая его любить, какъ слѣдуетъ, не можетъ; ну, и долженъ онъ всякій часъ ее во всемъ подозрѣвать; и обязанъ онъ, коли онъ мужъ настоящій, за каждымъ ея шагомъ, за каждымъ взглядомъ наблюдать, нѣтъ-ли какой въ чемъ фальши. А вѣдь это новая забота, ея прежде не было. А вы сами знаете: не лѣта человѣка старятъ, а заботы.

Марѳа.

Да, ужь настоящаго спокою нѣтъ.

Миронъ.

Какой спокой! И я про то-жъ говорю. Я теперь Евдокима Егорыча—охъ! какъ понимаю. Опять же не изъ своего круга взята.

Марѳа.

Какого вамъ еще круга! Маменька ихъ въ заведеніи, которое для барышень, главная начальница.

Миронъ.

Мадамина дочь, въ родѣ какъ изъ иностранковъ.

Марѳа.

Вы это напрасно... Только что обучена на всякіе языки, а природы нашей, русской.

Миронъ.

А промежду себя они?..

Марѳа.

Ну, конечно, не такъ, какъ молодые...

Миронъ.

Контры выходятъ?

Марѳа.

А все-жъ таки...

Миронъ.

Стражаются?

Марѳа.

Что вы, какъ можно! Несогласія между ними незамѣтно.

Миронъ.

И часто у нихъ это бываетъ?

Марѳа.

Что?

Миронъ.

Страженіе?

Марѳа.

Да что вы, какое страженіе! Изъ-за чего имъ? Живутъ, какъ слѣдуетъ, какъ всѣ прочіе господа.

Миронъ.

Вѣдь вы правды не скажете: женская прислуга всегда за барыню; плутни у васъ за одно, а за маклерство вамъ большой доходъ. У Евдокима Егорыча, какъ я вижу, нѣтъ никого, чтобы преданный человѣкъ былъ: поберечь его некому. Значитъ, Евдокиму Егорычу вѣрный слуга нуженъ. Я теперь понялъ изъ вашихъ словъ все дѣло.

Марѳа.

Вы зачѣмъ же къ Евдокиму Егорычу?

Миронъ.

Слышалъ, что у нихъ камардина нѣтъ; такъ хочу опять къ нимъ проситься.

Марѳа.

Теперь гости у насъ; а подождите немножко въ кухнѣ, Миронъ Липатычъ, по времени я доложу.

Миронъ.

Что-жъ не подождать! екстры нѣтъ, больше ждали. (*Уходитъ. Изъ кабинета входятъ: Стыровъ и Кобловъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Стыровъ, Кобловъ и Марѳа.

Стыровъ (*Марѳѣ*).

Пошли узнать, дома-ли Артемій Васильичъ! Если дома, просить его ко мнѣ. (*Марѳа уходитъ*). Будемъ продолжать прежній разговоръ. Я похожъ на нищаго, который вдругъ нашелъ огромную сумму денегъ и не знаетъ, куда съ ними дѣться, какъ ихъ уберечь; все боится, чтобы ихъ не украли.

Кобловъ.

О чемъ вы жалѣете, въ чемъ вы раскаиваетесь, я не понимаю.

Стыровъ.

Ну, положимъ, что я не жалѣю и не раскаиваюсь; довольно съ меня и того, что я чувствую неловкость своего положенія. Вы, я думаю, понимаете, что человѣку съ моимъ состояніемъ весьма естественно желать себѣ спокойствія и всякаго удобства.

Кобловъ.

Какъ не понимать! Но вы меня извините, я никакой неловкости, никакого неудобства въ вашемъ положеніи не вижу.

Стыровъ.

О такомъ деликатномъ предметѣ, разумѣется, я могу говорить только съ одними вами: у насъ общія дѣла, общіе интересы и ужь мы привыкли повѣрять другъ другу то, что для постороннихъ должно оставаться тайной.

Кобловъ.

Ужь позвольте и мнѣ говорить съ вами откровенно. Вы знаете, какъ я глубоко уважаю Евлалію Андревну; поэтому, чтобы не стѣснять себя въ разговорѣ, мы будемъ говорить не о васъ и о ней собственно, а вообще, то есть, о всякомъ мужѣ и женѣ, какіе-бы они ни были.

Стыровъ.

Хорошо. Вы, я думаю, знаете сами, что для счастья въ супружеской жизни весьма важно, чтобы выборъ съ обѣихъ сторонъ былъ непринужденный и вполнѣ свободный.

Кобловъ.

Да, это условіе не лишнее, хотя нельзя сказать, чтобы необходимое.

Стыровъ.

А вѣдь Евлалію Андревну выдали за меня почти насильно. Мать до двадцати пяти лѣтъ держала ее взаперти и обращалась съ ней, какъ съ десятилѣтней дѣвочкой. Я ее купилъ у матери.

Кобловъ.

Да хоть бы украли. Вѣдь вы вѣнчаны, значитъ, вы находитесь въ положеніи мужа и жены. Отношенія эти извѣстны, опредѣлены, и задумываться тутъ не надъ чѣмъ.

Стыровъ.

И притомъ неравенство возрастовъ...

Кобловъ.

Да вѣдь она видѣли, за кого идетъ.

Стыровъ.

Не видала, я ослѣпилъ ихъ съ матерью. Когда я нечаянно познакомился съ ними, меня сразу поразили нѣкоторыя особенности въ характерѣ Евлаліи. Въ ней было что-то, чего я не встрѣчалъ въ другихъ дѣвушкахъ; а я ихъ видалъ-таки довольно на своемъ вѣку. Быстрыя перемѣны въ лицѣ—то оно какъ будто завянетъ, то вдругъ оживится и освѣтится; порывистыя движенія, короткое, судорожное пожатіе руки при

встрѣчѣ; прямая рѣчь, безъ всякаго жеманства, и почти дѣтская откровенность. Все это вмѣстѣ было довольно привлекательно. Но вѣдь не влюбился же я—въ мои годы этого не бываетъ—я просто захотѣлъ пріобрѣсть ее, какъ рѣдкость. И упрекаю теперь себя за это, какъ за поступокъ неосторожный.

Кобловъ.

Напрасно.

Стыровъ.

Я пошелъ путемъ прямымъ и вѣрнымъ; я не давалъ опомниться имъ съ матерью: бывалъ у нихъ по три раза въ день, дѣлалъ безумныя траты для ихъ удовольствія, осыпалъ подарками... И вотъ въ результатѣ: старый, постоянно занятой дѣлами мужъ и молодая, страстная и способная къ увлеченіямъ жена.

Кобловъ.

Что-жъ изъ этого? Къ чему эти признанія? Я и безъ васъ зналъ, что мужья и жены не всегда бываютъ равны возрастомъ и одинаковы характеромъ. Я опять-таки повторяю: вѣдь вы вѣнчаны, значитъ, вы стали въ извѣстныя отношенія другъ къ другу—вы мужъ и жена. Эти отношенія ужь опредѣлены, и они одинаковы и для молодыхъ, и для старыхъ, и для страстныхъ, и для безстрастныхъ. Мужъ—глава, хозяинъ; а жена должна любить и бояться мужа. Любить — это надо предоставить женѣ; какъ ей угодно, насильно милъ не будешь; а заставить бояться—ужь это дѣло мужа и этой обязанностью онъ пренебрегать никакъ не долженъ.

Стыровъ.

Но вѣдь она молода, ей жить хочется... Когда войдешь въ ея положеніе...

Кобловъ.

А зачѣмъ это вамъ входить въ ея положеніе? Нѣтъ, вы этого не дѣлайте! Начнете входить въ положеніе жены, такъ можете пріобрѣсть дурную привычку входить въ чужое положеніе вообще. Если послѣдовательно идти по этому пути, такъ можно дойти до юродства. Тамъ сирые да убогіе, несча-

стные да угнетенные; придешь, пожалуй, къ заключенію, что надо имѣніе раздать нищимъ, а самому съ цвѣточкомъ бѣгать босикомъ по морозу. Ужь извините, такого поведенія рекомендовать нельзя человѣку дѣловому, у котораго на рукахъ большое коммерческое предпріятіе.

Стыровъ.

Мы уклоняемся отъ предмета... Я говорилъ съ вами не о житейскихъ правилахъ: я имѣю свои и довольно твердыя, и въ совѣтахъ не нуждаюсь. Я говорилъ только о томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. Послѣ свадьбы, вы знаете, сейчасъ-же мы уѣхали въ Петербургъ, два раза ѣздили въ Парижъ, были въ Италіи, въ Крыму, погостили въ Москвѣ; вездѣ не подолгу, скучать ей было некогда. Теперь я долженъ прожить здѣсь, по своимъ дѣламъ, годъ, или болѣе; городъ довольно скучный, развлеченій мало, притомъ-же она можетъ встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Когда я женился ей было двадцать пять лѣтъ; нельзя-же предполагать, что у нея совсѣмъ не было привязанностей; а, при скукѣ, старыя привязанности штука опасная.

Кобловъ.

Конечно, опасная, если вы будете вольнодумствовать.

Стыровъ.

Какъ «вольнодумствовать»... что это значитъ?

Кобловъ.

То есть, пренебрегать правами мужа. Какъ, по вашему мнѣнію, долженъ поступить мужъ въ случаѣ невѣрности жены?

Стыровъ.

Вѣдь это, глядя по характеру... Я не знаю... можетъ быть, я только заплакалъ-бы; а можетъ быть, и убилъ-бы жену.

Кобловъ.

Ну, вотъ видите-ли!.. Заначитъ, для васъ прямой разсчетъ не допускать невѣрности.

Стыровъ.

Безъ сомнѣнія; но какъ это сдѣлать?

Кобловъ.

Надо стараться устранить всякіе поводы къ соблазну, надо принять мѣры.

Стыровъ.

Да какія мѣры? Въ томъ-то и дѣло.

Кобловъ.

Во-первыхъ, надо отнять совершенно свободу у жены, ограничить кругъ ея знакомства людьми, хорошо извѣстными вамъ.

Стыровъ.

Да тутъ знакомство и такъ невелико; выбирать-то не изъ кого... Извѣстныя лица... А кто здѣсь намъ хорошо-то извѣстенъ?

Кобловъ.

Да вотъ, напримѣръ, всѣ служащіе у насъ.

Стыровъ.

Безъ исключенія? И Мулинъ?

Кобловъ.

И Мулинъ. Онъ намъ преданъ, вся будущность его въ нашихъ рукахъ, кромѣ того, онъ очень неравнодушенъ къ дѣньгамъ, и постоянно ухаживаетъ за богатыми невѣстами. А не женился онъ до сихъ поръ только потому, что все ждетъ, не появится-ли еще побогаче.

Стыровъ.

И такъ, во-первыхъ, знакомство, а во-вторыхъ?

Кобловъ

А во-вторыхъ, надо учредить негласный надзоръ за женой.

Стыровъ.

То есть шпіонство. На кого-жъ возложить эту обязанность?

Кобловъ.

Прежде всего на прислугу.

Стыровъ.

Что вы говорите! Да вѣдь это гадко.

Кобловъ.

Вы бывали больны? Ну, конечно, бывали и принимали не одни только сладкія лекарства. Когда дѣло идетъ о здоровьи, такъ вкуса въ лекарствахъ не разбираютъ.

Стыровъ.

Какъ хотите, а къ такому средству можно прибѣгать развѣ ужь въ послѣдней крайности.

Кобловъ.

Въ крайности ужь будетъ поздно. Тѣмъ-то это средство и хорошо, что предупреждаетъ крайности. Всякое увлеченіе въ началѣ очень невинно; тутъ-то его и накрывать. У женщины, Евдокимъ Егорычъ, два главные двигателя всѣхъ ихъ поступковъ: капризъ и хитрость. Противъ каприза нужна строгость, противъ хитрости—абсолютное недовѣріе и постоянный надзоръ.

Стыровъ.

Но какъ-же со всѣмъ этимъ вы согласите любовь къ женѣ?

Кобловъ.

Какъ? Очень просто. Вѣдь любимъ-же мы своихъ маленькихъ дѣтей; однако, за капризы ихъ наказываемъ и безъ нянекъ не оставляемъ.

Стыровъ.

Но справедливо-ли смотрѣть на женщинъ, какъ на маленькихъ дѣтей?

Кобловъ.

Да мы, кажется, не о справедливости разговоръ начали, а о спокойствіи для мужей.

Стыровъ,

Хорошо. Благодарю васъ! Я подумаю... и приму въ соображеніе ваши слова. (*Садится къ шахматному столу*). Не сыграемъ-ли въ шахматы? Мнѣ прислали недавно рѣзные, превосходной работы. (*Вынимаетъ изъ кармана ключикъ и от-*

пираетъ ящикъ стола). Я ихъ запираю отъ любопытныхъ. Растеряютъ, либо переломаютъ. (*Входитъ Марѳа съ телеграммой*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Стыровъ. Кобловъ и Марѳа.

Марѳа.

Телеграмму подали изъ конторы. (*Подаетъ телеграмму Стырову*).

Стыровъ (*прочитавъ телеграмму*).

Нашъ пароходъ съ баржами остановился; значительное поврежденіе. (*Встаетъ. Ключъ остается въ замкѣ ящика. Передаетъ телеграмму Коблову*). Надо ѣхать самому. (*Взглянувъ на часы, Марѳѣ*). Скажи Евлаліи Андревнѣ, что я уѣзжаю на пароходѣ на нѣсколько дней.... я поѣду на пароходѣ черезъ полчаса... Распорядись, чтобы мнѣ приготовили и собрали все, что нужно, да вели закладывать лошадей.

Марѳа.

Слушаю-съ. Миронъ Липатычъ тутъ дожидается.

Стыровъ.

Какой «Липатычъ»?

Марѳа.

Вашъ бывшій камардинъ.

Стыровъ.

Что ему нужно?

Марѳа.

Должно быть, безъ мѣста, такъ навѣдаться пришелъ.

Стыровъ.

Хорошо; пошли его сюда. (*Марѳа уходитъ*).

Кобловъ.

Надо, какъ можно скорѣе исправить поврежденіе, время не ждетъ, а главное, надо разобрать, кто виноватъ.

Стыровъ.

Я затѣмъ самъ и ѣду. А вы потрудитесь съ вечернимъ пароходомъ намъ механика прислать. (*Входитъ Миронъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стыровъ, Кобловъ и Миронъ.

Стыровъ.

Здравствуй, Миронъ! Что ты?

Миронъ.

Слышалъ, что у васъ человѣка нѣтъ, такъ желаю послужить вамъ, Евдокимъ Егорычъ, по старому, какъ прежде я вамъ... вѣрой и правдой...

Стыровъ.

По старому? И пить будешь по старому?

Миронъ.

Нѣтъ, зачѣмъ-же, помилуйте! Это даже совсѣмъ лишнее.

Кобловъ.

Не ѣхать-ли мнѣ съ вами?

Стыровъ.

Нѣтъ, вы, Никита Абрамычъ, горячи очень; тутъ надо быть хладнокровнѣе. (*Мирону*). Ну, такъ какъ-же?

Миронъ.

Зачѣмъ пить! Пить не надо, Евдокимъ Егорычъ. Ну, его. Я и врагу не желаю.

Кобловъ.

Вы мнѣ телеграфируйте, что такое тамъ у нихъ.

Стыровъ.

Непремѣнно.

Миронъ.

Какъ-же вы хотите, чтобы я пилъ?

Стыровъ.

Да я вовсе не хочу. Съ чего ты взялъ?

Кобловъ.

Дней пять пробудете, съ проѣздомъ?

Стыровъ.

Да, я думаю, не болѣе.

Миронъ.

Нѣтъ, ужь вы этого теперь отъ меня не дождетесь, потому я отъ себя не надѣюсь...

Стыровъ.

Вотъ и прекрасно.

Миронъ.

Кабы въ томъ что хорошее было, ну, тогда бы, пожалуй, отчего-жъ не выпить; а то вѣдь это только наша глупость одна и даже со вредомъ... Такъ къ чему же это! Кому нужно! Кто себѣ врагъ! Да, кажется, наставь мнѣ въ ротъ воронку, да насильно лей, такъ и то я... нѣтъ, не согласенъ; увольте, скажу....

Стыровъ.

Какъ-же ты прежде-то?

Миронъ.

Такъ какъ прежде мы были на холостомъ положеніи, ну, ужь аккуратности этой и не наблюдаешь; а теперь какъ можно! Теперь надо себя стараться содержать...

Стыровъ.

Ну, хорошо, я тебя возьму на пробу, только ужь не взыщи, если...

Миронъ.

Да, нѣтъ, Евдокимъ Егорычъ, ожидать мудрено, чтобы... Ни къ чему не ведетъ, вотъ главное... Не хорошо, дурно, очень дурно.

Стыровъ.

Сегодня-же ты и поступишь. Я сейчасъ уѣзжаю, смотри безъ меня за порядкомъ, за чистотой въ домѣ, за всѣмъ.

Миронъ.

Понимаю, очень понимаю.

Стыровъ.

Кто будетъ меня спрашивать, отказывай, говори, что меня въ городѣ нѣтъ.

Миронъ.

Никого не буду принимать, вотъ какъ. Охъ, какъ я васъ понимаю!

Стыровъ.

Понимать тебѣ нечего, а надо слушать и исполнять.

Миронъ.

Да ужь вотъ какъ стараться буду, ужь вотъ какъ... ну, ужь одно слово... вотъ ужь какъ; какъ рабъ... самый... который...

Стыровъ.

Хорошо, ступай! Пособи тамъ собрать мои вещи, ты это дѣло знаешь.

Миронъ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Кобловъ.

Я пойду отвѣтъ напишу на телеграмму. Да надо приказать, чтобы лодка была готова принять васъ; а то они проспятъ, пожалуй. (*Уходитъ въ кабинетъ. Входитъ Мулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Стыровъ и Мулинъ.

Стыровъ (*подавая руку*).

Я за вами посылалъ, Артемій Васильичъ.

Мулинъ.

Что вамъ угодно, Евдокимъ Егорычъ?

Стыровъ.

Я записку составилъ, она тамъ у меня, въ кабинетѣ на столѣ; надо ее хорошенько редактировать.

Мулинъ.

Велика?

Стыровъ.

Листовъ шесть, семь.

Мулинъ.

А къ какому времени вамъ она нужна будетъ, Евдокимъ Егорычъ?

Стыровъ.

Черезъ недѣлю, не далѣе. Успѣете?

Мулинъ.

Какъ не успѣть! Я сегодня-же и начну заниматься.

Стыровъ.

Только ужь сами и перепишите на-чисто, это дѣло важное и весьма секретное; я, кромѣ васъ, никому поручить его не могу.

Мулинъ.

Благодарю васъ и постараюсь оправдать ваше довѣріе.

Стыровъ.

Да вы ужь не одинъ разъ оправдывали. Я вамъ, любезнѣйшій Артемій Васильичъ, больше довѣрю, чѣмъ это дѣло, я вамъ довѣряю жену свою. Я получилъ телеграмму и сейчасъ уѣзжаю на нѣсколько дней. Прошу васъ на это время поступить въ распоряженіе Евлаліи Андревны и быть ея кавалеромъ. Если вздумаетъ она погулять на бульварѣ, или въ общественномъ саду, такъ ужь вы, пожалуйста, будьте при ней неотлучно.

Мулинъ.

Я прошу васъ, Евдокимъ Егорычъ, если только возможно, освободить меня отъ этой обязанности.

Стыровъ.

Почему это?

Мулинъ.

Нашъ городъ—сплетникъ, ужасный сплетникъ; за неимѣніемъ новостей, онъ ежедневно самъ сочиняетъ внутреннія извѣстія.

Стыровъ.

Что-же могутъ сочинить про васъ?

Мулинъ.

Наше городское воображеніе отважно, оно не передъ чѣмъ не останавливается. Для людей, которымъ нужно говорить во что-бы то ни стало, у которыхъ зудъ въ языкѣ святаго ничего нѣтъ.

Стыровъ.

Пусть говорятъ; мы съ женой не боимся разговоровъ, да и вы не красная дѣвушка. На что вамъ беречь свою репутацію? Ишь жениться задумали? Вамъ еще рано, погодите немного! Нельзя-же нашимъ женамъ безъ кавалера оставаться. (*Входятъ Евлалія Андреевна и Софья Сергѣвна*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Стыровъ, Мулинъ, Евлалія и Софья.

Евлалія.

Вы уѣзжаете?

Стыровъ.

Да, сейчасъ. И вотъ оставляю тебѣ кавалера, Артемія Васильича. Тебѣ выѣзжать вѣдь некуда?

Евлалія

Нѣтъ, куда-же! Я никуда не поѣду безъ васъ.

Стыровъ.

А если вздумаешь въ садъ или на бульваръ, такъ приглашай съ собой Артемія Васильича.

Евлалія.

Очень рада. Вы не надолго?

Стыровъ.

Не знаю; какъ дѣла потребуютъ; во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ на недѣлю.

Евлалія (*Мулину*).

Вамъ не скучно будетъ со мной?

Стыровъ.

Евлалія, развѣ такъ говорятъ. Ты на комплименты напрашиваешься.

Софья.

А что-жъ за бѣда! Пусть молодой человѣкъ учится, ему въ жизни пригодится.

Мулинъ.

Мнѣ учиться не зачѣмъ; я и такъ умѣю.

Евлалія.

А правду умѣете говорить?

Мулинъ.

И правду умѣю, когда нужно.

Евлалія.

Только когда нужно? Да развѣ не всегда нужно правду говорить?

Софья.

Да что вы, ребенокъ, что-ли? Васъ это удивляетъ, что люди не всегда правду говорятъ?

Евлалія.

Такъ зачѣмъ-же насъ учили?

Софья.

Да кто насъ училъ? Учителя. Имъ нельзя было не учить чему-нибудь, имъ за это деньги платятъ; а жить учиться ужь мы должны сами.

Стыровъ.

Вы, я вижу, въ философію ударились. Философствуйте на здоровье; а насъ извините, мы васъ оставимъ. Пойдемте, Артемій Васильичъ, я вамъ покажу записку, про которую говорилъ. (*Стыровъ и Мулинъ уходятъ въ кабинетъ*).

Евлалія.

Зачѣмъ такъ шутить! Мужчины въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать, что мы не всегда говоримъ правду.

Софья.

Да развѣ я шутила, развѣ это шутки! Какія у васъ еще ребячьи понятія! Это слезы, а не шутки. Женщина нетолько не всегда должна говорить правду, а никогда, никогда. Знай правду только про себя.

Евлалія.

А другихъ обманывать?

Софья.

Конечно, обманывать, непремѣнно обманывать.

Евлалія.

Да зачѣмъ-же?

Софья.

Вы только подумайте, какъ на насъ смотрятъ мужья и мужчины вообще! Они считаютъ насъ малодушными, вѣтреными, а, главное, хитрыми и лживыми. Вѣдь ихъ не разубѣдишь; такъ зачѣмъ-же намъ быть лучше того, что они о насъ думаютъ. Они считаютъ насъ хитрыми, и надо быть хитрыми. Они считаютъ насъ лживыми—и надо лгать. Они только такихъ женщинъ и знаютъ; имъ другихъ и не нужно. только съ такими они и умѣютъ жить.

Евлалія.

Ахъ, что вы говорите!

Софья.

Что-жъ по вашему? Начать мужу доказывать, что я, молъ, хорошая, серьёзная женщина, гораздо умнѣе тебя, и чувства у меня гораздо благороднѣе, чѣмъ у тебя. Ну, что-жъ, доказывайте; а онъ будетъ улыбаться, да думать про себя: «пой, матушка, пой! Знаемъ мы васъ; тебя на минуту безъ надзору оставить нельзя». Ну, утѣшительное это положеніе?

Евлалія.

Да неужели это такъ?

Софья.

Поживите, такъ увидите.

Евлалія.

Но если мы лучше, такъ мы должны стать выше ихъ.

Софья.

Да какъ вы станете, коли въ ихъ рукахъ власть, власть ужасная тѣмъ, что она опошляетъ все, къ чему ни коснется. Я говорю только про нашъ кругъ. Посмотрите, взгляните, что въ немъ. Посредственность, тупость, пошлость: и все это прикрыто, закрашено деньгами, гордостью, неприступностью; такъ что издали кажется чѣмъ-то крупнымъ, внушительнымъ. Наши мужья сами пошлы и ищутъ только пошлости и видятъ во всемъ только пошлость.

Евлалія.

Это вы говорите про женатыхъ, а холостые?

Софья.

Такіе-же.

Евлалія.

Ну, ужь я вамъ положительно не вѣрю.

Софья.

Какъ угодно. Дай Богъ только, чтобы разочарованіе вамъ не очень дорого обошлось. Нѣтъ, я вижу, что вы совсѣмъ не знаете нашихъ мужчинъ.

Евлалія.

Но вѣдь въ нашемъ кругу много иностранцевъ.

Софья.

Да развѣ они лучше нашихъ! Наши дружатся съ ними, братаются, перенимаютъ отъ нихъ новыя пошлости да, сальные каламбуры и воображаютъ, что живутъ по-европейски. Мой мужъ тоже уважаетъ Европу и очень хвалитъ. Онъ бывалъ на югѣ Франціи, знакомъ тамъ съ многими фабрикантами; но что-же онъ вынесъ изъ этого знакомства? Онъ говоритъ: «тамъ мужья-то еще круче нашего съ женами обращаются, тамъ они васъ вовсе за людей не считаютъ». Вотъ вамъ и Европа! Не надо нашимъ мужьямъ хорошихъ женъ! Они воображаютъ, что жены-то еще пошлѣе и глупѣе ихъ, и чрезвычайно довольны своей судьбой и счастливы. Еслибъ Богъ, какимъ-нибудь чудомъ, открылъ имъ глаза, и они бы увидали, что такое ихъ жены въ самомъ-то дѣлѣ, на сколько онѣ выше

ихъ по уму, по чувствамъ, по стремленіямъ, какъ противны женской душѣ ихъ хищническіе инстинкты, они бы потерялись, затосковали, запили бы съ горя.

Евлалія.

Какъ-же вы переносите такую жизнь?

Софья.

Человѣкъ ко всему можетъ примѣниться. Прежде мнѣ очень тяжело было; а теперь и я не много лучше ихъ: я такая, какую имъ нужно. Рано, или поздно и съ вами то же будетъ, или начнете дни и ночи въ карты играть. (*Входятъ Стыровъ, Кобловъ и Мулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Евлалія, Софья Стыровъ, Кобловъ, и Мулинъ.

Стыровъ.

Ну, что-жъ, рѣшили вы свой споръ.

Кобловъ.

О чемъ?

Евлалія.

Всегда-ли нужно правду говорить?

Кобловъ.

Ну, я женское рѣшеніе этого вопроса давно знаю.

Евлалія.

Какое-же оно?

Кобловъ.

Правду можно говорить иногда только пріятелъницамъ, и то съ большой осторожностью; а мужьямъ никогда.

Софья.

А вы женамъ развѣ говорите правду?

Кобловъ.

Ну, это другое дѣло: нашу правду вамъ не зачѣмъ и знать.

Съ васъ довольно и того, что мы находимъ нужнымъ сказать вамъ; вотъ вамъ и правда и другой никакой для васъ нѣтъ.

Евлалія.

Мнѣ кажется, вы на жену смотрите, какъ на невольницу

Кобловъ.

А что-жъ такое, хоть бы и такъ? Слово-то, что-ли, страшно? Вы думаете, я испугаюсь. Нѣтъ, я не пугливъ. По мнѣ невольница все-таки лучше, чѣмъ вольница.

Стыровъ.

Однако, мнѣ пора. Прощайте!

Евлалія.

Не проводить-ли мнѣ васъ на пароходъ?

Стыровъ.

Нѣтъ, зачѣмъ! Тамъ толкотня, суета.

Кобловъ.

И мы домой, Софья Сергѣвна!

Софья.

Хорошо, поѣдемъ. (*Всѣ уходятъ въ залу. Слѣва входитъ Марѳа*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Марѳа, потомъ Стыровъ.

Марѳа.

Уѣхали, что-ли? (*Заглядываетъ въ залу*). Нѣтъ еще, цѣлуются; прощаются. (*Оглядывая комнату*). Не забылъ-ли Евдокимъ Егорычъ чего? Это чья шляпа-то? А, это Артемія Васильича... ну, онъ, чай вернется за ней (*Входитъ Стыровъ*).

Стыровъ (*говоритъ въ залу*).

Подождите, я на одну минуту, я забылъ кой-что... (*Марѳѣ*). Марѳа, слушай! Береги Евлалію Андревну безъ меня! Ты знаешь, какъ я ее люблю.

Марѳа.

Да какъ-же, помилуйте! нешто я не вижу?

Стыровъ.

Я въ дорогѣ все буду думать о ней: что́ она дѣлаетъ? не скучаетъ-ли?

Марѳа.

Ужь какъ не думать? конечно, думается.

Стыровъ.

Такъ ты ужь и не отлучайся отъ нея! Я, какъ пріѣду, такъ потребую отъ тебя отчетъ: что она безъ меня дѣлала, говорила, даже думала. Я такъ ее люблю, что́, понимаешь-ли ты, мнѣ все это пріятно знать... все, все... мнѣ это очень пріятно. (*Даетъ Марѳѣ кредитный билетъ*)

Марѳа.

Понимаю, Евдокимъ Егорычъ, будьте покойны.

Стыровъ.

Не то чтобъ я... ну, ты понимаешь; а ужь я ее очень люблю. Такъ ты смотри! Ну, не все-же ей дома сидѣть.

Марѳа.

Конечно, дѣло молодое...

Стыровъ.

Такъ для прогулокъ, или выѣхать куда, я просилъ Артемія Васильича; а вотъ дома-то ты..

Марѳа.

Да ужь будьте покойны! (*Стыровъ уходитъ*). Ишь-ты, старичекъ-то!.. Что онъ далъ-то? (*Глядитъ на ассигнацію*). Пять рублей...Значитъ,услуги требуетъ.Что-жъ, ничего,не больно скупо. Да за что и дать-то больше? Доносить-то, должно быть, нечего будетъ. А коли будетъ что, такъ и съ другой стороны, гляди, перепадетъ; тоже не поскупятся. Бери то съ того, то съ другого—отличное дѣло. Люблю я такія мѣста. Только умѣй себя вести, а то на что лучше! (*Прислушиваясь*)

Чу! Уѣхали. Пойти, показать Липатычу, куда платье, да бѣлье Евдокима Егорыча убрать; тамъ все пораскидали. (*Уходитъ налѣво. Изъ залы входятъ Евлалія и Мулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Евлалія, Мулинъ.

Мулинъ (*взявъ шляпу*).

Честь имѣю кланяться.

Евлалія.

Куда вы?

Мулинъ.

Въ контору.

Евлалія.

Еще поспѣете. Развѣ вамъ непріятно посидѣть со мной десять минутъ.

Мулинъ.

Очень пріятно; но у меня есть дѣло: Евдокимъ Егорычъ поручилъ мнѣ большую и спѣшную работу.

Евлалія.

Это однѣ отговорки. Вотъ ужь больше недѣли мы живемъ въ одномъ домѣ, и вы ни разу не удостоили меня вашей бесѣды.

Мулинъ.

Что́ вы говорите, помилуйте! Чуть не каждый день я у васъ обѣдаю, да и по вечерамъ мы часто бесѣдуемъ довольно долго.

Евлалія.

Да, болтаемъ глупости, отъ которыхъ уши вянутъ. Вы, впрочемъ, больше съ мужемъ разговариваете да съ посторонними, а не со мной. А вотъ такъ, наединѣ, вы ни разу.

Мулинъ.

Наединѣ? Не помню... кажется, нѣтъ.

Евлалія.

И вы никогда не искали случая, вы даже какъ будто стараетесь избѣгать его.

Мулинъ.

Избѣгать—не избѣгаю, и искать—не ищу. У насъ нѣтъ никакихъ дѣлъ, никакихъ общихъ интересовъ съ вами; нѣтъ ничего такого, чтобы заставило меня искать случая говорить съ вами наединѣ.

Евлалія.

«Интересовъ!» А сама я для васъ не интересна?

Мулинъ.

Я васъ не понимаю.

Евлалія.

Вамъ не интересно знать, напримѣръ, почему я вышла замужъ за человѣка, который вдвое старше меня?

Мулинъ.

Признаюсь вамъ, я и не думалъ объ этомъ; это до меня нисколько не касается.

Евлалія.

Нѣтъ, касается.

Мулинъ.

Какимъ образомъ? Объясните, сдѣлайте одолженіе!

Евлалія.

Мы съ вами знакомы давно, задолго еще до моего замужества. Помните, какъ мы, бывало, въ залѣ у маменьки музыку Шопена слушали, а на актѣ вальсъ танцовали; помните, съ балкона на звѣзды смотрѣли.

Мулинъ.

Очень хорошо помню.

Евлалія.

Неужели вы никогда не замѣчали, неужели не видали?

Мулинъ.

Нѣтъ, видѣлъ.

Евлалія.

И оставались равнодушны?

Мулинъ.

Кто-же вамъ сказалъ, что я оставался равнодушенъ?

Евлалія.

Такъ что-же?.. Вамъ стоило только слово сказать, протянуть руку, и я пошла-бы за вами безъ оглядки хоть на край свѣта.

Мулинъ.

Я это очень хорошо зналъ и, еслибы былъ богатъ, я-бы не задумался ни на минуту. Но, Евлалія Андревна, каждый дѣльный человѣкъ думаетъ о своей судьбѣ, впередъ составляетъ себѣ планы; благородная бѣдность въ мои планы не входила. Я могъ предложать вамъ только нищету, и вы-бы ее приняли. Нѣтъ, вы лучше поблагодарите меня, что я не погубилъ васъ и не запуталъ себя на всю жизнь.

Евлалія.

Значитъ, вы жалѣли, берегли меня?.. Вы любили меня?.. Очень?

Мулинъ.

Да, вы мнѣ нравились... Нѣтъ, зачѣмъ скрывать! Я любилъ васъ.

Евлалія (*задумчиво*).

И только бѣдность помѣшала нашему счастью?

Мулинъ.

Да, конечно, только бѣдность, ничего больше.

Евлалія.

Я такъ и думала. Теперь выслушайте меня, выслушайте мое оправданіе!

Мулинъ.

Зачѣмъ, Евлалія Андревна! Не надо.

Евлалія.

Надо, Артемій Васильичъ. Вы можете думать очень дурно обо мнѣ, вы можете подумать, что я польстилась на деньги Евдокима Егорыча, что я продала себя. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ.

Мулинъ.

Ничего дурного я о васъ не думаю; я знаю, что васъ выдали почти насильно.

Евлалія.

Насильно выдать замужъ нельзя: я — совершеннолѣтняя. Меня можно осуждать за то, что я слабо сопротивлялась, скоро сдалась. Да, всѣ въ правѣ осуждать меня за это; но не вы, Артемій Васильичъ.

Мулинъ.

Почему же?

Евлалія (*опустя глаза*).

Я знала, что вы живете въ одномъ домѣ съ Евдокимомъ Егорычемъ, что вы будете близко, что я могу васъ видѣть каждый день...

Мулинъ (*пораженный*).

Что вы говорите?

Евлалія.

Я принесла жертву для васъ... я хотѣла уничтожить препятствіе, которое насъ раздѣляло.

Мулинъ.

Вы уничтожили одно и создали другое: тогда вы были свободны, теперь у васъ мужъ.

Евлалія.

Ахъ, не говорите! Я не люблю его и не полюблю никогда. Я не знала... я думала, что выйти замужъ безъ любви не такъ страшно; а потомъ... ахъ, нѣтъ... ужасно... перестанешь уважать себя. Онъ мнѣ противенъ.

Мулинъ.

Можетъ быть, но я-то обязанъ Евдокиму Егорычу всѣмъ своимъ существованіемъ и чувствую къ нему глубокую благодарность. Не забудьте, я пользуюсь его довѣріемъ; онъ довѣряетъ мнѣ все, онъ довѣрилъ мнѣ и васъ. Злоупотреблять довѣріемъ у насъ считается ужь не проступкомъ, а преступленіемъ; это безчестно, грязно...

Евлалія (*съ сердцемъ*).

Подбирайте, подбирайте: гадко, скверно, мерзко. Ну, такъ

что-же вы тутъ... стоите передо мной? Я не понимаю! Что вамъ нужно отъ меня?

Мулинъ.

Ничего не нужно, вы сами меня остановили.

Евлалія.

Да что, у васъ глазъ нѣтъ, что-ли? Вы слѣпы? Развѣ вы не видите, какъ я страдаю? Меня увезли отъ васъ, три года возили по всей Европѣ... я старалась забыть васъ, (*со слезами*) но не могла... Я все еще люблю васъ... Развѣ вы не видите?

Мулинъ.

Вижу и вижу такъ-же, что надо помочь этой бѣдѣ, что я долженъ принять мѣры.

Евлалія.

Какія «мѣры»?

Мулинъ.

Мнѣ надо переѣхать изъ вашего дома.

Евлалія.

Да, вотъ что!

Мулинъ.

Я ужь говорилъ Евдокиму Егорычу, что и мнѣ неудобно, и его я стѣсняю.

Евлалія.

Такъ убирайтесь, убирайтесь; кто васъ держитъ!

Мулинъ.

Онъ не желаетъ, чтобъ я переѣзжалъ; но теперь это становится необходимымъ, и я настою.

Евлалія.

Убирайтесь, сдѣлайте одолженіе!

Мулинъ.

Я только дождусь его пріѣзда.

Евлалія.

Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Мулинъ.

Честь имѣю кланяться. (*Идетъ къ двери*).

Евлалія.

Да постойте же, постойте! Куда вы! Это странно: придетъ человѣкъ, повернется... не успѣешь слова сказать.

Мулинъ.

Что вамъ угодно?

Евлалія.

Вы забудьте то, что я говорила сейчасъ! Вы не вѣрьте моимъ словамъ: я сама не знаю, что со мной... на меня иногда находитъ... Все это вздоръ, глупый порывъ... Вамъ переѣзжать изъ нашего дома незачѣмъ, рѣшительно незачѣмъ... Я не стану искать свиданія съ вами... будемъ видѣться только при мужѣ, при постороннихъ... Такъ зачѣмъ-же вамъ переѣзжать! Зачѣмъ бѣжать? Вѣдь это смѣшно...

Мулинъ.

Нѣтъ, оно, знаете-ли, все-таки покойнѣе.

Евлалія.

Для кого?

Мулинъ.

Для меня.

Евлалія.

Какое-же вамъ безпокойство жить здѣсь?

Мулинъ.

Да не только безпокойство, даже опасность.

Евлалія.

Чего-же, или кого вы боитесь?

Мулинъ.

Васъ, а болѣе всего самого себя. Сохрани Богъ! Вѣдь безъ ужаса нельзя себѣ представить, какія могутъ быть послѣдствія. Я еще молодъ, вы тоже... На грѣхъ-то мастера нѣтъ.

Евлалія.

Довольно, довольно! Ужь, пожалуйста, не придумывайте! Оставайтесь! Чего вамъ бояться? Вѣдь ужь я вамъ сказала, что мы будемъ видаться только при постороннихъ. Чего-же вамъ!

Мулинъ.

Да, если такъ... пожалуй, конечно.

Евлалія.

Такъ вы останетесь?

Мулинъ.

Извольте, останусь.

Евлалія.

Ну, по рукамъ. Вотъ такъ. Будемъ друзьями!

Мулинъ.

Друзьями, друзьями, и ничего болѣе.

Евлалія.

Да, да, еще-бы! Ахъ, пожалуйста, не думайте дурно обо мнѣ, Артемій Васильичъ! Я хорошая женщина.

Мулинъ.

Помилуйте, смѣю-ли я сомнѣваться. До свиданія, Евлалія Андревна! Мнѣ пора за дѣло приниматься.

Евлалія.

До свиданія, милый Артемій Васильичъ!

Мулинъ.

Развѣ милый?

Евлалія.

Милый, милый! (*Бросается къ Мулину*).

Мулинъ.

Что вы, что вы?

Евлалія (*беретъ его за руку и смотритъ въ глаза*)

Поцѣлуйте мою руку!

Мулинъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. (*Цѣлуетъ руку Евлаліи*).

Евлалія (*горячо цѣлуетъ Мулина; сквозь слезы*).

Вѣдь вы моя первая и единственная страсть! (*Плача машетъ рукой*). Уходите!

Мулинъ.

Прощайте! (*Уходитъ*).

Евлалія.

Пять лѣтъ я мечтала, пять лѣтъ дожидалась свиданія съ нимъ... Онъ боится себя... онъ меня еще любитъ. Какъ я счастлива! (*Почти рыдая*). Какъ я счастлива! Мечта моей жизни сбывается. О, я еще увижу радости! Единственная моя радость—это онъ; мнѣ больше ничего не нужно.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Евлалія Андревна.
Мулинъ.
Софья Сергѣвна.
Марѳа.
Миронъ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Марѳа (*одна*).

Марѳа.

Никакъ нельзя изъ дому отлучиться, никакъ нельзя. Вотъ ушла только на минуту, весь домъ и разошелся. Такъ вѣдь я не безъ спросу. Отпросилась у Евлаліи Андревны на полчасика, пока они съ Артеміемъ Васильичемъ на бульварѣ гуляютъ; вотъ я и опять дома. А это на что похоже! Живой души въ домѣ нѣтъ: ни горничныхъ, ни повара, ни дворниковъ, разбрелись кто куда; одинъ швейцаръ дремлетъ на подъѣздѣ, старыя, прошлогоднія газеты читаетъ. Вотъ и Миронъ Липатычъ, только-что сталъ на мѣсто, а ужь бѣгать началъ изъ дому, диви-бы молоденькій. Вотъ что значитъ безъ хозяина: прислуга-то, какъ тараканы передъ пожаромъ, и расползется вся. (*Прислушиваясь*). Никакъ Евлалія Андревна подъѣхала? А въ передней-то никого, некому и встрѣтить. (*Уходитъ. Входятъ Евлалія и Мулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Евлалія, и Мулинъ.

Евлалія.

Благодарю васъ! Мнѣ, право, совѣстно, я столько отнимаю у васъ времени.

Мулинъ.

Еще до ночи долго, успѣю поработать и въ конторѣ и дома.

Евлалія.

А вѣдь я одна, Артемій Васильичъ... пожалѣйте меня! Съума можно сойти отъ тоски.

Мулинъ.

Евлалія Андревна, я не могу оставаться съ вами; у насъ уговоръ былъ.

Евлалія.

Ахъ, да, я знаю... Нѣтъ, я хотѣла только сказать вамъ нѣсколько словъ.

Мулинъ.

Говорите, я слушаю.

Евлалія (*задумывается*).

Что я хотѣла сказать-то вамъ? Да, объ Софьѣ Сергѣвнѣ... Нѣтъ, нѣтъ вотъ что...

Мулинъ.

Что-же именно?

Евлалія.

Я такъ счастлива, такъ счастлива, когда иду съ вами подъ руку на бульварѣ! Я воображаю, что вы мой, что мы связаны на всю жизнь.

Мулинъ.

Какое у васъ сильное воображеніе!

Евлалія.

Чего желаешь, то само собой представляется; тутъ не надо сильнаго воображенія. Ахъ, вотъ еще вспомнила. Чему это засмѣялась Софья Сергѣвна, когда встрѣтилась съ нами на бульварѣ? И потомъ все глядѣла на васъ и улыбалась.

Мулинъ.

Не знаю, Евлалія Андревна. Можетъ быть, она догадалась, что вы воображаете; вѣдь женщины проницательны.

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, почемъ она можетъ догадаться! Это невозможно. Какъ чужія мысли знать!

Мулинъ.

У васъ лицо очень подвижно: когда вы счастливы, такъ у васъ глаза такъ и сіяютъ, точно вы хотите всѣмъ разсказать, какое счастье у васъ.

Евлалія.

Ахъ, да. Вотъ какая я несчастная! Вы говорили, что у меня лицо сіяетъ, когда я счастлива; да часто-ли это со мной бываетъ? За то сколько я плачу... да, кажется, и все-бы я плакала...

Мулинъ.

Вамъ-ли горевать, Евлалія Андревна? Чего вамъ еще недостаетъ? Богатымъ людямъ жить можно; богатство—великое дѣло.

Евлалія.

Да, богатство, конечно, хорошо; только, знаете-ли, что мнѣ не нравится?..

Мулинъ.

Нѣтъ, не знаю. Что такое?

Евлалія.

Зачѣмъ мужчины здороваются съ дамами по-мужски, протягиваютъ руку?

Мулинъ.

А то какъ-же еще прикажете?

Евлалія.

Прежде цѣловали руку у дамъ.

Мулинъ.

И теперь тоже иногда, коли коротко знакомы. Я у васъ иногда цѣлую руку.

Евлалія.

Нѣтъ, ужь вы всегда... это даетъ мнѣ право поцѣловать васъ.

Мулинъ (*кланяясь*).

Слушаю-съ.

Евлалія.

Только вотъ что, Артемій Васильичъ; я замѣчала, что вы и у Софьи Сергѣвны цѣлуете руку.

Мулинъ.

Да какъ-же иначе? Вѣдь ея мужъ мой хозяинъ, точно такъ-же, какъ и вашъ.

Евлалія.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого никогда, никогда. Слышите вы, не цѣлуйте руки ни у кого, кромѣ меня. Вонъ вы, на бульварѣ, со многими дамами и дѣвицами кланяетесь... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ васъ цѣловалъ кто-нибудь, кромѣ меня.

Мулинъ.

Евлалія Андревна, да вѣдь это странно.

Евлалія.

Нѣтъ, нѣтъ, не хочу; и не говорите и не разстроивайте меня! Да вамъ незачѣмъ и знакомымъ быть съ женщинами! Зачѣмъ вамъ всѣ эти женщины? Ну, я прошу васъ, умоляю, оставьте всѣ эти знакомства!

Мулинъ.

Да помилуйте, зачѣмъ-же я вдругъ брошу хорошихъ знакомыхъ. Какую причину я могу придумать для этого, что̀ сказать, когда меня спросятъ.

Евлалія.

Значитъ вы меня нисколько не любите и не жалѣете. Ну, коли я не могу, коли я страдаю... Ну, что-жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь я не могу-же перенести, чтобъ вы были близки съ какой-нибудь другой женщиной. Я умру, это выше силъ моихъ.

Мулинъ.

Евлалія Андревна, извините, мнѣ пора.

Евлалія.

Какой малости не хотите вы сдѣлать для меня!

Мулинъ.

Да развѣ это малость: не быть знакомымъ рѣшительно ни съ одной женщиной? Хороша малость!.. Однако, я заговорился съ вами, а у меня спѣшное дѣло. Его надо кончить до пріѣзда Евдокима Егорыча; а онъ не нынче завтра будетъ здѣсь.

Евлалія.

Что вы говорите? Такъ скоро? Да вѣдь онъ недавно уѣхалъ.

Мулинъ.

Однако, вотъ ужь почти недѣля.

Евлалія.

А я и не замѣтила, мнѣ показалось, дня два-три не больше.. я была какъ въ раю

Мулинъ.

Честь имѣю кланяться. (*Цѣлуетъ руку Евлаліи*).

Евлалія.

Когда-жъ опять? Вечеромъ придете? Приходите!

Мулинъ.

Не знаю; можетъ быть, если успѣю.

Евлалія.

Нѣтъ, непремѣнно, непремѣнно, я жду васъ чай пить. (*Въ дверь залы*). Марѳа, Марѳа, проводи Артемія Васильича, въ передней нѣтъ никого. (*Мулинъ уходитъ. Марѳа за сценой: «Тамъ Миронъ Липатычъ». Евлалія уходитъ въ свою комнату. Выходятъ Марѳа и Миронъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Марѳа и Миронъ.

Марѳа.

Вотъ, Миронъ Липатычъ, безъ года недѣля вы живете въ

здѣшнемъ домѣ, а ужь поминутно безъ спросу отлучаетесь; какъ ни хватись, васъ дома нѣтъ.

Миронъ.

А кому печаль обо мнѣ, кто такъ ужь очень соскучился?

Марѳа.

Кому нужно тосковать объ васъ; въ передней никого нѣтъ, вотъ про что я говорю. Приходилъ Артемій Васильичъ, пальто некому снять. Въ этакомъ-то домѣ!.. На что это похоже!

Миронъ.

А зачѣмъ онъ приходилъ? Что онъ повадился? Онъ знай свою контору!

Марѳа.

Ну, ужь это не вашего ума дѣло.

Миронъ.

За какими онъ дѣлами ходилъ? Еще это надо разобрать, до тонкости надо это постигнуть.

Марѳа.

Ну, гдѣ-же вамъ такія дѣла постигать, коли это много выше вашего понятія! Да и не къ чему.

Миронъ.

А то «передняя!» Нѣшто я для передней нанятъ? Я здѣсь существую совсѣмъ на другихъ правахъ.

Марѳа (*качая головой*).

Эхъ, Миронъ Липатычъ! А еще зарокъ дали!

Миронъ.

Какой зарокъ?

Марѳа.

А насчетъ неаккуратности.

Миронъ.

Зарокъ! Очень нужно! Да что я, дуракъ что-ли? Стану я самъ себя такого удовольствія лишать? Какая мнѣ крайность!

А то зарокъ! Связывать-то себя! Да даже и грѣшно. Какъ вы говорите: зарокъ давать! Да можетъ-ли человѣкъ знать, что съ нимъ даже черезъ часъ будетъ?

Марѳа.

Да что мнѣ! Не я говорила, вы говорили.

Миронъ.

Я вотъ шагъ шагнулъ, а за другой... Да позвольте! Вы про Езопа знаете?

Марѳа.

Про какого тамъ Езопа? На что онъ мнѣ?

Миронъ.

Но, однако, позвольте! Спрашиваетъ его баринъ: «Езопъ, куда ты идешь?—Не знаю, говоритъ.—Какъ-же, говоритъ, ты не знаешь? Стало быть, ты, братецъ, мошенникъ и бродяга. Посадить, говоритъ, его въ тюрьму. Вотъ и повели Езопа въ тюрьму; а онъ барину и говоритъ: вотъ моя правда и выходитъ: зналъ-ли я, что въ тюрьму иду». Вотъ что! Должны вы это понять? Какъ-же вы хотите, чтобъ я зарокъ давалъ? Съ чѣмъ это сообразно?

Марѳа.

Ахъ, отстаньте, пожалуйста; не я хочу, вы сами говорили.

Миронъ.

Когда? Не можетъ этого быть; потому я еще, слава Богу, съума не сошелъ.

Марѳа.

Да мнѣ какъ хотите! Вы въ такихъ лѣтахъ, что сами объ себѣ понимать можете. А только-что вы сами говорили, что съ Мироносицкой прикончили.

Миронъ.

Позвольте! Это точно. Только это совсѣмъ другой разговоръ. Былъ я тогда безъ мѣста, какія были деньжонки, на Святой всѣ прожилъ... ухнулъ. Ну, значитъ, и не на что было; поневолѣ пить перестанешь, коли денегъ нѣтъ. Что-жъ, мнѣ воровать что-ли прикажете?

Марѳа.

Да мнѣ что за дѣло; хотите—воруйте, хотите—нѣтъ.

Миронъ.

Такъ еще согласенъ-ли я воровать, вы меня спросите! Можетъ, я не согласенъ. Я даже ужасно какъ этого боюсь. Попутаетъ тебя грѣхъ въ маломъ въ чемъ, а на всю жизнь слава, что воръ.

Марѳа.

Да что мнѣ до васъ! Какъ хотите. Только что нельзя свое мѣсто бросать.

Миронъ.

Какое «свое мѣсто»?

Марѳа.

Переднюю.

Миронъ.

Не мое это мѣсто; мое мѣсто много превозвышеннѣе... я свыше поставленъ.

Марѳа.

Толкуйте еще!

Миронъ.

А вы какъ думали? Велика моя служба для барина, охъ, велика! Ну, не знаю, между прочимъ, какъ оцѣнить! А очень велика.

Марѳа.

Ну, ваше счастье, коли вы на такую высокую службу поставлены.

Миронъ.

Да, на высокую; а то, какъ-же ее назовете?

Марѳа.

Любопытно только знать, что это за служба такая; потому что, можетъ, вы и хвастаете.

Миронъ.

Что мнѣ хвастать! Была оказія! Наблюдать я поставленъ.

Марѳа.

Наблюдать? Надъ чѣмъ?

Миронъ.

За вами.

Марѳа.

За мной? Ну, ужь это поздравляю васъ соврамши!

Миронъ.

Не за вами собственно; кому до васъ нужда, хоть бы вы тамъ...

Марѳа.

Оставьте ваши глупости, прошу васъ! Я ихъ слушать не въ расположеніи.

Миронъ.

Кому интересно за вами наблюдать! Смѣшно даже. А тутъ повыше... на это мнѣ приказъ есть строгій. Вотъ вы и знайте! И разговаривать теперь мнѣ съ вами больше ужь не о чемъ. (*Уходитъ въ залу*).

Марѳа.

Скажите, пожалуйста, какой наблюдатель нашелся! (*Входитъ Евлалія*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Евлалія, и Марѳа.

Евлалія.

Съ кѣмъ ты тутъ разговаривала?

Марѳа.

Съ Мирономъ Липатычемъ.

Евлалія.

А я думала, кто пріѣхалъ. Тоска ужасная. (*Садится*).

Марѳа.

Липатычъ-то немного не въ своемъ разумѣ, вотъ и разсыпаетъ свои разговоры.

Евлалія.

А развѣ онъ пьетъ?

Марѳа.

Да-таки частенько; онъ и прежде жилъ у Евдокима Егорыча, такъ за это же за самое его сослали.

Евлалія.

Зачѣмъ-же его опять взяли?

Марѳа.

Не знаю, не наше дѣло. Коли ему повѣрить, такъ онъ очень важный человѣкъ въ домѣ.

Евлалія.

Какой важный? Что это значитъ?

Марѳа.

Да такъ, я думаю, городитъ онъ зря. Повѣрить то мудрено, чтобы Евдокимъ Егорычъ такое довѣріе сдѣлалъ пьяному человѣку.

Евлалія.

Евдокимъ Егорычъ знаетъ, кому какое довѣріе сдѣлать. Это до тебя не касается; объ его распоряженіяхъ судить ты не должна.

Марѳа.

Кабы не касалось, я-бы и не говорила. Въ томъ-то и дѣло, что касается и меня, и васъ, да и обидно очень.

Евлалія.

Что за вздоръ такой! Не можетъ быть.

Марѳа.

Бывать-то оно бываетъ, только что, конечно...

Евлалія.

Да что такое?

Марѳа.

Изволите-ли видѣть, Липатычъ величается, что будто Евдокимъ Егорычъ поручилъ ему наблюденіе....

Евлалія.

Какое наблюденіе?

Марѳа.

А надъ вами, Евлалія Андревна: кто въ домѣ бываетъ? какъ вы кого принимаете? ну, и все такое.

Евлалія.

Нѣтъ, я не вѣрю, это что-то ужь глупо очень.

Марѳа.

Нѣтъ, оно не вовсе глупо. Бываютъ жены, которыхъ точно что безъ присмотру оставить нельзя никакъ. Ну, а другой женщинѣ, которая себя чувствуетъ не въ томъ направленіи, даже и обидно.

Евлалія (*встаетъ*).

Да нетолько, что обидно, это оскорбительно, невыносимо, это жить нельзя. И если это правда...

Марѳа.

Да позвольте; надо дѣло разобрать толкомъ. Можетъ, Евдокимъ Егорычъ такъ что-нибудь сказали, къ слову; а Липатычъ принялъ за серьёзное, да и возмечталъ.

Евлалія.

Да неужели Евдокимъ Егорычъ способенъ на такую низость?

Марѳа.

Вѣдь и мужей, вотъ хотя-бы Евдокима Егорыча взять, тоже надо судить по человѣчеству. Другой жену такъ любитъ, такъ любитъ, до страсти, ну, и наставитъ сторожей на каждомъ шагу. Вѣдь они такъ думаютъ, что это молъ отъ любви, отъ сильной, значитъ, женѣ обижаться нечего. Ну, пускай бы ужь сторожей ставили, да только путныхъ; а то пьяному человѣку такое довѣріе дѣлать, на что-жъ это похоже! У другой и въ помышленіи-то нѣтъ ничего дурного; а пьяный лакей славитъ вездѣ, что онъ надзирателемъ поставленъ надъ барыней.

Евлалія (*хватаясь за голову*).

Ужасно, ужасно!

Марѳа.

Да вы не извольте безпокоиться; этому Мирону у насъ не жить, ужь я устрою. Вотъ только Евдокимъ Егорычъ пріѣдетъ, ужь я подведу штуку. Что вамъ себя разстроивать, изъ чего? Диви-бы кто путный говорилъ, а то Миронъ; ему вѣрить-то одинъ разъ въ годъ можно. Какой онъ слуга! Вы

изволили уѣхать, а онъ, не спросясь, ушелъ, оставилъ домъ пустой. Я уходила, такъ я спросилась.

Евлалія (*садится*).

Да, ты спросилась. (*Задумчиво*). Куда ты ходила?

Марѳа.

Въ разныхъ мѣстахъ, матушка; была. Къ племяннику заходила въ аптеку, онъ тамъ въ мальчикахъ помаленьку обучается.

Евлалія (*задумчиво*).

Да... въ аптеку... что-жъ тамъ?

Марѳа.

Да что̀, еще къ чему важному его не приставляютъ покуда; при пластыряхъ, да при дѣвичей кожѣ находится. Заходила навѣстить его, кстати ужь отравы попросить.

Евлалія.

Какой отравы?

Марѳа.

Для всякаго гаду; въ кладовой развелись. А я же боюсь ихъ до страсти. Вчера на мыша́ наступила, такъ часъ безъ чувствъ въ забвеніи лежала. Вотъ и дали мнѣ такого яду.

Евлалія.

Яду?

Марѳа.

Да-съ, чѣмъ волковъ травятъ. Шарики такіе изъ хлѣба скатать. Они сказывали, на названье-то такое мудреное. Вотъ онъ у меня. (*Показываетъ пузырекъ*).

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, дай сюда, дай! Я боюсь, ты какъ-нибудь, по неосторожности, насъ отравишь. Я уберу подальше. Когда тебѣ нужно, спроси! При мнѣ и сдѣлаешь шарики.

Марѳа (*отдаетъ пузырекъ*).

Хорошо-съ. Потомъ у племянницы была; она въ горничныхъ живетъ въ хорошемъ домѣ, у нѣмцевъ у богатыхъ; чай-

ку у ней попила. Новость я тамъ слышала. Вамъ Евлалія Андреевна; скоро лишній расходъ будетъ.

Евлалія.

Какъ расходъ?

Марѳа.

Придется платье богатое шить, либо два.

Евлалія.

Зачѣмъ? У меня много.

Марѳа.

Сколько-бъ ни было, а все надо новыя шить, ужь никакъ не миновать; на свадьбѣ пировать придется.

Евлалія.

На какой свадьбѣ?

Марѳа.

Ужь не знаю, говорить-ли, можетъ, это дѣло въ секретѣ содержится. Да оно, конечно, какой ужь секретъ, коли въ другомъ домѣ прислуга знаетъ. Гдѣ племянница-то моя живетъ, такъ рядомъ съ ними домъ купца Барабошкина; у нихъ барышня есть, небольно чтобы красива; рябовата немножко и косить малость—все какъ-будто назадъ оглядывается—ну, и конфузлива.

Евлалія.

Такъ что-же?

Марѳа.

Коли вдругъ покраснѣетъ при постороннихъ, такъ ужъ никакими способами заставить ее разговаривать невозможно. Лучше отстать, а то хуже: вовсе заплачетъ. Но только денегъ за ней даютъ очень много, даже если считать, такъ кажется, ни въ жизнь не сочтешь. Такъ вотъ и говорятъ, что нашъ Артемій Васильичъ сватается Ну а коли и сватается, такъ и женится чего-жъ еще имъ? женихъ во всей формѣ.

Евлалія (*въ испугѣ*).

Кто, ты говоришь, сватается?

Марѳа.

Артемій Васильичъ.

Евлалія.

Не можетъ быть, не можетъ быть; я-бы знала.

Марѳа.

Ужъ такъ точно, будьте спокойны. Вотъ жаль только, къ Барабошкинымъ то я не зашла, у меня тамъ тоже кума есть узнала бы все до ниточки.

Евлалія (*потерявшись*).

Ну, такъ что-же ты!...Какъ же это, ну, какъ-же не зайти!

Марѳа.

Да не посмѣла, домой торопилась.

Евлалія.

Да нѣтъ... какъ не зайти!.. Да Господи Боже мой! Что-же это, право! Вѣдь надо, надо узнать.

Марѳа.

Такъ далеко-ли тутъ; я вѣдь и сбѣгаю, коли прикажете.

Елалія *со слезами*).

Да ты пойми... какъ-же это? Вѣдь онъ мнѣ ничего не говорилъ... вѣдь надо-же мнѣ узнать-то.

Марѳа.

Да сейчасъ... Что жъ такое!

Евлалія.

Вѣдь онъ мнѣ ни слова, рѣшительно-таки ни слова.. Отъ чего-жъ онъ не говорилъ? (*Плачетъ*). Все бы ужь лучше сказать; а то, какъ-же такъ, потихоньку-то? Ну, зачѣмъ, зачѣмъ онъ это?

Марѳа.

Да что вы матушка, что вы? Вотъ мы сейчасъ разберемъ.

Евлалія.

Вѣдь не шутки, въ самомъ дѣлѣ... Онъ обманывалъ меня, утѣшалъ, какъ ребенка: онъ за шутку что-ли считалъ?.. Шутить надъ сердцемъ! (*Плачетъ*).

Марѳа.

Да успокойтесь, матушка, Евлалія Андревна!

Евлалія.

Ахъ, оставь меня!

Марѳа.

Такъ я побѣгу. (*Смотритъ на Евлалію*).

Евлалія.

Что ты смотришь? Это я такъ... Это со мной вдругъ... (*Улыбаясь*). Вотъ я какая! А ты все-таки сходи!

Марѳа.

Я мигомъ. Не за горами, тутъ близко.

Евлалія.

Да, поскорѣй, пожалуйста, поскорѣй! (*Марѳа уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Евлалія, потомъ Миронъ.

Евлалія.

Что-же онъ думаетъ обо мнѣ, за кого меня принимаетъ? При его умѣ, при его благородствѣ, такой поступокъ необъяснимъ... Онъ не легкомысленъ, его деньги привлекать не могутъ; такіе люди на богатство не прельщаются. Я его знаю, понимаю... онъ долженъ презирать богатство... Значитъ, онъ меня не любитъ? Тогда зачѣмъ жить?.. Мечта моя исчезаетъ и что-жъ остается? Мужъ... человѣкъ мелочной, безъ души... родные, знакомые, все это эгоисты, холодные... Что за жизнь, что это за жизнь!.. Нѣтъ, безъ него весь міръ пустѣетъ для меня. Былъ одинъ человѣкъ въ этомъ скучномъ мірѣ, человѣкъ съ возвышеннымъ умомъ... съ нѣжными, благородными чувствами... честный, безкорыстный... моя душа поняла его, оцѣнила... и его нѣтъ. Если спросить меня, зачѣмъ я живу... я не найду отвѣта... Цѣли въ жизни нѣтъ... жила для него... его нѣтъ... Да, у меня ничего нѣтъ, ничего нѣтъ, все оборвалось. (*Плачетъ*). Вотъ придетъ, что-то скажетъ?. Что скажетъ?.. Еще какой-то лучъ надежды блеститъ. (*Сидитъ, задумавшись. Входитъ Миронъ*).

Миронъ.

Софья Сергѣвна-съ!

Евлалія.

А?

Миронъ.

Софья Сергѣвна пріѣхали-съ. (*Уходитъ. Входитъ Софья Сергѣевна*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Евлалія и Софья.

Софья.

Что вы это? Что съ вами? Васъ узнать нельзя.

Евлалія.

Нездоровится что-то.

Софья.

Не вѣрю. Вы разстроены, огорчены чѣмъ-то. Знаете-ли, когда человѣкъ очень огорченъ, не надо сдерживать себя, надо или плакать, или браниться, или поскорѣй подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ. А то начнешь думать, думать; и представится тебѣ, что больше твоего горя и на свѣтѣ нѣтъ, что и жить-то тебѣ не зачѣмъ. Здраво-то обсудить своего положенія мы не можемъ, душа-то угнетена; и нанизываетъ разные ужасы да несчастія, какъ на нитку. Нѣтъ, это вредно, это даже опасно. У васъ я большого горя не подозрѣваю...

Евлалія.

Нѣтъ, у меня очень большое горе.

Софья.

Не вѣрю; это вамъ только такъ кажется; но все-таки помочь вамъ надо. Я не любопытна и сама не откровенна, вообще откровенностей не люблю; но васъ попрошу разсказать мнѣ ваше горе, хоть намекомъ. Вы еще такъ неопытны.

Евлалія.

Благодарю васъ за участіе. Вотъ мое горе: я люблю одного человѣка, очень давно люблю, да я больше никого и не любила въ жизни... Мнѣ казалось, что и онъ меня любитъ, и я его теряю.

Софья.

Онъ уѣзжаетъ далеко? вамъ грозитъ разлука?

Евлалія.

Нѣтъ.

Софья (*съ участіемъ*).

Онъ боленъ, умираетъ?

Евлалія.

Нѣтъ. (*Со слезами*). Онъ женится.

Софья.

Онъ самъ вамъ это сказалъ?

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, потихоньку, обманомъ.

Софья.

И вы, конечно, додумались, что ужь вамъ теперь жить нельзя?

Евлалія.

Цѣли въ жизни нѣтъ, такъ зачѣмъ-же!

Софья.

Со мной очень недавно былъ точно такой-же случай: я любила человѣка и вѣрила ему; а онъ вздумалъ потихоньку отъ меня посвататься. Да, вотъ видите, я жива и даже весела.

Евлалія.

Я жила только этой любовью, для меня другого интереса въ жизни нѣтъ.

Софья.

Да, я понимаю, у васъ горе большое; а все-таки помочь ему можно.

Евлалія.

Нѣтъ, оставьте меня съ моимъ горемъ, помочь ему средствъ нѣтъ.

Софья.

Напрасно; я знаю два. Какимъ изъ нихъ я сама воспользовалась, я вамъ не скажу; а вышло хорошо. Вотъ первое: написать подъ разныя женскія руки нѣсколько слезныхъ пи-

семъ съ жалобами на обольстителя, а иныя съ угрозами, да и послать родителямъ невѣсты.

Евлалія.

Что вы, что вы! Можно-ли рѣшиться! Это такъ дурно, нечестно.

Софья.

Нѣтъ, ничего, средство хорошее; особенно если человѣкъ женится по разсчету, безъ любви, то есть мѣняетъ васъ и вашу любовь на деньги. Такого жалѣть нечего. Если-жъ дѣйствительно онъ полюбилъ дѣвушку и она его, ну, тогда нужно другое средство.

Евлалія.

Какое?

Софья.

Постараться забыть его и поскорѣй найти другого.

Евлалія.

Найти другого? Да развѣ ихъ много такихъ, кого любить можно? Можетъ быть, только одинъ и былъ, который стоитъ моей любви, который имѣетъ всѣ достоинства.

Софья.

То-то и бѣда, что всѣ эти достоинства только въ вашемъ воображеніи. Полюбите вы самаго обыкновеннаго, дюжиннаго человѣка, вообразите себѣ его героемъ, да и ждите отъ него разныхъ подвиговъ: безкорыстной преданности, самоотверженія...

Евлалія.

О, нѣтъ, я люблю недюжиннаго человѣка.

Софья.

Трудно вѣрить.

Евлалія.

Такихъ людей немного, это исключеніе... въ немъ все... мнѣ кажется даже, что онъ поэтъ.

Софья.

Мнѣ жаль васъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣй разочаровать васъ насчетъ этого поэта. Кто онъ такой, я не знаю; но я увѣрена, что всѣ его достоинства сочинены вами.

Евлалія.

Почему же вы такъ думаете?

Софья.

Васъ до двадцати пяти лѣтъ держали взаперти, въ полномъ невѣдѣніи, васъ изуродовали глупымъ воспитаніемъ. Знанія людей и жизни у васъ нѣтъ никакого, душа впечатлительная, жажда любви сильная; ну, понятное дѣло, какъ только васъ выпустили на волю, первый встрѣчный мужчина и долженъ вамъ показаться идеальнымъ существомъ.

Евлалія.

Что же, я не должна, по вашему, ни чувствовать, ни любить?

Софья.

Кто вамъ говоритъ! Чувствуйте, любите, только умѣйте разбирать людей и пользоваться жизнью. Вы очень богаты, мужъ вашъ человѣкъ очень добрый, ни въ чемъ вамъ не отказываетъ: чего вамъ еще? Вамъ бы только жить, да радоваться. Не налагайте на себя новыхъ цѣпей, мы и такъ скованы. Выбирайте въ жизни только легкое и веселое, а непріятностей-то намъ и отъ мужей довольно. Старайтесь больше знать, тогда будете меньше воображать.

Евлалія.

Да что-же я воображаю?

Софья.

Все; и все, разумѣется, навыворотъ.

Евлалія.

Напримѣръ?

Софья.

Извольте. Вамъ случалось когда-нибудь долго ждать вашего поэта? То есть онъ обѣщалъ придти, да нейдетъ.

Евлалія (*съ тоской*).

Ахъ, да, случалось.

Софья.

Что же вы думали въ это время?

Евлалія.

Что онъ очень занятъ, что онъ спѣшитъ, торопится...

Софья.

Летѣть на крыльяхъ любви? Вотъ это воображеніе; а въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ.

Евлалія.

А что-же есть?

Софія.

Сидитъ онъ съ пріятелями, играетъ въ карты, въ винтъ, по двадцатой долѣ копейки и думаетъ: «Вотъ наказанье-то божеское; надо идти нѣжничать».

Евлалія (*смѣется*).

Ахъ, нѣтъ. Что вы... въ карты! Нѣтъ, не можетъ быть!

Софья.

Ну, вотъ я васъ хоть успокоить не успокоила, а все-таки развлекла, развеселила немного. Прощайте!

Евлалія.

Благодарю васъ.

Софья.

Пожалуйста, не задумывайтесь, не отдавайтесь горю, дѣлитесь имъ со мной! Мы обѣ несчастныя женщины, обѣ изуродованы рабствомъ; вы—въ дѣтствѣ, а я—въ замужествѣ; мы обѣ невольницы; такъ будемъ друзьями! Я къ вамъ завтра заѣду, мы еще потолкуемъ. (*Уходитъ въ залу, Евлалія за ней. Евлалія возвращается съ Марѳой*),

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Евлалія и Марѳа.

Евлалія (*хватаясь за грудь*).

Ну, что? Говори скорѣй!

Марѳа.

Да ничего; не извольте безпокоиться.

Евлалія (*весело*).

Значитъ, вздоръ; сватовства никакого не было?

Марѳа.

Нѣтъ, сватовство-то было...

Евлалія.

А!.. было... (*Садится въ задумчивости*).

Марѳа.

Да ничего не вышло.

Евлалія.

Отказали?

Марѳа.

Отказали. Законфузилась невѣста, что очень полированъ. Или что тамъ другое, ужь не знаю... Другой женихъ есть, побогаче и попроще. (*Молчаніе*).

Евлалія (*Задумчиво, съ разстановкой*).

Артемій Васильичъ хотѣлъ придти къ намъ чай пить.

Марѳа.

Ну, что-жь, пущай.

Евлалія.

Ты не знаешь, онъ дома?

Марѳа.

Дома, дома. Сейчасъ видѣла въ окно, сидитъ...

Евлалія.

Занимается?

Марѳа.

Нѣтъ, въ карты играютъ съ пріятелями.

Евлалія.

Въ карты.... (*Встаетъ и ходитъ по комнатѣ*). А какъ ты полагаешь, Софья Сергѣвна умная женщина?

Марѳа.

Чего еще? Тонкая дама... насквозь все видитъ: только взглянетъ на тебя, такъ; кажется, всю твою душу и знаетъ.

Евлалія.

Послушай, сходи, пожалуйста, къ Артемію Васильичу, скажи ему, что я жду его чай пить, чтобъ онъ шелъ сейчасъ.

Марѳа.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Евлалія.

Если онъ отвѣтитъ, что ему некогда, что онъ занятъ дѣломъ, я сама пойду къ нему и застану его за картами. Какъ ему будетъ стыдно!.. О, если-бъ онъ поскорѣй пришелъ! Я боюсь, что у меня пройдетъ все негодованіе, весь гнѣвъ. (*Молчаніе*). Нѣтъ, я прощу ему, прощу все; только-бы онъ не покидалъ меня. Разумѣется, я ему выскажу, какъ онъ огорчилъ меня своимъ сватовствомъ; но выскажу не съ упрекомъ, а съ кроткой жалобой, со слезами. Онъ устыдится своего поведенія, онъ будетъ раскаиваться. У него душа прекрасная... онъ еще легкомысленъ немного, увлекается... но онъ оцѣнитъ мою любовь и ужь болѣе измѣнять мнѣ не будетъ. (*Входитъ Марѳа*).

Марѳа.

Сейчасъ идутъ.

Евлалія.

Хорошо, ступай! Скажи Мирону, чтобъ никого не принималъ.

Марѳа.

Слушаю-съ. (*Уходитъ. Входитъ Мулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Евлалія и Мулинъ.

Мулинъ (*съ недовольнымъ видомъ*).

Вы за мной посылали?

Евлалія.

Да, посылала. Вы, вѣроятно, забыли?

Мулинъ.

Нѣтъ, я ничего не забываю. Что вамъ угодно?

Евлалія.

Вы обѣщали со мной чай пить.

Мулинъ.

Я это очень хорошо помню. Теперь еще рано; черезъ часъ, черезъ полтора я буду къ вашимъ услугамъ.

Евлалія.

А теперь развѣ вамъ некогда, у васъ есть дѣло? Что вы дѣлаете?

Мулинъ.

Что-бы я ни дѣлалъ, это все равно; я не свободенъ. Черезъ полтора часа я буду имѣть честь явиться къ вамъ.

Евлалія.

Но мнѣ нужно говорить съ вами, у меня очень важное дѣло; я не могу ждать.

Мулинъ.

Важное-ли, Евлалія Андревна?

Евлалія.

Очень важное и серьезное.

Мулинъ.

Сомнѣваться не смѣю. Извольте, я слушаю.

Евлалія.

Ахъ, я просто не знаю, какъ начать...

Мулинъ.

Начинайте съ начала.

Евлалія.

Это невыносимо! (*Подноситъ платокъ къ глазамъ*).

Мулинъ.

Слезы! Ну, по такому началу ничего хорошаго ожидать нельзя.

Евлалія.

Вы... вы виноваты передо мной, непростительно виноваты; и вы имѣете еще дерзость такъ разговаривать со мной! Что мнѣ думать о васъ?

Мулинъ.

Я виноватъ передъ вами? Не ожидалъ.

Евлалія.

Вы хотѣли жениться...

Мулинъ.

Да, вотъ что! Но вѣдь я не давалъ обѣта безбрачія, сколько мнѣ помнится.

Евлалія.

И не сказали мнѣ ни слова.

Мулинъ.

Я не знаю, Евлалія Андревна, обязанъ-ли я отдавать вамъ отчетъ въ своихъ поступкахъ.

Евлалія.

Какъ вы дурно понимаете ваши обязанности. Вы знаете, что я васъ люблю, что я только и живу этой любовью, и вы осуждаете меня на разлуку и не потрудились даже приготовить меня къ ней, предупредить меня.

Мулинъ.

Да вѣдь я не женился.

Евлалія.

Не женились, потому что вамъ отказали. Довольно и того, что вы сватались.

Мулинъ.

Послушайте, вѣдь я не мальчикъ, не подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, не очертя голову я хотѣлъ жениться; я долженъ думать о своей будущности, мнѣ нужно составить себѣ положеніе.

Евлалія (*не слушая*).

Свататься потихоньку, украдкой, отъ женщины нѣжно любящей! Вѣдь вы знаете меня: я—женщина несчастная, я очень ревнива. Для меня больно, когда вы даже разговариваете съ какой-нибудь женщиной; я просила васъ бросить всѣ женскія знакомства; я приказывала вамъ не цѣловать руки ни у кого, кромѣ меня.

Мулинъ.

Приказывали! Но, Евлалія Андревна, вѣдь надо, чтобы я согласился исполнять ваши приказанія.

Евлалія.

Это выше силъ моихъ! Нѣтъ. Вы будете исполнять мои приказанія! Я буду слѣдить за вами, не спущу съ глазъ. Если вы вздумаете свататься или ухаживать за какой-нибудь женщиной, я тогда не пожалѣю ни васъ, ни себя; я не побоюсь никакого скандала: я открыто объявлю и мужу, и всѣмъ, что вы меня завлекали.

Мулинъ.

Что вы, что вы!

Евлалія (*не слушая*).

Что я вышла за-мужъ для васъ, что между нами было условлено.

Мулинъ (*съ испугомъ*).

Евлалія Андревна, успокойтесь!

Евлалія.

Вамъ этого мало? Я лишу себя жизни. Вотъ видите! (*Вынимаетъ изъ кармана пузырекъ*).

Мулинъ (*прочитавъ надпись*).

Nux vomica, это цѣлибуха, стрихнинъ, этимъ не шутятъ.

Евлалія.

Да я и не шучу. Еслибы ваше сватовство удалось, меня бы не было на свѣтѣ. Всѣ мечты, всѣ надежды разбиты; развѣ можно жить послѣ этого, развѣ можно?

Мулинъ.

Евлалія Андревна, я вѣдь не зналъ... я думалъ...

Евлалія.

Что же вы думали? Ахъ, не говорите, не огорчайте меня еще! Я и такъ глубоко, глубоко несчастная женщина. (*Плачетъ*).

Мулинъ.

Евлалія Андревна, успокойтесь, успокойтесь! Я виноватъ дѣйствительно, я сознаюсь.

Евлалія.

Очень, очень виноваты.

Мулинъ.

Я сознаюсь, сознаюсь. Ну, простите меня! Этого впередъ не будетъ, повѣрьте. Простите меня.

Евлалія.

Я прощу васъ, конечно... Чтожь мнѣ дѣлать! Только не покидайте меня такъ безбожно.

Мулинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ. Успокойтесь, вы такъ взволнованы!

Евлалія.

Погодите... постойте! Дайте мнѣ собраться съ мыслями!

Мулинъ.

Я теперь вижу, какое безпокойство и огорченіе я вамъ доставилъ и прошу васъ извинить меня. Моя прямая обязанность была беречь васъ и покоить, удалять отъ васъ всякія непріятности и огорченія...

Евлалія (*не слушая*).

Я не дурная женщина, Артемій Васильичъ. Вы не судите меня по моимъ вспышкамъ. Я иногда сама себя не узнаю, иногда сама пугаюсь своихъ словъ.

Мулинъ.

Ну, простите меня, и кончено дѣло.

Евлалія.

Я васъ прощаю.

Мулинъ.

Заключимъ вѣчный миръ!

Евлалія.

Да вѣчный, вѣчный.

Мулинъ.

И чтобъ ужь больше не вспоминать никогда объ этомъ.

Евлалія.

Никогда.

Мулинъ

Ну, вотъ по рукамъ (*цѣлуетъ руку Евлаліи*). Прекрасно. Черезъ часъ, или черезъ полтора, я приду къ вамъ чай пить и останусь у васъ, сколько вамъ угодно.

Евлалія.

Такъ смотрите-же, я буду ждать васъ! Черезъ часъ?

Мулинъ.

Черезъ полтора.

Евлалія.

Постойте! (*Кладетъ руку на плечо Мулина и долго смотритъ на него*). Вы поэтъ?

Мулинъ.

Не замѣчалъ этого за собой.

Евлалія.

Вы скрываете. Принесите мнѣ какъ нибудь ваши стихи, мы будемъ читать вмѣстѣ. Такъ черезъ часъ?

Мулинъ.

Черезъ полтора. До свиданія, до скораго и пріятнаго свиданія! (*Цѣлуетъ руку Евлаліи и идетъ въ залу*).

Евлалія (*у дверей*).

Такъ черезъ часъ?

Мулинъ (*изъ залы*).

Вѣрнѣе, что черезъ полтора.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Стыровъ.
Евлалія Андревна.
Мулинъ.
Марѳа.
Миронъ.

Кабинетъ Стырова. Въ глубинѣ дверь въ гостинную, направо во внутреннія комнаты; богатая кабинетная мебель въ безпорядкѣ; каминъ, на немъ часы и проч., большой письменный столъ, на немъ ящикъ съ сигарами, золотой портъ-сигаръ, разныя вещи и бумаги; все въ безпорядкѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Миронъ (*одинъ, стоитъ по срединѣ комнаты*).

Миронъ.

Трещитъ моя головушка, врозь разваливается! (*Смотритъ въ каминное зеркало*). Ого, физіономія-то! Эна, а! Ахъ, шутъ-те! Точно изъ аду на время выпущенъ. Отдѣлалъ я себя за недѣлю-то! Что говорилъ, что творилъ, ничего не помню. Баринъ-то пріѣхалъ, посмотрѣлъ на меня; только головой покачалъ. Какъ ее теперь поправишь? (*Смотритъ въ зеркало*). Вона, глаза-то! Какъ у разбойника; точно въ семи душахъ повинился. Развѣ вотъ что?.. Постой! (*Достаетъ платокъ изъ кармана*). Я щеку завяжу, будто зубы болятъ. (*Завязываетъ щеку*). Вотъ такъ. (*Смотритъ въ зеркало*). Ну, вотъ теперь не въ примѣръ лучше. Больной человѣкъ, больше ничего сказать нельзя. Теперь, кто ни взгляни, особенно если онъ человѣкъ съ душой, такъ пожалѣть долженъ, а не то чтобы... (*Смотритъ по сто-*

ронамъ). За что взяться-то, не знаю, руки-то точно не свои. Въ кабинетѣ-то съ самаго баринова отъѣзду не убиралъ ни разу. Пыли-то, пыли-то! Ужь не трогать (*махнувъ рукой*), а то хуже. Послѣ уберу. (*Входитъ Марѳа*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Миронъ и Марѳа.

Марѳа.

Миронъ Липатычъ, гдѣ Евдокимъ Егорычъ? Евлалія Андревна прислали узнать.

Миронъ.

Въ контору пошелъ.

Марѳа.

Что это вы, какъ подвязались?

Миронъ.

Зубами маюсь.

Марѳа.

Ну, да вѣдь оно даромъ-то не проходитъ; надо-жь чему-нибудь быть. Жаловаться не на кого. Вѣдь оно вино-то разно уродуетъ человѣка: у кого зубы, у кого что; а кого и вовсе перекоситъ. Какъ Евдокимъ Егорычъ рано пріѣхали!

Миронъ.

Въ семь часовъ, я только успѣлъ глаза продрать.

Марѳа.

Ужь вы больно долго нѣжитесь. Нѣтъ, ужь я чай пила, какъ Евдокимъ Егорычъ пріѣхалъ. Сейчасъ свѣжаго чаю заварила хорошаго, въ одну минуту и подала ему. Оно и хорошо; съ дороги-то пріятно, и спрашивать да дожидаться не заставила; значитъ, аккуратность, какъ будто его ждали!

Миронъ.

Что-жь, аккуратность! И у меня, кажется, все въ порядкѣ.

Марѳа.

Ужь какой порядокъ! Чортъ ногу переломитъ. Вы посмотрите, что въ кабинетѣ-то! У хорошаго кучера въ конюшнѣ чище.

Миронъ.

Вы сами не знаете, что говорите. Нѣшто вы можете понимать, что такое кабинетъ!

Марѳа.

Жаль, не знала я, что здѣсь такой безпорядокъ; я бы убрала на досугѣ за васъ.

Миронъ.

Ну, да, какъ же! Такъ бы я васъ и пустилъ въ кабинетъ! Сюда безъ Евдокима Егорыча, окромя меня, никому ходу нѣтъ: потому за каждую малость я отвѣчаю. Онъ не любитъ, чтобы въ кабинетѣ какую вещь трогали; у него что гдѣ лежало, чтобы тамъ и было. Какъ же я тутъ стану убирать? А ну, сдвинешь, переложишь, али пошевелишь что! Анъ за это непріятность бываетъ нашему брату. Нѣтъ, (*грозитъ пальцемъ*) тутъ чтобы ни сиря пороха!.. А вотъ Евдокимъ Егорычъ посмотритъ, увидитъ, что все на своемъ мѣстѣ; ну, тогда я и уберу. А то безпорядокъ! Да въ кабинетѣ такъ и должно! Вы этого понимать не можете.

Марѳа.

Ну, а въ передней? Щетки сапожныя у васъ на полу раскиданы, сапоги на окнѣ, вакса на столикѣ передъ зеркаломъ, вмѣстѣ съ гребенками и головными щетками. Это тоже такъ нужно?

Миронъ.

Ну, а въ передней я уберу, это минутное дѣло. Есть объ чемъ разговаривать! Вотъ нашли матерію! (*Уходитъ*).

Марѳа.

«Никого не пущу въ кабинетъ». Ишь ты строгій какой? Всю недѣлю ничего не дѣлалъ, пальцъ объ палецъ не ударилъ, однимъ только безобразіемъ занимался, да еще важничаетъ. «Я не за тѣмъ въ домѣ, чтобы комнаты убирать, я надъ вами надзирателемъ поставленъ». Лежа на боку, ябедничествомъ выслужиться

хочетъ. «Чтобы все на своемъ мѣстѣ было». Погоди-жь ты! (*Переставляетъ разныя вещи съ мѣста на мѣсто. Беретъ со стола золотой портъ-сигаръ*). Куда-бъ его спрятать подальше, чтобы не скоро нашли? Погоди! Я его положу въ шахматный столикъ въ гостинной, благо онъ не запертъ; а ключикъ суну куда-нибудь на столъ въ бумаги. Вотъ и пусть Евдокимъ Егорычъ посмотритъ, все ли на своемъ мѣстѣ у исправнаго слуги. (*Прислушивается*). Да никакъ Евдокимъ Егорычъ тамъ съ Евлаліей Андревной разговариваетъ? Словно его голосъ-то! Побѣгу поскорѣй! (*Уходитъ въ гостинную. Справа входитъ Стыровъ и садится къ столу. Марѳа возвращается, не замѣчая Стырова*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Стыровъ и Марѳа.

Стыровъ.

Что ты, Марѳа?

Марѳа.

Ахъ, Евдокимъ Егорычъ, я васъ и не видала... Да вотъ ключикъ какой-то на полу подняла.

Стыровъ.

Покажи!

Марѳа.

Извольте! (*Подаетъ ключъ*).

Стыровъ.

Это отъ шахматнаго столика. (*Кладетъ ключъ въ карманъ*). Что за безпорядокъ у меня! Этого никогда не бывало. Что же Миронъ-то дѣлалъ?

Марѳа.

Убрали-бы и безъ него, да онъ не пущалъ никого; безъ васъ чтобы никто въ кабинетъ не ходилъ. Одинъ тутъ распоряжался.

Стыровъ.

Не началъ-ли онъ опять?

Марѳа.

Грѣха таить нечего; безъ васъ онъ осторожности надъ собой не наблюдалъ!

Стыровъ.

Ну, какъ-же вы тутъ жили безъ меня?

Марѳа.

Да какъ жили? День да ночь—сутки прочь. Скучали безъ васъ, Евдокимъ Егорычъ!

Стыровъ.

Отчего Евлалія Андревна какъ будто разстроена немножко?

Марѳа.

Да все отъ того же, отъ скуки.

Стыровъ.

Чай навѣщали Евлалію Андревну? Безъ меня кто бывалъ у васъ?

Марѳа.

Софья Сергѣвна раза два-три заѣзжали, да Артемій Васильичъ забѣгалъ кой когда, больше никого не было.

Стыровъ.

А сама-то она выѣзжала?

Марѳа.

Развѣ погулять когда, а то все дома. Вотъ вчера самоваръ до одиннадцати часовъ ночи на столѣ стоялъ: все поджидали, не подойдетъ ли кто; такъ никого не было, весь вечеръ однѣ сидѣли.

Стыровъ.

Да, скучно ей; я понимаю, что скучно. Ну, вотъ теперь я пріѣхалъ, такъ будетъ жить повеселѣе. Что я своего портъ-сигара не вижу? Онъ всегда на одномъ мѣстѣ лежитъ, вотъ здѣсь!

Марѳа.

Не знаю, Евдокимъ Егорычъ, ничего я здѣсь не знаю; надо у Мирона Липатыча спросить.

Стыровъ.

Пошли его сюда!

Марѳа (*въ дверяхъ въ гостинную*).

Миронъ Липатычъ! васъ Евдокимъ Егорычъ требуютъ. (*Уходитъ. Входитъ Миронъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стыровъ и Миронъ.

Стыровъ.

Что ты щеку-то завязалъ, зубы что-ль болятъ?

Миронъ.

У-у-у! (*Мычитъ*) страсть!

Стыровъ.

Что-то пыли много въ кабинетѣ, я замѣчаю.

Миронъ.

Какъ же ей не быть, коли а тутъ ни до чего ни касался. Нини! Не равно что̀ стронешь; а этого господа не любятъ. Гдѣ что есть, чтобы тамъ и было. Я даже никого близко къ кабинету не подпущалъ. Вотъ теперь вы изволите видѣть: все на своемъ мѣстѣ, вотъ я и приберу.

Стыровъ (*открывъ сигарный ящикъ*).

Ты и самъ ничего не трогалъ, и другихъ не пускалъ?

Миронъ.

И... ни синя пороха!

Стыровъ.

Благодарю. А гдѣ же сигары? Ихъ было больше полъ-ящика; а теперь что? (*Показываетъ ящикъ*). Посмотри!

Миронъ.

«Сигары». Это я виноватъ-съ; ужь очень зубы одолѣли, хоть на стѣну лѣзь—такъ парочку взялъ. А что касается другого прочаго, такъ ужь я тутъ за всѣмъ блюлъ. Никого не подпускалъ; потому я одинъ долженъ отвѣчать, съ меня спросятъ.

Стыровъ.

Да, съ тебя. Ну, сигары ты выкурилъ?

Миронъ.

Это—виноватъ-съ.

Стыровъ.

А портъ-сигаръ гдѣ?

Миронъ.

Какой же это портъ-сигаръ-съ?

Стыровъ.

Мой портъ-сигаръ, золотой.

Миронъ.

«Золотой». Знаю-съ, какъ-же мнѣ не знать!

Стыровъ.

Гдѣ же онъ?

Миронъ.

Портъ-сигаръ... надо быть, здѣсь-съ.

Стыровъ.

Я знаю, что ему надо быть здѣсь; только нѣтъ его

Миронъ.

Нѣтъ? Гдѣ-жъ ему быть? оказія!

Стыровъ.

Онъ лежитъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Миронъ.

Да знаю, какъ не знать-съ! Вотъ здѣсь ему лежать слѣдствуетъ.

Стыровъ.

Да, здѣсь слѣдствуетъ. А здѣсь ли онъ?

Миронъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Стыровъ.

Ну, такъ вотъ ищи!

Миронъ.

Въ столѣ изволили смотрѣть?

Стыровъ.

Изволилъ.

Миронъ.

Какъ же это такъ? Я, кажется, не бралъ.

Стыровъ.

Плохо дѣло, коли тебѣ только кажется.

Миронъ.

Воромъ я еще не бывалъ. Есть за мной слабость, это точно, а этого качества нѣтъ.

Стыровъ.

Да я тебя воромъ и не называю; только портъ-сигара нѣтъ.

Миронъ.

Это я разыщу, я такъ не могу оставить. Я, коли что, такъ и къ ворожеѣ пойду. Она скажетъ.

Стыровъ.

Вѣдь ты говорилъ, что никто сюда не ходилъ, что ты одинъ тутъ былъ; такъ объ чемъ же тутъ ворожить?

Миронъ.

Все-таки лучше. Нѣтъ, къ бабушкѣ надо сходить, ужь, по крайности, дѣло вѣрное. На кого укажетъ, тотъ и виноватъ: можетъ, и на меня укажетъ, ну, тогда, значитъ, я—воръ. Коли я не воровалъ, такъ мнѣ ворожбы бояться нечего!

Стыровъ.

Нѣтъ, ужь лучше безъ ворожбы! Ступай ты отъ меня сегодня же. Не за воровство я тебя сгоняю—можетъ быть, ты и не виноватъ—а за то, что у тебя зубы болятъ. Мнѣ здоровыхъ слугъ нужно. Жалованье за недѣлю въ конторѣ получишь. Прощай! (*Уходитъ въ дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Миронъ (*одинъ*).

Миронъ.

Охъ! Догулялся! Вотъ такъ разъ! Все и похмѣлье соскочило, Однако, я влетѣлъ! Какъ мнѣ теперь самого себя пони-

мать, ужь не знаю. Кажется, не бралъ. Эка память! Ежели мнѣ такъ на себя думать, что я его укралъ, да продалъ: такъ гдѣ же деньги? Тогда, значитъ, я бы богатъ былъ; а я нынче все утро по всѣмъ своимъ карманамъ шарю—нигдѣ пятачка не найду, самаго-то нужнаго пятачка. Не взялъ ли я его похвастать, что вотъ, молъ, какія у насъ вещи; да, можетъ, вытащили изъ кармана? Хошь зарѣжь, ничего не помню. А только я знаю, что не можетъ этого быть, никогда я господскихъ вещей не бралъ. Развѣ по ненависти кто подшутилъ? Вотъ это похоже на дѣло. Пуще всего теперъ къ ворожеѣ надо. Не скажетъ ничего, ну, конецъ, повѣшусь—больше мнѣ себя опредѣлить некуда. А укажетъ человѣка, такъ я его, кажется... ухъ! что сдѣлаю. Зубами съѣмъ. (*Хватаясь за голову*) Тутъ что̀ еще мотается? Ахъ, да, платокъ. Нѣтъ, ужь теперь этотъ маскарадъ надо отмѣнить. (*Развязываетъ платокъ*). Надо приняться за розыскъ, воромъ остаться не желательно. (*Уходитъ въ залу. Справа выходятъ: Стыровъ и Евлалія, которая останавливается въ дверяхъ. Изъ залы входитъ Мулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Стыровъ. Евлалія и Мулинъ.

Стыровъ. (*Евлаліи*).

Я сдѣлаю нѣсколько визитовъ, заѣду къ Кобловымъ. Не нужно ли сказать чего отъ тебя Софьѣ Сергѣвнѣ?

Евлалія.

Пригласи ее къ намъ сегодня.

Стыровъ.

Да, да! Я и еще кого-нибудь позову. (*Мулину*). И вы приходите! Поиграемъ въ карты, поужинаемъ. Вотъ и прекрасно. (*Евлалія уходитъ*).

Мулинъ.

Благодарю васъ. Я приду, я нынче вечеромъ свободенъ. Вотъ я принесъ записку, которую вы мнѣ давали.

Стыровъ.

Положите на столъ. Вотъ еще есть дѣло. (*Вынимаетъ бумагу изъ кармана и подаетъ Мулину*). Посмотрите повнимательнѣе эту бумагу и сдѣлайте на поляхъ свои замѣтки.

Мулинъ.

Я ее возьму съ собой, а вечеромъ вамъ доставлю.

Стыровъ.

Нѣтъ, я прошу васъ, займитесь здѣсь.

Мулинъ.

Евдокимъ Егорычъ, неужели вы мнѣ не довѣряете?

Стыровъ.

Я вамъ вполнѣ довѣряю,но такого рода бумаги не должны выходить изъ моего кабинета. Да и дѣла-то тутъ всего на четверть часа, не стоитъ ходить взадъ и впередъ. До свиданья! (*Подаетъ руку Мулину и уходитъ. Мулинъ садится къ столу и боязливо взглядываетъ на дверь, въ которую ушла Евлалія. Входитъ Евлалія*). Вотъ положеніе! (*Какъ бы не замѣчая Евлаліи, углубляется въ чтеніе*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Мулинъ, Евлалія, потомъ Марѳа.

Евлалія (*садится у стола съ боку.*)

Вы меня обманули.

Мулинъ.

Евлалія Андревна, у меня очень серьёзное дѣло; позвольте мнѣ его кончить прежде. (*Пишетъ что-то карандашемъ*).

Евлалія.

Я васъ ждала до одиннадцати часовъ.

Мулинъ (*читая про себя*).

Что вы изволите говорить?

Евлалія.

Я измучилась; два раза посылала къ вамъ. Сказали, что васъ дома нѣтъ.

Мулинъ.

Да помилуйте, телеграмма... (*Читаетъ*). Надо было на телеграфъ ѣхать. (*Пишетъ*).

Евлалія.

Занимайтесь, я вамъ не мѣшаю... я только хотѣла у васъ спросить...

Мулинъ.

Что вамъ угодно?

Евлалія.

Вы, вѣроятно, любите какую-нибудь дѣвушку или женщину...

Мулинъ (*со вздохомъ*).

Ахъ, Евлалія Андревна... (*Читаетъ про себя*).

Евлалія.

Нѣтъ, вѣдь я серьёзно.

Мулинъ (*не поднимая головы*).

Никого я не люблю.

Евлалія.

И меня?

Мулинъ.

Вамъ хочется слышать признаніе отъ меня?

Евлалія.

Да. Потому что, если вы меня не любите, значитъ, вы любите другую женщину... безъ любви жить нельзя.

Мулинъ.

Можно.

Евлалія.

Не шутите со мной! (*Слезы*).

Мулинъ.

Я не понимаю, Евлалія Андревна, изъ чего вы себя разстроиваете! Между нами такія отношенія, лучше которыхъ желать нельзя: нѣжная дружба, у меня къ вамъ самая теплая привязанность.

Евлалія.

Дружба, привязанность... Отчего-жь не любовь?

Мулинъ.

Ну, любовь... если вамъ такъ угодно.

Евлалія.

Не вѣрю. (*Молчаніе. Мулинъ пишетъ*). Скажите, что мнѣ дѣлать, чтобъ вы меня любили?

Мулинъ.

Ничего не нужно, Евлалія Андревна.

Евлалія.

Нѣтъ, вы мало меня любите. (*Молчаніе*). Я знаю, я сама виновата: я вамъ надоѣдаю... ревную... связываю васъ... (*Молчаніе*). Я обѣщаю вамъ, что этого не будетъ. Довольны вы

Мулинъ.

Прекрасно, Евлалія Андревна, прекрасно! Позвольте, не мѣшайте мнѣ!

Евлалія.

Мы будемъ видѣться не часто: приходите ко мнѣ, когда вы совершенно свободны, когда у васъ нѣтъ никакого дѣла, никакого занятія—однимъ словомъ, когда вамъ самимъ будетъ угодно! (*Молчаніе*). Дѣлайте, что хотите... бывайте гдѣ хотите... разговаривайте съ женщинами... любезничайте... (*Молчаніе*). Только...

Мулинъ.

Что «только»?

Евлалія.

Только не измѣняйте мнѣ... не разрушайте моихъ надеждъ.

Мулинъ (*читая про себя*).

Смѣю ли я... разрушать...

Евлалія.

И вы всегда будете меня любить?

Мулинъ.

Конечно, всегда... Что-жь мнѣ еще!

Евлалія.

Ну, вотъ и хорошо; я очень рада. (*Задумывается. Мулинъ взглядываетъ на нее. Молчаніе*). Знаете, объ чемъ я мечтала?

Мулинъ.

Нѣтъ, не знаю.

Евлалія.

О будущемъ. Я могу быть счастлива.

Мулинъ.

Да я не знаю, чего вамъ недостаетъ и въ настоящемъ.

Евлалія.

Чего? Счастья. Я могу быть счастлива только съ вами.

Мулинъ.

Но вѣдь это невозможно. (*Марѳа отворяетъ дверь*).

Евлалія.

Помѣха нашему счастью—мой мужъ.

Марѳа.

Евлалія Андревна!

Евлалія.

Что тебѣ?

Марѳа.

Ко мнѣ племянница пришла, такъ дѣло есть до васъ маленькое.

Евлалія.

Подожди! Марѳа, ужь я тебя не одинъ разъ просила не входить, пока тебя не позовутъ

Марѳа.

Виновата, Евлалія Андревна. Дѣло-то у насъ не терпитъ, племянницѣ долго ждать нельзя.

Евлалія.

Нельзя входить. У насъ могутъ быть свои разговоры, которыхъ прислугѣ слушать не надо.

Марѳа.

Понимаю, Евлалія Андревна, все понимаю. Мнѣ вѣдь только бы на два слова! Ужь я вамъ больше не помѣшаю.

Евлалія.

Хорошо, сейчасъ; подожди немного. (*Марѳа уходитъ и остается за дверью*). Евдокимъ Егорычь ужь старъ... Мы будемъ дожидаться.

Мулинъ.

Чего?

Евлалія.

Ему жить не долго.

Мулинъ.

Какъ вы объ этомъ легко говорите!

Евлалія.

Я не желаю смерти Евдокиму Егорычу; но, вы подумайте, могу ли я нетолько любить его, но даже имѣть къ нему хоть какую-нибудь привязанность? (*Марѳа пріотворяетъ дверь*). Онъ купилъ меня, какъ невольницу, онъ оскорбляетъ меня недовѣріемъ, поручаетъ пьяному лакею надзоръ за мной! Жалѣть его было бы притворствомъ съ моей стороны.

Мулинъ.

Да, конечно.

Евлалія.

Значитъ, я имѣю полное право мечтать о счастіи съ вами. Вы мой... если не теперь, такъ въ будущемъ.

Мулинъ.

Да, развѣ въ будущемъ. Ну, вотъ я кончилъ. (*Встаетъ*). До свиданія, Евлалія Андревна! (*Цѣлуетъ руку Евлаліи*).

Евлалія (*цѣлуетъ Мулина*).

Такъ мы будемъ ждать, и вы, и я?

Мулинъ.

Будемъ, будемъ! (*Уходитъ. Евлалія звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ Марѳа*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Евлалія и Марѳа.

Марѳа.

Здѣсь, Евлалія Андревна, здѣсь.

Евлалія.

Что тебѣ нужно?

Марѳа.

Племянницу мы просватали. Ну, разумѣется, такъ какъ я ей тетка, такъ и должна помочь насчетъ приданаго.

Евлалія.

Ну, конечно.

Марѳа.

Такъ вотъ она за этимъ за самымъ и пришла.

Евлалія.

Такъ что-же, я-то зачѣмъ вамъ?

Марѳа.

Да, помилуйте, Евлалія Андреевна, какіе же мои достатки! Изъ чего мнѣ?

Евлалія.

Дай, что можешь; вѣдь всякій помогаетъ, глядя по состоянію.

Марѳа.

Мало-то дать стыдно. Хоть бы родню нашу взять, вѣдь они тоже понимаютъ, въ какомъ я домѣ служу.

Евлалія.

Ну, и я тебѣ помогу; я дамъ десять рублей. Евдокиму Егорычу скажу; онъ никогда не отказываетъ бѣднымъ невѣстамъ.

Марѳа.

Покорнѣйше васъ благодарю, Евлалія Андревна. Евдокимъ Егорычъ точно никогда бѣднымъ невѣстамъ не отказываютъ; только вѣдь у нихъ положеніе извѣстное: пятнадцать рублей... Конечно, такъ какъ я давно служу, можетъ, и двадцать-пять пожалуютъ.

Евлалія.

И очень хорошо; чего-жъ еще!

Марѳа.

Да, помилуйте, Евлалія Андревна, того ли я, за мою вамъ службу, ожидать должна!

Евлалія.

Да вѣдь ты за свою службу жалованье получаешь.

Марѳа.

Жалованье-жалованьемъ, это ужь положо̀ное; я за свое жалованье все вамъ исполняю, что должно и къ чему я приставлена; но, окромя всего этого, моя къ вамъ приверженность...

Евлалія.

Какая приверженность?

Марѳа.

Да бѣгать-то по городу, про разныхъ кавалеровъ разыскивать; нешто-бъ я для кого другого, кромѣ васъ, это сдѣлала!

Евлалія.

По какому городу бѣгать, про какихъ кавалеровъ разыскивать?

Марѳа.

Да какъ же ихъ... ну, хоть бы Артемія Васильича, назвать! Обыкновенно для учтивости кавалерами называешь.

Евлалія.

Зачѣмъ ты объ Артеміи Васильичѣ говоришь, скажи мнѣ?

Марѳа.

Значитъ, все даромъ, всѣ мои потрафленія для васъ?

Евлалія.

Боже мой, что̀ ты говоришь!

Марѳа.

Да какъ же, Евлалія Андревна, я не служу? значитъ не ублажила васъ? Покорнѣйше васъ благодарю. А вы еще того не знаете: когда онъ тутъ у васъ, что я какъ листъ дрожу. Да Боже сохрани, кто доведетъ барину... А ужь вы тутъ за мной, все равно какъ за каменной стѣной, можете равнодушно, какъ душѣ угодно... потому я васъ берегу. Я на себѣ это самое потрясеніе переношу; вѣдь отъ страху-то все равно какъ ознобъ...

Евлалія.

Какой ознобъ?

Марѳа.

А вы думаете, легко! Только что, конечно, бѣдность наша непокрытая заставляетъ: а то бы, кажется, никакихъ милліоновъ не взялъ...

Евлалія.

Да за что? Развѣ я что дурное заставляю тебя дѣлать?

Марѳа.

Да вѣдь и хорошимъ назвать нельзя. Обыкновенное дѣло, корысть насъ заставляетъ: я такъ и ожидала, что вы мнѣ рубликовъ полтораста пожалуете. Отъ того и племянницу просватали, а то гдѣ-бъ намъ взять! Теперь, первымъ долгомъ, жениху на сговорѣ надо сотельную дать.

Евлалія.

Да скажи ты мнѣ, что ты обо мнѣ думаешь, въ чемъ ты меня подозрѣваешь!

Марѳа.

Какъ мы смѣемъ подозрѣвать! Наша обязанность—исполнять что прикажутъ.

Евлалія.

Что же я тебѣ приказывала?

Марѳа.

Да вѣдь это какъ вамъ угодно, Евлалія Андревна; хотите мою службу ни во что поставить, такъ поставьте. Развѣ я смѣю требовать: у насъ ряды не было. Черезъ меня, вы, при своемъ богатствѣ, всякое удовольствіе и утѣшеніе себѣ видѣли; такъ вамъ меня, бѣднаго человѣка, забывать тоже не хорошо. Бѣгать-то по городу сыщикомъ, гдѣ у него невѣста, да какая невѣста, да что гдѣ говорили, да какъ приняли!.. Это, я вамъ скажу, въ какой домъ налетишь! Изъ другого такъ-то по затылку, по всему двору до самой калитки, проводятъ, что своихъ не узнаешь. Опять же къ нему съ утра до поздней ночи бѣгаешь-бѣгаешь; скоро-ль придетъ, да когда придетъ, да чтобъ безпремѣнно пришелъ! Все это хорошо, у кого

ноги молодыя да шея крѣпка; а у меня ужь ноги-то второй срокъ выслужили, да и стыдъ въ глазахъ есть. Не по моимъ бы лѣтамъ такимъ художествомъ заниматься!

Евлалія.

Ну, довольно! Ты дѣлала лишнее, я тебѣ и прибавляю къ жалованью десять рублей. Больше я говорить съ тобой не хочу.

Марѳа.

Это опять-таки ваша воля. Только я нанималась къ Евдокиму Егорычу служить вѣрой и правдой; а, за мѣсто того, должна ваши прихоти прикрывать.

Евлалія.

Замолчи, говорю я тебѣ!

Марѳа.

Замолчать можно... Только и бѣдныхъ людей пожалѣть слѣдуетъ.

Евлалія.

Я тебя прогоню.

Марѳа.

Ну, прогнать за что же! Это еще погодить надо! Кабы я къ вамъ нанималась, вы бы меня и прогнать вольны были; а я нанималась къ Евдокиму Егорычу, еще какъ онъ насъ съ вами разсудитъ!

Евлалія (*сквозь слезы*).

Такъ иди ты къ своему Евдокиму Егорычу и не смѣй меня больше безпокоить. (*Уходитъ*).

Марѳа.

Ужь, что-то, вы некстати очень высоко летаете, Евлалія Андревна! Можно вамъ крылья-то и ошибить. (*Входитъ Миронъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Марѳа и Миронъ.

Марѳа.

Что вы, Миронъ Липатычъ?

Миронъ.

Въ разстройствѣ.

Марѳа.

У ворожеи были?

Миронъ.

Былъ.

Марѳа.

Что же она вамъ сказала?

Миронъ.

«Скажу, говоритъ, я тебѣ вѣрно; только трудно будетъ мои слова понимать».

Марѳа.

Ну и что-же?

Миронъ.

«Думай, говоритъ, на рябоватаго, а помогалъ весноватый».

Марѳа.

Какъ-же вы объ этомъ разсуждаете?

Миронъ.

Да что, Марѳа Севастьяновна, если разсуждать правильно, такъ мнѣ ужь только одно средство осталось.

Марѳа.

Какое-же, Миронъ Липатычъ?

Миронъ.

Повѣситься.

Марѳа.

Ну, что это вы! Какое это средство! Самое плохое.

Миронъ.

Я думаю, отсюда прямо на чердакъ. Какъ вы посовѣтуете?

Марѳа.

Въ этакомъ дѣлѣ совѣтовать довольно мудрено, Миронъ Липатычъ; каждый самъ долженъ о себѣ знать, какъ ему лучше.

Миронъ.

Удавлюсь, шабашъ!

Марѳа.

Ваше дѣло. Только еслибы вамъ, вмѣсто гадалки, мнѣ поклониться, такъ я бы вамъ вашу пропажу скорѣй нашла.

Миронъ,

А вы думаете, не поклонюсь? И поклонюсь, и сто разъ поклонюсь. Какъ до петли дойдетъ, всякому поклонишься, Марѳа Севастьяновна.

Марѳа.

Ваша пропажа изъ дому не выходила.

Миронъ.

Какъ? Здѣсь? Батюшки мои! Гдѣ-же?

Марѳа.

И даже очень недалеко, и даже въ сосѣдней комнатѣ.

Миронъ.

Въ гостинной? Да вѣдь я тамъ всѣ мышьи норки обшарилъ.

Марѳа.

Въ шахматномъ столикѣ.

Миронъ.

Да вѣдь онъ запертъ?

Марѳа.

Запертъ, и ключъ у Евдокима Егорыча, а сигарочница тамъ.

Миронъ.

Кто-жь ее туда положилъ?

Марѳа.

Я.

Миронъ.

Ну, не змѣя-ли вы подколодная послѣ этого, Марѳа Севастьяновна?

Марѳа.

Мы люди подневольные, Миронъ Липатычъ; что прикажутъ, то и дѣлай. Мы за то жалованье получаемъ; нанялся—продался.

Миронъ.

Кто-жь это приказалъ вамъ?

Марѳа.

Стало быть, кто-нибудь васъ съ мѣста сживаетъ, кому-нибудь вы мѣшаете.

Миронъ.

Такъ вѣдь, окромя Евлаліи Андревны, некому.

Марѳа.

Само собой; развѣ-бъ я чьего другого приказа послушалась.

Миронъ.

Въ чемъ-же я ей помѣха? Развѣ антрыги завелись?

Марѳа.

Ну, ужь сами понимаете, какъ знаете.

Миронъ.

Какъ-же это я? Проглядѣлъ вѣдь! Эка слабость моя! Одолѣла она меня, проклятая! Вотъ-бы когда глаза-то нужны; а я ихъ залилъ, что свѣта не вижу, что день, что ночь не разберу. И таки въ сурьёзъ дѣло, али можетъ такъ, только время продолжаютъ?

Марѳа.

Оно, конечно, что пустяки. Ну, вѣдь наше дѣло такое, знаете, что иногда ненарокомъ и за дверью случиться, когда они промежъ себя разговариваютъ.

Миронъ.

Д-да, да, да.

Марѳа.

Такъ если по разговорамъ судить, ничего важнаго не состоитъ. А вѣдь кому какъ покажется.

Миронъ.

Вы мнѣ только разговоры-то эти скажите, а ужь я пойму, я сейчасъ все до тонкости...

Марѳа.

Разговоры вотъ какіе, Миронъ Липатычъ: «другъ ты мой милый, другъ ты мой любезный, одна у насъ съ тобой помѣха—мужъ мой постылый».

Миронъ.

Ая-я-я-яй! (*Хватаясь за голову*). Ая-я-я-яй!

Марѳа.

«Нѣтъ, говоритъ, на него пропасти».

Миронъ.

Однако... закуска!

Марѳа.

Ну, и много такого, прочаго. И, при всемъ этомъ, яду у меня просила.

Миронъ.

Уфъ! Сразили вы меня. Погодите! Духъ захватываетъ. Какого-же, напримѣръ, яду?

Марѳа.

Отравы, чѣмъ волковъ травятъ. Какъ ходила я въ аптеку къ племяннику отравы для мышей попросить, вотъ и прознала она это. «Дай, говоритъ, ты, пожалуй, отравишь; а у меня сохраннѣе будетъ». Ну, я сейчасъ-же и поняла.

Миронъ.

Ого-го-го-го! Фу, ты, оглашенный Мирошка! Охъ, какъ бить меня нужно! Что я прозѣвалъ-то, было! Вотъ когда Евдокиму-то Егорычу вѣрный человѣкъ нуженъ. А вы говорите: «пустяки, да важности въ этомъ не состоитъ».

Марѳа.

Какимъ глазомъ это посмотришь. На мой взглядъ, пустяки; а другой кто, можетъ, и за важное приметъ. Я что слышала, то и передаю вамъ. А я такъ думаю, что мы тутъ ни причемъ, наше дѣло постороннее.

Миронъ.

Нѣтъ, ужь какое постороннее! Я насилу на ногахъ устоялъ, какъ вы сказали; такъ и сразило. И теперь еще въ настоящія чувства не приду. Не одолжите-ли гривенничекъ взаймы?

Марѳа,

На что вамъ, Миронъ Липатычъ?

Миронъ (*вынувъ табакерку*).

Провіянту не хватаетъ; всего заряда на два осталось.

Марѳа.

Нѣтъ у меня, Миронъ Липатычъ; развѣ-бъ я отказала?

Миронъ.

Скупитесь. Ахъ, постойте!.. И забылъ совсѣмъ. А кто-жь онъ-то, другъ-то любезный?

Марѳа.

Ну, ужь этого вы отъ меня не дождетесь; и такъ я вамъ много сказала, чего не надо. Вы надъ нами наблюдателемъ поставлены, вы должны сами знать.

Миронъ.

Не скажете?

Марѳа.

Не скажу, Миронъ Липатычъ; своимъ умомъ доходите. (*Уходитъ въ залу*).

Миронъ

Сколь ехидна эта женщина! Все разсказала, а какъ дошло до сути, такъ и молчитъ. Какъ теперь объяснить Евдокиму Егорычу? А докладывать надо безпремѣнно. Уголовщина! Судъ да дѣло, пойдетъ слѣдствіе, въ острогѣ насидишься. Бѣда. Нѣтъ ужь какъ съумѣю, а доложу. Куражу-бы прикупить хоть на гривенничекъ! Вотъ когда человѣку гривенничекъ-то дороже каменнаго моста.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица:

Стыровъ.
Евлалія Андревна.
Кобловъ.
Софья Сергѣевна.
Мулинъ.
Марѳа.
Миронъ.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Миронъ (*одинъ*).

Миронъ.

Ну, вотъ я теперь могу разглагольствовать. Я теперь во всемъ развязенъ. Ужъ я думалъ, думалъ... Нѣтъ надо поберечь Евдокима Егорыча... Хорошій баринъ, хорошій... Чтобъ я допустилъ! Нѣтъ, погодите! Не допущу. Ишь что выдумали, а! Отравить!..Скажите на милость. Это шутки плохія...Сообразное ли дѣло отравить человѣка хорошаго, барина моего, Евдокима Егорыча, отравить какъ крысу какую! Нѣтъ шалишь! Разорвусь, а барина своего невыдамъ... Выведу, все на свѣжую воду выведу. Да вотъ онъ никакъ подъѣхалъ... Ну, тамъ отопрутъ безъ меня, я теперь не при должности—отставной козы барабанщикъ—не мое дѣло. А мы еще посмотримъ... Вотъ пусть онъ и пойметъ, какого онъ слугу, было, обидѣлъ!..

Нѣтъ, вѣрные-то слуги нынче рѣдкость, ихъ цѣнить надо... Ну, такъ точно, это онъ, его походка. (*Дѣлаетъ печальную мину и становится у двери. Входитъ Стыровъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Стыровъ и Миронъ.

Стыровъ.

Ты еще здѣсь?

Миронъ.

Здѣсь, Евдокимъ Егорычъ, здѣсь я, на стражѣ стою, какъ есть я вѣрный рабъ вашего здоровья.

Стыровъ.

Не нужно мнѣтвоего рабства, ступай! Я повторять приказаній не люблю.

Миронъ.

Но позвольте!... Но пожалуйте сюда! (*Подходитъ къ шахматному столу и указываетъ на него пальцемъ*).

Стыровъ.

Что такое? Ты пьянъ? Поди вонъ!

Миронъ.

Но извольте отпереть. Пьянъ... ну, пущай пьянъ... все перенесу, все... Я, можетъ, и не пьянъ... Извольте отпереть!

Стыровъ (*отпираетъ столъ и вынимаетъ портъ-сигаръ*).

Какъ онъ сюда попалъ? (*Миронъ вынимаетъ платокъ и, молча, утираетъ слезы*). Да говори же, что это значитъ!

Миронъ (*плача*).

Сживаютъ, съ мѣста меня сживаютъ.

Стыровъ.

Кто, кому нужно?

Миронъ.

Евлалія Андревна.

Стыровъ.

Что̀ за вздоръ такой?

Миронъ.

Вотъ... хоть сейчасъ... съ колокольнымъ звономъ.

Стыровъ.

Да что съ тобой говорить; ты пьянъ! Пошелъ вонъ!

Миронъ.

Пущай, пьяный; но вѣрный рабъ вашъ... по гробъ дней моихъ... сейчасъ ведите казнить... на мелкія части...

Стыровъ (*хватаясь за голову*).

Что̀ такое?... Я понять не могу.

Миронъ (*падая на колена.*)

Батюшко, отецъ нашъ... не жить вамъ! извести васъ хотятъ, Евдокимъ Егорычъ... Изведутъ васъ, отецъ нашъ... на кого мы бѣдные, останемся...

Стыровъ (*строго*).

Молчи! Встань и говори тихо и толкомъ, или убирайся!

Миронъ (*встаетъ*).

Тихо, очень тихо... это извольте... (*Оглядывается*). Что тутъ было, что тутъ было... Ахъ!

Стыровъ.

Да что же, что̀? Дождусь ли я отъ тебя?

Миронъ.

Изведемъ, говоритъ, его; онъ нашъ помѣха... Это про васъ-то.

Стыровъ.

Да кто говоритъ-то?

Миронъ.

Евлалія Андреевна. Припасена, говоритъ, у меня отрава; вотъ мы его и отравимъ.

Стыровъ.

Какая отрава?

Миронъ.

Обыкновенная, чѣмъ волковъ травятъ. А онъ говоритъ: «и разчудесное дѣло».

Стыровъ.

Да кто онъ-то?

Миронъ (*вздыхаетъ*).

Охъ! (*Таинственно*). Неизвѣстный человѣкъ.

Стыровъ.

Господи! Что онъ говоритъ! Невозможно! Да понимаешь ли ты, что съ тобой невозможно разговаривать? Бывалъ онъ здѣсь?

Миронъ.

И утромъ и вечеромъ—и въ ночь и за полночь.

Стыровъ.

Какой онъ изъ себя?

Миронъ (*подумавъ*).

Рябоватый.

Стыровъ.

Только? Да еще-то какой?

Миронъ.

Рябоватый—это вѣрно; такъ и сказано, что рябоватый.

Стыровъ.

Такъ ты самъ не видалъ? Тебѣ сказано. Кто-жь тебѣ сказалъ?

Миронъ.

Бабка-гадалка. Это ужь вѣрно; такъ и сказала, думай, говоритъ, на рябоватого! Ну... я и думаю.

Стыровъ.

Невозможно! Убирайся! Я себѣ простить не могу, что связался разговаривать съ тобой. Только ты меня разстроилъ. Убирайся, и чтобъ я тебя не видалъ.

Миронъ.

Вотъ такъ, вотъ хорошо, вотъ ужь покорно благодарю! За мою-то службу? Не того я, признаться, ожидалъ отъ васъ, Евдокимъ Егорычъ. Все вѣрно, все очень вѣрно; а что насчетъ яду, такъ извольте сейчасъ у Марѳы Севастьяновны спросить.

Стыровъ.

Позови Марѳу!

Миронъ.

Да-съ; коли вы мнѣ не вѣрите, что я тутъ, можетъ быть, всю свою утробу полагалъ, такъ я позову вамъ Марѳу. Сейчасъ всю вѣрность мою, какъ на ладони, увидите! (*Уходитъ*).

Стыровъ.

Какъ бы я желалъ, чтобъ вся эта исторія оказалась самымъ глупымъ вздоромъ! Это былъ бы отличный урокъ для меня. Связываться съ прислугой мнѣ и сначала казалось не очень приглядным; а теперь ужь выходитъ что-то и вовсе гадкое. Вонъ Миронъ считаетъ мою жизнь въ опасности и утробу свою за меня полагаетъ; такъ ужь когда ему чистотой заниматься, до того ли! Нѣтъ, гадко очень. (*Входятъ: Миронъ и Марѳа*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Стыровъ Миронъ и Марѳа.

Стыровъ.

Какой тутъ у васъ ядъ? Мнѣ Миронъ говорилъ какія-то глупости, которыхъ понять никакъ нельзя.

Марѳа.

Что жь! ежели ужь вамъ извѣстно, такъ я молчать не должна. Сама-то я давеча сказать вамъ не посмѣла.

Стыровъ.

Чего не посмѣла? Отъ чего не посмѣла?

Марѳа.

Отъ того и не посмѣла, что ума у насъ нѣтъ: сболтнешь сдуру-то, а потомъ окажется, что не такъ; ты же останешься виновата.

Стыровъ.

Да какой ядъ, зачѣмъ онъ попалъ въ домъ?

Марѳа.

Ужь вы меня извините, Евдокимъ Егорычъ; ядъ этотъ самый я въ домъ принесла... Только вѣдь я не знала и даже вздумать не могла... Я принесла его для домашней надобности; а Евлалія Андревна у меня его отобрала. Стало быть, онъ имъ нужнѣе.

Стыровъ.

Да на что же ей ядъ?

Марѳа.

Онѣ мнѣ этого не говорили. Промежь себя они, конечно, разговариваютъ и даже нисколько не стѣсняются... Только это не наше дѣло.

Стыровъ.

Объ чемъ же они промежь себя разговариваютъ?

Марѳа.

Да развѣ у меня языкъ поднимется; да, кажется, ни въ жизнь!

Стыровъ.

«Промежь себя». Съ кѣмъ она разговаривала?

Марѳа.

Вся воля ваша, Евдокимъ Егорычъ; а какъ я въ свою жизнь доносчицей не была, такъ и теперь вы отъ меня доносовъ никакихъ не дождетесь. Ужь это, пущай, кто другой, но не я.

Миронъ (*Марѳѣ*).

Да что вы ломаетесь! Вѣдь онъ весноватый.

Марѳа.

Кто весноватый? Вовсе нѣтъ, неправда ваша.

Миронъ.

Да, и то, что я? Языкъ-то одинъ, проболтаешься... Рябоватый, я говорю.

Марѳа.

Все вы зря говорите, Миронъ Липатычъ; совсѣмъ у нихъ чистое лицо. Только я вамъ докладываю, Евдокимъ Егорычъ: служила я вамъ и всегда готова служить вѣрой и правдой; а

доносить на барыню я никогда несогласна. Я такъ считаю, что это низко. Да вотъ—Евлалія Андревна сами идутъ, извольте у нихъ спросить; а намъ, чѣмъ дальше отъ грѣха, тѣмъ гораздо покойнѣе.

Стыровъ.

Хорошо, ступайте! (*Миронъ и Марѳа уходятъ. Входитъ Евлалія*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стыровъ и Евлалія.

Евлалія.

Кобловы что-то не ѣдутъ.

Стыровъ.

Они обѣщали рано пріѣхать, часу въ восьмомъ.

Евлалія.

Значитъ, скоро?

Стыровъ.

Сейчасъ, я думаю. А я, послѣ обѣда, успѣлъ еще два визита сдѣлать. (*Молчаніе*). Я еще и не поговорилъ съ тобой по душѣ послѣ пріѣзда.

Евлалія (*садясь*).

Объ чемъ?

Стыровъ.

Какъ ты тутъ поживала, не скучала ли безъ меня?

Евлалія.

Нѣтъ, не скучала.

Стыровъ.

Навѣщали тебя, были у тебя гости?

Евлалія.

Нѣтъ, кромѣ Артемія Васильича и Софьи Сергѣвны, никого не было.

Стыровъ.

Никого?

Евлалія.

Никого.

Стыровъ.

Можетъ быть, былъ кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ?

Евлалія.

Изъ какихъ старыхъ?

Стыровъ.

Изъ тѣхъ, которые были съ тобой прежде знакомы, до замужества.

Евлалія.

Кто былъ со мной знакомъ? Никто; точно такъ же, какъ и теперь. Жила въ неволѣ и опять въ неволѣ живу. Что за странные вопросы? Если вамъ нужно знать, кто бывалъ у меня, спросите прислугу, которой вы платите за то, чтобъ она за мной подсматривала.

Стыровъ.

Какъ тебѣ не стыдно! Что̀ ты говоришь!

Евлалія.

Да, стыдно, дѣйствительно стыдно; да что-жь мнѣ дѣлать-то! Мнѣ еще стыднѣе было, когда ваша прислуга просила съ меня полтораста рублей за то, чтобъ доложить вамъ, что безъ васъ я вела себя скромно и прилично.

Стыровъ (*хватаясь за голову*).

Ахъ! Что̀ такое! Что̀ за мерзости!

Евлалія.

Я не хотѣла подкупать ихъ; пусть они говорятъ правду. Подите, разговаривайте съ ними! (*Встаетъ*).

Стыровъ.

Евлалія, ты сердишься?

Евлалія.

Нѣтъ, не сержусь. То, что́ я чувствую, я не могу объяснить вамъ; вы не поймете. Чтобъ понять мое горе, нужно имѣть хоть нѣсколько деликатности въ чувствахъ. У васъ ея нѣтъ. Зачѣмъ я буду съ вами говорить? Развѣ я могу найти состраданіе къ моему горю въ душѣ человѣка, который шепчется потихоньку въ передней съ пьянымъ лакеемъ!

Стыровъ.

Евлалія, пощади, не казни меня! Какое твое горе? Вѣдь виноватъ въ твоемъ горѣ могу быть только я.

Евлалія.

Да развѣ это не горе: быть совершенно одинокой? Отца я едва помню; мать—директриса женскаго учебнаго заведенія, она всю жизнь была моей гувернанткой, а не матерью. Остаетесь вы, мужъ... Ну, я не знаю ничего, не понимаю, ну, я глупенькая совсѣмъ институтка!.. Такъ вѣдь не мучить меня за это, а пожалѣть надо. А вы, вмѣсто того, чтобъ руководить меня въ жизни, бытъ мнѣ вмѣсто отца, нанимаете шпіоновъ подсматривать за мной. Ахъ, подите прочь, пожалуйста!

Стыровъ.

Евлалія, ты не такъ поняла мои распоряженія, или тебѣ ихъ не такъ передали. Я приказалъ беречь тебя, заботиться о тебѣ; за тобой нужно ухаживать, какъ за маленькимъ ребенкомъ. Ты не имѣешь никакого понятія объ жизни, и, если не доглядѣть за тобой, твои ребячества могутъ имѣть дурныя и даже опасныя послѣдствія. Вотъ, напримѣръ, какой у тебя ядъ, и зачѣмъ онъ тебѣ?

Евлалія.

Какъ мнѣ жалко васъ! Лгать, прибѣгать къ увертками... какъ это должно быть тяжело и стыдно въ ваши лѣта! Ядъ! И объ ядѣ вамъ доложили. Такъ не меня берегли ваши надзиратели, а я берегла себя и ихъ. Я взяла ядъ у Марѳы изъ рукъ и убрала его, чтобъ она, по своей небрежности, не отравила насъ или кого-нибудь. Только потомъ я догадалась, что этотъ ядъ можетъ быть мнѣ нуженъ.

Стыровъ.

Значитъ, я правъ, Евлавія. Ну, развѣ не ребячество то, что ты говоришь? Зачѣмъ тебѣ ядъ?

Евлалія.

А вотъ вы сейчасъ узнаете, ребячество это или нѣтъ? Вѣдь могу же я когда-нибудь въ жизни встрѣтить и полю-

бить хорошаго человѣка, который стоитъ любви? Вѣдь это можетъ случиться? Пусть моя любовь будетъ преступна въ вашихъ глазахъ; но вѣдь я буду лелѣять ее въ своей груди, буду беречь ее. Она мнѣ будетъ дорога... поймите меня! Я полюбила и почувствовала себя женщиной, а до тѣхъ поръ я считала себя куклой! Я буду таить эту любовь, какъ сокровище, буду беречь ее не только отъ осужденія, но даже отъ самаго теплаго дружескаго участія; ужь и оно мнѣ покажется оскорбленіемъ моей святыни. И вдругъ, эта лелѣянная, береженная дѣвственнымъ чувствомъ тайна волочится, треплется отъ передней и кухни до кабинета моего мужа! Вотъ тогда мнѣ нуженъ ядъ для того, чтобъ на загрязненной очной ставкѣ съ прислугой умереть съ улыбкой счастья на лицѣ.

Стыровъ (*цѣлуя руки Евлаліи*).

Евлалія, виноватъ, виноватъ; но не терзай-же, не казни меня такъ!

Евлалія.

Успокойтесь, до этого дѣло не дойдетъ; оно кончится проще. Я не могу жить съ вами. Я пойду въ гувернантки, въ сельскія учительницы; но здѣсь жить не останусь. Ищите себѣ за ваши деньги другую женщину. Я и такъ виновата передъ собой, что безъ любви вышла за васъ, я должна поправить этотъ проступокъ. И ужь теперь я не возьму никакихъ милліоновъ, чтобъ возвратится къ вамъ.

Стыровъ.

Я тебѣ и не предложу милліоновъ, Евлалія; я предложу другое, что, можетъ быть, тебѣ покажется дороже.

Евлалія.

Что же?

Стыровъ.

Полную свободу.

Евлалія (*удивленная*).

Свободу? Ахъ! Это что-то хорошее... Я ея не знала съ дѣтства... Ахъ, погодите! Я и рада, и путаюсь въ мысляхъ... Что это такое? Это новое... Я еще цѣны ему не знаю... Погодите, я подумаю.

Стыровъ.

Что я люблю тебя очень, въ этомъ ты сомнѣваться не должна; только выражалъ-то я свою любовь пошло: подарками. Я съ самаго начала долженъ былъ дать тебѣ свободу и оказать полное довѣріе. Вотъ въ чемъ моя ошибка, или вина, какъ тебѣ угодно.

Евлалія.

И вы это говорите серьёзно?

Стыровъ.

Я всегда говорю серьёзно.

Евлалія.

Я отъ васъ никакъ ожидать не могла.

Стыровъ.

Я вѣдь не дурной человѣкъ, а только слабый и безхарактерный: я подчинялся чужому вліянію, послушался чужихъ совѣтовъ. Я очень люблю тебя и желаю, чтобы ты была совершенно счастлива—я только не сообразилъ, что безъ свободы нѣтъ счастья для женщины.

Евлалія.

И я совершенно свободна?

Стыровъ.

Совершенно. Я велю великолѣпно отдѣлать твои комнаты; живи полной хозяйкой на своей половинѣ, имѣй свою прислугу, принимай кого хочешь, выѣзжай когда и куда угодно.

Евлалія.

И вы не шутите?

Стыровъ.

Нисколько не шучу. Я ни въ твои распоряженія, ни въ твои дѣла мѣшаться не буду; я только тогда подамъ свой голосъ, когда ты сама попросишь моего совѣта.

Евлалія.

Я не знаю, смѣяться мнѣ, или плакать отъ радости. Вы—благородный человѣкъ.

Стыровъ.

Напрасно ты сомнѣвалась въ этомъ.

Евлалія (*жметъ руку Стырова*).

Благодарю, благодарю! я еще не могу опомниться.

Стыровъ (*обнимая Евлалію*).

Ахъ, ты бѣдная моя жонка! Сиротлива ты, я вижу. Спасибо, что высказалась. Можетъ быть, и много еще у тебя на душѣ; да прячешь ты, со мной не подѣлишься. Не пара я тебѣ. Живи, пользуйся жизнью; а коли горе какое случится, или обидитъ кто, такъ приходи ко мнѣ, приласкаю, какъ умѣю.

Евлалія.

Ахъ, какъ я счастлива! У меня теперь будетъ и хорошій отецъ и...

Стыровъ.

И кто?

Евлалія (*сконфузившись*).

Я хотѣла сказать... Ахъ, вонъ, кажется, подъѣхалъ кто-то! Не Софья-ли Сергѣвна!

Стыровъ.

И кто же еще, Евлалія?

Евлалія.

Ну, мужъ, разумѣется... а то кто-жь! (*Убѣгаетъ въ залу*).

Стыровъ.

Что-жь это значитъ: «у меня добрый отецъ и...»? Не договорила и сконфузилась... Добрый отецъ и еще-то кто же? Неужели хорошій любовникъ? А вотъ посмотримъ, посмотримъ... Коли, въ самомъ дѣлѣ, хорошъ, такъ нечего дѣлать... (*Входитъ Кобловъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Стыровъ и Кобловъ.

Стыровъ (*задумчиво*).

Здравствуйте, Никита Абрамычъ! (*Подаетъ руку*)

Кобловъ.

Что вы задумались? Объ чемъ философствуете?

Стыровъ.

Думаю, гадаю...

Кобловъ.

О чемъ?

Стыровъ.

Нѣтъ ли такой вѣрной примѣты, по которой бы можно было догадаться, влюблена женщина, или нѣтъ?

Кобловъ.

Позвольте! (*Подумавъ*). Одна примѣта есть вѣрная.

Стыровъ.

Какая?

Кобловъ.

Если женщина имѣетъ влеченіе къ картамъ, такъ не влюблена.

Стыровъ.

Къ картамъ?

Кобловъ.

Да. Ну, азартныя игры: рамсы, стуколки, я еще не считаю вѣрной примѣтой; а какъ начала довольно старательно играть въ винтъ, такъ баста—конецъ всѣмъ амурамъ.

Стыровъ.

Да почему же?

Кобловъ.

Да нельзя влюбленной въ эту игру играть: она, того гляди, ренонсъ сдѣлаетъ, либо своего туза козыремъ покроетъ. Съ такой никто играть не станетъ.

Стыровъ.

Да, правда ваша.

Кобловъ.

Недавно одинъ мой знакомый началъ сомнѣваться на счетъ жены: «стала, говоритъ, задумываться, что-то шептать про себя, стала бредить по ночамъ... Ну, думаю, говоритъ, бѣда: влюбилась въ кого-нибудь, либо идеи какія вредныя забрала въ голову—конецъ моему спокойствію. Сталъ, говоритъ, я прислушиваться;

слышу бормочетъ: тузъ самъ-другъ, король самъ-третей, дама валетъ самъ-пятъ. Тутъ я обѣими руками перекрестился: ну, думаю, матушка, на настоящую ты линію попала; теперь мужу можно спать спокойно».

Стыровъ.

Да, кабы Богъ далъ!.. Покойно, очень покойно.

Кобловъ.

Винтъ игра хорошая для женщинъ: во-первыхъ, серьёзная, ни о чемъ другомъ думать не позволяетъ; во-вторыхъ, занимательная, не видишь, какъ время идетъ. Часовъ до трехъ до-четырехъ утра она, милая, проиграетъ; потомъ спитъ цѣлый день; а къ вечеру опять забота, какъ бы партію составить.

Стыровъ.

Ужь чего бы лучше! Пойдемте-ка, пока партнеры-то не съѣхались, просмотримъ биржевую хронику. (*Уходятъ въ кабинетъ. Входятъ Евлалія и Софья*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Евлалія и Софья.

Софья.

Что съ вами? Съ чѣмъ васъ поздравить? Вы такъ и сіяете.

Евлалія.

Кабы вы знали, сколько я перенесла сегодня! Сначала непріятности отъ прислуги, они наплели на меня разныя глупости мужу...

Софья.

Сами виноваты. Прислугѣ надо платить. Это составляетъ довольно значительный расходъ для женщины, у которой есть что скрывать отъ мужа. Я плачу всѣмъ, даже и кучеру, и плачу очень дорого. Хорошо, что у меня мамаша очень богатая женщина и ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ; а то хлопотъ было бы довольно. Чѣмъ же у васъ эта исторія кончилась!

Евлалія.

Кончилась совершенно неожиданно для меня. Я разгорячилась, разстроилась... Ну, конечно, вѣдь это обидно...Я высказала мужу все, что̀ у меня накипѣло на душѣ.

Софья

Что же онъ?

Евлалія.

Онъ и самъ растрогался... онъ, должно быть, любитъ меня. Онъ сказалъ: «съ этихъ поръ живи на своей половинѣ, полной хозяйкой, какъ тебѣ угодно; я въ твои дѣла мѣшаться не буду».

Софья.

Какой милый! просто прелесть!

Евлалія.

Я теперь жду-не дождусь одного человѣка, чтобъ подѣлиться съ нимъ моей радостью: мы теперь можемъ видаться безъ всякаго стѣсненія.

Софья.

Да зачѣмъ вамъ этого одного человѣка? у васъ мужъ такой милый, такой благородный!

Евлалія.

Да, дѣйствительно, благородный и добрый человѣкъ.

Софья.

При такомъ мужѣ, да еще «одинъ человѣкъ»—это излишняя роскошь. Мнѣ простительно; мнѣ никакъ нельзя мужа любить, рѣшительно не за что, придраться не къ чему, ни одной хорошей стороны не найдешь, а любить нужно, любить хочется. А вамъ я завидую; вамъ, право, очень можно мужа любить.

Евлалія.

Я и не спорю: онъ хорошій человѣкъ; но это не мой идеалъ. Мнѣ съ нимъ скучно.

Софья.

А коли онъ хорошій, такъ и слѣдуетъ его любить за это; а отъ скуки, для развлеченія, начните играть въ карты, учитесь въ винтъ.

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, что вы! Эта такая проза, можно совсѣмъ опошлиться.

Софья.

Отъ добра, добра не ищутъ. Да я и не знаю, право; здѣсь лучше вашаго мужа и не найдешь...

Евлалія.

Нѣтъ, не говорите! Есть одинъ... идеальный молодой человѣкъ... въ немъ все...

Софья.

Не знаю, не слыхать что-то...

Евлалія.

Онъ молодъ, хорошъ собою, уменъ, благороденъ, поэтъ.

Совья.

Если такъ, то, дѣйствительно, идеальный.

Евлалія.

Какъ онъ меня любитъ! Только...

Софья.

А! Значитъ, и въ солнцѣ есть пятна?

Евлалія.

Обѣщаетъ иногда придти; ждешь, ждешь его, а онъ не придетъ; а если придетъ, такъ не надолго.

Софья.

Да онъ богатъ?

Евлалія.

Не богатъ.

Софья.

Такъ надо денегъ давать ему побольше, да почаще; онъ ни обманывать, ни опаздывать не будетъ, ужь совсѣмъ идеальный сдѣлается.

Евлалія.

Денегъ! Что вы! Вы его не знаете... Денегъ дать! Да это обидѣть, жестоко оскорбить его! Нѣтъ, какъ это возможно! Какъ я могу уважать его послѣ этого!

Софья.

Да зачѣмъ вамъ уважать, довольно съ васъ любить его! Кто же молодыхъ людей уважаетъ! Да и гдѣ ихъ у насъ взять такихъ, которыхъ уважать можно!

Евлалія.

Да нѣтъ, какъ это... какъ осмѣлиться предложить деньги?

Софья.

Очень просто. Купите хорошій, дорогой бумажникъ, а въ бумажникъ-то положите рублей двѣсти или триста. Вотъ и конфузиться нечего: вы дарите бумажникъ, а деньги въ него нечаянно попали. Да мало ли какъ можно; хотите, я васъ научу.

Евлалія.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Да я вамъ не вѣрю, вы шутите.

Софья.

Что за шутки! Я сама дарю. Да и какъ не дарить! Молодому человѣку одѣться хочется поприличнѣй, да и мало ли у нихъ расходовъ; а жалованье небольшое...

Евлалія.

Нѣтъ, пожалуйста, не продолжайте! Это что-то будничное, прозаическое. Мы съ вами не понимаемъ другъ друга; мы говоримъ о разныхъ предметахъ. Я понимаю только любовь чистую, возвышенную.

Софья.

Возвышенная-то, пожалуй, еще дороже обойдется.

Евлалія.

Что̀ вы, что̀ вы! вы меня удивляете, вы меня поражаете!

Софья.

Да конечно. Возвышенная любовь гораздо скучнѣе, она очень надоѣдаетъ молодымъ людямъ; на нее надо много времени даромъ тратить. Онъ бы почиталъ что-нибудь, пошелъ къ пріятелямъ, поигралъ въ карты; а тутъ надо возвышаться до возвышенной любви. Это очень тяжелое занятіе.

Евлалія.

Что̀ такое... что́ за слова я слышу отъ васъ! Да если всѣ мужчины таковы, развѣ можно любить кого-нибудь изъ нихъ?

Софья.

Можно.

Евлалія.

Скажите же мнѣ, какого человѣка вы любите, какія у него качества, достоинства?

Софья.

Онъ очень милый человѣкъ; у него есть умъ, ловкость, нѣкоторое остроуміе.

Евлалія.

И вы дарите ему вещи, деньги?

Софья.

Дарю.

Евлалія.

Да развѣ это любовь?

Софья (*обидясь*).

А то что же? жалѣть человѣка, входить въ его положеніе до мельчайшихъ подробностей, помогать ему, доставлять удовольствіе, дѣлать пріятные сюрпризы—развѣ это не значитъ любить? Это настоящая человѣческая любовь; другая любовь, по моему, хуже.

Евлалія.

Извините меня; все это мнѣ кажется какъ-то пошло; тутъ нѣтъ ничего такого... высокаго... неземного.

Софья.

Ну, а нѣтъ, такъ что-жь дѣлать; гдѣ же взять-то! Я люблю, какъ умѣю.

Евлалія.

Нѣтъ, моя любовь другая. Впрочемъ, это такъ и должно быть: я люблю поэта; вы любите простого дюжиннаго человѣка.

Софья.

Ну, нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ вовсе дюжинный.

Евлалія.

Простите моему женскому любопытству!.. Если вы меня считаете достойной вашего довѣрія, скажите, кто онъ?

Софья.

Онъ, послѣ вашего мужа, пожалуй, лучшій человѣкъ здѣсь.

Евлалія (*съ любопытствомъ*).

Но кто же онъ, кто?

Софья.

Артемій Васильичъ Мулинъ.

Евлалія.

Ахъ! (*Чуть не падаетъ*). Поддержите меня!

Софья.

Что съ вами?

Евлалія.

Мнѣ дурно. (*Софья сажаетъ ее въ кресло*). Охъ! Благодарю васъ!

Софья.

Успокойтесь! Не принести ли вамъ воды?

Евлалія.

Ахъ, нѣтъ, не надо... благодарю... это пройдетъ... сейчасъ пройдетъ... Позвольте... еще одинъ вопросъ... Вчера вечеромъ Артемій Васильичъ былъ у васъ?

Софья.

Да, былъ, просидѣлъ весь вечеръ.

Евлалія (*слабымъ голосомъ*).

Онъ обѣщалъ быть у меня, я его ждала долго, очень долго.

Софья.

Позвольте мнѣ за него заступиться! Вотъ, видите ли, ему нельзя было не придти ко мнѣ: вчера поутру я послала ему въ подарокъ великолѣпные часы; такъ онъ приходилъ благодарить.

Евлалія (*со вздохомъ*).

Ахъ, довольно объ этомъ.

Софья.

Евлалія Андревна, я вижу, что мы соперницы. Послушайте, уступите мнѣ его безспорно. Вамъ нужно людей идеальныхъ, съ возвышенными чувствами; а по мнѣ онъ таковскій, мнѣ и этотъ годится. По Сенькѣ и шапка.

Евлалія.

Ахъ! Мечта всей жизни...

Софья.

Да ужь будетъ вамъ мечтать-то, пора на землю опуститься. Такъ отдайте же!

Евлалія.

Возьмите!.. Вотъ онъ идетъ... Позвольте мнѣ сказать съ нимъ два слова!

Софья.

Сдѣлайте одолженіе! Я пойду въ кабинетъ. (*Уходитъ въ кабинетъ. Входитъ Мулинъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Евлалія и Мулинъ.

Евлалія.

Подите сюда! (*Мулинъ подходитъ*). Я васъ... презираю!

Мулинъ.

И слава Богу! Очень радъ, Евлалія Андревна; благодарю васъ.

Евлалія.

Какъ мало въ васъ самолюбія! Васъ презираютъ и вы этому радуетесь.

Мулинъ.

Да вѣдь какой камень-то съ меня свалился. Вѣдь, бывало, когда вы меня еще не презирали-то, идешь къ вамъ, такъ душа не на мѣстѣ.

Евлалія.

Чего же вы боялись?

Мулинъ.

Любви вашей.

Евлалія.

Это вздоръ. Мнѣ Софья Сергѣевна сейчасъ призналась... значитъ, вы любви не очень боитесь.

Мулинъ.

Да вѣдь любовь-то бываетъ разная.

Евлалія.

Какая разная?

Мулинъ.

Есть любовь, которую сама природа подсказываетъ женщинѣ; на эту любовь нельзя не отвѣтить; та любовь знаетъ тайну. А то есть другая любовь, напускная, пансіонскаго и институтскаго происхожденія, такъ-называемое обожаніе; эта любовь на показъ: ея ужасно боятся мужчины; особенно жутко бываетъ подчиненному человѣку.

Евлалія.

Подите отъ меня! Повторяю вамъ: я васъ презираю.

Мулинъ.

Презирать-то—презирайте; а и поблагодарить меня вамъ тоже не мѣшаетъ.

Евлалія.

За что это?

Мулинъ.

Вы сами признаетесь въ любви и кидаетесь на шею человѣку, котораго вы совсѣмъ не знаете. Будь во мнѣ поменьше совѣсти и уваженія къ Евдокиму Егорычу, или только, просто, не служи я у него, вѣдь изъ этого могъ бы выйти скандалъ веселый. И самъ-то бы я насмѣялся надъ вами вдоволь, да и всему бы городу удовольствіе большое доставилъ. Такъ вы сначала поблагодарите меня, что я этого не сдѣлалъ; а потомъ ужь презирайте, пожалуй.

Евлалія (*тихо*).

Благодарю васъ! (*Входятъ: Стыровъ, Кобловъ, Софья*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Евлалія, Мулинъ, Стыровъ, Ковловъ и Софья.

Кобловъ.

Дурной примѣръ вы подаете мужьямъ, Евдокимъ Егорычъ. Я вамъ серьёзно говорю. У насъ вѣдь перэймутъ сейчасъ; за вами, глядишь, другой и третій потянется. А тамъ ужь и всѣ жены взбунтуются.

Стыровъ.

Что мнѣ за дѣло до другихъ! Я у себя въ домѣ хозяинъ: что хочу, то и дѣлаю.

Кобловъ.

Ну, нѣтъ, это дѣло не личное ваше, это дѣло общественное. Къ свободѣ надо пріучать изподволь; дай-ка вдругъ волю-то, вы увидите, что отъ нашихъ женъ будетъ. Да всякая благоразумная женщина вамъ сама скажетъ, что, сейчасъ послѣ теремовъ, къ свободѣ привыкать не легко.

Софья.

А я слышала, напротивъ; говорятъ, къ палкѣ привыкать трудно, а къ свободѣ гораздо легче.

Евлалія.

Если рѣчь идетъ обо мнѣ, такъ я и не желаю никакой свободы; на что мнѣ она!

Софья.

Что вы! Опять экзальтація! отъ чего хотите отказывайтесь, только не отъ свободы. Не теперь, такъ впередъ пригодится.

Евлалія.

Ахъ! да, конечно. Я сказала, не подумавши. (*Задумчиво*) Свобода—хороша... только я не знаю, что̀ съ ней дѣлать...

Кобловъ.

Ну, да что о пустякахъ-то толковать, пора бы и за серьёзное дѣло, пора въ винтъ садиться. Вонъ, кажется, партнеры подъѣхали.

Евлалія (*мужу*).

Я съ вами.

Стыровъ.

Какъ съ нами?

Евлалія.

Я съ вами въ винтъ буду играть, я хочу учиться.

Стыровъ.

Евлалія, что ты говоришь? Вѣрить ли мнѣ ушамъ своимъ?

Евлалія.

Я теперь постоянно, каждый день буду играть; мнѣ эта игра очень нравится.

Стыровъ.

Евлалія, милая Евлалія! (*Обнимаетъ ее*). Вотъ, господа, когда я счастливъ вполнѣ. Играй, Евлалія, играй по большой! проигрывай тысячи; я ничего для тебя не пожалѣю! Вотъ это, господа, праздникъ! Человѣкъ, шампанскаго, больше давай, больше! (*Цѣлуетъ Евлалію*).

Конецъ.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

— —

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Александра Николавна Нѣгина, актриса провинціальнаго театра, молодая дѣвица.

Домна Пантелевна, мать ея, вдова, совсѣмъ простая женщина, лѣтъ за 40, была за мужемъ за музыкантомъ провинціальнаго оркестра.

Князь Ираклій Стратонычъ Дулебовъ, важный баринъ стараго типа, пожилой человѣкъ.

Григорій Антонычъ Бавинъ, губернскій чиновникъ на видномъ мѣстѣ, лѣтъ 30-ти.

Иванъ Семенычъ Великатовъ, очень богатый помѣщикъ, владѣлецъ отлично устроенныхъ имѣній и заводовъ, отставной кавалеристъ, человѣкъ практическаго ума, ведетъ себя скромно и сдержанно, постоянно имѣетъ дѣла съ купцами и, видимо, старается подражать ихъ тону и манерамъ; среднихъ лѣтъ.

Петръ Егорычъ Мелузовъ, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ университетѣ и ожидающій учительскаго мѣста.

Нина Васильевна Смѣльская, актриса, постарше Нѣгиной.

Мартынъ Прокофьичъ Нароковъ, помощникъ режиссёра и бутафоръ, старикъ, одѣтъ очень прилично, но бѣдно; манеры хорошаго тона.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ. Въ первомъ дѣйствіи, въ квартирѣ актрисы Нѣгиной: налѣво отъ актеровъ окно, въ глубинѣ, въ углу, дверь въ переднюю, направо перегородка съ дверью въ другую комнату; у окна столъ, на немъ нѣсколько книгъ и тетрадей; обстановка бѣдная.

———

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Домна Пантелевна одна.

Домна Пантелевна, (*говоритъ въ окно*).

Зайти денькà черезъ три-четыре; послѣ бенифиста всѣ тебѣ отдадимъ! А? Что? О, глухой! Не слышитъ. Бенефистъ у насъ будетъ; такъ послѣ бенефиста всѣ тебѣ отдадимъ. Ну, ушелъ. (*Садится*). Что̀ долгу, что̀ долгу! Туда рубль, сюда два... А каковъ еще сборъ будетъ, кто-жь его знаетъ. Вотъ зимой бенефистъ брали, всего сорокъ два съ полтиной въ очистку-то вышло, да какой-то купецъ полоумный серьги бирюзовыя преподнесъ... Очень нужно! Эка невидаль! А теперь ярмарка, сотни двѣ ужь все возьмемъ. А и триста рублей получишь, нѣшто ихъ въ рукахъ удержишь; всѣ промежду пальцевъ уйдутъ, какъ вода. Нѣтъ моей Сашѣ счастья! Содержитъ себя очень аккуратно, ну, и нѣтъ того расположенія промежду публики: ни подарковъ, какихъ особенныхъ, ничего такого, какъ прочимъ, которыя... ежели... Вотъ хоть бы князь... ну, что̀ ему стоитъ! Или вотъ Иванъ Семенычъ Великатовъ... говорятъ, сахарные заводы у него не одинъ милліонъ сто́ятъ... Что бы ему головки двѣ прислать: намъ бы на долго хватило... Сидятъ, по уши въ деньгахъ зарывшись, а нѣтъ, чтобы бѣдной дѣвушкѣ помочь. Я ужь про купечество и не говорю— съ тѣхъ что̀ взять! Они и въ театръ-то не ходятъ; развѣ какой ужь ошалѣетъ совсѣмъ, такъ его, словно вѣтромъ, туда занесетъ... такъ отъ такихъ чего ожидать, окромя безобразія. (*Входитъ Нароковъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Домна Пантелевна и Нароковъ.

Домна Пантелевна.

А, Прокофьичъ, здравствуй!

Нароковъ (*мрачно*).

Здравствуй, Прокофьевна!

Домна Пантелевна.

Я не Прокофьевна, я Пантелевна, что́ ты!

Нароковъ.

И я не Прокофьичъ, а Мартынъ Прокофьичъ.

Домна Пантелевна.

Ахъ, извините, господинъ аркистъ!

Нароковъ.

Коли хотите быть со мной на ты, такъ зовите, просто, Мартыномъ; все-таки приличнѣе. А что такое „Прокофьичъ“! Вульгарно, мадамъ, очень вульгарно!

Домна Пантелевна.

Люди-то мы съ тобой, батюшка, маленькіе, что̀ намъ эти комплименты разводить.

Нароковъ.

«Маленькіе»? Я не маленькій человѣкъ, извините!

Домна Пантелевна.

Такъ неужели большой?

Нароковъ.

Большой.

Домна Пантелевна.

Такъ теперь и будемъ знать. Зачѣмъ же ты, большой человѣкъ, къ намъ, къ маленькимъ людямъ, пришелъ?

Нароковъ.

Такъ, въ этомъ тонѣ и будемъ продолжать, Домна Пантелевна? Откуда это въ васъ озорство такое?

Домна Пантелевна.

Озорство во мнѣ есть, это ужь грѣха нечего таить! Подтрунить люблю, и чтобы стѣснять себя въ разговорѣ съ тобой, такъ я не желаю.

Нароковъ.

Да откуда оно въ васъ это озорство-то? Отъ природы, или отъ воспитанія?

Домна Пантелевна.

Ахъ, батюшки, откуда? Ну, откуда... Да откуда чему другому-то быть? Жила всю жизнь въ бѣдности, промежду мѣщанскаго сословія: ругань-то каждый Божій день по дому кругомъ ходила, ни отдыху, ни передышки въ этомъ занятіи не было. Вѣдь не изъ пансіона я, не съ мадамами воспитывалась. Въ нашемъ званіи только въ томъ и время проходитъ, что всѣ промежъ себя ругаются. Вѣдь это у богатыхъ деликатности разныя придуманы.

Нароковъ.

Резонъ. Понимаю теперь.

Домна Пантелевна

Такъ неужто-жь со всякимъ нѣжничать, всякому съ позволенія сказать... Сказала-бъ я тебѣ словечко, да обижать не хочу. Неужто всякому «вы» говорить?

Нороковъ.

Да, въ простонародіи всѣ на ты...

Домна Пантелевна.

«Въ простонародіи»! Скажите, пожалуйста! А ты что за баринъ?

Нароковъ.

Я баринъ, я совсѣмъ баринъ... Ну, давай на ты, мнѣ это не въ диковину.

Домна Пантелевна.

Да какая диковина: обыкновенное дѣло. Въ чемъ же твоя барственность?

Нароковъ.

Я могу сказать тебѣ, какъ Лиръ: каждый вершокъ меня—баринъ. Я человѣкъ образованный, учился въ вышемъ учебномъ заведеніи, я былъ богатъ.

Домна Пантелевна

Ты-то?

Нароковъ.

Я-то?

Домна Пантелевна.

Да ужли?

Нароковъ.

Ну, что-жь, божиться тебѣ, что ли?

Домна Пантелевна.

Нѣтъ, зачѣмъ? Не божись, не надо; я и такъ повѣрю. Отчего же ты шуфлеромъ служишь?

Нароковъ.

Я не chou-fleur и не siffleur, мадамъ, и, не суфлеръ даже, а помошникъ режиссера. Здѣшній-то театръ былъ мой.

Домна Пантелевна (*съ удивленіемъ*).

Твой? Скажите на милость!

Нароковъ.

Я его пять лѣтъ держалъ, а Гаврюшка-то былъ у меня писаремъ, роли переписывалъ.

Домна Пантелевна (*съ большимъ удивленіемъ*).

Гаврила Петровичъ, ампренёръ здѣшній?

Нароковъ.

Онъ самый.

Домна Пантелевна.

Ахъ ты, горькій! Такъ вотъ что. Значитъ, тебѣ въ этомъ театрашномъ дѣлѣ счастья Богъ не далъ, что ли?

Нароковъ.

Счастья! Да я не зналъ, куда дѣвать счастье-то, вотъ сколько его было!

Домна Пантелевна.

Отчего-жъ ты въ упадокъ-то пришолъ? Пилъ, должно быть? Куда-жь твои деньги дѣвались?

Нароковъ.

Никогда я не пилъ. Я всѣ свои деньги за счастье-то и заплатилъ.

Домна Пантелевна.

Да какое-жь такое счастье у тебя было?

Нароковъ.

А такое и счастье, что я дѣлалъ любимое дѣло. (*Задумчиво*). Я люблю театръ, люблю искуство, люблю артистовъ, понимаешь ты? Продалъ я свое имѣніе, денегъ получилъ много и сталъ антрепренеромъ. А? Развѣ это не счастье? Снялъ здѣшній театръ, отдѣлалъ все за-ново: декораціи, костюмы; собралъ хорошую труппу и зажилъ, какъ въ раю... Есть ли сборы, нѣтъ ли, я на это не смотрѣлъ, я всѣмъ платилъ большое жалованье аккуратно. Поблаженствовалъ я такъ-то пять лѣтъ, вижу, что деньги мои подъ исходъ; по окончаніи сезона, разсчиталъ всѣхъ артистовъ, сдѣлалъ имъ обѣдъ прощальный, поднесъ каждому по дорогому подарку на память обо мнѣ...

Домна Пантелевна.

Ну, а что-жь потомъ-то?

Нароковъ.

А потомъ Гаврюшка снялъ мой театръ, а я пошелъ въ службу къ нему; платитъ онъ мнѣ небольшое жалованье, да помаленьку уплачиваетъ за мое сбзаведеніе. Вотъ и все, милая дама.

Домна Пантелевна.

Тѣмъ ты только и кормишься?

Нароковъ.

Ну, нѣтъ, хлѣбъ-то я себѣ всегда достану; я уроки даю, въ газеты корреспонденціи пишу, перевожу; а служу у Гаврюшки, потому что отъ театра отстать не хочется, искуство люблю очень. И вотъ я, человѣкъ образованный, съ тонкимъ вкусомъ, живу теперь между грубыми людьми, которые на каждому шагу оскорбляютъ мое артистическое чувство (*подойдя къ столу*). Что это за книги у васъ?

Домна Пантелевна.

Саша учится, къ ней учитель ходитъ.

Нароковъ.

Учитель? Какой учитель?

Домна Пантелевна.

Студентъ. Петръ Егорычъ. Чай знаешь его?

Нароковъ.

Знаю. Кинжалъ въ грудь по самую рукоятку!

Домна Пантелевна.

Что больно строго?

Нароковъ.

Безъ сожалѣнья.

Домна Пантелевна.

Погоди колоть-то: онъ женихъ Сашинъ.

Нароковъ (*съ испугомъ*).

Женихъ?

Домна Пантелевна.

Тамъ еще, конечно, что Богъ дастъ, а, все-таки, женихомъ зовемъ. Познакомилась она съ нимъ гдѣ-то, ну, и сталъ къ намъ ходить. Какъ же его назвать-то? Ну, и говоришь, что, молъ, женихъ; а то сосѣди-то что заговорятъ! Да и отдамъ за него, коли мѣсто хорошее получитъ. Гдѣ-жь жениховъ-то взять? Вотъ кабы купецъ богатый; да хорошій-то не возьметъ; а которые ужь очень-то безобразны, то же радость не велика. А за него что-жь не отдать, парень смирный, Саша его любитъ.

Нароковъ.

Любитъ? Она его любитъ?

Домна Пантелевна.

Отчего-жь его не любить? Что, въ самомъ дѣлѣ, по театрамъ-то трепаться молодой дѣвушкѣ! Никакой основательности къ жизни получить себѣ нельзя!

Нароковъ.

И это ты говоришь?

Домна Пантелевна.

Я говорю, и ужь давно говорю. Ничего хорошаго, окромя дурного.

Нароковъ.

Да вѣдь твоя дочь талантъ, она рождена для сцены.

Домна Пантелевна.

Для сцены-то для сцены, это точно, это ужь что говорить! Она еще маленькая была, такъ, бывало, не вытащить ее изъ театра; стоитъ за кулисами, вся трясется. Мужъ-то мой, отецъ-то ея, былъ музыкантъ, на флейтѣ игралъ; такъ, бывало, какъ онъ въ театръ, такъ и она за нимъ. Прижмется къ кулисѣ, да и стоитъ, не дышетъ.

Нароковъ.

Ну, вотъ видишь. Ей только на сценѣ и мѣсто.

Домна Пантелевна.

Ужь куда какое мѣсто прекрасное!

Нароковъ.

Да вѣдь у нея страсть, пойми ты, страсть! Сама же ты говоришь.

Домна Пантелевна.

Хоша бы и страсть, да хорошаго-то въ этомъ нѣтъ, похвалить-то нечего. Это вотъ вамъ бездомовымъ, да безпутнымъ.

Нароковъ.

О, невѣжество! Кинжалъ въ грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна.

Да ну тебя съ кинжалами! У васъ путнаго-то на сценѣ не много; а я держу свою дочь на замужней линіи. Со всѣхъ сторонъ тамъ къ ней лѣзутъ, да подлипаютъ, да глупости разныя въ уши шепчутъ... Вотъ князь Дулебовъ повадился, тоже на старости лѣтъ ухаживать вздумалъ... Хорошо это? Какъ ты скажешь?

Нароковъ.

Князь Дулебовъ! Кинжалъ въ грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна.

Охъ, ужь много ты очень народу перекололъ.

Нароковъ.

Много.

Домна Пантелевна.

И всѣ живы?

Нароковъ.

А то какъ же? Конечно, живы и всѣ въ добромъ здоровьи, продли имъ, Господи, вѣку. На-ко вотъ, отдай! (*подаетъ тетрадку*).

Домна Пантелевна.

Это что-жь такое?

Нароковъ.

Роль. Это я самъ переписалъ для нея.

Домна Пантелевна.

Да что-жь это за парадъ такой? На тонкой бумагѣ, связано розовой ленточкой!

Нароковъ.

Ну, да ужь ты ей отдай! Что тутъ разговаривать!

Домна Пантелевна.

Да къ чему-жь эти нѣжности при нашей бѣдности? Небось вѣдь за ленточку-то послѣдній двугривенный отдалъ?

Нароковъ.

Хоть и послѣдній, такъ что-жь изъ этого? Ручки у нея хорошенькія, душка еще лучше; нельзя же ей грязную тетрадь подать.

Домна Пантелевна.

Да къ чему, къ чему это?

Нароковъ.

Что ты удивляешься? Все это очень просто и естественно; такъ и должно быть, потому что я въ нее влюбленъ.

Домна Пантелевна.

Ахъ, батюшки! Часъ отъ часу не легче! Да вѣдь ты старикъ, вѣдь ты старый шутъ; какой ты еще любви захотѣлъ?

Нароковъ.

Да вѣдь она хороша? говори: хороша?

Домна Пантелевна.

Ну, хороша; такъ тебѣ-то что-жъ?

Нароковъ.

Кто-жь хорошее не любитъ? Вѣдь и ты тоже хорошее любишь. Ты думаешь, коли человѣкъ влюбленъ, такъ сейчасъ гамъ... и съѣлъ? Изъ тонкихъ парфюмовъ соткана душа моя. Гдѣ-жь тебѣ это понять!

Домна Пантелевна.

А вѣдь ты чудакъ, какъ посмотрю я на тебя.

Нароковъ.

Слава Богу, догадалась. Я и самъ знаю, что чудакъ. Что-жь ты меня обругать, что ли, этимъ словомъ-то хотѣла?

Домна Пантелевна (*у окна*).

Никакъ князь подъѣхалъ? И то онъ.

Нароковъ.

Ну, такъ я уйду тутъ, черезъ кухню. Адье, мадамъ.

Домна Пантелевна.

Адье, мусье! (*Нароковъ уходитъ за перегородку. Входятъ: Дулебовъ и Бакинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Домна Пантелевна, Дулебовъ, Бакинъ.

Домна Пантелевна.

Дома нѣтъ, ваше сіятельство, ужь извините! Въ гостинный дворъ пошла.

Дулебовъ.

Ну, ничего, я подожду.

Домна Пантелевна.

Какъ угодно, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Вы дѣлайте свое дѣло, не безпокойтесь, пожалуйста, я подожду (*Домна Пантелевна уходитъ*).

Бакинъ.

Вотъ мы и съѣхались, князь.

Дулебовъ.

Ну, что же, здѣсь не тѣсно и для двоихъ.

Бакинъ.

Но, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ насъ лишній, и этотъ лишній—я. Ужь такое мнѣ счастье: заѣхалъ къ Смѣльской, тамъ Великатовъ сидитъ, молчитъ.

Дулебовъ.

А вы бы разговаривали. Вы разговаривать умѣете, значитъ, шансы на вашей сторонѣ.

Бакинъ.

Не всегда, князь. Великатовъ и молчитъ-то гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ я говорю.

Дулебовъ.

Да почему-же?

Бакинъ.

Потому что богатъ. А такъ какъ, по русской пословицѣ: «съ богатымъ не тянись, а съ сильнымъ не борись», то я и ретируюсь. Великатовъ богатъ, а вы сильны своей любезностью.

Дулебовъ.

Ну, а вы то чѣмъ же хотите взять?

Бакинъ.

Смѣлостью, князь. Смѣлость, говорятъ, города беретъ.

Дулебовъ.

Города-то, пожалуй, легче... А впрочемъ... ужь это ваше

дѣло. Коли не боитесь проигрыша, такъ отчего-жь и смѣлость не попробовать.

Бакинъ.

Я лучше готовъ потерпѣть неудачу, чѣмъ пускаться въ любезности.

Дулебовъ.

У всякаго свой вкусъ.

Бакинъ.

Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства— ужь это не много ли чести для нашихъ дамъ!

Дулебовъ.

У всякаго свой взглядъ.

Бакинъ.

Мнѣ кажется, очень довольно вотъ такой деклараціи: «я вотъ таковъ, какъ вы меня видите, предлагаю вамъ то-то и то-то; угодно вамъ любить меня?

Дулебовъ.

Да, но вѣдь это оскорбительно для женщины.

Бакинъ.

А ужь это ихъ дѣло, оскорбляться или нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я не обманываю; вѣдь не могу же я, при такомъ количествѣ дѣлъ, заниматься любовью серьезно: зачѣмъ же я буду притворяться влюбленнымъ, вводить въ заблужденіе, возбуждать, можетъ быть, какія-нибудь несбыточныя надежды! То ли дѣло договоръ?

Дулебовъ.

У всякого свой характеръ. Скажите, пожалуйста, что за человѣкъ Великатовъ?

Бакинъ.

Я объ немъ знаю столько же, сколько и вы. Очень богатъ; великолѣпное имѣніе въ сосѣдней губерніи, свекло-сахарный заводъ, да еще конный, да, кажется, винокуренный. Сюда пріѣзжаетъ онъ на ярмарку; продавать ли, покупать ли лошадей, ужь я не знаю. Какъ онъ разговариваетъ съ ба-

рышниками, я тоже не знаю; но въ нашемъ обществѣ онъ больше молчитъ.

Дулебовъ.

Онъ деликатный человѣкъ?

Бакинъ.

Даже очень: никогда не споритъ, со всѣми соглашается, и никакъ не разберешь, серьезно онъ говоритъ, или мистифируетъ тебя.

Дулебовъ.

Но онъ очень учтивый человѣкъ.

Бакинъ.

Ужь слишкомъ даже: въ театрѣ рѣшительно всѣхъ по именамъ знаетъ, и кассира, и суфлера, и даже бутафора, всѣмъ руку подаетъ. А ужь старухъ обворожилъ совсѣмъ; все-то онъ знаетъ; во всѣ ихъ интересы входитъ; ну, однимъ словомъ, для каждой старухи сынъ самый почтительный и предупредительный.

Дулебовъ.

А изъ молодыхъ онъ, кажется, никому особаго предпочтенія не даетъ и держится, какъ-то, въ сторонѣ отъ нихъ.

Бакинъ.

Съ этой стороны, князь, будьте покойны, онъ вамъ соперникъ не опасный; онъ, какъ-то, сторонится отъ молодыхъ и никогда первый, не заговариваетъ; когда обратятся къ нему такъ у него только и словъ: «что прикажете? что угодно?»

Дулебовъ.

А можетъ быть, это разсчитанная холодность, онъ хочетъ заинтересовать собою?

Бакинъ.

Да на что ему разсчитывать! Онъ завтра, или послѣ завтра, уѣзжаетъ.

Дулебовъ.

Да... развѣ?

Бакинъ.

Навѣрное. Онъ мнѣ самъ говорилъ; у него ужь все приготовлено къ отъѣзду.

Дулебовъ.

Жаль! Онъ очень пріятный человѣкъ, такой ровный, спойный.

Бакинъ.

Мнѣ кажется, его спокойствіе происходитъ отъ ограниченности; ума не скроешь, онъ бы въ чемъ-нибудь выказался; а онъ молчитъ, значитъ, не уменъ; но и не глупъ, потому что считаетъ за лучшее молчать, чѣмъ говорить глупости. У него ума и способностей ровно столько, сколько нужно, чтобы вести себя прилично и не прожить того, что папенька оставилъ.

Дулебовъ.

Въ томъ-то и дѣло, что папенька оставилъ ему имѣніе разоренное, а онъ его устроилъ.

Бакинъ.

Ну, прибавимъ ему еще нѣсколько практическаго смысла и разсчетливости.

Дулебовъ.

Пожалуй, придется и еще что-нибудь прибавить и выйдетъ очень умный, практическій человѣкъ.

Бакинъ.

Какъ-то вѣрить не хочется. А впрочемъ мнѣ все равно, уменъ ли онъ, глупъ ли; вотъ, что богатъ очень, это немножко досадно.

Дулебовъ.

Неужели?

Бакинъ.

Право. Какъ-то невольно въ голову приходитъ, что было бы гораздо лучше, еслибы я былъ богатъ, а онъ бѣденъ.

Дулебовъ.

Да, это для васъ лучше, ну, а для него-то?

Бакинъ.

А мнѣ чортъ его возми; что мнѣ до него! Я про себя говорю. Однако, пора и за дѣло. Уступаю вамъ мѣсто безъ бою. До свиданья, князь!

Дулебовъ (*подавая руку*).

Прощайте, Григорій Антонычъ! (*Бакинъ уходитъ. Входитъ Домна Пантелевна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дулебовъ и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна.

Ушли, не дождались?

Дулебовъ.

Вы что за эту квартиру платите?

Домна Пантелевна.

Двѣнадцать рублей, ваше сіятельство.

Дулебовъ (*указывая въ уголъ*).

Тутъ сыро, должно быть?

Домна Пантелевна.

По деньгамъ и квартира.

Дулебовъ.

Надо будетъ перемѣнить. (*Отворяя дверь направо*). А тамъ что?

Домна Пантелева.

Спальня Саши, а направо-то моя комната, а тамъ кухня.

Дулебовъ (*про себя*).

Мизерно. Да... конечно, такъ невозможно.

Домна Пантелевна.

По средствамъ, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Пожалуйста, не говорите, чего не понимаете. Хорошей актрисѣ нельзя такъ жить, ну, нельзя, я вамъ говорю, невозможно. Это неприлично.

Домна Пантелевна.

Какія-же достатки?

Дулебовъ.

Что такое за слово: «достатки»?

Домна Пантелевна.

Изъ какихъ доходовъ, вашъ сіятельство?

Дулебовъ.

Какое же намъ дѣло до вашихъ доходовъ?

Домна Пантелевна.

Да гдѣ-жь взять-то, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Ну «гдѣ взять»! Кому нужно! Ни кому до этого дѣла нѣтъ; гдѣ хотите, тамъ и берите. Только такъ нельзя, это... это... ну, просто неприлично, да и все тутъ.

Домна Пантелевна.

·отъ кабы жалованье...

Дулебовъ.

Ну, тамъ жалованье, или что другое, это ужь ваше дѣло.

Домна Пантелевна.

Бенефисты очень плохи беремъ.

Дулебовъ.

А кто виноватъ? Чтобы брать большіе бенефисы, нужно знакомство хорошее, нужно умѣть его выбрать, умѣть обходится... Я могу вамъ назвать лицъ десять, которыхъ нужно привлечь на свою сторону; вотъ и великолѣпные бенефисы будутъ: и призы, и подарки. Это дѣло простое, давно всѣмъ извѣстное. Нужно принимать у себя порядочныхъ людей... А гдѣ же тутъ! Что это такое? Кто сюда поѣдетъ?

Домна Пантелевна.

А вѣдь, кажется, публика ее любитъ, а вотъ въ бенефистъ такъ... ничѣмъ не заманишь.

Дулебовъ.

Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мел-

кіе чиновники! Они рады всѣ руки себѣ отхлопать, по десяти разъ вызываютъ Нѣгину, а ужь вѣдь онъ, каналья, лишняго гроша не заплатитъ.

Домна Пантелевна.

Что правда, то правда, ваше сіятельство. Конечно, кабы знакомство, такъ ужь совсѣмъ другое дѣло.

Дулебовъ.

Само собой. Публику винить нельзя, публика никогда виновата не бываетъ; это тоже общественное мнѣніе, а на него жаловаться смѣшно. Надо умѣть заслужить любовь публики. Надо, чтобъ постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а главными-то, собственно, ея друзьями были бы мы, солидные люди. Всѣ мы цѣлый день заняты, кто семейными и хозяйственными дѣлами, кто общественными, у насъ свободны только нѣсколько часовъ вечеромъ; гдѣ же удобнѣе, какъ не у молодой актрисы отдохнуть, такъ сказать, отъ бремени заботъ, одному—хозяйственныхъ, а другому—о ввѣренномъ его управленію вѣдомствѣ, или районѣ.

Домна Пантелевна.

Ужь это очень мудрено для меня, ваше сіятельство. Вы вотъ эти-то слова Сашѣ и скажите.

Дулебовъ.

Да, скажу, непремѣнно скажу, я за этимъ и пріѣхалъ.

Домна Пантелевна.

Да вотъ, кажется, и она бѣжитъ.

Дулебовъ.

Только ужь вы намъ не мѣшайте!

Домна Пантелевна.

Ахъ, помилуйте, да развѣ я своему дѣтищу врагъ (*входитъ Нѣгина*). Что ты такъ долго? Князь тебя давно дожидается. (*Беретъ у дочери шляпку, зонтикъ, плащъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Дулебовъ и Нѣгина.

Дулебовъ (*подходитъ и цѣлуетъ руку Нѣгиной*).

Ахъ, моя радость, я васъ заждался.

Нѣгина.

Извините, князь! съ бенефисомъ все хлопочу, такая мука... (*задумывается*).

Дулебовъ (*садясь*).

Скажите, пожалуйста, мой дружочекъ...

Нѣгина (*выходя изъ задумчивости*).

Что вамъ угодно?

Дулебовъ.

Какъ эта пьеса, что вы въ послѣдній разъ играли?..

Нѣгина.

Уріель Акоста.

Дулебовъ.

Да, да... Прекрасно вы играли, прекрасно. Сколько чувства, благородства! Не шутя, вамъ говорю.

Нѣгина.

Благодарю васъ, князь.

Дулебовъ.

Странные пьесы нынче пишутъ; не поймешь ничего.

Нѣгина.

Да она уже давно написана.

Дулебовъ.

Давно? Чья же она, Каратыгина или Григорьева?

Нѣгина.

Нѣтъ, Гуцкова.

Дулебовъ.

А! Гуцкова... знаю, знаю. Еще у него есть комедія, прекрасная комедія «Русскій человѣкъ добро помнитъ».

Нѣгина.

То Полевого, князь.

Дулебовъ.

Ахъ, да... я смѣшалъ... Полевого... Николай Полевой. Онъ изъ мѣщанъ... По французски выучился самоучкой, ученыя книги писалъ, все съ французскаго бралъ... Только онъ тогда заспорилъ съ кѣмъ-то... съ учеными, или съ профессорами. Ну, гдѣ же, возможно ли, да и прилично ли! Ну, ему и не велѣли ученыхъ книгъ писать, приказали водевили сочинять. Послѣ самъ былъ благодаренъ, большія деньги получалъ. «Мнѣ бы, говоритъ, и не догадаться». Что вы такъ печальны?

Нѣгина.

Много хлопотъ, князь.

Дулебовъ.

Вамъ, моя красавица, надо веселѣе быть, вамъ еще рано задумываться; старайтесь развлекать себя, утѣшать чѣмъ-нибудь. Вотъ мы сейчасъ съ вашей матушкой говорили...

Нѣгина.

Объ чемъ, князь?

Дулебовъ.

Разумѣется, о васъ, мое сокровище, а то о чемъ же! Вотъ квартира у васъ нехороша... Нельзя актрисѣ, хорошенькой дѣвушкѣ, въ такой избѣ жить; это неприлично.

Нѣгина (*нѣсколько обидясь*).

Не хороша квартира? Ну, такъ что же? Я и сама знаю, что бываютъ квартиры лучше этой... Вамъ бы, князь, пожалѣть меня, не напоминать мнѣ о моей бѣдности, я и безъ васъ ее чувствую каждый часъ, каждую минуту.

Дулебовъ.

Да развѣ я васъ не жалѣю? Я васъ очень жалѣю, красавица моя.

Нѣгина.

Такъ вы жалѣйте про себя, ваше сіятельство! Мнѣ нѣтъ никакой пользы отъ вашихъ сожалѣній, а слышать ихъ не-

пріятно. Вы находите, что моя квартира не хороша; а я нахожу, что она удобна для меня и мнѣ лучше не надо. Вамъ моя квартира не нравится, вамъ непріятно бывать въ такой квартирѣ, такъ вѣдь никто васъ не принуждаетъ.

Дулебовъ.

Не горячитесь, не горячитесь, моя радость! Вы не дослушаете, да и сердитесь на человѣка, который вамъ преданъ всей душой... Такъ нельзя...

Нѣгина.

Извольте говорить, я слушаю.

Дулебовъ.

Я человѣкъ деликатный, я никогда никого не оскорбляю, я извѣстенъ своей деликатностью. Я бы никогда не посмѣлъ осуждать вашу квартиру, еслибъ не имѣлъ въ виду...

Нѣгина.

Чего, князь.

Дулебовъ.

Предложить вамъ другую, лучше гораздо.

Нѣгина.

За ту же цѣну?

Дулебовъ.

Ну, какое вамъ дѣло до цѣны?

Нѣгина.

Я что-то не понимаю, князь.

Дулебовъ.

Вотъ видите ли, мое блаженство, я человѣкъ очень добрый, нѣжный—это тоже всѣмъ извѣстно... я, не смотря на свои лѣта, до сихъ поръ сохранилъ всю свѣжесть чувства... я еще до сихъ поръ могу увлекаться, какъ юноша...

Нѣгина.

Я очень рада; но какое же отношеніе имѣетъ все это къ моей квартирѣ?

Дулебовъ.

Очень просто. Развѣ вы не замѣчаете? Я люблю васъ... Лелѣять васъ, баловать... это было бы для меня наслажденіемъ... это моя потребность; у меня очень много нѣжности въ душѣ, мнѣ нужно ласкать кого-нибудь, я безъ этого не могу. Ну, подойдите-же ко мнѣ, мой птенчикъ!

Нѣгина (*встаетъ*).

Вы съ ума сошли!

Дулебовъ.

Грубо, мой другъ, грубо!

Нѣгина.

Да съ чего вы вздумали? Помилуйте! Я вамъ никакого повода не подавала... Какъ вы осмѣлились выговорить?

Дулебовъ.

Потише, потише, мой дружочекъ!

Нѣгина.

Это что-жь такое! Пріѣхать въ чужой домъ и, ни съ того, ни съ сего, затѣять глупый, обидный разговоръ.

Дулебовъ.

Потише, потише, пожалуйста! Вы еще очень молоды, чтобы такъ разговаривать.

Нѣгина.

Вотъ это мило! «Вы еще молоды!» Значитъ, молодыхъ можно обижать, сколько угодно, и они должны молчать.

Дулебовъ.

Да какая тутъ обида? Въ чемъ обида? Дѣло самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочнаго общества, и осмѣливаетесь осуждать почтеннаго человѣка! Что вы, въ самомъ дѣлѣ! Вы меня обижаете!

Нѣгина (*въ слезахъ*).

Ахъ, Боже мой! Нѣтъ, это выше силъ...

Дулебовъ.

На все есть приличная форма, сударыня! Въ васъ совсѣмъ нѣтъ благовоспитанности; не нравится вамъ мое предложеніе, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежеланіе учтиво, или какъ-нибудь на шутку свести.

Нѣгина.

Ахъ, оставьте меня, пожалуйства! Не нужно мнѣ вашихъ нравоученій. Я сама знаю, что мнѣ дѣлать, сама знаю, что хорошо, что дурно. Ахъ, Боже мой!.. Да не желаю я васъ слушать.

Дулебовъ.

Да что же вы кричите?

Нѣгина.

Отъ чего-жь мнѣ не кричать? Я у себя дома, кого-жь мнѣ бояться?

Дулебовъ.

Прекрасно! Только вы помните, моя радость, что я обиды не забываю.

Нѣгина.

Ну, хорошо, хорошо, буду помнить.

Дулебовъ.

Извините, я думалъ, что вы дѣвица благовоспитанная; я никакъ не могъ ожидать, что вы отъ всякой малости расплачетесь и разчувствуетесь, какъ кухарка.

Нѣгина.

Да ну, хорошо; ну я кухарка, только я желаю быть честной. (*Домна Пантелевна показывается изъ дверей*).

Дулебовъ.

И поздравляю васъ! Только честности одной мало, надо быть и поумнѣе, и поосторожнѣе, чтобы потомъ не плакать. Билета мнѣ не присылайте, я не поѣду на вашъ бенефисъ, мнѣ некогда; а если вздумаю, такъ пошлю взять въ кассѣ. (*Уходитъ. Входитъ Домна Пантелевна*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Нѣгина и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна.

Что такое? Что тутъ у васъ? Князь уѣхалъ? Ужь не разсердился-ли онъ?

Нѣгина.

Да пускай его сердится!

Домна Пантелевна.

Что ты! Опомнись! Передъ бенефистомъ-то? Да въ умѣ ли ты?

Нѣгина.

Да вѣдь невозможно! Что онъ говоритъ! Кабы вы послушали!

Домна Пантелевна.

А тебѣ что! Пускай, говоритъ. Отъ его словъ тебя не убудетъ.

Нѣгина.

Да вѣдь вы не знаете, что онъ говорилъ; что-жь вы мѣшаетесь не въ свое дѣло?

Домна Пантелевна.

Очень я знаю, оченно прекрасно все это знаю, что мужчины говорятъ.

Нѣгина.

И можно это слушать равнодушно?

Домна Пантелевна.

А что-жь такое! Городи, сколько хочешь. Пусть его мелетъ въ свое удовольствіе, а ты, знай, посмѣивайся!

Нѣгина.

Ахъ, не учите! Оставьте, пожалуйста! Я знаю какъ вести себя.

Домна Пантелевна.

Ужь и видно, что знаешь: передъ самымъ бенефистомъ побранилась ты съ такимъ человѣкомъ!

Нѣгина.

Маменька, да развѣ вы не видите, что я разстроена? Я дрожу вся, а вы ко мнѣ пристаете.

Домна Пантелевна.

Нѣтъ, ты погоди! Ты выслушай отъ матери резонъ! Какъ же это передъ бенефистомъ браниться, ежели которые люди тебѣ нужные?..Не могла ты подождать-то? Ну, послѣ бенефиста бранись, сколько хочешь, я тебѣ ни слова не скажу. Потому нельзя тоже имъ и волю давать; ограничить слѣдуетъ. Ахъ, молъ, ты пугало огородное!..

Нѣгина.

Маменька, да довольно ужь...

Домна Пантелевна.

Нѣтъ, постой! А передъ бенифистомъ ты должна была учтиво...

Нѣгина.

Да я и не бранилась, я только обидѣлась и сказала, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ.

Домна Пантелевна.

Вотъ и глупа, вотъ и глупа! Ты бы, какъ можно, старалась учтивѣе. «Молъ, ваше сіятельство, мы завсегда вами очень довольны и завсегда вами благодарны; только подлостевъ такихъ мы слушать не желаемъ. Мы, молъ, совсѣмъ напротивъ того, какъ вы объ насъ понимаете», Вотъ какъ надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво.

Нѣгина.

Что сдѣлано, то сдѣлано; нечего теперь объ этомъ толковать!

Домна Пантелевна.

Я вотъ и не ученая, да знаю, какъ съ людьми разговаривать; а тебя еще учитель учитъ...

Нѣгина.

Что вы еще объ учителѣ?... Вѣдь не понимаете вы этого ничего, такъ нечего вамъ и мѣшаться не въ свое дѣло.

Домна Пантелевна.

Да чего понимать-то? Обнаковенно студентъ... Эка важность какая, скажите, пожалуйста! Не баронъ какой-нибудь!.. Видали мы этого званія-то довольно. Только на разговорѣ ихъ и взять... Голь на голи да голью погоняетъ. Только одинъ форсъ, а сертучишка нѣтъ порядочнаго.

Нѣгина.

Что онъ вамъ сдѣлалъ... ну, за что вы? За что вы и меня-то мучаете?

Домна Пантелевна.

Ну, да какъ же, эка особа! И говорить про него не смѣй! Нѣтъ, матушка, никто мнѣ не запретитъ, захочу вотъ, такъ и обругаю, въ глаза обругаю. Самыя, что ни есть обидныя слова подберу, да такъ-таки прямо ему и отпечатаю... Вотъ ты и знай, какъ съ матерью спорить, какъ съ матерью разговаривать.

Нѣгина.

Уйдите!

Домна Пантелевна.

Вотъ еще «уйдите»! Да уходи сама, коли тебѣ со мной тѣсно.

Нѣгина.

Вонъ кто-то подъѣхалъ кажется... Уйдите, маменька! Кому интересно наши съ вами умные разговоры слушать!

Домна Пантелевна.

Такъ вотъ не уйду же. Ишь ты... Сама разобидитъ мать, какъ нельзя хуже, да еще разныя претензіи представляетъ... «Умные разговоры». Не глупѣе я тебя съ студентомъ-то съ твоимъ, съ лохматымъ.

Нѣгина (*взглянувъ въ окно*).

Великатовъ! Въ первый разъ къ намъ... а у насъ тутъ...

Домна Пантелевна.

Не безпокойтесь, сударыня, мамзель Нѣгина, знаменитая актриса, обращеніе не хуже васъ знаемъ... Только я тебѣ это припомню.

Нѣгина.

Смѣльская съ нимъ.

Домна Пантелевна.

Да-съ, вотъ люди умѣютъ же...

Нѣгина.

Какія лошади, какія лошади!

Домна Пантелевна.

Смѣльская-то катается, а мы пѣшечкомъ ходимъ.

(*Входятъ Смѣльская и Великановъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Нѣгина, Домна Пантелевна, Смѣльская и Великатовъ.

Домна Пантелевна.

Пожалуйте, пожалуйте, Нина Васильевна!

Смѣльская.

Здравствуйте, Домна Пантелевна! Гостя къ вамъ привезла, Ивана Семеныча Великатова. (*Великатовъ кланяется*).

Домна Пантелевна.

Ахъ, очень пріятно познакомиться. Давно я васъ знаю, въ театрѣ часто видала, а познакомиться не приводилось.

Смѣльская.

Здравствуй, Саша! Я сбиралась къ тебѣ, ужъ и шляпу надѣла, а Иванъ Семенычъ и заѣхалъ; ну, и увязался со мной. Ты не сердишься? Она вѣдь у насъ затворница.

Нѣгина (*подаетъ руку Великатову*).

Ахъ, что ты! Я очень рада. Вамъ бы давно дегадаться, Иванъ Семенычъ.

Великатовъ.

Не смѣлъ, Александра Николавна; я человѣкъ робкій.

Смѣльская.

Да, ужь робкій—похоже!

Нѣгина.

Скажите лучше, гордый.

Домна Пантелевна.

Вотъ ужь это ты напрасно; Иванъ Семенычъ человѣкъ обходительный со всѣми, я сама это видала. Гордости этой въ нихъ совсѣмъ нѣтъ.

Великатовъ.

Совсѣмъ нѣтъ, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна.

Я люблю правду говорить.

Великатовъ.

Я тоже, Домна Пантелевна.

Нѣгина.

Садитесь Иванъ Семенычъ.

Великатовъ.

Не безпокойтесь, сдѣлайте одолженіе! У васъ, вѣроятно, какія-нибудь дѣла есть; вы на насъ не обращайте вниманія. Я съ Домной Пантелевной побесѣдую. (*Садится у стола, Нѣгина и Смѣльская говорятъ шепотомъ*).

Нѣгина (*смѣльской*).

Вотъ что, Нина...

Смѣльская.

Неужели?

Нѣгина.

Да. Незнаю, что и дѣлать.

Смѣльская.

Какъ быть-то? Да ты бы... (*говоритъ шепотомъ*).

Домна Пантелевна.

Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, шепчетесь? Нешто это учтиво?

Великатовъ.

Не мѣшайте имъ! У всякаго свои дѣла.

Домна Пантелевна.

Какія дѣла! Все пустяки. Вѣдь я знаю, про что говорятъ. О тряпкахъ. Вотъ у нихъ дѣла-то какія!

Великатовъ.

Для насъ съ вами тряпки—пустяки, а для нихъ—важное дѣло.

Домна Пантелевна.

Платьишка нѣтъ къ бенефису, да и денегъ-то.

Великатовъ.

Ну, вотъ видите! А вы говорите, что пустяки (*взглянувъ въ окно*). Курочки-то это ваши?

Домна Пантелевна.

Которыя?

Великатовъ.

А вотъ кохинхинскія.

Домна Пантелевна.

Нѣтъ, гдѣ ужь намъ кохетинскихъ разводить! Были двѣ гилянки, да двѣ шпанки, а пѣтухъ русскій; орелъ, а не пѣтухъ — да всѣхъ разворовали.

Великатовъ.

А вы любите курочекъ-то, Домна Пантелевна?

Домна Пантелевна.

До страсти, батюшка, всякую птицу люблю. (*Входитъ Мелузовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Нѣгина Смѣльская, Домна Пантелеевна, Великатовъ и Мелузовъ.

Нѣгина (*Великатову*).

Позвольте васъ познакомить! Петръ Егорычъ Мелузовъ. Иванъ Семенычъ Великатовъ.

Смѣльская.

Ахъ, знаете ли, Иванъ Семенычъ, вѣдь Петръ Егорычъ—студентъ; онъ женихъ Сашинъ.

Великатовъ (*подавая руку*).

Очень пріятно съ вами познакомится.

Мелузовъ.

Что же тутъ пріятнаго для васъ? Вѣдь это фраза. Ну, познакомились, такъ и будемъ знакомы. Вотъ и все.

Великатовъ (*почтительно*).

Совершенно справедливо: очень много говорится пустыхъ фразъ, я съ вами согласенъ; но то, что я сказалъ, извините, не фраза. Мнѣ пріятно, что артистки выходятъ замужъ за порядочныхъ людей.

Мелузовъ.

Да, коли такъ... благодарю васъ! (*Подходитъ и горячо жметъ руку Великатову*).

Нѣгина.

Пойдемъ, Нина, я тебѣ покажу платье! Посмотри, можно ли изъ него сдѣлать что-нибудь! (*Великатову*). Извините, что мы васъ оставляемъ! Но я знаю, что вамъ не будетъ скучно: вы будете разговаривать съ образованнымъ человѣкомъ, это не то, что съ нами. Маменька, пойдемте! Отоприте шкафъ! (*Уходятъ: Нѣгина, Смѣльская и Домна Пантелеевна*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Великатовъ и Мелузовъ.

Великатовъ *(замѣтивъ на столѣ книги)*.

Книжки и татрадки.

Мелузовъ.

Да, учимся понемножку.

Великатовъ.

И успѣхи есть?

Мелузовъ.

Нѣкоторые, такъ сказать, относительные.

Великатовъ.

И того довольно. Времени у Александры Николаевны мало: чуть не каждый день новая пьеса, надо и рольку подготовить и о костюмѣ подумать. Не знаю, какъ вы полагаете, а мнѣ кажется, что это довольно затруднительно: учить роли и граматику вмѣстѣ.

Мелузовъ.

Да, удобствъ большихъ не представляетъ.

Великатовъ.

По крайней мѣрѣ, есть стремленіе, есть охота, и то ужь великое дѣло. Честь вамъ и слава.

Мелузовъ.

Да за что же слава-то, напримѣръ?

Великатовъ.

За благородныя намѣренія. Кому же въ голову придетъ актрису грамматикѣ учить!

Мелузовъ.

Да вы смѣетесь, можетъ быть?

Великатовъ.

Нисколько, помилуйте; я никогда себѣ не позволю. Я очень люблю молодыхъ людей.

Мелузовъ.

Ужь будто?

Великатовъ.

Очень люблю ихъ слушать... это освѣжаетъ душу. Такіе благородные, высокіе замыслы... даже завидно.

Мелузовъ.

Чему же тутъ завидовать? Кто-жь вамъ мѣшаетъ имѣть благородные, высокіе замыслы?

Великатовъ.

Нѣтъ, гдѣ же намъ, помилуйте! Насъ проза жизни одолѣла. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

Мелузовъ.

Какіе же грѣхи за вами водятся?

Великатовъ.

Тажкіе. Практическія соображенія, матеріальные разсчеты— вотъ наши грѣхи. Постоянно вращаешься въ сферѣ возможнаго, достижимаго; ну, душа-то и мельчаетъ, ужь высокихъ, благородныхъ замысловъ и не приходитъ въ голову.

Мелузовъ.

Да что вы называете благородными замыслами?

Великатовъ.

А такіе замыслы, въ которыхъ очень много благородства и очень мало шансовъ на успѣхъ. (*Входятъ Нѣгина, Смѣльская и Домна Пантелевна*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Великатовъ, Мелузовъ, Нѣгина, Смѣльская и Домна Пантелевна.

Смѣльская (*Нѣгиной*).

Все это, душа моя, не годится.

Нѣгина.

Я и сама вижу. Новое дѣлать—будетъ очень дорого.

Смѣльская.

Да какъ же быть-то! вѣдь нельзя же... Поѣдемте, Иванъ Семенычъ!

Великатовъ.

Къ вашимъ услугамъ. (*Подаетъ руку Нѣгиной*). Честь имѣю кланяться!

Нѣгина.

Какія у васъ лошади! Вотъ бы прокатиться какъ-нибудь.

Великатовъ.

Когда вамъ угодно, прикажите только. (*Подаетъ руку Мелузову, потомъ Домнѣ Пантелевнѣ*). Домна Пантелевна, мое почтеніе! А какъ вы на мою тётеньку похожи.

Домна Пантелевна.

Да ужли?

Великатовъ.

Вѣдь это удивительно... такое сходство... чуть не назвалъ васъ тётенькой.

Домна Пантелевна.

Да зовите, зачѣмъ дѣло стало!

Смѣльская.

Ну, ѣдемте! Прощай, Саша! Прощайте! (*Кланяется всѣмъ*).

Великатовъ (*Домнѣ Пантелевнѣ*).

До свиданія, тётенька! (*Уходятъ Смѣльская и Великатовъ. Домна Пантелевна провожаетъ ихъ до двери*).

Домна Пантелевна.

Ахъ, прокуратъ! (*Нѣгиной*). А ты говоришь, онъ гордый! ничего не гордый. Ужь на что еще обходительнѣе. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Нѣгина и Мелузовъ.

Нѣгина (*у окна*).

Какъ покатили! Что за прелесть! Счастливая эта Нина; вотъ характеръ завидный (*Мелузовъ обнимаетъ ее*). Ахъ медвѣжьи объятья!.. До смерти не люблю. Нѣтъ, Петя, оставь меня!

Мелузовъ.

Саша, да вѣдь я отъ тебя еще ни одной ласки не видалъ. Хороши женихъ съ невѣстой!

Нѣгина.

Послѣ, Петя, послѣ. Дай мнѣ немного успокоиться! Мнѣ теперь не до того.

Мелузовъ.

А коли не до того, такъ давай учиться!

Нѣгина.

Какое ученье! У меня бенефись изъ головы нейдетъ; платья нѣтъ, вотъ моя бѣда.

Мелузовъ.

Не о платьѣ же мы будетъ говорить, это не мой предметъ; по этой части я въ преподаватели не гожусь.

Нѣгина.

Охъ, мнѣ теперь не преподаваніе нужно, а деньги.

Мелузовъ.

Ну, и по этой части я тоже швахъ. Вотъ получу мѣсто, запрягусь; тогда будемъ жить безбѣдно. Ну, что-жь мы будемъ дѣлать? А вотъ что, Саша; давай примемся за исповѣдь!

Нѣгина.

Ахъ, мнѣ всегда это какъ-то неловко!

Мелузовъ.

Ты меня стыдишься?

Нѣгина.

Нѣтъ, а какъ-то вотъ тяжело... непріятно.

Мелузовъ.

Надо побороть въ себѣ это непріятное чувство. Вѣдь ты меня просила учить тебя жить; ну, какъ же я стану тебя учить, не лекціи же читать? А, вотъ, ты мнѣ говоришь, что ты чувствовала, говорила и дѣлала; а я тебѣ говорю, какъ надо чувствовать, говорить и поступать. Такъ ты постепенно и улучшаешься и современемъ будешь...

Нѣгина.

Что̀ буду, милый мой?

Мелузовъ.

Будешь совсѣмъ хорошей женщиной, такой, какой надо, какъ это нынче требуется отъ вашего брата.

Нѣгина.

Да, я тебѣ благодарна. Я ужь и такъ много лучше стала, я сама это чувствую... А все тебѣ обязана, голубчикъ... Ну, изволь.

Мелузовъ (*садится у стола*).

Садись со мной рядомъ!

Нѣгина (*садится подлѣ, Мелузовъ обнимаетъ ее одной рукой*).

Ну, вотъ слушай! Нынче утромъ заѣзжалъ ко мнѣ князь Дулебовъ. Говорилъ, что у меня квартира нехороша, что такъ жить неприлично; ну, я немножко обидѣлась, сказала, что коли моя квартира ему не нравится, такъ никто его не принуждаетъ бывать здѣсь.

Мелузовъ.

Молодецъ, Саша! Далѣе!

Нѣгина.

Далѣе, предложилъ мнѣ переѣхать на другую квартиру хорошую.

Мелузовъ.

Зачѣмъ это ему?

Нѣгина.

А затѣмъ, что у него очень много нѣжности въ душѣ и что ему, видишь ты, ласкать некого.

Мелузовъ (*хохочетъ*).

Вотъ силлогизмъ неожиданный! Такъ какъ мнѣ ласкать некого, а ласкать нужно, та эта квартира не хороша и вы должны переѣхать на новую квартиру. (*Хохочетъ*). Ай да князь Одолжилъ.

Нѣгина.

Ты вотъ смѣешься, тебѣ весело, а я расплакалась.

Мелузовъ.

Такъ и надо: мнѣ смѣяться, а тебѣ плакать.

Нѣгина.

Да почему же это?

Мелузовъ.

Да ты подумай! Если бы отъ такихъ разговоровъ тебѣ очень весело было, а я бы заплакалъ, хорошо ли бы это было?

Нѣгина (*подумавъ*).

Да, ужь это было бы очень не хорошо. Ахъ, ты головка! (*Гладитъ его по головѣ*). Скажи мнѣ, Петя, отъ чего ты такой умный?

Мелузовъ.

Умный, или нѣтъ, еще это вопросъ; но что я умнѣй многихъ васъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И умнѣй отъ того, что я больше думаю, чѣмъ говорю; а вы больше говорите, чѣмъ думаете.

Нѣгина.

Ну, теперь ужь я тебѣ скажу самую откровенную вещь... Только ты, пожалуйста, не сердись! это ужь нашъ порокъ женскій. Я сегодня позавидовала.

Мелузовъ.

Кому ты можешь завидовать, милая? Въ чемъ?

Нѣгина.

Да только ты не сердись! Смѣльской. . что она такъ весело живетъ, катается на такихъ лошадяхъ. Дурно, знаю, что дурно.

Мелузовъ.

Зависть да ревность—опасныя чувства: мужчины это знаютъ хорошо и пользуются вашей слабостью. Изъ зависти, да изъ ревности женщина много дурного способна натворить.

Нѣгина.

Знаю, знаю, видала примѣры. Мнѣ такъ это на минуту въ голову пришло, я потомъ одумалась.

Мелузовъ.

Надо ужь что-нибудь одно, Саша. Мы съ тобой хотимъ честную, трудовую жизнь вести, такъ объ лошадяхъ ли намъ думать!

Нѣгина.

Да, конечно! Вѣдь и въ трудовой жизни есть свои удовольствія, Петя? Вѣдь бываютъ?

Мелузовъ.

Еще бы!

Нѣгина.

Ты у насъ пообѣдай! Послѣ обѣда я тебѣ роль почитаю, такъ и проведемъ цѣлый день вмѣстѣ. Будемъ привыкать къ тихой, семейной жизни.

Мелузовъ.

Безподобно!

Нѣгина (*прислушиваясь*).

Это что такое? Подъѣхалъ кто-то. (*Входитъ Смѣльская съ двумя свертками въ рукахъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Нѣгина, Мелузовъ и Смѣльская.

Смѣльская.

Вотъ, Саша, на! (*Подастъ одинъ свертокъ*). Это Иванъ Семенычъ купилъ намъ по платью. Это тебѣ, а это мнѣ. (*Разворачиваютъ и смотрятъ оба куска*).

Мелузовъ.

Да какое же онъ имѣетъ право дѣлать подарки Александрѣ Николаевнѣ?

Смѣльская.

Ахъ, оставьте, пожалуйста, ваши разсужденія! Ваша философія теперь не къ мѣсту. Это совсѣмъ не подарокъ, это онъ ей за билетъ въ бенефисъ.

Мелузовъ.

А вамъ за что?

Смѣльская.

А вамъ какое дѣло! За то, что любитъ меня.

Нѣгина.

Именно то, что мнѣ нужно, Нина. Ахъ, какъ мило!

Смѣльская.

Вѣдь я выбирала; ужь я знаю, что тебѣ требуется. Ну, ѣдемъ, Саша, ѣдемъ скорѣй!

Нѣгина.

Куда?

Смѣльская.

Кататься, я на лошадяхъ Ивана Семеныча, а потомъ обѣдать въ вокзалъ. Онъ звалъ всю труппу, хочетъ проститься со всѣми; онъ скоро уѣзжаетъ.

Нѣгина (*задумчиво*).

Право, не знаю.

Смѣльская.

Да что ты, помилуй! Объ чемъ тутъ думать! развѣ отказаться можно? Должна же ты поблагодарить его.

Мелузовъ.

Весьма любопытно, какъ вы поступите въ этомъ случаѣ?

Нѣгина.

Знаете что, Петръ Егорычъ? Я думаю. что мнѣ надо ѣхать. а то неучтиво. Можно вооружить противъ себя всю публику: князь ужь сердится, да и Великатовъ можетъ обидѣться.

Мелузовъ.

А когда же мы будемъ къ тихой семейной жизни привыкать?

Смѣльская.

Это ужь послѣ бенефиса, Петръ Егорычъ. Время ли теперь о семейной жизни думать. Эго смѣшно даже. Еще семейная-то жизнь успѣетъ надоѣсть; а теперь нужно пользоваться случаемъ

Нѣгина (*рѣшительно*).

Нѣтъ, Петръ Егорычъ, я поѣду. Въ самомъ дѣлѣ, отказываться не хорошо.

Мелузовъ.

Какъ вамъ угодно; это ваше дѣло.

Нѣгина.

Тутъ не въ томъ дѣло, угодно ли мнѣ; можетъ быть, мнѣ и неугодно; а необходимо ѣхать; конечно, необходимо, и разсуждать нечего.

Мелузовъ.

Такъ поѣзжайте!

Смѣльская.

Сбирайся, сбирайся!

Нѣгина.

Я сейчасъ. (*Уходитъ за перегородку со свертком*ъ).

Смѣльская

Вы не ревновать ли вздумали? Такъ успокойтесь, онъ черезъ день уѣзжаетъ, да и я не уступлю его Сашѣ.

Мелузовъ.

«Не уступлю». Вы меня извините, я такихъ отношеній между мужчинами и женщинами не понимаю.

Смѣльская.

Да гдѣ же еще вамъ понимать! Вѣдь вы жизни совсѣмъ не знаете. А вотъ поживите между нами, такъ научитесь все понимать. (*Входитъ Нѣгина одѣтая*). Ну, идемъ! Прощайте! (*Уходитъ*).

Нѣгина.

Петя, ты приходи вечеромъ; мы будемъ учиться; я буду умница; я буду тебя слушаться всегда во всемъ, а теперь прости меня! Ну, прости, милый! (*Цѣлуетъ его и убѣгаетъ*).

Мелузовъ (*нахлобучиваетъ шляпу*).

Гм! (*подумавъ*). Зашагаемъ ко дворамъ! Ничего не подѣлаешь!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица.

Нѣгина
Смѣльская.
Князь Дулебовъ.
Великатовъ.
Бакинъ.
Мелузовъ.
Нароковъ.
Гаврило Петровичъ Мигаевъ—антрепренеръ.
Ерастъ Громиловъ—трагикъ.
Вася, молодой купчикъ, пріятной наружности и съ приличными манерами.
Публика разнаго рода, болѣе купеческая.

Городской садъ. Направо отъ актеровъ задній уголъ театръ (деревяннаго) съ входной дверью на сцену; ближе къ авансценѣ садовая скамья; налѣво, на первомъ планѣ, подъ деревьями, скамейка и столъ; въ глубинѣ подъ деревьями столики и садовая тебель.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Трагикъ (*сидитъ у стола, опустивъ голову на руку изъ театра выходитъ:*) Нароковъ.

Трагикъ.

Мартынъ, антрактъ?

Нароковъ.

Антрактъ. А ты ужь опять «за Ураломъ за рѣкой»?

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася? Гдѣ мой Вася?

Нароковъ.

А я почемъ знаю.

Трагикъ.

Мартынъ, поди сюда!

Нароковъ (*Подходя*).

Ну, пришелъ сюда, ну, что?

Трагикъ.

Деньги есть?

Нароковъ.

Ни крейцера.

Трагикъ.

Мартынъ... для друга! Велико это слово!

Нароковъ.

Pas un sou; хоть вывороти карманы.

Трагикъ.

Скверно.

Нароковъ.

На что хуже.

Трагикъ (*покачавъ головой*).

О люди, люди!.. (*молчаніе*) Мартынъ!

Нароковъ.

Что̀ еще?

Трагикъ.

Займи, поди!

Нароковъ.

У кого прикажете? Кредитъ-то у насъ съ тобой необширный.

Трагикъ.

О̀ люди, люди!

Нароковъ.

Да, ужь дѣйствительно «о люди, люди»!

Трагикъ.

И ты, Мартынъ, возропталъ?

Нароковъ.

Какая-то гнусная, дьявольская интрига затѣвается.

Трагикъ (*грозно*).

Интрига? Гдѣ? Противъ кого?

Нароковъ.

Противъ Александры Николавны?

Трагикъ (*еще грознѣе*).

Кто онъ? Гдѣ онъ? Скажи ему отъ меня, что онъ со мной будетъ имѣть дѣло, съ Ерастомъ Громиловымъ!

Нароковъ.

Ничего ты не сдѣлаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и такъ разстроенъ, а ты шумишь безъ толку. Мука мнѣ съ вами! У всѣхъ у васъ и много лишняго и многаго не хватаетъ. Я измаялся, глядя на васъ, У комиковъ много лишняго комизма, а у тебя много лишняго трагизма; а не хватаетъ у васъ граціи... граціи, мѣры. А мѣра-то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты гороховые!

Трагикъ.

Нѣтъ, Мартынъ, я благороденъ... Ахъ, какъ я благороденъ! Одно, братъ Мартынъ, обидно, что благороденъ-то я только въ пьяномъ видѣ... (*опускаетъ голову и трагически рыдаетъ*).

Нароковъ.

Ну, вотъ и шутъ, ну, вотъ и шутъ!

Трагикъ.

Мартынъ! говорятъ, что ты сумасшедшій; скажи мнѣ, правда это, или нѣтъ?

Нароковъ.

Правда, я согласенъ; но только съ однимъ условіемъ: если вы всѣ здѣсь умные, такъ я сумасшедшій, я тогда спорить не стану.

Трагикъ.

Знаешь, Мартынъ, на что мы съ тобой похожи?

Нароковъ.

На что?

Трагикъ.

Ты знаешь Лира?

Нароковъ.

Знаю.

Трагикъ.

Такъ помнишь, тамъ, въ лѣсу, въ бурю... Я Лиръ, а ты мой дуракъ.

Нароковъ.

Нѣтъ, не заблуждайся, Лировъ нѣтъ межъ нами; а кто изъ насъ дуракъ, это я предоставляю тебѣ самому догадаться (*Изъ театра въходитъ Нѣгина*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Трагикъ, Нароковъ и Нѣгина.

Нѣгина.

Что-жь это такое, Мартынъ Прокофьичъ? Что они со мной дѣлаютъ?

Нароковъ (*хватаясь за голову*).

Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня.

Нѣгина.

Да вѣдь это обидно до слезъ.

Нароковъ.

О, не плачьте; они не стоятъ вашихъ слезъ. Вы бѣлый голубь въ черной стаѣ грачей, вотъ они и клюютъ васъ. Бѣлизна, чистота ваша имъ обидна.

Нѣгина (*сквозь слезы*).

Послушайте, Мартынъ Прокофьичъ, вѣдь при васъ, при васъ, помните, онъ обѣщалъ дать мнѣ сыграть передъ бенефисомъ. Я жду, я цѣлую недѣлю не играла, сегодня послѣдній спектакль передъ бенефисомъ; а онъ, противный, что же дѣлаетъ! Назначаетъ «Фру-фру» со Смѣльской.

Нароковъ.

Кинжалъ въ грудь по рукоятку!

Нѣгина.

Устраиваютъ ей овацiи наканунѣ моего бенефиса, подносятъ букеты; а меня публика и забыла совсѣмъ. Какой же у меня можетъ быть сборъ!

Трагикъ.

Офелiя, удались отъ людей!

Нѣгина.

Я стала ему говорить, онъ только шутитъ, да смѣется въ глуза.

Нароковъ.

Дерево онъ у насъ, дерево, дубъ, осина.

Трагикъ.

Офелiя, удались отъ людей!

Нѣгина.

Мартынъ Прокофьичъ, вы только одни меня любите.

Нароковъ.

О, да, больше жизни, больше свѣта.

Нѣгина.

Я васъ понимаю и сама люблю.

Нароковъ.

Понимаете, любите? Ну, вотъ я и счастливъ, да, да... *(тихо смѣется)* какъ ребенокъ счастливъ.

Нѣгина.

Мартынъ Прокофьичъ, сдѣлайте одолженiе, поищите Петра Егорыча; скажите ему, чтобы онъ ко мнѣ на сцену пришелъ.

Нароковъ.

Я такъ счастливъ, что съ удовольствiемъ позову и приведу къ вамъ вашаго любовника.

Нѣгина.

Онъ женихъ, Мартынъ Прокофьичъ, а не любовникъ.

Нароковъ.

Все равно, все равно, голубь мой бѣлый! Женихъ, мужъ; но если вы его любите, такъ онъ вашъ любовникъ. Но я ему не завидую, я самъ счастливъ.

Нѣгина.

Да зайдите въ кассу, узнайте, берутъ ли на мой бенефисъ. Я подожду васъ въ уборной: будемъ чай пить. (*Нароковъ уходитъ*).

Трагикъ.

Коли съ ромомъ; такъ и я буду.

Нѣгина.

Нѣтъ, безъ рому. (*Уходитъ на сцену*).

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася? гдѣ мой Вася? (*Уходитъ въ глубину сада. Входятъ: князь Дулебовъ и Мигаевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Дулебовъ и Мигаевъ.

Дулебовъ.

Нѣгина намъ негодится, говорю я вамъ. Вы обязаны угождать благородной публикѣ, свѣтской; а не райку. Ну, а намъ она не по вкусу, слишкомъ проста, ни манеръ, ни тону.

Мигаевъ.

Гардеробу не имѣетъ хорошаго, а талантъ большой-съ.

Дулебовъ.

Ну, талантъ! Много вы, мой милый, понимаете!

Мигаевъ.

Дѣйствительно, ваше сіятельство, я понимаю не очень мно-

го; но вѣдь мы судимъ... извините, ваше сіятельство, по карману: дѣлаетъ сборы большіе, такъ и талантъ.

Дулебовъ.

Ну, да, конечно; вы матеріалисты.

Мигаевъ.

Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сіятельство, мы матеріалисты.

Дулебовъ

Вы не понимаете этого... тонкаго... какъ это сказать... этого шику.

Мигаевъ.

Не понимаемъ, ваше сіятельство. Но позвольте вамъ доложить, я въ прошломъ году выписалъ знаменитость съ шикомъ на великосвѣтскія роли...

Дулебовъ.

Ну, что же?

Мигаевъ.

Убытокъ, ваше сіятельство. Ни красы ни радости.

Дулебовъ.

Красы не было? Ну, какъ это возможно сказать, какъ можно позволить себѣ сказать, что красы не было!

Мигаевъ.

Виноватъ, ваше сіятельство. Краса, дѣйствительно, была: бывало, когдѣ она одѣвается, такъ вся труппа подлѣ уборной, кто въ двери, кто въ щелочки. Вѣдь у насъ уборныя прозрачныя, ажуръ устроены.

Дулебовъ (*хохочетъ*).

Ха, ха, ха! Вотъ видите! Ну и радость тоже.

Мигаевъ.

Такъ точно-съ, и радость была... для вашего сіятельства, а для меня горе.

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Ты каламбуристъ.

Мигаевъ.

Нельзе же безъ этого, всего есть понемножку, а то пропадешь; наше званіе такое, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Ты бы водевели писалъ. Извините, я вамъ говорю „ты“... Но это только знакъ расположенія, мой милый.

Мигаевъ.

А изъ чего же мы и бьемся, какъ не изъ расположенія. Только осчастливьте, ваше сіятельство... А тамъ „ты ли, вы ли“— это рѣшительно все равно.

Дулебовъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же! Я учтивъ, я всегда деликатенъ. Такъ что же вы водевилей не пишите?

Мигаевъ.

Пробовалъ, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Ну, что же?

Мигаевъ.

Театрально-литературный комитетъ не одобряетъ.

Дулебовъ.

Странно. Отчего же такъ?

Мигаевъ.

Не могу знать, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

А вы въ другой разъ, коли напишете, такъ скажите мнѣ. Я вамъ сейчасъ... у меня тамъ. Ну, да что тутъ. Только скажите.

Мигаевъ.

Слушаю, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

А я ужь это сейчасъ!.. у меня тамъ... ну, да что толко-

вать только скажите... А я вамъ, вмѣсто Нѣгиной, выпишу актрису настоящую; и собой (*разводитъ руками*) ужь, мое почтеніе! Пальчики оближете.

Мигаевъ.

Пальчики облизать, это ничего, это еще можно стерпѣть, не пришлось бы кулакомъ слезы утирать, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Вы каламбуристъ! Нѣтъ, право, пишите водевили, пишите, я совѣтую. А актриса, я вамъ говорю, прелесть.

Мигаевъ.

Цѣна, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Ну, цѣна, конечно, подороже.

Мигаевъ.

Изъ какихъ же доходовъ, ваше сіятельство? Гдѣ взять прикажете? И такъ годъ отъ году на нихъ цѣна ростетъ; а сборы все хуже да хуже. Платимъ жалованье, очертя голову, точно милліонщики. Развѣ изполу, ваше сіятельство?

Дулебовъ.

Что такое „изполу“! Какъ такъ изполу?

Мигаевъ.

Пополамъ, половину жалованья вы, половину я.

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Ну, пожалуй... Ну, что такое Нѣгина? Какая это первая актриса! съ ней скучно, мой милый, она не оживляетъ общества, она наводитъ на насъ уныніе.

Мигаевъ.

Что же дѣлать! ужъ если такъ угодно вашему сіятельству, такъ я съ ней контракта не возобновлю.

Дулебовъ.

Да, непремѣнно.

Мигаевъ.

У нея контрактъ кончается.

Дулебовъ.

Ну, вотъ и прекрасно. Вся наша публика будетъ вамъ благодарна.

Мигаевъ.

Да, публики-то вашей, ваше сіятельство, только первый рядъ креселъ.

Дулебовъ.

За то мы даемъ тонъ.

Мигаевъ.

Какъ бы не прогадать.

Дулебовъ.

О нѣтъ, не безпокойтесь! Публика къ ней охладѣла: вотъ посмотрите, въ бенефисъ у ней совсѣмъ сбору не будетъ. Хотите пари?

Мигаевъ.

Спорить не смѣю.

Дулебовъ.

Да и нельзя со мной спорить: я лучше васъ знаю публику и понимаю дѣло. А я такую актрису выпишу, что она здѣсь всѣхъ одушевитъ. Мы тогда заживемъ, припѣваючи.

Мигаевъ.

Припѣваючи? Волкомъ бы не завыть, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Ха, ха. ха! Нѣтъ, ты каламбуристъ, рѣшительно каламбуристъ. Ахъ, извините. Это у меня, когда ужь очень я разговорюсь, въ дружеской бесѣдѣ, а то я вообще, деликатенъ... я даже и съ прислугой... (*Вынимаетъ портсигаръ*). Хочешь сигару?

Мигаевъ.

Пожалуйте, ваше сіятельство (*беретъ сигару*). Дорогія-съ?

Дулебовъ.

Я дешевыхъ не курю.

Мигаевъ.

А у меня горе, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Что такое?

Мигаевъ.

Трагикъ запилъ. Вонъ онъ бродитъ по саду.

Дулебовъ.

А паспортъ у него въ порядкѣ?

Мигаевъ.

Когда-жъ у нихъ въ порядкѣ бываютъ, ваше сіятельство.

Дулебовъ.

Такъ можно пугнуть: что, молъ, по этапу на мѣсто жительства.

Мигаевъ.

Нѣтъ, ужь пугать-то ихъ, ваше сіятельство, не приходится: себѣ дороже.

Дулебовъ.

А что?

Мигаевъ.

Душа у нихъ очень широка, ваше сіятельство. Мнѣ, говоритъ, хоть въ Камчатку, а ты — мерзавецъ! Да дакъ онъ это слово, ваше сіятельство, выразительно выговорить, что не до разговоровъ, а только подумываешь, какъ бы ноги унести.

Дулебовъ.

Да, въ такимъ случаѣ, лучше лаской.

Мигаевъ.

Ужь и то ласкаю. Удивляются, ваше сіятельство, что укротители ко львамъ въ клѣтку ходятъ; насъ этимъ не удивишь. Я скорѣй соглашусь ко льву подойти, чѣмъ къ трагику, когда онъ не въ духѣ, или пьянъ.

Дулебовъ.

Ха, ха, ха! Однако, задали они вамъ страху. Я пойду, поищу своихъ. (*Уходитъ за дверь. Входитъ трагикъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мигаевъ и Трагикъ.

Мигаевъ (*подаетъ сигару*).

Хочешь сигару?

Трагикъ.

Грошовая? Отъ тебя вѣдь хорошей не дождешься.

Мигаевъ.

Нѣтъ, хорошая, княжеская.

Трагикъ.

А что-жъ самъ не куришь?

Мигаевъ.

Да у меня свои-то лучше (*вынимаетъ серебряный портсигаръ*).

Трагикъ.

Вотъ какой портсигаръ у тебя, а говоришь, денегъ нѣтъ.

Мигаевъ.

Да, чудакъ, давно-бъ я его заложилъ, да нельзя—дареный, въ знакъ памяти, пуще глазу его берегу. Видишь надпись: «Гавріилу Петровичу Мигаеву отъ публики».

Трагикъ.

Ефіопъ!

Мигаевъ.

Толкуй съ тобой, коли ты резоновъ не понимаешь. Вонъ публика; должно быть, актъ кончился. (*Уходитъ*).

Трагикъ (*вслѣдъ ему*).

Ефіопъ! (*садится къ столу*). О люди, люди! (*Опускаетъ голову на руки. Входятъ: Дулебовъ, Великатовъ и Вася*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Трагикъ, Дулебовъ. Великатовъ. Бакинъ и Вася.

Бакинъ.

Это прекрасно; такъ ихъ и надо учить, впередъ умнѣе будутъ. Я въ кассу заходилъ, справлялся; сбору четырнадцать рублей.

Вася.

Капиталъ не большой-съ. Еще завтра поторгуютъ утромъ да вечеромъ; оно и понаберется.

Бакинъ.

Сто рублей. Больше не будетъ.

Вася.

И то деньги-съ.

Бакинъ.

Не велики. Вѣдь чай и должишки есть, за тряпочки за разныя. Безъ этого актрисы не живутъ. (*Васѣ*). Вамъ не должна?

Вася.

Мы въ кредитъ не отпускаемъ-съ.

Бакинъ.

Скрываете. Я это люблю, это очень пріятно, когда общественное мнѣніе такъ дружно высказывается. (*Великатову*). Какъ вы полагаете?

Великатовъ.

Совершенно согласенъ съ вами.

Бакинъ.

Она въ лицѣ князя оскорбила наше общество; а обще-

ство платитъ ей за это равнодушіемъ, даетъ понять, что оно забыло о ея существованіи. Вотъ когда придется ей зубы на полку положить, такъ и выучится приличному обхожденію.

Вася.

Чѣмъ же госпожа Нѣгина оскорбила его сіятельство?

Бакинъ.

Да вы знаете князя Ираклія Стратоныча? Вотъ онъ!

Вася.

Какъ же намъ не знать-съ, и кто-жъ въ нашихъ палестинахъ не знаетъ ихъ сіятельства!

Дулебовъ.

Да. мы съ нимъ знакомы давно, я еще и отца его...

Бакинъ (*Васѣ*).

Значитъ, вы знаете, что это за человѣкъ? Это человѣкъ въ высшей степени почтенный, это нашъ аристархъ, душа нашего общества, человѣкъ съ большимъ вкусомъ, умѣющій хорошо пожить, человѣкъ любящій искуство и тонко его понимающій, покровитель всѣхъ художниковъ, артистовъ, а преимущественно артистокъ...

Дулебовъ.

Не довольно-ли?

Бакинъ.

Каждому по заслугамъ, князь. И кромѣ того, человѣкъ щедрый, гостепріимный, отличный семьянинъ. Господа, замѣтьте это! Это рѣдкость въ наше время. Ну, однимъ словомъ, человѣкъ почтеннѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ я говорю?

Вася.

Точно такъ-съ.

Бакинъ (*Великатову*).

Кажется, тутъ двухъ мнѣній быть не можетъ?

Великатовъ.

Совершенно съ вами согласенъ.

Бакинъ.

И этотъ, господа, почтеннѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и отличный семьянинъ пожелалъ осчастливить своей благосклонностью дѣвицу и именно Нѣгину. Что̀ тутъ дурного, я васъ спрашиваю. Онъ очень учтиво говоритъ ей: «Хотите, душенька, йдти ко мнѣ на содержаніе?» А она изволила обидѣться и расплакаться.

Дулебовъ.

Нѣть, ужь, Григорій Антонычъ, оставьте, сдѣлайте одолженіе!

Бакинъ.

Почему же, князь?

Дулебовъ.

Вы когда начнете хвалить кого-нибудь, такъ у васъ выходитъ что почтенный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ оказывается совсѣмъ не почтеннымъ.

Бакинъ.

Камъ вамъ угодно. Я не знаю... я всегда говорю правду. Позвольте, князь, я продолжу немножко. Такъ, изволите видѣть, госпожа Нѣгина обидѣлась. Ей бы и въ голову не пришло обижаться, по крайней мѣрѣ, своимъ умомъ ей бы никакъ до этого не дойти, потому что въ сущности, тутъ для нея нѣтъ ничего обиднаго. Оказывается постороннее вліяніе.

Дулебовъ.

Да, я слышалъ.

Бакинъ.

У этой барышни нашелся наставникъ студентъ, значитъ, дѣло объясняется просто.

Дулебовъ.

И въ театръ проникли.

Бакинъ.

Знали бы свое дѣло, рѣзали бы собакъ, да лягушекъ; а то вздумали актрисъ просвѣщать. Ученая пропаганда между ак-

трисами—дѣло опасное; противъ нея надо принять неотложныя мѣры.

Дулебовъ.

Конечно.

Бакинъ.

Ну, какъ они просвѣтятъ ихъ въ самомъ дѣлѣ; куда-жь намъ тогда съ княземъ дѣться?

Дулебовъ.

Ну, ужь довольно: прошу васъ!

Бакинъ.

Извольте, я кончилъ. *(Великатову)*, Вы, кажется, хотѣли уѣхать сегодня?

Великатовъ.

Не всегда можно разсчитывать навѣрное: я, дѣйствительно, хотѣлъ уѣхать сегодня: но теперь мнѣ представляется одна операція, на которую я прежде не разсчитывалъ.

Бакинъ.

Нажива манитъ?

Великатовъ.

Это дѣло рискованное: можно и нажить, а очень легко и потерять.

Бакинъ.

Хорошо бы сегодня поужинать вмѣстѣ.

Великатовъ.

Что-жь, я не прочь.

Бакинъ.

Князь, какъ вы?

Дулебовъ.

Да, пожалуй, поѣдемте.

Бакинъ.

Сойдемся здѣсь по окончаніи спекталя, да и поѣдемъ куда-нибудь! Теперь что тамъ? Девертисментъ?

Вася.

Разсказчикъ какой-то разсказываетъ.

Дулебовъ.

Что-жь, пойдемте, посмѣемтесь.

Бакинъ.

Коли есть чему, прибавьте князь. (*Бакинъ, Дулебовъ и Великатовъ уходятъ*).

Трагикъ.

Гдѣ мой Бася?

Вася (*подходя*).

Здѣсь Вася. Что тебѣ?

Трагикъ.

Гдѣ ты, братецъ, пропадаешь?

Вася.

Да тебѣ что нужно-то отъ меня; говори скорѣе!

Трагикъ.

Что нужно! Уваженіе нужно. Развѣ ты своей обязанности не знаешь?

Вася.

Ну, подожди немножечко; уважу. Вѣдь ужь долго ждалъ, такъ немножко-то подождать можешь. Я пойду разсказчика послушаю: всѣ наши тамъ. Ну, будь другъ, не держи меня!

Трагикъ.

Ступай! Я благороденъ. (*Вася уходитъ. Со сцены выходятъ: Нѣгина, Смѣльская и Мелузовъ; у него на рукѣ плэдъ и накидка Нѣгиной*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Трагикъ. Нѣгина, Смѣльская и Мелузовъ.

Смѣльская.

Да, Саша, твое положеніе очень непріятное; я понимаю; только я тутъ ни въ чемъ не виновата. Ахъ, Саша, и я въ большомъ затрудненіи.

Нѣгина.

Не можетъ быть: какія у тебя затрудненія! Я не вѣрю. Тебѣ такъ легко, хорошо живется на свѣтѣ.

Смѣльская.

А вотъ видишь (*Отводитъ Нѣгину къ сторонѣ*). За мной очень уважаетъ князь.

Нѣгина.

Такъ что-жь! Ужь это твое дѣло.

Смѣльская.

Конечно, мое дѣло, я это знаю; но мнѣ и Великатова не хочется упустить.

Нѣгина (*съ нѣкоторымъ волненіемъ*).

А развѣ Великатовъ тоже за тобой ухаживаетъ?

Смѣльская.

Онъ странный какой-то: каждый день бываетъ у меня, исполняетъ всѣ мои желанія, а ничего не говоритъ... Онъ робокъ, должно быть. Вѣдь бываютъ такіе характеры. Какъ мнѣ теперь поступить, ужь я и не знаю. Показать князю холодность—наживешь врага; а Великатовъ, пожалуй, уѣдетъ завтра, и его потеряешь. Любезничать съ княземъ будетъ и не благодарно съ моей стороны, да и Великатовъ мнѣ гораздо больше нравится.

Нѣгина.

Еще бы! Конечно... Кому онъ не понравится!

Смѣльская.

Ты находишь? А что я узнала про него! Вѣдь у него милліонное состояніе; онъ только прикидывается такимъ простымъ. Ужь и не знаю, что мнѣ дѣлать. Повѣришь ли, Саша, измучилась.

Нѣгина.

Я вѣдь ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ; спроси вонъ Петра Егорыча.

Смѣльская.

Что ты! А онъ-то что понимаетъ? Онъ будетъ городить свою философію; нужно очень. И ты, милая Саша, напрасно его слушаешь! Не слушай, не слушай ты его, коли добра себѣ желаешь. Онъ тебя только съ толку сбиваетъ. Философія-то хороша въ книжкахъ; а онъ поживи-ко, попробуй, на на-

шемъ мѣстѣ! Ужь есть ли что хуже нашего женскаго положенія! Ты домой, такъ пойдемъ!

Нѣгина.

Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ Гавриломъ Петровичемъ, я его дожидаюсь.

Смѣльская.

Такъ и я подожду. (*Подходятъ къ Мелузову, который смотритъ на Трагика*).

Трагикъ (*поднимая голову, Мелузову*).

Кто ты такой? Зачѣмъ ты здѣсь?

Нѣгина.

Онъ со мной пришелъ.

Трагикъ.

Александра Николавна!.. Саша! Офелія! Зачѣмъ онъ здѣсь?

Нѣгина.

Это мой женихъ, мой учитель.

Трагикъ.

Учитель! Чему же онъ тебя учитъ?

Нѣгина.

Всему хорошему.

Трагикъ (*Мелузову*).

Ну, поди сюда! (*Мелузовъ подходитъ*). Давай руку! (*Мелузовъ подаетъ руку*). Я самъ тоже учитель, да, учитель. Что ты на меня смотришь? Я учу богатаго купца.

Мелузовъ.

А позволено ли мнѣ будетъ спросить?..

Трагикъ.

Спрашивай!

Мелузовъ.

Чему, напримѣръ, вы учите?

Трагикъ.

Благородству.

Мелузовъ.

Предметъ серьёзный.

Трагикъ.

Я думаю, да-съ... я думаю. Это не то, что твоя географія, какая-нибудь. Значитъ, мы съ тобой учителя, ну, и прекрасно. Поэтому случаю, пойдемъ въ буфетъ, выпьемъ, и, разумѣется, на твой счетъ.

Мелузовъ.

Ну, ужь извините! На этомъ поприщѣ я вамъ не товарищъ, я не пью.

Трагикъ.

Саша, Саша! Александра! Къ намъ, къ артистамъ, къ храмъ музъ, кого ты водишь съ собой!

Мелузовъ.

Да пойдемте! Вы будете пить вино, а я стаканъ воды выпью.

Трагикъ.

Пошелъ ты къ чорту! Уберите его! (*Опускаетъ голову*). Гдѣ мой Вася? (*Входятъ: Дулебовъ, Великатовъ, Бакинъ, Вася, за нимъ лакей изъ буфета съ бутылкой портвейна и рюмками; нѣсколько лицъ изъ публики, которыя остаются въ глубинѣ сцены*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Дулебовъ (*садится на скамейку съ правой стороны, съ нимъ рядомъ садится*): Смѣльская, (*неподалеку отъ нихъ*) Мелузовъ и Нѣгина (*къ нимъ подходятъ съ лѣвой стороны*): Великатовъ и Бакинъ. Трагикъ (*сидитъ въ прежнемъ положеніи, къ нему подходятъ* Вася и лакей изъ буфета, (*который ставитъ бутылку и рюмки на столъ и отходитъ къ сторонѣ*). Публика (*частію стоитъ, а частію садится за стблики въ глубинѣ*), потомъ Мигаевъ.

Вася (*трагику, наливая рюмку вина*).

Покорнѣйше прошу, пожалуйте!

Трагикъ.

Не проси, и такъ выпью. Къ чему много словъ: «покор-

нѣйше прошу, пожалуйте»! Скажи: пей! Видишь, какъ просто—всего только одно слово; а какая мысль глубокая. (*Изъ театра выходитъ Мигаевъ*).

Нѣгина.

Гаврило Петровичъ, пожалуйте сюда!

Мигаевъ (*подходя къ Нѣгиной*).

Что̀ вамъ угодно?

Нѣгина.

На сценѣ вы все бѣгали отъ меня; я желаю теперь поговорить съ вами здѣсь, при постороннихъ.

Мелузовъ.

Да, интересно будетъ выслушать отъ васъ мотивы вашихъ поступковъ.

Мигаевъ.

Какихъ поступковъ-съ?

Мелузовъ.

Вы назначили бенефисъ Александры Николавны въ самомъ концѣ ярмарки.

Мигаевъ.

Самое лучшее время-съ. По контракту я обязанъ дать бенефисъ госпожѣ Нѣгиной во время ярмарки; но тамъ не сказано, въ началѣ, или въ концѣ; это ужь мое дѣло-съ.

Мелузовъ.

Вы стоите на почвѣ закона; это я понимаю. Но, кромѣ закона, существуютъ еще для человѣка нравственныя обязанности.

Мигаевъ.

Это какія же такія-съ, и къ чему весь этотъ разговоръ?

Мелузовъ.

А вотъ послушайте: вы отодвинули бенефисъ до послѣняго дня, поздно выпустили афиши и не дали Александрѣ Николавнѣ сыграть передъ бенефисомъ. Это ваши поступки.

Мигаевъ.

Точно такъ-съ.

Мелузовъ.

Но Александра Николавна этого не заслужила, потому что впродолженіи ярмарки доставляла вамъ всегда полные сборы, чего другіе не дѣлали. Вотъ и потрудитесь оправдать свое поведеніе.

Трагикъ.

Ефіопъ!

Мигаевъ.

Сколько мнѣ извѣстно, вы у насъ въ театрѣ не служите; а постороннимъ я въ своихъ дѣлахъ отчета не даю-съ.

Дулебовъ.

Разумѣется. Что за допросъ! Онъ хозяинъ въ театрѣ, онъ поступаетъ, соображаясь съ своими разсчетами и выгодами.

Мелузовъ.

Тѣмъ не менѣе, такіе поступки называются неблаговидными, и господинъ, позволяющій себѣ подобный образъ дѣйствій, не имѣетъ права считать себя честнымъ человѣкомъ. О чемъ я и имѣю честь объявить вамъ передъ публикой. И затѣмъ мы считаемъ себя удовлетворенными.

Мигаевъ.

Какъ вамъ угодно-съ, какъ вамъ угодно-съ, мнѣ все равно. У публики вкусы разные, на всѣхъ не угодишь: вамъ мои поступки не нравятся, а князь ихъ одобряетъ.

Мелузовъ.

Какое мнѣ дѣло до князя! Нравственные-то законы для всѣхъ одинаковы. (*Мигаевъ подходитъ къ князю*).

Бакинъ.

Вотъ охота людямъ даромъ терять краснорѣчіе, проповѣдывать Мигаеву объ честности! Ужь это очень наивно. Честность онъ давно считаетъ предразсудкомъ, и для него разницы между честнымъ и безчестнымъ поступкомъ не существуетъ,

пока его не побили. А вотъ плюхи двѣ-три влетитъ, тогда онъ задумается: должно быть, молъ, я какую-нибудь мерзость сдѣлалъ, коли меня бьютъ.

Трагикъ.

Да и влетитъ, и дождется, ужь это я ему давно пророчу.

Мигавъ (*подойдя къ Нѣгиной*).

Значитъ, вы, госпожа Нѣгина, изволите быть на меня въ претензіи?

Нѣгина.

Конечно. И вы еще спрашиваете.

Мигаевъ.

Въ такомъ случаѣ. что-же васъ заставляетъ служить у меня? Контрактъ вашъ кончается.

Нѣгина.

Да, но вѣдь вы сами просили, чтобъ я его возобновила.

Мигаевъ.

Извините, передумалъ-съ. По требованію публики, долженъ на ваше мѣсто пригласить другую артистку. (*Нѣгина стоитъ въ изумленіи*).

Трагикъ.

Офелія, удались отъ людей!

Нѣгина.

Вы должны были предупредить меня заранѣе; у меня были приглашенія отъ другихъ антрепренеровъ, я всѣмъ отказывала, я вѣрила вашему слову.

Мигаевъ.

Словамъ-то вы напрасно вѣрите. Мы за каждое свое слово отвѣчать никакъ не можемъ — мы зависимъ отъ публики и должны исполнять ея желанія.

Нѣгина.

Куда-же мнѣ теперь, я и не знаю; вы меня поставили въ такое положеніе...

Мигаевъ.

Виноватъ-съ. Съ другой-бы артисткой я такъ и не сдѣлалъ, но вы такой талантъ, для васъ никакого ущерба не будетъ, васъ вездѣ примутъ съ радостью.

Нѣгина (*сквозь слезы*).

Вы еще смѣетесь надо мной... Но хорошо еще, что вы мнѣ это сказали наканунѣ моего бенефиса... я завтра прощусь съ публикой... которая меня такъ любитъ... Надо напечатать, что я играю въ послѣдній разъ.

Вася.

Мы и безъ афишъ вездѣ разблаговѣстимъ.

Нѣгина (*Великатову*).

Вы, Иванъ Семенычъ, не уѣдете до завтра?

Великатовъ.

Нѣтъ, еще, не уѣду-съ.

Нѣгина.

Значитъ, будете въ театрѣ?

Великатовъ.

Непремѣнно.

Бакинъ.

Только вы этого на свой счетъ не принимайте: онъ остается не для вашего бенефиса, у него еще не кончены дѣла—есть въ виду какая-то операція.

Великатовъ.

Дѣйствительно есть. Эта операція не секретъ, господа; я ее не скрою отъ васъ; я хочу купить бенефисъ у Александры Николавны. Можетъ быть, и наживу что-нибудь.

Нѣгина.

Какъ? Вы хотите купить мой бенефисъ? Вы не шутите? Это еще новая обида, новая насмѣшка надо мной?

Великатовъ.

Нисколько не шучу. Какъ вы цѣните вашъ бенефисъ, что вамъ угодно получить за него?

Нѣгина.

Я ни во что его не цѣню, онъ ничего стоитъ. Дай Богъ, чтобы убытку не было.

Вася.

Напрасно изволите безпокоиться, вашъ бенефисъ оченно можно купить-съ.

Великатовъ.

Сколько можетъ получить бенефиціантъ, если театръ полонъ и цѣны большія? Вѣдь бралъ-же кто-нибудь очень хорошіе бенефисы?

Трагикъ (*ударяя кулакомъ по столу*).

Я.

Вася.

Мы съ нимъ въ началѣ ярмарки триста пятьдесятъ рублей взяли.

Великатовъ.

Угодно вамъ получить триста пятьдесятъ рублей?

Нѣгина.

Я не могу; это очень много, это подарокъ... я не желаю получать подарковъ, это не въ моихъ правилахъ.

Великатовъ.

Какъ пріятно слышать такія рѣчи отъ молодой артистки! Сейчасъ видно, что у васъ есть хорошій руководитель, человѣкъ съ честными, благородными убѣжденіями.

Вася.

Да ничего не дорого, Александра Николавна, помилуйте-съ! Ужь коли Иванъ Семенычъ берутся за это дѣло, такъ у васъ завтра вся ярмарка будетъ. Я пятьдесятъ рубликовъ накину; угодно взять четыреста рублей?

Великатовъ.

Нѣтъ, извините, я не уступлю, я предлагаю Александрѣ Николавнѣ пятьсотъ рублей.

Вася.

Шабашъ, дальше не пойду; цѣна настоящая.

Нѣгина.

Да что вы дѣлаете, господа? Вѣдь у меня бенефисъ половинный, да еще расходы.

Вася.

Въ убыткѣ не будемъ-съ; люди коммерческіе; завтра къ одиннадцати часамъ ни одного билета не останется. (*Великатову*). Позвольте въ долю войти! Пожалуйте два бель-этажа и дюжину креселъ!

Великатовъ.

Возьмите у кассира, да скажите ему, чтобы онъ деньги за билеты, которые продалъ и всѣ оставшіеся билеты, исключая верхнихъ, доставилъ мнѣ сейчасъ-же! Я здѣсь подожду.

Вася.

Хорошо, я скажу-съ. Извольте получить за два бель-этажа и двѣнадцать креселъ. (*Отдаетъ деньги*).

Великатовъ (*принимая деньги*).

Тутъ сто рублей.

Вася.

Такъ точно, въ разчетѣ-съ. Позвольте, тутъ нашихъ есть человѣкъ четыре, такъ, можетъ, найдутся охотники; я сейчасъ сбѣгаю. (*Уходитъ въ глубь сцены*).

Великатовъ.

Я еще не получилъ вашего согласія, Александра Николавна.

Нѣгина (*Мелузову*).

Какъ мнѣ поступить, Петръ Егорычъ! Я не знаю; какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю.

Мелузовъ.

И я не знаю: я въ такихъ вопросахъ не компетентенъ. Покуда, кажется, все въ законныхъ формахъ. Соглашайтесь.

Нѣгина (*Великатову*).

Я согласна, благодарю васъ.

Великатовъ.

Благодарить не за что, я наживу деньги: я долженъ васъ благодарить.

Мигаевъ (*Дулебову*).

А вы, ваше сіятельство, пари предлагали.

Дулебовъ.

Ну, кто-же могъ ожидать. Это совсѣмъ особенный случай.

Бакинъ (*Великатову*).

Мнѣ билетикъ оставьте! Любопытное это будетъ зрѣлище. (*Вася возвращается*).

Вася.

Билеты и деньги кассиръ сейчасъ принесетъ, только кассу подсчитаетъ. Я еще всялъ десять креселъ по пяти рублей. Извольте получить. (*Отдаетъ Великатову 50 рублей*).

Великатовъ.

Не дорого-ли это?

Вася.

Ничего не дорого; сейчасъ четыре билета по пяти рублей продалъ, а завтра у меня пойдетъ первый рядъ по десяти, да на подарокъ беру по десяти рублей съ рыла.

Дулебовъ.

Ужь это надо быть совсѣмъ дуракомъ, чтобы въ провинціальномъ театрѣ платить по десяти рублей за кресло.

Вася.

Да ужь въ первомъ-то ряду, ваше сіятельство, у кассира только одно мѣсто осталось.

Дулебовъ.

Въ такомъ случаѣ, Иванъ Семенычъ, оставьте его за мной.

Великатовъ.

За десять рублей, князь?

Дулебовъ.

Что-жь дѣлать, коли всѣ съ ума сошли.

Вася.

Ну, Гаврило Петровичъ, закрывай лавочку! Какъ Але

ксандра Николавна уѣдетъ, тебѣ больше не торговать! Баста! Калачемъ въ театръ не заманишь. Такъ ты и ожидай!

Нѣгина.

Дайте мнѣ пальто, Петръ Егорычъ! До свиданья, господа! Благодарю васъ! Вы меня утѣшили, а ужъ я плакать собиралась право, господа, такъ обидно, такъ обидно... (*Мелузовъ подаетъ ей пальто, Нѣгина надѣваетъ его*).

Трагикъ.

Вася, спрашивай шампанскаго!

Вася.

Да развѣ нужно.

Трагикъ.

Да какъ же, чудакъ: ты поступилъ благородно, такъ надо тебя поздравить, братецъ.

Вася.

Такъ давно бы ты сказалъ. Человѣкъ, бутылку шампанскаго.

Нѣгина.

Прощайте, господа!

Великатовъ.

Позвольте вамъ предложить мою коляску.

Смѣльская.

Предлагаете коляску, и себя, конечно, въ провожатые?

Великатовъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же! Александра Николавна поѣдетъ съ своимъ женихомъ. (*Мелузову*). Кстати ужъ и васъ кучеръ завезетъ домой; а потомъ вы его пришлите.

Мелузовъ.

Обо мнѣ-то ужъ ваши заботы я считаю, извините, лишними. (*Закутывается пледомъ. Великатовъ ему помогаетъ*). Вы напрасно безпокоитесь, я привыкъ обходиться безъ чужой помощи. Это мой принципъ.

Великатовъ.

Но его трудно выдержать: безъ взаимной помощи люди не обходятся.

Нѣгина (*Великатову*).

Вы такой благородный человѣкъ, такой деликатный... Я вамъ такъ благодарна, я не знаю какъ и выразить... Я васъ поцѣлую завтра.

Великатовъ.

Очень буду счастливъ.

Смѣльская.

Завтра? Это долго ждать. (*Дулебову*). Князь, а я васъ поцѣлую сегодня, сейчасъ.

Дулебовъ.

Готовъ служить, моя прелесть. Распоряжайтесь мной какъ угодно! (*Смѣльская цѣлуетъ Дулебова*).

Нѣгина.

Ну, прощайте, господа, прощайте! (*Посылаетъ рукой поцѣлуи*).

Трагикъ.

Офелія! о нимфа! помяни меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Нѣгина.
Домна Пантелевна.
Великатовъ.
Бакинъ.
Мелузовъ.
Нароковъ.
Вася.
Трагикъ.
Матрена, кухарка Нѣгиной.

Декорація 1-го дѣйствія. Вечеръ, на столѣ двѣ свѣчи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Матрена, потомъ Домна Пантелевна.

Матрена (*у двери.*

Кто тамъ? (*За сценой голосъ Домны Пантелевны: Это я*).

Матрена.

Сейчасъ отпираю. (*Входитъ Домна Пантелевна*). Кіатра-то разошлась?

Домна Пантелевна.

Нѣтъ еще, не совсѣмъ, съ полчаса пройдетъ. Я нарочно пораньше; надо чай приготовить. Саша пріѣдетъ, такъ чтобы ей не дожидаться. Самоворъ-то готовъ у тебя?

Матрена.

Развела, гляди, зашумитъ скоро.

Донна Пантелевна.

А зашумитъ, такъ прикрой.

Матрена.

Что его прикрывать-то! Нашъ самоваръ и зашумитъ, такъ не скоро кипѣть-то сберется; ужь онъ поетъ, поетъ на разные голоса, надсажается-надсажается, а все толку мало; а раздувать примешься, такъ онъ хуже, ровно тебѣ на смѣхъ. У меня съ нимъ брани не мало бываетъ.

Домна Пантелевна.

Измучилась я въ театрѣ-то; жара, духота, радехонька, что выкатилась.

Матрена.

Да вѣстимо, лѣтнее дѣло въ четырехъ стѣнахъ сидѣть, а народу, поди, много?

Домна Пантелевна.

Полнехонекъ театръ, какъ есть; кажется, яблоку упасть негдѣ.

Матрена.

Ишь ты! Чай въ ладоши-то трепали-трепали?

Домна Пантелевна.

Всего было. Поди-ко, погляди самоваръ-то, да сбери въ ея комнатѣ! Постой-ко, кто-то подъѣхалъ. Сашѣ бы еще рано. (*Матрена отворяетъ дверь, входитъ Великатовъ. Матрена уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Домна Пантелевна и Великатовъ.

Великатовъ.

Здравствуйте, Домна Пантелевна!

Домна Пантелевна.

Здравствуйте, Иванъ Семенычъ! Что это вы вздумали...

Великатовъ.

Дѣло есть, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна.

Такъ до завтра бы. А то поздно, неловко какъ-то, у насъ объ эту пору мужчины не бываютъ.

Великатовъ.

Не безпокойтесь, Домна Пантелевна, я Александру Николавну дожидаться не стану; а про насъ съ вами никто дурнаго не скажетъ.

Домна Пантелевна.

Ахъ, вы проказникъ!...

Великатовъ.

Стало быть, тетенька, вамъ и опасаться нечего.

Домна Пантелевна.

Да какая я вамъ тетенька?

Великатовъ.

А что-жъ, развѣ бы я въ племянники вамъ не годился?

Домна Пантелевна.

Да ужь чего еще лучше! Совсѣмъ молодецъ, поискать этакаго красавца!

Великатовъ.

А я вамъ, Домна Пантелевна деньги привезъ за бенефисъ.

Домна Пантелевна.

Вотъ благодарю, вотъ ужь покорно благодарю! Самое это для насъ нужное, самое необходимое; потому, Иванъ Семенычъ, первое дѣло: долги. Какъ безъ нихъ проживешь? Возможно-ли?

Великатовъ.

Невозможно, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна.

Всѣ мы люди.

Великатовъ.

Всѣ человѣки, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна.

Они, долги-то, у насъ хотя и маленькіе, а все-таки, ежели который человѣкъ съ совѣстью, такъ безпокойство.

Великатовъ.

Безпокойство, Домна Пантелевна, безпокойство. (*Передавая пакетъ съ деньгами*). Вотъ отдайте Александрѣ Николавнѣ.

Домна Пантелевна.

Благодарны, оченно вами благодарны, Иванъ Семенычъ! Чаю не прикажете-ли?

Великатовъ.

Покорно благодарю; не могу, увольте отъ чаю, Домна Пантелевна! Какъ-то въ душу ничего нейдетъ, особенно чай; такъ все, словно, тоска какая-то, Домна Пантелевна, все, словно, я не въ себѣ.

Домна Пантелевна.

Пахондрія.

Великатовъ.

Дѣйствительно, Домна Пантелевна, пахондрія.

Домна Пантелевна.

Денегъ много, а дѣла нѣтъ, вотъ она и привяжется.

Великатовъ.

Какъ разъ угадали; отъ этого отъ самаго.

Домна Пантелевна.

А то отчего-жь бы вамъ тосковать-то.

Великатовъ.

Это точно, что не отъ чего. А тоскую, Домна Пантелевна, вотъ и мечешься на ярмаркѣ-то изъ трактира въ трактиръ. Повѣрите ли, вотъ ужь другую недѣлю все два раза въ день пьянъ... Такъ думаю, Домна Пантелевна: либо это на меня напущено, либо ужь Богу такъ угодно.

Домна Пантелевна.

Одиночество.

Великатовъ.

Одиночество, Домна Пантелевна; золотыя ваши слова; и разговору больше нѣтъ, что одиночество.

Домна Пантелевна.

Изберите подругу жизни!

Великатовъ.

Гдѣ взять прикажите?

Домна Пантелевна.

Женитесь, возмите барышню хорошую; за васъ всякая пойдетъ. хоша бы самаго высокаго роду.

Великатовъ.

Боюсь, тётенька.

Домна Пантелевна.

Что вы, помилуйте, чего бояться, что̀ тутъ страшнаго?

Великатовъ.

Скучнѣе станетъ.

Домна Пантелевна.

Ахъ, нѣтъ, это вы напрасно. Какъ же можно! Совсѣмъ разница женатый человѣкъ, нежели холостой.

Великатовъ.

На фортепіанахъ онѣ очень любятъ играть; а я этого терпѣть не могу.

Домна Пантелевна.

Все-таки музыка. Ну, а холостому какое удовольствіе? Окромя, что выпить съ пріятелями, никакой ему другой радости нѣтъ въ жизни.

Великатовъ.

А хозяйство, Домна Нантелевна? Какъ вы объ этомъ скажете?

Домна Пантелевна.

Ну, конечно, ежели кто хозяйство свое ведетъ...

Великатовъ.

За мной этотъ грѣхъ водится. У меня въ деревнѣ домикъ хорошій, комнатъ въ сорокъ, лошадей довольно, садикъ разведенъ чуть не на версту съ бесѣдками, съ прудами...

Домна Пантелевна.

Значитъ, все заведеніе вполнѣ, какъ слѣдуетъ быть у хорошаго помѣщика?

Великатовъ.

Все вполнѣ, Домна Пантелевна. Коли скучно, выдешь на крыльцо, индѣйскіе пѣтухи по двору ходятъ, всѣ бѣлые.

Домна Пантелевна.

Бѣлые! Ахъ, скажите, пожалуйста!

Великатовъ.

Закричишь имъ: «здорсво ребята!» Они тебѣ отвѣчаютъ: «здравія желаемъ, ваше благородіе!»

Домна Пантелевна.

Пріучены?

Великатовъ.

Пріучены. Ну, и утѣшаешься. По крышамъ, по заборамъ павлины сидятъ, хвосты-то на солнышкѣ такъ и играютъ.

Домна Пантелевна.

И павлины? Ахъ, батюшки мои!

Великатовъ.

Выдешь въ паркъ погулять, по озеру лебеди плаваютъ, все парочками, все парочками, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна

Да неужто лебеди? Вотъ рай-то! Хоть бы глазкомъ взглянула.

Великатовъ (*взглянувъ на часы*).

Такъ мы хорошо, пріятно съ вами, тетенька, разговорились, что разставаться не хочется; поговорилъ бы и еще, да некогда, извините, дѣло есть.

Домна Пантелевна.

Ужь и я бы поговорила, такой вы для меня пріятный... этакого милаго, обходительнаго человѣка я и въ жизнь не видывала...

Великатовъ.

Отъ бенефиса вашего я, Домна Пантелевна, деньги нажилъ, такъ позвольте вамъ подарочекъ предложить. (*Уходитъ въ переднюю и выноситъ свертокъ въ бумагѣ и подаетъ Домнѣ Пантелевнѣ*).

Домна Пантелевна.

Что же это такое?

Великатовъ.

Платочекъ.

Домна Пантелевна (*развернувъ бумагу*).

Да какой платокъ, помилуйте—скажите, это цѣлая шаль, я съ роду такой и не нашивала. Да сколько-жь она стоитъ-то?

Великатовъ.

Не знаю, мнѣ даромъ досталась, у купца у знакомаго взялъ по пріятельски.

Домна Пантелевна.

Батюшка, да за что же это? Право, ужь я и не знаю, что мнѣ... Да ужь я васъ поцѣлую, ужь позвольте, родной мой... душа моя не вытерпитъ.

Великатовъ.

Сдѣлайте одолженіе, сколько вамъ угодно (*Домна Пантелевна цѣлуетъ его*). Прощайте! Александрѣ Николавнѣ засвидѣтельствуйте мое почтеніе. Можетъ быть не увидимся. (*Уходитъ. Домна Пантелевна провожаетъ его въ переднюю, потомъ возвращается*).

Домна Пантелевна.

Откуда этакіе люди берутся! Батюшки мои! (*Надѣваетъ платокъ*). Да я его и не сниму теперь. (*Смотритъ въ зеркало*). Барыня, ну, какъ есть барыня! Вотъ человѣкъ-то! А то что у насъ за люди! Не глядѣли-бъ глаза мои на нихъ. Вѣдь вотъ есть же люди. (*Прислушивается*). Кто тамъ еще? (*Входитъ Нароковъ съ венками и букетами*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Домна Пантелевна и Нароковъ.

Нароковъ.

Вотъ бери, на! Вотъ лавры твоей дочери! Гордись!

Домна Пантелевна.

Эка невидаль! Куда намъ эти вѣнки-то! На что они!

Нароковъ.

Невѣжество! Эти вѣнки — знакъ восторга, знакъ признательности таланту за счастіе, которое онъ доставляетъ. Лавры—это дипломъ на почетъ, на уваженіе.

Домна Пантелевна.

Сколько, небось, истрачено на этотъ хворостъ! Лучше бы деньгами. Деньгамъ-то ужь мы бы мѣсто нашли, а этотъ ворохъ... куда его? Въ печку, только и всего.

Нароковъ.

Деньги-то ты проживешь, а это у тебя всегда на память останется.

Домна Пантелевна.

Ну, да какъ же, нужно очень всякій хламъ беречь! Нынче же за окно выкину. Ты вотъ смотри! (*Показываетъ ему шаль и поворачивается передъ нимъ*). Вотъ это подарокъ! Мило, прелестно, деликатно.

Нароковъ.

Ну, всякому свое, я тебѣ не завидую; вотъ дочери твоей завидую. Я себѣ нѣсколько листиковъ на память возьму. (*Отрываетъ нѣсколько листковъ*).

Домна Пантелевна.

Да хотъ все бери, не заплачу.

Нароковъ (*вынимаетъ изъ кармана листъ бумаги*).

А вотъ это передай Александрѣ Николавнѣ.

Домна Пантелевна.

Что еще? Записка отъ кого-нибудь? Ужь и такъ надоѣли съ этими глупостями.

Нароковъ.

Это отъ меня... это стихи... И я въ Аркадіи родился.

Домна Пантелевна.

Гдѣ, Прокофьичь, гдѣ?

Нароковъ.

Далеко: ты тамъ не бывала и не будешь никогда. (*Показываетъ Домнѣ Пантелевнѣ стихи свои*). Вотъ видишь, бордюрчикъ: незабудки, анютины глазки, васильки, колосья. Видишь вотъ: пчелка сидитъ, бабочка летаетъ... Я цѣлую недѣлю рисовалъ.

Домна Пантелевна

Такъ ты бы самъ и отдалъ.

Нароковъ.

Стыдно. Вотъ смотри! (*указываетъ на свою голову*). Сѣдая, лысая! А тутъ чувства молодыя, свѣжія, юношескія, вотъ и стыдно. Вотъ, отдай! Да только ты не брось! Вѣдь ты грубая женщина, въ тебѣ чувства нѣтъ. Для васъ, грубыхъ людей, удовольствіо бросить, растоптать ногами все нѣжное, все изящное.

Домна Пантелевна.

Да, ну тебя! Ишь ты какой чувствительный. Не всѣмъ такимъ быть. Вотъ положи на столъ; она пріѣдетъ и увидитъ.

Нароковъ (*кладетъ бумагу на столъ*)

Да, я чувствительный. Прощай! (*Уходитъ*).

Домна Пантелевна.

Вотъ сумасшедшій-то! А ничего добрый, я его не боюсь. Другіе хуже чудятъ; кто посуду бьетъ, кто на людей мечется, кусается; а этотъ смирный. Подъѣхалъ кто -то. Вотъ Саша должно быть. (*Идетъ къ двери. Входитъ Нѣгина съ букетомъ и коробочкой въ рукахъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Домна Пантелеевна и Нѣгина.

Нѣгина (*кладетъ букетъ и коробочку на столъ*).

Охъ устала! (*Садится у стола*).

Домна Пантелевна.

Извощика-то отпустить?

Нѣгина.

Нѣтъ, зачѣмъ! Я вотъ отдохну, да прокатиться поѣдемте, подышать свѣжимъ воздухомъ. Еще не поздно. Вѣдь онъ на весь вечеръ нанятъ.

Домна Пантелевна.

И то, что-жь, пусть подождетъ, не задаромъ же деньги-то платить!

Нѣгина.

Что это на васъ за шаль?

Домна Пантелевна.

Великатовъ подарилъ; отъ бенефиста, говоритъ, деньги нажилъ. А что хороша?

Нѣгина.

Отличная шаль, дорогая.

Домна Пантелевна.

Онъ говоритъ, что даромъ досталась.

Нѣгина.

Вѣрьте вы ему! Онъ все такъ говоритъ. Такъ онъ былъ здѣсь?

Домна Пантелевна.

Да, заѣзжалъ и деньги привезъ.

Нѣгина.

Что-жъ онъ со мной не повидался?

Домна Пантелевна.

Не знаю, торопится куда-то, ужь не уѣзжаетъ ли.

Нѣгина.

Можетъ быть. Какой онъ странный, не поймешь его никакъ (*Задумчиво*). А вотъ этакій мужчина, кабы захотѣлъ, кажется сразу могъ бы увлечь женщину.

Домна Пантелевна.

Ну, да что ужь толковать! Да и не осудишь женщину то. Какъ ее осудить! Сердце-то не камень: а такихъ молодцовъ немного, пожалуй, другого-то такого и всю жизнь не встрѣтишь. Смиренничай, да смиренничай и проживешь всю жизнь такъ, ни за что; и вспомянуть будетъ нечѣмъ. Онъ мнѣ про свою усадьбу разсказывалъ. Какое у него хозяйство дикосвинное!

Нѣгина.

Что-жь мудренаго; онъ очень богатъ.

Домна Пантелевна.

Ты чаю не хочешь ли?

Нѣгина.

Нѣтъ, погодите немного. (*Взглянувъ на столъ*). А это что такое?

Домна Пантелевна.

Это прокофьичъ принесъ тебѣ на знакъ памяти.

Нѣгина (*разсматривая бумагу*).

Ахъ, какъ мило! Какой онъ добрый, милый старикъ!

Домна Пантелевна.

Да, добрый, хорошій человѣкъ; да вотъ опанкрутился и свихнулся. Ну, какъ же мы съ тобой теперь объ деньгахъ разсудимъ?

Нѣгина.

Что разсуждать-то! Прежде всего надо долги заплатить, а что останется, на то и жить.

Домна Пантелевна.

Да немного останется-то, не разживешься.

Нѣгина.

Да, теперь труднѣе будетъ, безъ жалованья-то. А куда поѣдешь, кого я знаю? Опять же гардеробу у меня нѣтъ.

Домна Пантелевна.

Сотни двѣ, а то и полторы, больше не останется, вотъ ты ихъ и повертывай, какъ знаешь. Надо на нихъ все лѣто прожить. По три денежки въ день, куда хочешь, туда дѣнь. Осенью-то насъ въ москву зовутъ, тамъ актрисы нужны стали.

Нѣгина.

Бросить развѣ сцену, да выдти замужъ; такъ Петръ Егоровичъ, еще мѣста не нашелъ. Кабы работать что нибудь.

Домна Пантелевна.

Ну, вотъ еще бросить сцену! Ты вотъ въ одинъ день получила, чего въ три года не выработаешь.

Нѣгина.

Много мы получаемъ, да и проживать много надо.

Домна Пантелевна.

Эхъ, какъ ни кинь, Саша, а все жизнь-то наша съ тобой не сладка. Ужь, признаться сказать, надоѣло нищенство-то

Нѣгина.

Надоѣло... да... надоѣло... Я думала, думала, да ужь и думать перестала. Ну, утро вечера мудренѣе, завтра потолкуемъ.

Домна Пантелевна.

Само собой; а теперь давай чай пить. (*Прислушивается*). Кого еще Богъ несетъ? (*Входитъ Бакинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Нѣгина, Домна Пантелевна и Бакинъ.

Бакинъ.

Я къ вамъ чай пить, Александра Николавна!

Нѣгина.

Ахъ, извините, я не могу васъ принять, я очень устала, мнѣ надо отдохнуть, я хочу одна быть, успокоиться.

Бакинъ.

Ну, полчаса, ну, что такое полчаса!

Нѣгина.

Право не могу, я такъ измучена.

Бакинъ.

Ну, я зайду минутъ черезъ десять, или черезъ четверть часа, вы успѣете отдохнуть.

Нѣгина.

Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте одолженіе! Завтра пріѣзжайте, ну, когда хотите, только не сегодня.

Бакинъ.

Александра Николавна, я какъ-то не люблю измѣнять свои намѣренія, мнѣ всегда хочется исполнить то, что я задумалъ, и, съ моей настойчивостью, мнѣ удается.

Нѣгина.

Очень рада, что вамъ удается, но, извините, я васъ оставлю, я очень устала.

Бакинъ.

Ну, уходите. а я здѣсь останусь, въ этой комнатѣ, я вотъ на этомъ стулѣ всю ночь проспжу.

Нѣгина.

Ну, перестаньте шутить! Довольно ужь.

Бакинъ.

Не вѣрите? Такъ я вамъ докажу, я человѣкъ рѣшительный.

Домна Пантелѣевна.

И я, батюшка, женщина рѣшительная, я вѣдь и караулъ закричу.

Бакинъ. (*Нѣгиной*).

Послушайте, вы боитесь, что меня у васъ застанетъ кто-нибудь?

Нѣгина.

Никого и ничего я не боюсь.

Бакинъ.

Всѣ ваши обожатели теперь ужинаютъ въ вокзалѣ, и князь и Великатовъ и Смѣльская съ ними и просидятъ тамъ до утра.

Нѣгина.

Да что мнѣ за дѣло!

Бакинъ.

А женихъ вашъ спитъ, вѣроятно; да я и не вѣрю, что вы его любите.

Нѣгина.

Ахъ, Боже мой, это невыносимо! Я васъ и не увѣряю ни въ чемъ.

Бакинъ.

Вы его держите при себѣ только для защиты отъ ухаживанья, а понравится вамъ кто-нибудь, вѣдь вы его бросите. это всегда такъ бываетъ.

Нѣгина.

Ну, хорошо, хорошо.

Бакинъ.

Вы ужь очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати? Передъ вами человѣкъ образованный, обезпеченный... Что я не ухаживаю за вами, не говорю нѣжностей. не объясняюсь въ любви, такъ это не въ моихъ правилахъ. Мы не дѣти, зачѣмъ намъ притворяться! Будемъ говорить, какъ совершеннолѣтніе.

Нѣгина.

Прощайте (*уходитъ*).

Домна Пантелевна.

Ну, батюшка, поговорили, да и будетъ. Пора людямъ покой дать! А то ,коли хотите разговаривать, такъ говорите со мной, я за словомъ въ карманъ не полѣзу.

Бакинъ (*громко*).

А я все-таки еще зайду (*уходитъ*).

Домна Пантелевна.

Запру сѣни, ужь теперь никого не пущу, хоть умирай

тамъ. (*Уходитъ, за сценой слышенъ крупный разговоръ. Выходитъ Нѣгина*).

Нѣгина.

Что тамъ такое? (*Входитъ Домна Пантелевна, Вася съ бутылкой шампанскаго и Трагикъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Нѣгина, Домна Пантелевна, Вася и Трагикъ.

Домна Пантелевна.

Вотъ безпутные, право, безпутные! Насильно вломились, никакихъ резонтовъ не слушаютъ.

Вася.

Да нельзя, Домна Пантелевна, надо же за здоровье Александры Николавны выпить; ужь миновать этого дѣла никакъ невозможно. А что-жь такое! мы честно, благородно, со всѣмъ нашимъ уваженіемъ! Никакого безобразія, помилуйте!

Трагикъ.

Еще бы! Коли я тутъ.

Нѣгина.

Да напрасно вы безпокоитесь, я пить не стану.

Вася.

Это какъ вамъ угодно-съ. Намъ больше останется, мы и одни выпьемъ (*кричитъ за перегородку*). Милая, умница, дай-ко стаканчиковъ!

Домна Пантелевна.

Да давай ужь, я откупорю (*беретъ бутылку и уходитъ*).

Трагикъ (*Нѣгиной*).

Ты говоришь, что пить не станешь; а вотъ я посмотрю, какъ ты у меня не выпьешь!

Вася.

Неволить не надо-съ.

Трагикъ.

Я неволить не стану, я буду просить. (*Выходитъ Домна Пантелевна, ставитъ бутылку и стаканы на столъ*).

Вася (*наливаетъ*).

Съ васъ и начинать, по старшинству-съ.

Домна Пантелевна.

Не знаю, пить ли, боюсь захмѣлѣю.

Вася.

А что-жь такое! чего бояться-то? Дѣло къ ночи-съ. Хоть и захмѣлѣете, не велика бѣда. Мы вотъ съ нимъ этого не боимся.

Домна Пантелевна (*беретъ стаканъ*).

Ну, Саша, поздравляю тебя! (*Пьетъ*).

Вася (*подноситъ стаканъ Нѣгиной*).

Теперь позвольте васъ просить.

Нѣгина.

Ужь я сказала, что не буду пить.

Вася.

Нельзя-съ, за что-жь обижать? Мы со всѣмъ расположеніемъ. Хоть половину-съ!

Трагикъ (*падая на колѣни*).

Саша, Александра! Ты смотри, кто тебя проситъ! Смотри, кто у ногъ твоихъ! Громиловъ, самъ Эрастъ Громиловъ!

Нѣгина.

Ну, извольте, я немного выпью; только ужь больше ни за что не стану. (*Пьетъ*).

Вася (*помогая Трагику подняться*).

Сколько угодно-съ (*беретъ стаканъ*). Остальное мы допьемъ и ваши мысли узнаемъ. (*Наливаетъ стаканы*). Теперь мы выпьемъ-съ. (*Подаетъ стаканъ Трагику*).

Трагикъ.

Поздравляй за двоихъ, у меня сегодня краснорѣчіе не въ порядкѣ.

Вася.

Честь имѣю поздравить-съ успѣхомъ-съ. Сто лѣтъ жизни и милліонъ денегъ-съ! (*Чокаются съ Трагикомъ и пьютъ*).

Трагикъ (*подавая стаканъ*).

Наливай еще! (*Вася наливаетъ, Трагикъ пьетъ*). Вся?

Вася (*показывая бутылку*).

Вся.

Трагикъ.

Ну, поѣдемъ!

Вася (*Нѣгиной*).

Прощенья просимъ! Пожалуйте ручку-съ! Извините за невѣжество-съ. Спасибо этому дому, теперь пойдемъ къ другому (*Уходятъ*).

Домна Пантелевна.

Вотъ путаники! Точно ихъ вихремъ по городу-то носитъ. Теперь ужь запру, одолѣли (*уходитъ и скоро возвращается*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Нѣгина, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна.

Ну, ужь теперь давай чай пить!

Нѣгина.

Я выпью съ удовольствіемъ.

Домна Пантелевна (*у перегородки*).

Матрена, налей-ка намъ по чашечкѣ. (*Нѣгиной*). Дай-ка подарокъ-то!

Нѣгина (*подавая коробочку*).

Да вѣдь вы видѣли, серьги, и брошка.

Домна Пантелевна.

Да я убрать хочу. Вѣдь тоже не малыхъ денегъ стоитъ. (*Прячетъ въ карманъ*). Тѣмъ эти вещи хороши, пріятны, что случись нужда, сейчасъ и заложить можно. Не то что вотъ эти вѣники. (*Матрена приноситъ двѣ чашки чаю и уходитъ*).

Нѣгина (*прихлебывая чай*).

А какой мнѣ букетъ Великатовъ поднесъ. Посмотрите!

Домна Пантелевна.

Ну, что букетъ! букетъ какъ букетъ. Даромъ деньги брошены, я такъ считаю. (*Пьетъ чай*).

Нѣгина.

Нѣтъ, вы посмотрите! Цвѣты все дорогіе, и гдѣ онъ ихъ взялъ?

Домна Пантелевна (*разсматривая букетъ*).

Да хорошъ, ужь ничего сказать (*находятъ записку*). А это что-жь такое?

Нѣгина (*читаетъ про себя записку*).

Ахъ, ахъ!

Домна Пантелевна.

Что такое?

Нѣгина (*хватаясь за голову*).

Ахъ, нѣтъ, погоди! У меня другая есть. А я и забыла. (*Достаетъ изъ кармана записку*). Это отъ Петра Егорыча, онъ мнѣ на подъѣздѣ далъ (*читаетъ про себя*).

Домна Пантелевна.

Читай вслухъ! что еще за секреты отъ матери!

Нѣгина (*читаетъ*).

«Да, милая Саша, искуство не вздоръ, я начинаю понимать это. Сегодня въ игрѣ твоей я нашелъ такъ много теплоты и искренности, что, просто тебѣ сказать, пришелъ въ удивленіе. Я очень радъ за тебя. Это рѣдкія и дорогія качества души. Послѣ спектакля у тебя, вѣроятно, будетъ кто-нибудь; при твоихъ гостяхъ я всегда чувствую что-то непріятное, не то смущеніе, не то досаду и, вообще, мнѣ какъ-то неловко. Всѣ они смотрятъ на меня или враждебно, или съ насмѣшкой, чего я, какъ ты сама знаешь, не заслуживаю. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я послѣ театра къ тебѣ не зайду, но, если ты найдешь минуты двѣ-три свободныхъ, такъ выбѣги въ нашъ садикъ, я тамъ подожду тебя. Конечно, я могъ бы зайти къ тебѣ и завтра утромъ; но извини, душа полна черезъ край, сердце хочетъ перелиться...» (*Отираетъ слезы*).

Домна Пантелевна.

Ну-ка, прочти другое-то!

Нѣгина.

Да нѣтъ, маменька, не нужно, стыдно!

Домна Пантелевна.

Ну, вотъ еще, стыдно! Мало ли ты получаешь записокъ, которыя читать стыдно, да вѣдь читаешь ты ихъ мнѣ.

Нѣгина.

Ну, мама, соберись съ силами (*читаетъ*). «Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда. Видѣть и слышать васъ для меня невыразимое наслажденіе. Извините, что я объясняюсь съ вами на письмѣ; по врожденной робости, я никогда не осмѣлился бы передать вамъ мои чувства словами. Теперь мое счастье отъ васъ зависитъ. А счастье мое, о которомъ я мечтаю, обожаемая Александра Николавна, вотъ какое: въ моей усадьбѣ, въ моемъ роскошномъ дворцѣ, моихъ палатахъ есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная съ меня, рабски повинуется. Такъ проходитъ лѣто. Осенью мы съ очаровательной хозяйкой ѣдемъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ, она вступаетъ на сцену въ театрѣ, который совершенно зависитъ отъ меня, вступаетъ съ полнымъ блескомъ; я наслаждаюсь и горжусь ея успѣхами. О дальнѣйшемъ я не мечтаю, поживемъ увидимъ. Не сердитесь за мои мечты, мечтать каждому позволительно. Приговоръ мой я прочту завтра въ вашихъ глазахъ, если вы меня примете; если же не примете, я съ разбитымъ сердцемъ, но безропотно удалюсь, наказанный вашимъ презрѣніемъ за мою дерзость. Вашъ Великатовъ» (*Сквозь слезы*). Мама, да что же это такое? Что онъ, противный, пишетъ? Кто-жь это ему позволилъ?

Домна Пантелевна.

Что позволилъ?

Нѣгина.

Да такъ... полюбить меня.

Домна Пантелевна.

А развѣ на это спрашивается позволенье-то, глупая

Нѣгина.

Такъ бы вотъ и убила его. (*Молчаніе*).

Домна Пантелевна (*въ задумчивости*).

Лебеди... Лебеди, говоритъ, плаваютъ на озерѣ.

Нѣгина.

Ахъ, да что мнѣ за дѣло (*молчаніе*)!

Домна Пантелевна.

Саша, Сашутка, вѣдь никогда еще мы съ тобой серьёзно не говорили; вотъ онъ серьёзъ-то начинается. Живешь, бѣдствуешь, а тутъ богатство! Ахъ, батюшки мои, какая напасть? Вотъ соблазнъ-то, вотъ соблазнъ-то! Ужь не дьяволъ ли онъ, прости Господи, тутъ подвернулся? Въ самый-то вотъ разъ... только что мы про свою нужду-то раздумывали. Ну, какъ есть, дьяволъ. А ужь что ласки-то въ немъ, что этой всякой добродѣтели! Да давай же говорить о дѣлѣ-то стрьёзно, вертушка!

Нѣгина.

«Серьёзно», объ такомъ то дѣлѣ серьёзно! Да за кого-жь вы меня принимаете! Развѣ это «дѣло»? Вѣдь это позоръ! Ты помнишь, что онъ-то говорилъ, онъ, мой милый, мой Петя! Какъ тутъ думать, объ чемъ думать, объ чемъ разговаривать! А коли есть въ тебѣ сомнѣніе, такъ возьми что-нибудь, да и погадай! Вѣдь я твоя. Чётъ или нечетъ, вотъ и конецъ. (*Беретъ записку Мелузова*).

Домна Пантелевна.

Да что ты! какъ я могу! Это твое дѣло. Да сохрани меня Господи! Да меня Богъ и люди...

Нѣгина. (*дочитываетъ записку Мелузова.*)

«Но если ты найдешь минуты двѣ-три свободныхъ, такъ выбѣги въ вашъ садикъ; я подожду тебя». Ахъ, бѣдный, бѣдный! Какъ я его мало любила! Вотъ когда я чувствую, что люблю его всей душой (*беретъ письмо Нарокова*). Ахъ, вотъ и это! И это надо сохранить на всю жизнь! Ужь такъ меня никто любить не будетъ. Дайте-ко шаль! Я пойду.

Домна Пантелевна.

Куда ты? куда ты? что ты!

Нѣгина.

Ахъ, отстаньте, не ваше дѣло!

Домна Пантелевна.

Какъ не мое! Да и ты-то моя.

Нѣгина.

Ну, я ваша, что хотите со мной дѣлайте; да душа у меня своя. Я къ Петѣ. Вѣдь онъ меня любитъ, онъ меня жалѣетъ, онъ насъ съ вами добру училъ.

Домна Пантелевна.

Да какъ же дѣло-то? Ужь скажи что-нибудь!

Нѣгина.

Ахъ, дѣло, дѣло! Ну, завтра, завтра, оставимъ до завтра. А теперь не мѣшайте мнѣ. Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и, можетъ быть, завтра ужь не буду. На душѣ у меня теперь очень хорошо, очень честно, не надо этому мѣшать.

Домна Пантелевна.

Ну, ну, какъ хочешь, какъ хочешь.

Нѣгина (*покрываясь шалью*).

Я не знаю, можетъ быть, сейчасъ ворочусь, можетъ быть, до утра... Но чтобъ ни словомъ, ни взглядомъ...

Домна Пантелевна.

Да что ты, развѣ я не мать тебѣ, развѣ я не женщина! Не понимаю я нѣшто, что мѣшать тебѣ нельзя; души что-ль у меня нѣтъ?

Нѣгина.

Ну, я иду.

Домна Пантелевна.

Да постой, покройся хорошенько, не простудись! Эко сердце-то у тебя золотое. А я все-таки запирать не стану, буду чай пить, да тебя поджидать. (*Нѣгина уходитъ. Домна Пантелевна уходитъ за перегородку. Сцена нѣсколько времени пуста, потомъ входитъ Бакинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Бакинъ (*одинъ*).

Бакинъ.

Никого нѣтъ, и дверь не заперта, и какая-то тѣнь проскользнула мимо меня—это она: но куда, къ кому? Если къ жениху, такъ не зачѣмъ, онъ сюда можетъ придти. Вѣроятно, пошла погулять въ садъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Я ее здѣсь подожду: ну, не прогонитъ же она, все-таки позволитъ хоть съ полчаса посидѣть. Я подержалъ пари съ Великатовымъ, что буду у ней чай пить и просижу до утра. Проиграть не хочется. Я хотѣлъ его увѣдомить, приметъ она меня или нѣтъ. А! такъ я вотъ что сдѣлаю, я пошлю кучера сказать, что я здѣсь остался. Если прогонитъ, то я прошатаюсь гдѣ-нибудь до свѣта (*отворяетъ окно. Въ это время входитъ Мелузовъ и Нына, которая проходитъ за перегородку*).— Иванъ, поѣзжай въ вокзалъ, скажи, что я здѣсь остался.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Бакинъ и Мелузовъ.

Мелузовъ.

Нѣтъ, вы не останетесь здѣсь. Велите кучеру подождать. вы сейчасъ выйдете! Что же вы? Ну, такъ я прикажу. (*Въ окно*). Иванъ останься! Баринъ сейчасъ выйдетъ.

Бакинъ.

Какое право вы имѣете распоряжаться въ чужой квартирѣ? Я васъ не знаю и знать не хочу.

Мелузовъ.

Нѣтъ, позвольте, зачѣмъ вы лжете? И лжете съ дурнымъ намѣреніемъ. Вамъ хочется ославить дѣвушку?

Бакинъ.

«Ославить»? визитъ послѣ театра развѣ значитъ «ославить»? Ну, что вы знаете!

Мелузовъ.

Хорошо; да зачѣмъ посылать кучера объявлять, что вы здѣсь остались?

Бакинъ.

Вы посѣтитель райка, развѣ вы можете понимать отношенія между артистами и той публикой, которая занимаетъ первые ряды креселъ!

Мелузовъ.

Я вотъ что понимаю: что вы, посѣтитель перваго ряда креселъ, уйдете отсюда, а я, посѣтитель райка, останусь здѣсь.

Бакинъ.

Вы здѣсь останетесь?

Мелузовъ.

Да, останусь.

Бакинъ.

Вотъ это хорошо! По крайней мѣрѣ, я сдѣлалъ открытіе, которымъ могу подѣлиться...

Мелузовъ.

Съ кѣмъ угодно.

Бакинъ.

Впрочемъ, вы, можетъ быть, сгоряча-то, немножко прихвастнули?

Мелузовъ.

Нѣтъ, ужь будьте покойны, я останусь. (*Входитъ Нѣгина, одѣтая въ пальто*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Бакинъ, Мелузовъ и Нѣгина.

Нѣгина (*кладетъ Мелузову руку на плечо*).

Да, онъ останется.

Мелузовъ.

Ну, теперь сомнѣнія ваши кончились, значитъ, вамъ остается только одно...

Нѣгина.

Удалиться.

Мелузовъ.

И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Бакинъ.

Лучше, лучше! Я самъ знаю, что̀ мнѣ лучше.

Мелузовъ.

Нѣтъ, не знаете, вы мнѣ не дали договорить. Скорѣе уйти вамъ потому лучше, что можете уйти въ дверь, а если долго будете собираться, тогда отправитесь въ пространство посредствомъ окна.

Нѣгина (*Обнимая Мелузова*).

Ахъ, милый?

Бакинъ.

Ну, молодой человѣкъ, запомните вы это! (*Уходитъ*).

Нѣгина.

Ахъ, милый Петя, голубчикъ мой, поѣдемъ сейчасъ кататься на всю ночь: лошади здѣсь.

Мелузовъ.

Куда, Саша?

Нѣгина.

Куда хочешь, куда только тебѣ угодно, все, все въ твоей волѣ вплоть до утра. Мама, прощай, запирай дверь! Мы ѣдемъ. (*Мелузовъ и Нѣгина уходятъ*).

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица:

Нѣгина.
Домна Пантелевна.
Дулебовъ.
Смѣльская.
Великатовъ.
Бакинъ.
Мелузовъ.
Нароковъ.
Вася.
Трагинъ.
Оберъ-кондукторъ.
Кондукторъ.
Человѣкъ, служащій въ вокзалѣ. Разнаго рода пассажиры и вокзальная прислуга.

Вокзалъ желѣзной дороги, зала для пассажировъ 1-го класса: направо отъ актеровъ дверь въ видѣ арки, ведущая въ другую залу; прямо стеклянная дверь, за ней видна платформа и вагоны; на серединѣ, поперекъ комнаты, длинный столъ, на немъ приборы, бутылки, канделябры и ваза съ цвѣтати.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Трагикъ *сидитъ у стола. Потомъ* Человѣкъ. *Съ платформы слышны голоса.*

«Станція. Городъ Бряхимовъ, поѣздъ стоитъ двадцать минутъ, буфетъ»; «Бряхимовъ! поѣздъ стоитъ двадцать минутъ».

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася? Человѣкъ! (*стучитъ по столу человѣкъ входитъ*).

Человѣкъ.

Что прикажите?

Трагикъ.

Гдѣ мой Вася?

Человѣкъ.

Да помилуйте, который разъ ужь вы спрашиваете! Почемъ же мы знаемъ.

Трагикъ.

Ну, такъ поди вонъ, братецъ! (*Человѣкъ уходитъ*). Гдѣ мой Вася? (*Входитъ Вася*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Трагикъ и Вася.

Вася.

Ну, вотъ Вася, ну, что тебѣ?

Трагикъ.

Гдѣ ты, братецъ, пропадаешь?

Вася.

Вотъ еще! Стало быть, дѣло есть. Ты говори, что тебѣ нужно!

Трагикъ.

Чего мы, братецъ, съ тобой сегодня не пили?

Вася.

Чего? Да ужь, кажется, все, окромя купоросу. А вотъ что! Довольно бы, перегодимъ!

Трагикъ.

Да ты любишь меня или нѣтъ?

Вася.

Ну, вотъ еще разговаривать-то.

Трагикъ.

За что ты меня любишь?

Вася.

За то, что у насъ въ домѣ безобразіе, а ты талантъ. Ну.

и конченъ разговоръ. Только послушай! что̀ все вино, да вино! Дадимъ ему отдохнуть немножко.

Трагикъ.

Ну, пусть его отдохнетъ.

Вася.

Я приказчика отправляю въ Харьковъ, такъ нужно растолковать ему все, какъ слѣдуетъ. Пойдемъ въ третій классъ, разгуляйся малость!

Трагикъ.

Ну, пойдемъ. (*Встаетъ. Идутъ къ двери, на встрѣчу имъ изъ другой залы выходятъ Нароковъ и Мелузовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Трагикъ, Вася, Нароковъ и Мелузовъ.

Нароковъ. (*Останавливая Васю*).

Постойте, постойте! Вотъ вамъ мои часы (*снимаетъ съ себя карманные часы и отдаетъ Васѣ*).

Вася.

Да на что мнѣ твои часы, Мартынъ Прокофьичъ?

Нароковъ.

Дайте мнѣ десять рублей, дайте, прошу васъ.

Вася.

Да часовъ-то мнѣ твоихъ не надо, чудакъ человѣкъ.

Нароковъ.

Сдѣлайте милость, сдѣлайте милость? мнѣ крайность.

Вася.

А коли крайность, я тебѣ и такъ повѣрю.

Нароковъ.

Не надо, не надо. Возьмите часы: я ихъ выкуплю, они дорогіе; я ихъ скоро выкуплю.

Вася.

Да на что тебѣ деньги? Скажи, откройся!

Нароковъ.

Ахъ, за что вы меня мучаете? Скажите мнѣ, дадите вы или нѣтъ?

Вася.

Любопытно, братецъ, что у тебя за дѣла, что за коммерція.

Нароковъ.

Извините, что побезпоилъ. Не надо мнѣ.

Вася.

Да изволь, изволь (*прячетъ часы въ карманъ и достаетъ изъ бумажника деньги*). На, вотъ получай! Процентовъ не возьму, не бойся.

Нароковъ (*беретъ деньги и жметъ руку Васѣ*).

Благодарю васъ, благодарю, вы меня выручили. (*Вася и Тригикъ уходятъ въ другую залу*).

Мелузовъ.

Ихъ нѣтъ и здѣсь; вы ошиблись, должно быть.

Нароковъ.

Нѣтъ, знаю, знаю, да и сердце мнѣ говоритъ, что она уѣзжаетъ? Вы видите, что я еще не могу придти въ себя.

Мелузовъ.

Да невѣроятно. Зачѣмъ же ей скрывать отъ меня, зачѣмъ меня обманывать! Сегодня, утромъ я получилъ отъ нея записку, вотъ какого содержанія. (*Вынимаетъ записку и читаетъ*). «Петя, нынче ты не приходи къ намъ, сиди дома, жди меня, я сама зайду къ тебѣ вечеромъ».

Нароковъ.

Да, непонятно: но онѣ уѣзжаютъ, это вѣрно. Я заходилъ къ нимъ, меня не пустили. Вышла Домна Пантелевна и закричала на меня: «Не до тебя намъ, не до тебя, мы сейчасъ ѣдемъ на желѣзную дорогу». Я видѣлъ чемоданы, сакъ-вояжи, узлы... Я побѣжалъ къ вамъ.

Мелузовъ.

Пойдемте, посмотримъ въ той залѣ, подождемъ ихъ у входа

Нароковъ.

Я потерялъ память. Что же теперь, утро, или вечеръ? Я ничего не знаю. Когда отходитъ поѣздъ?

Мелузовъ.

Въ восемь часовъ вечера, еще минутъ двадцать осталось.

Нароковъ.

О, такъ, онѣ еще пріѣдутъ. Пойдемъ. (*Уходятъ въ другую залу. Изъ стеклянной двери выходятъ: Нѣгина, на ней дорожная сумка. Домна Пантелевна, Смѣльская, Дулебовъ, Бакинъ и Матрена съ подушками и узлами*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Нѣгина и Смѣльская (*проходятъ впередъ*), Дулебовъ и Бакинъ (*садятся къ столу*), Матрена (*кладетъ узлы и подушки на диванъ подлѣ двери*), Домна Пантелевна (*перебираетъ узлы и что-то прячетъ въ нихъ*).

Смѣльская.

Какъ ты скоро собралась, Саша, и никому ничего не сказала.

Нѣгина.

Когда же мнѣ было! Я сегодня получила телеграмму и сейчасъ же стала собираться.

Смѣльская.

Еслибъ мы съ княземъ не заѣхали на вокзалъ, такъ бы ты и уѣхала, не простясь.

Нѣгина.

Мнѣ некогда было: я ни съ кѣмъ не простилась, я собралась вдругъ, и хотѣла написать вамъ изъ Москвы.

Смѣльская.

Такъ ты въ Москву ѣдешь?

Нѣгина.

Да.

Смѣльская.

На какихъ условіяхъ?

Нѣгина.

Предлагаютъ очень хорошія, но я еще не рѣшилась, я тебѣ оттуда напишу.

Дулебовъ (*Бакину*).

Мнѣ представилось, что нынче долженъ отправиться Великатовъ, вотъ я и пріѣхалъ захватить его; выпью, молъ, съ него бутылку шампанскаго въ наказаніе за то, что онъ уѣзжаетъ украдкой.

Бакинъ.

И я затѣмъ же.

Дулебовъ.

Однако, поѣздъ ужь пришелъ, а его нѣтъ еще, должно быть, остался въ городѣ.

Бакинъ.

Вѣдь эти господа милліонщики любятъ являться прямо къ третьему звонку.

Смѣльская (*Нѣгиной*).

А какъ же Петръ Егорычъ?

Нѣгина.

Ахъ, не говори объ немъ, пожалуйста!

Смѣльская.

Ты ему сказала?

Нѣгина.

Нѣтъ, онъ не знаетъ. Я боюсь, что онъ сюда пріѣдетъ, ужь ѣхать бы скорѣй.

Бакинъ.

Вотъ и Иванъ Семенычъ! (*Изъ другой залы входятъ Великатовъ и оберъ-кондукторъ, и останавливаются у двери*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Нѣгина, Смѣльская, Дулебовъ, Бакинъ, Домна Пантелѣевна, Матрена, Великатовъ, оберъ-кондукторъ, потомъ человѣкъ и кондукторъ.

Оберъ-кондукторъ (*Великатову*).

Начальникъ станціи приказалъ прицѣпить особый вагонъ съ семейнымъ отдѣленіемъ.

Великатовъ.

Да, это я его просилъ. (*Кланяется Дулебову и Бакину*).

Бакинъ.

Вы ѣдете?

Великатовъ.

Нѣтъ, я провожаю Александру Николавну и Домну Пантелевну. (*Оберъ-кондуктору*). Когда будетъ готово, такъ распорядитесь, чтобы перенесли эти вещи! Ужь похлопочите чтобы все было хорошо и удобно.

Оберъ-кондукторъ.

Будьте покойны.

Домна Пантелевна.

Иванъ Семенычъ, взяли билеты-то?

Великатовъ.

Взялъ. Домна Пантелевна, и всю кладь вашу сдалъ.

Домна Пантелевна.

Такъ дайте мнѣ билеты-то, а то безъ билетовъ не пустятъ.

Великатовъ.

Я вамъ послѣ отдамъ, когда будете въ вагонъ садиться.

Домна Пантелевна.

Какъ бы не опоздать, Иванъ Семенычъ; пожалуй, безъ насъ уѣдутъ, у меня сердце не на мѣстѣ.

Оберъ-кондукторъ.

Не безпокойтесь; я за вами приду и самъ посажу васъ, а ужь безъ меня поѣздъ не тронется. А за вещами я сейчасъ пришлю.

Домна Пантелевна.

Да ужь пришлите, только кого понадежнѣе, чтобы все въ сохранности.

Великатовъ.

Такъ вы распорядитесь!

Оберъ-кондукторъ (*прикладывая руку къ шапкѣ*).

Сейчасъ прикажу. (*Уходитъ*).

Великатовъ.

Надо, господа, на проводахъ, бутылочку выпить, я ужь приказалъ подать. Александра Николавна, Нина Васильевна, прошу покорно!

Домна Пантелевна.

Да, ужь передъ отъѣздомъ всѣмъ нужно присѣсть. Матрена, и ты садись! (*Всѣ усиживаются у стола со стороны противоположной аркъ. Человѣкъ входитъ съ бутылкой шампанскаго, ставитъ на столъ и уходитъ. Великатовъ наливаетъ вино въ бокалы*).

Великатовъ (*поднимая бокалъ*).

Счастливаго пути, Александра Николавна! Домна Пантелевна! (*Дулебовъ и Бакинъ привстаютъ и кланяются*).

Домна Пантелевна.

Счастливо оставаться, господа!

Смѣльская (*цѣлуя Нѣгину*).

Желаю тебѣ счастья, Саша! Пиши, пожалуйста! (*Входитъ кондукторъ*).

Кондукторъ.

Какія вещи прикажете брать?

Домна Пантелевна.

Вонъ, батюшка! Матрена, покажи ему, да поди за нимъ, пригляди хорошенько. (*Кондукторъ забираетъ вещи*). Кондукторъ!

Кондукторъ.

Что угодно?

Домна Пантелевна.

Ты подушки-то поосторожнѣе, тамъ по полу не валяйте ихъ!

Нѣгина.

Маменька!

Домна Пантелевна.

Что «маменька»! Прикажешь-то, такъ лучше. (*Кондуктору*). Нетрожь этотъ мѣшечекъ-то, крайній-то! Говорю, нетрожь, тамъ баранки, еще разсыплешь пожалуй! (*Дулебовъ и Бакинъ смѣются*).

Нѣгина.

Маменька!

Домна Пантелевна.

Да что! Понадѣйся на нихъ!

Нѣгина.

Берите все, берите все? (*На платформѣ звонокъ*).

Домна Пантелевна (*быстро встаетъ со стула*).

Ай! Поѣхали.

Великатовъ.

Успокойтесь, Домна Пантелевна, безъ васъ не уѣдутъ.

Кондукторъ.

Это звонокъ третьему классу, еще времени много осталось. (*Уходитъ. Матрена за нимъ*).

Домна Пантелевна.

Напугали до смерти. Они этими звонками, проклятыми, всю душу вымотаютъ. (*Входятъ изъ другой залы Нароковъ, за нимъ человѣкъ съ бутылкой, Мелузовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Нѣгина, Смѣльская, Домна Пантелевна, Великатовъ Бакинъ, Дулебовъ, Нароковъ (*садится на конецъ стола, къ аркѣ*). Человѣкъ (*ставитъ передъ нимъ бутылку*), Мелузовъ (*останавливается у двери*).

Нѣгина (*подходитъ къ Мелузову*).

Ни слова, ради Бога, ни слова! Если только любишь меня, молчи; я тебѣ послѣ все скажу (*отходитъ и садится на свое мѣсто*).

Нароковъ (*Человѣку*).

Ты сомнѣвался, ты сомнѣвался, гляди на меня, заплачу ли я тебѣ? Хорошо! ты хорошій слуга! Вотъ тебѣ за добродѣтель награда! (*Даетъ десять рублей*). Получи за вино, а сдачу себѣ возьми!

Человѣкъ.

Покорнѣйше благодарю-съ! (*Уходитъ. Мелузовъ садится*

рядомъ съ Нароковымъ, который, наливъ бокалы себѣ и Мелузовой, встаетъ).

Бакинъ.

Спичъ, спичъ, господа! Послушаемъ.

Нароковъ.

Александра Николаевна! первый бокалъ за вашъ талантъ! Я горжусь тѣмъ, что первый замѣтилъ его. Да и кому-жь здѣсь, кромѣ меня, замѣтить и оцѣнить дарованіе! Развѣ здѣсь понимаютъ искутво? Развѣ здѣсь искуство нужно? Развѣ здѣсь... о, проклятіе!

Бакинъ.

Запутался, Мартынъ Прокофьичъ.

Нароковъ (*съ сердцемъ*).

Нѣтъ, я не запутался. Въ робкихъ шагахъ дебютантки, въ первомъ еще наивномъ лепетѣ, я угадалъ будущую знаменитость. У васъ есть есть талантъ, берегите его, ростите его! Талантъ есть лучшее богатство, лучшее счастіе человѣка! За вашъ талантъ! (*Пьетъ*).

Нѣгина.

Благодарю васъ, Мартынъ Прокофьичъ!

Бакинъ.

Браво!

Дулебовъ.

А онъ говоритъ довольно складно.

Нароковъ (*Мелузову*).

Налейте мнѣ и себѣ. (*Мелузовъ наливаетъ. Нароковъ поднимаетъ бокалъ*). Второй бокалъ за вашу красоту!

Нѣгина (*встаетъ*).

Ахъ, что вы! Зачѣмъ!

Нароковъ.

Вы не признаете за собой красоты? Нѣтъ, вы красавица. Для меня, гдѣ талантъ, тамъ и красота! Я всю жизнь поклонялся красотѣ и буду ей поклоняться до могилы... За вашу красоту! (*пьетъ и ставитъ бокалъ*). Теперь позвольте мнѣ на прощанье поцѣловать вашу руку! (*Становится на колѣни передъ Нѣгиной и цѣлуетъ ея руку*).

Нѣгина (*сквозь слезы*).

Встаньте, Мартынъ Прокофьичъ, встаньте!

Великатовъ.

Довольно, Мартынъ Прокофьичъ! Вы разстроиваете Александру Николавну!

Нароковъ.

Да: довольно! (*Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ стеклянной двери и останавливается. Въ дверяхъ изъ другой залы появляются оберъ-кондукторъ, прислуга и нѣсколько пассажировъ.*

Не горе и слезы *),
Не тяжкіе сны.
А счастія розы
Тебѣ суждены.
Тѣ розы прекрасны,
То рая цвѣты.
И, вѣрь, не напрасны
Поэта мечты.
Но въ радостяхъ свѣта,
Въ счастливые дни,
Страдальца поэта
И ты вспомяни! (*Отходитъ къ самой двери*).
Судьбою всевластной
Нещадно гонимъ,
Онъ счастливъ, несчастный,
Лишь счастьемъ твоимъ. (*Идетъ къ дверямъ*).

Великатовъ и Нѣгина.

Мартынъ Прокофьичъ, Мартынъ Прокофьичъ!

Нароковъ.

Нѣтъ, довольно, довольно, больше не могу. (*Уходитъ*).

Нѣгина (*знакомъ подзываетъ оберъ-кондуктора*).

Скажите, что пора ѣхать! Прошу васъ.

---

*) Подлинные стихи одного неизвѣстнаго артиста сорокъ-пяхъ годовъ. *Авторъ.*

Оберъ-кондукторъ (*взглянувъ на часы*).

Еще немножко рано, а впрочемъ, какъ вамъ угодно. Господа, не угодно ли въ вагоны садиться?

Домна Пантелевна.

Ахъ, пустите меня впередъ, господа! пустите, а то не поспѣю.

Оберъ-кондукторъ.

Пожалуйте направо, въ послѣдній вагонъ! (*Уходятъ: Домна Пантелевна, за ней оберъ-кондукторъ, Нѣгина, Смѣльская и Великатовъ, за ними Дулебовъ и Бакинъ. Нѣгина скоро возвращается*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Мелузовъ, Нѣгина, потомъ Великатовъ и оберъ-кондукторъ.

Нѣгина.

Ну, Петя, прощай! судьба моя рѣшена.

Мелузовъ.

Какъ? Что? Что ты?

Нѣгина.

Я не твоя, мой милый! Нельзя, Петя.

Мелузовъ.

Чья-же ты?

Нѣгина.

Ну, что тебѣ знать! Все равно тебѣ. Такъ надо, Петя. Я долго думала, мы объ съ маменькой думали... Ты хорошій человѣкъ, очень хорошій! Все, что ты говорилъ, правда, все это правда; а нельзя... Ужь сколько я плакала, сколько себя бранила... Ты этого не понимаешь. Вотъ видишь ты; ужь всегда такъ, ужь такъ заведено, ужь вѣдь... ну... всѣ такъ; что-жь, вдругъ я одна... это даже смѣшно?

Мелузовъ.

Смѣшно? Неужели смѣшно.

Нѣгина.

Да конечно. Все правда, все правда, что ты говорилъ, такъ

и надо жить всѣмъ, такъ и надо... А если талантъ... если у меня впереди слава? Что-жь мнѣ, отказаться, а? А потомъ жалѣть, убиваться всю жизнь... Если я родилась актрисой?..

Мелузовъ.

Что ты, что ты, Саша! развѣ талантъ и развратъ нераздѣльны?

Нѣгина.

Да нѣтъ, не развратъ! Ахъ, какой ты (*Плачетъ*). Ты ничего не понимаешь... и не хочешь меня понять. Вѣдь я актриса; а вѣдь, по твоему, нужно быть мнѣ героиней какой-то. Да развѣ всякая женщина можетъ быть героиней? Я актриса... Еслибъ я и вышла за тебя замужъ, я бы скоро бросила тебя и ушла на сцену, хотя за маленькое жалованье, да только-бъ на сценѣ быть. Развѣ я могу безъ театра жить?

Мелузовъ.

Это для меня новость, Саша.

Нѣгина.

Новость! Потому и новость, что ты до сихъ поръ души моей не зналъ. Ты думалъ, что я могу быть героиней; а я не могу... да и не хочу. Что-жь мнѣ быть укоромъ для другихъ? Вы, молъ, вотъ какія, а я вотъ какая... честная!.. Да другая, можетъ быть, и не виновата совсѣмъ; мало-ль какія обстоятельства, ты самъ посуди: или родные... или тамъ обманомъ какимъ... А я буду укорять? Да сохрани меня Господи!

Мелузовъ.

Саша, Саша, да развѣ честная жизнь укоръ для другихъ? Честная жизнь—хорошій примѣръ для подражанія.

Нѣгина.

Ну, вотъ видишь ты; значитъ, я глупа, значитъ, ничего не понимаю... А мы съ маменькой такъ разсудили... мы поплакали, да и разсудили... А ты хочешь, чтобъ я была героиней. Нѣтъ, ужь мнѣ куда-же бороться... Какія мои силы! А все, что ты говорилъ, правда. Я никогда тебя не забуду.

Мелузовъ.

Не забудешь? И за то спасибо!

Нѣгина.

Это были лучшіе дни въ моей жизни, ужь у меня больше такихъ не будетъ. Прощай, милый!

Мелузовъ.

Прощай, Саша!

Нѣгина.

Я какъ сбиралась, все плакала о тебѣ. На вотъ! (*Достаетъ изъ дорожной сумки волосы, завернутые въ бумажку*). Я у себя отрѣзала полкосы для тебя. Возьми на память!

Мелузовъ (*кладетъ въ карманъ*).

Благодарю, Саша.

Нѣгина.

Если хочешь, я еще отрѣжу, хоть сейчасъ. (*Достаетъ изъ сумки ножницы*). На, отрѣжь самъ!

Мелузовъ.

Не надо, не надо. (*Великатовъ отворяетъ дверь*).

Великатовъ.

Александра Николавна, пожалуйте! Сейчасъ послѣдній звонокъ.

Нѣгина.

Сейчасъ, сейчасъ! Уйдите! (*Великатовъ уходитъ*). Ну, прощай! только ты не сердись на меня! Не брани меня! Ну, прости меня! А то мнѣ тяжело будетъ, у меня никакой радости не будетъ. Прости меня! Я на колѣняхъ буду умолять тебя.

Мелузовъ.

Не надо, не надо. Живи какъ хочешь, какъ умѣешь! Я одного только желаю, чтобъ ты была счастлива. Только сумѣй быть счастлива, Саша! Ты обо мнѣ и объ моихъ словахъ забудь; а хоть какъ-нибудь, ужь по своему, сумѣй найти себѣ счастье. Вотъ и все, и вопросъ жизни рѣшенъ для тебя.

Нѣгина.

Такъ ты не сердишься? Ну вотъ и хорошо... ахъ, хорошо!

Только послушай, Петя. Если ты будешь нуждаться, напиши!

Мелузовъ.

Что ты, Саша!

Нѣгина.

Нѣтъ, пожалуйста, не откажись. Я, какъ сестра... я, какъ сестра, Петя. Ну, доставь ты мнѣ эту радость!.. Какъ сестра... Чѣмъ-же я тебѣ за все добро твое?.. (*Входитъ оберъ-кондукторъ*).

Оберъ-кондукторъ.

Я за вами пришелъ. Пожалуйте садиться; сейчасъ поѣздъ отходитъ!

Нѣгина (*бросается на шею Мелузову*).

Прощай, Петя! Прощай, милый, голубчикъ! (*Вырывается изъ объятій и бѣжитъ къ двери*). Напиши, Петя, напиши! (*Уходитъ; за ней оберъ-кондукторъ, Мелузовъ смотритъ въ растворенную дверь. Звонокъ: Слышенъ свистъ кондуктора, потомъ свистъ машины, поѣздъ трогается. Изъ другой залы выходятъ Трагикъ и Вася*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Мелузовъ, Трагикъ и Вася.

Трагикъ.

Что ты сказалъ? она уѣхала?

Вася.

Да, братъ, уѣхала наша Александра Николавна. Прощай! Только и видѣли.

Трагикъ.

Ну, что-жь; мы съ тобой будемъ плакать въ одну урну и заочно пожелаемъ ей счастливаго пути. (*Входятъ: Смѣльская, Дулебовъ и Бакинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Мелузовъ, Трагикъ, Вася, Смѣльская, Дулебовъ и Бакинъ.

Бакинъ (*хохочетъ*).

Это безподобно! Я ему кричу: «выходите, а то васъ уве-

зутъ»! А онъ говоритъ: «пусть увезутъ, я нисколько не обижусь. До свиданья, господа»! Безподобно! Значитъ, онъ ихъ повезъ въ свою усадьбу?

Смѣльская.

Это очень замѣтно было; я сейчасъ догадалась. Развѣ Нѣгина можетъ ѣхать въ семейномъ вагонѣ? Изъ какихъ доходовъ? Ей съ маменькой мѣсто въ третьемъ классѣ, прижавшись въ уголку.

Бакинъ.

Такъ зачѣмъ-же онъ вретъ, что провожаетъ?

Смѣльская.

Чтобъ избѣжать разговоровъ; скажи онъ, что ѣдетъ вмѣстѣ съ ними, сейчасъ-бы пошли насмѣшки, остроты; да вы первые-бы начали. А онъ стыдится, что-ли, или, просто, не любитъ такихъ разговоровъ, я ужь не знаю. Онъ сдѣлалъ очень умно.

Дулебовъ.

Я вамъ говорилъ, что онъ человѣкъ умный.

Бакинъ.

А мы-то желаемъ счастливаго пути госпожѣ Нѣгиной! Да чего ужь счастливѣе. Ну, еслибъ я зналъ это, я бы отъ души пожелалъ Великатову голову сломать. А вѣдь бываетъ-же, князь, что иногда стрѣлочникъ пьянъ напьется... Вотъ теперь встрѣчный поѣздъ проходитъ, вдругъ на разъѣздѣ трахъ! (*Мелузовъ бросается къ двери*). Что вы, куда вы? Спасать? Не поспѣете. Да и не бойтесь! Такіе люди, какъ Великатовъ, не погибаютъ, они невредимо и огонь, и воду проходятъ. (*Мелузовъ останавливается*). Побесѣдуемте, молодой человѣкъ! Или вы, можетъ быть, застрѣлиться торопитесь? Такъ я вамъ не помѣшаю, стрѣляйтесь, стрѣляйтесь! Вѣдь студенты при всякихъ неудачахъ стрѣляются.

Мелузовъ.

Нѣтъ, я не застрѣлюсь.

Бакинъ.

Пистолета не на что купить? Такъ я вамъ куплю на свой счетъ.

Мелузовъ.

Покупайте для себя.

Бакинъ.

Что же вы теперь, за какое дѣло приметесь? Опять учить?

Мелузовъ.

Да. Что-же больше дѣлать? Это наше занятіе, наша обязанность.

Бакинъ.

И опять актрису?

Мелузовъ.

Хоть-бы и актрису.

Бакинъ.

И опять влюбитесь, опять мечтать будете, женихомъ себя считать?

Мелузовъ.

Смѣйтесь надо мной, я не сержусь, я этого заслуживаю. Я васъ обезоружу, я самъ вмѣстѣ съ вами буду смѣяться надъ собой. Вѣдь смѣшно, дѣйствительно, смѣшно. Бѣднякъ, на трудовыя деньги, выучился трудится: ну, и трудись! А онъ вздумалъ любить! Нѣтъ, этой роскоши намъ не полагается.

Смѣльская.

Ахъ, какой милый! (*Посылаетъ рукой поцѣлуй*).

Мелузовъ.

У насъ, у горемыкъ, у тружениковъ есть свои радости, которыхъ вы не знаете, которыя вамъ недоступны. Дружескія бесѣды за стаканомъ чаю, за бутылкой пива о книжкахъ, которыхъ вы не читаете, о движеніи науки, которой вы не знаете, объ успѣхахъ цивилизаціи, которыми вы не интересуетесь. Что-жь намъ еще! А я вторгся, такъ сказать, въ чужое владѣніе, въ область безпечальнаго пребыванія, беззаботнаго время прохожденія, въ сферу красивыхъ веселыхъ женщинъ, въ сферу шампанскаго, букетовъ, дорогихъ подарковъ. Ну, какъ-же не смѣшно! Конечно, смѣшно.

Смѣльская.

Ахъ, какой онъ милый!

Бакинъ.

Вы не обидчивы; а я думалъ, что вы меня на дуэль вызовете.

Мелузовъ.

Дуэль? Зачѣмъ? У насъ съ вами и такъ дуэль, постоянный поединокъ, непрерывная борьба. Я просвѣщаю, а вы развращаете.

Трагикъ.

Благородно! (*Васѣ*). Спрашивай шампанскаго!

Мелузовъ.

Вотъ и давайте бѣситься: вы свое дѣло дѣлайте, а я буду свое. И посмотримъ, кто скорѣе устанетъ. Вы скорѣе бросите свое занятіе; въ легкомыслiи немного привлекательнаго; придете въ солидный возрастъ, совѣсть зазритъ. Бываютъ, конечно, и такія счастливыя натуры, что до глубокой старости сохраняютъ способность, съ удивительною легкостью перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ; но это исключенія. Я же свое дѣло буду дѣлать до конца. А если я перестану учить, перестану вѣрить въ возможность улучшать людей, или малодушно погружусь въ бездѣйствіе и махну рукой на все, тогда покупайте мнѣ пистолетъ, спасибо скажу. (*Надвигаетъ тляпу и закутывается пледомъ*).

Вася.

Шампанскаго!

Трагикъ.

Полдюжины!

А. Островскій.

6-го декабря 1881 г.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ X ТОМА.

	Стр.
Безприданница	7
Сердце не камень	127
Невольницы	223
Таланты и поклонники	229

PG
3337
08
1885
t.9-10

Ostrovskiĭ, Aleksandr Nikolaevich
Polnoe sobranie sochinenii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY